

ИСТОРИЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 1-я.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ МАРКОВЪ.

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.
Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.
1886.

ИСТОРИЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 1-я.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ МАРКОВЪ.

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.

Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.

1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 Января 1886 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Вступленіе. Происхожденіе конницы. Историческія свѣденія и преданія о распространеніи лошади. Породы и племена лошадей. Употребленіе лошади въ упряжь и подъ верхъ. Краткія свѣденія о конницѣ въ древнѣйшихъ государствахъ. Употребленіе верблюдовъ и военныхъ колесницъ. Раздѣленіе исторіи конницы на періоды	1
Глава 1-я. Относительная малочисленность конницы въ составѣ греческихъ милщій (Спарты и Аѳинъ). Раздѣленіе кавалеріи на тяжеловооруженныхъ и лучниковъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Свѣденія объ уходѣ за лошадыю, объ обученіи верховой ѣздѣ и предварительной подготовкѣ конницы. Олимпійскія игры. Фила—тактическая единица. Образъ дѣйствія конницы въ бою	17
Глава 2-я. Понятіе о тактикѣ греческихъ войскъ. Войны съ персами указываютъ на важность кавалеріи въ составѣ армій. Сраженіе при Платеѣ. Наемныя войска. Фессалійская и еракійская конницы. Эпаминондъ. Сраженія при Левктрахъ и Мантинееѣ. Заключеніе о грекахъ.	37
Глава 3-я. Македонія. Кавалерія при Филиппѣ и Александрѣ. Гетеры. Легкая конница. Димахосы. Числительность, организація и строй конницы. Воспитаніе всадниковъ. Заботы Филиппа объ улучшеніи породы лошадей. Свѣденія о ремонтированіи македонской конницы. Снаряженіе. Употребленіе кавалеріи въ бою въ войнахъ Александра Македонскаго. Сраженія при Граникѣ и Гавгамеллахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.	51
Глава 4-я. Теоретическій писатель Ксенофонтъ. Его трактатъ о кавалеріи	73
Глава 5-я. Римляне. Главный родъ оружія въ составѣ римскихъ армій пѣхота. Сословіе всадниковъ. Наборъ кавалеріи. Содержаніе. Смотры цензоровъ. Союзная конница. Снаряженіе и вооруженіе первой римской кавалеріи. Турма—тактическая единица. Мѣсто кавалеріи въ боевомъ порядкѣ арміи. Замѣчаніе о первоначальной римской конницѣ	79
Глава 6-я. Кавалерія Аннибала. Иберійцы (испанцы). Галлы. Легкая конница нумидійская и тарентинцы. Искусство Аннибала пользоваться кавалеріею въ бою. Бой при Тессино. Сраженія при Требіи и Каннахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.	93
Глава 7-я. Вліяніе пуническихъ и греческихъ войнъ на увеличеніе конницы въ составѣ римскихъ армій. Введеніе предохранительнаго вооруженія и закривленной сабли. Снаряженіе кавалеріи. Свѣденія о ковкѣ и ремонтированіи. Обученіе римской конницы.	108
Глава 8-я. Тактика римской кавалеріи во времена Сципіона. Строй легіона по манипуламъ и когортамъ даетъ кавалеріи возможность оказывать болѣе существенную поддержку пѣхотѣ. Сраженія при Илингѣ и Замѣ.	121

IV.

Глава 9-я. Кавалерія Юлія Цезаря—галлы и германцы. Тактическое устройство. Мѣсто конницы въ боевомъ порядкѣ арміи и способъ употребленія. Сраженія при Фарсалѣ и Русинѣ. 130

Глава 10-я. Охранительная и развѣдывательная служба римской кавалеріи. Употребленіе ея на театрѣ дѣйствій. Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря. Свѣденія о пареянской конницѣ 141

Глава 11-я. Кавалерія въ періодъ упадка римскаго военнаго искусства. Многочисленность ея въ составѣ армій. Паденіе Рима подъ ударами варваровъ. Аттила. Его кавалерія. Сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ 149

Глава 12-я. Заключение о кавалеріи древнихъ народовъ. Замѣчанія относительно вооруженія и снаряженія. Назначеніе тяжеловооруженной конницы и легкой. Ударъ или шокъ. Значеніе конницы въ зависимости отъ тактики пѣхоты и талантливости начальниковъ. Конница на театрѣ дѣйствій. 170

Древніе источники 177
Источники и пособія новыхъ писателей 178

ВСТУПЛЕНІЕ.

Происхождение кавалеріи. Историческія свѣдѣнія и преданія о распространеніи лошади. Породы лошадей. Описаніе различныхъ племенъ. Употребленіе лошади въ упряжь и подъ верхъ. Краткія свѣдѣнія о кавалеріи въ древнѣйшихъ государствахъ. Употребленіе верблюдовъ и военныхъ колесницъ. Раздѣленіе исторіи кавалеріи на періоды.

Главное оружіе кавалеріи есть конь. Безъ коня нѣтъ кавалеріи. Поэтому, говоря о происхожденіи кавалеріи, невольно приходится коснуться прежде всего о первоначальной родинѣ и распространеніи лошади на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе, что происхожденіе кавалеріи или употребленіе коня въ товариществѣ съ человѣкомъ для боя идетъ параллельно распространенію лошади.

Дарвинъ и другіе ученые первоначальной родиной коня считаютъ Туркестанъ. „Обращаясь къ первоначальной родинѣ коня, степямъ средней Азіи“, пишетъ Викторъ Генъ ¹⁾, „мы встрѣчаемъ замѣчательный фактъ: чѣмъ больше какая нибудь страна удалена отъ этого центра, тѣмъ позднѣе является въ ней конь въ товариществѣ съ человѣкомъ, тѣмъ позднѣе въ ней знакомятся съ коневодствомъ“.

На берегахъ Тигра и Евфрата на стѣнахъ откапываемыхъ дворцовъ мы находимъ изображенія колесницъ съ богатою упряжью. Полагаютъ, что отсюда употребленіе колесницъ перешло въ прочія страны на западъ и юго-западъ. Въ равнинахъ Месопотаміи колесницы употреблялись для быстрого наступленія и отступленія стрѣлковъ и устраивались для помѣщенія двухъ человѣкъ. Но рядомъ съ изображеніемъ колесницъ, между скульптурными работами Ниневіи встрѣчаются и изображенія всадника съ лукомъ и стрѣлами, а около него пѣхотинецъ, держащаго ему лошадь. Этотъ пѣхотинецъ во время передвиженій садился на крупъ, а передъ непріателемъ соскакивалъ и держалъ лошадь, чтобы освободить стрѣлку руки для употребленія оружія.

Нѣтъ сомнѣнія, что переѣзды верхомъ предшествовали употребленію колесницъ. Впрочемъ, кажется, бой на колесницахъ былъ преимуществомъ особъ знатныхъ. Цари ассирійскіе и вавилонскіе никогда не являлись иначе какъ въ колесницахъ, которыя запрягались парюю въ дышло. При боевыхъ же колесницахъ имѣлась третья, а иногда и четвертая лошадь для замѣны убитой въ бою.

Типы лошадей, изображенныхъ на ассирійскихъ памятникахъ, свидѣлствуютъ о происхожденіи ихъ изъ Ирана.

Геродотъ пишетъ, что царь вавилонскій содержалъ конскій заводъ, въ которомъ было 16,000 кобылъ и 800 жеребцовъ ²⁾.

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere. стр. 27.

²⁾ Ежедневникъ для охотниковъ до лошадей 1823 г. Часть 1-я, книжка III, стр. 184.

У Израильтянъ, несмотря на воинственность этого народа, первоначально лошадей не было. Въ книгахъ Моисея упоминается о лошадяхъ сосѣднихъ народовъ. Закономъ Моисеевымъ коневодство у евреевъ было запрещено, вѣроятно, чтобы искоренить склонность этого народа къ странствующему образу жизни. Давидъ приказалъ однажды заколоть 7000 лошадей, взятыхъ у сиріянъ и оставилъ только 100 для своихъ тѣлохранителей. Но въ арміи Соломона было уже 10000 всадниковъ.

Лошадь у евреевъ употреблялась только для боевыхъ цѣлей. Всѣ домашнія работы исполнялись осломъ. ¹⁾ Типъ лошади иранскій.

Въ Египтѣ только со вступленія на престолъ 18-й династїи находятъ на памятникахъ и папирусахъ упоминанія о лошадяхъ и колесницахъ. Вѣроятно, египтяне во время мирныхъ и военныхъ сношеній съ Сирією познакомились съ употребленіемъ лошади. Финчи ²⁾ говоритъ, что самое названіе коня у египтянъ *htar* перешло къ нимъ отъ ассирійскаго *satra*, въ которомъ древнѣйшее *s* замѣнено *h*.

У египтянъ конь такъ-же, какъ и у евреевъ, предназначался для боя. Употребленіе его для домашнихъ и полевыхъ работъ было неизвѣстно. Въ подтвержденіе этого Генъ ³⁾ приводитъ мифологическое преданіе, въ которомъ Горъ говоритъ Озирису, что „левъ пригоденъ нуждающемуся въ помощи, а конь служитъ для того, чтобы расзѣять и уничтожить бѣгущаго врага.“

Аравитяне, жившіе къ югу отъ евреевъ, первоначально не знали лошади. Геродотъ говоритъ, что въ арміи Ксеркса аравитяне сидѣли на верблюдахъ, которые не уступали лошадямъ въ быстротѣ. Эѳіопы же и абиссинцы снабдили его своею конницею.

Даже въ битвѣ при Магнезїи (190 г. до Р. Х.), по свидѣтельству Ливїа, аравитяне были на верблюдахъ. „Въ песчаныхъ степяхъ Аравїи верблюдъ былъ болѣе удобенъ: онъ быстръ, переносилъ жажду, питался скудными растеніями степи и могъ нести на себѣ палатку, продукты, женъ и дѣтей кочующаго аравитянина“. Публий Вегецїй, перечисляя породы лошадей, умалчиваетъ о лошадяхъ Аравїи, говоря, что лошадь Африки самая быстрѣйшая и происходитъ отъ испанскихъ лошадей.

Только во второй половинѣ четвертаго столѣтія Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ о быстрыхъ коняхъ Аравїи.

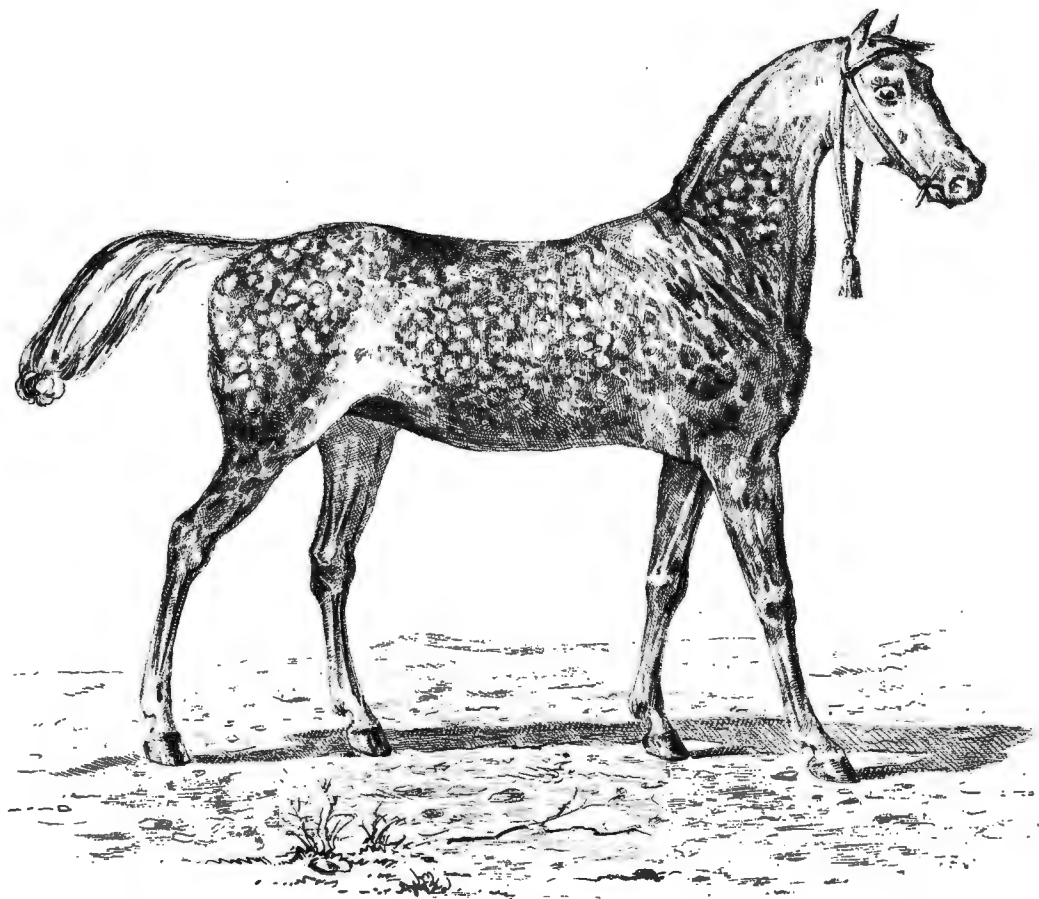
Переходя къ Индіи, мы, видимо удаляемся отъ центра распространенія лошади. Въ Индіи лошади рѣдки, некрасивы и несильны. Ихъ всегда приводили съ сѣвера, и еще въ древности было замѣчено, что лошади здѣсь выраждаются.

¹⁾ Hehn, стр. 29 и 30.

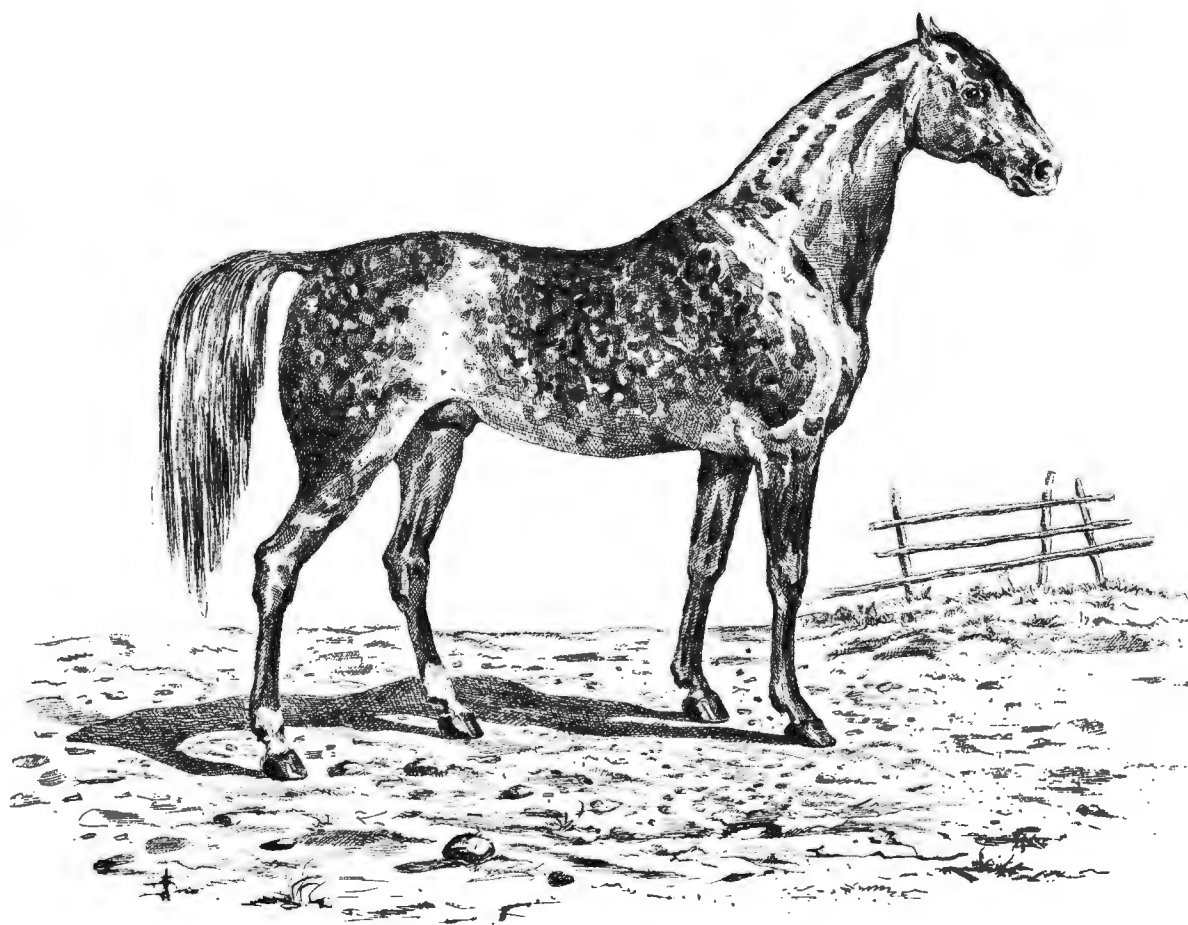
²⁾ *Ricerche per lo studio dell antichita assira.*

³⁾ Стр. 27.

СНИМОКЪ СЪ ПЕРСИДСКОЙ КОБЫЛЫ,
подаренной принцу регенту Англїи персидскимъ шахомъ заимств. у Рутенберга.

ВАРВАРСКАЯ ЛОШАДЬ. (Рутенб.).

Во время войны Персіи съ Греціей въ Индіи, по свидѣтельству Геродота, была конница и военныя колесницы.

На каждую колесницу или слона въ Индіи полагалось по закону три всадника и пять пѣхотинцевъ ¹⁾.

Все, приведенное относительно первоначальнаго употребленія лошади, наводитъ на то, что въ упомянутыхъ государствахъ лошадь появилась изъ Ирана и смежныхъ сѣверныхъ странъ.

„Молодой Киръ, говоритъ Ксенофонтъ, ²⁾ „всякій разъ бывалъ въ восхищеніи, когда при дворѣ дѣда ему преподавали уроки верховой ѣзды“. У него на родинѣ не вошло еще въ обычай садиться верхомъ, даже рѣдко можно было видѣть коня. Когда впослѣдствіи, поднявъ оружіе на мидянъ, Киръ сильно терпѣлъ отъ ихъ конницы, то сталъ совѣтовать и своимъ заводить лошадей; самъ сталъ заботиться объ улучшеніи и размноженіи лошадей, и вскорѣ персы до того полюбили ихъ, что законъ называлъ безчестными тѣхъ, которые имѣли лошадей и являлись пѣшкомъ. Съ тѣхъ поръ верховая ѣзда сдѣлалась любимѣйшимъ и почитаемымъ занятіемъ персидской молодежи. Геродотъ пишетъ, ³⁾ что мальчики у персовъ съ пяти до двадцатилѣтняго возраста учились ѣздить верхомъ, укрощать дикихъ лошадей, управлять ими, дѣлать повороты и вольты, переходя отъ большихъ вольтовъ къ малымъ, и биться на коняхъ. Каждый знатный персъ никогда не являлся, иначе какъ на конѣ.

На гробницѣ Дарія, по свидѣтельству Страбона, была надпись, что царь былъ не только вѣрный другъ, но и лучшій наѣздникъ, стрѣлокъ и охотникъ.

Вегецій говоритъ, что персидскія лошади пользовались особенною славой, благодаря ихъ вѣрности, неутомимости и движеніямъ, пріятнымъ для всадника. Онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляли важную доходную статью тѣмъ, кто умѣлъ вести хорошую породу. Съ гордыми, пріятными движеніями они соединяли кротость и покорность. Поэтому ѣзда на нихъ не только не была трудна или утомительна, а истиннымъ удовольствіемъ. При этомъ Вегецій прибавляетъ, что лошади персидскія имѣли большой сборъ и „мордою доставали до груди“ ⁴⁾.

Все персидскія военныя учрежденія, по свидѣтельству Страбона, ихъ любовь къ стрѣльбѣ изъ луковъ, верховой ѣздѣ и роскошъ, которою окружали себя цари, перешли къ персамъ отъ мидянъ.

„Мидія отличается превосходствомъ своихъ людей и лошадей. Послѣднимъ

¹⁾ Lassen. Indische Alterthum's Kunde.

²⁾ Киропедія.

³⁾ Lib. I.

⁴⁾ Die Geschichte des Reiters, Berenger. стр. 25.

она опередила всю Азію“. „Оттого“, говоритъ Полибій, „и царскіе (персидскіе) конные заводы переведены туда“.

„Мидія и Арменія чрезвычайно богаты лошадьми. Есть тамъ страна луговъ Гипсботонъ (Hippoboton), черезъ которую должны проходить путешественники, отправляющіеся изъ Вавилона и Персиды къ Каспійскимъ воротамъ. Во времена персовъ на ней паслось до пятидесяти тысячъ матокъ, принадлежавшихъ царю“¹⁾.

Геродотъ раньше всѣхъ упоминаетъ о породѣ низейскихъ лошадей. По свидѣтельству новѣйшихъ открытій, слово или названіе „Низея“ встрѣчалось въ мѣстностяхъ Ирана²⁾. Низейскія лошади по типу схожи съ лошадьми сопредѣльныхъ къ Ирану мѣстностей Турана или нынѣшняго Туркестана, а это была страна, изъ которой кочующія племена дѣлали постоянно свои вторженія и набѣги на осѣдлыя государства тогдашняго міра.

Здѣсь въ равнинахъ до Танаиса или Яксарта (оба названія иранскія) т. е., Дона и Сыръ-Дарьи, странствовали кочующія племена, на легкихъ быстрыхъ коняхъ пробѣгая все пространство къ сѣверу отъ Каспійскаго и Чернаго морей и доходя въ Европѣ до Борисфена и Истра (Днѣпра и Дуная).

Это были: парѣяне, массагеты, даки, хоразмійцы, сарматы, скиѣны и другіе, извѣстные у персовъ подъ общимъ названіемъ саковъ.

Народы эти были неразлучны съ своими конями. Быстрота, съ которою они пробѣгали громадныя разстоянія, ихъ ловкость во владѣніи конемъ и стрѣльба изъ луковъ описывались неоднократно древними писателями съ большею или меньшею подробностью³⁾.

Скиѣны, жившіе въ нынѣшней южной Россіи до Дуная, владѣли табунами хорошихъ лошадей. Филиппъ, отецъ Александра Македонскаго во время похода своего отнялъ у нихъ 20000 матокъ хорошей породы и отправилъ въ Македонію для улучшенія породы своихъ лошадей⁴⁾.

Плиній говоритъ, что скиѣны для ѣзды отдавали преимущество кобыламъ. Ихъ считали они выносливѣе; а Страбонъ пишетъ, что они холостили жеребцовъ, чтобы сдѣлать ихъ послушными.

Сарматы были превосходными наѣздниками и вели большое коневодство. Во время войны они имѣли особое вооруженіе, которымъ закрывали себя и коня. Павзаній, описывая предохранительное вооруженіе сарматовъ, говоритъ, что оно дѣлалось изъ костей, такъ какъ въ ихъ странахъ не было желѣза⁵⁾.

¹⁾ Страбонъ, Victor Hehn, стр. 34.

²⁾ Victor Hehn, стр. 36.

³⁾ Iust. 41. 3.

⁴⁾ Iustin, 9. 2. 6.

⁵⁾ Berenger, стр. 33.

Сегины, кочевавшіе къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и къ востоку отъ ски-
фовъ владѣли лошадьми, напоминавшими по типу дикаго тарпана. Онѣ были покрыты
длинными волосами (до 5 дюймовъ), имѣли тупую морду и были такъ малы, что не
могли нести всадника. Поэтому ихъ запрягали въ колесницы, которыя онѣ во-
зили очень быстро ¹⁾).

Сегины не турецкое племя, имъ приписываютъ мидійское происхожденіе, судя
по обычаямъ и нарядамъ ихъ; но лошади ихъ или остались въ первобытномъ со-
стояніи, или переродились къ худшему, тогда какъ сакскія наѣздничьи племена
улучшили породу своихъ лошадей, благодаря благопріятнымъ климатическимъ усло-
віямъ и богатой растительности мидійскихъ степей.

Теперь обратимся къ Греціи, Риму и народамъ западной Европы.

Мифологія Грековъ говоритъ, что Нептунъ и Минерва спорили между собою,
кто изъ нихъ дастъ высшій даръ Греціи. Велѣдствіе этого Нептунъ далъ лошадь,
а Минерва оливковое дерево. Основываясь на этомъ, предполагаютъ, что лошадь
въ Грецію привезена моремъ изъ Азіи или Африки, по всей вѣроятности, финикія-
нами. Геродотъ полагаетъ, что запрягать лошадей въ колесницы научили грековъ
египтяне ²⁾, а верхомъ ѣздить финикіяне. Отсюда видно, что лошади Греціи были
азіятскаго происхожденія.

Жертвоприношенія лошадей указываютъ на то, что обычай этотъ, сохраняв-
шійся въ Греціи весьма долго, перенять изъ Ирана. Персы приносили бѣлыхъ
лошадей въ жертву рѣкамъ ³⁾. Трояне и Аргивяне приносили ежегодно четвер-
ку бѣлыхъ лошадей въ жертву солнцу, бросая ихъ въ море. Илирійцы такую же
жертву солнцу приносили каждый девятый годъ ⁴⁾).

Греція и сопредѣльные съ ней народы дѣлались богатыми лошадьми по мѣрѣ
распространенія просвѣщенія. Замѣчательнѣйшія племена лошадей, на которыхъ
ѣздили греки, были каппадокское и ѳессалійское. Каппадокія, какъ извѣстно, была
область Малой Азіи, лежавшая къ западу отъ Арменіи. Древніе воспѣвали каппа-
докскихъ лошадей въ стихахъ и прозѣ, а о ѳессалійскихъ утверждали, что онѣ
были превосходнѣйшими изъ лошадей Греціи подобно тому, какъ спартанки пре-
лестнѣйшими въ ней женщинами. Но, когда Ксерксъ прибылъ въ ѳессалію, онъ
произвелъ состязаніе между лошадьми ѳессалійскими и иранскими, приведенными
имъ: ѳессалійскія оказались несравненно ниже иранскихъ.

Далмація пріобрѣла лошадей изъ Азіи и Африки восточной породы т. е., про-
исшедшихъ отъ иранскихъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Herodot. , 9. Strab. 11, 11, 8.

²⁾ У Геродота Ливійцы. Мельпомена.

³⁾ Ксерксъ. Herodot. 7, 113.

⁴⁾ Fest v. October equus, Fest v. Hippius.

Въ Эпидаврѣ, въ провинціи Арголидѣ, основанъ былъ конный заводъ, лошадей котораго очень любили римляне.

У римлянъ искусство ѣздить верхомъ проявилось весьма рано, сравнительно съ основаніемъ государства. Первый же царь Ромуль сформировалъ отрядъ изъ 300 всадниковъ. Въ объясненіе этого не слѣдуетъ забывать, что народы Лапіума произошли родомъ изъ Тессаліи, гдѣ искусство ѣздить верхомъ существовало давно.

Въ Италиі своихъ лошадей первоначально не было. Поллуксъ говоритъ ¹⁾, что римляне приобрѣтали своихъ лошадей въ провинціяхъ, т. е., въ странахъ покоренныхъ внѣ Италиі. Особенно любили они лошадей изъ Агригента, Эпидавра (въ провинціи Арголидѣ ²⁾), Каппадокіи, лошадей элейскихъ, изъ Низеи, Сарматіи и Фракіи.

Акрагасъ или Агригентъ, городъ древней Сициліи, былъ у римлянъ рынкомъ хорошихъ лошадей. Сюда доставлялись финикіянами, греками и другими лошадьми изъ Азіи и Африки.

Римляне также имѣли обыкновение приносить въ жертву или посвящать богамъ лошадей. Передъ переходомъ черезъ Рубиконъ Юлій Цезарь посвятилъ этой рѣкѣ значительное количество лошадей, оставивъ ихъ на окрестныхъ пастбищахъ.

Но еще болѣе чѣмъ Агригентъ, какъ рынокъ прекрасныхъ лошадей, славился городъ Кальпъ (Calpe) въ южной Испаніи, при Гибралтарскомъ проливѣ. „Рождавшіяся тамъ лошади“, сказано въ Ежедневникѣ (стр. 189), „почитались у древнихъ самыми прекрасными“, а, по свидѣтельству древнихъ писателей, получили свое начало отъ земель, лежащихъ на берегу Африки, противоположномъ Испаніи. Онѣ „по качествамъ своимъ, удивительное имѣютъ сходство съ варварійскими, только съ нѣкоторою въ нихъ перемѣною, происходящею отъ климата и, вѣроятно отъ смѣшенія съ лошадьми европейскихъ породъ“. „Вегецій говоритъ, что онѣ происходятъ отъ варварійскихъ“; но онъ-же говоритъ, что африканская лошадь произошла отъ испанскихъ лошадей. Финикіяне, основавшіе Карфагенъ и снабжавшіе лошадьми Грецію и другія страны, въ которыхъ имѣли колоніи и торговлю, вѣроятно, перевезли лошадь въ Карфагенъ и въ Испанію. О коневодствѣ въ Карфагенѣ мы не имѣемъ свѣдѣній, но, надо полагать, оттуда лошадь распространилась въ Нумидію и Мавританію, а о нумидійской лошади Титъ Ливій пишетъ, что она была не велика, но чрезвычайно быстра и поворотлива. Такъ какъ Испанія была завоевана Карфагеномъ, то весьма натурально, что карфагенскія лошади попали въ Испанію, а испанскія черезъ карфагенянъ въ Африку.

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. произошло великое переселеніе народовъ. Въ Испанію пришли вандалы, аланы и вестготы; многіе изъ нихъ были конные и занесли съ

¹⁾ Поллуксъ. О недостаткахъ лошадей: Lib. I, cap. I. De militia equestri antiqua et nova. Hugo.

²⁾ Въ Пелопонесѣ.

собою туркменскихъ и татарскихъ лошадей, которыя должны были сообщить испанскимъ лошадямъ горбоносая головы. Въ 700 году по Р. Х. аравитяне въ числѣ 75 тысячъ всадниковъ прошли черезъ всю сѣверную Африку въ Марокко и оттуда въ Испанію и основали въ этихъ странахъ свою монархію Мавровъ.

Такимъ образомъ арабская лошадь явилась въ Мавританіи и Испаніи.

Лошадей славянъ, литовцевъ и германцевъ производятъ отъ иранскихъ. Тацитъ говоритъ особенно о славянахъ, что они не были конниками, какъ сарматы, хотя отъ послѣднихъ многое переняли, и что главная сила ихъ заключалась въ пѣхотѣ. Поэтому онъ и старается славянъ причислить къ германцамъ. Когда-же славяне, вытѣснивъ германцевъ, приблизились къ Одеру и Эльбѣ, то историки среднихъ вѣковъ находятъ у нихъ обычай живо напоминающіе обычай Ирана въ отношеніи къ почестямъ, воздаваемымъ коню. „Свѣтовиту, богу свѣта, посвящается бѣлый конь; Триглаву, богу зла—вороной, который никогда не ѣздился, между тѣмъ, какъ на бѣлаго коня иногда садился священнослужитель; конь служитъ предзнаменованіемъ счастья и несчастья ¹⁾. Но считая родоначальниками славянъ скиѳовъ, приходится несогласиться съ Тацитомъ. Скиѳы искони вѣковъ были конники. На своихъ быстрыхъ коняхъ они проходили весь міръ, служили въ арміяхъ персовъ и грековъ задолго до Р. Х., посѣтили Аравію и описаны греческими и арабскими историками какъ народъ конный. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что славяне заимствовали и лучшихъ лошадей и нѣкоторые обычаи изъ Ирана.

Литовцы, по свидѣтельству древнихъ писателей, пили кобылье молоко. Обычай этотъ не былъ извѣстенъ германцамъ. „У эстовъ“, говоритъ Вульфстонъ ²⁾, „было такъ много меду, что король и богатые предоставляли пить его бѣднымъ, а сами пили кобылье молоко“. „У пруссовъ, какъ и у иранцевъ, кобыль держали большими стадами; а когда была надобность, ихъ сгоняли вмѣстѣ, окружали и доили ³⁾.

Изъ приведенныхъ отрывковъ историковъ и древнихъ писателей можно усмотрѣть, что дѣйствительно конь, появившись въ Иранѣ, началъ распространяться во всѣ стороны: на югъ въ Ассирію и Вавилонію, на западъ и юго-западъ въ Сирію и Египетъ, на востокъ въ Индію, затѣмъ черезъ Сирію въ Грецію, а оттуда въ Италію; въ юго-восточной Европѣ очень можетъ быть онъ явился и другимъ путемъ черезъ Кавказъ и черезъ промежутокъ морей Каспійскаго и Аральскаго; а оттуда на сѣверъ и западъ Европы.

Во всякомъ случаѣ явственно замѣтно распространеніе лошади отъ одного центра, изъ Ирана и сопредѣльнаго Турана. Но первоначально и мидійскій конь произошелъ изъ Турана. Тамъ степные бродячіе народы укротили коня, приручили,

¹⁾ Hehn, стр. 46.

²⁾ Antiquités russes II p. 469.

³⁾ Scriptores rerum pruss. 1 p. 64. Hehn. стр. 47.

стали употреблять его для своихъ нуждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для войны. Вообще принято считать первыми укротителями лошадей скиѣское племя скелотовъ. Иранскіе народы переняли искусство укрощать коней отъ жителей Турана, а затѣмъ это искусство начало распространяться по всему свѣту. Но въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, и Туранъ красоту и кровность своихъ коней много заимствовалъ впоследствии изъ Ирана. „Жители города Балка“, пишетъ Бахметьевъ ¹⁾, родоначальникомъ своихъ лошадей считаютъ Ракма, коня Рустема, персидскаго героя, что ясно указываетъ на ихъ персидское происхожденіе. Кромѣ того, великіе воители Средней Азіи обращали большое вниманіе на улучшеніе конскихъ породъ этихъ странъ.

Исторія говоритъ, что Тамерланъ, покоривъ Китай, Индію, Персію и Турцію, вывелъ отсюду лучшихъ лошадей въ Самаркандъ и сосѣдній съ нимъ родной его городъ Шехриязбъ. Народное преданіе въ свою очередь приписываетъ великому Надиру насажденіе превосходныхъ конскихъ породъ въ земляхъ, лежащихъ между Индіею и отдаленнѣйшими предѣлами Персіи.

Въ то время какъ сначала въ азіатскихъ государствахъ древняго міра, потомъ въ Греціи и Римѣ, лошадь сдѣлалась совершенно домашнимъ животнымъ, въ отдаленныхъ странахъ на западѣ и сѣверѣ Европы ее находятъ долго еще въ дикомъ видѣ.

Очень вѣроятно, что конь въ его дикомъ первобытномъ видѣ пробѣгалъ обширныя степи, переходилъ Карпаты и распространялся все далѣе и далѣе, пока берега Океана не клали предѣла этому распространенію. Такъ Варронъ ²⁾ и Страбонъ ³⁾ говорятъ о дикихъ лошадяхъ Испаніи. Страбонъ же ⁴⁾ и Плиній ⁵⁾ упоминаютъ о дикихъ лошадяхъ Альповъ и странъ къ сѣверу отъ Альпъ.

Папа Григорій III въ 732 году писалъ Святому Бонифацію ⁶⁾: „ты позволилъ инымъ ѣсть мясо дикихъ лошадей, а усмиранныхъ лошадей почти всѣмъ. Отнынѣ, святѣйшій братъ, не разрѣшай этого ни въ какомъ случаѣ“ ⁷⁾. Галльскіе монахи еще около 1000 г. по Р. Х. ѣли конину.

Въ Вогезахъ въ концѣ XVI столѣтія водились дикія лошади, которыя укрощались съ большимъ трудомъ, но не уступали лучшимъ испанскимъ и турецкимъ лошадямъ. Лошади эти легко переносили холодъ и дурной недостаточный кормъ и были чрезвычайно вѣрны на ногахъ ⁸⁾.

¹⁾ Журналъ коннозаводства 1870 г. № 11 стр. 37 и 38.

²⁾ Varro de r. r. 2, 1, 5.

³⁾ Strabo. 3, 4, 15.

⁴⁾ 4. 6. 10.

⁵⁾ Plinius. 8. 39.

⁶⁾ Bonifac. 28.

⁷⁾ Mittheilungen der antiquar. Gesellsch, in Zurich. III, 2, Seit 99.

⁸⁾ Gerard. L'ancienne Alzace à table. Colmar 1862. pag. 123.

Въ Пруссіи, по увѣренію Гена (стр. 25), во времена реформации и даже въ болѣе позднѣйшія времена, лѣса были наполнены дикими лошадьми; а въ Польшѣ и Литвѣ до конца XVII столѣтія на лошадей охотились.

Относительно Россіи приведемъ слова Владиміра Мономаха (1113—1125), написанныя имъ въ завѣщаніи сыновьямъ и сохраняемыя въ, такъ называемой, Лаврентьевской лѣтописи. Владиміръ пишетъ: „въ Черниговѣ я поймалъ и связалъ собственноручно отъ 10 до 20 дикихъ коней живыми; а когда я шелъ конно по рѣчкѣ Россѣ, то собственноручно ловилъ такихъ-же коней“.

Гмелинъ пишетъ, ¹⁾ что еще въ первой половинѣ 18 столѣтія онъ видѣлъ въ Воронежской губерніи дикихъ лошадей, которыя, судя по его описанію, напоминаютъ лошадей, описываемыхъ Геродотомъ у сегиновъ: очень маленькія съ толстою головою, очень длинною шерстью и совсѣмъ не годныя къ верховой ѣздѣ. Обратимъ вниманіе на то, что по описанію Геродота сегины кочевали къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и къ востоку отъ скиѳовъ, а скиѳы въ нынѣшнихъ губерніяхъ, Кіевской, Подольской, Таврической, Херсонской, отчасти Екатеринославской, въ Молдавіи, Буковинѣ и отчасти Галиціи ²⁾. Слѣдовательно нынѣшняя Воронежская губернія и сопредѣльныя земли, можетъ быть, и входили въ черту кочевьевъ племени сегиновъ; а можетъ быть и то, что въ Воронежскую губернію дикія лошади забѣгали съ востока.

Настоящія дикія лошади, которыхъ и теперь встрѣчаютъ въ средней Азіи, и которыхъ описываетъ нашъ путешественникъ Пржевальскій, не годятся въ службу человѣку. Потерявъ свободу, такая лошадь больше года не выдерживаетъ. Поэтому дикихъ лошадей описанныхъ странъ, которыхъ удалось приручить, надо считать или происшедшими отъ дикихъ и прирученныхъ съ малолѣтства или одичавшими.

Очень можетъ быть послѣ истребленія народовъ, какъ это неоднократно находимъ мы въ исторіи прошедшихъ временъ, лошади имъ принадлежавшія разбѣжались въ лѣса и степи и мало по малу одичали.

И такъ черезъ посредство ли человѣка или въ дикомъ видѣ лошадь распространилась по всему земному шару и, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій тѣхъ странъ, въ которыхъ въ концѣ концовъ пришлось различнымъ группамъ этого животнаго остановиться для жилья, они акклиматизировались, получили извѣстные типы по наружному виду, и отъ тѣхъ работъ, которыя въ службѣ человѣку пришлось нести, пріобрѣли разнообразное развитіе и способности.

Замѣчательно, что лошади, получившія происхожденіе и развитіе въ степныхъ, сухихъ и горныхъ странахъ, обладаютъ легкостью и особенною способностью къ службѣ подъ верхъ. Лошади же, обитающія на низменныхъ почвахъ, при обиліи

¹⁾ Руководство къ познанію лошади Рутенберга стр. 53.

²⁾ Смотри о скиѳахъ, глава 11.

сочныхъ травъ наоборотъ приобрѣтаютъ массивность склада, большой ростъ и оказываются болѣе пригодными къ возкѣ тяжестей.

Наши гиппологи ¹⁾ всѣхъ лошадей земнаго шара раздѣляютъ на четыре главныя породы: восточную, сѣверную, западную и южную. Но въ каждой изъ этихъ породъ человѣкъ своими заботами о правильномъ скрещиваніи и воспитаніи вывелъ нѣсколько племенъ съ болѣшими или меньшими достоинствами или пригодностью къ службѣ ли подъ верхъ, возкѣ ли экипажей или большихъ тяжестей.

Къ Восточной породѣ причисляютъ лошадей арабскихъ, варварійскихъ, персидскихъ, турецкихъ, частью туркменскихъ и прочихъ, обитающихъ въ южной и средней Азійи и Африкѣ. Порода эта самая обильная лошадьми верховаго сорта.

Къ Сѣверной породѣ причисляются племена татарское, русское, польское, степное и финское. Татарское, польское и степное племена суть лошади верховаго сорта; русское на половину, а финское все состоитъ изъ лошадей упряжныхъ.

Лошади Западной породы отличаются большимъ ростомъ, тучнымъ сложеніемъ, но они не такъ выносливы, какъ предыдущія. Сюда принадлежатъ: испанское, неаполитанское и мекленбургское племена верховаго сорта; англійское на половину, французское, фризское или голландское, голштинское и датское племена по преимуществу возовыя и упряжныя.

Къ Южной породѣ причисляютъ лошадей Америки, на половину верховыхъ, на половину упряжныхъ.

Перечисливъ вкратцѣ породы и племена лошадей, мы впослѣдствіи, при описаніи устройства конницы различныхъ народовъ, постараемся коснуться подробнѣе коневодства и типовъ лошадей, которыми, по всей вѣроятности, приходилось упоминаемымъ народамъ пользоваться.

Теперь является вопросъ, что старше приспособленіе коня къ запряжкѣ или подъ верхъ? Лукрецій ²⁾ полагаетъ, что ѣзда верхомъ и управление уздою старше ѣзды въ колесницѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что первобытныя колесницы или телѣги значительно отличались отъ боевыхъ металлическихъ колесницъ ассиріянъ. Употребленіе скота для перевозки тяжестей подало, вѣроятно, мысль примѣнить къ этому дѣлу усмиренаго коня. Но для самаго усмиренаго, нѣтъ сомнѣнія, что пришлось вскочить на спину животнаго, обхватить руками и ногами, скакать до изнеможенія и привести коня такимъ образомъ къ покорности: однимъ словомъ сдѣлать то, что и теперь дѣлаютъ степняки для приведенія коня въ покорность воли человека. Конь всегда предназначался для боя. Главное достоинство его заключается въ быстротѣ, и только всадникъ могъ напасть на мысль запретъ коня для удобнѣйшаго достиженія извѣстныхъ цѣлей.

¹⁾ Рутенбергъ. стр. 7.

²⁾ Lucretius 5, 1297. Victor Heh. стр. 52.

Исторія конницы М. Маркова.

СКИФЪ IV ВѢКА ДО Р. Х.

Источники: Прохоровъ, Hottenroth, кн. Голлицынъ и др.

Тамъ, гдѣ первая родина коня, впервые явилась и кавалерія, какъ родъ оружія. Съ незапамятныхъ временъ изъ странъ средней Азіи разныя кочующія племена отъ времени до времени появлялись на границахъ первобытныхъ государствъ и дѣлали опустошительные набѣги. Одни шли по южную сторону Каспійскаго моря, другіе по сѣверную. Массы народовъ одни за другими и подъ разными именами выходили съ перерывами до XIII столѣтія. Такъ первоначально появлялись скиѣны, массагеты, паряне, сарматы подъ общимъ у персовъ именемъ саковъ; въ послѣдующія времена гунны, аланы, авары, венгры, турки и монголы. Всѣ эти народы двигались громадными полчищами, составленными изъ всадниковъ, съ малолѣтства, такъ сказать, сросшихся съ своими легкими конями, привычныхъ къ дѣйствию оружіемъ и жившихъ войною. По этимъ причинамъ, разъ во главѣ этихъ народовъ появлялись талантливые предводители, они шли на сосѣднія страны, какъ ураганъ все истребляющій или порабащующій.

Чтобы оградить свои границы отъ частыхъ набѣговъ этихъ естественно возникшихъ кавалерій, древнія государства стали заводить собственные конницы или нанимать союзниковъ между кочующими народами. Такимъ образомъ явилась конница въ арміяхъ Нина, Семирамиды, Сезостриса и другихъ древнѣйшихъ завоевателей. У евреевъ, какъ мы уже говорили, при царѣ Соломонѣ было 10000 всадниковъ. Въ арміи лидійскаго царя Креза кавалерія составляла шестую часть всѣхъ войскъ.

Армія Кира, царя персидскаго, первоначально состояла изъ одной пѣхоты, но мало по малу онъ устроилъ конницу и, постепенно увеличивая ее, довелъ до 120000 всадниковъ.

Мы уже говорили, какъ этотъ царь заставилъ персовъ полюбить коня и заботился о коневодствѣ, которое, благодаря этому, пришло въ древней Персіи въ цвѣтущее состояніе. Когда еще арабскія лошади не были извѣстны, персидскія почитались въ продолженіе многихъ столѣтій благороднѣйшими и прекраснѣйшими. Цари и полководцы предпочитали этихъ лошадей всѣмъ прочимъ. Геродотъ, Ксенофонтъ, Страбонъ и др. упоминаютъ о нихъ, какъ о лучшихъ лошадяхъ. Александръ Македонскій ѣздилъ преимущественно на персидскихъ лошадяхъ.

И только, когда Персія покорена была аравитянами, около половины XII столѣтія, узнали арабскихъ лошадей и отдали имъ преимущество.

Лучшую часть конницы древнихъ персовъ составлялъ отрядъ безсмертныхъ, сформированный изъ знатныхъ персовъ. Они составляли тяжеловооруженную кавалерію, которую греки называли „клибаріи или катафракты“. Всадники были покрыты чешуйчатымъ панцыремъ, составленнымъ изъ множества кусковъ листового, желѣза и имѣли желѣзные-же остроконечныя каски или шлемы. Лобъ и грудь лошади, а иногда и бедра также прикрывали особыми щитиками и панцы-

рями ¹⁾. „Въ персидскихъ войскахъ“, говоритъ Баумгертнеръ, „были катафракты, которые, благодаря своему вооруженію, не могли быть ранены, но легко попадались въ плѣнъ“.

Но, кромѣ этой кавалеріи, въ рядахъ персидскихъ войскъ было множество легкихъ всадниковъ всевозможныхъ націй, которые сами по себѣ были превосходными наѣздниками, но служили по найму и могли быть хорошимъ войскомъ подъ желѣзною рукою Кира.

Заемствуемъ описаніе персидскаго войска у Зедделера ²⁾, который говоритъ: „что касается до вооруженія, строя и вообще военнаго искусства восточныхъ народовъ, то все это частью мало извѣстно, частью-же не заслуживаетъ любопытства. Хотя Ксенофонтъ въ своей Киропедіи и превозноситъ похвалами устройство войскъ персидскихъ въ царствованіе Кира, но это нельзя принять за достовѣрное свидѣтельство потому, что состояніе персидскихъ войскъ при первыхъ Кировыхъ преемникахъ явно тому противорѣчитъ. Изъ описанія Ксерксовой арміи въ лѣтописи Геродота видно, что она была несмѣтное, но разнообразное и не воинственное сборище полудикихъ, рабскихъ народовъ, ополчившихся по гласу повелителя. Въ числѣ ихъ находились ассирійцы, покрытые латами и вооруженные окованными дубинами; саки и скиѣы, вооруженные сѣкирами; индійцы, носившіе широкую одежду изъ бумажныхъ тканей и дѣйствовавшіе камышевыми дротиками; каспійцы въ шубахъ; эіюпы, обвѣшанные львиными и барсовыми кожами и испещрявшіе тѣло свое бѣлою и красною краскою; египтяне съ огромными щитами и длинными копьями; персы въ пестрыхъ узкихъ одеждахъ, на подобіе кафтановъ, и острыхъ шапкахъ, вооруженные легкими копьями, стрѣлами и длинными кинжалами, и такъ далѣе.

Всѣ эти полчища раздѣлялись на десятки, сотни и тысячи; десять тысячъ отборной персидской конницы и такое-же число пѣхоты составляли корпусъ царскихъ тѣлохранителей, прозванныхъ безсмертными.

Приступая къ бою, восточныя арміи располагались обыкновенно по народамъ въ одну или болѣе линій и въ видѣ полумѣсяца. Пѣхота стояла въ центрѣ, а конница на крыльяхъ; та и другая составляли огромныя массы, имѣвшія иногда до ста человѣкъ въ глубину для того, чтобы недостатокъ въ устройствѣ и мужествѣ замѣнить непроницаемостью строя и силою натиска; впереди фронта находились военныя колесницы и слоны.

Ксенофонтъ говоритъ, что Киръ имѣлъ въ арміи своей родъ конницы, въ которой всадники ѣздили на верблюдахъ и такимъ образомъ, что на каждомъ верблюдѣ было по два ратника, сидѣвшихъ одинъ къ другому спиною. Они дѣйство-

¹⁾ Berenger стр. 33. Klaudius Aelian von Schlachtordnungen. Aus d. Griechischen vom Baumgaertner 1779 стр. 58.

²⁾ Исторія военнаго искусства Ч. I стр. 24.

История конницы М. Маркова.

ПЕРСЬ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННЫЙ.

Источники: Hottenroth, Berenger, Baumgaertner и др.

вали стрѣлами, копьями и длинными мечами. По словамъ Ксенофонта, неожиданное появленіе этой конницы при Тимврѣ привело въ разстройство превосходную кавалерію Креза и тѣмъ рѣшило сраженіе.

Считаемо не лишнимъ упомянуть о военныхъ колесницахъ, такъ какъ употребленіе ихъ съ цѣлью прорыва непріятельскаго фронта, т. е., удара или шока, значительно предшествовало подобному способу дѣйствія кавалеріи.

Главные части колесницы суть слѣдующія: два колеса, ось, дышло и верхъ (коробъ) колесницы. Колеса при поперечникѣ въ 2 или 2½ фута имѣли 4 или 8 деревянныхъ спиць; деревянный ободъ обитъ былъ металлическою шиною; ступица дѣлалась изъ металла и надѣвалась на желѣзную ось.

Къ этой подставкѣ съ помощью ремней прикрѣплялся коробъ, состоявшій изъ деревяннаго дна, передней и боковыхъ стѣнокъ. Сзади стѣнки не было, и, такъ какъ коробъ возвышался на 1¼ и 1½ фута, то боецъ и возница могли легко входить въ него. Передняя стѣнка вышиною около двухъ футовъ прикрывала человѣка выше колѣнъ. Какъ передняя стѣнка, такъ и боковыя къ тыльной части колесницы понижались до 1½ футовъ. Деревянные, а иногда металлическія дужки у передней стѣны служили для укрѣпленія вожжей во время отдыха.

Къ оси прикрѣплялось дышло съ гвоздемъ или кольцомъ для утвержденія на переднемъ концѣ ярма. Ярмо состояло изъ прямой средней части и двухъ боковыхъ, согнутыхъ въ видѣ хомутовъ.

Чтобы задержать лошадей, ярмо привязывали ремнями къ дышлу, потомъ подводили лошадей и ставили ихъ подъ ярмо, концы которыхъ завязывали ремнями. Лошади везли за дышло, такъ какъ нагрудные ремни и построжки первоначально не были еще въ употребленіи.

На верхней части ярма находились кольца, черезъ которыя пропускались вожжи, прикрѣпляемые къ концамъ удиль.

Описанная запряжка указываетъ на то, что колесницы перевозились не менѣ какъ парой лошадей; но иногда третья запасная лошадь привязывалась къ одной изъ запряженныхъ ¹⁾).

Мы описали здѣсь греческую колесницу первыхъ временъ, употреблявшуюся для быстрой перевозки стрѣлковъ. Впослѣдствіи какъ колесницы, такъ и упряжь были много усовершенствованы. Колесницы стали запрягать четверкою, и римляне устраивали на нихъ великолѣпныя ристалища въ циркахъ и триумфы.

Восточные народы, кромѣ перевозки стрѣлковъ и знатныхъ особъ, употребляли колесницы для атаки непріятельскихъ войскъ. Персы къ своимъ колесницамъ, предназначаемымъ для этихъ цѣлей, придѣлывали косы и пускали ихъ въ атаку во всю скачь лошадей. Кавалерія въ тѣ времена еще подобнаго употребленія не

¹⁾ Rüstof und Köchly стр. 31.

знала, и впоследствии введенный способ поражения неприятеля, такъ называемый шокъ, ведетъ свое начало отъ удара или налета колесницъ.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ распространеніемъ лошади и происхожденіемъ первобытныхъ кавалерій, насколько даютъ понятіе о нихъ скудныя свѣденія до насъ дошедшія, перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства кавалерій тѣхъ народовъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣденія болѣе достовѣрныя, и военное искусство которыхъ имѣло вліяніе на послѣдующія поколѣнія рода человеческого. Къ таковымъ прежде всего надо отнести грековъ и римлянъ.

Для удобства разсмотрѣнія и изложенія исторіи кавалеріи необходимо раздѣлить ее на періоды, въ зависимости отъ значенія этого рода оружія въ составѣ арміи въ различныя времена:

Первый періодъ. Греческія и римскія арміи. Сюда войдетъ описаніе устройства кавалеріи у грековъ, македонянъ, карфагенянъ и римлянъ; употребленіе кавалеріи знаменитѣйшими полководцами, Александромъ Македонскимъ, Аннибаломъ, Сципіономъ и Юліемъ Цезаремъ. Обзорѣніе устройства кавалеріи народовъ, служившихъ въ римскихъ арміяхъ и воевавшихъ съ римлянами.

Періодъ второй. Отъ паденія Западной Римской Имперіи до изобрѣтенія и введенія огнестрѣльнаго оружія. Сюда войдутъ: устройство и дѣйствія кавалеріи въ эпоху развитія феодальной системы, рыцарство, конница восточныхъ народовъ: новоперсовъ, мадьяръ, аравитянъ, турокъ, славянъ и монголовъ; упадокъ феодализма и введеніе регулярныхъ войскъ.

Періодъ третій. Отъ вооруженія кавалеріи огнестрѣльнымъ оружіемъ до Фридриха Великаго.—Увлеченіе огнестрѣльнымъ боемъ, значеніе Густава Адольфа, русское казачество; употребленіе кавалеріи во время войнъ: Итальянскихъ, Тридцатилѣтней, Нидерландскихъ и Сѣверной; Карлъ XII, Петръ Великій и Морицъ Саксонскій.

Періодъ четвертый. Отъ Фридриха Великаго до введенія нарѣзнаго оружія.—Реформы Фридриха. Устройство и образъ дѣйствій кавалеріи европейскихъ государствъ во время Фридриха. Румянцевъ и Суворовъ. Дѣйствія русской кавалеріи. Перпендикулярная тактика. Наполеонъ. Употребленіе кавалеріи въ его время на поляхъ сраженій и на театрѣ войны. Русская, прусская, австрійская, англійская и польская кавалерія во время войнъ Наполеоновскихъ, Турецкой, Польской и Венгерской.

Періодъ пятый. Отъ введенія нарѣзнаго оружія до нашего времени.—Вліяніе нарѣзнаго оружія на понятіе о значеніи кавалеріи, выяснившееся въ войнахъ послѣдняго времени. Употребленіе конницы на поляхъ сраженій и на театрѣ дѣйствій со времени введенія нарѣзнаго оружія.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

Греческія и римскія арміи.

Глава 1-я.

Относительная малочисленность кавалеріи въ составѣ греческихъ милицій (Спарты и Аѳинъ). Раздѣленіе кавалеріи на тяжеловооруженныхъ и лучниковъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Свѣденія объ уходѣ за лошадыю, объ обученіи верховой ѣздѣ и предварительной подготовкѣ конницы. Олимпійскія игры. Фила—тактическая единица. Образъ дѣйствія кавалеріи.

Судя по пѣснямъ Гомера, можно думать, что верховая ѣзда была извѣстна въ Греціи задолго до Троянской войны и не только изучалась весьма старательно, но пользовалась большимъ почетомъ. Въ 15-й пѣснѣ Илиады Гомеръ говоритъ ¹⁾.

„Словно какъ мужъ, ѣздокъ на коняхъ необычно искусный,
Лучшихъ изъ множества коней избравъ четырехъ и связавъ ихъ,
Править, и съ поля далекаго къ граду великому гонить
Битой дорогой; толпою и мужи и робкія жены
Смотрять дивуясь; а онъ безпрестанно, и твердо и вѣрно
Скачетъ, сядя съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ“.

Для этого недостаточно ловкости наѣздника, нужна ловкость акробата и тонкая выѣздка лошадей. Но, не смотря на знакомство грековъ съ верховою ѣздою, во время Троянской войны употребленія конницы мы не встрѣчаемъ. Лошадей для боя употребляли не иначе, какъ запрягая ихъ въ колесницы.

Но и послѣ Троянской войны употребленіе лошади подъ верхъ на войнѣ было крайне ограничено до самыхъ Персидскихъ войнъ. Причиною этого были: первоначальная бѣдность греческихъ государствъ, недостатокъ въ лошадяхъ, а отчасти и гористое положеніе. До Персидскихъ войнъ греки внѣшнихъ военныхъ экспедицій, за исключеніемъ Троянской войны, почти не предпринимали; въ междоусобныхъ же войнахъ вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ особенной необходимости въ значительной кавалеріи и не могло обнаружиться. Вотъ почему кавалерія въ этотъ періодъ очень малочисленна ²⁾ и, какъ кажется, греки не вполне сознавали возможность сражаться на конѣ; всадники же ихъ исполняли, по всей вѣроятности, обязанности ординарцевъ, или употреблялись для передовой службы.

До сраженія при Платеѣ нѣтъ сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній о конницѣ спартанцевъ. Всѣ спартанцы, имѣвшіе право гражданства, т. е., потомки гераклидовъ были гоплиты (тяжеловооруженные пѣхотинцы), предпочитая пѣшую службу конной; даже всадники (гиппеусъ) или рыцари, какъ называетъ ихъ Рюстовъ ³⁾, составлявшіе въ числѣ около 300 конвой царей, принадлежали къ гоплитамъ. Цари ѣздили обыкновенно въ колесницахъ. Сопровождать колесницы

¹⁾ Илиада, переводъ Гнѣдича. Часть II, стр. 101.

²⁾ У аѳинянъ напр. 96, а впоследствии 300 всадниковъ.

³⁾ Geschichte des Griechischen Kriegswesens Rüstof und Köchly, стр. 38—40.

пѣшкомъ трудно; кромѣ того, всадники исполняли военно-полицейскія обязанности. По всей вѣроятности они же употреблялись и для сторожевой службы и, какъ ординарцы, для передачи приказаній.

Всадники формировались слѣдующимъ образомъ. Изъ числа молодыхъ гоппитовъ, заслужившихъ своею храбростію честь состоять въ конвоѣ царя, эфоры назначали трехъ гишагретовъ. Каждый гишагреть избиралъ себѣ 100 сверстниковъ, объявляя всенародно, почему онъ одного беретъ, а другаго оставляетъ. Самое названіе гишагреть показываетъ, что они были конные: гишпосъ значитъ лошадь. Впослѣдствіи всадники стали называться скиритами, согласно названію той области, гдѣ преимущественно спартанцы разводили своихъ лошадей и изъ жителей которой, какъ болѣе привычныхъ къ лошадямъ, стали формировать свою конницу.

Спартанское войско состояло изъ пяти моръ, по числу народныхъ поколѣній, тяжелооруженной пѣхоты. Каждая мора состояла, смотря по обстоятельствамъ, изъ 600 до 1000 гоппитовъ. Положено было на эти пять моръ выставять шестую мору конную изъ скиритовъ подъ начальствомъ гишпармоста.

Первоначально тактической единицею былъ уламосъ (ulamos) въ 50 всадниковъ.

Впрочемъ конница спартанцевъ всегда была плоха. Богатые обязаны были только имѣть лошадь, сбрую и оружіе для всадника, но имѣли право въ конницѣ не служить. А такъ какъ они предпочитали вообще пѣшую службу конной, то на этихъ лошадяхъ начали сажать людей слабыхъ и негодныхъ служить въ гоппитахъ, и посылали ихъ въ дѣло часто безъ предварительной подготовки. Только съ 418 года до Р. Х. спартанцы улучшили свою конницу, составивъ ее преимущественно изъ наемниковъ.

Извѣстный французскій академикъ и антикварій Ларшеръ ¹⁾ утверждаетъ, что до Солона въ Аѣинахъ не имѣли понятія о конницѣ, да и современникъ Ларшера Бартелеми придерживается того же мнѣнія. Замѣчаніе Ларшера, что почва Аттики неблагопріятствовала коневодству, не вполне вѣрно, потому что не только существуютъ богатыя долины на сѣверѣ, но и Мараѳонская долина была вполне пригодна для этой цѣли.

Въ Аѣинахъ существовали особыя общества Поссейдонъ—гишпосъ и Колоносъ—гишпосъ, названія которыхъ показываютъ на ихъ прямое отношеніе къ лошади.

Эврипидъ придаетъ Тезею въ сраженіи съ віотійцами конницу. Поллуксъ повѣствуетъ, что по старинному обычаю каждая навкрарія ²⁾ выставяла одинъ корабль и двухъ всадниковъ. Изъ исторіи Геродота (V. 71) извѣстно, что навкра-

¹⁾ К. Ф. Германъ. Disputatio de equitibus Atticis. Sur l'ordre équestre de Grèce.

²⁾ Извѣстная часть гражданъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

рій—существовали до Солона. Все это подтверждает, что конница существовала въ Аѳинахъ раньше Солона.

Владѣніе лошадьми было особеннымъ отличіемъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей—всадниковъ, которые послѣ паденія царей въ Аѳинахъ захватили въ свои руки правленіе. Велѣдствіе этого слово рыцарь—всадникъ—гишпеусъ утрачиваетъ мало по малу свое прежнее значеніе и употребляется для означенія званія и достоинства.

Солонъ, желая по возможности слить аѳинское общество въ одно цѣлое, раздѣлилъ все населеніе на классы по имуществу. Къ 1-му классу ¹⁾, пентакозіомедимнамъ, онъ причислилъ богатѣйшихъ людей всѣхъ сословій, желая этимъ открыть дорогу къ высшимъ должностямъ даже людямъ низкаго происхожденія, если они сѣмѣли приобрѣсти извѣстное состояніе. Остальные три класса распредѣлены были также по величинѣ имущества. Благодаря этому, неравноправность классовъ мало по малу начала исчезать. Но названіе всадниковъ осталось за вторымъ классомъ, къ которому причислялись благородные, соотвѣтствовавшіе древнимъ эпатридамъ, такъ что слово „гишпеусъ“ имѣло двойное значеніе: всадникъ—гражданинъ 2-го класса, и кавалеристъ.

Господствующій народъ Аттики іоняне раздѣлялись первоначально на 4 филы, каждая фила на 3 фратріи, фратрія на 4 навкраріи. Каждая навкрарія ставила двухъ всадниковъ. Солонъ сохранилъ раздѣленіе на филы, а введенное имъ различіе классовъ не произвело перемѣны въ существовавшемъ порядкѣ. Даже послѣ новаго дѣленія, установленнаго Клисѳеномъ ²⁾ (510 лѣтъ до Р. Х.), Аѳиняне, дѣлая наборъ въ кавалерію, слѣдовали старымъ правиламъ. Численность кавалеріи сообразно новому дѣленію увеличилась до 100 всадниковъ.

Военною службою обязаны были три первые класса.

Всѣ богатѣйшіе люди въ силу закона обязаны были держать боевыхъ коней, а избавлялись отъ службы въ конницѣ только неспособные физически или слабые здоровьемъ.

Наборъ людей въ кавалерію былъ дѣломъ гишпарховъ ³⁾. По окончаніи набора архонты дѣлали смотръ, послѣ котораго ни стратеги, ни гишпархи не имѣли права принимать новобранцевъ безъ согласія совѣта; въ самомъ же наборѣ совѣтъ и стратеги участія не принимали.

Гишпархъ былъ лицо избирательное. Ихъ всегда было двое. Избирали ихъ на одинъ годъ изъ числа всѣхъ гражданъ, не стѣсняясь филами. Двоихъ гишпарховъ избирали, вѣроятно, съ цѣлью возбудить соревнованіе въ отношеніи обученія.

¹⁾ Имѣющіе около 150 четвертей дохода.

²⁾ вмѣсто 4 филъ введено было 10, а вмѣсто 48 навкрарій 50.

³⁾ Начальники конницы.

Кромѣ того, Рюстовъ и Кѣхли ¹⁾ говорятъ: „если войско Аттики вступало въ бой безъ союзниковъ, то конница стояла на флангахъ; а потому и избирали двухъ гиппарховъ: каждый командовалъ крыломъ, наибольшею тактическою единицею, состоящею изъ пяти филь“.

Надъ всадниками гиппархи имѣли ту же власть, какую стратеги надъ пѣхотою, и, какъ въ вѣденіи стратеговъ состояли таксіархи (капитаны), такъ у гиппарховъ были филархи (ротмистры), также избирательные. Но на войнѣ гиппархи подчинялись стратегамъ.

Послѣ осмотра архонтами людей и лошадей ихъ, набранныхъ въ кавалерію, гиппархи приступали къ обученію своихъ частей, какъ въ отношеніи одиночнаго развитія, такъ и различныхъ эволюцій, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, и затѣмъ вторично представляли конницу на смотръ совѣту. Закономъ было постановлено, что только тотъ могъ служить въ конницѣ, кто на испытаніи совѣта былъ найденъ способнымъ. Неспособныхъ всадниковъ совѣтъ имѣлъ право исключить изъ филь и лишить коней. Смотры производились нѣсколько разъ, въ разное время и на разныхъ мѣстахъ. Оцѣнка производилась чисто съ военной точки.

О законномъ срокѣ службы въ кавалеріи намъ ничего достовѣрно не извѣстно, и, хотя наборъ производили ежегодно, но такъ какъ родъ службы требовалъ людей хорошо обученныхъ и такъ какъ упоминается очень часто о старыхъ людяхъ, то надо полагать, что срокъ службы не былъ годичный, и ежегодно возобновлялся только извѣстный процентъ. Ксенофонтъ говоритъ только о пополненіи убыли, происходящей отъ смерти, болѣзней, старости, перехода въ гошлиты и принятія тріерархіи. Странно, что, не смотря на обязательное поступленіе въ конницу людей, выставленныхъ отъ филь и признанныхъ совѣтомъ годными, одни и тѣ же лица служатъ то въ пѣхотѣ, то въ кавалеріи; и за самовольный переходъ изъ одного рода оружія въ другой не карали, а выражали только упрекъ, что сдѣлано это безъ заявленія на смотру ²⁾.

Вслѣдствіе ежегодныхъ наборовъ ежегодные смотры были совершенно въ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе, что и совѣтъ и гиппархи выбирались только на одинъ годъ.

Кавалерія въ Афинахъ имѣла двойное назначеніе: во 1-хъ, военное, во 2-хъ парадное. Въ послѣднемъ конница значительно разнилась съ пѣхотою. Пѣхота собиралась только во время войны, конница всегда держалась въ полной готовности для торжественныхъ парадовъ и приданія блеска празднествамъ, даваемымъ въ честь боговъ. Устройство парадовъ было одною изъ главныхъ обязанностей гиппарховъ. Вотъ почему гиппархи избирались ежегодно, тогда какъ стратеги— только въ случаѣ войны.

¹⁾ Geschichte des Griechischen Kriegswesens von der ältestem Zeit bis auf Pyrrhos. Stuttgart. 1852.

²⁾ Рѣчи Лизіаса противъ Алкивіада.

Все сказанное указывает на конницу какъ на постоянный родъ оружія въ Аѳинахъ, имѣвшій свой штатъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что это было постоянное войско, какъ въ современныхъ государствахъ. Къ нынѣшнимъ войскамъ въ этомъ отношеніи можно скорѣе другихъ приравнять только конныхъ стрѣлковъ (акробаллистовъ), которые состояли преимущественно изъ наемниковъ и, кажется, помѣщались въ казармахъ, а прочіе жили по домамъ. Къ этому надо прибавить, что власть гиппарховъ была очень ограничена. Гиппархъ во всемъ долженъ былъ относиться къ совѣту. Но по законамъ Аттики не было судебного мѣста, которое бы могло самостоятельно рѣшать права и гражданство; такъ что совѣтъ даже за измѣну не могъ постановить приговора, а долженъ былъ представить это суду народа. Сначала это не было ощутительно. Въ цвѣтущее время Греческихъ республикъ войска, въ которыхъ служили лучшіе классы народа, отличались устройствомъ, повиновеніемъ и умѣренностью. Но эти добродѣтели превратились въ противныя имъ пороки, когда греки, обогатившись, начали предаваться роскоши, влѣдствіе которой честолюбіе уступило мѣсто тщеславію и изнѣженности, и мѣры, раціональныя въ началѣ, оказались крайне несостоятельными впоследствии.

По словамъ Ксенофонта, конница стоила государству ежегодно 40 талантовъ (60 т. талеровъ).

Чтобы сколько нибудь уменьшить расходы на кавалерію, всадниковъ, какъ замѣчено, набирали преимущественно изъ богатыхъ людей; но пособіе со стороны государства было необходимо. Всадникъ несъ значительные расходы: онъ долженъ былъ купить и содержать двухъ коней; купить снаряженіе для себя и для коня, которое не могло быть безъ блеску; долженъ былъ участвовать на ученіяхъ, не оставлявшихъ ему времени для его собственныхъ дѣлъ; долженъ былъ содержать конюха, который слѣдовалъ за нимъ во время войны. По этому суточные деньги, которыя онъ получалъ въ размѣрѣ одной драхмы (24 крейцера) въ мирное и двухъ драхмъ въ военное время, составляли весьма незначительную поддержку ¹⁾. Впрочемъ къ этому содержанію должно еще прибавить деньги, отпускаемыя всаднику при поступленіи на службу одновременно на экипировку, но съ условіемъ, возвратить эти деньги въ государственную казну въ случаѣ, если всадникъ раньше закономъ установленнаго времени будетъ исключенъ изъ службы, или оставить ее добровольно. Кажется и это одновременное пособіе было не значительно и входило въ число упомянутыхъ 40 талантовъ.

Вотъ тѣ свѣдѣнія объ аѳинской конницѣ, которыя дошли до насъ въ болѣе

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ источникахъ упоминается о жалованьи всадниковъ. Неизвѣстно, называютъ ли они жалованьемъ упомянутыя суточные, или всадники кромѣ этого получали что нибудь? Ксен. о ком. кав. I. 2.

или менѣе достовѣрныхъ источникахъ. Съ теченіемъ времени не могли не являться измѣненія, но всѣ они не касались первоначальныхъ положеній. Одно только число всадниковъ подвергалось измѣненіямъ: сначала ихъ было, по числу навкрарій 96, а потомъ 100. Этимъ объясняется свидѣтельство Гедорота, что въ сраженіи при Марафонѣ аѣиняне не имѣли конницы. Но уже въ 446 году до Р. Х. ихъ было 300 человекъ ¹⁾, а въ началѣ Пелопонезской войны (432 г. до Р. Х.) по свидѣтельству Филогора число ихъ доходило до 1000. Въ этомъ сходятся Фукидидъ, Аристофанъ и Демосѣенъ; изъ словъ же Ксенофонта можно заключить, что это была нормальная въ его время сила аѣинской конницы. Если же Андо-сидъ и насчитываетъ 1200 всадниковъ, то онъ, вѣроятно впалъ въ ошибку, причисливъ къ конницѣ 200 конныхъ наемниковъ, вооруженныхъ луками. Они составляли отдѣльную часть, комплектовавшуюся скиѣами, или вообще наемниками, а не гражданами.

Конница пользовалась въ Афинахъ особеннымъ почетомъ, такъ что метеки (союзники) не допускались въ кавалерію, хотя имъ дозволялось служить во флотѣ и даже въ гоплитахъ. Не смотря на это, уже во время Ксенофонта было весьма трудно держать конницу въ надлежащемъ числѣ. Это видно отчасти изъ совѣтовъ, даваемыхъ имъ начальнику конницы; отчасти изъ тѣхъ мѣръ, которыя онъ предполагаетъ принимать для привлеченія на службу въ кавалерію; требуя брать даже тѣхъ, которые по закону и не были обязаны служить; наконецъ это выясняется изъ требованія Ксенофонта допустить замѣстителей и наемниковъ въ конницу.

Во всѣхъ прочихъ греческихъ государствахъ устройство кавалеріи было почти одинаково. Различные роды конницы, бывшіе въ употребленіе у грековъ, очень точно описаны Арріаномъ и Эліяномъ.

Конница дѣлилась на тяжеловооруженныхъ и конныхъ лучниковъ или акробалистовъ, но съ разными подраздѣленіями, которыя были вводимы одновременно.

Арріанъ и Эліянь, упоминая о кавалеріи древнихъ народовъ, считаютъ первымъ родомъ кавалеріи катафрактовъ, въ которой какъ всадники, такъ и лошади имѣли предохранительное вооруженіе. Хотя Ксенофонтъ, описывая вооруженіе конницы, какъ будто говоритъ о катафрактахъ, но не слѣдуетъ изъ этого заключать, замѣчаетъ Мезере ²⁾, что греческая кавалерія состояла изъ катафрактовъ, такъ какъ не всѣ совѣты Ксенофонта были примѣнены къ дѣлу. Настоящіе катафракты или клибаріи существовали въ Персіи, какъ объ этомъ было упомянуто, и во времена императоровъ въ западной и восточной римскихъ имперіяхъ. Рюстовъ и Кехли, описывая устройство кавалеріи у грековъ, ни слова не говорятъ о катафрактахъ. Шлоссеръ въ своей исторіи древняго міра говоритъ: „Ѳессалій-

¹⁾ Сраженіе при Платеѣ было 479 г. до Р. Х.

²⁾ Joly de Maizeray. Tableau général de la Cavalerie Grecque pag 69.

ское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло единственную тяжелую кавалерію, которая встрѣчается въ древней Греціи, тогда какъ ихъ вассалы служили въ легковооруженныхъ войскахъ ¹⁾).

Но не надо смѣшивать выраженія „тяжелая кавалерія“ и „тежеловооруженная кавалерія“. Фессалійское дворянство, какъ увидимъ ниже, было тяжело вооружено, но сидѣло на легкихъ лошадяхъ. Въ Греціи въ настоящемъ смыслѣ тяжелой кавалеріи не было. Тяжелая конница есть войско среднихъ вѣковъ, когда рыцари, подыскивая себѣ массивныхъ лошадей и заковывая себя и ихъ въ желѣзо, рассчитывали въ бою подавлять противника громадною массою и тяжестью.

Прочія греческія государства, заимствуя устройство кавалеріи отъ фессалійцевъ и персовъ, отъ катафрактовъ отказались, а ввели у себя облегченную конницу подъ названіемъ дорифоровъ, контофоровъ и лонгофоровъ ²⁾. Названія эти давались, смотря по формѣ и длинѣ копья и способу его употребленія. У лошадей предохранительнаго вооруженія не было; у всадниковъ нѣсколько облегчено: панцырь замѣненъ кирасами, къ каскѣ прибавленъ гребень волосяной или металлическій, и у нѣкоторыхъ, какъ говоритъ Арріанъ, были щиты.

Лонгофоры употребляли копьѣ двоякимъ образомъ: кололи на близкомъ разстояніи и метали. По этому къ концу копья прикрѣплялся ремень, которымъ притягивали копьѣ послѣ метанія. Контофоры употребляли копья такимъ же образомъ; но копья у нихъ были короче, чѣмъ у лонгофоровъ и дорифоровъ. Контофоры были въ большемъ употребленіи у грековъ. Полибій ³⁾ говоритъ, что римская конница была вооружена по образцу греческой. Копье, которое римляне взяли у грековъ было очень прочно и не очень длинно; въ бою его брали около середины или $\frac{2}{3}$ длины древка, и такъ какъ оно было оковано по обоимъ концамъ, то можно было однимъ концомъ колоть, а другимъ бить. Тамъ же онъ прибавляетъ, что римляне оставили свой щитъ, очень маленькій и сдѣланный изъ воловьей кожи и приняли щитъ греческой конницы. Изъ этого можно заключить, что нѣкоторые греческіе облегченные всадники имѣли щиты и копья, сходные съ описаніемъ Полибія.

Легковооруженная кавалерія также имѣла нѣсколько подраздѣленій. Одни были вооружены дротиками, имѣя ихъ по два и по три, и поражали противника съ значительнаго разстоянія; нѣкоторые даже умѣли метать ихъ назадъ по примѣру пареанъ. Другіе, конные лучники, имѣли главнымъ оружіемъ луки и стрѣлы. Вообще всѣхъ всадниковъ, сражавшихся издали называли акробаллистами (акро—вверхъ, и балли—бросаю). Акробаллисты никакого предохранительнаго оружія

¹⁾ Шлоссеръ. Томъ 2, стр. 70.

²⁾ Joly de Maizerau. Tableau général de la Cavalerie.

³⁾ Lib. VI. c. IV.

не имѣли, или иногда носили кожаные безрукавки или кирасы; но кромѣ дротиковъ и луковъ имѣли мечи. Они употреблялись обыкновенно для аванпостной службы и малой войны, начинали сраженіе прежде вступленія въ дѣло главныхъ силъ и преслѣдовали непріятели.

Акробаллисты состояли большею частью изъ наемниковъ и преимущественно изъ скивовъ и еракійцевъ. Между тяжеловооруженными и акробаллистами Мезере помѣщаетъ еще конницу Тарентинскую, которая получила свое названіе отъ способа боя тарентинцевъ, по примѣру которыхъ она была формируема ¹⁾. Тарентинцы изъ предохранительнаго оружія имѣли только щиты, въ отношеніи же метательнаго оружія раздѣлялись на два рода всадниковъ: одни имѣли стрѣлы, другіе дротики и, кромѣ того, у всѣхъ были мечи и сѣкиры. Главное отличіе тарентинцевъ отъ акробаллистовъ состояло въ томъ, что послѣдніе никогда не производили атаки, никогда не сходились въ рукопашную иначе какъ при преслѣдованіи; между тѣмъ какъ тарентинцы употреблялись и для атакъ. Тарентинцы нападенія свои производили обыкновенно, джигитую передъ непріателемъ, бросая въ него копьа и стрѣлы и, выбравъ удобную минуту, бросались на него и рубили сѣкирами. У тарентинцевъ было всегда два копьа. Ксенофонтъ въ статьѣ о ѣздѣ говоритъ, что „вмѣсто копьа слабаго и труднаго для носки онъ предпочитаетъ два хорошихъ дротика, потому что искусный всадникъ, бросивъ одинъ, будетъ имѣть въ запасѣ другой; а чтобы хорошо метать, должно лѣвую часть своего тѣла подавать впередъ, а правую назадъ, поднимаясь при этомъ на ляшкахъ“. По описанію вооруженія греческой конницы Ксенофонтомъ видно, что онъ говоритъ о тяжеловооруженныхъ и, слѣдовательно, совѣтуетъ замѣнить у нихъ копьа дротиками.

Нѣкоторые изъ тарентинскихъ всадниковъ имѣли двухъ лошадей, на которыхъ для сбереженія ихъ они ѣздили по очереди. Титъ Ливій ²⁾ говоритъ, что Набисъ, тиранъ Лакедемонскій, имѣлъ въ своей арміи подобныхъ всадниковъ. Этотъ обычай былъ заимствованъ у гетовъ ³⁾ и сарматовъ; но впрочемъ ему мало придерживались въ Греціи ⁴⁾. Такіе всадники назывались амѣиппой.

Тарентинцы были лучшею и любимѣйшею конницею въ Греціи.

Одежда греческаго ратника состояла въ короткой шерстяной рубахѣ (туникѣ) безъ рукавовъ, носимой подъ латами; въ епанчѣ, надѣваемой на лѣвое плечо и въ сапогахъ со шпорами изъ подошвенной кожи, а въ легкой кавалеріи въ сандаляхъ, привязываемыхъ къ ногамъ ремнями.

¹⁾ Мезере на стр. 68 дѣлаетъ ссылку на Suidas et Hesechius. Элліанъ, сар. XI.

²⁾ Lib XXXV, сар. XXVII.

³⁾ Племя еракійцевъ.

⁴⁾ Amm. Marsellinus, lib XVII, сар. XII.

Относительно рейтузъ нигдѣ не упоминается, на рисункахъ греческіе и римскіе всадники изображаются, съ обнаженными ногами; но на барельефахъ попадаются иногда наклонившіеся всадники, у которыхъ можно замѣтить короткіе штаны, далеко не доходящіе до колѣнъ, и, по всей вѣроятности, дѣлавшіеся изъ кожи.

Однообразная одежда въ строю, именно рубаха и епанча краснаго цвѣта, чтобы кровь текущая изъ ранъ не вдругъ была замѣтна, впервые введена была въ Спартѣ.

Благороднѣйшимъ головнымъ уборомъ считался металлическій шлемъ. Шлемы были весьма разнообразны, въ особенности украшенія—все зависѣло отъ вкуса и состоянія всадника. Главнѣйшія части шлема были: колпакъ, козырекъ, назатыльникъ, защита щекъ, гребень и украшеніе шлема. Колпакъ выковывался по формѣ головы и доходилъ нижнимъ своимъ краемъ до висковъ. Козырекъ, предназначавшійся для защиты лба и лица, имѣлъ самыя различныя формы. Въ самомъ простомъ видѣ онъ придавалъ большую прочность и красоту передней части шлема. Иногда онъ удлинялся для защиты носа и всего лица, и въ этомъ случаѣ для глазъ дѣлались отверстія. Назатыльникъ имѣлъ столь же разнообразныя формы, какъ и козырекъ.

Прикрытія для щекъ или боковые щитики имѣли тоже назначеніе, какъ и наша чешуя, т. е., должны были прикрывать лицо отъ ударовъ, наносимыхъ съ боку. Съ помощью шарнира ихъ можно было поднимать или опускать. Къ нимъ прикрѣплялся кожаный подбородень, который прижималъ щитики къ лицу и удерживалъ шлемъ на головѣ.

Шлемъ подобнаго устройства давалъ полную защиту во все стороны. Но бывали шлемы не полные: безъ назатыльника, безъ щитиковъ, или щитики соединены съ назатыльникомъ (фиг. 7), а козырекъ образуетъ только полоску для защиты носа. Если же полоса прикрывающая носъ, увеличивается до соединенія съ боковыми щитиками, то нижняя часть шлема идетъ безъ промежутковъ вокругъ всей головы и касается наплечниковъ панцыря (фиг. 2). Фиг. 7 представляетъ лучшую форму шлема, потому что не препятствуетъ дыханію и движеніямъ, не уменьшая защиты.

На нѣкоторыхъ шлемахъ вмѣсто козырька, боковыхъ щитиковъ и назатыльника имѣлось только загнутое къ верху кольцо (фиг. 5), вѣроятно ободокъ или утолщеніе нижняго края колпака (фиг. 3 и 4). Забрала, подобнаго существовавшему въ средніе вѣка, мы не встрѣчаемъ ни въ источникахъ, ни въ различныхъ изображеніяхъ. Гребень идетъ обыкновенно сзади на передъ или слѣва на право. При этомъ положеніи онъ придаетъ колпаку большую крѣпость противъ ударовъ, наносимыхъ въ голову. Но гребень назначался главнымъ образомъ для укрѣпленія украшенія (султана), и потому форма его зависѣла отъ формы украшенія.

Всѣ описанныя части шлема дѣлались изъ бронзы и рѣдко изъ другаго металла. Части, прилегавшія къ головѣ или лицу, были подбиты кожей или какою нибудь мягкою матеріею.

Украшеніе шлема дѣлалось обыкновенно изъ конскаго волоса (фиг. 1). Иногда, и даже преимущественно, оно окрашивалось въ красный цвѣтъ. Украшенія изъ перьевъ относятся къ позднѣйшимъ временамъ (фиг. 4.).

Сила сопротивленія шлема была весьма различна: иногда они выдерживали самыя тяжелыя удары, иногда разбивались отъ легкихъ. Всѣ шлема были около 5 фунтовъ ¹⁾.

Панцырь состоялъ изъ бронзовыхъ кирасъ, кожаной юбки и металлическаго пояса.

Кирасы состояли изъ двухъ частей: прикрывающей грудь и задней для спины. Они имѣли длину талии и этимъ отличались отъ римскихъ, которые спереди имѣли удлиненіе для защиты живота. Вверху кирасы соединялись посредствомъ наплечниковъ которые прикрѣплялись къ кольцамъ цѣпками и ремнями; внизу же кирасы скрѣплялись однимъ только поясомъ, или иногда имѣлись боковыя скрѣпы.

Юбка дѣлалась обыкновенно изъ кожи или войлока. Она доходила до колѣнъ. Съ лицевой стороны юбки прикрѣплялись металлическія полоски, не доходившія до краевъ юбки.

Поясъ металлическій имѣлъ двойное назначеніе: прикрывать поясицу, которая при нѣкоторыхъ движеніяхъ могла бы обнажиться изъ подъ кирасъ, и укрѣплять половинки кирасъ.

Всѣ металлическаго панцыря можно предположить въ 8½ килограммовъ (около ½ пуда.).

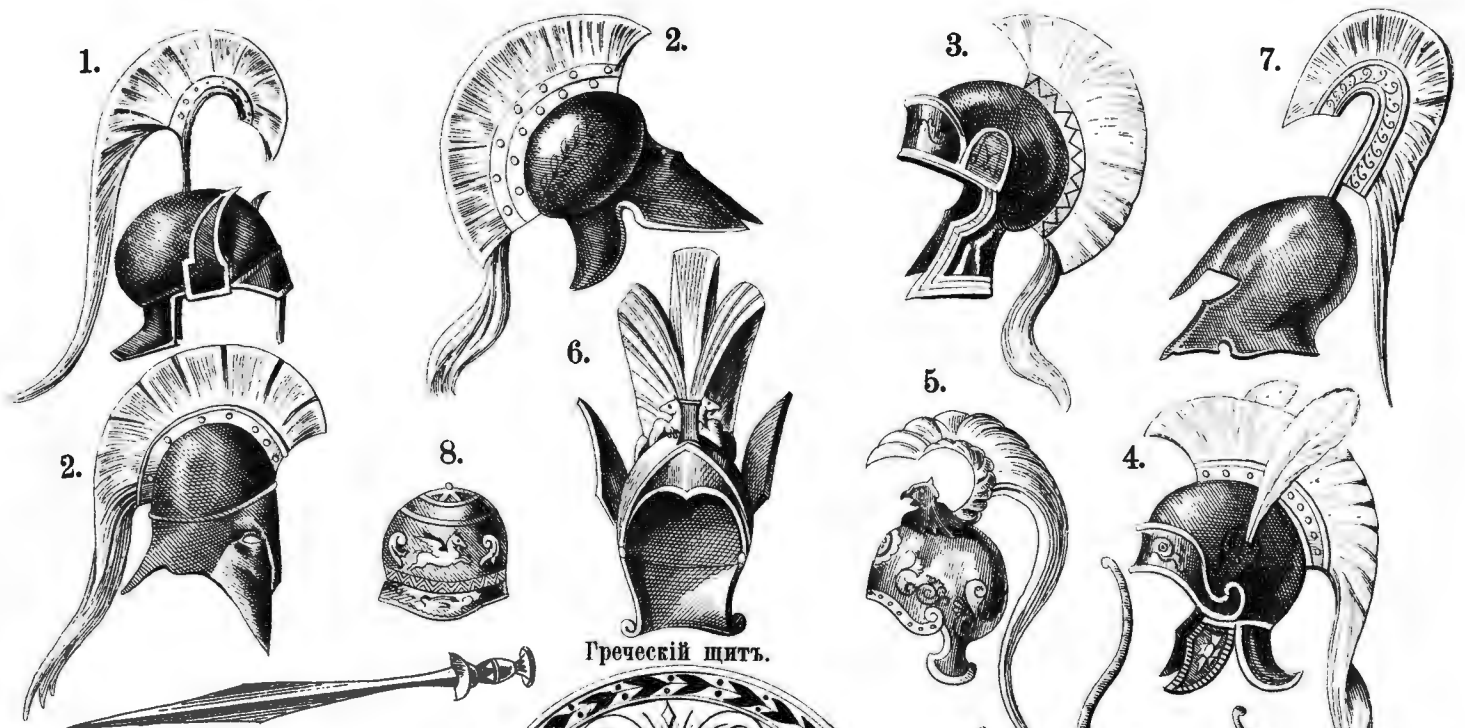
Панцырь составлялъ принадлежность только тяжеловооруженныхъ всадниковъ.

Иногда всадники носили металлическіе ошейники, въ которые въ случаѣ надобности могли спрятать нижнюю часть лица до носа.

Панцырь лѣвой руки закрывалъ всю руку съ кистью, не стѣсняя ея движенія. Прикрытіе правой руки было подвижное для полной свободы дѣйствія оружіемъ и состояло изъ двухъ частей: чего то въ родѣ перчатки съ крагою для руки, для локтя, и наплечника для верхней части. Но такъ какъ при быстрыхъ движеніяхъ локоть обнажался, то для него дѣлали отдѣльное прикрытіе изъ телячьей кожи или металла.

Набедренники покрывали бедро и ногу до колѣна. Но тяжеловооруженные иногда носили чешуйчатый панцырь или кольчугу, при чемъ было покрыто все тѣло, а на колѣняхъ были еще металлическіе наколѣнники.

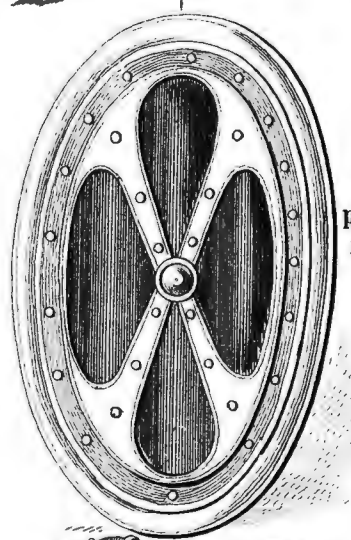
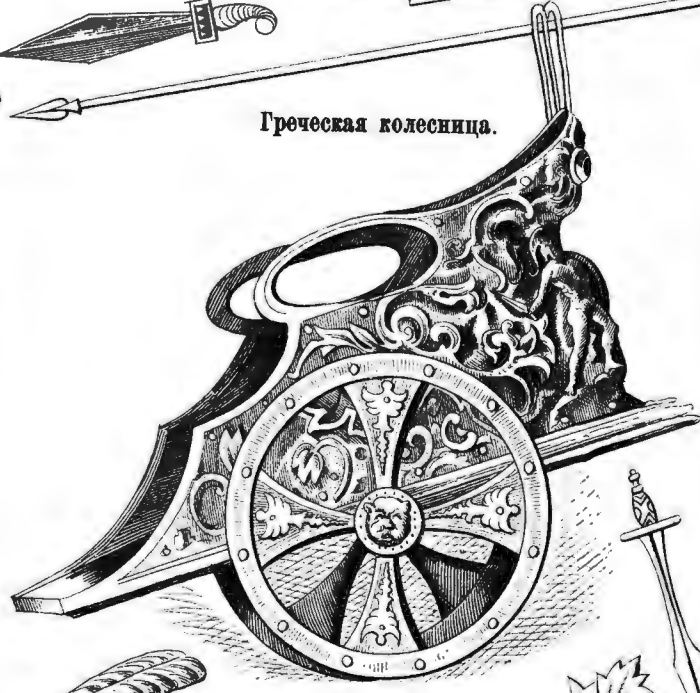
¹⁾ Рюстовъ и Кехли.

Греческій щитъ.

Греческая колесница.

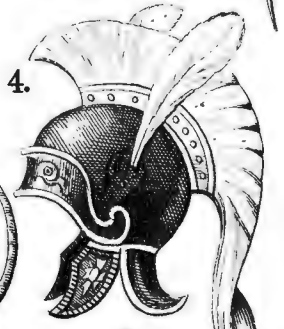
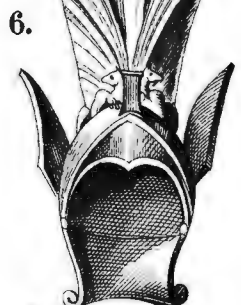
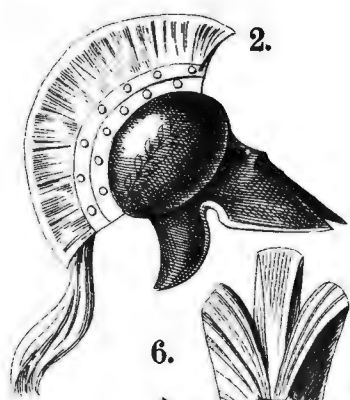
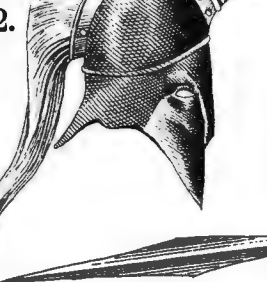
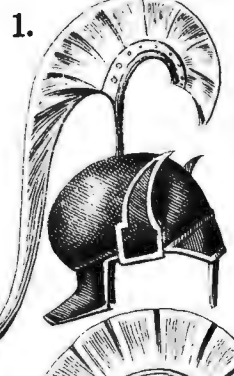

Щитъ римской конницы.

Панцирь римскихъ всадниковъ

Е. Черны.

Греческій панцирь.

Панцирь богатыхъ римскихъ всадниковъ.

Шлемы римской конницы.

Щитъ былъ главнѣйшимъ предохранительнымъ оружіемъ. Щиты были различнаго устройства отъ 2 до 4½ футовъ длины и отъ 15 до 35 фунтовъ вѣса. Но въ кавалеріи употреблялся щитъ меньшихъ размѣровъ.

Щиты дѣлали изъ бычачьей кожи въ нѣсколько слоевъ (отъ 4 до 7) и снаружи покрывали листомъ какого нибудь металла, обыкновенно бронзовымъ. Щитъ былъ круглый. Со внутренней стороны придѣлывались двѣ рукоятки для ношенія щита на лѣвой рукѣ; или же дѣлали одну рукоять въ центрѣ и нѣсколько близъ наружнаго края, чтобы при разрывѣ одной можно было схватить другую.

Щитъ употреблялся слѣдующимъ образомъ: ожидая, что противникъ будетъ бросать копьё, подавали щитъ впередъ, встрѣчали имъ брошенное копьё и парировали такимъ образомъ ударъ. Не смотря на все искусство, съ которымъ выдѣлывали въ Греціи щиты, ихъ часто пробивали, или копьё въ нихъ оставались, и приходилось щитъ бросать.

Рюстовъ и Кехли ¹⁾ говорятъ, что въ конной службѣ всадники щитовъ не брали; но при занятіи караула въ городѣ, если угрожаетъ опасность или можетъ представиться бой пѣшкомъ, тогда они ихъ брали. Такъ поступали афинскіе всадники, когда спартанцы заняли Декелею, и Фразивуль засѣлъ въ Пирей.

Шпоры прикрѣплялись къ сапогамъ ²⁾ ремнями.

Легкая конница большею частью имѣла сандалии.

Нападательное оружіе раздѣлялось на оружіе для рукопашнаго боя (копьё, мечъ, сѣкира) и метательное (дротикъ, лукъ).

Копьё состояло изъ древка, острія и наконечника. На древко брали ясень. Копьё имѣло различную длину: на изображеніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ на вазахъ, древко можно предположить отъ 6 до 7 фут. Древку давали разнообразную форму: или его дѣлали толщиною около 1½ дюймовъ, уменьшая къ концамъ до 1 дюйма, или, дѣлая толще на одномъ концѣ, постепенно суживали къ другому; или, наконецъ, дѣлали его одинаковой толщины по всей длинѣ. Первую и третью формы Рюстовъ и Кехли относятъ къ древнѣйшимъ временамъ. Вѣсъ древка 1¼ килограммъ (около 3 фунтовъ).

Описанное древко употреблялось въ тяжелой пѣхотѣ. Въ конницѣ было такое же, но тоньше, а потому было ломко и неудобно для дѣйствія. Къ древку копьё придѣлывали колышекъ для того, чтобы при нанесеніи удара копьё не скользило ³⁾, или для прикрѣпленія ремня для притягиванія копьё послѣ удара (лонгофоры); а можетъ быть и для того, чтобы при помощи колышка садиться на коня.

¹⁾ Стран. 137.

²⁾ Монфоконъ (Monfaucon) собралъ описаніе и рисунки шпоръ древнихъ грековъ.

³⁾ Dörner. Hipparchikus стр. 101, пунктъ 2.

Остріе или клинокъ и наконечникъ нижней части во времена Гомеровскихъ героевъ дѣлались изъ бронзы, и только въ позднѣйшее время явилось желѣзо. Острію давали различныя формы. Чаще всего его дѣлали плоскимъ и обоюдоострымъ (фиг. 21—а) длиною отъ 6 до 7 дюймовъ (zoll) и по срединѣ около 2 дюймовъ ширины. На нижнемъ концѣ дѣлали гнѣздо, которымъ остріе насаживалось на древко. На наружной части гнѣзда имѣлось кольцо. Вѣсъ клинка $\frac{3}{8}$ или $\frac{1}{2}$ килограмма (отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фун.). Наконечникъ дѣлался для того, чтобы можно было втыкать копьѣ въ землю, а отчасти для равновѣсія. Форму ему давали коническую, такъ что въ случаѣ крайности, когда ломался клинокъ, его можно было употребить въ дѣло. Вѣсъ наконечника отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фун. Длина всего копья около 7 футъ, а вѣсъ около 5 фунтовъ. Какъ и прочее оружіе, копья не были одинаковаго достоинства. Хорошія копья тщательно хранились и передавались въ потомство.

Ксенофонтъ предлагалъ ввести, вмѣсто одного длиннаго, два короткихъ копья, какъ у персовъ.

Мечъ былъ оружіемъ рукопашнаго боя, и за него брались, когда копьѣ было сломано. Онъ былъ обоюдоострый и равно удобенъ для удара и укола. Ширина его отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ дюймовъ (zoll), длина клинка у пѣхоты 15 дюймовъ, у конницы значительно длиннѣе, но на сколько именно, неизвѣстно. Клинокъ выдѣлывался сначала изъ бронзы, впоследствии изъ желѣза.

Эфесъ, или рукоятка, не имѣлъ ни дугъ, ни короба и часто украшался серебромъ или слоновой костью. Ножны были кожаныя съ мѣдными скрѣпами и украшениями; въ нихъ обыкновенно входила и нижняя часть эфеса. Мечъ носили на портупей съ лѣвой, а иногда и съ правой стороны. Вѣсъ меча около 5 фунтовъ. Ксенофонтъ предлагалъ вмѣсто прямаго меча ввести кривую саблю.

Булава въ конницѣ не употреблялась.

Сѣкира употреблялась наемными скивами и тарентинцами.

Дротикъ очень похожъ на копьѣ и отличается только вѣсомъ, именно около 4 фунтовъ.

Лукъ былъ двухъ видовъ: простой дугообразный и настоящій греческій — двойной. Греческій лукъ состоялъ изъ двухъ роговъ, верхняго соединенія и струны. Лукъ первоначально выдѣлывался изъ роговъ животныхъ (козыхъ), а впоследствии изъ дерева. Основаніе двухъ роговъ соединяли металлическою скрѣпою, чѣмъ и получали мѣсто для накладыванія передняго конца стрѣлы. Верхніе концы роговъ также оковывались металломъ для удобнѣйшаго прикрѣпленія струны. Длина лука была около 4-хъ футъ, а вѣсъ 4-хъ фунтовъ. Стрѣла, снарядъ лука, состояла изъ древка изъ камыша, металлическаго

острія съ зубцами и пера. Остріе вставлялось въ конецъ дръвка и укрѣплялось обмотаннымъ шнуркомъ. Перо укрѣплялось на противоположномъ концѣ и имѣло вырѣзку для насаживанія на струну. Вѣсъ стрѣлы около $\frac{1}{2}$ фунта.

Стрѣлы носились въ кожаномъ или плетеномъ колчанѣ, въ которомъ помѣщалось отъ 15 до 20 штукъ. Колчанъ дѣлали съ крышкою и ремнемъ для носки, онъ вѣсилъ со стрѣлами 15 фунтовъ.

Стрѣлы очень часто намазывались ядомъ.

Праща въ кавалеріи не употреблялась.

Снаряженіе коня у грековъ состояло изъ покрывала, которое замѣняло сѣдло и называлось ээипсія. Эти ээипсіи дѣлались изъ разнаго матеріала: кожи, сукна, шкуръ дикихъ звѣрей, и украшались: золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Ээипсія придерживалась на лошади ремненнымъ трокомъ и подперсьемъ.

Стременъ не было.

Узда состояла, какъ и теперь, изъ удила, оголовья и поводевъ изъ ремней; и кромѣ того былъ еще недоуздокъ ¹⁾ для привязыванія лошади въ лагерѣ или бивакѣ ²⁾. Монфоконъ (Montfaucon) вмѣстѣ съ рисунками шпоръ древнихъ грековъ изобразилъ и удило, довольно неуклюжее и вовсе не подходящее къ тѣмъ изображеніямъ, которыя встрѣчаются на колоннахъ Трояна и другихъ. Удило это походитъ на обыкновенное уздечное удило, концы котораго украшены изображеніемъ конскихъ головъ. Судя по нѣкоторымъ рисункамъ ³⁾, можно предположить, что нѣчто въ родѣ нашего мундштучнаго желѣза было извѣстно грекамъ, но нигдѣ не видно цѣпокъ. Ксенофонтъ описываетъ два разныхъ удила—слабое и строгое. Но былъ въ употребленіи еще одинъ родъ уздечекъ въ родѣ капцуна, который нажималъ на переносѣ лошади острыми зубьями. Кромѣ всего этого, лошади украшались колокольчиками, богатыми ошейниками и т. п. ⁴⁾.

Главнѣйшіе разсадники лошадей въ Греціи были въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Спартѣ—Скиритская область, въ Аѳинахъ—островъ Эвбея ⁵⁾, въ Віотіи и въ Этоліи. Какъ велось хозяйство коневодства, мы не имѣемъ свѣденій. Въ Віотіи существовали особыя присутственныя мѣста, подъ предсѣдательствомъ гишарховъ, занимавшіяся коневодствомъ халкидянъ, ѳокидянъ и локрянъ. Тяжесть и трудъ, которые лошади выносили, были весьма значительны, о статьяхъ же ихъ сказать что нибудь трудно. До насъ не дошли изображенія коня древнѣйшихъ временъ въ Греціи; изображенія же позднѣйшаго времени указываютъ, по свидѣтельству

¹⁾ У Ксенофонта чумбуръ.

²⁾ Рюстовъ и Кехли.

³⁾ Оттенбергеръ—атласъ. Hottenroth. рисун. № 50. Fünfte Lieferung.

⁴⁾ Jsidor Hisp. Sheffer de re vehicular veter.

⁵⁾ Шлоссеръ, ч. II, стр. 37.

знатоков¹⁾, о восточномъ его происхожденіи и ни мало не подходятъ подъ типъ сѣверной лошади. Вѣроятно, общества Поссейдонъ-Гипсіосъ и Колоносъ-Гипсіосъ, существовавшія въ Аѳинахъ, имѣли нѣкоторое отношеніе къ коневодству.

Выбирая лошадей въ конницу, греки были весьма строги и подвергали ихъ различнымъ испытаніямъ. Намъ уже извѣстно, что всадники въ Греціи обязаны были имѣть своихъ лошадей, которыя подвергались тщательному осмотру предварительно гиппарха, а затѣмъ совѣта архонтовъ (въ Аѳинахъ). Лошадей при этомъ, по какимъ нибудь причинамъ забракованныхъ, они таврили, выжигая на ганашѣ изображеніе круга или колеса²⁾.

Эліанъ, Виргилій и Плиній говорятъ, что греки для службы въ конницѣ предпочитали кобылъ, считая ихъ быстрѣйшими; а жеребцовъ легчили, вѣроятно по примѣру скивовъ³⁾.

Ковки греки не знали и обращали вниманіе на то, чтобы копыта лошадей были тверды, въ особенности, чтобы подошва была по возможности вогнута. Для достиженія этого въ конюшняхъ дѣлали мощные полы⁴⁾.

Умѣнье выѣзжать коня подъ верхъ и въ упряжь было обязательно для каждаго всадника⁵⁾. Ксенофонтъ, давая наставленія начальнику конницы о выборѣ лошади и въ правилахъ ѣзды, къ сожалѣнію, все относящееся до задачи берейтора проходитъ молчаніемъ. Намъ извѣстно только то, что греки, чтобы сдѣлать коня ловкимъ и гибкимъ, работали его на кругу⁶⁾ т. е., на кордѣ.

Искусство верховой ѣзды, принадлежа къ области гимнастики, имѣло въ Греціи особыхъ учителей, которые въ Аѳинахъ содержались правительствомъ, и публично преподавали ѣзду въ академіяхъ. Въ какой мѣрѣ совѣты Ксенофонта имѣли примѣненіе въ Греціи, неизвѣстно. Но по его совѣтамъ обученіе всадниковъ составляло первую обязанность гиппарха и его помощниковъ — филарховъ. Ксенофонтъ говоритъ: „прыгать на лошадь молодые люди должны выучиться сами, но еще лучше, если ты дашь имъ учителя“. Вольтижированіе было необходимо грекамъ, такъ какъ, если припомнимъ, у нихъ не было стремень. Всадники должны были умѣть вскакивать на лошадь, какъ съ лѣвой стороны, такъ и съ правой. Старикамъ дозволялось садиться на коня съ помощью товарища, по примѣру персовъ. Всадникъ долженъ былъ умѣть ѣздить въ прямомъ направленіи шагомъ и рысью, — и галопомъ, какъ говорятъ Рюстовъ и Кехли, для парадовъ. У Ксено-

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere, стр.44.

²⁾ Berenger. стр. 59.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Рюстовъ и Кехли. См. Трактатъ Ксенофонта о Кавалеріи.

⁵⁾ Berenger, 66.

⁶⁾ Berenger, 64.

фонта вездѣ говорится, что всадники должны были атаковать на парадахъ во всю скачь, а не галопомъ. Ксенофонтъ совѣтуетъ обучать ѣздѣ въ полѣ, чтобы выучить „плотно сидѣть на всякой мѣстности — ровной и гористой“. По всему кажется, что смѣнной ѣзды, какъ у насъ, у грековъ не было. Гиппархи, филархи и учителя обязаны были предварительно собрать своихъ всадниковъ, указать имъ правила, и затѣмъ уже всадники разѣзжались по полю и упражнялись сами.

Когда всадники укрѣплятся въ сѣдлѣ, гиппархъ долженъ былъ обучить метать дротикъ и переходить къ обученію эволюціямъ и атакѣ. Для этого Ксенофонтъ совѣтуетъ постоянно мѣнять мѣстность, чтобы два раза на одной и той же мѣстности ученій не производить. Чтобы пріохотить всадниковъ, Ксенофонтъ совѣтуетъ учредить призы. Кромѣ того, кавалерія, безъ которой не могло обойтись ни одно празднество, устраивала парады, на которыхъ она должна была произвести нѣсколько атакъ и метать дротики. Аѳиняне чрезвычайно любили подобные парады, и это возбуждало соревнованіе какъ между всадниками, такъ, и въ особенности, между гиппархами, которые старались блеснуть своими частями передъ народомъ. Атаки производились одностороннія и сквозныя, по Ксенофонту, всегда въ карьеръ. „Если парадъ дается на гипподромѣ, говоритъ Ксенофонтъ, то, раздѣливъ часть (дивизионъ) на двѣ части, вести ихъ въ атаку другъ противъ друга. Каждая часть (половина) подѣ начальствомъ своего командира должна пройти ряды насквозь. Сначала представится зрѣлище страшное, когда эскадроны будутъ скакать другъ на друга въ атаку; а потомъ великолѣпное, когда, пройдя насквозь, они заѣдутъ кругомъ, чтобы снова идти въ атаку. „Сквозныя атаки, кажется, есть собственное изобрѣтеніе Ксенофонта; такъ какъ онъ говоритъ: „это будетъ и ново и воинственно“. Быть можетъ совѣты Ксенофонта объ атакахъ и не были примѣнены на дѣлѣ — тогда можно допустить, что на парадахъ не скакали, а голопировали. Рюстовъ и Кехли прибавляютъ, что конница греческая не способна была къ производству удара, и потому, они говорятъ, Ксенофонтъ придавалъ большую важность умѣнью метать копьѣ. Последнее замѣчаніе Рюстова и Кехли подтверждается сраженіемъ при Дескаліонѣ: персы атаковали конницу Агезилая, отъ атаки нельзя было уклониться, и всѣ греческіе всадники были выбиты изъ сѣделъ и убиты; длинныя же копьѣ ихъ переломались при первомъ столкновеніи. Сквозныя атаки вовсе не были такъ страшны, какъ это можетъ показаться, потому что строй у грековъ былъ разомкнутый ¹⁾.

Къ числу мѣръ, служившихъ къ поощренію конницы нужно отнести состязанія на Олимпійскихъ и другихъ играхъ. По лѣтосчисленію Олимпійскихъ игръ видно, что бѣга въ колесницахъ начались съ 25-й, а скачки съ 23-й олимпіады, т. е.,

¹⁾ Всѣ прочія имѣющіяся свѣденія о обученіи конницы можно найти въ трактатѣ о кавалеріи Ксенофонта, разборъ котораго помѣщенъ ниже.

около 676 года до Р. Х. Позднее появленіе скачекъ надо, кажется, приписать, какъ свидѣтельствуютъ многіе источники, первоначальному недостатку лошадей, а отчасти дороговизнѣ ихъ и трудности обученія. Впослѣдствіи коневодство улучшилось. Различныя мѣры правительства привлекали людей, которые публично, какъ уже замѣчено, въ академіяхъ обучали ѣздѣ ¹⁾ и Гишпологиі; а награды, раздававшіяся на Олимпійскихъ играхъ, еще болѣе этому способствовали.

Мѣсто, на которомъ производились бѣга и скачки, называлось гипподромъ. Олимпійскій гипподромъ находился близъ города Элисъ на берегу Алѳея и былъ окруженъ каменною стѣною. Фигура гипподрома была неправильная, а мѣстность неровная: въ одномъ мѣстѣ былъ довольно значительный пригорокъ. Окружность гипподрома была украшена храмами, алтарями и т. п. ²⁾.

Самый гипподромъ былъ раздѣленъ на 2 части: одна походила по формѣ на носъ корабля и служила для помѣщенія лошадей, приготовлявшихся къ бѣгу, здѣсь онѣ выстраивались за канатомъ, который отдѣлялъ эту часть гипподрома отъ другой; другая часть служила собственно для состязанія. Въ концѣ этой части находился столбъ, около котораго соперники должны были объѣзжать, что было сопряжено съ опасностью жизни и служило лучшею пробою ловкости человѣка и гибкости лошади. Послѣ этого столба приходилось проѣзжать мимо какой то фигуры, которая наводила ужасъ на лошадей; но описаніе этой фигуры не дошло до насъ. Вѣроятно, это пугало служило пробнымъ камнемъ смѣлости и темперамента лошадей и заставляло обращать особенное вниманіе на выборъ и выѣздку.

Лучшія мѣста въ гипподромѣ назначались для судей. По срединѣ гипподрома на алтарѣ былъ придѣланъ орелъ съ распушенными крыльями, а противъ него у входа металлическій дельфинъ. Помощью особаго механизма президентъ игры приводилъ ихъ въ движеніе: орелъ поднимался, а дельфинъ опускался. По этому знаку опускали канатъ, и состязающіеся выѣзжали.

Правила бѣговъ до насъ не дошли. Но, вѣроятно, лошади сложившіеся состязались отдѣльно отъ молодыхъ, кобылы скакали отдѣльно. Къ концу скачки всадники соскакивали съ лошадей и бѣжали рядомъ съ ними.

Разстояніе, которое требовалось проскакать, было около одной нѣмецкой мили.

Хотя намъ правила этихъ бѣговъ и условія, которымъ должны были удовлетворять ѣздоки и неизвѣстны, но уже то обстоятельство, что они тридцать дней подвергались предварительнымъ испытаніямъ, заставляеть предполагать, что условія скачекъ были не легки.

Не смотря на всѣ вышеизложенныя мѣры, греческая конница была плоха, ѣздила дурно и неувѣренно; употребляла коня не какъ орудіе для удара, а только

¹⁾ Berenger, стр. 68.

²⁾ Тамъ же.

для передвиженія; на сомкнутую часть нападать не рѣшалась, драглась только съ конницею; на пѣхоту же бросалась только тогда, когда она была окончательно разстроена или бѣжала. Бой съ непріятельскою конницею заключался въ томъ, что обѣ стороны перебрасывались издали стрѣлами или копьями и за тѣмъ сходились въ рукопашную на копьяхъ или на мечахъ.

Вотъ образъ дѣйствія греческой конницы въ періодъ отъ нашествія персовъ приблизительно до Эпаминонда, хотя ему и не вполне удалось вывести ее изъ тѣсной описанной нами рамки. „Если кто изъ васъ безпокоится о томъ, что у насъ нѣтъ конницы, тогда какъ у непріятеля ее такъ много, пусть тотъ знаетъ, что 10000 всадниковъ не болѣе значатъ 10000 человекъ. Еще никого конь не изорвалъ и не убилъ въ бою, мужи рѣшаютъ битву. Въ движеніяхъ мы увѣреннѣе всадниковъ. Сидя на коняхъ, они должны бояться не только насъ, но и паденія съ лошади. Мы же, стоя на землѣ, сильнѣе бьемъ и вѣрнѣе попадаемъ въ движущуюся на насъ цѣль. Одно преимущество на сторонѣ всадниковъ — они лучше насъ убѣгаютъ“¹⁾. Вотъ слова сказанныя Ксенофонтомъ наемнымъ войскамъ въ самую трудную минуту отступленія десяти тысячъ. Положимъ, что Ксенофонтъ самъ не вполне вѣритъ этимъ словамъ, какъ это видно изъ его сочиненій, а еще болѣе изъ того, что онъ тутъ же формируетъ изъ наемниковъ небольшой отрядъ всадниковъ. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ обстоятельствѣ высказывается господствующее въ то время у грековъ мнѣніе о конницѣ. Конница спартанцевъ вполне соответствовала набросанной картинѣ до тѣхъ поръ, пока Алезилай не сформировалъ въ Малой Азіи лучшей, съ которою онъ не безуспѣшно состязался даже съ ѳессалійцами. Едва ли можно предположить, что конница Аѳинъ значительно превосходила спартанцевъ. Персидская конница имѣла неоспоримое превосходство, какъ это видно изъ похода Агезилая. Одна только ѳессалійская конница поддерживаетъ свою славу и даетъ зачатки тѣхъ дѣйствій, которыя мы будемъ разсматривать впоследствии. Но ѳессалійцамъ въ описываемую эпоху не удалось помѣриться съ персидскою конницею.

Разбирая построенія и тактику конницы грековъ, намъ приходится въ образцѣ принять конницу аѳинянъ, потому что по существующимъ источникамъ она намъ лучше другихъ извѣстна. О спартанской, строго говоря, намъ почти ничего неизвѣстно. Преданіе, будто бы Ликургъ раздѣлил конницу Спарты на части по 50 человекъ въ каждой и строилъ квадратомъ, оказывается весьма сомнительнымъ, если сравнить это съ другими дошедшими до насъ свѣденіями. А потому въ настоящемъ случаѣ о ней и рѣчи быть не можетъ.

Если аѳинская конница являлась на полѣ сраженія одна безъ союзниковъ, то мѣсто ея было на обѣихъ крыльяхъ пѣхоты, поэтому и выбирали двухъ гип-

¹⁾ Xenoph. Anabas. III. 2. 18. 19.

парховъ. Каждый изъ нихъ командовалъ своимъ крыломъ, которое составляло наибольшую тактическую единицу и раздѣлялось на 5 филъ. Фила, дѣйствительная тактическая единица, состояла изъ 60 всадниковъ ¹⁾ подъ командою филарха (ротмистра) и всѣ движенія исполняла самостоятельно.

Самое состояніе греческой конницы указываетъ, что движеніе длиннымъ фронтомъ для нея было невозможно. Ксенофонтъ положительно ставитъ въ вину пелопоннесской конницѣ то, что она въ сраженіи при Мантинѣ стояла длиннымъ непрерывнымъ фронтомъ, какъ фаланга.

Что касается глубины строя, то объ этомъ имѣется мало свѣденій. По мнѣнію Арріана удобнѣйшій строй былъ тотъ, который въ линіи фронта имѣлъ всадниковъ вдвое противу глубины, т. е., 12 на 6, 8 на 4 и т. д. потому, что, если считать длину лошади вдвое противу ея ширины, форма эскадрона должна была образовывать квадратъ. Другіе писатели считали однако длину лошади втрое противу ширины ея—и, слѣдовательно, фронтъ эскадрона долженъ былъ имѣть втрое болѣе всадниковъ, нежели въ глубину, чтобы составить квадратъ. Изъ этого можно догадаться, что строй старались подвести къ формѣ квадрата. Это построеніе Арріанъ считаетъ простѣйшимъ, выгоднѣйшимъ для атаки и удобнѣйшимъ для собранія разсѣянныхъ всадниковъ. О глубинѣ коннаго строя до насъ дошли только два факта: въ стычкѣ при Дескаліонѣ конница грековъ была построена въ 4 шеренги, въ сраженіи при Мантинѣ спартанская конница стояла въ 6 шеренгъ.

Изъ всего сказаннаго можно также догадаться, что описанный строй филы былъ сомкнутый и состоялъ изъ четнаго числа шеренгъ. Это видно изъ того, что въ каждомъ ряду впереди стоящій всадникъ имѣлъ право выбирать себѣ товарища, который становился ему въ затылокъ. Рюстовъ и Кехли говорятъ, что ряды у грековъ назывались (compagnie) и что передній человекъ назывался ведущимъ, а задній замыкающимъ. „Республика“, говоритъ Ксенофонтъ, „раздѣлила конницу на роты; въ этихъ ротахъ при помощи ихъ филарховъ должно выбрать десятчныхъ (decurions) людей, которые съ возрастомъ соединяли бы наибольшее рвеніе къ службѣ, и назначать ихъ головными въ рядахъ. Потомъ слѣдуетъ такимъ же образомъ выбрать замыкающихъ въ десяткахъ“. Въ македонской арміи въ каждомъ илосѣ ²⁾ было два филарха, изъ которыхъ каждый командовалъ половиной илоса.

Различныя эволюціи филъ состояли, въ такъ называемыхъ, сдваиваніяхъ, или, лучше сказать, удваиваніяхъ.

Для того, чтобы увеличить фронтъ дѣлалось удваиваніе фронта. Въ этомъ случаѣ ряды размыкались на столько, чтобы фронтъ занялъ вдвое больше про-

¹⁾ Rüstof und Köchly, стр. 134 и послѣдующія.

²⁾ Тактическая единица.

странства. Задняя половина фило, т. е., третья и четвертая шеренги, двигалась вперед и вступала въ промежутки, образовавшіеся отъ размыканія передней половины фило: фланговый всадникъ третьей шеренги (при четырехшереножной филѣ) становился лѣвѣе право-фланговаго первой шеренги и т. д.

Чтобы укоротить фронтъ дѣлалось удваиваніе въ глубину. Для этого нечетные ряды продвигались вперед и становились впереди четныхъ, и затѣмъ фронтъ смыкался.

Для того, чтобы еще болѣе увеличить фронтъ или глубину, можно было сдѣлать вторичное удваиваніе.

При движеніи употребляли обыкновенно строй узкій, а передъ атакою дѣлали удваиваніе фронта. Фронтальные атаки противныхъ сторонъ въ окончательномъ видѣ превращались въ одношереножный строй, въ которомъ всадники находились другъ отъ друга не ближе 6-ти футовъ, чтобы удобно было дѣйствовать, и перебрасывались копьями или вступали въ рукопашную на мечахъ.

Другой способъ атаки имѣлъ больше вѣроятія на успѣхъ: старались выманить противника изъ занимаемой имъ позиціи, чтобы потомъ атаковать во флангъ. Для этой цѣли одна часть конницы двигалась на непріятеля, другая слѣдовала за ней. Если противникъ съ своей стороны переходилъ въ наступленіе, то сзади идущая часть передъ самымъ столкновеніемъ выносилась въ сторону и охватывала флангъ противника. Наконецъ, греческая конница очень часто прибѣгала къ слѣдующей хитрости: двинувшись въ атаку, она передъ самымъ фронтомъ непріятеля поворачивала назадъ и наводила его на засаду, устроенную по близости въ сторонѣ легкою пѣхотой, которая, выждавъ удобную минуту, бросалась во флангъ преслѣдующему.

У виотянъ были особыи части легкой пѣхоты, называвшіяся сопровождающія конницу. Число пѣшихъ людей всегда равнялось числу всадниковъ. Это наводитъ какъ будто на то, что для быстрыхъ передвиженій пѣхотницы помѣщались на крупахъ лошадей позади всадниковъ, какъ это дѣлали ассирійцы и впоследствии римляне, германцы и сарадины.

Неповоротливость конницы дѣлала короткій фронтъ необходимымъ условіемъ для движенія. Поэтому, чтобы имѣть возможность передъ атаками дѣлать удваиваніе фронта, необходимо было ставить фило на значительныхъ интервалахъ. Интервалы эти очень часто заполнялись легкою пѣхотою.

Въ находахъ каждый всадникъ имѣлъ конюха съ запасною или вьючною лошадью. Конюхи шли сбоку въ сторонѣ или въ хвостѣ колонны. Но, чтобы казаться сильнѣе, Ксенофонтъ совѣтуетъ ставить конюховъ иногда въ колонну.

Каждая фила имѣла извѣстное число ординарцевъ, которые были легко вооружены и имѣли назначеніе нашихъ наѣздниковъ. Для авангардной службы пред-

писывалось гиппарху окружить себя блестящею свитой легко вооруженных наѣздниковъ, умѣющихъ ловко метать копье.

Недостатокъ картъ въ высшей степени затруднялъ сторожевую службу. Служба эта не лежала на ординарцахъ, которые только должны были изыскивать удобопроходимыя мѣста и предупреждать о мѣстныхъ препятствіяхъ; развѣдываніе же о непріятелѣ поручалось легкой конницѣ и преимущественно коннымъ лучникамъ. За отсутствіемъ легкой конницы высылались впередъ молодые всадники, отличавшіеся ловкостью и искусствомъ метать копье. Слѣдовательно, въ походѣ впереди колонны двигалась цѣпь ординарцевъ, а впереди ординарцевъ была еще другая цѣпь — развѣдывательная.

Во время движенія всадники поочередно спѣшивались для облегченія коня; а ночью или вблизи непріятели спѣшивались по полуфиламъ, чтобы всегда одна часть была готова къ бою.

Всадники не всегда дрались въ конномъ строю, но иногда обязаны были и спѣшиваться. Это видно изъ того, что щитъ преимущественно назначался для дѣйствія въ пѣшемъ строю ¹⁾.

Относительно употребленія кавалеріи на театрѣ войны извѣстно слѣдующее: планъ Перикла во время Пелопоннесской войны заключался въ томъ, чтобы нанести спартамцамъ прежде всего ударъ на морѣ. На сушѣ же должно было сохранять оборонительное положеніе. Для этой цѣли въ Атикѣ была оставлена конница, которая должна была защищать поля отъ покушеній спартанцевъ. Подобные случаи, вѣроятно, не разъ повторялись и въ другихъ войнахъ; хотя мы и не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Между тѣмъ это навело Ксенофонта на мысль изложить въ своемъ „Гиппархикусѣ“ нѣкоторые совѣты партизанской войны. Но такъ какъ эти совѣты слишкомъ обобщены, то мы и не находимъ интереснымъ ихъ разбирать. Впрочемъ кавалерія у грековъ очень часто получала самостоятельныя порученія: такъ мы видимъ напр. въ Тессаліи, во время походовъ Пелопида и Эпаминонда, конница оивянъ и тессалійцевъ дѣйствуетъ независимо. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Пелопоннесѣ во время походовъ Эпаминонда, напр., передъ сраженіемъ при Мантинеѣ Эпаминондъ выслалъ свою конницу для овладѣнія этимъ городомъ, тоже самое сдѣлали аѳиняне. Вообще у грековъ кавалерія никогда не была прикована къ полямъ сраженій; но свѣденія о дѣйствіяхъ конницы на театрахъ войны крайне ограничены.

¹⁾ Занятіе Декелен.

Глава 2-я.

Понятіе о тактикѣ греческихъ войскъ. Войны съ персами указываютъ на важность кавалеріи въ составѣ армій. Сраженіе при Платеѣ. Наемныя войска. Фессалійская и Фракійская конницы. Эпаминондъ. Сраженія при Левктрахъ и Мантиней. Заключение о грекахъ.

Въ сраженіи при Марафонѣ у грековъ не было конницы, при Платеѣ тоже.

Описанное состояніе и образъ дѣйствія греческой конницы относится главнымъ образомъ къ періоду времени отъ сраженія при Платеѣ до Эпаминонда. Къ этому состоянію, конечно, они не сразу пришли. Намъ уже извѣстно, что какъ въ Спартѣ, такъ и въ Аѣнахъ до столкновеній съ персами существовало только незначительное число всадниковъ, назначавшихся для исполненія обязанностей ординарцевъ, а не для боя, греки въ тѣ времена не считали удобнымъ сражаться на конѣ. Весь бой возлагался на пѣхоту, которая дѣлилась на тяжелую или линейную — гоплитовъ и легкую — псилловъ. Линейная пѣхота, вооруженная короткими мечами, длинными копьями — сарисами, строилась въ глубокія массы отъ 8 до 12 шеренгъ, называемыя фалангами.

Тактика грековъ была проста. Не занимаясь искусными движеніями и построеніями, они быстро устремлялись на встрѣчу непріятеля, старались одержать надъ нимъ верхъ посредствомъ какой либо военной хитрости, по преимуществу выборомъ такой позиціи, фронтъ которой соотвѣтствовалъ фронту боеваго порядка своихъ войскъ и не отвѣчалъ величинѣ фронта противника (Фермопилы, Марафонъ). Или же нападали на него прямо и рѣшали битву мужествомъ. Но какъ вооруженіе и строй гоплитовъ позволяли имъ дѣйствовать только въ открытыхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ вовсе неспособными для службы на передовыхъ постахъ и въ малой войнѣ, то греки вскорѣ почувствовали необходимость имѣть легкую пѣхоту. Они набирали ее изъ военной черни и называли псилами или псилитами, которые вооружены были дротиками, луками, пращами, а иногда короткими мечами.

Но войны съ персами на первыхъ же порахъ заставили почувствовать грековъ, какую пользу можетъ принести хорошая конница и какъ невыгодно ее не имѣть. Конница персовъ, рыская по странѣ, опустошала ее и собирала продовольствіе для своихъ войскъ, между тѣмъ какъ греки находились въ этомъ отношеніи въ самомъ невыгодномъ положеніи.

Въ особенности персидская конница дала себя имъ почувствовать передъ сраженіемъ при Платеѣ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ; персы подъ начальствомъ Мардонія занимали позицію за р. Азопомъ, греки на скатѣ высотъ позади Эритреи. Къ Эритреи былъ выдвинутъ небольшой постъ. Позиція эта выбрана была греками для прикрытія единственнаго пути, проходящаго черезъ до-

лину Дріоскефала, по которому они получали подвозъ продовольствія. Но позиція оказалась невыгодною по недостатку воды.

Мардоній приказалъ своей конницѣ подъ начальствомъ Макистія атаковать постъ у Эритреи. Дружина Мегары, занимавшая этотъ постъ просила подкрѣпленія, и аеиняне двинулись имъ на помощь. Макистія атакуетъ небольшими частями и потому не имѣетъ успѣха, и самъ получаетъ смертельную рану. Узнавъ о смерти начальника персидская конница бросается на грековъ всѣми силами: разгорается упорный бой, греки вводятъ всю свою армію и отбиваютъ атаки персидской конницы, которую пѣхота не поддержала.

Эта удача возвысила духъ эллиновъ, но они убѣдились въ неудовлетворительности позиціи, и рѣшено было отступить къ Платеѣ. Правое крыло стало у источника Гаргафія, лѣвое примкнуло къ рѣчкѣ Азопу. Когда греческая армія стояла у Эритреи, долина Дріоскефала была прикрыта, при новой же позиціи она проходила впереди фронта и потому прикрыть ее можно было только, вступивъ въ бой съ персами. Нашелся оивіецъ, указавшій Мардонію важность этого обстоятельства. Мардоній рѣшился этимъ воспользоваться и послалъ свою конницу, которая напала на обозы и вернулась съ богатою добычею. Въ теченіи одиннадцати дней персидская конница повторяла свои нападенія на армію грековъ и успѣла при этомъ забросать источникъ Гаргафію.

Битва при Платеѣ началась атаками персидской конницы на правый флангъ грековъ (спартанцевъ); на этотъ разъ за конницею явилась и пѣхота персовъ, которая, поставивъ передъ собою плетенные щиты, осыпала спартанцевъ градомъ стрѣлъ. Но сначала тегейцы, а за ними и спартанцы переходятъ въ наступленіе, опрокидываютъ персовъ и преслѣдуютъ до самыхъ обозовъ, которыми и овладѣваютъ.

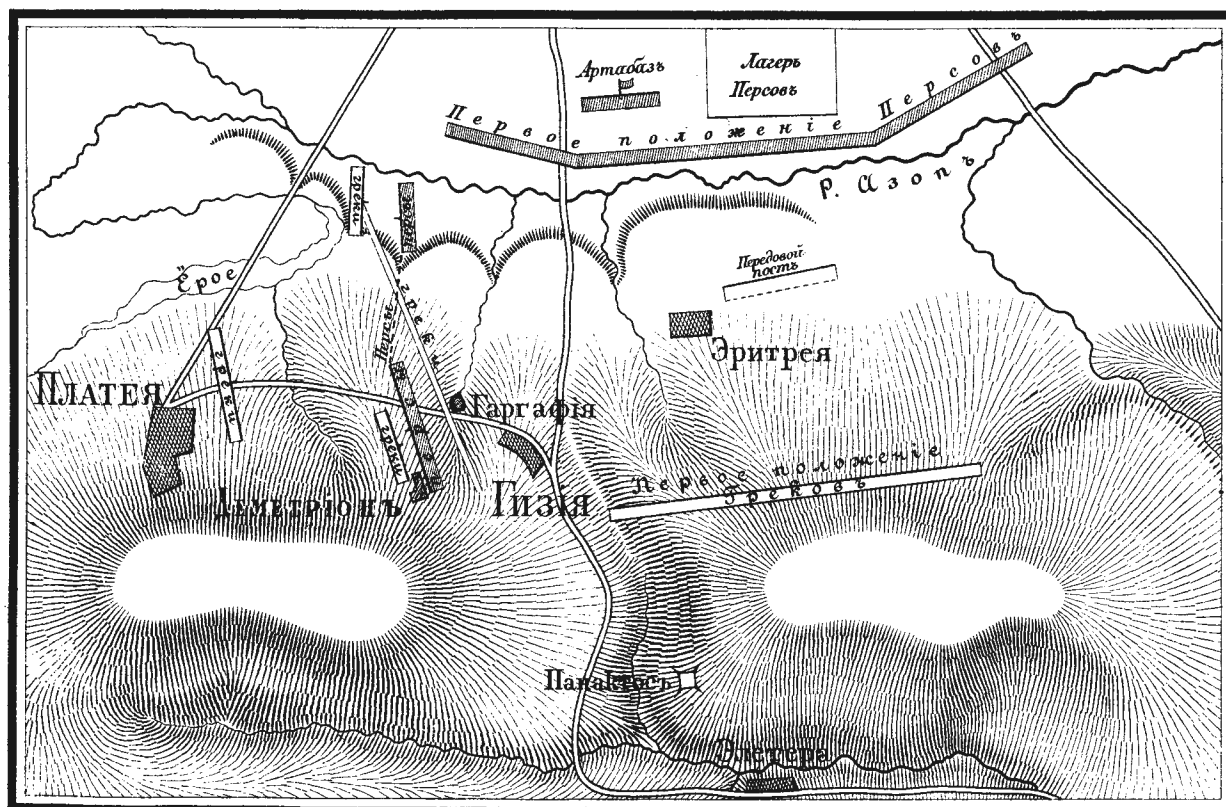
Атака персидской пѣхоты на лѣвое крыло была отбита аеинянами. Конница персидская очутилась противъ центра.

Когда дошли вѣсти о побѣдѣ на правомъ флангѣ, центръ грековъ также двинулся впередъ: коринѣяне на Деметріонъ, а мегаряне къ Азопу, наткнулись на персидскую конницу, которая, по неудобству мѣстности, не имѣя возможности дѣйствовать противъ коринѣянъ, бросилась на мегарянъ и опрокинула ихъ.

Вся пѣхота персовъ была разбита, и конница должна была прикрывать отступление. Но мегаряне присоединились къ общей арміи только по окончаніи боя.

Сраженіе при Платеѣ было проиграно персами не вслѣдствіе ошибочныхъ распоряженій Мардонія, напротивъ распоряженія эти, въ особенности употребленіе кавалеріи, и въ бою, и передъ боемъ были исполнѣнны здравы. Но Мардоній при атакѣ персидской пѣхоты на правый флангъ спартанцевъ былъ убитъ, и это повліяло самымъ пагубнымъ образомъ на персидское войско. Артабазъ во главѣ 40 т. первый, не вступивъ еще въ бой, покинулъ поле сраженія, и на персидскую пѣ-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПЛАТЕѢ

хоту совершенно неожиданно напалъ панической страхъ. Вообще обстоятельства чрезвычайно выгодно сложились для грековъ.

Изъ этого сраженія видно, что вся тяжесть боя лежала на тяжелой пѣхотѣ (гоплитахъ); тоже самое замѣчается и въ другихъ сраженіяхъ.

Сраженіе при Платеѣ, а въ особенности предшествовавшія дѣйствія персидской конницы показали грекамъ всю громадную пользу, которую приносятъ кавалерія арміямъ, и въ какомъ не выгодномъ положеніи они находятся при отсутствіи конницы, въ особенности на театрѣ дѣйствій.

Сраженіе это дало первый толчекъ грекамъ въ отношеніи конницы. На общемъ сеймѣ греческихъ народовъ рѣшено было для продолженія войны, превратившейся съ этихъ поръ въ частныя, преимущественно морскія экспедиціи содержать постоянное войско изъ 10 т. пѣхоты, 1000 конницы и 100 галеръ.

Во время Пелопоннесской войны мы встрѣчаемъ конницу на поляхъ сраженій еще въ незначительномъ числѣ. Въ сраженіи при Мантинеѣ ¹⁾, на примѣръ, у спартанцевъ на 10 т. гоплитовъ было 400 всадниковъ, у аѳинянъ по всей вѣроятности конницы было болѣе. Преобладающая роль и въ этой войнѣ принадлежитъ гоплитамъ, которые обыкновенно располагаются въ центрѣ боеваго порядка, а конница съ легкой пѣхотой составляетъ крылья. Разъ фаланга гоплитовъ разбита, остальные войска не въ состояніи уже возстановить сраженіе. Бой центра до того преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, что въ большинствѣ источниковъ какъ будто считается лишнимъ говорить о дѣйствіяхъ конницы и легкой пѣхоты. И дѣйствительно, конница и пѣхота дерутся сами по себѣ, вовсе не думая о взаимной поддержкѣ. Только единственный примѣръ извѣстенъ намъ, именно въ приведенномъ выше Мантинейскомъ сраженіи ²⁾, гдѣ конница поддержала свою пѣхоту. Спартанская пѣхота разбила аѳинскую: „тогда, говоритъ Рюстовъ, представился рѣдкій случай, аѳинская конница вступила въ бой съ лакедемонскими гоплитами“. Вѣроятно, аѳинская конница, будучи сильнѣе и лучше спартанской, опрокинула ее, или численностью своею парализовала ея дѣйствія, и, бросившись во флангъ и въ тылъ спартанской пѣхотѣ, дала возможность своимъ гоплитамъ отступити. Преслѣдованіе послѣ боя было не въ ходу, хотя это не можетъ быть оправдано недостаткомъ конницы и легкой пѣхоты. По этому и большинство сухопутныхъ сраженій отличается крайней нерѣшительностью, перевѣсъ въ войнѣ даютъ дѣла на морѣ.

Со времени Пелопоннесской войны начало входить въ обыкновеніе содержать наемныя войска. Первоначально вербовали только легкую пѣхоту (ѳракійскіе и аркадскіе копѣйщики, родосскіе пращники, критскіе стрѣлки), а впослѣдствіи по-

¹⁾ Первое сраженіе.

²⁾ Первое Мантинейское сраженіе въ 418 г. до Р. Х.

является и наемная конница: скивовъ, ѳессалійцевъ, ѳракійцевъ, этольцевъ, виотьянь, кефалонянь, тарентинцевъ. Начиная же съ похода десяти тысячъ, стали массами формировать линейную пѣхоту.

Впрочемъ греческія государства вербовали войска только на одинъ походъ; но на сѣверѣ нѣкоторые государи начали содержать постоянныя арміи изъ наемниковъ и приобрѣли этимъ рѣшительный перевѣсъ надъ греческими республиками. Къ числу этихъ государей принадлежатъ Язонъ ѳессалійскій и Филиппъ Македонскій.

На мысѣ Тенаронъ образовалось мѣсто, куда стекались всѣ, желавшіе поступить въ наемники, и наниматели. Обыкновенно договаривались въ мѣсячномъ жалованьѣ, которое доходило до 24 аттическихъ драхмъ (около 5 руб. 50 коп.). Всадники получали въ три или четыре раза больше пѣхотинцевъ.

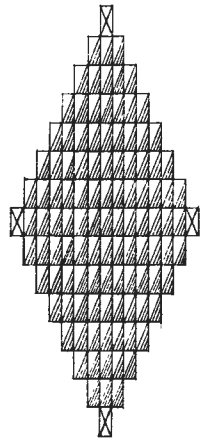
Но при всемъ этомъ желающихъ поступить въ конницу было всегда очень мало вслѣдствіе очень большихъ цѣнъ на лошадей, и потому греческія государства всегда старались заключать союзы съ народами, обладавшими значительной конницей. Въ особенности обращали на себя вниманіе въ этомъ отношеніи ѳессалійцы.

ѳессалія, сѣверо-восточная область древней Греціи между Македоніею, Эпиромъ и Элладою, представляла пространную равнину, ограниченную моремъ и горами и покрытую прекрасными пастбищами. Первобытными жителями ѳессалии греки считали лапитовъ и центавровъ, полубаснословный народъ. По всей вѣроятности, центавры первые изъ смежныхъ съ греками племенъ умѣли обуздывать лошадей и употреблять ихъ подъ верхъ: оттого и произошло мифологическое ихъ изображеніе полулюдьми—полуконями. Прекрасныя пастбища много способствовали ѳессалійцамъ къ разведенію лошадей, и лошади ѳессалійцевъ пользовались громкою славою по всей Греціи. Но на состязаніи, произведенномъ Ксерксомъ, во время нашествія персовъ на Грецію между ѳессалійскими и персидскими лошадьми, послѣднія оказались несравненно выше.

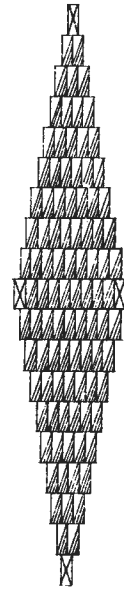
ѳессалійцы своими нравами и обычаями отличались отъ остальныхъ грековъ и походили болѣе на македонянь. Они раздѣлены были на небольшія государства, соединенныя въ одинъ союзъ. Государства эти имѣли родъ феодальнаго устройства, основаннаго на существовавшей съ давнихъ поръ крѣпостной зависимости, такъ называемыхъ, пенестовъ или порабощенныхъ поселянь. Земля и прикрѣпленные къ ней поселяне принадлежали господствовавшей части народа—дворянству, которое по своему положенію, вооруженію, нравамъ и привычкамъ представляло большое сходство съ средневѣковымъ рыцарствомъ. ѳессалійское дворянство вмѣстѣ съ македонскимъ составляло тяжеловооруженную кавалерію, тогда какъ ихъ вассалы составляли пѣхоту и легкую конницу. Одѣтые съ головы до ногъ въ латы, верхомъ на лошадяхъ, также отчасти покрытыхъ броней, ѳессалійскіе дворяне

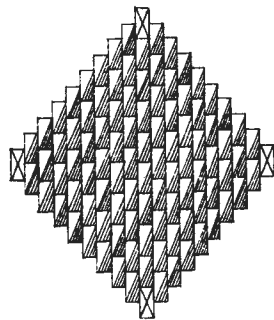
№ 1.

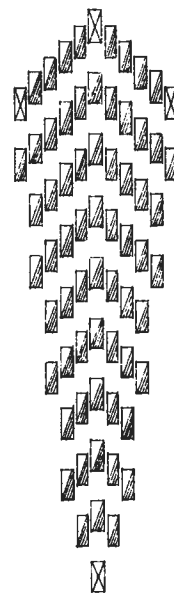
№ 2.

№ 3.

№ 4.

и въ этомъ отношеніи походили на средневѣковыхъ рыцарей. Къ лошадямъ они привыкали съ младенчества. Рыцарскія игры и походы, обѣщавшіе большую добычу, были для нихъ наслажденіемъ. Понятно, что вслѣдствіе такихъ упражненій съ малолѣтства ѳессаліецъ какъ бы сrostался съ конемъ, и дѣйствительно ѳессалійская конница пріобрѣла себѣ всемірную славу. Первоначально Эпаминондъ, а впослѣдствіи Филиппъ и въ особенности Александръ Македонскій превосходно сѣумѣли воспользоваться матеріаломъ ѳессалійской конницы. Александръ Македонскій всегда отдавалъ ей должное предпочтеніе. ѳессалійцы, служившіе въ македонскихъ войскахъ, подобно сѣвернымъ героямъ и варягамъ въ Византіи, получали всегда богатѣйшую часть добычи и отъ времени до времени отпускались домой, чтобы наслаждаться пріобрѣтенными сокровищами въ кругу своихъ, и уступали свои мѣста юнымъ рыцарямъ.

Арріанъ говоритъ, что ѳессалійская конница соединяла въ себѣ силу напора съ легкостью наѣздничества. Изъ этого надо заключить, что ѳессалійцы основывали главнымъ образомъ свой успѣхъ на томъ же, на чемъ основывалъ его и Зейдлицъ, т. е. на стремительномъ врываніи въ ряды непріятеля. И дѣйствительно намъ извѣстно, что ѳессалійцы для своихъ атакъ принимали форму строя въ видѣ ромбовъ, что указываетъ на желаніе прорвать непріятельскій фронтъ. Ромбы были различны, смотря по тому какъ всадники располагались въ шеренгахъ и рядахъ. Храбрѣйшіе всадники становились въ переднихъ рядахъ. Два всадника, называемые флангохранителями, были на правомъ и на лѣвомъ углахъ, а илархъ впереди всѣхъ. Два всадника, стоявшіе по бокамъ его, должны были держать лошадей такъ, чтобы ихъ головы были на равнѣ съ его плечами. Лошади, расположенныя направо и налѣво сохраняли между собою интервалъ, чтобы при поворотахъ не задѣтъ ближайшихъ всадниковъ. Нѣкоторые составляли ромбоиды шеренгами и рядами, другіе только шеренгами безъ рядовъ, иные же только рядами. Строившіеся по шеренгамъ и рядамъ составляли среднюю шеренгу нечетную, напр. въ 13 или 15 человѣкъ; слѣдующая за нею двумя менѣе, а именно: въ 11 или 13, далѣе въ 9 и 11 и такъ, убавляя по два, до единицы, такъ что, если средняя шеренга взята въ 15 человѣкъ, то весь ромбоидъ состоялъ изъ 113 человѣкъ. Полъ ромба называлась угломъ или эмволономъ. Нѣкоторые не принимали ни шеренгъ, ни рядовъ и полагали, что подобное построеніе конницы облегчало атаки и повороты во всѣ стороны. Они ставили всадниковъ по правую и лѣвую сторону иларха такъ, чтобы головы лошадей были на равнѣ съ плечами предъидущаго человѣка, и составляли такимъ образомъ двѣ первыя шеренги или передніе фасы ромбоида изъ нечетнаго числа, напр. изъ 11. Позади Иларха ставили ѳиларха и составляли внутри двѣ шеренги, параллельныя первымъ, но двумя всадниками менѣе, слѣдовательно вторые въ 9 человѣкъ и такъ далѣе до одного. Полибій приводитъ это построеніе въ видѣ Л

или угла. Филиппъ Македонскій, говорятъ, былъ его изобрѣтателемъ и ставилъ на углу лучшихъ войновъ, чтобы остальные слѣдовали за ними.

Построеніе рядами, но безъ шеренгъ, дѣлалось слѣдующимъ образомъ: составляли рядъ изъ какого нибудь числа всадниковъ, въ головѣ которыхъ былъ илархъ, а замыкающій въ концѣ. Потомъ ставили по обѣимъ сторонамъ этого ряда еще по одному такъ, чтобы всадники приходились противу середины интерваловъ перваго ряда. Отъ этого новые два ряда уже имѣли однимъ всадникомъ менѣе предыдущаго. Въ третьемъ уже было по этой же причинѣ еще однимъ менѣе, и такъ уменьшалось до единицы. Построеніе по шеренгамъ, а не по рядамъ производилось такимъ образомъ: ставили въ срединѣ нечетное число лошадей и строили прочихъ всадниковъ впереди и позади ихъ такъ, чтобы лошади приходились противъ интерваловъ предыдущаго и послѣдующаго рядовъ.

Такъ описываютъ древніе писатели строи ѳессалійцевъ ¹⁾, но сомнительно, чтобы такія построенія въ самомъ дѣлѣ существовали. Трудно предположить, чтобы хорошая кавалерія прибѣгала къ такимъ замысловатымъ и сложнымъ, требующимъ немалого времени, строямъ передъ атакой, когда всякое замѣшательство пагубно; а при подобныхъ построеніяхъ едва ли могло обойтись безъ него. Вѣроятно, дѣло было проще: передъ атакою конница смыкалась въ общую кучу, имѣя впереди начальника; двигаясь за нимъ въ атаку, доброконные и храбрѣйшіе всадники опережали, менѣе храбрые отставали, и куча растягивалась въ видѣ ромба—или вѣрнѣе роя. Повѣствователи, желая оформить этотъ строй, вѣроятно, и придумали равненіе по рядамъ, по шеренгамъ, безъ равненія и въ видѣ ромбоида, какъ это въ минуту атаки могло показаться очевидцамъ.

Ѳракійцы населяли страну, имѣвшую въ древности по множеству лѣсовъ и болотъ климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Но страна эта, какъ и ѳессалія отличалась плодородіемъ, обильными пастбищами и процвѣтаніемъ скотоводства, несмотря на то, что поверхность страны значительно разнится съ ѳессалією. Ѳракійцы были народъ дикій и суровый и раздѣлялись на множество отдѣльныхъ независимыхъ племенъ. Нравы и обычаи ихъ во многомъ сходствовали съ древними германцами. Они преимущественно занимались войной и охотой, предоставляя свое земледѣліе, скотоводство и богатые рудокопни работникамъ и невольникамъ.

Отдѣльные племена подъ начальствомъ своихъ царей, съ весьма ограниченою властью, или вождей, избираемыхъ на время войны, очень часто нанимались на службу и сражались подъ знаменами различныхъ греческихъ государствъ. Жители горъ составляли легкую пѣхоту, жители равнинъ — кавалерію. Кавалерія эта была иррегулярная и въ образѣ дѣйствій много сходствовала съ кавказскими горами:

¹⁾ Заимствовано изъ атласа приложен. къ Военной Библиотекѣ изданія 1837 г.

Исторія конницы М. Маркова.

ΘΕΣΣΑΛΙΕЦЪ.

Тяжеловооруженная греческая конница.

одинаково была способна къ дѣйствию въ конномъ и пѣшемъ строю. Въ то время какъ легкая греческая кавалерія (акраболисты) никогда не сходилась въ рукопашную съ непріателемъ, а дѣйствовала издали дротиками или стрѣлами, еракійцы превосходно владѣли и метательнымъ оружіемъ и мечемъ.

Костюмъ еракійцевъ состоялъ изъ полотняной рубахи, кожаныхъ прикрытій на груди, ляхкахъ и рукахъ, и шапки изъ звѣриныхъ кожъ съ висящими позади лисьими хвостами.

Вооруженіе было различно по племенамъ: агріане пріобрѣли особенную знаменитость стрѣльбою изъ луковъ и своею легкостью, геты ѣздили всегда о дву—конь и дѣйствовали преимущественно дротиками. Но всѣ имѣли мечи, а нѣкоторые и щиты. При атакѣ непріателя они обыкновенно выстраивались въ видѣ клина или, лучше сказать, въ видѣ роя, въ которомъ храбрѣйшіе выдавались впередъ; всѣ за начальникомъ слѣдовали, какъ за маткой, и отчаянно, врѣзывались въ ряды непріателя. Еракійцы вообще отличилась самою дикою храбростью.

Коневодство еракійцевъ было извѣстно еще Гомеру. Еракійцы, кромѣ войны, употребляли коней для различныхъ упражненій и игръ въ честь боговъ (Посейдона)¹⁾.

Походъ, извѣстный подъ названіемъ „отступленіе десяти тысячъ“, имѣлъ громадное вліяніе на военное искусство грековъ. Такъ какъ во время этого похода невозможно было заранѣе опредѣлять мѣсть, на которыхъ предполагали вступить въ бой, все зависѣло отъ направленія отступленія и дѣйствія преслѣдующаго противника, то вскорѣ выказалась крайняя неповоротливость фаланги и необходимость легкихъ войскъ.

Персидскіе лучники, и въ особенности конница, наносили громадный вредъ. Разнообразіе противниковъ и мѣстности должны были навести на мысль о необходимости взаимодѣйствія различныхъ родовъ оружія, и при самомъ началѣ отступленія была сформирована конная часть въ 50 коней. Часть эта, конечно, по своей малочисленности не могла принести особенной пользы; но, несмотря на то, она постоянно принимала участіе въ бояхъ.

Ксенофонтъ, безъ сомнѣнія, былъ душою всѣхъ военныхъ дѣйствій и, по возвращеніи въ Грецію, написалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ проложилъ дорогу той тактикѣ, основныя идеи которой существуютъ и до сихъ поръ и всегда останутся въ полной силѣ: 1) органическая связь между всѣми родами оружія для взаимнаго содѣйствія; 2) подвижность боеваго порядка; 3) примѣненіе ко времени и мѣсту.

Эмволонъ или уголь.

¹⁾ Victor Hehn. Culturpflanzen und Haustiere стр. 46.

Но воспользоваться идеями Ксенофонта на практикѣ досталось людямъ болѣе счастливымъ, такъ какъ Ксенофонту не удалось болѣе командовать арміями. Изъ числа этихъ людей на первомъ мѣстѣ стоитъ Ификратъ, одинъ изъ предводителей наемныхъ войскъ.

Со времени обыкновенія держать наемныя войска, стратеги больше не выбираютъ изъ числа гражданъ Греціи, а нанимаются изъ людей приобрѣвшихъ себѣ на военномъ поприщѣ громкое имя, или добывающихся этого званія съ помощью денегъ. Ификратъ приобрѣлъ себѣ и то и другое и замѣчательнѣе тѣмъ, что, подобно Фридриху Великому, изъ ненадежной толпы наемниковъ, создалъ хорошее войско. Онъ усовершенствовалъ тактику, облегчилъ вооруженіе, ввелъ облегченную пѣхоту — пельтастовъ, которые во времена Александра Македонскаго приобрѣтають особенную славу, и примѣнилъ на практикѣ идеи Ксенофонта.

Остатки десяти тысячъ наняты были Агезилаемъ, дѣйствовавшимъ успѣшно противъ персовъ; а на территоріи Греціи они первый разъ появились подъ начальствомъ же Агезилая въ сраженіи при Коронѣ (394 г.).

Относительно дѣйствія кавалеріи въ этомъ сраженіи намъ извѣстно только то, что, когда лѣвый флангъ и центръ віотянъ были обращены въ бѣгство, ихъ преслѣдовала многочисленная конница и легкая пѣхота.

Взаимная поддержка различныхъ родовъ оружія видна изъ того, что линія гоплитовъ не заботится больше о прикрытіи своихъ фланговъ, а предоставляетъ эту заботу лучникамъ и конницѣ. Другое замѣчательное обстоятельство въ битвѣ при Коронѣ—это движеніе центра раньше праваго фланга. Это было дѣломъ наемныхъ войскъ, привыкшихъ во время отступленія къ самостоятельному дѣйствию частей боевой линіи.

Но это были только зачатки преобразованій греческой тактики. Движеніе, возникшее вслѣдствіе похода десяти тысячъ, не успѣло привести еще къ какой нибудь системѣ боевой тактики. Видно только стремленіе къ подвижности массъ, чтобы пользоваться различными обстоятельствами въ бою. Все это выказывалось разрозненно, большею частью случайно, оставляя въ значительной степени старую тактику. Нужна была особенно талантливая личность, чтобы все это привести въ полную систему, и такою личностью явился Эпаминондъ. Положеніе Эпаминонда въ отношеніи къ военному искусству имѣетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ Наполеона, для котораго теорія и практика предшественниковъ все подготовила, оставалось привести дѣло въ ясность и воспользоваться.

Эпаминондъ не только сумѣлъ отлично обучить свое войско, приучить его къ ловкому обращенію съ оружіемъ и къ тактическимъ движеніямъ, довольно сложнымъ; но и оживилъ его тѣмъ воинственнымъ духомъ, благодаря которому оно сравнялось въ храбрости съ спартанцами, а въ военномъ искусствѣ съ прославленными наемными отрядами. Надо замѣтить, что войско еивянъ въ первое время

Исторія конницы М. Маркова

ӨРАКІЕЦЪ.

Источники: Шлоссеръ. Кн. Голицынъ, Зедделеръ, Аррианъ и др.

войны и въ битвѣ при Левктрахъ состояло исключительно изъ однихъ гражданъ ¹⁾, хотя господствовавшее въ Греціи направленіе и измѣнившаяся система веденія войны ввели почти всюду вербованіе наемниковъ.

Віотійская конница, о которой мы имѣемъ весьма мало свѣденій, какъ видно изъ послѣдующихъ дѣйствій, значительно превосходила спартанскую и сидѣла на лучшихъ лошадахъ, въ отношеніи которыхъ въ цѣлой Греціи она уступала только ессалійцамъ. Впослѣдствіи подъ знаменами Эпаминонда сражалось много союзниковъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчательна ессалійская конница. Хотя ессалійская конница появлялась на сцену и во время Пелоннезской войны, но свѣденія о ея дѣйствіяхъ крайне поверхностны.

Сраженіе при Левктрахъ (371 г.).

Мѣстечко Левктры находилось недалеко отъ Теспіи на обширной Віотійской равнинѣ, между горами Геликономъ и Киѳерономъ.

Ѳивяне, ободренные успѣхомъ своихъ полководцевъ, геніальнаго Эпаминонда и друга его Пелопида, начали домогаться владычества надъ всѣми віотійскими городами и не согласились на миръ, заключенный въ Спартѣ греческими государствами при посредничествѣ персовъ, главнымъ условіемъ котораго была независимость греческихъ государствъ. Ѳивы домогались подписать миръ отъ имени цѣлой Віотіи. Спартанцы на это не согласились и приказали Клеомвроту, стоявшему съ войскомъ въ Фокидѣ, вторгнуться въ Віотию и принудить Ѳиванцевъ возстановить независимость тамошнихъ городовъ. Ѳиванскіе полководцы собрали наскоро войско и заняли тѣснины Геликона, ожидая вторженія непріятеля изъ Ѳокеи черезъ Коронею; но Клеомвротъ пошелъ вдоль віотійской границы и расположилъ станъ свой на равнинѣ у мѣстечка Левктры. Ѳивяне знали, что участь отечества ихъ зависѣла отъ этого дня и, если бы они еще промедлили, непріятели могли-бы получить значительное подкрѣпленіе. По этой причинѣ рѣшено было дать сраженіе. 7го іюля оба войска стояли другъ противъ друга. Войско Клеомврота состояло изъ 10000 пѣхоты и 1000 конницы; Ѳивяне имѣли 6000 гоплитовъ, 1500 псилитовъ (легкой пѣхоты) и 500 конницы. У лакедемонянъ стояла въ первой линіи конница, во второй пѣхота, и лучшую часть ея составляли сами спартанцы, находившіеся на правомъ флангѣ.

Чтобы противодѣйствовать непріятельской конницѣ, Эпаминондъ выдвинулъ своихъ віотійскихъ всадниковъ, за ними поставлена была пѣхота въ 8 шеренгъ глубины. На правомъ крылѣ находились псилиты, на оконечности лѣваго крыла фаланга, построенная въ 48 шеренгъ; за фалангою стояла въ резервѣ священная дружина Ѳивянъ, 300 отборныхъ юношей. Планъ дѣйствія Эпаминонда состоялъ въ

¹⁾ Шлоссеръ ч. II, стр. 55.

томъ, чтобы лѣвымъ крыломъ своимъ опрокинуть правое непріятельское, какъ сильнѣйшее, и по малочисленности своего войска, уклонять свое правое крыло, которое, въ случаѣ неудачи, должно было прикрывать отступленіе. Эпаминондъ увѣренъ былъ, что побѣда останется за нимъ, когда ему удастся разбить спартанцевъ, потому что союзники далеко уступали имъ въ военномъ дѣлѣ. Но если такимъ образомъ нанесеніе рѣшительнаго удара и было предоставлено пѣхотѣ, то первый моментъ атаки необходимо долженствовалъ быть рѣшенъ конницею, маскировавшею фронтъ боевой линіи. Віотійская конница, имѣвшая гораздо лучшихъ лошадей и далеко превосходившая спартанскую въ устройствѣ и опытности вслѣдствіе постоянныхъ стычекъ съ ессалийскою конницею, атаковала непріятельскую кавалерію, отбросила ее на пѣхоту, пришедшую отъ того въ беспорядокъ, и этимъ самымъ приготовила дальнѣйшій успѣхъ. Вслѣдъ за конницей Эпаминондъ двинулъ свою глубокую колонну противъ праваго фланга спартанцевъ, а прочія части должны были двигаться уступами съ лѣваго фланга.

Спартанская пѣхота, задержанная въ центрѣ, продолжала наступленіе фалангами, и этимъ объясняется дугообразное расположеніе (полулуніемъ) спартанцевъ, о которомъ говоритъ Діодоръ. Слабѣйшее мѣсто Эпаминонда былъ флангъ атакующей колонны, который на самомъ дѣлѣ охватывался выдавшимся впередъ правымъ флангомъ Клеомврта. Но въ то же время Пелопидъ съ священною дружиной двинулся впередъ и предупредилъ съ этой стороны опасность. Колонна Эпаминонда всеокрушающею силою ударила на непріятеля и, не смотря на отчаянное мужество спартанцевъ, опрокинула правый флангъ: спартанское войско было разбито и бѣжало въ укрѣпленный лагерь.

При разборѣ этого сраженія бросается прежде всего въ глаза странное расположеніе спартанской конницы—непосредственно передъ фронтомъ пѣхоты. Ксенофонтъ объясняетъ это тѣмъ, что мѣстность между арміями была ровная. Рюстовъ и Кехли, находя объясненіе Ксенофонта неудовлетворительнымъ, говорятъ слѣдующее: „Эпаминондъ уже построился; вся или большая часть его конницы стояла на лѣвомъ флангѣ колонны, предназначенной для атаки. Клеомвротъ построился у подошвы высоты и долженъ былъ для боя выдвинуться на равнину. Это движеніе, вѣроятно, началось съ праваго фланга, со спартанской конницы. Такъ какъ мѣстность была ровная, и кавалерія вслѣдствіе этого двигалась легко, то она опередила свою пѣхоту, которая приняла вправо и очутилась за конницей, или же сама конница приняла влѣво и очутилась передъ пѣхотой“. Намъ кажется, что это можно объяснить еще и тѣмъ, что Клеомвротъ, пользуясь численнымъ превосходствомъ своей конницы, выдвинулъ нарочно ее впередъ для рекогносцировки или для того, чтобы разбить слабую віотійскую кавалерію, и, уничтоживъ послѣднюю, вступить въ бой съ прочими войсками. Но спартанцамъ не посчастливилось: Эпаминондъ, замѣтивъ выдвинувшуюся впередъ конницу ихъ,

выслалъ свою; віотяне, болѣе искусные въ конномъ дѣлѣ, опрокинули спартапцевъ и, преслѣдуя ихъ, вѣроятно, нагнали на центръ непріятельской арміи. Такимъ образомъ центръ былъ задержанъ, и Эпаминондъ направилъ свой молотъ на правый флангъ спартапцевъ.

Сраженіе при Мантинеѣ. (362 г. до Р. Х.).

Въ то время, какъ Эпаминондъ встрѣтилъ подъ Спартою упорное сопротивленіе, подъ Мантинею въ тылу его собиралось пелопоннезско—аѣинское войско. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился отступить и, дойдя до Тегеи, далъ отдыхъ своей пѣхотѣ, а часть конницы послалъ впередъ къ Мантинеѣ, которую надѣялся захватить врасплохъ. Но аѣиняне также выслали свою конницу къ Мантинеѣ, и конница эта по просьбѣ жителей вышла навстрѣчу віотянамъ. Произошла кавалерійская стычка, въ которой аѣиняне, не смотря на превосходство въ численномъ и даже качественномъ отношеніи віотійской конницы, остались побѣдителями. Это должно быть отнесено къ достоинствамъ предводителей аѣинской конницы, въ рядахъ которой въ описанномъ дѣлѣ сражался и палъ Гриллъ, сынъ Ксенофонта.

Вслѣдъ за этимъ Эпаминондъ двинулся со своею арміею и, присоединивъ къ себѣ разбитую конницу, сталъ противъ пелопоннезской арміи. У Эпаминонда было до 30 т. пѣхоты и 3 т. конницы, въ пелопоннезско—аѣинской арміи насчитывалось 20 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи. Но желая обмануть союзниковъ, Эпаминондъ повернулъ снова свою армію лѣво, взоселъ на высоты и сдѣлалъ видъ, будто бы желаетъ расположиться лагеремъ. Обманутые этимъ союзники также стали разбивать шатры, дозволили пѣхотѣ оставить ряды, а конницѣ разнудать. Этого только и нужно было Эпаминонду, и онъ немедленно перешолъ въ наступленіе. Союзники съ трудомъ изготовились къ бою и столкновеніе произошло въ слѣдующемъ порядкѣ:

У союзниковъ въ линіи гоплитовъ, начиная съ праваго фланга, находились: аркадяне, лакедемоняне, аѣиняне, элейцы, ахайцы и прочіе союзники. Правѣе гоплитовъ находилась спартапская конница въ непрерывной линіи безъ интерваловъ, глубиною въ 6 шеренгъ; а еще правѣе легкая пѣхота. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ аѣинская и элейская конница, неизвѣстно въ какомъ строю, но элейцы отодвинулись назадъ и составили резервъ аѣинской конницы.

Армія Эпаминонда находилась въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ—фаланги віотянъ и союзниковъ ихъ, лѣвѣе отборная еиванская пѣхота, свернутая въ глубокую колонну. На лѣвомъ флангѣ стояла лучшая ессалійская конница, къ которой были приданы отряды пѣхоты (пельтасты и гамишпы) для метанія стрѣлъ и камней, а еще лѣвѣе легкая пѣхота. На правомъ флангѣ должна была дѣйствовать віотійская конница, конные ессалійскіе стрѣлки и наемная пѣхота, которая, продвигнувшись на высоту, должна была угрожать лѣвому флангу непріятеля.

Вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, Эпаминондъ сосредоточилъ противъ праваго фланга пелопоннесской арміи втрое больше силъ. Планъ дѣйствій его состоялъ въ томъ, чтобы, занимая лѣвый флангъ противника, главный ударъ нанести правому флангу. Дѣло началось стычками легкой пѣхоты обоихъ фланговъ. Віотійская конница праваго фланга, поддержанная значительнымъ числомъ эссалійскихъ конныхъ копейщиковъ и пращниковъ, долго перекидывалась копьями съ аѳинскою конницею и наконецъ, бросившись впередъ, опрокинула ее рѣшительнымъ ударомъ и прогнала ее за пѣхоту. Но такъ какъ не на лѣвомъ флангѣ пелопоннесской арміи предполагалось рѣшеніе боя, то віотяне не преслѣдовали аѳинянь, а вернулись назадъ. При отступленіи этомъ они наскочили на аѳинскихъ гоэлитовъ для того, чтобы, какъ говоритъ Діодоръ, превзойти свою пѣхоту; но вѣроятно для того, чтобы удержать ихъ отъ поданія помощи правому флангу. Аѳинскіе гоэлиты очутились въ затруднительномъ положеніи, но къ нимъ на выручку явилась, стоявшая въ резервѣ, элейская конница, и заставила віотійцевъ отступить.

Во время этихъ стычекъ праваго фланга Эпаминонда, дѣло рѣшилось, какъ онъ и предполагалъ, на лѣвомъ флангѣ. Вслѣдъ за небольшими стычками пѣхоты и конницы лѣваго фланга, Эпаминондъ одновременно двинулъ тяжело-вооруженную эссалійскую конницу и глубокую колонну отборныхъ гоэлитовъ.

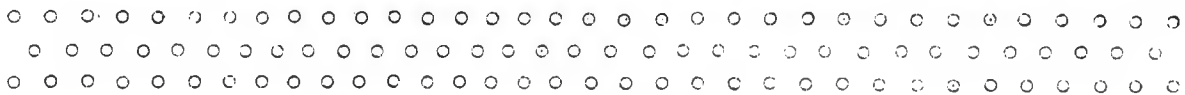
Далеко превосходя спартанцевъ въ верховой ѣздѣ и гибкостью строя, эссалійцы, при содѣйствіи стрѣлковъ и пращниковъ, скоро привели въ разстройство неповоротливую спартанскую конницу и прогнали ее за пѣхоту.

Наконецъ дѣло дошло до фалангъ. Громадная колонна ѳивянъ ударила на спартанцевъ, разгорѣлся ожесточенный бой. Эпаминондъ, желая одушевить своихъ воиновъ, сталъ въ передніе ряды, опрокинулъ непріятеля; но, преслѣдуя его, получилъ смертельную рану въ грудь. Съ распространеніемъ этого извѣстія дѣйствія тотчасъ прекратились: гоэлиты остановились, конница прекратила свои атаки.

Въ отношеніи дѣйствій кавалеріи въ этомъ сраженіи мы замѣчаемъ слѣдующія особенности: 1) спартанская конница расположена непрерывною линіею безъ интерваловъ. Подобное расположеніе придано было ей, вѣроятно, чтобы предотвратить заскакиванія на фланги и въ тылъ болѣе ловкой эссалійской конницы, нападеніе которой, какъ видно, она встрѣтила, стоя на мѣстѣ или двигаясь нерѣшительно впередъ. Это указываетъ странный взглядъ спартанцевъ на свойства кавалеріи. И во времена Фридриха Великаго конница иногда строилась en tiraille, но построеніе это предназначалось не для обороны, а для сильнѣйшаго удара, хотя это послѣднее не вполне достигалось, потому что кавалерія безъ интерваловъ приходила въ безпорядокъ; а вслѣдствіе этого уменьшалась быстрота и сила удара. Но и эссалійская конница, какъ показала ходъ боя, не атаковала стремительнымъ ударомъ. Мы заключаемъ это изъ того, что при подоб-

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ АРАВИТЯНЪ ВЪ СРАЖЕНІИ
ПРИ КАДИСИИ ВЪ 636 ГОДУ

1^я линія — Утро сего дня

2^я линія День помощи

3^я линія Ветер потрясенія

Ливансары

Знамя пророка

Аль-мугаджери

Женщины

и обозъ

номъ ударѣ, какъ дѣлала кавалерія Александра Македонскаго или Фридриха II, кавалерійскій бой рѣшается мгновенно, между тѣмъ какъ ѳессалійцы прекратили бой послѣ большой колонны.

Если предположить, что ѳессалійцы преслѣдовали спартанскую конницу, то они очутились бы въ далекомъ разстояніи за спартанскою пѣхотою; но Діодоръ говоритъ, что ѳессалійская конница опрокинула спартанскую и прогнала ее за пѣхоту. Вѣроятно происходило такъ, какъ бывало вообще въ столкновеніяхъ греческихъ конницъ: противныя стороны съѣхались, бросили другъ въ друга копы и схватились въ одиночный рукопашный бой. За стороною болѣе искусною во владѣніи конемъ и оружіемъ осталась побѣда. Стремительность же удара или сила напора ѳессалійской конницы, о которой говоритъ Арріанъ, вѣроятно должно отнести ко временамъ Филиппа Македонскаго, который, придумавъ построеніе для кавалеріи въ видѣ ромба или клина, быть можетъ, и былъ изобрѣтателемъ подобныхъ дѣйствій конницы. Это подтверждается тѣмъ, что при немъ, и особенно Александрѣ, кавалерія выступаетъ на первый планъ дѣйствій и служитъ главною виновницею всѣхъ его побѣдъ.

На лѣвомъ флангѣ пелопоннезско-аѳинской арміи, какъ извѣстно, дѣло склонилось въ пользу аѳинянъ вслѣдствіе того, что элейская конница, стоявшая въ резервѣ, подоспѣла на помощь къ пѣхотѣ и опрокинула віотянъ. Это первый примѣръ, который мы встрѣчаемъ, употребленія въ кавалеріи резерва. Что касается до подробностей построенія конницы въ описанномъ сраженіи, то объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Рюстовъ ¹⁾ говоритъ: „вслѣдъ за небольшими атаками конницы віотянъ Эпаминондъ направилъ главную атаку большой колонны конницы; а непосредственно за нею повелъ своихъ гоплитовъ, построенныхъ въ глубокой колоннѣ, на пѣхоту лакедемонянъ“. Мезере ²⁾ рассказываетъ такъ: „лакедемоняне расположили свою конницу по флангамъ.... Расположеніе конницы Эпаминонда было сходно съ этимъ, но, желая перенести главное дѣйствіе на лѣвый флангъ, онъ поставилъ тутъ свои лучшіе эскадроны (большею частью ѳессалійцевъ), построивъ ихъ при томъ такъ, чтобы они занимали небольшое протяженіе по фронту и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывали легкую пѣхоту, которая должна была драться съ ними.... Эмболонъ ѳессалійской конницы ³⁾ развернулся съ движеніемъ впередъ на лакедемонскую конницу; часть легкой пѣхоты, которую она прикрывала, прошла въ интервалы эскадроновъ, а остальная продолжила въ обѣ стороны фронтъ конницы. Вслѣдствіе этого конница лакедемонянъ, взятая съ фронта и фланговъ, была опрокинута“. Если это было дѣйствительно такъ, то слѣдо-

¹⁾ Рюстовъ и Кехли.

²⁾ Tableau général de la cavalerie Greque, par M. Joly de Maizeray, pag. 66.

³⁾ Эмболонъ—значить уголь.

вательно, вессалийцы атаковали не эмболономъ и не въ большой колоннѣ, какъ говоритъ Рюстовъ. Намъ кажется, что замѣчаніе Мезере болѣе подходитъ къ результатамъ боя.

Мы видѣли, что первый толчекъ впередъ греческой тактикѣ дали войны съ персами. До войнъ съ персами греки почти не употребляли конницы на поляхъ сраженій. Послѣ битвы при Платеѣ конница появляется во всѣхъ греческихъ государствахъ. Походы Агезилая въ Малой Азіи выказали несостоятельность этой конницы и принудили его переорганизовать ее.

Отступленіе десяти тысячъ еще болѣе указало на важность этого рода оружія въ составѣ войскъ и на неповоротливость гоплитовъ. Вслѣдствіе этого являются пельтасты, пѣхота болѣе подвижная чѣмъ гоплиты и одинаково способная къ производству атакъ и къ дальнему бою. Таланты Ксенофонта, Агезилая и Ификрата, слѣдовательно, снова двигаютъ впередъ военное искусство грековъ и готовятъ почву для дѣятельности Эпаминонда. Эпаминондъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ военныхъ людей Греціи, возвелъ тактику грековъ до высшей ступени, до которой она когда нибудь только достигала. Но, если мы вникнемъ глубже въ дѣло, то замѣтимъ, что Эпаминондъ усовершенствовалъ только бой тяжелой пѣхоты и прекрасно воспользовался имѣвшеюся подъ рукою конницею. Для взаимодействія же обоихъ родовъ оружія онъ сдѣлалъ очень мало. Система тактики Эпаминонда можетъ обойтись безъ конницы и легкой пѣхоты. Вся суть въ разницѣ построеній пѣхоты лѣваго фланга, назначавшагося для удара, отъ праваго, имѣвшаго цѣлью демонстраціи.

Конница, какъ до Эпаминонда, такъ и при немъ оставалась побочнымъ родомъ оружія. Она могла угрожать непріятельскимъ гоплитамъ, могла сдерживать ихъ и разстроивать своими атаками, маскировать построеніе своей пѣхоты; но нигдѣ еще конница не наноситъ рѣшительнаго удара. Она не прокладываетъ слѣдующей за нею пѣхотѣ пути къ побѣдѣ: она только обезпечиваетъ, стережетъ его. „Центръ тяжести боя въ линіи гоплитовъ“¹⁾.

Слѣдовательно греческой тактикѣ оставался еще одинъ шагъ: не только различно строить фланги, сообразно ихъ назначенію, но и цѣлесообразно ихъ организовать, т. е., разные роды оружія, являющіеся составными частями фланговъ, слить въ одно цѣлое, чтобы наносить ударъ противнику совокупными усиліями пѣхоты и конницы. Это исполнить выпало на долю уже не самихъ грековъ, а ихъ учениковъ—македонянъ, при знаменитыхъ царяхъ которыхъ Филиппъ и, въ особенности, Александръ греческая тактика и все военное искусство ихъ достигло своего апогея.

¹⁾ Голицынъ. Всеобщая Военная Исторія.

Г л а в а 3-я.

Македонія. Кавалерія при Филиппѣ и Александрѣ. Гетеры. Легкая конница. Димахосы. Численность, организація и строй конницы. Воспитаніе всадниковъ. Заботы Филиппа объ улучшеніи породы лошадей. Свѣденія о ремонтрованіи македонской конницы. Снаряженіе. Употребленіе кавалеріи въ бою, въ войнахъ Александра Македонскаго. Сраженія при Граникѣ и Гавгамелахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.

Македонія по внутреннему строю весьма сходствовала съ Фессаліею. Македонское дворянство, какъ фессалійское, отличалось воинственностью и храбростью, но оно не имѣло, подобно послѣднему, крѣпостныхъ. Македонскіе поселяне были свободными землевладѣльцами, охотно соединявшимися съ дворянствомъ для достиженія взаимныхъ выгодъ. Отношеніе царя къ дворянству были отношеніями равнаго къ равнымъ, соединенными съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Онъ собственно былъ главою военной аристократіи и пользовался властію только тогда, когда обладалъ военными дарованіями, т. е., умѣлъ присвоить себѣ диктаторскую власть полководца и воспользоваться для своихъ цѣлей преданными ему наемниками. Постоянныя смятенія, о которыхъ говоритъ исторія Македоніи, доказываютъ, что цари, стремившіеся къ неограниченной власти, встрѣчали противодѣйствіе въ націи и должны были бороться съ претендентами на престоль. Въ престолонаслѣдіи не было никакого порядка. Каждый царь, при вступленіи на престоль, долженъ былъ вновь покорять страну, а потому и не имѣлъ времени упрочить имъ устроенное. Велѣдствіе всего этого сильный и воинственный македонскій народъ, гордый своею національностью, не разъ подчинялся другимъ народамъ. Такимъ образомъ частыя внутреннія несогласія, происходившія отъ политическаго устройства страны, ослабляли и разъединяли силы народа.

Филиппъ Македонскій, вступивъ на престоль и переорганизовавъ внутренній строй страны, рѣшился создать національную армію, чтобы отдѣлаться отъ наемниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были главными виновниками или, по крайней мѣрѣ, содѣйствителями во всѣхъ смутахъ, терзавшихъ Македонію. Для этой цѣли Филиппъ въ народѣ нашелъ превосходный матеріаль. Филиппъ сумѣлъ приблизить къ себѣ македонское дворянство и создать изъ него кавалерію, которая впоследствии не уступала фессалійцамъ.

Ограниченныя свѣденія о военномъ устройствѣ Александра Македонскаго и еще болѣе Филиппа затемняются множествомъ разнообразныхъ взглядовъ послѣдующихъ писателей. При разборѣ этого вопроса необходимо: во первыхъ, дѣлать различіе между войсками первыхъ временъ Филиппа и Александра и тѣми войсками, съ которыми Александръ совершилъ свои послѣдніе походы; во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что у Александра, кромѣ македонянъ, были значительные контингенты грековъ, сосѣднихъ варваровъ и другихъ союзниковъ и наемниковъ; въ

третьихъ, войска сражавшіяся съ римлянами уже значительно отличались отъ войскъ Александра.

Прежде всего Филиппъ сформировалъ тяжелую пѣхоту и незначительное количество конницы на манеръ греческой. Но частыя сношенія съ Ѳессаліей показали ему всѣ недостатки созданной конницы и заставили искать союза съ Ѳессалійцами. Впослѣдствіи онъ совсѣмъ подчинилъ себѣ эту страну, пользуясь ея внутренними смутами, и съ тѣхъ поръ Ѳессалійская конница составляетъ одну изъ лучшихъ частей арміи Филиппа и Александра. Ѳессалійская конница оказала важныя услуги Александру Македонскому въ его походахъ, и онъ отлично умѣлъ воспользоваться ея корыстолюбіемъ, происходившимъ отъ страсти къ наслажденіямъ и блеску. Александръ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить случай обогатиться всѣмъ, принадлежавшимъ къ составу этого отряда, въ особенности, когда они, какъ и прочіе волонтеры, желали возвратиться домой. Онъ тогда не удерживалъ ихъ, а давалъ каждому, кромѣ его доли въ добычѣ, значительные денежные подарки, и приказывалъ отправлять ихъ въ Европу на свой счетъ. Такъ напр., на походѣ изъ Персеполя къ Экбатанѣ, отпуская ихъ домой, онъ подарилъ имъ двѣ тысячи талантовъ (около 2700000 руб. сер.). Эта щедрость побудила многихъ изъ нихъ тотчасъ же поступить снова въ службу, а богатства, привезенныя домой остальными, привлекли множество новыхъ охотниковъ служить въ македонской арміи. Впослѣдствіи, когда македонская конница гетеровъ постоянными походами и практикой приобрѣла такую же ловкость, Александръ пересталъ нуждаться въ Ѳессалійцахъ и охотниковъ изъ нихъ сталъ ставить въ ряды македонской тяжеловооруженной конницы. Прочія имѣющіяся свѣденія о Ѳессалійской конницѣ уже были изложены.

Ѳессалійская конница вѣроятно служила образцомъ для македонской конницы. Точно также, какъ и первая, македонская кавалерія была тяжело вооружена и предназначалась для удара. Конница эта была сформирована изъ высшаго македонскаго дворянства и называлась гетерами, т. е., друзьями и товарищами царя. Для лучшаго комплектованія этой конницы, дворянство было раздѣлено на округа, изъ которыхъ каждый обязанъ былъ выставять одинъ илосъ—отъ 150 до 250 всадниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ округовъ намъ извѣстны: Боттійскій, Амополіссскій, Аполлонійскій, Антемюзійскій и Эгейскій. Всѣхъ ихъ было до 15, и они выставляли столько же илосовъ. Шестнадцатый илосъ образовался изъ пажей, состоявшихъ при особѣ царя. Онъ назывался агемою, имѣлъ назначеніе царскаго конвоя и игралъ роль гвардіи. Гетеры были вооружены также тяжело, какъ и Ѳессалійцы: носили панцыри и шлемы такого же устройства, какъ и у прочихъ грековъ; но предохранительное оружіе было у нихъ дополнено набедренниками сверхъ сапогъ и наручниками. Вѣроятно и лошади ихъ имѣли предохранительное оружіе, по примѣру Ѳессалійцевъ, но объ этомъ нигдѣ не упоминается. Нѣкоторые

Исторія конницы М. Маркова.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

изъ гетеровъ во времена Александра имѣли щиты ¹⁾. Наступательное оружіе состояло изъ копій и обоюдоострыхъ мечей, которыми можно было рубить и колоть. Мечи эти были значительно длиннѣе греческихъ.

Въ легкой конницѣ собственно македонянъ не было. Но во времена Александра рядомъ съ гетерами мы встрѣчаемъ корпусъ сариссофоровъ, родъ облегченной кавалеріи, подобно тому, какъ въ греческой пѣхотѣ были пельтасты. Сариссофоры носили грудной кирасъ и легкій шлемъ. Въмѣсто короткаго копья гетеровъ они имѣли длинныя копья, какъ у пѣхоты, отъ 14 до 16 футъ. Вѣроятно копье это было легче и тоньше пѣхотнаго, такъ какъ имъ дѣйствовали одной рукою.

Сариссофоры получаютъ особенное значеніе во второй половинѣ походовъ Александра, въ дѣйствіяхъ противъ степныхъ варваровъ, при быстрыхъ и продолжительныхъ преслѣдованіяхъ, когда гетеры оказывались тяжелы.

Филиппъ, воспользовавшись ѳессалійскою конницею, обратилъ вниманіе и на ѳракійцевъ. Какъ ѳессалійцы представляютъ собою превосходную конницу для производства удара на поляхъ сраженій, такъ ѳракійцы были весьма полезны на театрѣ военныхъ дѣйствій. ѳракійцы, и особенно племена пеонійцевъ и гетовъ, участвовали во всѣхъ походахъ Александра, употреблялись преимущественно для развѣдывательной службы и всегда слѣдовали въ авангардахъ.

Послѣ сраженія при Гавгамелахъ Александръ сталъ ставить въ ряды македонскихъ войскъ персовъ и прочихъ народовъ, какъ въ пѣхоту, такъ и въ конницу. А въ легкой конницѣ являются разные степные варвары, между которыми особенную извѣстность получаютъ скиѳы и даки, какъ отличные конные стрѣлки изъ луковъ. Даки принесли большую пользу Александру въ Индіи. Кромѣ того, въ рядахъ арміи во время первыхъ походовъ Александра были наемники греческіе. Изъ союзной кавалеріи чаще другихъ упоминаются элейцы.

Полліенъ (I. 132) рассказываетъ, что Александръ сформировалъ димахосовъ, которые будто были вооружены легче пѣхоты и тяжелѣе конницы и дрались, смотря по обстоятельствамъ въ пѣшемъ или конномъ строю. Мы замѣтили выше, что часть гетеровъ была со щитами. При производствѣ стремительныхъ атакъ, для которыхъ назначались гетеры, щитъ не нуженъ. Намъ извѣстно также, что греческая конница брала щиты только тогда, когда предстояла необходимость дѣйствовать въ пѣшемъ строю. Основываясь на всемъ этомъ, можно предположить, что часть гетеровъ, вооруженная щитами, и составляла димахосовъ. Какъ примѣръ употребленія гетеровъ въ пѣшемъ строю можно привести слѣдующій случай. Во время похода противъ тавлантіевъ Александръ выслалъ впередъ своихъ тѣлохранителей и часть гетеровъ, изъ которыхъ половина имѣла щиты, чтобы выбить непріятеля съ возвышенности, мимо которой приходилось проходить всей арміи.

¹⁾ См. ниже о димахосахъ.

Вооруженные щитами должны были спѣшиться и поддерживать конницу въ пѣшемъ строю.

Во время продолжительнаго преслѣдованія Дарія къ Каспійскимъ проходамъ Александръ посадилъ 500 человекъ пѣхоты на коней, чтобы не оставлять своей конницы безъ поддержки пѣхотой. Впослѣдствіи онъ часто прибѣгалъ къ этому средству, въ особенности во время индійскаго похода: такъ напримѣръ, при дѣйствіи на Хоаспѣ.

Во всякомъ случаѣ эта пѣхота, посаженная на коней, не можетъ быть приравнена къ драгунамъ и дѣйствовать двоякимъ образомъ не могла. Слѣдовательно приходится остановиться на томъ предположеніи, что часть гетеровъ, вооруженная щитами саставляла димахосовъ подъ именемъ сариссофоровъ. Димахось значитъ двойной. А собственно слова димахосы, какъ названія особеннаго рода войскъ, за исключеніемъ Полліена и Діодора, мы нигдѣ не встрѣчали у древнихъ. Но Діодоръ говоритъ о димахосахъ кельтиберовъ, а не македонянъ ¹⁾.

Въ началѣ царствованія Филиппа конница была очень слаба, въ концѣ же доходила до 3000. Слѣдовательно каждый округъ выставялъ отъ 150 до 200 человекъ. Эліанъ илосомъ называетъ тактическую единицу кавалеріи македонянъ и полагаетъ ее въ 60—64 всадника. Илосомъ, какъ извѣстно, прежде всего называлось число всадниковъ, выставляемыхъ однимъ округомъ. Быть можетъ въ началѣ царствованія илосъ дѣйствительно состоялъ изъ 60 всадниковъ; но впослѣдствіи, при Александрѣ, илосы доходили до 250 коней. Если предположить, что изъ выставляемыхъ округами всадниковъ формировались и сариссофоры, нормальное число которыхъ Рюстовъ полагаетъ въ 800—1200 коней, то тактическая единица состояла среднимъ числомъ изъ 125 всадниковъ.

Числительность конницы во время Александра постепенно возрастала. Геллеспонтъ Александръ перешелъ съ 32 т. пѣхоты, 3600 всадниковъ тяжело вооруженныхъ и 900—1500 легкихъ, т. е., отъ 4500—5100 коней; весною, во время пребыванія Александра въ Гордіонѣ, прибыло къ нему 600 всадниковъ; въ Египетъ пришло 500 аракійцевъ; въ сраженіи при Гавгамелахъ на 40 т. пѣхоты было 7 т. всадниковъ. Въ 330 году силы Александра возрастаютъ до 53 т. пѣхоты и 9000 конницы, а въ 328 доходятъ до 90 т. пѣхоты и 15 т. кавалеріи ²⁾. Такое быстрое возрастаніе арміи происходило вслѣдствіе того, что Александръ сталъ ставить въ ряды македонянъ: персовъ, арахозянъ, согдіянъ, даковъ и другихъ покоренныхъ народовъ.

Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ числительности войскъ увеличивается и тактическая единица, какъ въ кавалеріи, такъ равно и въ пѣхотѣ. Александръ, допуская персовъ въ армію, перемѣшивалъ ихъ въ радахъ съ македонянами, причемъ пер-

¹⁾ V. 33.

²⁾ Курцій насчитываетъ всю армію 125 т.

вые ряды составляли македоняне, а сзади стояли персы. Но въ легкой кавалеріи варварскіе союзники составляли отдѣльные отряды. Такъ, напримѣръ, даки въ сраженіи при Гидаспѣ, составляя особый отрядъ, находились въ войскахъ Кратера. Вслѣдствіе изложенныхъ причинъ илось въ конницѣ дошелъ до 250 коней, сдѣлался неповоротливымъ, и Александръ раздѣлилъ его на два лоха.

Въ началѣ конница гетеровъ вся состояла подъ общимъ начальствомъ Филотаса. Но послѣ смерти его предводительство ею было раздѣлено между Клитомъ и Эфестіономъ изъ опасенія, чтобы начальникъ гетеровъ не приобрѣлъ слишкомъ много власти. Послѣ же убійства Клита гетеры были раздѣлены на 5 частей: агема и 4 гиппархіи. Каждая гиппархія состояла изъ 500 всадниковъ, дѣлилась на 2 илоса; а каждый илосъ на 2 лоха, по 125 коней.

Хотя общимъ начальникомъ конницы гетеровъ (хилархомъ) съ этихъ поръ считался Эфестіонъ, но этотъ титулъ принадлежалъ ему только номинально, какъ почетный санъ: ¹⁾ съ началомъ степныхъ походовъ вся армія раздѣляется на небольшіе отряды изъ пѣхоты и конницы, и Эфестіону ни разу не удалось быть во главѣ всѣхъ гетеровъ. Наконецъ съ этихъ поръ на первый планъ выступаютъ сариссофоры и легкая конница, гетеры употребляются рѣдко и большею частью оставляются гарнизонами въ завоеванныхъ городахъ.

Арріанъ говоритъ, что Филиппъ Македонскій строилъ свою кавалерію угломъ, или клиномъ подобно еракійцамъ. Александръ напротивъ предпочиталъ прямоугольники въ 4 шеренги и никогда не строилъ ее болѣе какъ въ 8 шеренгъ.

О воспитаніи всадниковъ мы имѣемъ весьма мало свѣденій. Филиппъ ввелъ обычай, чтобы знатнѣйшіе люди страны присылали къ нему сыновей своихъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Юноши эти поступали въ царскіе пажи, подавали царю коня, принимая отъ конюха; сопровождали на охоту, прислуживали въ спальнѣ и, состоя при особѣ царя, участвовали во всѣхъ походахъ и битвахъ. Рядомъ этихъ постоянныхъ упражненій пажи дѣлались превосходными наѣздниками, и изъ нихъ по возмужаніи составлялся царскій илосъ — агема, служившій разсадникомъ кавалерійскихъ начальниковъ.

Какъ особенный примѣръ ловкости этихъ юношей можно привести случай съ Гермолаемъ. Гермолай, будучи пажемъ Александра, сопровождалъ его однажды на охотѣ за вепремъ. Александръ настойчиво преслѣдовалъ звѣря, но ловкій Гермолай лишилъ его чести побѣды: увлекшись пыломъ преслѣдованія, онъ обскакалъ Александра и убилъ вепря.

Во время перваго своего пребыванія въ Персидѣ, Александръ приказалъ выбрать 30 т. персидскихъ мальчиковъ, обучить ихъ греческому языку и мекедон-

¹⁾ Droysen, Geschichte der Nachfolger Alexanders des Grosser. Arrien. Anab. VII 1. 4. 10.

скому строю. Мальчики эти были представлены Александру по возвращении его из Индіи, маршировали въ его присутствіи, и онъ назвалъ ихъ своими эписганами. Хотя, кажется мальчики эти были подготовлены въ пѣхоту, но рядомъ съ этимъ Арріанъ замѣчаетъ, что тутъ же Александръ сформировалъ пятую гиппархію конныхъ гетеровъ, допустивъ персовъ даже въ агему и вооруживъ ихъ по македонскому образцу, вмѣсто дротиковъ, копьями.

Отпуская изъ Персиды 10 т. самыхъ старѣйшихъ ветерановъ домой, Александръ оставилъ у себя ихъ сыновей прижитыхъ отъ персіянокъ. Онъ намѣревался дать имъ македонское воспитаніе и военное обученіе и уже послѣ отправить къ отцамъ.

Филиппу Македонскому при вступленіи на престоль предстояли большія заботы объ образованіи конницы. Александръ получилъ отъ отца готовую конницу, которая въ началѣ пополнялась приводимыми изъ Европы готовыми всадниками. Послѣ завоеванія персидскаго царства, допустивъ въ ряды македонянъ персовъ, мидянъ, даковъ и проч., онъ смѣло могъ не заботиться о предварительной подготовкѣ всадниковъ, такъ какъ варвары, поступившіе въ ряды македонской конницы, были превосходные наѣзники. Оставалось позаботиться о подготовкѣ начальниковъ, а для этой цѣли существовали пажи и агема. Вслѣдствіе этого, какъ видно изъ приведеннаго выше, Александръ преимущественно расточаетъ свои заботы для подготовки людей въ пѣхоту.

Филиппъ II, вступивъ на престоль, нашелъ кавалерію македонянъ въ весьма печальномъ видѣ. Это заставило его обратить вниманіе на Фессалію и Фракію. Сначала онъ приобрѣлъ себѣ союзную и наемную конницу въ этихъ странахъ, а потомъ онъ обѣ страны привелъ въ полную зависимость отъ Македоніи. Страны эти оказали большое вліяніе на конницу македонянъ. По примѣру фессалійцевъ Филиппъ устроилъ гетеровъ, изъ Фракіи онъ получалъ легкую конницу и лошадей. Коневодство фракійцевъ было извѣстно еще Гомеру. Они съ древнѣйшихъ временъ употребляли лошадей для различныхъ упражненій и игръ въ честь боговъ. Но Филиппъ не довольствовался этимъ. Цари гетовъ (племя фракійцевъ), по свидѣтельству Страбона ¹⁾, обращали особенное вниманіе на коневодство, и въ ихъ табунахъ насчитывали ежегодно сотни тысячъ жеребятъ.

Юстинъ ²⁾ рассказываетъ, что скиѣскіе князья владѣли громадными табунами прекрасныхъ лошадей, въ родѣ мидійскихъ. Потому то Филиппъ, отецъ Александра Македонскаго, предпринялъ походъ противъ скиѣовъ, разбилъ ихъ при

¹⁾ Lib. XVII.

²⁾ Justin. 9. 2. 6.

устьяхъ Истера и отнялъ 20 т. матокъ хорошей породы, которыя были отправлены въ Македонію для улучшенія породы тамошнихъ лошадей. Неизвѣстно, къ которому времени относится это предпріятіе Филиппа. Если Юстинъ рассказываетъ про походъ 340 г. до Р. Х., то Филиппъ на обратномъ пути подвергся нападенію трибалловъ, и вся добыча, захваченная у скивовъ, была отнята ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ заботы Филиппа объ улучшеніи породы македонскихъ лошадей подтверждаются его любовью къ этому дѣлу. Филиппъ принималъ живѣйшее участіе въ конскихъ состязаніяхъ, и говорятъ ²⁾, что въ день взятія Потидеи онъ получилъ одновременно три радостныя извѣстія: извѣстіе о рожденіи сына Александра, о побѣдѣ его коня на олимпійскихъ играхъ и о другой побѣдѣ, одержанной его полководцемъ Парменіономъ надъ иллирійцами.

Коневодство македонское сосредоточено было по преимуществу въ городѣ Пеллъ, мѣстѣ рожденія Филиппа и Александра. Страбонъ говоритъ, что въ Пеллѣ было болѣе 30 т. кобылъ и 300 племенныхъ жеребцовъ.

Вступивъ въ Малую Азію, Александръ, по всей вѣроятности, ремонтировалъ конницу азіатскими лошадьми, тѣмъ болѣе, что еще Агезилай, во время пребыванія въ этой странѣ, имѣлъ возможность улучшить конскій составъ своей кавалеріи. Но объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Между тѣмъ положительно извѣстно, что послѣ сраженія при Гавгамелахъ конница гетеровъ была посажена на азіатскихъ лошадей.

Главные разсадники лошадей Персіи были въ Арменіи и Мидіи. „Мидія“, говоритъ Полибій ³⁾, „отличается преимуществами своихъ людей и лошадей; послѣдними она опередила всю Азію, поэтому и царскіе конные заводы переведены туда“. „Мидія и Арменія“, „говоритъ Страбонъ, чрезвычайно богаты лошадьми. Тамъ есть страна луговъ Гишоботонъ, черезъ которую проходятъ путешественники, отправляющіеся изъ Вавилона и Персиды къ Каспійскимъ воротамъ“. Во времена персовъ на ней паслось до 50 т. матокъ, принадлежавшихъ царю. Геродотъ говоритъ о породѣ низейскихъ лошадей Мидіи. По свидѣтельству новѣйшихъ ⁴⁾ открытій, Низей была страна пограничная нынѣшнему Туркестану, черезъ который производились постоянныя вторженія кочующихъ племенъ. Здѣсь въ равнинахъ до Танаиса или Яксарта ⁵⁾ странствовали кочующія племена на легкихъ и быстрыхъ коняхъ, достигавшія даже до европейскаго Танаиса, Борисфена и Истера ⁶⁾ по сѣверную сторону Каспійскаго и Чернаго морей. Это

¹⁾ Шлоссеръ въ русскомъ переводѣ т. II, стр. 135.

²⁾ Шлоссеръ т. II, стр. 105.

³⁾ Шлоссеръ т. I.

⁴⁾ Nehn. Culturpflanzen und Hausthiere.

⁵⁾ Сыръ Дарья.

⁶⁾ Донъ, Днѣпръ и Дунай.

были паряне, массагеты, даки, хоразмійцы, сарматы, скионы и др., извѣстные въ Персіи подъ общимъ названіемъ саковъ. Эти народы жили неразлучно съ своими конями. Ихъ стрѣльба изъ луковъ, быстрота, съ которою они пробѣгали громадныя пространства неоднократно описывались древними писателями съ большею или меньшею подробностью ¹⁾. Лучшею конницею въ персидскомъ войскѣ была сакская. Нѣкоторыя племена служили и въ войскахъ Александра, какъ уже было замѣчено.

Арріанъ повѣствуетъ, что Александръ посѣтилъ низейское поле, на которомъ паслись кобылицы царскихъ заводовъ. Ихъ было нѣкогда, по словамъ Геродота, до ста пятидесяти тысячъ. Александръ нашель уже третью часть, а прочія были расхищены ²⁾.

Гуго ³⁾, ссылаясь на 8 книгу Арріана говоритъ, что узда, употреблявшаяся въ арміи Александра Великаго во время похода въ Индію, состояла изъ намордника невидѣланной кожи; внутренняя сторона котораго снабжена была металлическими иглами (жалами). Вѣроятно подобный намордникъ употреблялся независимо отъ удила; прочее снаряженіе ничѣмъ не отличалось отъ греческаго и состояло изъ попоны, прикрѣпляемой къ лошади трокомъ и подперсьемъ. Попоны были шерстяныя, а богатые и начальники имѣли звѣриныя шкуры. У Александра Македонскаго была тигровая шкура.

Въ походахъ Александра можно различить два періода: первый, до побѣды при Гавгамелахъ, имѣеть характеръ эллинской тактики; второй, послѣ этого сраженія, состоитъ въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ, составленныхъ по преимуществу изъ легкихъ войскъ. Мы имѣли случай замѣтить, что Эпаминондъ усовершенствовалъ бой пѣхоты, прекрасно воспользовался конницею, которая была въ его распоряженіи; но мало сдѣлалъ для взаимодѣйствія обоихъ родовъ оружія. Конница при Эпаминондѣ составляетъ подобный родъ оружія. Она не прокладываетъ слѣдующей за нею пѣхотѣ пути къ побѣдѣ, но только обезпечиваетъ, стережетъ его. При Александрѣ конница выступаетъ на первый планъ: легкая пѣхота поддерживаетъ и способствуетъ ея атакамъ, а тяжелая пѣхота составляетъ какъ бы резервъ легкихъ войскъ и вводится въ бой тогда, когда уже противникъ потрясенъ ими, чтобы довершить ударъ; или служить наконецъ на случай неблагоприятнаго исхода дѣла. Замѣчательно при этомъ, что у Александра взаимодѣйствіе пѣхоты и кавалеріи доведено до возможной степени. Чтобы сломить противника на какомъ нибудь пунктѣ, Александръ никогда не употребляетъ одинъ родъ оружія не только въ большихъ сраженіяхъ, но даже въ мелкихъ летучихъ набѣ-

¹⁾ Justin 41. 3.

²⁾ Арріанъ, кн. VII, стр. 533, въ русскомъ переводѣ.

³⁾ Hugone. De militia equestri antiqua et nova.

гахъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, какъ напр. осады укрѣпленныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Александръ ввелъ въ греческую тактику то, чего ей не доставало при Эпаминондѣ.

Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, разберемъ наиболѣе замѣчательныя сраженія, данныя Александромъ, выведемъ заключеніе объ употребленіи кавалеріи въ бою, и затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ея дѣйствій на театрѣ войны.

Сраженіе при Граникѣ.

Позиція при Граникѣ, занятая персидской арміей, была съ фронта прикрыта упомянутою рѣкою, удобопроходимую въ бродъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но по крутости береговъ представлявшею для переправы значительныя затрудненія. Впрочемъ изъ повѣствованія Арріана ¹⁾, что нѣкоторые персидскіе всадники сходили къ самой водѣ и схватывались съ македонянами, можно заключить, что къ рѣкѣ было достаточно удобовосходимыхъ спусковъ. Правый берегъ двумя уступами спускался къ рѣкѣ, лѣвый берегъ былъ открытъ.

Персидская армія въ числѣ 40 т., подъ начальствомъ Мемнона, расположена была въ 2 линіи: первая, состоявшая изъ всей конницы, числомъ въ 20 т., касалась своимъ растянутымъ фронтомъ берега рѣки ²⁾; вторая изъ 20 т. наемной пѣхоты была расположена на верхнемъ уступѣ.

Македонская армія приближалась къ Граннику въ четырехъ колоннахъ: въ первой шли гетеры и пеонійская легкая конница, во 2-й пѣшіе стрѣлки, гипасписты и нѣсколько таксъ гоплитовъ; въ 3-й остальные гоплиты, и въ 4-й вессалийская, союзная и одризкая легкая конница.

Авангардъ изъ 500 человекъ легкой пѣхоты и сариссофоръ былъ посланъ впередъ подъ начальствомъ Эгелюха. Въ тылу арміи шелъ обозъ подъ прикрытіемъ еракійской пѣхоты.

Когда получены были свѣденія отъ авангарда, что персидская армія занимаетъ сильную позицію за р. Граникомъ, Александръ рѣшился выстроить боевой порядокъ и немедленно форсировать переправу. Парменіонъ, полководецъ опытный, совѣтовалъ отложить это дѣйствіе до слѣдующаго дня, полагая, что непріятель, слабѣйшій въ пѣхотѣ, непременно отступитъ въ теченіи ночи. Но Александръ былъ другаго мнѣнія, и для достиженія цѣли избралъ средство, которое хотя представляло большія трудности, но взамѣнъ того могло произвести необыкновенное вліяніе на духъ обѣихъ сторонъ и дать македонской арміи нравственный перевѣсъ во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

¹⁾ Арріанъ, кн. I, стр. 402 въ русскомъ переводѣ.

²⁾ Арріанъ, кн. I, стр. 402.

Войско македонянь выстроилось въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ праваго фланга: агриане и пѣшіе стрѣлки, конные гетеры, сариссофоры, пеонійцы, гипасписты, 8 таксъ тяжелой пѣхоты, одризскіе всадники, греческая союзная конница и вессалійцы. Всего въ строю у македонянь было около 24 т. тяжелой пѣхоты, 3000 гипаспистовъ и отъ 4500 до 5000 всадниковъ.

Самъ Александръ принялъ начальство надъ правымъ флангомъ, а лѣвый ввѣрилъ Парменіону.

Дѣйствія начались тѣмъ, что Александръ приказалъ Аминту съ сариссофорами, пеонійцами, однимъ илосомъ гетеровъ (Сократа) и небольшою частью гипаспистовъ двинуться въ бродъ черезъ Граникъ и напасть на лѣвый флангъ персидской конницы. Это было сдѣлано, какъ кажется, съ цѣлью привлечь все вниманіе персовъ къ этому флангу. И действительно: персы стараются помѣшать наступленію Аминта метательнымъ оружіемъ и постепенно усиливаютъ лѣвый флангъ.

Тогда Александръ во главѣ гетеровъ, имѣя по правую сторону легкую пѣхоту агрианъ, по лѣвую отрядъ гипаспистовъ, двигается впередъ; на походъ принимаетъ влѣво, чтобы заполнить образовавшійся промежутокъ отдѣленіемъ отряда Аминта, и приказываетъ флангъ двинуться за нимъ уступами съ праваго фланга.

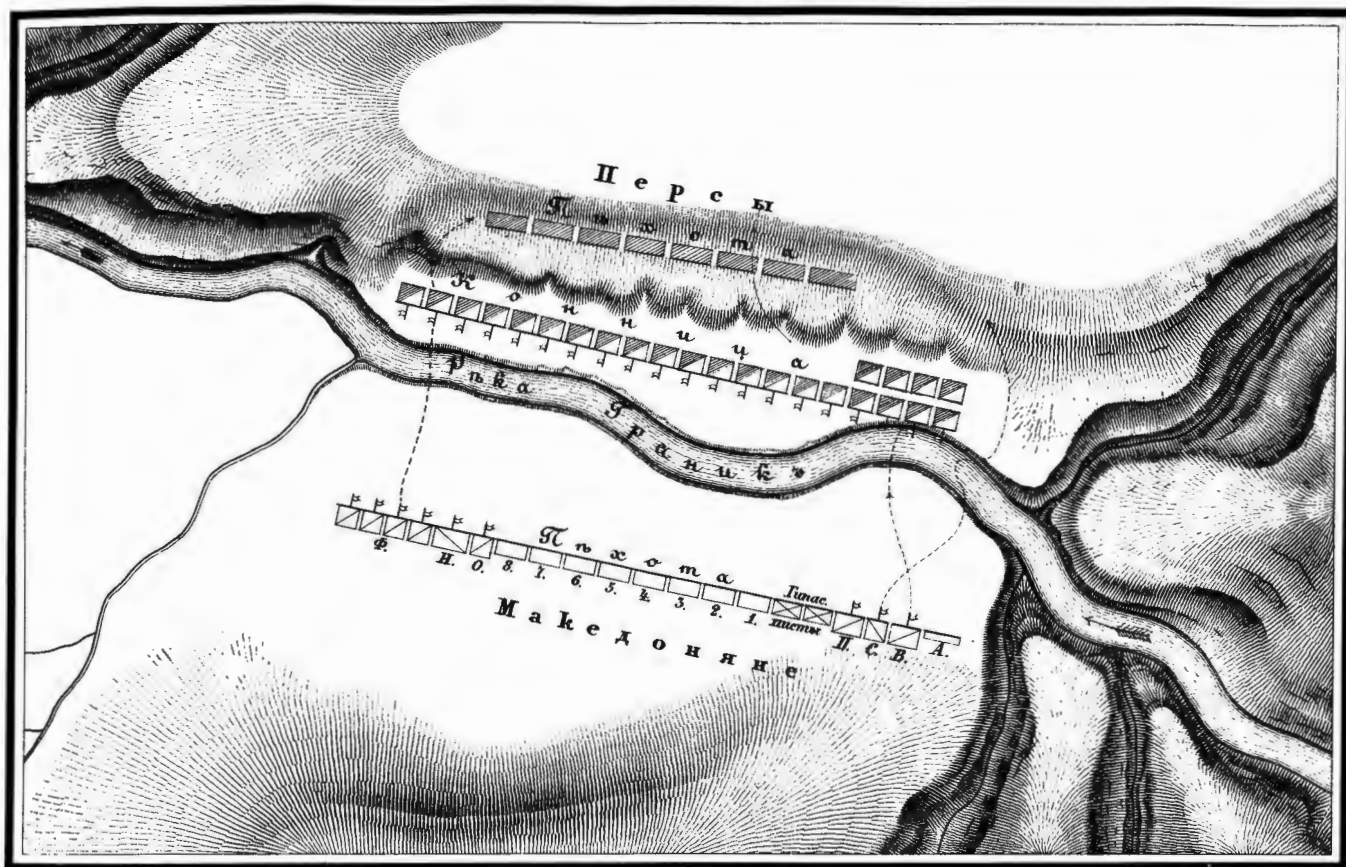
Между тѣмъ Аминтъ вступилъ въ ожесточенный бой съ персами. Персы, имѣя за собою значительное превосходство силъ, выгоду мѣстоположенія и ободряемые присутствіемъ самого главнокомандующаго Мемнона, опрокинули Аминта, и остатки отряда его обратились въ бѣгство. Александръ, присоединивъ къ себѣ остатки отряда Аминта, останавливаетъ преслѣдованіе спустившихся въ рѣку персовъ и нападаетъ, какъ говоритъ Арріанъ, на самую густоту персидской конницы.

Неудободоступность мѣстности не позволила македонской конницѣ произвести ударъ, и бой ея съ персами имѣлъ совершенный видъ пѣхотнаго боя. Плутархъ говоритъ, что въ этомъ бою приняли участіе 13 илосовъ. Если считать по Плутарху 8 илосовъ гетеровъ, можно думать, что къ Александру изъ отряда Аминта присоединилось 4 илоса сариссофоръ и 1 или 2 илоса пеонійцевъ (такъ какъ нѣкоторые насчитываютъ только 7 илосовъ гетеровъ).

Легкая пѣхота, вступивъ въ промежутки илосовъ, наноситъ сильный вредъ конницѣ персовъ и приводитъ ее въ замѣшательство. Центръ ея подается назадъ, конница македонянь врѣзывается въ образовавшійся промежутокъ и обращаетъ персидскую кавалерію, неподдержанную своею пѣхотою, въ бѣгство.

Во время этого боя тяжелая пѣхота и конница Парменіона переправились безъ особенныхъ затрудненій, или встрѣтивъ самое незначительное сопротивленіе, такъ какъ главное вниманіе персовъ сосредоточено было на лѣвомъ флангѣ. По всей вѣроятности, Парменіонъ, переправившись на правый берегъ, атаковалъ съ вессалійцами правый флангъ персидской конницы и облегчилъ дѣйствія Александру. Арріанъ говоритъ слѣдующее: „персы и ихъ лошади, поражаемые спереди

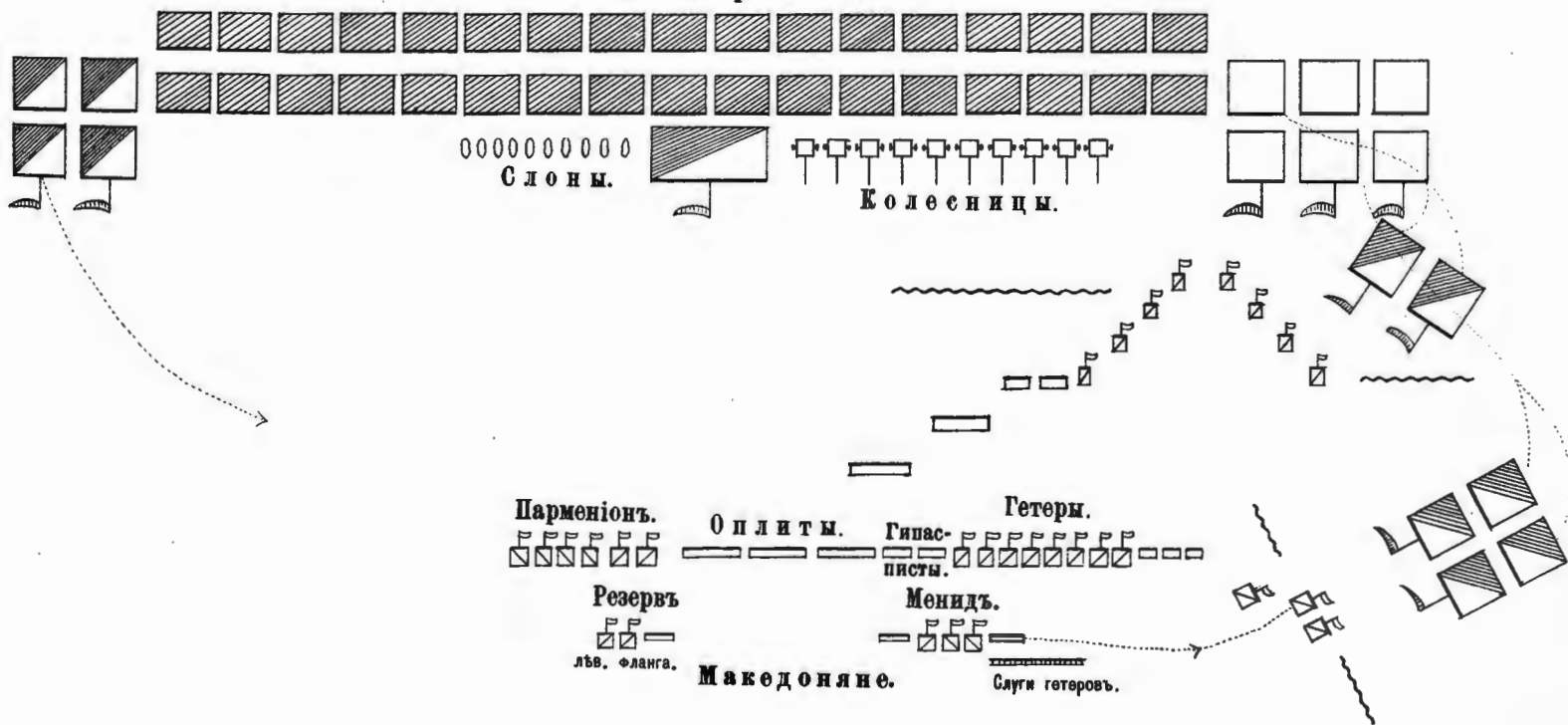
ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГРАНИКЪ

- Македоняне**
А. Ариѣи	П. Пеонійци	О. Одрискіе всадники
В. Гетери	1-8. Тяжелоі пѣхоты	Н. Сюзые всадники
С. Сариссофоры		Ф. Вессалийци

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГАВГАМЕЛЛЪ.

Персы.

Лагерь
Македоняне.

копьями, и со всѣхъ сторонъ кавалерію, безпокоимые стрѣлками, вмѣшавшимися въ ряды ихъ, начали отступать. Оставалось Александру порѣшить съ наемною греческою пѣхотою, которая во время боя конницы оставалась въ полномъ бездѣйствіи. Для этой цѣли Александръ остановилъ преслѣдованіе персидской конницы, выстроилъ тяжелую пѣхоту, перешедшую на правый берегъ въ одну линію, и одновременнымъ ударомъ пѣхоты съ фронта и конницы съ фланговъ опрокинулъ наемниковъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, они были частью изрублены, частью захвачены въ плѣнъ.

Персидская конница по Арріану оставила на мѣстѣ 1000, по Діодору 2000 всадниковъ, наемная пѣхота до 10 т. убитыми и 2 т. плѣнными; остальные разбѣжались.

Потери Александра, по показанію Арріана, были ничтожны, именно: 25 гетеровъ, 60 человекъ легкой конницы и 30 пѣхотинцевъ. Трудно повѣрить подобнымъ показаніямъ, если припомнить затрудненія, встрѣченныя Аминтомъ: главною причиною неудачи персовъ, конечно, было нравственное впечатлѣніе, которое произвела необычайная смѣлость Александра.

Отсутствіе энергіи въ персидскихъ войскахъ отчасти можетъ быть объяснено и тѣмъ, что Мемнонь, предводитель персовъ, былъ противъ того, чтобы вступить въ бой съ Александромъ. Онъ предлагалъ отступать въ глубь страны, обращая ее въ пустыню и лишая македонянъ средствъ къ содержанію арміи; а наступательныя дѣйствія предоставить сильному персидскому флоту. Но военный совѣтъ и Дарій Кодоманъ принудили его вступить въ бой.

Независимо отъ этого и самое расположеніе войскъ для обороны позиціи со стороны персовъ было неудачно. Если персы рѣшились защищать переходъ черезъ рѣку, имѣя въ боевой линіи конницу, то ее слѣдовало поставить такимъ образомъ, чтобы она могла производить атаку въ то время, когда македоняне взберутся на берегъ и не успѣютъ устроиться. Персы же, уперевъ фронтъ ¹⁾ въ берегъ, рассчитывали главнымъ образомъ на дѣйствіе метательнымъ оружіемъ. Слѣдовательно, конница, если припомнить свойства ея, пренебрегла въ описываемомъ случаѣ однимъ изъ главныхъ средствъ своихъ для пораженія противника, именно, ударомъ—напоромъ коней. Если мѣстность не способствовала подобному употребленію конницы, то ужъ лучше было непосредственную оборону рѣки предоставить пѣхотѣ. Кромѣ этого, пѣхота и конница персовъ не оказали во все время боя никакого взаимнаго содѣйствія. Въ то время, когда конница сражалась, пѣхота оставалась въ полномъ бездѣйствіи, а впоследствии, будучи сама лишена содѣйствія конницы, принуждена была вступить въ неровный бой съ совокупными силами македонянъ.

¹⁾ Арріанъ кн. I, стр. 402.

Александръ Македонскій искусными распоряженіями привлекъ главныя усилія персовъ на лѣвый флангъ. Мѣстность также не позволяла произвести кавалерійскую атаку и потому, рассчитывая на нравственное превосходство своихъ войскъ, онъ долженъ былъ заботиться, чтобы голова атакующей части выдержала дѣйствія метательнаго оружія конницы. Съ этою цѣлью онъ и двинулъ впереди всѣхъ отборную часть войска, именно, гетеровъ. Когда дѣло дошло до рукопашнаго боя, то главный перевѣсъ македонянамъ дало содѣйствіе легкой пѣхоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибытіе Парменіона.

Опрокинувъ непріятельскую конницу, Александръ имѣлъ уже значительное превосходство въ силахъ и противъ одного два оружія, которыя могли быть употреблены сообразно своимъ свойствамъ, а потому успѣхъ уже былъ несомнѣнъ.

Сраженіе при Гавгамелахъ. ¹⁾

Миляхъ въ десяти къ югу отъ Ниневіи въ Тигръ впадаетъ рѣка Ликъ съ притокомъ Бумадъ. На Бумадѣ въ 10 верстахъ отъ его устья и въ 30 отъ Ниневіи лежало селеніе Гавгамелы. Отроги Армянскихъ горъ въ этомъ мѣстѣ приближаются довольно близко къ Тигру, и вслѣдствіе этого между Ниневіею и Гавгамелами образуется обширная равнина, кое гдѣ только покрытая небольшими холмами.

На этой равнинѣ Дарій расположилъ свое войско фронтомъ къ сѣверозападу.

Александръ перешелъ черезъ Тигръ въ 15-ти миляхъ выше Ниневіи, и, давъ войскамъ своимъ отдыхъ, продолжалъ наступленіе къ Гавгамеламъ. На четвертый день движенія показались персидскіе всадники. Македонскій авангардъ завязалъ съ ними небольшую стычку и захватилъ плѣнныхъ, отъ которыхъ Александръ узналъ о силахъ, расположеніи и составѣ войскъ Дарія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о мѣрахъ, принятыхъ Даріемъ для обезпеченія побѣды.

На одной изъ возвышенностей, окаймляющихъ гавгамельскую долину съ сѣвера въ 1½ мили отъ лагеря Дарія, Александръ разбилъ свой станъ и приказалъ обнести его рвомъ и валомъ. На это понадобилось 4 дня. На 5-й день между 10 и 11 часами вечера онъ выстроилъ свои войска и двинулъ ихъ къ Гавгамеламъ. Но Дарій былъ объ этомъ извѣщенъ и приготовился къ бою. Александръ въ свою очередь узналъ, что персы вырыли много скрытыхъ волчьихъ ямъ и устроили засады. Вслѣдствіе этого рѣшено было произвести рекогносцировку. Самъ Александръ съ гетереми и небольшимъ числомъ легкой пѣхоты отправился осматривать поле.

Боевой порядокъ персовъ, по свидѣтельству Аристовула, извѣстенъ изъ диспозиціи Дарія, найденной послѣ битвы на мѣстѣ лагеря персовъ: въ центрѣ сто-

¹⁾ Рюстовъ и Кехли § 10, стр. 282; Арріанъ Анаб. III. 9—15; Діод. XVII, 56—61; Плут. Алекс. 32, 33; Курцій IV. 12—16; Юстинъ XI. 13, 14; Полиенъ IV. 3, 14.

Исторія конницы М. Маркова.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ СЪ ГЕТЕРАМИ.

Источники: Rüstof und Köchly, Weltgeschichte. Welt in Waffen, кн. Голицынъ, Hottenroth и др.

яль самъ Дарій, окруженный своимъ дворомъ и греческими наемниками, тутъ же находились персидская и индійская конница, карійцы и мардскіе лучники, далѣ направо и налѣво пѣхота въ нѣсколько линій густыми и самыми пестрыми толпами: сатакены, эритрейцы, вавилоняне, уксіане и другіе.

Передъ центромъ стояло 15 слоновъ и около 50 колесницъ съ косами; на правомъ флангѣ армянская и кашпадокская конница и 50 колесницъ; а на лѣвомъ бактрійскіе и скиѣскіе всадники (конные стрѣлки въ бронѣ) и 100 колесницъ.

Арріанъ насчитываетъ армію персовъ до 1000000 человекъ пѣхоты и 40 т. конницы. Фронтъ этой арміи занималъ около 10 верстъ. Что касается до подробностей построений конницы и пѣхоты, извѣстно только то, что оба рода оружія были построены въ глубокія массы до 30 шеренгъ и болѣе.

Сверхъ этого Дарій приказалъ выровнить мѣстность передъ арміей, чтобы дать полную возможность для дѣйствія колесницъ.

Александръ построилъ свою армію въ двѣ линіи: въ первой линіи на крайнемъ правомъ флангѣ стояли агріане и стрѣлки, далѣе пѣшіе копейщики—всего не больше 1500 человекъ; къ нимъ примыкали 8 илосовъ гетеровъ—около 1800 коней, далѣе гипасписты—1500 человекъ; за тѣмъ гоплиты 24000 человекъ, а рядомъ съ ними союзная конница—600 и ѳессалійцы—1800 коней.

Лѣвымъ флангомъ командовалъ Парменіонъ. Его конвой составлялъ фарсалийскій, лучшій и сильнѣйшій илосъ изъ всей ѳессалійской конницы.

Первая линія Александра должна была идти въ атаку, не обращая вниманія ни на какія демонстраціи Дарія. Но это было возможно только въ томъ случаѣ, когда тылъ и фланги были обезпечены: съ этою цѣлью была составлена вторая линія. Она была раздѣлена на резервъ праваго и резервъ лѣваго фланговъ. Резервъ праваго фланга, бывшій въ распоряженіи самого Александра, составляли конные наемники Менида, пеонійцы, сариссофоры и агрійскіе пѣшіе стрѣлки—всего 5000 человекъ пѣхоты и 1300—1500 всадниковъ. Резервъ лѣваго фланга, Парменіона, состоялъ изъ ѳракійской легкой пѣхоты—1500 человекъ и легкихъ ѳракійскихъ и союзныхъ всадниковъ 1300—1500 коней. Кромѣ того, часть ѳракійской пѣхоты прикрывала обозъ.

И такъ, слѣдовательно, у Александра всего было:

	въ 1-й линіи.	во 2-й линіи.
Линейной пѣхоты и копейщиковъ	29000	9000
Стрѣлковъ	1500	1000
Тяжеловооруженной кавалеріи	4200	300
Легкой кавалеріи		2500
Всего 40500 пѣхоты и 7000 всадниковъ.		

Переступая высоты, за которыми находился лагерь Александра, правый флангъ македонянъ очутился какъ разъ противъ середины персидской арміи. Боясь быть охваченнымъ съ обоихъ фланговъ громаднымъ войскомъ Дарія, Александръ дви-

нулъ свою армію въ полъ-оборота направо и затѣмъ уступами съ праваго фланга впередъ. Увидѣвъ это движеніе, ясно выразившее стремленіе бросить всю македонскую армію на лѣвый флангъ персовъ, Дарій приказалъ податься своему лѣвому флангу влѣво; а велѣдъ затѣмъ, опасаясь, чтобы македоняне не миновали мѣста, приготовленнаго для атаки персидскихъ колесницъ, онъ посылаетъ скиѣскихъ и бактрійскихъ всадниковъ въ обхватъ праваго фланга македонянъ, чтобы этой атакой замедлить ихъ наступленіе. Конница эта двинулась на рысяхъ. Александръ, продолжая, согласно первоначально задуманному плану, двигаться безостановочно впередъ, выслалъ на встрѣчу скиѣамъ и бактрійцамъ конныхъ наемниковъ Менида изъ второй линіи. Скиѣы опрокинули Менида, но на помощь подоспѣли пеонійцы, подъ прикрытіемъ которыхъ Менидъ успѣлъ вновь устроить свою конницу и ввести ее въ бой. Дарій высылаетъ на помощь своимъ всадникамъ бактрійскую конницу изъ боевой линіи. Конница эта, соединившись съ скиѣами, огромною массою двинулась противъ пеонійцевъ и Менида, которые хотя, вслѣдствіе несоразмѣрнаго превосходства въ силахъ противниковъ, несутъ большія потери, но, вводя изъ строя уступами части свои послѣдовательно въ бой, удерживаютъ персидскую конницу и не позволяютъ ей броситься въ тылъ первой линіи македонянъ.

Во время этого боя Александръ безостановочно двигался впередъ, и Дарій рѣшился ввести въ дѣло колесницы. Но Александръ приказываетъ агріанамъ и пѣшимъ копейщикамъ разсыпаться впереди праваго фланга и дѣйствіемъ стрѣль и копій остановить ихъ атаку. И, дѣйствительно, большая часть лошадей и возницъ были переранены и, хотя нѣкоторыя колесницы достигли фронта македонянъ, но гипасписты и гоплиты разомкнули ряды, пропустили колесницы, и почти всѣ онѣ попались въ руки слугъ гетеровъ за фронтомъ македонской арміи.

Пропустивъ колесницы, Александръ снова двинулся впередъ. Тогда Дарій приказалъ всей оставшейся въ линіи лѣваго фланга конницѣ (арахозяне) повернуть влѣво и вторично обогнуть правый флангъ македонянъ. У Александра въ резервъ за правымъ флангомъ оставалась только пѣхота и потому онъ рѣшился воспользоваться образовавшимся промежуткомъ между персидскою пѣхотой и конницей и произвести двойную атаку. Выстроивъ гетеровъ уступами изъ середины, Александръ четырьмя правофланговыми илосами ударилъ во флангъ арахозянъ, а лѣвыми во флангъ пѣхоты. Конница арахозянъ, кромѣ того, съ фронта была встрѣчена пѣхотою резерва и агрійцами, а пѣхота персидская одновременно съ фланговою атакою гетеровъ была съ фронта атакована гипаспистами при поддержкѣ правофланговыхъ такъ гоплитовъ. Эти одновременные удары пѣхоты и конницы македонянъ разомъ сломили лѣвый флангъ персовъ, и онъ обратился въ бѣгство.

Въ это время Александръ получаетъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи Парменіона. Оставивъ пѣхоту для преслѣдованія разбитаго фланга персовъ, Александръ съ гетерами понесся на помощь Парменіону.

Въ то самое время, когда Александръ ударилъ на лѣвый флангъ Дарія, въ центрѣ македонской арміи образовался промежутокъ, вѣроятно, по той причинѣ, что Александръ вслѣдствіе атакъ конницы лѣваго фланга персовъ въ тылъ ускорилъ свое наступленіе. Гипасписты и первыя таксы фаланги не отставали, видя въ чемъ дѣло; но послѣднія таксы отстали. Въ образовавшійся промежутокъ устремились толпы конницы изъ центра персидской арміи (персы, индійцы, паряне), проскочили между таксами и бросились грабить обозъ македонянъ.

Резервъ лѣваго фланга долженъ былъ поспѣшить на помощь къ обозу. Конница персовъ частью была изрублена во время грабежа, частью успѣла ускакать, освободивъ персидскихъ плѣнниковъ, находившихся при македонскомъ обозѣ.

Вслѣдъ за прорывомъ центра македонянъ, когда резервъ лѣваго фланга долженъ былъ выручать обозъ, Парменіонъ остался безъ всякой поддержки. Противъ ѳессалійцевъ выѣхали армянская и кашпадокская конницы праваго фланга персовъ. Конница эта, вѣроятно, давно уже получила приказаніе атаковать македонянъ, но опоздала по причинѣ большаго удаленія праваго фланга персовъ отъ македонской арміи.

Всѣ эти обстоятельства поставили Парменіона въ весьма затруднительное положеніе, и онъ послалъ дать знать Александру, что лѣвый флангъ находится въ крайней опасности. Александръ получилъ это извѣстіе, когда лѣвый флангъ персовъ былъ окончательно разбитъ, и началось преслѣдованіе. Оставивъ для этой цѣли пѣхоту, Александръ, какъ уже замѣчено, съ гетерами бросился на помощь Парменіону. На пути ему встрѣтились густыя толпы персидскихъ всадниковъ, частью отступавшія, частью спѣшившія на помощь съ праваго фланга къ лѣвому. Происходитъ жаркій бой, но гетеры опрокидываютъ эти беспорядочныя толпы, и Александръ продолжаетъ свое движеніе.

Между тѣмъ Парменіонъ успѣлъ отбить атаки армянъ и кашпадокской конницы. Какъ дѣло происходило, источники умалчиваютъ. Вѣроятно, или сами ѳессалійцы стремительною атакою опрокинули непріятеля, или на помощь подоспѣли еракійцы и союзная греческая конница; но во всякомъ случаѣ, когда Александръ прискакалъ, Парменіонъ былъ внѣ всякой опасности. Пѣхота лѣваго фланга македонянъ перешла въ наступленіе, и Парменіонъ съ конницей двинулся впередъ.

Дарій не выждалъ столкновенія своей пѣхоты съ македонянами. Получивъ извѣстіе о пораженіи лѣваго фланга своего и видя наступленіе македонской пѣхоты съ фронта, онъ бѣжалъ съ поля сраженія. Это имѣло громадное нравственное вліяніе на персидскую армію: цѣлыя толпы стали выдѣляться изъ строя, и вскорѣ всей арміей овладѣлъ паническій страхъ; только наемные греки держались долѣе другихъ; но, охваченные со всѣхъ сторонъ, они почти всѣ были истреблены.

Предоставивъ Парменіону грабитьъ лагерьъ персовъ, Александръ съ конницею немедленно началъ преслѣдованіе бѣгущихъ по направленію къ Арбелламъ. Къ вечеру онъ достигъ р. Ликъ, далъ отдыхъ своимъ всадникамъ, и послѣ полуночи снова двинулся впередъ, надѣясь настигнуть Дарія. Черезъ день послѣ сраженія, Александръ достигъ города Арбель, отстоящаго отъ гавгамельскаго поля на 15 миль, захватилъ огромныя суммы денегъ, обозъ, оружіе; но Дарія не настигъ. Преслѣдованіе это стоило Александру значительныхъ потерь: изъ 1000 коней, которыхъ Александръ лишился въ эти два дня, 500 пало во время преслѣдованія.

Въ лагерьѣ при Гавгамелахъ Парменіонъ захватилъ всѣхъ слоновъ, верблюдовъ и колесницы персовъ. Арріанъ говоритъ, что персы потеряли убитыми до 300000 человекъ, а македоняне не болѣе 1200.

Въ сраженіи при Гавгамелахъ, хотя персы имѣли громадную армію, но составъ ея былъ несравненно хуже, чѣмъ въ сраженіи въ Граникѣ. Беспорядочныя, разнородныя, недисциплинованныя полчища, сражавшіяся не вслѣдствіе національнаго чувства и совершенно необразованныя въ тактическомъ отношеніи, онѣ были построены въ глубокія массы, и потому крайне не подвижны. Конница, построенная въ глубокія колонны, не могла воспользоваться численнымъ своимъ превосходствомъ.

Мы видѣли, что на правомъ флангѣ македонянъ незначительное количество легкой конницы, при содѣйствіи легкой пѣхоты, сдерживаетъ цѣлыя толпы скивовъ и бактрійнъ; четыре илоса гетеровъ при содѣйствіи сариссофоровъ опрокидываютъ прочую конницу лѣваго фланга персовъ, между тѣмъ какъ на этомъ флангѣ находилось у нихъ не менѣе 10 т. всадниковъ.

Скивы и бактрійяне были природные кавалеристы, но они были дурно управляемы и не могли выдерживать удара македонской конницы, а тѣмъ болѣе поддержанной легкою пѣхотой.

Неуспѣхъ конницы центра персовъ прямо объясняется отсутствіемъ дисциплины. Прорвавъ центръ македонской арміи, вмѣсто того, чтобы атаковать рѣшительно войска лѣваго фланга, они занялись грабежемъ обоза и были разсѣяны резервомъ лѣваго фланга. Конница праваго фланга нѣсколько опоздала своею атакою. Если бы эта атака была произведена одновременно съ конницею центра, успѣхъ ея былъ бы болѣе вѣроятенъ.

И такъ въ дѣйствіяхъ персовъ видно отсутствіе единства, дисциплины и хорошихъ начальниковъ. Самъ Дарій былъ плохой военный человекъ: какъ въ сраженіи при Гавгамелахъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему сраженіи при Иссъ Дарій послѣ первой неудачи бѣжалъ, а войско персовъ, лишенное главнокомандующаго, мгновенно проникалось паническимъ страхомъ, и тогда, конечно, успѣхъ македонянъ былъ несомнѣненъ.

Въ дѣйствіяхъ Александра прежде всего бросается въ глаза построение арміи въ двѣ линіи, т. е., отдѣленіе части войскъ въ резервъ. Къ этому построению Александръ прибѣгнулъ впервые, и оно вполне оправдало его распоряженія. Во вторыхъ, видно, что Александръ вполне умѣлъ оцѣнить своихъ противниковъ: при движеніи противъ лѣваго фланга онъ увѣренъ, что беспорядочныя толпы скиѳовъ и бактрійянь, захватившія ему въ тылъ, будутъ задержаны резервомъ, и безостановочно продолжаетъ наступленіе, рассчитывая, что ударъ въ лѣвый флангъ персовъ парализуетъ разомъ все частныя успѣхи ихъ. И, дѣйствительно, тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи лѣваго фланга, Дарій бѣжалъ и оставилъ армію на произволь судьбы.

Сборъ гетеровъ послѣ атаки лѣваго фланга персовъ для подавія помощи Парменіону показываетъ, что Александръ вполне умѣлъ управлять своей конницей; а преслѣдованіе, произведенное на протяженіи 90 верстъ въ сутки, можетъ служить свидѣтельствомъ, къ какимъ громаднымъ усиліямъ была эта конница приучена. Успѣхъ конницы Парменіона на лѣвомъ флангѣ объясняется несравненнымъ тактическимъ превосходствомъ ессалійцевъ надъ конницею армянъ и каппадокскихъ всадниковъ.

Мы не разбирали сраженія при Иссъ (Шинарѣ), предшествовавшее сраженію при Гавгамелахъ, такъ какъ оно имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и описанныя двѣ битвы, данныя Александромъ.

Во всехъ большихъ сраженіяхъ первыхъ четырехъ походовъ Александра боевой порядокъ почти одинъ и тотъ же: на крайнемъ правомъ флангѣ стоитъ легкая пѣхота, лѣвѣе гетеры, далѣе гипасписты, фаланги гоплитовъ, союзная конница и ессалійцы. Легкая конница опредѣленнаго мѣста не имѣетъ и назначается для демонстрацій или для прикрытія фланговъ тяжеловооруженной конницы.

Дѣло начинала обыкновенно легкая пѣхота крайняго праваго фланга, рассыпаясь впереди линіи и поражая непріятеля издали.

Наступленіе производилось въ косвенномъ порядкѣ, уступами, подобно тому, какъ дѣлалъ Эпаминондъ; но замѣчательно, что у Эпаминонда наступательный флангъ лѣвый, а у Александра правый. У Эпаминонда главный ударъ наноситъ большая колонна тяжелой пѣхоты, у Александра гетеры. Когда конница гетеровъ, составляющая головные уступы, имѣя по флангамъ своимъ легкую пѣхоту, приближается къ лѣвому флангу непріятеля, послѣдній находитъ возможнымъ произвести наступленіе, сосредоточиваетъ къ этому флангу значительное количество силъ, или растягивается, чтобы обхватить флангъ македонянъ. Этотъ моментъ ловитъ Александръ и, предоставивъ легкой конницѣ и стрѣлкамъ занимать и сдерживать опешшія непріятельскія войска, производитъ съ гетерами стремительную атаку и опрокидываетъ непріятеля. Первый успѣхъ конницы сейчасъ же поддерживается

легкою пѣхотою, а тяжелая пѣхота вступаетъ въ бой, когда уже лѣвый флангъ опрокинутъ.

Многіе изъ позднѣйшихъ писателей стараются дать фалангѣ гоплитовъ въ бояхъ Александра особенно рѣшительное значеніе. Но это тщетный трудъ уже потому, что всѣ сраженія Александра имѣютъ видъ рѣшительнаго наступленія, а фаланга для этой цѣли неспособна. Если вникнуть глубже въ тактику Александра, можно замѣтить, что фаланга служитъ только для оборонительныхъ цѣлей: она удлиняетъ боевой порядокъ, прикрываетъ флангъ, угрожаетъ; но бой ея до тѣхъ поръ, пока непріятель не потрясенъ, пока онъ можетъ перейти въ наступленіе, нежелателенъ. Если же она вступаетъ въ бой, то къ этому вынуждаютъ ее особыя обстоятельства. Безъ фаланги гоплитовъ наступающій флангъ не могъ бы дѣйствовать съ той увѣренностью и спокойствіемъ, которыя насъ удивляютъ. Слѣдовательно, фаланга въ арміи Александра представляла собою какъ бы главный резервъ.

За фалангою влѣво находилась всегда тяжелая конница союзниковъ и ѳессалійцы, составляя необходимую принадлежность фаланги. Подобно тому какъ бой фаланги нежелателенъ, конница лѣваго фланга не вступаетъ въ бой иначе, какъ отражая противника или окончательно довершая его пораженіе. Поэтому и конница лѣваго фланга имѣла назначеніе резерва.

И такъ, слѣдовательно, роль конницы въ битвахъ Александра первыхъ четырехъ походовъ распадается на три части: легкая конница прикрываетъ фланги тяжелой и демонстрируетъ, или высылается впередъ для осмотра мѣстности и прикрытія фронта тяжеловооруженной конницы ¹⁾; гетеры производятъ главный ударъ, ѳессалійцы и конница лѣваго фланга играютъ роль резерва.

Но главнѣйшая, отличительная черта тактики Александра заключалась въ томъ, что ни пѣхота, ни конница не дѣйствуютъ отдѣльно, но всегда совокупными усиліями опрокидываютъ непріятеля. Этого принципа Александръ придерживался не только въ большихъ сраженіяхъ, но и въ летучихъ набѣгахъ. Исключенія весьма рѣдки. За побѣдой всегда слѣдовало самое энергическое и продолжительное преслѣдованіе. Поэтому и результатомъ сраженій было почти всегда уничтоженіе арміи противника.

Случаи употребленія конницы на театрѣ дѣйствій безъ пѣхоты, во время первыхъ четырехъ походовъ Александра, весьма рѣдки, за исключеніемъ развѣдывательной службы и преслѣдованія. До покоренія Персіи Александру приходилось имѣть дѣло съ государствомъ, которое могло выставить, хотя дурно организованную, но громадную армію и особенно сильную конницей; и потому онъ долженъ былъ держать силы въ совокупности.

¹⁾ Въ сраженіи при Пинарѣ (Иссѣ) передъ конницу праваго крыла были посланы наѣздники, пеонійцы. Арріанъ, кн. II, стр. 423.

Относительно организации разведывательной службы мы имеем самые поверхностные сведения; но из результатов разведывания можно заключить, что оно производилось в обширных размерах. На 412 страницъ кн. I Аррианъ рассказываетъ, что, „оставивъ Фазелидъ, Александръ послалъ одну часть войска къ Пергѣ черезъ горы, гдѣ еракіяне показали ему дорогу трудную, но гораздо кратчайшую“. Слѣдовательно, еракіяне были заранее посланы для рекогносцировки этой дороги.

Передъ сраженіемъ при Гавгамелахъ, посланные для разведыванія, наѣзники открыли непріятельскую конницу и донесли Александру. ¹⁾ Вслѣдствіе этого, взявъ съ собою агему, отрядъ гетеровъ и пеонійцевъ, Александръ устремился навстрѣчу непріятелю. Персидская конница, увидѣвъ македонянъ, обратилась въ бѣгство. Но Александръ бросился преслѣдовать и захватилъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ, что Дарій находится недалеко съ огромнымъ войскомъ.

Въ гористой и пересѣченной мѣстности для разведыванія выслалась вмѣстѣ съ легкой конницей и легкая пѣхота. Напримѣръ, передъ сраженіемъ при Иссъ арміи македонянъ предстояло проходить ущелье. Для рекогносцировки этой тѣснины, кромѣ конницы, были посланы и пѣшіе стрѣлки.

Лагерное или бивачное расположеніе войскъ оцѣплялось аванпостами. Аррианъ говоритъ ²⁾, что передъ сраженіемъ при Иссъ, расположивъ войска на отдыхъ, Александръ всюду разставилъ стражей.

Во время походныхъ движеній въ авангардѣ шла обыкновенно легкая конница и часть стрѣлковъ; въ среднихъ колоннахъ пѣхота; фланги прикрывала прочая кавалерія, а при обозѣ еракіянская легкая пѣхота. Таковъ былъ порядокъ движенія во время похода въ Гирканію въ 330 году.

Съ покореніемъ Персіи и убійствомъ Дарія всѣ обстоятельства вдругъ измѣняются, македоняне не встрѣчаютъ больше сопротивленія армій, передъ ними война народная. Со всѣхъ сторонъ поднимаются противъ завоевателя варварскія племена, связанныя между собою общимъ желаніемъ отстоять независимое владѣніе своею землею и стадами. Но не въ открытомъ полѣ они ищутъ столкновенія, они бѣгутъ отъ благоустроенной арміи въ горы, чтобы оттуда непрерывно тревожить и угрожать ей.

Чтобы сломить войска, выставляемые этими племенами, если бы онѣ вздумали оказать сопротивленіе въ открытомъ полѣ, совершенно достаточно небольшого дисциплированного отряда. Но одно пораженіе ихъ въ бою не имѣетъ никакого значенія. Необходимо самое энергическое преслѣдованіе, необходимо уничтожить или забрать въ плѣнъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, чтобы отвращенная

¹⁾ Аррианъ, кн. III, стр. 444.

²⁾ кн. II, стр. 422.

опасность не возникла въ непродолжительномъ времени съ новою силой. Сопротивленіе необходимо сломить одновременно на значительномъ пространствѣ, разомъ въ нѣсколькихъ смежныхъ мѣстахъ.

Но, чтобы настигнуть легкаго противника и принудить его къ бою въ открытомъ полѣ при обстоятельствахъ, для него невыгодныхъ, чтобы имѣть возможность къ самому продолжительному и быстрому преслѣдованію, необходимо имѣть особенно подвижныя войска. Поэтому конница, стрѣлки и легкая пѣхота съ этихъ поръ выступаютъ на первый планъ. Тяжелая же пѣхота употребляется для прикрытія обозовъ и складовъ, при осадахъ укрѣпленныхъ мѣстъ и оставляется гарнизонами.

Военныя дѣйствія съ этихъ поръ распадаются на дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ конницы и легкой пѣхоты. Отряды эти въ случаяхъ особенной важности соединяются вмѣстѣ, опрокидываютъ сосредоточившагося непріятеля и снова раздѣляются на нѣсколько колоннъ для преслѣдованія.

Роль кавалеріи въ этихъ дѣйствіяхъ заключалась въ томъ, что, принявъ участіе вмѣстѣ съ легкою пѣхотою въ пораженіи противника, она посылалась для преслѣдованія и уничтожала его. Если же противникъ успѣвалъ укрыться въ какомъ нибудь укрѣпленномъ селеніи или городѣ, конница македонянь окружала это мѣсто и блокировала его до прибытія пѣхоты. Такимъ образомъ Александръ употреблялъ конницу во время военныхъ дѣйствій въ Согдіанѣ и Бактріанѣ, гдѣ приходилось ему постоянно осаждать селенія; и въ то время, когда пѣхота производила осадныя работы, кавалерія высылалась для блокады другихъ пунктовъ, противъ которыхъ Александръ ¹⁾ имѣлъ въ виду впоследствии обратиться.

Дѣйствія въ Индіи, выключая сраженіе при Гидаспѣ, имѣютъ тотъ же характеръ, но, такъ какъ конница во время преслѣдованія могла быть задержана значительнымъ непріятельскимъ отрядомъ при помощи мѣстныхъ закрытій, трудно доступныхъ для кавалеріи, то Александръ вмѣстѣ съ конницею сталъ посылать для преслѣдованія и небольшія пѣхотныя части, посаженные на коней. Впоследствии же Александръ въ подобныхъ случаяхъ сталъ спѣшивать конницу, именно часть гетеровъ, которая была вооружена, вѣроятно, для этой цѣли, щитами. Примѣръ подобнаго употребленія гетеровъ мы находимъ во время похода противъ тавлантѣевъ, какъ объ этомъ уже было упомянуто.

Какъ примѣръ, особенно характеризующій военныя дѣйствія Александра послѣ покоренія Персіи, можно привести дѣло при Аригеѣ ²⁾ (327 г. до Р. X.).

¹⁾ Арріанъ, кн. IV, стр. 463.

²⁾ Арріанъ, кн. IV стр. 479.

При открытіи военныхъ дѣйствій на Индѣ, Александръ оставилъ на южномъ берегу рѣки Кофенъ боковой отрядъ подъ командою Эфестіона. Самъ же съ двумя гиппархіями гетеровъ, всѣми конными и пѣшими стрѣлками, гипаспистами и тяжелою пѣхотою (35 т. пѣхоты и 5 т. всадниковъ) перешелъ черезъ рѣку и пошелъ къ р. Хоаспу противъ аспіанъ. Послѣ незначительныхъ стычекъ, онъ овладѣлъ городомъ Андракомъ, оставилъ здѣсь Кратера съ тяжелою пѣхотой, за исключеніемъ таксы Кена, и двинулся съ остальными войсками далѣе. Аспіане бросились въ горы. Тогда Александръ сажаетъ 800 человекъ пѣхоты на коней и, выславъ впередъ конницу Птолемея, преслѣдуетъ варваровъ. Птоломей настигаетъ ихъ, принуждаетъ вступить въ бой; а подоспѣвшій Александръ спѣшиваетъ пѣхоту, поддерживаетъ ея Птолемея и разбиваетъ непріателя.

При дальнѣйшемъ преслѣдованіи Александръ доходитъ до выжженного и брошеннаго города Аригея, приказываетъ прибывшему Кратеру выстроить вновь этотъ городъ и заселить его инвалидами.

Затѣмъ снова, оставивъ въ лагерѣ тяжелую пѣхоту, онъ раздѣляетъ войска на три колонны: Леонать получаетъ легкую пѣхоту, Птоломей часть гипаспистовъ, стрѣлковъ и половину конницы гетеровъ; самъ Александръ, занимая между ними середину оставляетъ при себѣ прочихъ гипаспистовъ, пѣшихъ и конныхъ стрѣлковъ и другую половину гетеровъ. Между тѣмъ варвары, сосредоточивъ свои силы и надѣясь на свой численный перевѣсъ, выходятъ изъ горъ. Но Александръ безъ труда опрокидываетъ выступившую противъ него толпу; а подоспѣвшіе Леонать и Птоломей, не смотря на мѣстныя затрудненія, разбиваютъ фланговья колонны аспіанъ, и все снова обращается въ бѣгство. Александръ посылаетъ конницу преслѣдовать и захватываетъ до 20 т. плѣнныхъ.

Говоря объ употребленіи македонской конницы на театрѣ военныхъ дѣйствій, нельзя не удивляться ея необыкновенной выносливости. Выдержавъ, напримѣръ, битву при Иссѣ, или Гавгамелахъ, въ которыхъ главная роль принадлежала конницѣ, она послѣ перваго сраженія преслѣдовала бѣгущихъ персовъ до ночи, а послѣ втораго цѣлыя сутки, пройдя во время этого преслѣдованія около ста верстъ.

Къ этому необходимо прибавить еще то, что гетеры ночью передъ Гавгамельскимъ сраженіемъ производили рекогносцировку и, во вторыхъ, что они составляли тяжеловооруженную кавалерію и были способны къ такимъ усиліямъ.

Но самымъ энергическимъ, ожесточеннымъ преслѣдованіемъ, съ которымъ не многія изъ подобныхъ дѣйствій послѣдующихъ временъ существованія рода человеческого могутъ быть сравнены, была погоня Александра за бѣгущимъ Даріемъ къ Каспійскимъ воротамъ и далѣе. Сначала онъ шелъ со всѣмъ войскомъ; въ двѣнадцатый день ¹⁾ пути отъ Экбатаны достигъ Каспійскихъ воротъ (240 верстъ).

¹⁾ Арріанъ, кн. III, стр. 453.

Тутъ онъ далъ войскамъ отдыхъ, но, узнавъ, что сатрапъ Бессъ схватилъ Даріа и держитъ его какъ плѣнника, Александръ ускорилъ свой походъ и, взявъ съ собой гетеровъ, легкую конницу и отборную пѣхоту, поручилъ Кратеру начальство надъ прочимъ войскомъ и велѣлъ ему медленно слѣдовать за собою.

Александръ шелъ всю ночь и остановился уже въ полдень другаго дня. Выступивъ снова въ путь вечеромъ, онъ на разсвѣтѣ узналъ, что Бессъ увлекъ Даріа съ собою на колесницѣ, командуетъ остатками войска, и что прочіе вельможи персидскіе имѣютъ намѣреніе, если Александръ будетъ преслѣдовать ихъ, выдать Даріа и тѣмъ снискать его милость; въ противномъ же случаѣ собрать сколько можно болѣе войскъ, раздѣлить между собою государство и защищать другъ друга. Это извѣстіе одушевило новымъ мужествомъ Александра: не смотря на усталость войскъ своихъ отъ такого долгаго похода, онъ шелъ всю ночь, и на другой день въ полдень достигъ одного мѣстечка, гдѣ бѣжавшіе останавливались наканунѣ. Здѣсь онъ узналъ, что варвары должны были идти ночью, и что можно перерѣзать дорогу имъ, принявъ кратчайшій путь, на которомъ однако нѣтъ воды. Не смотря на это, Александръ велѣлъ вести себя. Пѣхота не могла слѣдовать за конницей и потому пятьсотъ всадниковъ уступили лошадей своихъ такому же числу лучшихъ пѣхотныхъ воиновъ, которые сѣли на лошадей, не перемѣняя оружія. Пѣхота пошла по дорогѣ, принятой бѣжавшими. Александръ отправился вечеромъ, по увѣренію Арріана ²⁾ во весь опоръ, и на разсвѣтѣ настигъ варваровъ, бѣжавшихъ уже въ полномъ безпорядкѣ. Между тѣмъ Бессъ и его соумышленники влекли еще Даріа. Увидѣвъ же приближеніе Александра, они умертвили его и, бросивъ на дорогѣ, бѣжали съ шестьюстами всадниковъ.

Такимъ образомъ впродолженіи четырехъ дней подъ рядъ Александръ находился въ пути отъ 12 до 16 часовъ. Если считать по 4 версты въ часъ, то придется отъ 48 до 64 версты въ день, а конница послѣдній переходъ въ добавокъ къ этому еще прошла, если не каррьеромъ, какъ говоритъ Арріанъ, то вѣроятно, на рысяхъ. Переходы эти, какъ можно было замѣтить, Александръ производилъ ночью, вѣроятно, по причинѣ жаркихъ дней.

¹⁾ Кн. III, стр. 454.

Глава 4-я.

Теоретическій писатель Ксенофонтъ. Его Трактатъ о кавалеріи.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Ксенофонтъ написалъ нѣсколько крупныхъ военно-историческихъ сочиненій, въ которыхъ впервые изложилъ основныя идеи военнаго искусства.

Сочиненія эти, и въ особенности лучшее изъ нихъ Анабазисъ ¹⁾, тотчасъ же повліяли на греческую тактику, указали на необходимость облегчить пѣхоту, на важное значеніе въ составѣ армій конницы и на многіе недостатки относительно употребленія пѣхоты и кавалеріи въ бою. Но, независимо отъ этихъ большихъ сочиненій, сознавая ошибочность веденія конницы въ Аѳинахъ и взглядъ на этотъ родъ оружія, Ксенофонтъ написалъ небольшое спеціальное сочиненіе, относящееся до кавалеріи, въ которомъ съ полнымъ знаніемъ мастера разобралъ эти вопросы. Трактатъ его о кавалеріи состоитъ изъ двухъ частей: „о командованіи кавалеріей“ и „о верховой ѣздѣ“. Первая содержитъ въ себѣ совѣты начальнику конницы относительно веденія своей части въ мирное время и нѣкоторыя тактическія сноровки и указанія для употребленія этого оружія на войнѣ.

Въ этомъ сочиненіи Ксенофонтъ прежде всего обращаетъ вниманіе на комплектованіе кавалерійской части, указывая способы держать свою часть въ комплектѣ. Служба въ конницѣ требовала, какъ извѣстно, значительныхъ расходовъ, между тѣмъ богатѣйшіе граждане, среди тогдашняго нравственнаго упадка, всѣми силами уклонялись отъ службы; и много надо было ловкости со стороны начальниковъ конницы, чтобы доводить свои части до требуемой закономъ нормы.

Затѣмъ онъ указываетъ на содержаніе лошадей, на необходимость достаточнаго корма, если желаютъ, чтобы лошадь способна была къ трудамъ, и на приученіе лошадей ходить по пересѣченной мѣстности. Далѣе онъ переходитъ къ обученію всадниковъ. „Чтобы научить людей сохранять надлежащую посадку“, говоритъ Ксенофонтъ, „надо предложить имъ упражняться въ полѣ; а чтобы научить ихъ атаковать, нужно для упражненій всякій разъ избирать новую мѣстность.“ Послѣ этого онъ совѣтуетъ переходить къ обученію метать копьѣ.

Зная любовь аѳинянъ ко всему прекрасному, изящному, Ксенофонтъ требуетъ отъ конницы блеска, какъ одного изъ средствъ привлечь гражданъ къ службѣ въ этомъ родѣ оружія. Начальники, какъ въ вооруженіи, такъ въ качествахъ коней и, особенно, въ лихости должны служить примѣромъ. Но, какъ бы все это ни было хорошо, если нѣтъ дисциплины, ни качество коней, ни тщательное обученіе, ни блескъ не принесутъ пользы; и потому Ксенофонтъ требуетъ, чтобы начальникъ

¹⁾ Описаніе отступленія 10 тысячъ.

конницы старался вселить въ всадникахъ убѣжденіе въ ея необходимости и объяснить всѣ выгоды, сопряженныя съ соблюденіемъ закона и невыгоды отъ его неисполненія.

Переходя къ строямъ и эволюціямъ, Ксенофонтъ указываетъ порядокъ размѣщенія людей въ строю: головными въ каждомъ ряду должны быть старѣйшіе и ревностнѣйшіе къ службѣ всадники, такихъ же слѣдуетъ ставить и въ замкѣ. Въ рядахъ каждый впереди стоящій человекъ выбираетъ себѣ товарища, который становится непосредственно за нимъ. При подобномъ порядкѣ, полагаетъ Ксенофонтъ, люди охотнѣе пойдутъ въ дѣло. Но при этомъ необходимо, чтобы каждому всаднику заранее было указано опредѣленное мѣсто, въ избѣжаніе безпорядковъ.

Часть должна быть обучена различнымъ построеніямъ для передвиженій и прохожденія тѣснинъ.

Третья глава заключаетъ въ себѣ указанія начальнику конницы относительно устройства парадовъ, съ цѣлью увеличить великолѣпіе празднествъ, такъ какъ это составляло въ Аѳинахъ прямую обязанность конницы. Здѣсь замѣчательно то, что въ числѣ атакъ, которыя Ксенофонтъ предлагаетъ произвести въ разныхъ направленіяхъ послѣ окончанія процессіи, конница, раздѣлившись на двѣ части, должна была произвести три сквозныхъ. „Это“, говоритъ Ксенофонтъ, „будетъ и ново и воинственно“.

Далѣе слѣдуютъ совѣты относительно сбереженія лошадей и мѣръ предосторожности во время похода и въ особенности на пересѣченной мѣстности; относительно лазутчиковъ, перебѣжчиковъ, и различныя военныя хитрости для нечаянныхъ нападеній и засадъ. Ко всему этому онъ дѣлаетъ предостереженіе, чтобы начальникъ никогда не упускалъ изъ виду мѣру силъ своей части и обладалъ глазомѣромъ, что пріобрѣтается мирными упражненіями.

„Начальникъ“, продолжаетъ Ксенофонтъ, „долженъ пользоваться расположеніемъ подчиненныхъ и увѣренностью ихъ въ его познаніяхъ и дарованіяхъ. Это пріобрѣтается заботливостью о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ и собственнымъ примѣромъ въ военныхъ упражненіяхъ. Сверхъ всего этого, начальникъ конницы долженъ обладать слѣдующими качествами: благоразуміемъ, смѣлостью и неутомимою дѣятельностью“. „Только при подобныхъ качествахъ начальника конницы“, говоритъ Ксенофонтъ, „можно рассчитывать на сколько нибудь утѣшительный результатъ войны, если бы аѳинянамъ пришлось посадить свои силы на суда, какъ при вторженіи лакедемонянъ въ союзѣ со всею Греціею, и ограничиться охраненіемъ стѣнъ, а защиту территоріи предоставить одной конницѣ“. Тутъ Ксенофонтъ снова даетъ совѣты, какъ дѣйствовать конницѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ: непрерывно тревожить противника, снимать его посты, нападать на отдѣляющіеся небольшіе отряды, избѣгать встрѣчи съ сильнѣйшими, появляться въ тылу противника—

однимъ словомъ совѣтуетъ все то, что предпринимаютъ кавалерійскіе отряды при партизанскихъ дѣйствіяхъ. Не упускаетъ онъ при этомъ напомнить о пользѣ имѣть всегда что нибудь въ резервѣ. Но подобныя дѣйствія возможны только въ томъ случаѣ, если люди ловки, находчивы, а лошади до того обучены и втянуты въ работу, что съ легкостью переносятъ труды военнаго времени. Всадники, привычные брать рвы, преодолевать все препятствія, подниматься и спускаться съ крутостей, въ отношеніи къ всадникамъ къ этому непривычнымъ находятся въ такомъ же положеніи, какъ птицы къ другимъ животнымъ или, какъ наставникъ фехтующійся съ школьникомъ.

Вторая часть, наставленія въ верховой ѣздѣ, содержитъ въ себѣ все то, что, по мнѣнію Ксенофонта, долженъ знать каждый всадникъ.

Прежде всего идетъ наружный осмотръ лошади. Главное вниманіе обращаетъ онъ на ноги и копыта, такъ какъ, при всѣхъ прочихъ достоинствахъ лошади, если ноги нехороши, она для военной службы не годится.

Затѣмъ грудь, шея, голова, ротъ, спина и прочія части лошади. Ксенофонтъ разбираетъ лошадь въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи выносливости и въ отношеніи годности подъ верхъ. Нельзя не отдать должной справедливости Ксенофонту, который, не будучи знакомъ ни съ анатоміею, ни съ фізіологіею, такъ глубоко понималъ дѣло. Все его замѣчанія на этотъ счетъ и въ настоящее время остаются въ полной силѣ.

Относительно устройства конюшенъ, обращенія съ лошадыю и уборки совѣты Ксенофонта почти ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ требованій. Разница состоитъ только въ томъ, что лошади грековъ не ковались, и потому Ксенофонтъ, во первыхъ, запрещаетъ, мыть копыто, говоря, что сырость размягчаетъ его; во вторыхъ, совѣтуетъ, „давъ полу конюшни легкій склонъ во избѣжаніе мокроты, выложить его неутрамбованнымъ булыжникомъ въ рамкахъ: подобная мостовая укрѣпляетъ рогъ и стрѣлку, а мелкіе камни, ворочаясь подъ копытомъ, приучаютъ къ движенію по каменистой мѣстности. Совѣты относительно покупки выѣзженнаго коня направлены къ тому, чтобы всадники обращали вниманіе на боевую годность его: силу, покорность волѣ ѣздока, кротость, поворотливость, легкость; а главное, совѣтуетъ избѣгать пугливыхъ и щекотливыхъ, и такихъ, которыми постоянно всадникъ долженъ заниматься.

Ѣзда грековъ тѣмъ разнилась главнымъ образомъ отъ современной, что они не знали стремянъ. Ксенофонтъ относительно посадки даетъ слѣдующія правила: „всадникъ долженъ сидѣть на конѣ такъ, какъ бы онъ стоялъ съ разставленными ногами. При такой посадкѣ онъ крѣпче будетъ держаться ляшками, а прямое положеніе даетъ болѣе силы и удобства для метанія копья. Отъ колѣна нога должна висѣть свободно, иначе, если эта часть ноги будетъ натянута и толкнется о какой нибудь

предметъ, то разстроитъ всю посадку. Всадникъ долженъ стараться смягчить, на сколько возможно, поясницу и верхнюю часть корпуса. При этомъ онъ будетъ имѣть большую свободу дѣйствій и не такъ легко упадетъ, получивъ толчекъ въ одиночномъ бою.— „Во время движенія всадникъ долженъ верхнюю часть корпуса наклонить впередъ. При крутой остановкѣ корпусъ слѣдуетъ отклонить назадъ, чтобы уменьшить силу толчка. Прыгая черезъ рвы или при поднятіи на гору, полезно брать за гриву, чтобы дѣйствіемъ повода не затруднить движеніе. Чтобы приучить всадника ѣздить на всякой мѣстности съ возможною быстротой и владѣть оружіемъ, лучшимъ средствомъ можетъ служить охота. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ ея нѣтъ, хорошо пускать всадниковъ, вооруженныхъ копьями съ тупыми наконечниками или рапирами въ догонку другъ за другомъ. Если они спибутся, то должны стараться выбить противника изъ сѣдла“.

О выѣздкѣ лошадей Ксенофонтъ подробно не распространяется. Первоначальная задача берейтора вовсе упущена, но изъ правилъ его для управленія лошадыю можно заключить, что выѣздка велась къ поднятію переда лошади, чтобы придать ей красивый видъ и заставить ее больше идти на задъ, подобно тому, какъ и теперь это дѣлается. Но Ксенофонтъ при этомъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы лошадь гнулась хорошо въ ребрахъ.

Объ аллюрахъ Ксенофонтъ также не распространяется. Можно замѣтить, что въ то время ѣздили шагомъ, рысью, галопомъ и карьеромъ. Начинать всякое движеніе онъ совѣтуетъ шагомъ и затѣмъ уже увеличивать аллюръ. „Самый красивый галопъ“, говоритъ онъ, „съ лѣвой ноги“. Чтобы поднять лошадь въ галопъ, должно ловить мгновеніе, когда лошадь на рыси поставитъ правую переднюю ногу; въ этомъ положеніи лѣвая нога свободна, и, если дотронуться древкомъ копья, лошадь пойдетъ галопомъ. Перемѣну ногъ на галопъ Ксенофонтъ одобряетъ, такъ какъ это приучаетъ лошадь къ поворотамъ и уравниваетъ чувствительность беззубаго края.

Далѣе слѣдуетъ описаніе уздечекъ: мягкой и строгой. Правила управленія лошадыю при помощи уздечки ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ.

Ко всему этому Ксенофонтъ прибавляетъ: „Симонъ ¹⁾ правъ, говоря, что лошадь силою ничему не выучишь“. „Человѣкъ учитъ человѣка словомъ, даромъ боговъ; лошадь слова не пойметъ: только, лаская за исполненіе и наказывая за сопротивленіе, можно заставить ее исполнять наши требованія. Это главное правило, общій выводъ изъ всего, что можно сказать о ѣздѣ“.

¹⁾ Симонъ Аѳинскій первый написалъ правила верховой ѣзды. Онъ до насъ не дошли.

Въ заключеніе Ксенофонтъ говоритъ о вооруженіи, одеждѣ всадниковъ и о метаніи копій. Обо всемъ этомъ уже было упомянуто при описаніи устройства греческой конницы.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что Ксенофонтъ въ первой части трактата о кавалеріи является начальникомъ съ большимъ пониманіемъ дѣла и чрезвычайно опытнымъ; во второй части „о ѣздѣ“, служащей дополненіемъ къ первой, ловкимъ ѣздокомъ и знатокомъ лошади, въ обоихъ хорошимъ патріотомъ. Извѣстно, что послѣ побѣды Конона при Книдѣ (394 г. до Р. Х.) восторжествовало въ Аѳинахъ демократическое правленіе со всѣми своими недостатками. Съ исчезновеніемъ патріархальныхъ нравовъ и обычаевъ народъ утратилъ дѣльность и энергію, предпочиталъ посылать въ бой наемныя полчища, самъ же развлекался празднествами и театрами. Юношество высшихъ и богатѣйшихъ сословій, утративъ рыцарскій духъ отцевъ, проводило время за азартными играми, пиршествами и попойками въ обществѣ гетеръ. Поэтому неудивительно, что, въ случаѣ нужды, молодежь старалась уклониться отъ службы въ конницѣ, и пополненіе рядовъ ея представляло не мало затрудненій. Если же нѣкоторые и добивались мѣста гиппарха или филарха, то только для того, чтобы блеснуть конемъ и богатымъ снаряженіемъ на различныхъ торжествахъ ¹⁾, не думая о прочихъ обязанностяхъ кавалерійскаго начальника. Въ этомъ, быть можетъ, и заключалась причина того, что Ксенофонтъ отправилъ двухъ сыновей своихъ для воспитанія въ Спарту, чтобы, по словамъ Плутарха, изучить высшую науку „повелѣвать и повиноваться“.

Неудивительно послѣ того, что у Ксенофонта, подъ вліяніемъ патріотизма, зародилась мысль воспользоваться страстью аѳинскаго юношества къ верховой ѣздѣ и охотѣ и направить ее на пользу отечества. Говоря о многосложныхъ задачахъ и большой отвѣтственности начальника конницы, онъ не забываетъ напомнить о блестящей роли его на народныхъ праздникахъ, и что полного блеска можно достигнуть только тогда, когда кони и всадники, подчиненные ему, вполне обучены и знаютъ свое дѣло.

Изложенные совѣты и правила Ксенофонта до сихъ поръ имѣютъ свое полное значеніе. Сказанное имъ стоитъ сравнить не только съ современными взглядами на дѣло, но и съ обычаями естественныхъ кавалерій, и мы найдемъ безчисленные съ ними соотношенія, достойныя вниманія. Чего требуетъ отъ конницы Ксенофонтъ? Прежде всего выносливости, способности къ трудамъ; по этому онъ совѣтуетъ обращать особенное вниманіе на заблаговременную подготовку къ этому кавалеріи и на кормъ лошадей, 2) Для приученія конницы стремительно атаковать,

¹⁾ Мѣста гиппарховъ, филарховъ, и стратеговъ, какъ извѣстно, раздавались по выбору народа, доставляя всему роду выбранныхъ особенную знатность и давая полный просторъ наружному блеску и тщеславію.

для мирныхъ ученій всякій разъ избирать новую мѣстность; 3) дисциплины; 4) обученія различнымъ построениямъ и нѣкоторой сноровки при размѣщеніи въ строю людей. Изъ сказаннаго въ этомъ пунктѣ можно заключить, что современная Ксенофонту конница далеко была до регулярной и представляла довольно нестройную толпу, разъ если каждому всаднику не было указано постояннаго въ строю мѣста. 5) Обученія односторонней и сквозной атакамъ. Намъ уже извѣстно, что греческая конница атаквала весьма рѣдко, а старалась разстроить противника, бросая въ него копья или стрѣлы, и потому то Ксенофонтъ особенно налегаетъ на приученіе къ атакамъ. 6) Качества требуемая отъ начальника: всюду примѣръ, заботливость о подчиненныхъ и коняхъ для приобрѣтенія довѣрія, благо-разуміе, смѣлость и неутомимая дѣятельность. 7) Тактическіе совѣты для дѣйствія конницы въ бою и сноровки въ партизанскихъ набѣгахъ, совѣтъ никогда не дѣйствовать безъ резерва показываютъ громадную опытность Ксенофонта и пониманіе свойствъ этого оружія.

Въ концѣ этого отдѣла онъ снова возвращается къ первому пункту, какъ бы напоминая, что для исполненія изложенныхъ его совѣтовъ необходима выносливость конницѣ, заблаговременная подготовка и приученіе къ трудамъ.

Трактатъ „о ѣздѣ“, какъ дополненіе къ первой части, тѣсно съ нею связанъ. Во всѣхъ наставленіяхъ слышится ловкій наѣздникъ: всѣ указанія, правила и совѣты, имъ даваемые, такъ вѣрны, естественны и цѣлесообразны, что сохранили свое полное примѣненіе даже въ настоящее время, по истеченіи болѣе 2000 лѣтъ, за исключеніемъ только того, что измѣнено послѣдующими изобрѣтеніями: сѣдломъ, мундштукомъ, ковкою. Давно ли еще были въ ходу курць—галопь и сдержанная рысь, какъ бы для сохраненія лошадей и стройности движенія, а забыто было, что вся сила конницы заключается въ быстротѣ движеній; между тѣмъ какъ Ксенофонтъ прямо говоритъ: „какой толкъ, если вмѣсто смѣлаго движенія впередъ, всадники топчутся на мѣстѣ и еле плетутся за вождемъ? Можно ли сравнить это бездушное движеніе съ развязною, смѣлою, могучею поступью коня?“ Давно ли существовала въ нынѣшней конницѣ въ высшей степени принужденная посадка, съ оттягиваніемъ ногъ назадъ въ видѣ буквы S и каблучковъ внизъ до судорогъ въ ногѣ? Возможно ли эту посадку сохранить въ походѣ и возможна ли она въ бою?

Если цѣлью этого сочиненія было только дать необходимое начальнику, то тѣсная рамка его вполне оправдывается. Но приходится сожалѣть, что Ксенофонтъ прошелъ молчаніемъ задачу берейтора, потому что, не смотря на этотъ пробѣлъ, сочиненіе это имѣетъ, какъ теорія ѣзды, неопровержимое достоинство. Впрочемъ Ксенофонтъ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ, что онъ пропустилъ этотъ отдѣлъ, такъ какъ онъ писалъ для богатѣйшаго сословія всадниковъ, которые всегда будутъ имѣть средства приобрѣсти выѣзженную лошадь или заплатить за ея выѣздку. Разумѣется это не вполне его оправдываетъ, потому что, кто готовится въ началь-

ники конницы, тотъ долженъ умѣть научить своихъ подчиненныхъ всему и знать все, относящееся до кавалерійской службы, а слѣдовательно и выѣздку.

Достойно удивленія точное знаніе строенія лошади, ея дѣльность и красоту; въ особенности если принять въ расчетъ неудовлетворительность тогдашней анатоміи. Это только можетъ явиться результатомъ долготѣтяго и многосторонняго опыта и горячей любви къ дѣлу.

Г л а в а 5-я.

Римляне. Главный родъ оружія въ составѣ римскихъ армій—пѣхота. Сословіе всадниковъ. Наборъ кавалеріи. Содержаніе. Смотры цензоровъ. Союзная конница. Снаряженіе и вооруженіе первой римской кавалеріи. Турма—тактическая единица. Мѣсто кавалеріи въ боевомъ порядкѣ арміи. За-мѣчаніе о первоначальной римской конницѣ.

„Большей части своихъ побѣдъ“, говоритъ Зедделеръ, „римляне обязаны своей превосходной пѣхотѣ.“ И, дѣйствительно, римская кавалерія никогда не достигала той высоты, на которой стояла ихъ пѣхота и не могла сравниться ни съ конницами сосѣднихъ народовъ, нумидянъ, германцевъ, галловъ, иберійцевъ, ни даже съ греческою, не говоря уже о кавалеріи Александра Македонскаго.

Римляне, подобно тому, какъ и мы въ настоящее время, считали пѣхоту главнѣйшимъ родомъ оружія и охотнѣе служили въ пѣхотѣ, предоставляя службу въ кавалеріи по большей части союзникамъ. Тацитъ говоритъ, что сила германцевъ лежитъ въ ихъ пѣхотѣ, точно такъ какъ у грековъ и римлянъ. „Республика“, говоритъ Вегецій ¹⁾ „болѣе нуждается въ пѣхотѣ, нежели въ конницѣ, потому что она вездѣ можетъ быть полезна: на морѣ и на сушѣ, на ровной мѣстности и на гористой, въ открытомъ полѣ и въ городѣ.“

Первыя войны Ромула были ведены безъ конницы. Невыгоды этого обстоятельства не могли не обнаружиться, и вслѣдствіе этого, говоритъ Діонисій, ²⁾ „по установленію сената Ромуль выбралъ 300 человекъ ³⁾ изъ лучшихъ семействъ сильнаго тѣлосложенія и приказалъ имъ драться съ коня тамъ, гдѣ мѣстность будетъ этому благоприятствовать.“

Ромуль раздѣлилъ всѣхъ жителей Рима на 3 трибы. Каждая триба должна была выставять 1000 человекъ пѣхоты и 100 конныхъ. Отъ этой конницы необходимо отличать „celeres“ (быстрый, скорый), составлявшихъ также въ числѣ 300 тѣлохранителей царя.

¹⁾ Lib II, cap I.

²⁾ Lib II Antiq. cap. II.

³⁾ Полибій говоритъ 200.

Нума уничтожилъ этихъ тѣлохранителей, причисливъ ихъ къ жрецамъ. Но Тулль Гостилий, взявъ ихъ, сформировалъ 10 турмъ изъ побѣжденныхъ албанцевъ и снова увеличилъ кавалерію до 600 всадниковъ.

Послѣ этого количество конницы въ Римѣ постоянно увеличивалось, и при Сервіѣ Тулліѣ дошло до 2400. Это постепенное увеличеніе конницы при царяхъ было строго согласовано съ возрастаніемъ народонаселенія въ государствѣ.

Мы знаемъ, что у грековъ существовали всадники или рыцари, которые первоначально имѣли назначеніемъ служить и составлять конницу. Впослѣдствіи они уклонились отъ этой службы и, обладая значительными средствами, образовали особенное привилегированное сословіе.

Тоже самое случилось и въ Римѣ. Всадники занимали мѣсто между сенатомъ и народомъ и съ самаго начала Рима составляли особенное сословіе, пользовавшееся большимъ почетомъ. По свидѣтельству Діонисія, тѣлохранители Ромула (*celerēs*) выбирались изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ семействъ. Тарквиній Прискъ назначилъ всадникамъ наравнѣ съ жрецами во время представленій въ циркѣ особая мѣста. Сервій Туллій, раздѣливъ все населеніе Рима на классы, причислилъ всадниковъ къ первому классу—патриціямъ; а Брутъ, ¹⁾ по изгнаніи царей, допустилъ всадниковъ въ сенатъ, и съ этихъ поръ всадники стали занимать правительственныя мѣста. Сулла во время своего диктаторства лишилъ ихъ этого права, но во время консульства Помпея (683 по основ. Рима.) право это было имъ возвращено.

Къ преимуществамъ сословія всадниковъ относилось право получать въ колоніяхъ вдвое больше земли, нежели пѣхотинцы. Кромѣ того, имѣя на откупѣ всѣ государственные доходы, они пріобрѣтали огромныя богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивалось ихъ особенное вліяніе и вѣсь въ Римѣ.

Знаками отличія всадниковъ были: 1) *Augusticlavium*, которымъ они отличались отъ сенаторовъ; 2) *phalera*—особая сбруя лошади; 3) золотое кольцо; 4) *trebea*—бѣлая одежда съ красными полосами для ѣзды верхомъ ²⁾.

Въ первыя времена Рима, т. е., во времена царей и республики изъ сословія всадниковъ составлялась извѣстная часть кавалеріи подъ названіемъ *legionarii*. Каждый римскій гражданинъ, желая отбывать службу въ конницѣ, долженъ былъ имѣть цензъ всадниковъ (*census equestris*), т. е., 100000 *as* или 2000 гульденовъ состоянія. Цензъ этотъ въ 686 году по основаніи Рима былъ увеличенъ въ 10 разъ. Кромѣ того, необходимымъ условіемъ при этомъ ставили хорошее происхожденіе и незапятнанную нравственность.

Если гражданинъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ, то цензоры принимали его въ число всадниковъ и выдавали ему отъ государства коня (*equum pub-*

¹⁾ Во время Гракховъ.

²⁾ *Nast*, стр. 96, S 106. Діон. 6.

licum). ¹⁾ Но кромѣ этого, всадники имѣли и своихъ собственныхъ лошадей. Въ послѣднее время республики всадники начали уклоняться отъ службы въ конницѣ. Ливій ²⁾ рассказываетъ, что Сципіонъ изъ числа сильнѣйшихъ пѣхотныхъ солдатъ хотѣлъ сформировать 300 всадниковъ. Но для того, чтобы пріобрѣсти для нихъ лошадей и оружіе, онъ потребовалъ 300 богатѣйшихъ юношей на коняхъ и въ полномъ вооруженіи, подавая видъ, что намѣренъ ихъ взять съ собой въ Каррагенъ. Когда юноши явились къ нему, крайне печальные, онъ объявилъ, что освободитъ ихъ отъ экспедиціи, если они уступятъ лошадей своихъ и оружіе его солдатамъ. Предложеніе Сципіона немедленно было принято.

Мѣра Марія, допустившаго въ легіоны людей низшаго класса и дарованіе союзникамъ права римскаго гражданства, окончательно оттолкнула всадниковъ отъ службы. Обладая громадными богатствами и занимая высшія правительственныя должности, они начали считать службу въ легіонарной конницѣ для себя унизительною. Этимъ объясняется то обстоятельство, что легіонная конница послѣдующихъ временъ состояла изъ чужихъ народностей, набираемыхъ по найму въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ легіоны имѣли свое мѣстопробываніе.

Удаляясь отъ службы въ конницѣ, всадники вмѣстѣ съ тѣмъ отдалялись и отъ народа, котораго до того они были вѣнцомъ: сословіе мало по малу обратилось въ достоинство (*dignitas*) и сдѣлалось наследственнымъ.

Прежде, какъ замѣчено, всадникомъ могъ быть только тотъ, кто, удовлетворяя цензу, получалъ отъ цензоровъ общественнаго коня и обязывался служить въ конницѣ; съ этихъ же поръ явились всадники по происхожденію, и служба перестала быть отличіемъ всадника.

Императоры римскіе за вѣрную боевую службу нерѣдко возводили въ достоинство всадниковъ и этимъ самымъ избавляли отъ военной службы. Въ этотъ періодъ всадники служили только въ конницѣ преторіанской гвардіи или тѣлохранителей императора. Эту конницу необходимо отличать отъ легіонной, какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Въ назначенный для набора войска день на капитоліи выставлялось знамя, и герольды провозглашали о томъ всенародно. Всѣ совершеннолѣтніе граждане собирались по трибамъ на Марсовомъ полѣ. Каждая триба представляла по очереди назначеннымъ къ тому трибунамъ (штабъ-офицерамъ) четыре рекрута, сколько можно равныхъ лѣтами, ростомъ и силою. Трибуны 1-го легіона избирали одного рекрута, остальные три рекрута попадали по выборамъ во 2-й, 3-й и 4-й легіоны. Изъ слѣдующихъ четырехъ рекрутъ право выбора предоставлялось трибунамъ 2-го легіона, затѣмъ 3-го, 4-го и т. д. Поэтому составъ людей былъ почти одинаковъ

¹⁾ Livius 1. 43.

²⁾ Lib. XXIX.

во всѣхъ легіонахъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ войска набирались поспѣшно и безъ особаго разбора. Такимъ образомъ въ первое время легіоны комплектовались пѣхотою.

При Сервіѣ Туллиѣ впервые былъ произведенъ осмотръ молодыхъ людей по трибамъ. Этотъ осмотръ состоялъ въ распредѣленіи по классамъ и состоянію для назначенія на службу въ кавалерію. Съ тѣхъ поръ такого рода осмотръ производился черезъ каждыя пять лѣтъ и получилъ названіе „Census Servianus“; но впослѣдствіи его стали производить каждый годъ и наконецъ два раза въ годъ. ¹⁾ На этихъ смотрахъ цензоры, принимая во вниманіе вышеупомянутыя условія для службы въ конницѣ, дѣлали цензъ, выдавали выбранному общественнаго коня и обязывали такимъ образомъ служить въ кавалеріи. Когда всадники стали уклоняться отъ службы, конницу пришлось комплектовать изъ другихъ классовъ вмѣстѣ съ пѣхотою. Но такъ какъ римляне мало придавали конницѣ значенія, то сначала и мало обращали на этотъ вопросъ вниманія. Это видно изъ того, что при наборѣ войскъ право выбора принадлежало прежде всего трибунамъ, и только оставшіеся людьми могли распоряжаться цензоры для комплектованія кавалеріи.

Со временъ Сципіона Африканскаго взглядъ на кавалерію совершенно измѣнился. Ее стали комплектовать лучшими людьми, предоставивъ цензорамъ первое мѣсто при выборѣ людей. Хотя служба въ конницѣ и прежде считалась почетною, но почетъ этотъ исходилъ изъ того, что право служить въ конницѣ принадлежало привилегированному классу. Теперь же въ кавалерію допускаются только люди, отличающіеся нравственностью, заслугами и храбростью; такъ что нерѣдко въ видѣ отличія за особенную храбрость переводили изъ пѣхоты въ конницу.

„Благоденствіе республики, „говоритъ Гуго ²⁾“, требовало, чтобы молодые солдаты были не только отличнаго тѣлосложенія, но чтобы отличались и своею нравственностью.“ На нравственность обращали вниманіе не только при выборѣ молодыхъ солдатъ, но и впослѣдствіи на каждомъ испытаніи и провѣркѣ, производившихся цензорами.

Относительно набора Вегецій говоритъ: ³⁾ „необходимо сохранить старое обыкновение брать на службу юношество по достиженіи совершеннолѣтія потому, что юноши воспріимчивѣе“.... „Прежде обращали большое вниманіе на ростъ солдата, назначая наибольшихъ фланговыми всадниками или въ первую когорту.... Но въ настоящее время должно обращать вниманіе больше на силу, нежели на ростъ людей.... Юноша, предназначающійся для службы въ кавалеріи, долженъ обладать смѣлымъ взглядомъ, носить голову высоко, долженъ имѣть широкую грудь

¹⁾ Livius, lib. IV, cap. 8. 24.

²⁾ De militia equestri antiqua et nova, глава III.

³⁾ Lib. I, cap. IV, § VII.

и плечи; кромѣ того длинныя, сильныя руки, небольшой животъ, непринужденность въ движеніяхъ, ляшки и икры не должны быть отягощены мясомъ. При этихъ условіяхъ нечего жалѣть о недостаткѣ роста: полезнѣе имѣть сильныхъ солдатъ, чѣмъ рослыхъ.“¹⁾ Что подобный взглядъ на выборъ людей существовалъ во времена республики, видно изъ того, что цензоръ Катонъ дѣлалъ выговоръ каждому толстому солдату, какъ человѣку составлявшему бремя государству, и признавалъ неспособнымъ служить въ конницѣ²⁾.

Римляне первоначально обязаны были служить въ дѣйствующемъ войскѣ отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ. Впослѣдствіи сроки службы были значительно сокращены. Полибій³⁾ говорить, что каждый римлянинъ долженъ былъ прослужить 10 лѣтъ въ конницѣ или 16 лѣтъ въ пѣхотѣ.

Въ началѣ каждый всадникъ долженъ былъ приобрѣтать коня, снаряженіе и вооруженіе на свой счетъ; впослѣдствіи же римляне сдѣлались, какъ говорить Гуго, нѣсколько щедрѣе относительно своей кавалеріи. Нѣкоторые всадники получали лошадей на счетъ казны. Назначались богатыя наслѣдницы (вдовы и сироты), изъ которыхъ каждая должна была доставлять годовыя деньги на содержаніе лошади⁴⁾ или всадника⁵⁾.

Но еще до осады Веи введенъ былъ обычай, что въ конницѣ могъ служить только тотъ, кто получилъ отъ цензора общественнаго коня. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Во время осады Веи римскіе всадники предложили правительству служить на своихъ лошадяхъ. Въ благодарность за это, по словамъ Ливія,⁶⁾ сенатъ назначилъ имъ жалованье. Ливій говорить, что всадники для покупки лошадей получали „dena millia aeris“ (200 florin) и, кромѣ того, bina millia aeris (40 fl.) въ годъ на содержаніе лошадей.⁷⁾ Полибій говорить,⁸⁾ что каждый всадникъ получалъ ежедневно одну драхму. Впослѣдствіи при императорахъ жалованье было значительно увеличено.

Всадникъ, его конь и оружіе подвергались осмотру. Намъ извѣстно, что у аѳинянъ это исполнялось архонтами; у римлянъ сначала царями, потомъ консулами и наконецъ цензорами, исключительно для этой цѣли избиравшимися.

¹⁾ Lib. I, cap. IV.

²⁾ Das Kriegswesen der Römer, Ottenberger, prag. 1, 24. Vegetius, lib. 1, cap. 6.

³⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller. pag. 625.

⁴⁾ Gaj. Justit. 4. 27.

⁵⁾ Livius, lib. 1. 43. 9.

⁶⁾ Lib. 5. 7.

⁷⁾ Nast, стр. 12 § 22.

⁸⁾ Lib. VI.

Въ древнѣйшія времена, при первыхъ царяхъ, каждый всадникъ подвергался только одиночному осмотру. Затѣмъ были введены смотры, имѣвшіе цѣлью различныя испытанія, которыя состояли въ публичной ѣздѣ верхомъ и торжественномъ прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ мимо цензора. Всего, кажется, было четыре рода смотровъ, включая сюда и *census Servianus*.

Всадники состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ цензоровъ, передъ которыми они должны были оправдываться, въ случаѣ какого либо обвиненія; кромѣ того, они должны были ежегодно являться на смотръ, какъ выше упомянуто, съ своими конями, снаряженіемъ и оружіемъ. Здѣсь цензоры разбирали поведеніе каждаго всадника и отбирали у виновныхъ коней, лишая ихъ этимъ чести служить въ кавалеріи. Этотъ смотръ назывался „*equitum transvectio* или *provatio*.“ Ливій называетъ его нѣсколько разъ „*censuram tristem*“ и говоритъ, что этотъ смотръ произведенъ былъ въ первый разъ въ 449 году по основаніи Рима.

Обычай требовать всадниковъ къ одиночному осмотру (*equitum transvectio*) существовалъ и при императорахъ.

О смотрахъ третьяго и четвертаго рода, имѣвшихъ цѣлью различныя испытанія, трудно сказать что нибудь достовѣрное. Извѣстно только, что прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ мимо цензора ввелъ Квинтъ Фабій Рулліанъ Максимъ. Сначала смотръ этотъ производился 15-го іюля, а потомъ, независимо отъ этого, еще и 15-го марта. Плутархъ въ біографіи Помпея описываетъ смотръ слѣдующимъ образомъ: „Помпей представилъ народу восхитительное зрѣлище, когда давалъ отчетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. У римлянъ существовалъ обычай, по которому всадники, окончивъ свою военную службу, приводили коней своихъ на форумъ цензорамъ и публично сообщали имъ слѣдующее: въ какихъ походахъ каждый принималъ участіе, подъ чьимъ начальствомъ служилъ и какимъ образомъ освобожденъ отъ военной службы въ далекихъ краяхъ. Почестъ или позоръ выпадали на долю каждаго, сообразно его заслугамъ.“

Во время смотра, который производили всадникамъ цензоры Гелій и Лентуль, Помпей въ полныхъ консульскихъ знакахъ отличія, и ведя собственноручно своего коня, явился на форумъ. Приказавъ ликторамъ очистить себѣ дорогу, онъ подвелъ коня своего къ трибуналу. Удивленіе и восторгъ народа, и почести, возданныя цензорами, были непомерны. „Спрашиваю тебя, Помпей Великій (*Pompeus Magnus*), обратился старшій изъ цензоровъ, выполнилъ ли ты боевую службу такъ, какъ требуютъ законы“? „Я все исполнилъ, отвѣтилъ громко Помпей, будучи самъ главнокомандующимъ“.

Римляне въ первые три столѣтія, по основаніи ихъ столицы, не имѣли другихъ войскъ, кромѣ собственно римскихъ потому, что рѣдко имѣли союзниковъ; покореннымъ же народамъ обыкновенно давали право римскаго гражданства, переселяя знатнѣйшія семейства въ Римъ, и замѣняя ихъ бѣдными римлянами (*coloniae*

civitates, municipaliae). Посредствомъ этихъ мѣръ потеря въ людяхъ, причиненная войною, вознаграждалась, и побѣдители сливались, такъ сказать, въ одинъ народъ съ побѣжденными. Эта была одна изъ главнѣйшихъ причинъ прочной основы римскаго могущества.

Въ послѣдующія времена покоренные римлянами народы раздѣлены были на два рода: на союзные (socii), которымъ побѣдители оставляли прежніе законы и образъ правленія, и на подданные (dedititii), которые управлялись римскими наместниками. Изъ числа первыхъ набирались союзные легіоны (socii), имѣвшіе одинаковое устройство съ римскими, а вторые составляли войска вспомогательныя (auxiliares), которыя сохраняли прежнія свои тактическія правила, но состояли подъ начальствомъ римскихъ офицеровъ.

Во время набора легіоновъ въ Римѣ, подобный же, но менѣе сложный наборъ производился у союзниковъ, которыхъ консулы извѣщали о числѣ требуемыхъ войскъ и о сборномъ мѣстѣ арміи. Союзники обязаны были выставять вдвое, а иногда и втрое болѣе кавалеріи противъ самихъ римлянъ.

Конница союзниковъ имѣла нѣсколько подраздѣленій: 1) легіонная, въ которую выбирались люди по цензу, подобно тому, какъ и у римлянъ; 2) изъ нихъ отбиралась третья часть лучшихъ всадниковъ, которые назывались extraordinarii, и состояла въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго; 3) пятая часть экстраординарныхъ составляли тѣлохранителей вождя и назывались ablecti ¹⁾.

Поэтому постановленію лучшіе и знатнѣйшіе воины союзниковъ, находясь безпрестанно въ виду полководца, служили резервомъ арміи и залогомъ вѣрности своихъ соотечественниковъ.

Число и сила дружинъ, набираемыхъ у подвластныхъ народовъ, опредѣлялись обстоятельствами; но онѣ не входили въ составъ самой арміи, а образовали всегда отдѣльные отряды.

Кавалерія ихъ, подъ названіемъ конницы крыльевъ (alarii) и вспомогательной (auxiliares), большею частью располагалась на флангахъ арміи, употреблялась преимущественно передъ легіонной для развѣдывательной службы, преслѣдованія, и вообще играла роль легкой кавалеріи.

Со временъ Пуническихъ войнъ въ войскахъ римлянъ появляется наемная конница, именно: нумидійцы, галлы, въ послѣдующія времена республики и имперіи—различныя племена германцевъ и пр., которыя составляли конницу крыльевъ, въ то время какъ римляне выставляли легіонную конницу. Явились новыя подраздѣленія кавалеріи и самый составъ войскъ измѣнился въ ущербъ пѣхотѣ.

Говоря о римской кавалеріи, считаемъ не лишнимъ упомянуть о велитахъ, легкой римской пѣхотѣ, такъ какъ часть ея составляла съ кавалеріей нѣчто не-

¹⁾ При римскихъ вождяхъ состояли и пѣшіе extraordinarii и ablecti.

раздѣльное. Велиты, говоритъ Оттенбергеръ ¹⁾ впервые были сформированы во время войны, въ которую Флавій Флаккъ осаждалъ Капуу (542 г. по основ. Рима). Незначительное количество римской конницы не могло противустоять частымъ вылазкамъ непріятельской кавалеріи, а потому центуріонъ Невій выбралъ самыхъ легкихъ и быстрыхъ солдатъ, вооружилъ ихъ семью короткими и кривыми стрѣлами, далъ имъ нѣкоторое предохранительное вооруженіе и обучилъ быстро вскакивать на крупы коней всадниковъ и быстро съ нихъ соскакивать. Вслѣдствіе этого они получили возможность принимать участіе въ схваткахъ конницы, соскакивая съ круповъ и поражая стрѣлами непріятельскихъ коней ²⁾. Ливій говоритъ, что каждый велитъ былъ вооруженъ семью дротиками. „Когда удостовѣрились, продолжаетъ Оттенбергеръ,“ что ежедневными упражненіями велиты достигли извѣстной ловкости, римскую кавалерію двинули противъ конницы кампанцевъ, построеной между лагеремъ и городской стѣною. Приблизясь къ непріятелю на разстояніе, удобное для метанія дротиковъ, римляне остановили лошадей и дали велитамъ соскочить. Вдругъ изъ рядовъ конницы выступила пѣхота и осыпала непріятельскихъ всадниковъ дротиками. Новизна и неожиданность этого маневра распространила ужасъ въ рядахъ кампанцевъ: они бросились назадъ, и римская кавалерія преслѣдовала ихъ до городскихъ воротъ.... Съ тѣхъ поръ рѣшено было постоянно имѣть въ легионахъ велитовъ“.

Формированіе велитовъ Оттенбергеръ относитъ къ 542 году по основаніи Рима, т. е. къ 211 до Р. Х., между тѣмъ, какъ положительно извѣстно, что въ сраженіи при Тичино, въ 218 до Р. Х., велиты участвовали вмѣстѣ съ римской кавалеріей.

Полезьа велитовъ рельефно выказалась во второй половинѣ пунической войны и въ особенности въ сраженіи при Замѣ (202 г. до Р. Х.).

Римляне, подобно тому какъ и греки, въ началѣ сѣдель не знали. Вмѣсто сѣдель у нихъ были покрывала, прикрѣплявшіяся къ лошади посредствомъ трокровъ. „Иногда всадники,“ говоритъ Беренджеръ ³⁾, „этими троками привязывали къ лошади и себя.“

Ни одинъ изъ древнихъ римскихъ и греческихъ писателей не упоминаетъ о стременахъ. Точно такъ же не встрѣчается изображеній стремянъ ни на одномъ памятникѣ или статуѣ. Римляне, точно также какъ и греки, садились на коней гимнастическими прыжками или при помощи другаго человѣка, какъ свидѣлствуютъ Юлій По-

¹⁾ Das Kriegswesen der Römer. Prag. 1824, стр. 60.

²⁾ Lib. 26. 4.

³⁾ Lib II, cap. VI.

луксъ, Волатеранъ и Вегецій. ¹⁾ Монфоконъ говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны были сѣдла, неизвѣстны были и стремена.

Предохранительнаго оружія на лошадахъ не было. Гуго говоритъ ²⁾, что у римлянъ были тяжело и легковооруженные всадники, но вооруженіе на коней не распространялось. Уздечка, какъ свидѣтельствуютъ древніе римскіе памятники и Монфоконъ, была совершенно сходна съ греческою и имѣла желѣзное удило и суголовье изъ сыромятной кожи.

До осады г. Веи у римлянъ не было постоянныхъ войскъ. Римляне, подобно грекамъ, тогда служили только до окончанія похода, или до наступленія осени и потомъ возвращались къ домашнимъ и сельскимъ своимъ занятіямъ; потому они рѣдко могли довершить пораженіе непріятеля, или совершенно усмирить завоеванныя страны. Вслѣдствіе подобныхъ порядковъ каждый римлянинъ являлся въ собственной одеждѣ и съ своимъ оружіемъ; такъ что разнообразіе и въ томъ, и въ другомъ было большое.

Война римлянъ съ вейентинцами измѣнила это положеніе дѣль, и дала поводъ къ общему перевороту въ дѣйствіяхъ внѣшней политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ разнымъ перемѣнамъ въ военномъ искусствѣ римлянъ. Желаніе покорить богатый и могущественный городъ Веи, стремившійся, подобно Риму, къ приобрѣтенію владычества надъ Среднею Италіею, мужественная оборона его жителей, продолжавшаяся десять лѣтъ и отвращеніе римскихъ гражданъ отъ службы въ столь долговременной войнѣ мало по малу принудили сенатъ выдавать воинамъ жалованье, продовольствіе и оружіе. Слѣдствіемъ этого было прекращеніе въ легіонахъ различія въ вооруженіи и одеждѣ. Строй и тактика были усовершенствованы. Правительство, не имѣя уже необходимости преждевременно распускать войско, могло приступить къ важнѣйшимъ внѣшнимъ предпріятіямъ.

Одежда римскаго войска состояла въ туникѣ, на подобіе шерстяной рубахи, неходящей до колѣнъ и опоясанной широкимъ ремнемъ (*singulum*), на которомъ висѣлъ съ лѣвой стороны мечъ; въ епанчѣ (*sagum*); въ кожаныхъ штанахъ и короткихъ сапогахъ или сандаліяхъ (*caligae, oscrae*). Зимю воины носили также плащи съ воротниками (*lascerna*). „Всадники древняго Рима,“ говоритъ Гуго, „предохранительнаго оружія не имѣли, шли въ дѣло въ обыкновенной своей одеждѣ и потому подвергались большой опасности; но, чтобы удобнѣе и легче вскакивать на коней, опоясывали себя повязкой ³⁾ или кушакомъ.“ „Вѣроятно,“ продолжаетъ Гуго, „у нихъ было что нибудь въ родѣ фартука, проходившаго между ляшками съ заду на передъ“. Говоря о предохранительномъ оружіи, Гуго, вѣроятно, имѣлъ въ виду только прикрытіе

¹⁾ Berenger стр. 82.

²⁾ De militia equestri antiqua et nova.

³⁾ Demilitia equestri..., глава IV.

груди и спины, потому что, по Полибію ¹⁾, римскіе всадники были вооружены щитомъ и копьемъ. Но кромѣ этого, въ четвертой главѣ своей книги Гуго упоминаетъ о легкомъ предохранительномъ вооруженіи, которое дѣлалось изъ льна, дерева, губки, веревокъ, шерсти, кожи, страусовыхъ кожъ, легкой бронзы, тонкаго желѣза, покрытаго листовымъ золотомъ. Бронзы, желѣза и прочихъ металловъ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, въ конницѣ для предохранительнаго вооруженія не употребляли, но положительно извѣстно, что, напримѣръ, самнитяне покрывали грудь губкою ²⁾.

Щиты были изъ бычачьей кожи, натянутой на деревянные рамы и „очень подходили на тѣ овальные пироги, которые употребляются при жертвоприношеніяхъ“. Но подобнаго рода щитъ не даетъ никакой защиты, потому что онъ весьма не проченъ и размокаетъ отъ дождя.

Первоначально всѣ легкія войска римлянъ не носили никакого головного убора и были въ бою съ непокрытою головою. Но впослѣдствіи, съ какого именно времени трудно опредѣлить, вѣроятно, со временъ войнъ съ Пирромъ, конница начала предохранять голову. Головной уборъ состоялъ въ легкомъ шлемѣ изъ листоваго полированного желѣза съ черными и красными перьями.

Конья римской конницы были плохи—тонки и гибки (tranlant). „Ихъ нельзя было,“ говоритъ Полибій, „метать вѣрно, и очень много ихъ ломалось во время движенія раньше сшибки съ непріателемъ. Конья были деревянные съ желѣзнымъ остриемъ безъ оковки на нижнемъ концѣ.“ Это также Полибій относитъ къ дурной сторонѣ конья, такъ какъ, „если отскочить передній конецъ, копье дѣлается бесполезнымъ“.

По этимъ причинамъ римляне начинаютъ перенимать вооруженіе отъ грековъ, „и дѣйствительно,“ говоритъ Полибій, „ихъ прочными и негибкими копьями наносится ударъ вѣрный и сильный; кромѣ того, они могутъ служить и другимъ концомъ, который также окованъ, какъ и передній. Тоже самое можно сказать и о щитахъ.“

Римская кавалерія строилась по турмамъ. Турма была вдвое меньше греческой филы и первоначальнаго илоса, именно заключала въ себѣ, какъ говоритъ Настъ ³⁾, 33 всадника, по Вегецію 32 или 34 ⁴⁾.

Каждая турма имѣла трехъ декуріоновъ (офицеровъ) и дѣлилась на 3 декуріи. Знатнѣйшій между декуріонами командовалъ турмою, остальные два заступали его мѣсто во время отсутствія и начальствовали декуріями. Въ каждой декуріи выбирался субдекурій—замыкающій.

¹⁾ Lib. VI.

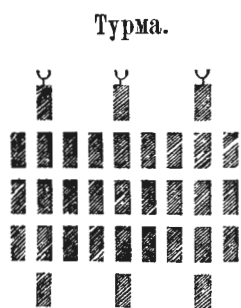
²⁾ Livius. IX.

³⁾ Nast. Roemische Kriegsalterthuer. Halle 1782. стр. 10. § 112.

⁴⁾ Lib. 2 с. 14.

„Древніе,“ говоритъ Гуго, „не опредѣляли точно интервала между отдѣльными всадниками“. Но Эллианъ требуетъ, чтобы всадникъ отъ всадника находился на разстояніи длины лошади. Судя по этому, можно предположить, что у римлянъ нормальный строй былъ разомкнутый и повороты производились въ одинъ конь. Гуго изъ Эллиана приводитъ слѣдующее: „декуріею называется 8, 12, 16 человекъ, состоящихъ подъ однимъ начальникомъ. Начальникомъ назначается лучший въ каждой декуріи. Декуріи становятся одна возлѣ другой. Впереди всѣхъ декуріоны, а занима ихъ декуріи.“

„Нѣтъ положительныхъ данныхъ“, говоритъ Настъ, ¹⁾ „чтобы судить о глубинѣ построения конницы. При турмѣ въ 30 человекъ, можно ее строить троякимъ образомъ: 1) 10 человекъ по фронту и 3 въ глубину; 2) 6 человекъ по фронту и 5 въ глубину, и 3) 5—по фронту и 6 въ глубину“. Разсматривая наивыгоднѣйшее построение, должно склониться къ предположенію, что римляне строились первымъ способомъ, т. е., 10 всадниковъ по фронту и 3 въ глубину. Если принять во вниманіе сказанное Эллианомъ, что впереди стояли декуріоны, а за ними декуріи по порядку номеровъ, и что въ каждой декуріи былъ замыкающій, то наиболѣе подходящее построение при 33 всадникахъ будетъ слѣдующее:

Но Полибій ²⁾ и Варронъ ³⁾ считаютъ турму въ 32 человека, а Вегецій въ 34 человека. Во времена Юлія Цезаря въ турмѣ было большею частью по 32 коня; впоследствии турмы римскія все увеличивались, такъ что Амміанъ ⁴⁾ говоритъ о двухъ турмахъ, въ которыхъ вмѣстѣ насчитывалось до 700 всадниковъ. Слѣдовательно число ихъ доходило въ турмѣ 350.

Повороты всѣ производились въ одинъ конь. Если нужно было проходить узкое мѣсто, то декуріи слѣдовали одна за другой, и потомъ заднія пристраивались къ переднимъ. Кроме того, производились такія же вздваиванія, какъ и у грековъ.

Чтобы сдѣлать сравненіе первоначальной турмы съ греческою тактическою единицею филою или илосомъ, необходимо обратить вниманіе на способъ боя римской кавалеріи въ эпоху времени до пуническихъ и греческихъ войнъ. Мы знаемъ, что римская кавалерія была вооружена легкими копьями. Для метанія этихъ копій самымъ удобнымъ строемъ былъ разсыпной, въ которомъ римская кавалерія, подобно первой греческой, подступала обыкновенно къ противнику, начинала бросать копья, и, когда противникъ былъ достаточно разстроенъ, выхватывала свои короткіе мечи и завязывала рукопашный бой. По-

¹⁾ § 115.

²⁾ Lib. IV.

³⁾ Varro, lib IV } ссылка Гуго. De militia equestri.

⁴⁾ Ammianus. Lib 18. Ссылка Гуго.

нятно, что эта атака происходила на самомъ близкомъ разстояніи; объ ударѣ и рѣчи быть не могло, и доказательствомъ этому служить то, что, если противникъ былъ стоекъ, римскіе всадники соскакивали съ коней и дрались пѣшкомъ.

Изъ этого видно, что нормальный строй турмы служилъ только для первоначальнаго построенія и маневрированія на полѣ сраженія, передъ вступленіемъ же въ бой онъ обращался въ разсыпной. При такомъ назначеніи величина и форма строя были цѣлесообразны: турма была поворотлива и допускала весьма быстрое построеніе разсыпнаго строя въ любую сторону. Илось, при его бѣльшей глубинѣ и массѣ коней, былъ менѣе поворотливъ. Онъ занималъ по фронту почти столько же, сколько нынѣшній эскадронъ, но значительно превышалъ его глубину. Вслѣдствіе этого и командованіе илосомъ было труднѣе. Но зато турма вслѣдствіе потери быстро обращалась въ горсть людей, и, разсѣянная подобными мелкими кучками при напорѣ непріятельской конницы, могла оказать лишь самое слабое сопротивленіе. Вообще для производства атаки илось имѣть, по нашему мнѣнію, преимущество, не вслѣдствіе, конечно, своей глубины, но вслѣдствіе большой массы всадниковъ, которые во время атаки могли заполнить промежутки въ переднихъ шеренгахъ, и строй получалъ значительную густоту. Наконецъ кавалерія, построенная по турмамъ, менѣе способна была къ единодушному натиску по причинѣ множества начальниковъ мелкихъ частей, находящихся въ строю на довольно значительныхъ промежуткахъ.

Турмы строились на интервалахъ равныхъ длинѣ фронта турмы ¹⁾ и располагались по флангамъ боеваго порядка пѣхоты своего легіона. Если въ арміи было нѣсколько легіоновъ, то конница отъ нихъ иногда отдѣлялась. Легіонная кавалерія въ этомъ случаѣ или непосредственно примыкала къ флангамъ пѣхоты, или располагалась во второй линіи. Въ первомъ случаѣ конница вспомогательная становилась рядомъ съ легіонной на крайнихъ флангахъ, во второмъ вспомогательная въ первой линіи наравнѣ съ пѣхотой, а легіонная кавалерія за нею, какъ видно изъ чертежа № 2.

Экстраординарная конница и аблекты составляли особые резервы.

Боевой порядокъ пѣхоты римляне первоначально заимствовали отъ грековъ и строились въ одну линію фалангою; но, воюя въ гористой мѣстности съ горными племенами, нашли его неудобнымъ и со временъ войны съ вейентинцами, какъ говорятъ, диктаторъ Камиллъ ввелъ боевой порядокъ по центуріямъ квинкунціальный—въ пять линій.

Въ первой линіи строились принципы (опытные воины), во второй гастаты (молодые солдаты), въ третьей тріаріи (ветераны); четвертую и пятую линіи составляли изъ легкихъ войскъ съ луками и пращами подъ именемъ рораріевъ и акценсовъ. Каждая линія легіона дѣлилась на 15 центурій изъ 64 человекъ. Сверхъ

¹⁾ Nast. стр. 326 и многіе другіе источники.

Исторія коняцы М. Маркова.

А Н Н И В А Л Ъ.

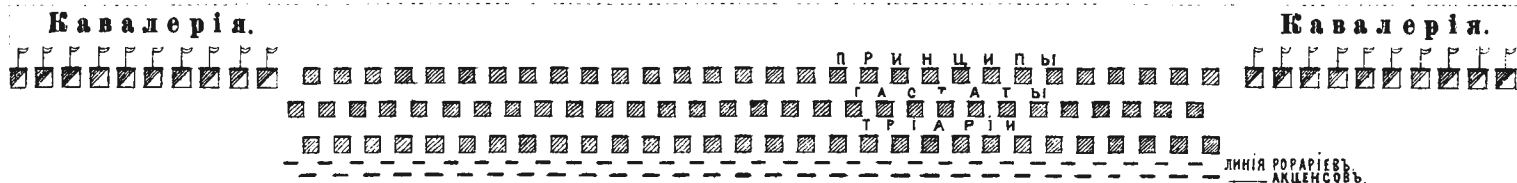

того къ легиону придавалось 10 турмъ конницы (300 всадниковъ), подъ названіемъ „крыла“ (ala). Такимъ образомъ сила легиона простиралась до 5100 человекъ.

2-й Легионъ.

№ 2.

1-й Легионъ.

Консульская армія.

До Сципіона Африканскаго римляне мало обращали вниманія на свою кавалерію, и потому она была и малочисленна, и плоха. Вначалѣ на одинъ легионъ пѣхоты (3000 человекъ) безъ легкихъ войскъ положено было имѣть 10 турмъ, т. е. 300 всадниковъ. Когда легионъ былъ увеличенъ до 4200 человекъ, число кавалеріи осталось тоже самое и увеличено было до 400 всадниковъ уже тогда, когда число пѣхоты въ легионѣ возрасло до 5000 ¹⁾. „Во время второй Пунической войны“, говоритъ Полибій ²⁾ „римляне набираютъ 4 легиона, каждый около 4000 человекъ пѣхоты и 200 конницы.“ Въ сраженіи при Каннахъ у римлянъ на 80000 пѣхоты было 7200 всадниковъ. Изъ этого видно, что, какъ сила легионовъ, такъ и численное отношеніе кавалеріи къ пѣхотѣ, не были постоянны, и до Сципіона Африканскаго конница составляла въ большинствѣ случаевъ менѣе чѣмъ $\frac{1}{10}$ часть пѣхоты.

Принимая во вниманіе многочисленныя назначенія конницы въ составѣ войскъ и особенное ея значеніе при отсутствіи огнестрѣльнаго оружія, такая слабость въ этомъ оружіи у римлянъ кажется странною.

Нѣкоторые это объясняютъ гористымъ мѣстоположеніемъ Италіи и недостаткомъ въ лошадяхъ. Къ этому можно прибавить, что и войны вначалѣ приходилось имъ вести съ народами слабыми въ конницѣ. „Быть можетъ“, говоритъ Настъ, ³⁾ „римляне полагали, что исходъ сраженія зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣйствій пѣхоты; быть можетъ, они желали избѣгнуть расходовъ и другихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ многочисленной кавалеріи?“ Но главной причины надо искать въ государственномъ устройствѣ Рима.

¹⁾ Livius, lib. X. 7.

²⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller, pag 502.

³⁾ Стр. 106, § 121.

Мы уже говорили, что всадники набирались изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ семействъ, 18-ти послѣднихъ центурій 1-го класса. Число достаточныхъ семействъ не увеличивалось такъ скоро, чтобы выставять опредѣленную часть конницы въ легионахъ, въ особенности когда римляне стали выставять въ полѣ арміи изъ нѣсколькихъ легионовъ. Правительство требовало, чтобы всадники являлись на службу первоначально съ своими конями и оружіемъ, и отстраняло себя отъ всякихъ съ своей стороны пожертвованій въ пользу кавалеріи. Понятно, что, если представлялась возможность избавиться отъ дорогой и хлопотливой службы, то всадники не медлили этимъ воспользоваться. Незначительное содержаніе, назначенное правительствомъ во время осады Веи, не могло прельстить, и всадники, овладѣвъ значительными богатствами, пріобрѣли громадный вѣсъ въ Римѣ, заняли важнѣйшія правительственныя мѣста и мало по малу совершенно отстранили себя отъ службы.

И такъ всадники нашли возможность уклоняться отъ службы, бѣдные классы не имѣли средствъ служить въ кавалеріи, правительство скупилось. Вотъ, какъ намъ кажется, главнѣйшія причины малочисленности первой римской кавалеріи. Независимо отъ уклоненія римскихъ гражданъ отъ службы въ кавалеріи и невниманія правительства къ этому роду оружія, конница римлянъ была плоха и по слѣдующимъ причинамъ.

1) Способъ боя не требовалъ особенной крѣпости сидѣнья всадниковъ въ сѣдлѣ, не требовалъ стройности эволюцій и движеній турмъ. Каждый всадникъ имѣлъ значительный просторъ и не стѣснялъ товарищей.

2) Вслѣдствіе этого отъ всадниковъ первоначально требовалась только одиночная ѣзда. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ являться на смотръ цензоровъ, показать своего коня, свое оружіе и себя на конѣ; тщательное же обученіе частей и различныя испытанія были введены впослѣдствіи.

3) Римскіе всадники плохо ѣздили. Это видно изъ того, что они привязывали себя къ сѣдлу ¹⁾; въ бою же предпочитали спѣшиваться, не довѣряя крѣпости своей посадки. Этотъ обычай вошелъ въ такое обыкновеніе, что конь служилъ всаднику не какъ оружіе, а какъ средство для скорѣйшаго, передвиженія, и, чтобы отучить конницу отъ этой привычки, пришлось употреблять строгія мѣры.

4) Наконецъ можно прибавить къ этому, что хорошимъ кавалеристомъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ склонность къ этому оружію, чье честолюбіе задѣвается этою службой, или, наконецъ, чье существованіе отъ нея зависитъ.

Честолюбіе римскихъ всадниковъ находило гораздо болѣе удовлетворенія въ различныхъ государственныхъ должностяхъ и вліяніи на дѣло государства, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ пришлось за недостаткомъ людей, удовлетвори-

¹⁾ Berenger. Die Geschichte der Reiter, стр. 75.

Исторія конницы М. Маркова.

КЕЛЬТЫБЕРЫ (испанцы).

Источники: Welt in Waffen, Шлоссеръ и др. описанія.

ющихъ цензу всадниковъ, ставить въ ряды конницы людей низшихъ классовъ. Всадники начали считать для себя униженіемъ стоять рядомъ съ плебеями. Въ ничтожномъ вознагражденіи, выдаваемомъ правительствомъ, всадники также, конечно, не нуждались. Поэтому знаменитый Сципіонъ Африканскій избѣгалъ формировать кавалерію изъ сословія всадниковъ, а бралъ людей изъ низшихъ сословій, которые бы зависѣли отъ службы.

По всѣмъ этимъ причинамъ можно замѣтить, что римская кавалерія была весьма плоха; такою она явилась въ 1-й и 2-й Пуническихъ войнахъ, и римляне жестоко заплатились за свое невниманіе къ этому роду оружія.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію употребленія кареагенской кавалеріи во время Пуническихъ войнъ, которая подъ предводительствомъ Аннибала совершила чудеса на итальянской территоріи и заставила римлянъ обратить, наконецъ, вниманіе на этотъ родъ войскъ.

Г л а в а 6-я.

Кавалерія Аннибала. Иберійцы (испанцы), галлы. Легкая нумидійская конница и тарентинцы. Искусство Аннибала пользоваться кавалеріею въ бою. Бой при Тессино. Сраженія при Требиѣ и Каннахъ. Употребленіе кавалеріи на театрѣ дѣйствій.

Кареагенскія войска, состоя большею частью изъ наемниковъ, были устроены полководцемъ Ксантипомъ. Ксантиппъ, спартанецъ, пришелъ въ Кареагенъ съ дружиною грековъ и, будучи назначенъ главнокомандующимъ, обучилъ кареагенскія войска по греческому образцу. Но сами кареагеняне составляли незначительную часть войска, въ составъ котораго, кромѣ нихъ, входили греки, ливійцы, испанцы (иберійцы), галлы и нумидійцы.

Изъ греческихъ войскъ, служившихъ по найму, въ особенности замѣчательны кефалоняне, дававшіе кареагенянамъ прекрасную конницу.

„Кефалоняне“, говоритъ Страбонъ ¹⁾, „до такой степени превосходили всѣ народы своею отличною конницею, что всякая война, въ которой они принимали участіе, оканчивалась въ ихъ пользу, такъ что обратилось въ поговорку: повернуть или покончить кефалоняниномъ“. Ливій ²⁾ пишетъ, что въ Пуническомъ войскѣ лучшіе всадники были кефалоняне.

Ливійцы организованы были по образцу греческому и составляли лучшую пѣхоту Аннибала. Испанцы, со времени второй Пунической войны взятые въ ряды

¹⁾ Strabo, XIV.

²⁾ Livius, XXVI, cap. XXXVIII.

Аннибаломъ, выставляли часть пѣхоты и часть конницы. Пѣхота, вѣроятно, была устроена по примѣру грековъ, хотя объ этомъ нигдѣ не упоминается и хотя, судя по характеру дѣйствій, во время Лузитанской и Нумантинской войнъ, испанцы были превосходною легкою пѣхотою и дѣйствовали гверильясами ¹⁾. Конница же ихъ имѣла устройство одинаковое съ галльской конницею. Всадники вооружены были копьями, двумя мечами и имѣли круглые кожаные щиты, шлемы и кирасы металлическія. „Кельтиберы“, говоритъ Діодоръ Сицилійскій ²⁾, вооруженные двумя мечами, одержавъ въ бою верхъ конными, соскакиваютъ съ коней и продолжаютъ бой пѣшими.

Страбонъ говоритъ ³⁾, что иберійцы сидѣли по два на одномъ конѣ, одинъ дрался пѣшкомъ другой съ коня. Это указываетъ на то, что иберійцы брали иногда съ собою легкую пѣхоту подобно тому, какъ римская кавалерія велитовъ.

Испанская конница сидѣла на испанскихъ лошадяхъ, которыхъ въ тѣ времена попадалось въ странѣ очень много, даже и въ дикомъ видѣ ⁴⁾.

Галлы составляли тяжеловооруженную кавалерію Аннибала. Страбонъ ⁵⁾ говоритъ, что все вообще галлы народъ воинственный, но они больше кавалеристы, чѣмъ похотинцы; племя же тревирь, по свидѣтельству Цезаря, превосходитъ конницею своею все прочія племена. Въ Галліи, говоритъ Страбонъ ⁶⁾, есть два класса людей, имѣющихъ вѣсь и значеніе: друиды и рыцари (дворяне), чернь занимаетъ мѣсто рабовъ. Друиды исполняютъ богослуженіе, а рыцари занимаются войною. Каждый изъ нихъ, смотря по положенію, окружаетъ себя бѣльшимъ или меньшимъ числомъ слугъ. Онъ же говоритъ, что галлы имѣли прекрасныхъ лошадей и платили за нихъ огромныя деньги.

О вооруженіи галловъ Полибій пишетъ, что латы и щиты ихъ были слишкомъ легки, а длинныя сабли, главное оружіе этого народа, такъ тонки, что сгибались и становились негодными къ употребленію, по нанесеніи ими нѣсколькихъ ударовъ.

Въ организаціи конницы галловъ, говоритъ Зедделеръ ⁷⁾, можно отыскать первые признаки рыцарства. Она составлялась изъ дворянъ и ихъ щитоносцевъ (сольдуровъ). Эти послѣдніе были юноши, также благороднаго происхожденія, которые, поступивъ на службу къ дворянамъ для изученія правилъ военнаго искусства, участвовали не только въ воинскихъ дѣйствіяхъ, но также во всѣхъ почестяхъ и

¹⁾ Зедделеръ, стр. 91.

²⁾ Lib. V cap. 9 и 5. 33.

³⁾ Stabo, 3. 4. 18.

⁴⁾ Strabo, 3, 4, 15.

⁵⁾ Lib. IV.

⁶⁾ Lib. VI.

⁷⁾ Исторія Воен. Искусства древнихъ народовъ.

Исторія конници М. Маркова.

Г А Л Л Ъ.
СНИМОКЪ СЪ БРОНЗОВАГО ВЮСТА.

Источники: Hottenroth и Кругозеръ.

забавахъ своихъ повелителей и долженствовали вмѣстѣ съ ними побѣдить или погибнуть. Въ строю дворяне составляли первую, сольдуры, находясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, вторую шеренгу.

Разсказывая о нашествіи Бренна, Павзаній ¹⁾ говоритъ: „кромѣ 60000 кавалеріи, было еще особыхъ 1200 всадниковъ. За каждымъ изъ этихъ послѣднихъ слѣдовали двое конныхъ слугъ, хорошо знакомыхъ съ искусствомъ ѣзды. Когда ихъ господа были въ бою, они стояли въ послѣдней линіи въ постоянной готовности подвести коня, если конь подъ господиномъ былъ убитъ, или вынести его самого изъ схватки, если онъ былъ раненъ; а въ случаѣ, если господинъ былъ убитъ, слуга становился на его мѣсто.

Если первый слуга былъ убитъ, то становился второй.

Первое нападеніе галловъ, сопровождавшееся крикомъ и звукомъ множества роговъ, было стремительно и грозно; но, будучи отбиты, они теряли бодрость и легко разстроивались, и потому Фабій выразился ²⁾, что первые бои галловъ были болѣе, чѣмъ бои мужчинъ, послѣдніе менѣе, чѣмъ женщинъ. Это объясняется непостоянствомъ характера галловъ, чрезмѣрною горячностью, быстро переходящею въ малодушіе.

Легкую и лучшую кавалерію Аннибала составляли нумидійцы, наводившіе однимъ своимъ появленіемъ ужасъ на римлянъ. „Ничего не можетъ быть презрительнѣе нумидійца на первый взглядъ“, говоритъ Титъ Ливій ³⁾. „Кони и люди малы и худы, всадники грязны, неопрятны, безъ предохранительнаго оружія съ нѣсколькими дротиками въ рукахъ; лошади безъ узды, даже скачутъ некрасиво съ вытянутыми шеями и головами. Но онѣ были чрезвычайно быстры и поворотливы“.

Описывая одинъ налетъ нумидійцевъ, Титъ Ливій говоритъ ⁴⁾: „въ числѣ союзныхъ войскъ консула было 800 нумидійцевъ. Начальникъ ихъ обѣщаль консулу сдѣлать нападеніе въ какую угодно сторону и просилъ только указать, гдѣ больше непріятельскихъ силъ, намѣревался броситься на нихъ и зажечь крыши. Консулъ одобрилъ намѣреніе и обѣщаль большую награду“. „Пренебреженіе, вызванное ихъ (нумидійцевъ) появленіемъ, они преднамѣренно увеличивали, падая съ лошадей и выставляя себя на посмѣшище. Поэтому непріятельскіе посты наконецъ сѣли и положили оружіе. Нумидійцы, между тѣмъ, подѣзжали все ближе, дѣлая видъ, что ихъ лошади заносятъ, и стараясь ихъ поворотить назадъ. Но вдругъ всѣ даютъ шпоры (?) лошадямъ, прорываютъ цѣпь аванпостовъ, летятъ къ ближайшему селенію и предають все огню и мечу“.

¹⁾ Pausanius, lib. X.

²⁾ Strabo, Geogr. Lib. IV.

³⁾ Livius, lib. 35. 11.

⁴⁾ Lib XXXV, ссылка Hugo. De militia equestri.

Нумидійцы не имѣли себѣ равныхъ въ малой войнѣ: засады, нечаянныя нападенія, набѣги составляли ихъ отличительный способъ дѣйствій. Обеспечивая свою армію отъ нечаянныхъ нападеній, нумидійская конница непрерывно тревожила непріятеля; являясь неожиданно, нападала вдругъ съ разныхъ сторонъ; сражаясь малыми отрядами и въ разсыпную, исчезала въ случаѣ неудачи; угрожала флангамъ и сообщеніямъ и преслѣдовала противника во время отступленія, не давая ему отдыха.

„Между нумидійцами“ говоритъ Титъ Ливій ¹⁾, были всадники, ходившіе въ бой о дву—конь и мѣнявшіе ихъ во время боя.

Ни въ одномъ источникѣ не упоминается объ организаціи кавалеріи нумидійцевъ, хотя сомнѣнія быть не можетъ, чтобы масса всадниковъ въ 800 — 1000 и больше коней не имѣла подраздѣленій на мелкія части. Тоже самое надо сказать объ испанской и галльской конницахъ, всадники которыхъ, разставленные на болѣе или менѣе значительныя разстоянія, ходили въ атаку цѣлыми линіями; но для эволюцій, вѣроятно, дѣлились на части. На это указываетъ дѣленіе наемной или вспомогательной кавалеріи римлянъ при императорахъ, состоявшихъ часто изъ тѣхъ же галльскихъ или германскихъ народовъ и строившихся группами по 100, 200 и 500 коней въ каждой.

Въ боевомъ порядкѣ кавалеріи Аннибалъ въ центрѣ, обыкновенно, ставилъ испанцевъ и галловъ; а нумидійцы располагались на флангахъ и, сидя на болѣе легкихъ лошадяхъ, во время атаки опережали центръ и наносили удары непріятелю во флангъ и тылъ. Гуго говоритъ ²⁾: „хотя Аннибалъ дрался построенными, боевыми линіями, но нумидійцы всегда опережали ихъ“.

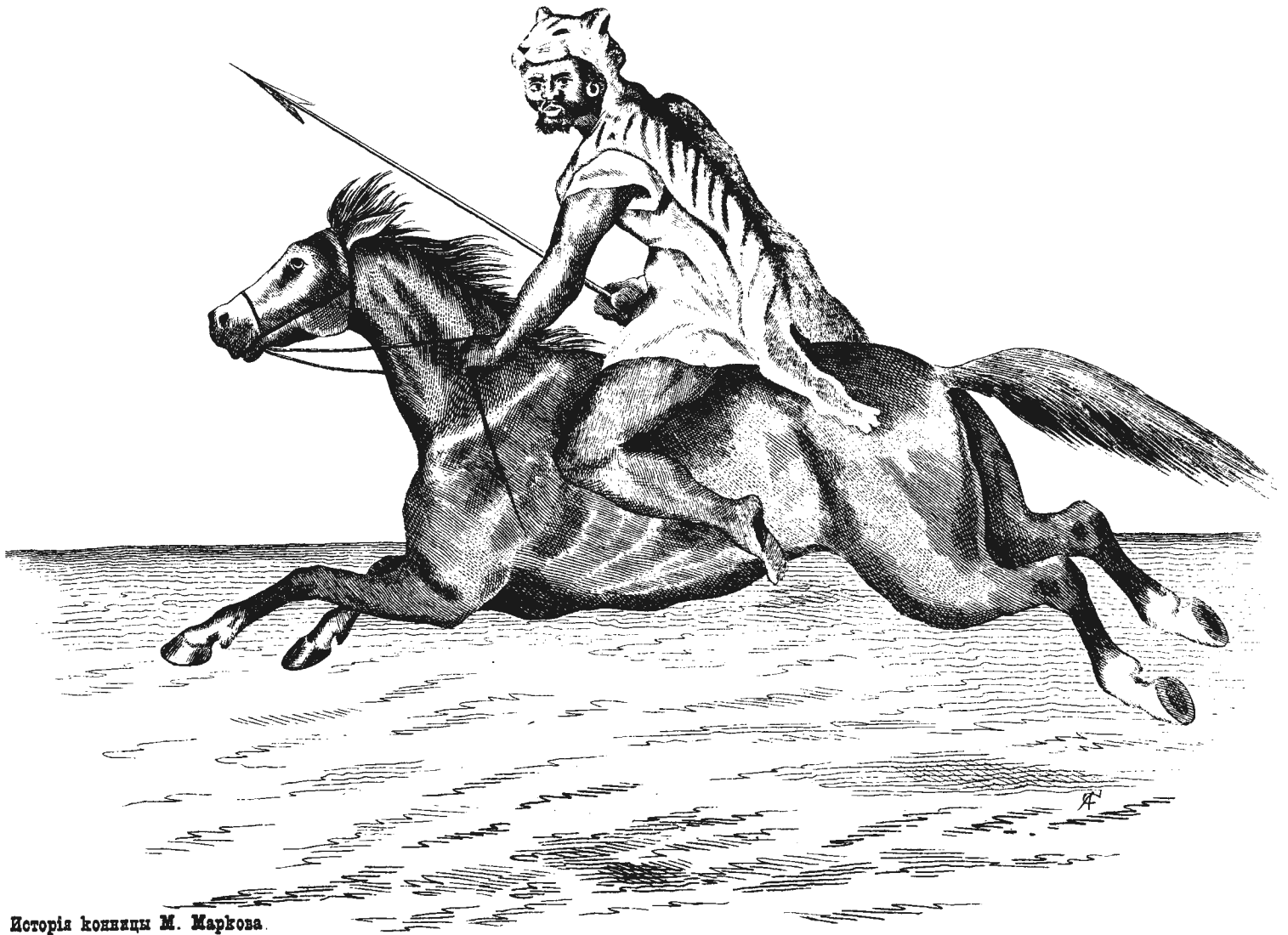
Атаки свои нумидійцы, вѣроятно, производили кучами или роями, на подобіе оракійцевъ. Трудно повѣрить словамъ Тита Ливія, что нумидійцы ѣздили безъ уздечки, управляя конемъ посредствомъ хлыстика. Можетъ быть передъ производствомъ атаки они иногда снимали уздечки, чтобы стремительнѣе врѣзаться въ ряды противника; но это указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что нумидійцы при своихъ атакахъ считали главнымъ оружіемъ коня подобно тому, какъ мы увидимъ впоследствии, кавалерія Фридриха, который оружію кавалеріи не придавалъ никакого значенія, помимо коня.

Что обычай снимать узду или поводья при атакѣ существовалъ у нѣкоторыхъ народовъ, служить доказательствомъ то, что даже римская кавалерія къ этому иногда прибѣгала, вѣроятно, изъ подражанія нумидійцамъ. Настъ ³⁾, описывая способъ атаки римской кавалеріи, говоритъ: „Если непріятель строилъ клинъ (cuneus),

¹⁾ Lib. 23. 29.

²⁾ De militia equestri, гл. III, ссылка на Ливія, lib. XXII.

³⁾ Nast. Roemische Kriegsalterthuemer. Halle. 1782. § 118.

Исторія конницы М. Маркова.

Н У М И Д І Е Ц Ъ.

Источники: Полибій, Титъ Ливій, Нуго и др.

то при атакѣ для увеличенія силы удара отдавали конямъ поводъ, даже снимали поводья совсѣмъ для того, чтобы всадники не могли сдерживать лошадей“.

Кромѣ нумидійцевъ, въ войскахъ Аннибала легкую конницу составляли тарентинцы, какъ увѣряетъ Гуго ¹⁾, ссылаясь на Тита Ливія ²⁾. О способахъ боя тарентинцевъ мы уже говорили, описывая конницу грековъ. Если, дѣйствительно, тарентинцы были у Аннибала, то, вѣроятно, послѣ сраженія при Каннахъ, когда онъ набиралъ и комплектовалъ войска свои въ южной Италиі.

Главное достоинство кавалеріи Аннибала заключалось въ томъ, что она вся состояла изъ привычныхъ съ малолѣтства къ коню и потому отлично ѣздившихъ всадниковъ.

Въ общемъ боевомъ порядкѣ своихъ войскъ кавалерію Аннибалъ ставилъ по преимуществу по флангамъ, а пѣхоту въ центрѣ.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить по достоинству умѣніе Аннибала пользоваться кавалеріей, постараемся разобрать походъ его изъ Испаніи въ Италию въ началѣ 2-й Пунической войны и нѣсколько данныхъ имъ римлянамъ сраженій.

Походъ этотъ представляетъ безпримѣрное явленіе въ исторіи. Зная препятствія, которыя должны были преодолевать при движеніи черезъ Альпы въ новейшее время Суворовъ и Бонапарте, невозможно объяснить успѣхъ предпріятія Аннибала. Кромѣ многочисленныхъ мѣстныхъ препятствій и отсутствія картъ, Аннибалу приходилось встрѣчать постоянно враждебныя дѣйствія варварскихъ племенъ, по землямъ которыхъ онъ проходилъ.

Переправясь черезъ р. Эбро съ 82 т. пѣхоты и 12 т. кавалеріи, онъ покорилъ многіе народы, обитавшіе на сѣверѣ Испаніи, что стоило ему большихъ потерь. Затѣмъ, оставивъ, Гасдрубала съ 15 тысячами для обезпеченія Испаніи, и для охраны пиринейскихъ проходовъ Ганнона съ 11 тысячами, двинулся далѣе.

Походъ черезъ Галлію представляетъ рядъ стычекъ легкой кавалеріи Аннибала съ галлами, съ которыми хотя Аннибалъ и успѣлъ сблизиться и заключилъ союзъ; но непостоянные и недовѣрчивые галлы нѣтъ—нѣтъ да и устроятъ какую нибудь засаду, и, вслѣдствіе описанныхъ затрудненій, къ берегамъ Роны Аннибалъ пришелъ только съ 38 т. пѣхоты и 8 т. конницы.

Съ началомъ 2-й Пунической войны римляне сформировали три арміи и отправили одну въ верхнюю Италию, другую (Сципіона) на корабляхъ въ Испанію и третью (Семпронія) въ Сицилію.

Публій Сципіонъ, приплывъ къ Массиліи (Марсель) и узнавъ о приближеніи Аннибала, высадился съ войскомъ и двинулся навстрѣчу ему для воспрепятствованія переправѣ черезъ Рону.

¹⁾ De militia equestri.

²⁾ Ottenberger. Das Kriegswesen der Römer. Prag. 1824 стр. 104.

Получивъ извѣстіе о высадкѣ Сципіона, Аннибалъ выслалъ противъ него 500 нумидійцевъ, а самъ подъ прикрытіемъ этого отряда ускорилъ движеніе и обогналъ римлянъ на три дня пути. Гнаться за нимъ римлянамъ было невозможно, и потому Сципіонъ посадилъ войска на суда и поспѣшилъ въ верхнюю Италію, чтобы вмѣстѣ съ расположеннымъ тамъ отрядомъ напасть на кароагенянъ, какъ только они спустятся съ Альпъ.

Прибывъ къ берегамъ Роны, Аннибалъ рѣшился близъ Рокемора переправиться на лѣвый берегъ; но галлы, не смотря на союзъ, собрались на противоположномъ берегу для задержанія кароагенской арміи. Аннибалъ отрядилъ вверхъ по теченію легкую кавалерію (нумидійцевъ), которая переправилась на тотъ берегъ вышла во флангъ и тылъ галламъ, и заставила ихъ очистить переправу.

Аннибалъ торопился вторженіемъ въ верхнюю Италію, чтобы поднять противъ римлянъ ненадежныя племена галловъ. Съ неимовѣрными трудностями отъ голода, холода, недостатка путей и отъ нападенія враждебныхъ галльскихъ племенъ совершилъ онъ переходъ черезъ Альпы, и, сдѣлавъ въ мѣсяць 215 верстъ, явился въ верхней Итали.

Потери были громадны: изъ всей арміи у Аннибала осталось 26 т. пѣхоты, 6 т. конницы и 12 слоновъ изъ 37.

Извѣстіе о вторженіи кароагенянъ въ верхнюю Италію, только что покоренную римлянами, произвело въ Римѣ ужасъ. Всѣмъ полководцамъ посланы были приказанія вернуться въ Италію; но Аннибалъ, спустившись съ горъ, занялся покореніемъ галловъ, чтобы обезпечить свой тылъ; а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ Аннибаломъ преимущественно вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій его кавалеріи.

Сципіонъ, вернувшійся въ Италію, продвинулся съ своею арміею для встрѣчи съ Аннибаломъ и расположился на р. Требѣи.

Сраженіе при Тессино.

Первое дѣло, происходившее между кароагенянами и римлянами, было чисто кавалерійское. „Объ арміи“ говоритъ Полибій ¹⁾, „наступали другъ на друга вдоль р. Тессино, по берегу, ближайшему къ альпамъ,—римляне, имѣя рѣку слѣва, кароагеняне—справа. На другой день фуражиры противниковъ дали знать о наступленіи непріятеля, и объ арміи стали лагеремъ“.

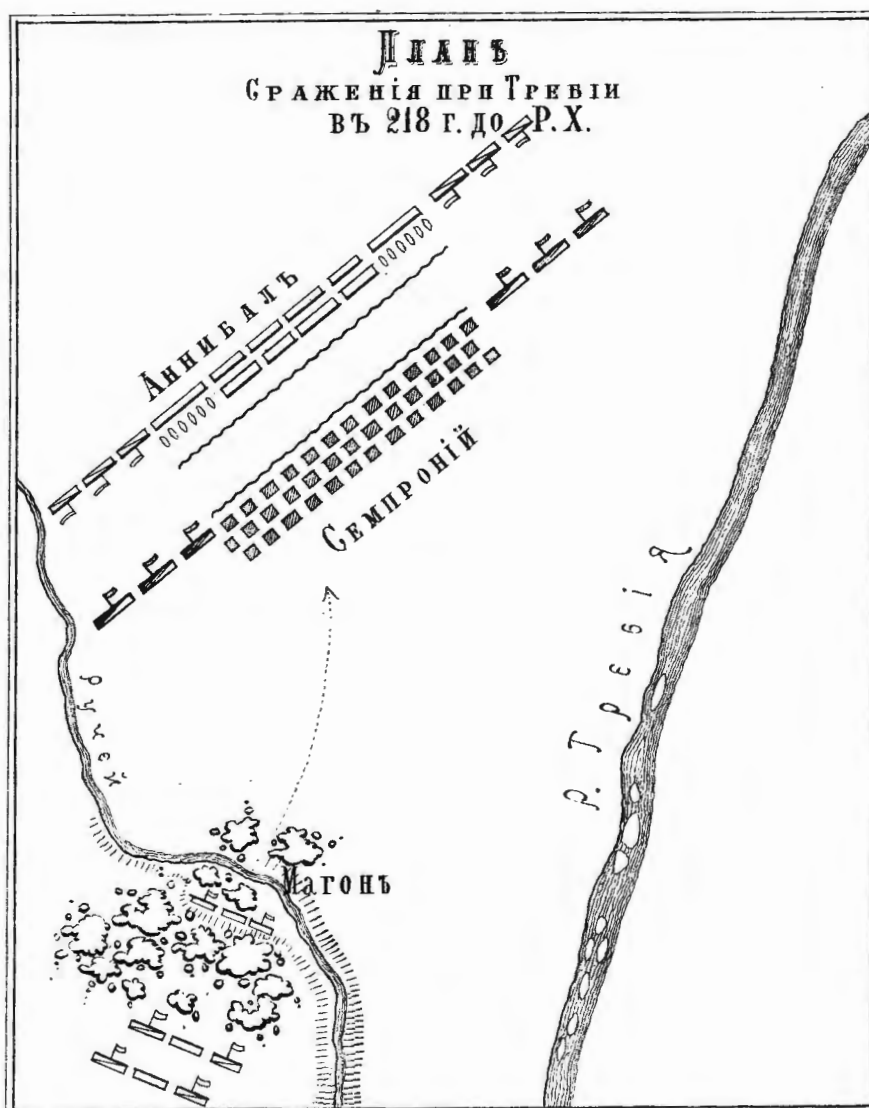
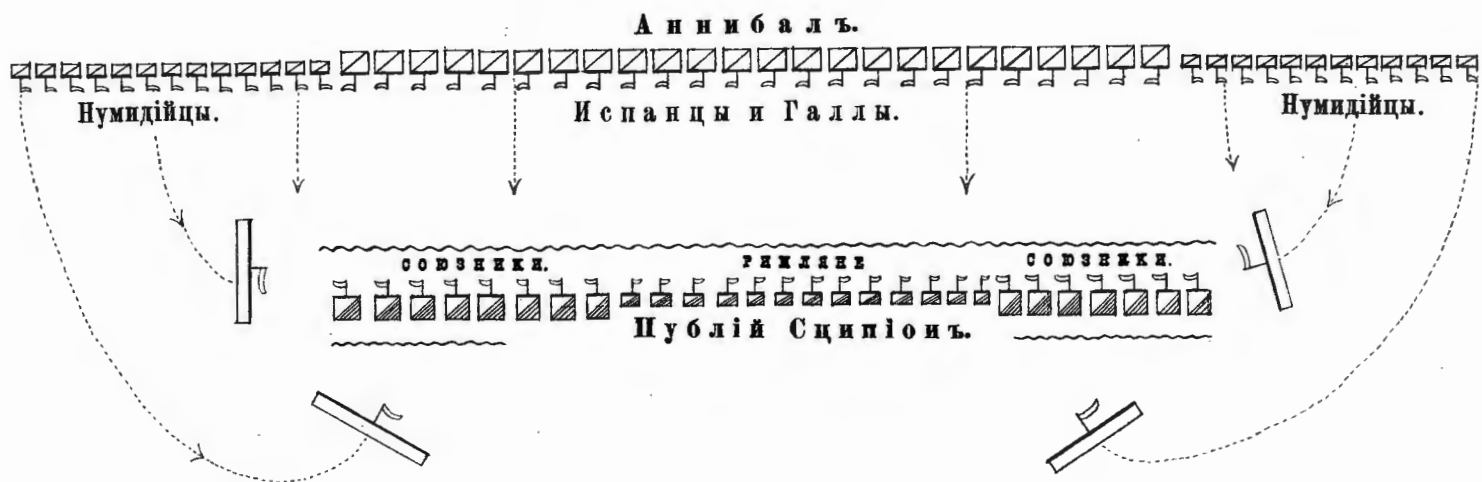
На третій день Публій Сципіонъ со всею своею конницею (2 т.) ²⁾ и легкою пѣхотою (5 т.) вышелъ изъ лагеря, чтобы вблизи разсмотрѣть лагерь противника,

¹⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller. pag. 477—478.

²⁾ У Сципіона была римская конница и часть конницы союзныхъ галловъ.

ПЛАНЪ БОЯ ПРИ ТЕССИНО ВЪ 218 г. до Р. Х.

число и роды войскъ, и встрѣтилъ Аннибала, вышедшаго съ тѣмъ же намѣреніемъ съ одною только своею кавалеріею (около 6 т. всадниковъ).

Замѣтивъ по поднявшейся пыли приближеніе противника, обѣ стороны построились въ боевой порядокъ. Публий Сципіонъ, имѣя въ первой линіи велитовъ и галльскую конницу, а во второй римскую конницу и союзную, двинулся впередъ.

Аннибалъ наступалъ, имѣя въ центрѣ отборную испанскую и галльскую кавалерію, а на флангахъ нумидійцевъ, предназначенныхъ для охвата фланговъ противника.

Бой былъ общимъ желаніемъ обоихъ полководцевъ, и потому атака не замедлила. При первомъ же ударѣ легкая пѣхота римлянъ, не успѣвъ метнуть копья, испуганная конницею карфагенянъ, отступила въ интервалы турмъ. Затѣмъ послѣдовала атака испанской и галльской кавалеріи Аннибала, и завязалась жаркая схватка. Долгое время бой поддерживался равными силами съ той и другой стороны. Многіе всадники спѣшились, такъ что бой былъ пѣшій и конный. Мы знаемъ, что римская конница часто прибѣгала въ бою къ спѣшиванію; спѣшивались иногда и испанцы. Въ это время нумидійцы обскакиваютъ фланги римлянъ и атакуютъ съ тыла легкую пѣхоту, опрокидываютъ ее, бросаются въ тылъ конницѣ и рѣшаютъ бой. Часть римской кавалеріи, которую сильно стѣснили и смѣшали велиты, обращается въ бѣгство, другая собирается около консула.

Сципіонъ, самъ раненый, успѣлъ переправиться черезъ р. По и велѣлъ разобратъ мостъ. Аннибалъ, разбивъ конницу, ожидалъ наступленія римской пѣхоты; замѣтивъ, что Сципіонъ снимаетъ лагерь, двинулся къ мосту, но былъ задержанъ, такъ какъ римляне успѣли снять большую часть настилки съ моста.

Для преслѣдованія Сципіона посланы были нумидійцы, которые, проходя чрезъ оставленный римлянами лагерь у Плаценціи (Плаченца), остановились, чтобы обыскать и зажечь его. „Это обстоятельство“, говоритъ Полибій ¹⁾ „спасло римлянъ, которые успѣли перейти Требію, не будучи никѣмъ обезпокоиваемы“.

С р а ж е н і е п р и Т р е б і и .

Между тѣмъ прибылъ Семпроній и присоединилъ свою армію къ арміи Сципіона. Пылкій консулъ жаждалъ сразиться съ Аннибаломъ, но удерживался только совѣтами Сципіона. Замѣтивъ это, Аннибалъ началъ употреблять всѣ мѣры, чтобы вызвать Семпронія на бой, такъ какъ мѣстность, на которую отступили римляне, была неудобна для дѣйствій кавалеріи, и это ему удалось.

Давъ людямъ поужинать, Аннибалъ приказалъ брату своему Магону выбрать лучшихъ и храбрѣйшихъ 1000 пѣхотинцевъ и 1000 кавалеристовъ и съ ними отправиться для устройства засады въ глубокомъ оврагѣ, поросшемъ густымъ ку-

¹⁾ Стр. 479. Bibliothèque militaire. Liskenne et Sauvan.

старникомъ, чтобы въ указанный моментъ ударить римлянамъ въ тылъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня Аннибалъ послалъ нумидійцевъ черезъ Требію вызвать римлянъ на бой, при этомъ имѣлъ въ виду помѣшать римлянамъ подкрѣпить себя пищею, а своимъ людямъ приказалъ поѣсть и приготовить оружіе и коней къ бою. Увидавъ нумидійцевъ, Семпроній поднялъ свою кавалерію, приказалъ ей атаковать нумидійцевъ и въ подкрѣпленіе ей послалъ 6000 легкой пѣхоты; а велѣдъ затѣмъ и всю армію сталъ переправлять черезъ Требію.

„Это было“, говоритъ Полибій ¹⁾, „зимой, шель снѣгъ, и былъ сильный холодъ. Выступивъ изъ лагеря бодро и съ полнымъ желаніемъ помѣряться съ кароагенянами, римляне отъ холода и голода скоро ослабѣли и, перейдя въ бродъ рѣку, вышли на равнину, удобную для дѣйствія конницы, чего только и нужно было Аннибалу“.

Аннибалъ, имѣя впереди балеарскихъ пращниковъ ²⁾, также выступилъ впередъ, продвинулся на одну милю и выстроилъ армію въ боевой порядокъ. Въ центрѣ расположилась пѣхота, по флангамъ кавалерія, а впереди промежутокъ между пѣхотою и конницею слоны (20000 пѣхоты и 10000 кавалеріи). Семпроній отозвалъ свою кавалерію, бесполезно тратившую свои усилія противъ ловкихъ нумидійцевъ, и также развернулъ свои войска (36000 пѣхоты и 4000 кавалеріи) въ три линіи, съ велитами впереди и конницей по флангамъ.

Сраженіе началось боемъ легкой пѣхоты, и балеарскіе пращники имѣли перевѣсъ надъ римскими велитами; но Аннибалъ отозвалъ ихъ за слоновъ, велиты также отступили въ промежутки гастатовъ ³⁾, и тяжелая пѣхота съ обѣихъ сторонъ начала сходитьсѣ. Едва произошло столкновеніе, какъ кароагенская конница съ такою стремительностью ударила на кавалерію римлянъ, что однимъ ударомъ опрокинула ее и обратила въ бѣгство ⁴⁾.

На открытые фланги римской пѣхоты наслѣла легкая пѣхота кароагенянъ и конница и препятствовали имъ поддерживать пѣхоту центра, которая имѣла успѣхъ и оттѣснила кароагенскую пѣхоту. Римляне долго отражали всѣ нападенія, пока наконецъ Магонъ вышелъ изъ засады и атаковалъ легіоны, дравшіеся въ центрѣ. Фланги римлянъ были опрокинуты въ рѣку, третья и вторая линія, охваченныя съ тыла и фланговъ также были опрокинуты, и началась страшная

¹⁾ Стр. 481.

²⁾ Легкая пѣхота.

³⁾ Гастаты (молодые солдаты) составляли въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ римлянъ первую линію пѣхоты и строились по манипуламъ (120 человекъ), съ равными фронту промежутками. Во второй линіи строились принципы (бывалые) такимъ же порядкомъ; въ третьей триаріи (ветераны) манипулами же, въ 60 человекъ каждая.

⁴⁾ Полибій, стр. 480.

рѣзня: 26 тысячъ было изрублено и потоплено карфагенянами или взято въ плѣнъ. Изъ первой же линіи римлянъ, имѣвшей въ центрѣ успѣхъ, 10 тысячъ пѣхоты пробились и ушли подъ начальствомъ Сципіона къ Плаценціи.

Изъ разбора сраженія видно, что главный успѣхъ принадлежитъ конницѣ. Разгадавъ характеръ Семпронія, Аннибаль вызвалъ его на мѣстность, способствующую дѣйствіямъ конницы, а особенно задуманной засадѣ.

Нумидійцы, подступивъ къ лагерю римлянъ, втянули въ бой римскую конницу, которую поддержала пѣхота; сами ловко увернулись и навели римскую армию на Аннибала, который заблаговременно выступилъ впередъ. На успѣхъ центра своихъ войскъ онъ не рассчитывалъ, напротивъ воспользовался успѣхомъ римлянъ, чтобы сжать ихъ съ фланговъ. Тяжеловооруженная кавалерія, опрокинувъ римскую при помощи нумидійцевъ и легкой пѣхоты, привела въ беспорядокъ вторую и третью линіи, а ударъ Магона изъ засады совершенно ихъ сломилъ.

Сраженіе при Каннахъ.

Но самая блестящая побѣда карфагенской кавалеріи надъ римлянами была при Каннахъ за 216 лѣтъ до Р. Х. Римскія войска были расположены въ двухъ лагеряхъ по обѣ стороны р. Ауфиды и численностью простирались до 90000 (80000 пѣхоты и 7200 конницы) ¹⁾.

Карфагеняне также стояли въ укрѣпленномъ лагерѣ на правомъ берегу р. Ауфиды, близъ развалинъ замка Каннъ, и имѣли 40000 пѣхоты и 10000 конницы. Чтобы вызвать на бой римлянъ, дѣйствовавшихъ, послѣ нѣсколькихъ претерпѣнныхъ отъ карфагенянъ пораженій, весьма осторожно, Аннибаль выслалъ нумидійцевъ за р. Ауфиду тревожить войска малаго римскаго лагеря и препятствовать имъ водить лошадей къ Ауфиду на водопой. Нумидійцы не только исполнили это, но даже приблизились къ самому лагерю и дерзко напали на стражей и часовыхъ.

Римскія войска и самъ Варронъ, одинъ изъ главнокомандующихъ ²⁾, были выведены изъ терпѣнія; и потому Варронъ, будучи очереднымъ главнокомандующимъ, рѣшился на слѣдующій день вступить съ Аннибаломъ въ бой.

Съ разсвѣтомъ онъ приказалъ выступить изъ обоихъ лагерей и строилъ войска большаго лагеря по мѣрѣ того, какъ они переходили рѣку, а войска малаго лагеря пристраивалъ къ нимъ. Пѣхота расположилась по манипуламъ ³⁾ въ три

¹⁾ По Полибію 80 тысячъ пѣхоты и нѣсколько больше 6 тысячъ кавалеріи. Голицынъ во Всеобщ. Военной исторіи ч. III, стр. 83—84 говоритъ, что въ кавалеріи праваго фланга было 2400 всадниковъ, а на лѣвомъ 4800.

²⁾ Ихъ было двое: Теренцій Варронъ и Павелъ Эмилиій, которые командовали арміею черезъ день по очереди.

³⁾ 10 человекъ по фронту и 16 въ глубину.

линіи. На крайнемъ правомъ флангѣ, примкнувъ къ рѣкѣ, расположилась римская конница; на лѣвомъ флангѣ арміи стала конница союзниковъ. Фронтъ римлянъ, обращенный къ югу, прикрыли вызванные впередъ велиты и легкія войска.

Въ тоже время Аннибалъ приказалъ пращникамъ и легкимъ своимъ войскамъ перейти Ауфидъ, и подъ прикрытіемъ ихъ перевелъ прочія войска и поставилъ на лѣвомъ флангѣ галльскую и испанскую кавалерію въ двѣ линіи ($\frac{2}{3}$ въ первой и $\frac{1}{3}$ во второй, всего 8 тысячъ); въ центрѣ пѣхоту въ одну линію позади пращниковъ и легкой пѣхоты; на правомъ флангѣ 2000 нумидійцевъ. Пѣхота выстроилась отдѣленіями въ 1000 человекъ каждое. Среднія отдѣленія были составлены изъ галловъ и испанцевъ, а боковыя изъ африканской, лучшей пѣхоты.

Бой начали легкія войска безъ явнаго перевѣса какой нибудь стороны, но съ одинаковымъ упорствомъ. Когда всѣ войска выстроились, Аннибалъ приказалъ Гасдрубалу съ кавалеріей лѣваго фланга атаковать римскую конницу. Схватка съ обѣихъ сторонъ произошла жестокая. „Римляне“, говоритъ Полибій ¹⁾, „дрались съ ожесточеніемъ, какъ варвары; сойдясь съ противникомъ, они соскочили съ коней и бились пѣшкомъ“. „Это“, говоритъ Голицынъ, ²⁾ „подало Аннибалу поводъ сказать, что—по немъ это было все равно, какъ если бы ему выдали этихъ всадниковъ, связанными по рукамъ и по ногамъ“. „Большая часть римлянъ“, говоритъ Полибій, „осталась на мѣстѣ, да иначе и быть не могло, такъ какъ пѣшему отъ коннаго не уйти; остатокъ былъ преслѣдуемъ и безпощадно изрубленъ. Павелъ Эмилиій, тяжело раненный, съ трудомъ спасся и, заранѣе предвидя участь римлянъ, сталъ во главѣ пѣхоты; а Гасдрубалъ, разгромивъ кавалерію праваго фланга римлянъ, понесся съ своею конницею позади ³⁾ линіи римской пѣхоты въ тылъ союзной римской конницѣ лѣваго фланга. Нумидійцы, почти одновременно съ конницею Гасдрубала двинувшіеся впередъ противъ союзной кавалеріи римлянъ, не имѣли успѣха, но непрерывными атаками заняли союзниковъ и помѣшали имъ подать помощь своей пѣхотѣ“.

Легкая пѣхота, прекративъ перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ, отступила за тяжелую. Аннибалъ двинулъ испанцевъ и галловъ уступами изъ середины.

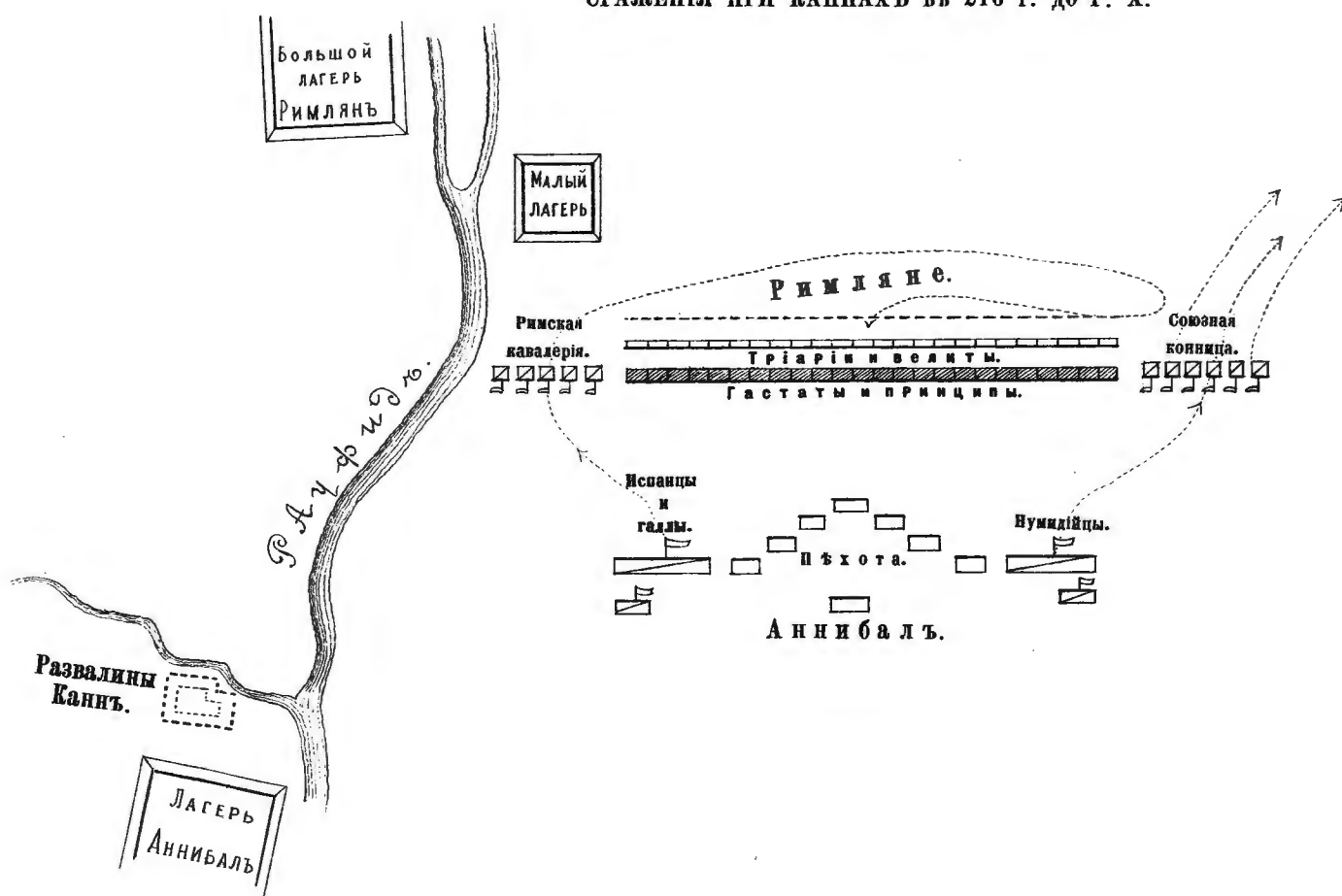
У римлянъ вторая линія (принципы) вступила въ промежутки первой линіи (гастатовъ), и фронтъ образовался сплошной; легкая пѣхота, ставшая въ промежутки триаріевъ, образовала съ ними вторую линію, которая послѣдовала за первой въ атаку. Вскорѣ середина 1-й линіи встрѣтила передніе уступы пѣхоты Аннибала. Испанская и галльская пѣхота, храбрая, но хуже римской вооруженная, сначала выдержала ударъ, но потомъ принуждена была уступить напору рим-

¹⁾ Стр. 505.

²⁾ Всеобщ. Воен. Исторія Голицына, томъ III, стр. 86.

³⁾ Тамъ же.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ КАННАХЪ ВЪ 216 г. до Р. Х.

лянь, которые, преслѣдую тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ уступы непріятеля были ближе, въ свою очередь втиснулись въ строй кароагенянъ клиномъ. Триаріи съ велитами надвинулись на принциповъ и гастатовъ, и всѣ легіоны пѣхоты начали скучиваться къ серединѣ и терять ряды. Аннибалъ приказалъ легкой пѣхотѣ, составившей вторую линію поддержать испанцевъ и галловъ въ центрѣ, а африканцамъ, своей закаленной пѣхотѣ и недавно вооруженной Аннибаломъ по образцу римлянъ, атаковать скученную къ серединѣ римскую пѣхоту въ оба фланга.

Гасдрубалъ, проскакавъ въ тылъ союзной римской кавалеріи, атакованной съ фронта нумидійцами, обратилъ ее въ бѣгство вмѣстѣ съ главнокомандующимъ Варрономъ и послалъ нумидійцевъ для преслѣдованія, а самъ съ испанцами и галлами обратился въ тылъ римской пѣхотѣ.

Полибій говоритъ ¹⁾, что „Гасдрубалъ сдѣлалъ тутъ распоряженіе, доказывающее его умъ и ловкость: имѣя подъ рукою много нумидійцевъ и зная, что наилучшее ихъ примѣненіе состоитъ въ преслѣдованіи, Гасдрубалъ это дѣло имъ и поручилъ, а испанцевъ и галловъ повелъ въ атаку для поддержанія атаки африканской пѣхоты.

Между тѣмъ римская пѣхота, выдвинувшись впередъ клиномъ и сгруппировавшись къ серединѣ, пришла въ разстройство и была атакована въ оба фланга африканскою пѣхотою. Тщетно Павелъ Эмилиій старался возстановить порядокъ. Не дождавшись бѣдственного конца для римлянъ, онъ палъ смертью героя въ первыхъ рядахъ. Наконецъ подоспѣлъ Гасдрубалъ, врѣзался въ тылъ римлянъ и въ промежутки африканской пѣхоты. Такимъ образомъ келемволонъ (клещи) замкнулся со всѣхъ сторонъ, и началось настоящее побоище. Сжатые со всѣхъ сторонъ, римляне мѣшали другъ другу защищаться и бросили оружіе. Не смотря на это, остервенѣлые галлы, испанцы и африканцы продолжали безпощадно рубить римлянъ, и кольцо или кругъ, въ которомъ были стиснуты римляне, по мѣрѣ истребленія, все уменьшалось и уменьшалось до тѣхъ поръ, пока некого было рубить.

Изъ числа сражавшихся римлянъ спаслось только 70 римскихъ и 300 союзныхъ всадниковъ. Но Варронъ оставилъ въ большомъ лагерѣ два легіона для разграбленія лагеря Аннибала. Легіоны эти на другой день сдались на условія денежнаго выкупа.

Изъ разбора сраженія видно, что первая и самая важная неудача римлянъ произошла на ихъ правомъ флангѣ, гдѣ кавалерія ихъ, вопреки основнымъ свойствамъ оружія, на ровномъ мѣстѣ и въ виду превосходящаго числительностью противника спѣшилась. Причиною этому было неудовлетворительное состояніе римской конницы; всадники плохо ѣздили, чувствовали себя гораздо тверже на своихъ ногахъ, чѣмъ на

¹⁾ Стр. 505.

конѣ. Спѣшиваніе при столкновеніи съ непріателемъ въ римской кавалеріи вошло въ такую привычку, что нужно было, какъ мы выше замѣчали, прибѣгать къ строжайшимъ мѣрамъ, чтобы отъучить отъ этого обыкновенія.

Бездѣйствіе кавалеріи лѣваго фланга, какъ кажется, произошло отъ бездарности самого Варрона, который взялъ на себя непосредственное начальствованіе конницею лѣваго фланга и былъ храбръ, какъ говоритъ Голицынъ ¹⁾, только до боя.

Что же касается неудачи превосходной римской пѣхоты, то и тутъ прежде всего виноватъ Варронъ, построившій принциповъ въ промежуткахъ триаріевъ, т. е. обратившій прерывчатый боевой порядокъ въ непрерывную линію—фалангу, и отнялъ у римлянъ способность къ наступательнымъ дѣйствіямъ и быстрому маневрированію. Линія триаріевъ съ велитами, не ожидая атаки съ тылу и не имѣя возможности поддержать сплошной строй гастатовъ и принциповъ, невольно послѣдовала за ними въ отверстіе клина, рассчитывая поддержать прорывъ центра карагенянъ. Но этого то только и хотѣлось Аннибалу.

Дѣйствія кавалеріи Аннибала образцово. Разгадавъ невѣжество Варрона и зная слабыя стороны римлянъ, онъ сосредоточиваетъ большую часть кавалеріи на лѣвомъ флангѣ противъ плохой римской конницы, чтобы сломить ее силой, такъ какъ фланги римской кавалеріи были прикрыты рѣкою и пѣхотою. Здѣсь онъ рассчитывалъ на вѣрный успѣхъ, но зная свойства кавалеріи, часть ея на всякій случай поставилъ въ резервъ.

На правомъ флангѣ поставлены были также съ резервомъ нумидійцы, на ловкость которыхъ Аннибалъ надѣялся и, хотя въ источникахъ ясно не говорится, но надо полагать, что атака Гасдрубала произведена значительно раньше, чѣмъ двинулись впередъ нумидійцы. На это наводитъ то, что фланги обѣихъ армій, и римской, и карагенской, ближайшіе къ р. Ауфиду, были раньше построены. Своими непрерывными атаками нумидійцы успѣли удержать союзную конницу до прибытія Гасдрубала, хотя она была болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе.

Гасдрубалъ, разгромивши правый флангъ, бросается на помощь лѣвому, бѣетъ его съ тылу, посылаетъ легкую конницу для преслѣдованія, а съ тяжеловооруженною, не теряя времени, опять идетъ на помощь пѣхотѣ; пользуясь своимъ положеніемъ, врѣзывается въ тылъ и фланги римлянамъ и довершаетъ побѣду. Всюду видна быстрота, энергія, находчивость.

Походъ изъ Испаніи черезъ Галлію въ Италію, переходъ черезъ Альпы и Клузійскія болота, рядъ блистательныхъ побѣдъ при Тессино, Требіи, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ выказали, какъ геній Аннибала, такъ и громадное превосходство его кавалеріи надъ римской. Разбирая вообще дѣйствія Аннибала, мы

¹⁾ Всеобщ. Воен. Исторія. Томъ III, стр. 86.

видимъ, что большей части успѣховъ своихъ онъ обязанъ кавалеріи. Пѣхота, хотя въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ закалилась и была не хуже римской, но дѣйствія ея всегда имѣли пассивный характеръ. Главная причина этому, разумѣется,—построеніе ея фалангою, на основаніи греческой тактики, неспособною къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Только геній Аннибала могъ извлекать изъ нея при подобныхъ обстоятельствахъ пользу. Но въ большинствѣ случаевъ пѣхота только сдерживаетъ противника, подготавливаетъ успѣхъ, а бьетъ кавалерія. Тяжеловооруженная кавалерія атакуетъ обыкновенно съ фронта, а легкая заскакиваетъ въ тылъ или устраиваетъ засаду.

Кромѣ того, въ дѣйствіяхъ Аннибала въ тактическомъ отношеніи мы находимъ искусство пользоваться мѣстностью для скрытія своихъ намѣреній и для демонстрацій. Большая часть побѣдъ одержана Аннибаломъ вслѣдствіе нечаянныхъ нападеній или засадъ, какъ побѣда при Требии и при Тразименскомъ озерѣ.

Не менѣе того и на театрѣ войны Аннибалъ весьма искусно пользуется кавалеріей. Легкая кавалерія его прикрываетъ движеніе арміи, развѣдываетъ, демонстрируетъ (переправа у Рокемора), фуражируетъ, вызываетъ противника на бой, неотступно беспокоитъ его на отдыхѣ и въ походѣ, разоряетъ въ случаѣ надобности край, а послѣ удачнаго боя преслѣдуютъ.

Какъ примѣръ прикрытія арміи кавалеріей, можно привести переправу черезъ Рону. Узнавъ о прибытіи римской арміи подъ начальствомъ Сципіона къ Массилии (Марсель) и желая избѣжать боя, Аннибалъ высылаетъ нумидійцевъ противъ Сципіона, подъ прикрытіемъ этого боковаго авангарда совершаетъ переправу и опережаетъ римлянъ на три перехода.

Въ 212 году, желая взять Тарентъ, занятый римскимъ гарнизономъ, Аннибалъ приблизился къ нему на 15 верстъ съ такими предосторожностями, что это казалось только обыкновеннымъ наступленіемъ передовыхъ легкихъ войскъ. Онъ взялъ съ собою 10 тысячъ отборныхъ войскъ пѣхоты и конницы, а впередъ версты на 4 выслалъ 80 нумидійцевъ съ приказаніемъ разсыпаться по полямъ, задерживать или убивать всѣхъ встрѣчныхъ сельскихъ жителей, чтобы тѣмъ прикрыть движеніе своего отряда. Начальникъ римскаго гарнизона въ Тарентѣ, принявъ нумидійцевъ за обыкновенныхъ фуражировъ, выслалъ противъ нихъ для развѣдыванія небольшую часть войскъ, которая донесли, что армія Аннибала не перемѣнила своего расположенія. Ночью же Аннибалъ скрытно приблизился къ Таренту и при помощи жителей вошелъ въ городъ, обманувъ такимъ образомъ римскій гарнизонъ при помощи конницы нумидійцевъ.

Сторожевая служба, рекогносцировки, малая война были на столько развиты въ арміи Аннибала, что ничего подобнаго ни у римлянъ, ни у другихъ народовъ мы не встрѣчаемъ. Доказательствомъ тому, что Аннибалъ получалъ вѣрныя свѣденія о мѣстности и непріятелѣ, служитъ его засада при озерѣ Тразименскомъ. Рим-

ляне, отступивъ изъ Верхней Италіи въ Этрурію, знали только одинъ удобный путь изъ Лигуріи, именно черезъ Бононію и Мутину къ Аррецію. На этомъ пути, въ мѣстности гористой и пересѣченной, они могли задерживать Аннибала своей пѣхотой на каждомъ шагу. Кромѣ того, Аннибаль зналъ, что Сервилій, находившійся въ Римѣ, долженъ былъ вскорѣ прибыть съ двумя легіонами въ Арминій и напасть на него съ тыла, еслибы онъ двинулся на Фламинія къ Аррецію.

По этой причинѣ Аннибаль произвелъ рекогносцировки и узналъ, что изъ Лигуріи въ Этрурію есть другой путь черезъ Парму и Апуа, берегомъ моря и вверхъ по правому берегу р. Арно, болѣе близкій, но весьма трудный по причинѣ разливовъ этой рѣки, образовавшихъ болота.

Карфагенская армія двигалась 4 дня и 3 ночи по сплошнымъ болотамъ, залитымъ водою; препятствія, которыя приходилось преодолевать, были громадны; самъ Аннибаль, говорятъ, въ этомъ походѣ лишился глаза; но цѣль движенія была достигнута: Аннибаль обошелъ римскую армію Фламинія и устроилъ ей неслыханную до того засаду со всѣми своими войсками. Римляне никакъ не ожидали присутствія Аннибала и втянулись въ дефиле между озеромъ и горами, не принявъ предосторожностей. Аннибаль заперъ выходы кавалеріей, на скатахъ горъ расположилъ пѣхоту и совершенно истребилъ римскую армію.

О вызовахъ противника наѣздниками нумидійцевъ на бой мы говорили неоднократно. Своими смѣлыми до дерзости набѣгами они раздражали римлянъ до крайности и заставляли выходить изъ своихъ укрѣпленныхъ лагерей въ открытое поле, что и нужно было Аннибалу для дѣйствій его кавалеріи и фалангъ пѣхоты, какъ это случилось при Требіи и при Каннахъ. „Часто подобное подразниваніе“, говоритъ Гуго, ¹⁾ „вело къ большимъ сраженіямъ, такъ напримѣръ, ужасное побоище при Каннахъ началось легкою стычкою нумидійскихъ всадниковъ съ людьми, посланными римлянами за водой“. Далѣе Ливій говоритъ: ²⁾ „Аннибаль приказалъ нумидійцамъ подъѣзжать къ воротамъ лагеря и метаніемъ своихъ копій вызвать римлянъ на бой“. Конница часто нападала на людей, ходившихъ за водой, провіантомъ, дровами или фуражемъ, приводила ихъ въ беспорядокъ и забирали весьма часто плѣнныхъ. ³⁾

Для сообщеній между частями армій въ походахъ и остановкахъ въ большинствѣ случаевъ употреблялись нумидійцы. Мы знаемъ примѣръ удивительной передачи пакета отъ жителей Капуи Аннибалу. Капуа была осаждена римскими войсками подъ начачальствомъ Аппія Клавдія и Фульвія Флакка, которые возве-

¹⁾ De militia equestri antiqua et nova, lib. X.

²⁾ Lib. XI.

³⁾ Hugo, тамъ же.

ли циркумъ и контръ-валаціонныя линіи и тщательно укрѣпились на всемъ пространствѣ. Стѣсненные жители Капуи хотѣли просить помощи у Аннибала, и „одинъ нумидіецъ,“ говоритъ Голицынъ, ¹⁾ „успѣлъ пробраться сквозь линіи и привести Аннибалу письмо отъ капуанцевъ съ просьбой о помощи“.

Когда Гасдрубаль прибылъ изъ Испаніи въ Верхнюю Италію, то для увѣдомленія о своемъ движеніи и направленіи выслалъ 4-хъ галльскихъ и 2-хъ нумидійскихъ всадниковъ отыскать Аннибала. „Къ удивленію“ говоритъ Голицынъ, ²⁾ „всадники эти благополучно проѣхали черезъ всю Италію до самой Апуліи“. Хотя эти всадники, вслѣдствіе ошибки въ дорогѣ къ Метапонту, случайно попались въ руки римлянъ, но это указываетъ на способъ употребленія кавалеріи, практиковавшійся въ карфагенскихъ войскахъ.

Нѣкоторые военные писатели упрекаютъ Аннибала, что, разбивъ непріятеля, онъ рѣдко преслѣдовалъ его съ такою настойчивостью, какъ дѣлывалъ это Александръ Македонскій, и даже приводятъ слова Магарбала, ³⁾ будто бы сказанныя Аннибалу послѣ побѣды при Каннахъ: „Ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться своими побѣдами“. Чтобы опровергнуть это, припомнимъ распоряженія Аннибала послѣ разобранныхъ нами его побѣдъ: при Требіи посланные для преслѣдованія нумидійцы увлеклись грабежемъ лагеря; при Каннахъ некого было преслѣдовать; послѣ же разгрома при Тразименскомъ озерѣ преслѣдованіе произведено было блистательнымъ образомъ. Изъ 40 тысячъ римской арміи 30000 погибло въ бою, потонувшими и съ отчаянія умертвившими самихъ себя; 10 тысячъ человекъ успѣли кое-какъ разсѣяться по разнымъ дорогамъ и бѣжать въ Римъ, а около 6-ти тысячъ, бывшихъ въ головѣ колонны, пробиться на гору и отступить къ Перузійи. Но Аннибаль послалъ за ними Магарбала съ тяжелой конницей, за которою отправилъ испанцевъ съ легкой конницей, и на слѣдующее утро эти 6 тысячъ римскихъ войскъ положили оружіе.

Вообще Аннибаль при всякой обстановкѣ умѣлъ извлечь изъ кавалеріи своей наибольшую пользу, „чрезвычайно заботился о ней“, говоритъ Голицынъ, ⁴⁾ „и ее берегъ“. Римскія войска, при слабости своей кавалеріи, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одерживали верхъ надъ карфагенянами, не могли извлечь изъ этого возможной пользы для себя; точно также они съ трудомъ могли собирать продовольствіе и фуражъ, потому что непріятельская кавалерія рыскала кругомъ ихъ по всѣмъ направленіямъ. Примѣрная храбрость пѣхоты не могла оградить ихъ отъ потерь, и въ каждомъ дѣлѣ, даже и послѣ успѣха, существованіе ихъ находилось въ большой опасности.

¹⁾ Всеобщ. В. Исторія Т. III, стр. 143.

²⁾ Тамъ же, стр. 176.

³⁾ Предводитель конницы Аннибала.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 237.

Глава 7-я.

Вліяніе пунических и греческих войнъ на увеличеніе конницы въ составѣ армій. Введеніе предохранительнаго вооруженія и закривленной сабли. Снаряженіе кавалеріи. Свѣденія о ковкѣ и ремонтірованіи. Обученіе римской конницы.

Римляне, по преимуществу народъ воинственный, никогда не пренебрегали и всегда были готовы заимствовать у другихъ народовъ, даже необразованныхъ, то, что находили въ военныхъ учрежденіяхъ практически полезнымъ и достойнымъ подражанія. Первое столкновеніе римлянъ съ греками—съ Пирромъ и затѣмъ въ 1-й Пунической войнѣ съ сицилійскими греками и съ кареагенянами, строившимися и сражавшимися по греческой системѣ, выказали римлянамъ превосходство ихъ собственной пѣхоты и прерывчатаго боеваго порядка легіона, по манипуламъ и когортамъ, надъ греческою тактикою и непрерывнымъ боевымъ порядкомъ въ формѣ фаланги. Въ упомянутыя войны всѣ тактическія движенія и дѣйствія легіона были просты, несложны, немногочисленны, почти опредѣлительны на каждый случай; а когда обстоятельства выходили изъ ряду обыкновенныхъ, предводители римскихъ армій самолично, по внушенію собственной опытности и дарованій, принимали сообразныя съ тѣмъ мѣры, чему способствовали прерывчатость боеваго порядка и превосходное состояніе пѣхоты. Но съ первыхъ же столкновеній съ Пирромъ, въ арміи котораго была превосходная ессалійская конница и легкіе еракійцы, выказалась несостоятельность римской кавалеріи; несостоятельность и слабость ея еще больше выказалась въ войнахъ съ сицилійскими греками и особенно кареагенянами, въ рядахъ которыхъ были знаменитыя конницы кефалонянъ, нумидійцы и тарентинцы. Однако римляне первоначально этого не сознавали или скупились, такъ какъ конница стоила правительству дорого. Считаая пѣхоту главнымъ родомъ оружія, они на нее сосредоточивали все вниманіе, лучше ее вооружали и обращали вниманіе на обученіе; а внутренній порядокъ въ государствѣ въ большинствѣ случаевъ способствовалъ одолѣнію враговъ Рима.

Во второй Пунической войнѣ противъ римлянъ явился великій полководецъ Аннибаль, который рядомъ погромовъ уничтожилъ одну за другою нѣсколько ихъ армій, не смотря на превосходство пѣхоты и прерывчатаго боеваго порядка надъ фалангою. Но въ большинствѣ сраженій, данныхъ римлянамъ, Аннибаль былъ сильнѣе въ кавалеріи; кавалерія его качествами превосходила римскую, и ею то—кавалеріею, какъ было неоднократно замѣчено, Аннибаль и громилъ римлянъ.

Жестокій опытъ пораженій отъ Аннибала пробудилъ наконецъ римлянъ и обратилъ ихъ вниманіе на необходимость увеличить количество кавалеріи въ составѣ своихъ армій и улучшить ея качества. Пользуясь невыгоднымъ положеніемъ Аннибала послѣ Каннскаго сраженія, когда онъ, не получая ни-

какой помощи отъ карфагенскаго правительства ни людьми, ни деньгами, принужденъ былъ набирать и содержать свои арміи на счетъ Италіи, они успѣли увеличить свою конницу на первыхъ порахъ наймомъ, перезвали на свою сторону большинство галловъ и нумидійцевъ; а послѣ взятія Новаго Карфагена и испанцы (кельтиберы) перешли на сторону римлянъ, такъ что на разныхъ театрахъ войны у нихъ дѣйствуетъ до 20 тысячъ конницы. Мы замѣчаемъ, какъ театромъ войны мало по малу овладѣваютъ римляне, стѣсняють Аннибала, конница ихъ начинаетъ препятствовать карфагенянамъ фуражировать и хозяйничать въ Италіи, и наконецъ римляне переносятъ войну въ Африку.

Съ тѣхъ поръ отношеніе числительности кавалеріи къ пѣхотѣ въ римскихъ арміяхъ увеличивается. Въ началѣ, какъ мы уже говорили, это отношеніе было $\frac{1}{10}$, потомъ, когда легионъ былъ увеличенъ до 5 тысячъ— $\frac{1}{12}$ и $\frac{1}{13}$; во время 2-й Пунической войны, по Полибію, $\frac{1}{20}$; въ сраженіи при Каннахъ на 80 тысячъ пѣхоты 7200 всадниковъ; въ сраженіи при Замѣ, въ концѣ 2-й Пунической войны, на 42 тысячи пѣхоты 6700 конницы, т. е. болѣе $\frac{1}{6}$; во время междоусобныхъ войнъ (между 133—30 г. до Р. Х.) отношеніе было обыкновенно $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{7}$ ¹⁾; въ сраженіи при Фарсалѣ у Помпея на 47 тысячъ пѣхоты было 7 тысячъ конницы.

Увеличивая численность кавалеріи, римляне наконецъ обратили вниманіе и на улучшеніе качествъ своей, собственно римской, конницы. Улучшеніе коснулось прежде всего вооруженія. Послѣ войны съ Пирромъ впервые въ римской конницѣ является предохранительное вооруженіе, а потомъ постепенно мѣняется все оружіе. „Конница римская“, говоритъ князь Голицынъ ²⁾, „до самой 2-й Пунической войны включительно, была вооружена менѣе и хуже, нежели пѣхота“. „Въ настоящее время“, пишетъ Полибій ³⁾, повѣствуя о 2-й Пунической войнѣ, „оружіе римлянъ тоже что у грековъ: копыя прочны и окованы съ двухъ концевъ. Оба конца могутъ быть употребляемы въ дѣло, да и щитамъ дали бѣольшую прочность и крѣпость.

Всадникамъ даны были шлемы (cassis), панцири или латы, прикрывавшіе туловище, (logica, cataphracta) ⁴⁾, овальные щиты (elypeus), наножники и сапоги. Изъ нападательнаго оружія кавалерія имѣла, кромѣ копій, саблю и кинжалъ.

Пика или копье было коническое длиною въ 10—11 футовъ, снабженное по концамъ желѣзными наконечниками для того, чтобы всадникъ, сломавъ одинъ конецъ, могъ дѣйствовать другимъ. Впрочемъ копыя употреблялись только при первомъ ударѣ, затѣмъ ихъ бросали и брались за сабли.

¹⁾ Голицынъ, томъ 3, стр. 283.

²⁾ Всеобщ. Воен. Исторія, 7. 2, стр. 99.

³⁾ Bibliothèque militaire. Polybe, trad. de Dom. Thuiller, pag. 628. Nast. Römische Kriegsalterthümer. Halle. 1782, стр. 103, § 117.

⁴⁾ Слово cataphracta обозначаетъ полный панцирь, который прикрывалъ туловище спереди, сзади, а равно и руки. Nast. Тамъ же.

Сабля была главнымъ оружіемъ конницы и имѣла назначеніе по преимуществу рубить.

Кинжалъ употреблялся уже въ самой свалкѣ, чтобы доканать противника сбито съ лошади.

Швебель замѣчаетъ по Полибію ¹⁾, что испанцы, вооруженные кинжалами, принудили римлянъ вооружить свою пѣхоту короткою саблею, удобною для укола. Сабля эта называлась испанскою саблею и подробно описана у Полибія въ своемъ мѣстѣ. По свидѣтельству Юсіфа, римляне носили короткую саблю для укола съ правой стороны, длинную же саблю, или вѣрнѣе мечъ, удобный для укола и удара съ лѣвой стороны. Сабли эти, или вѣрнѣе мечи, имѣли кривизну, были сдѣланы прочно и отлично точились; „и уже въ 1-й Македонской войнѣ“, говоритъ князь Голицынъ ²⁾, „вооруженная такимъ образомъ римская конница не только сравнивалась съ македонскою и греческою, но даже превзошла ихъ въ дѣйствиі бѣлымъ оружіемъ.

Снаряженіе римской кавалеріи въ описываемое время состояло изъ двухъ попонъ, нижней и верхней, изъ сукна, кожи или мѣха, укрѣпленныхъ подпругой, нагрудникомъ и подхвостникомъ. Нижняя попона была длиннѣе и шире, иногда съ бахромой по краямъ, а верхняя короче и уже съ вырѣзными (фестонами) нижними краями. Обѣ попоны скрѣплялись одна съ другою лентами, или пуговицами, или ремнями. Нагрудникъ и подхвостникъ имѣли металлическія бляхи въ видѣ кистей, цвѣтовъ, полумѣсяцевъ и т. п. Для управленія лошадыю имѣли уздечку съ двумя поводьями, головными ремнями и украшеніями.

На снаряженной такимъ образомъ лошади сидѣлъ римскій всадникъ, держа въ лѣвой рукѣ щитъ и поводья, правую же руку имѣя свободно для дѣйствиія пикой и мечомъ. Легко себѣ представить, какъ былъ всадникъ стѣсненъ щитомъ въ управленіи лошадыю. Въ этомъ отношеніи греки лучше сообразили вооруженіе своей конницы, не давая ей щитовъ.

„У грековъ и варваровъ“, говоритъ Гуго ³⁾ кони покрывались иногда особымъ предохранительнымъ вооруженіемъ, чего у римлянъ не было. А Юлій Поллуксъ ⁴⁾ и Левъ Императоръ пишутъ, что нѣкоторыя лошади, особенно префектовъ, вооружены были налобниками и нагрудниками, дѣлавшимися изъ металловъ (желѣза), кожи и льна; а на иныхъ надѣвали чешуйчатые панцыри, покрывавшіе все тѣло.

Происхожденіе сѣделъ достовѣрно неизвѣстно. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, говоритъ Беренджеръ ⁵⁾, предполагаютъ, что они изобрѣтены Салическими франками и производятъ отъ него латинское sella—сѣдло. Но это не-

¹⁾ Lib, 6 cap. 21. Nast. Тамъ же.

²⁾ Тамъ же. Часть 2, стр. 99.

³⁾ Lib. I, cap. X. De militia equestri antiqua et nova, гл. III. Hugo.

⁴⁾ Tact. cap. VI, § 38. Тамъ же.

⁵⁾ Die Geschichte des Reiters, стр. 80.

Исторія конницы М. Маркова.

РИМСКІЙ ВСАДНИКЪ.

Источники: Hottenroth, Geschichte der Costüme, Rom von Waegner, кн. Голицынъ и мног. друг. описанія.

больше, какъ простое предположеніе потому, что слово „sella“ означаетъ вообще предметъ, на которомъ сидятъ, а не имѣетъ исключительное значеніе сѣдла. Только обычай и употребленіе въ позднѣйшія времена ограничили значеніе слова sella, не смотря на то, что самый предметъ не былъ извѣстенъ римлянамъ.

Первый разъ упоминается о сѣдлахъ въ 340 году по Р. Х. Зонарій ¹⁾ (Zonaras) говоритъ: „когда Констанцій хотѣлъ вырвать престолъ у своего брата Константина, онъ поставилъ противъ него свою армію. Атакуя эскадронъ, при которомъ находился Константинъ, онъ выбилъ его изъ сѣдла и сшибъ съ лошади“.

Императоры Валентиніанъ, Θεодосій и Аркадій опредѣлили вѣсъ сѣдла съ уздою въ 60 фунтовъ, а чемоданъ въ 35. Кто осмѣливался отступить отъ этихъ постановленій, у того отбирали чемоданъ и рубили сѣдло ²⁾. Ни одинъ изъ древнихъ писателей, какъ мы уже замѣчали, говоря о снаряженіи греческой конницы, не упоминаетъ о стременахъ. Не встрѣчается и изображенія ихъ на монументахъ, памятникахъ или статуяхъ. Римляне точно также, какъ и греки, садились на коней гимнастическими прыжками или помощью другаго человѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Юлій Поллуксъ, Волатеранъ и Вегецій ³⁾.

Монфоконъ (Montfaucon) говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны были сѣдла, неизвѣстны были и стремена ⁴⁾. Хотя князь Голицынъ говоритъ ⁵⁾, что стремена появились въ VI вѣкѣ, но, вникая въ слова Монфокона, какъ то хочется думать, что стремена должны были явиться если не раньше, то, по крайней мѣрѣ, одновременно съ сѣдломъ. Сѣдло есть усовершенствованная попона съ цѣлью твердымъ выгибомъ въ видѣ жолоба вдоль спины лошади, облегчить хребетъ ея отъ давленія всадника. Все остальное въ сѣдлѣ, придуманное для удобства всадника, само собою должно было явиться: первымъ дѣломъ, чтобы всадникъ сидѣлъ не на тычкѣ и чтобы ноги по возможности не затекали.

Извѣстно, что до появленія стремянъ древніе кавалеристы, прослуживъ въ конницѣ нѣсколько лѣтъ, страдали болью въ ногахъ и особенно въ ступнѣ вслѣдствіе прилива крови. Не хочется вѣрить, что, замѣтивъ это обстоятельство, не придумали какихъ нибудь веревочныхъ или ременныхъ петель для упора ногъ. Мы не можемъ привести источника, откуда почерпнули, что будто бы именно такими петлями подвязывали себѣ ноги на конѣ скины и паряне. Если это такъ, то понятіе о стременахъ явилось задолго до изобрѣтенія сѣдель.

¹⁾ Тутъ же. Беренджеръ, стр. 81.

²⁾ Беренджеръ, стр. 82.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁵⁾ Часть 2, стр. 100.

Ковки римляне, какъ и греки, не знали, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь ее понимаемъ. Извѣстно, ¹⁾ что древніе старались предохранить копыта лошадей посредствомъ башмаковъ или лаптей, сплетенныхъ изъ соломы или изъ камышевой мочалы и другихъ плотныхъ растительныхъ волоконъ, крѣпкаго холста, кожи и прочаго. Для большей прочности на нижнюю поверхность башмаковъ пришивали кожу или придѣлывали металлическія пластинки изъ желѣза, мѣди, серебра и золота. Къ ногамъ лошади они прикрѣплялись посредствомъ веревокъ и ремешковъ.

Древніе персы и греки употребляли такіе башмаки для испорченныхъ копытъ, о чемъ упоминаетъ Аристотель. ²⁾

„Судя по историческимъ запискамъ конюха муловъ римскаго императора Веспасіана, кажется,“ говоритъ Гольцманъ, ³⁾ „что копыта этихъ животныхъ въ это время еще не были кованы, а только въ дорогу, и то по дурной почвѣ, на нихъ надѣвали башмаки. Это доказываетъ, что въ то время сознавали необходимость посредствомъ башмаковъ предохранять копыта лошадей и муловъ отъ стиранія и отъ поврежденія“.

„Въ нѣкоторыхъ запискахъ латинскихъ писателей, напр. Вегетіуса Ренату (римскій ветеринаръ въ VI столѣтіи до Р. Х.) ⁴⁾, Плинія Старшаго, Колумелла, Катутла (въ I столѣтіи до Р. Х.) встрѣчаются выраженія „solea ferrea, solea auro, soleae argenteae, solea spartea“ и т. д. Нѣкоторые хотятъ подъ этимъ выраженіемъ понимать ковку лошадей; но, по объясненію достойныхъ довѣрія ученыхъ. слова эти означаютъ только подошву изъ желѣза, золота или серебра, или просто—надѣвать чулки, башмаки.

У Светонія, въ его биографіи первыхъ 12 римскихъ императоровъ упоминается, что лошади и мулы императора Нерона (въ I стол. по Р. Х.) были кованы серебромъ; а Плиній Старшій говоритъ, что императрица Попеа, изъ любви къ роскоши, даже ковала золотомъ. Хотя при римскомъ дворѣ и не было недостатка въ дорогихъ металлахъ, но весьма сомнительно, чтобы ковка, въ видѣ настоящей, для такого большого количества лошадей и муловъ, съ которыми выѣзжалъ императоръ, была производима изъ массивнаго серебра и золота, хотя бы даже для большихъ торжествъ. Свойственная этимъ металламъ мягкость недостаточно защищала бы копыта, по причинѣ скорого своего стиранія и гибкости, а при большой толстотѣ затруднялся и самый ходъ лошади. Что эти золотые и серебряные башмаки не были дѣлаемы на подобіе настоящей подковы,—это доказалъ ученый Казаубонусъ (въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія). Вѣроятно

¹⁾ Руководство къ ковкѣ Ф. Гольцмана, стр. 8.

²⁾ Гольцманъ. Тамъ же.

³⁾ Стр. 6.

⁴⁾ По словамъ Гольцмана.

всего эти копытные башмаки были сплетены или сотканы изъ серебряныхъ или золотыхъ нитей, въ родѣ жгутовъ, и больше служили для украшенія, чѣмъ для защиты, и, нужно предполагать, надѣвались скорѣй надъ, чѣмъ подъ копытомъ животныхъ; эти сапоги были гораздо извѣстнѣе, чѣмъ подковы. ¹⁾

По свидѣтельству В. Льва Африканскаго, историка и гипполога въ XI столѣтіи по Р. Х., именно въ третьей книгѣ его описанія Африки, говорится, что одѣваніе копытъ въ башмаки для предохраненія въ то время въ Сѣверной Африкѣ было въ большомъ употребленіи.

„Въ 1827 году былъ найденъ указъ императора Діоклетіана (303 г. по Р. Х.), которымъ поставлена самая высшая цѣна съѣстнымъ продуктамъ и плата за работу; въ этомъ указѣ упомянуты и двѣ нормы для ветеринара муловъ, а именно: ветеринаръ муловъ, за стрижку муловъ и за обрѣзываніе ихъ копытъ, 6 динаріевъ и за ихъ чистку 20. Отсюда ясно, что римляне настоящейковки не знали, такъ какъ въ этомъ указѣ установлена цѣна только за обрѣзываніе, а не заковку копытъ.

Подкова, до настоящаго времени признаваемая за самую древнюю и о которой предполагаютъ, что она принадлежала лошади, была найдена вмѣстѣ съ другими цѣнностями древнихъ временъ въ 1653 году въ Дарникѣ, во Фландріи, при случайномъ открытіи могилы Хильдериха 1-го, короля франковъ (481 г. по Р. Х.); но она настолько испорчена ржавчиною, что при прикосновеніи раздробилась на нѣсколько кусковъ; на большомъ ея кускѣ ясно видны 3 отверстія. „Эта подкова и до настоящаго времени принимается самымъ древнимъ образчикомъковки копытъ.“ ²⁾ Реуффъ полагаетъ, что введеніековки съ гвоздями принадлежитъ алеманамъ, а нѣкоторые, судя по найденнымъ подковамъ и гвоздямъ въ гробахъ римлянъ, стремятся приписать это швейцарцамъ, въ гористой странѣ которыхъ подобное изобрѣтеніе было весьма натурально. ³⁾

Употребленіековки лошадей въ VIII, IX и послѣдующихъ столѣтіяхъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію почти повсемѣстно въ Европѣ, чему служатъ множество описаній и ссылокъ. ⁴⁾ Изъ всего изложеннаго можно заключить, чтоковка лошадей не была изобрѣтеніемъ одного человѣка въ одной какой нибудь странѣ, но, напротивъ, получила начало въ разныхъ странахъ и, постепенно совершенствуясь отъ башмаковъ или сандалій, привязываемыхъ веревками, дошла до современныхъ подковъ, прикрѣпляемыхъ гвоздями.

¹⁾ Гольцманъ, стр. 7.

²⁾ Заимствовано у Гольцмана.

³⁾ Оттуда же, стр. 10.

⁴⁾ Анегдотъ о Карлѣ Великомъ, сломавшемъ подкову, и кузнецѣ сломавшемъ монету. Въ воинскомъ уставѣ Льва IV въ Константинополѣ упоминается о подковахъ. Бонифацій Тосканскій велѣлъ лошадей подковать серебряными подковами. Король Норвежскій Сигуртъ (1130 г.) въѣхалъ въ Константинополь на лошади, подкованной золотыми подковами. И пр. и пр.

Относительно ремонта собственно римской кавалерии Гуго, ссылаясь на Поллукса, ¹⁾ пишет, что римляне приобретали своих лошадей в провинциях, т. е. в странах, покоренных в Италии, жители которых обязаны были платить подать ими. Лошадей этих римляне раздавали своим всадникам. От этого он и назывались „*equus publicus*“. Римляне, не гонясь за числом, обращали внимание на доброкачественность, силу, быстроту, нрав и в особенности на происхождение и место рождения лошади. Особенно они любили лошадей из Агригента в Сицилии, где был большой рынок лошадей, Арголиты, Каппадокии, Элейских из Низеи, Сарматии и Фракии. (Смотри вступление.)

Чтобы быть боевым всадником, пишет Вегетий, ²⁾ недостаточно уметь сесть на коня, надо уметь сохранить известный вид, ловкость, садясь и слезая, в движении и управлении. Умение с товарищами согласовать свои движения по шеренгам и по рядам составляет большое искусство. Управлять лошадью и владеть оружием есть искусство, требующее постоянного упражнения всадника.

Император Лев ³⁾ говорит: „если ты обучил отдельного всадника и пешехотинца, тогда ты должен обучать отдельную турму, каждую когорту. „Для обучения езды“, говорит Гуго, „существовало, подобно тому, как в Греции, много академий, гимназий, гипподрамов, и ссылаются при этом на Ксенофонта, Вегетия, Кассиодора и Аммиана. В этих учреждениях содержались особые учителя, которые обучали юношей вскакивать на коня в полном вооружении, управлять конем и употреблять оружие“.

Наст ⁴⁾ пишет: „как конницу, так и пешоту упражняли постоянно. При конных упражнениях обучали не только манежной езде, но и ловкому употреблению оружия. Это обыкновение существовало почти с самого начала римской республики. Ливий говорит, ⁵⁾ что консуль Манлий при подобных упражнениях упал с коня и лишился жизни; но и в позднейшие времена эти упражнения были в ходу, и к ним привлекали главным образом знатную молодежь.

Из упражнений, подготовлявших молодежь к кавалерийской службе, римляне особенно любили игру, под названием „Троя“. Об игре этой Виргилий ⁶⁾ дает некоторое понятие следующими словами: „Бой еще не был окончен, когда Эней позвал к себе Эпитида, наставника молодого Юлия и сказал ему на ухо: пойді скажи молодому Асканію, чтобы онъ показалъ эскадронъ (турму) дѣду и

¹⁾ De militia equestri. Поллукс о недостатках лошадей. Lib. I, cap. I.

²⁾ Lib II, cap. 23. Hugo. De militia equestri.

³⁾ Tact. cap. VII § 28. Hugo. Там же.

⁴⁾ Römische Kriegsalterthümer. Halle. 1782. § 119. Примечание.

⁵⁾ Lib. 10. 11. Ссылка Наста.

⁶⁾ Lib. 5. Aeneida. Ссылка Гуго.

выѣхалъ въ блескъ оружія, если его отрядъ, состоящій изъ мальчиковъ, уже собранъ и приготовленъ къ скачкѣ. Послѣ этого онъ приказалъ народу, наполнявшему обширный циркъ, разступиться и очистить мѣсто. Показавшись всѣмъ на прекрасно взнузданныхъ коняхъ, юноши, по знаку Эпитида, начали скакать другъ противъ друга и дали представленіе“.

Въ этой игрѣ принимали участіе и взрослые, какъ мы уже упоминали о консулѣ Манліѣ; по свидѣтельству Светонія, ¹⁾ въ ней участвовали въ свое время Юлій Цезарь, Августъ, Тиверій и Неронъ.

Кромѣ Трои, чтобы придать конницѣ больше блеску, говоритъ Гуго, римляне ввели нѣсколько военныхъ конныхъ игръ. У нихъ между прочимъ были: *Fegiae latinae*, праздникъ общій всѣмъ латинамъ, во время котораго на Албанской горѣ приносили Юпитеру жертвы; *Circenses*, цирценскія игры, происходившія въ циркѣ; *Эквирии* (*Equiria*), введенныя Ромуломъ въ честь Марса. Онѣ повторялись два раза въ годъ и устраивались скачки. Благодаря играмъ, богатое юношество съ малолѣтства знакомилось съ коннымъ боемъ.

„Но всадникъ“, говоритъ Гуго, „не только долженъ умѣть ѣздить верхомъ и сохранять равненіе и интервалы, но также владѣть оружіемъ“. Для этой цѣли римляне также держали учителей, и возлагали это обученіе на обязанность префектовъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что всадники обязаны были сами учиться верховой ѣздѣ до поступленія на службу, на обязанности же начальниковъ лежало дальнѣйшее обученіе.

Говоря объ обязанностяхъ декуріона, Вегецій пишетъ ²⁾: „новобранцевъ должно обучать ежедневно два раза—утромъ и вечеромъ, а старыхъ одинъ разъ. Обучать какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ владѣнію оружіемъ искусство не малое и не легкое“. Левъ императоръ говоритъ ³⁾: § IV, „обучи и упражняй всадниковъ пускать стрѣлы, § IX, пускать стрѣлы на полномъ скаку коня во всѣхъ направленіяхъ; § X, они должны умѣть пускать стрѣлы безостановочно и съ полною силою на скаку; § XII, полезно нѣкоторымъ слѣзать съ коней и въ извѣстныхъ мѣстахъ упражняться дѣйствию пѣшкомъ и на конѣ. Дорога имъ покажется болѣе легкою и кони не такъ утомятся; § XXII, обучи всадниковъ фехтованію, бою, преслѣдованію, наѣздничанію и пусканію стрѣлъ“.

Хотя Вегецій и Левъ императоръ преподаютъ вышеприведенные совѣты, но до времени Сципіона Африканскаго на обученіе турмъ мало обращалось вниманія. Все зависѣло отъ начальниковъ армій и конницы.

¹⁾ Suetonius, cap. 39, 43, 6, 7. Ссылка Гуго.

²⁾ Lib. 11, cap. III, § 2, lib. 11, cap. 23.

³⁾ Tact., cap. VII.

Валера говорит ¹⁾, что консуль Публий Рутиль первый начал обучать солдатъ употребленію оружія, нанявъ для этого учителей—гладіаторовъ.

Для упражненія рубить и колоть римляне ставили столбы или чучела въ 5 футовъ вышиною, прочно укрѣшивъ ихъ въ землѣ ²⁾. Удары наносили по головѣ и съ боку, стараясь перерубить колѣни; солдаты отступали и наступали, атакуя чучело съ возможною силою и ловкостью. Учителя фехтованія наблюдали, чтобы солдаты наносили удары, не открывая себя. § 4, „Главнымъ образомъ обучали ихъ уколу потому, что римляне не только всегда били враговъ, которые только рубили, но даже презирали ихъ; съ какою бы силою не нанесенъ былъ ударъ, онъ рѣдко убиваетъ, потому что предохранительное оружіе и кости уничтожаютъ его силу ³⁾); между тѣмъ остріе, проникая всего на два пальца, причиняетъ смертельную рану. Кромѣ того, солдатъ, нанося уколъ, менѣе открываетъ себя. Римляне новобранцамъ всегда давали тяжелое оружіе, чтобы то, которое они употребляли въ бою, казалось имъ легкимъ“.

§ 5. „Древніе очень занимались фехтованіемъ и учителямъ его охотно платили двойное жалованье“. Въ такія же чучелы наносились уколы копьями, а часть новобранцевъ упражнялась въ стрѣльбѣ изъ луковъ, пѣшкомъ и съ коня.

Не только молодые солдаты, но и старые должны были упражняться въ прыганіи на и черезъ лошадь. Для этого ставили деревянную лошадь зимою подъ крышу, а лѣтомъ въ открытомъ полѣ. Упражненія эти производились сначала безъ оружія, а потомъ съ оружіемъ. Вегецій обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы люди умѣли вспрыгивать на коня и соскакивать, какъ съ правой стороны, такъ и съ лѣвой, держа въ рукахъ обнаженную саблю или копье ⁴⁾.

„Новобранцы“, говоритъ Вегецій ⁵⁾, „должны начать военныя упражненія изученіемъ военнаго шага, доводя его постепенно до того, чтобы они могли пройти отъ 20 до 24 миль (почти столько же верстъ). Должно при этомъ упражнять и въ прыганіи“.

Салюстій говоритъ объ упражненіяхъ Великаго Помпея,—что въ бѣганіи онъ былъ быстрѣйшій, въ прыганіи легчайшій, въ силѣ сильнѣйшій ⁶⁾.

Вегецій же указываетъ на необходимость обучать плаванію какъ пѣхоту, такъ и кавалерію съ лошадьми и конюхами ⁷⁾.

¹⁾ Valera, lib. 11, cap. III. Ссылка Гуго.

²⁾ Vegetius. Kriegslehren des Vegetz von Bion. 1759. Buch 1, cap. 1, § 3.

³⁾ Вѣроятно Вегецій имѣлъ въ виду плохое оружіе галловъ, потому что римляне своими мечами зачастую перерубали члены, даже головы.

⁴⁾ Veget. lib. I, cap. 18. Гуго.

⁵⁾ Criegs-Lehren. Глава II, § 1.

⁶⁾ Вегецій, тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же, § 2.

Дальше онъ говоритъ: „конница имѣетъ свои турмы, въ 32 человекъ каждая, подъ начальствомъ декуріона“. Точно такъ, какъ въ пѣхотѣ выбираютъ капитана рослаго и сильнаго, хорошо метящаго дротикъ и стрѣлы, въ совершенствѣ владѣющаго мечемъ, мастера въ фехтованіи, бдительнаго, быстрѣйшаго въ исполненіи и отдачѣ приказаній, держащаго солдатъ въ дисциплинѣ и хорошо обучающаго ихъ, бдящаго за платьемъ и обувью, за чистотою оружія; равномѣрно на томъ же основаніи должно выбирать декуріона, чтобы у него было достаточно силъ и ловкости садиться въ полномъ вооруженіи на коня и вести его во главѣ своей турмы.

Онъ долженъ умѣть владѣть копьемъ, ловко пускать стрѣлы, обучить всадниковъ своей турмы всѣмъ движеніямъ, которыя конницѣ могутъ встрѣтиться. Онъ долженъ наблюдать, чтобы его люди держали панцырь, шлемъ и оружіе въ должномъ порядкѣ, потому что блескъ оружія пугаетъ противника. Да и чего можно ожидать отъ солдата, который даетъ ржавѣть своему оружію?

Насколько необходимо обучать всадниковъ, настолько же необходимо выѣзжать коней, пецись о сохраненіи здоровья и удовлетвореніи прочихъ нуждъ. Для производства всевозможныхъ упражненій строили для конницы манежи и покрывали ихъ черепицею, гонтомъ, соломой и прочимъ ¹⁾. „Какъ только сходилъ снѣгъ или переставалъ дождь, тотчасъ выходили въ поле“.

Относительно выѣздки Вегецій ²⁾, повторяя слова Ксенофонта, говоритъ слѣдующее: „Хотя самою природою конь предназначенъ для боя, но для выполненія различныхъ назначеній всадника въ бою, необходимо коня еще подготовить искусствомъ и упражненіями. Для этого создавались школы и учителя; школами были манежи и поле. Здѣсь отъучали лошадей отъ дурныхъ привычекъ: недостатка хода, прыжка, поворота, бѣга, пугливости, употребляя для этого въ свое время наказанія и ласку“.

Левъ императоръ ³⁾ пишетъ; „не только мнѣ, но и нашимъ предкамъ казалось необходимымъ приучать лошадей, какъ къ ровной мѣстности, такъ и къ пересѣченной, съ крутыми подъемами и поросшей лѣсомъ. Если лошади съ этимъ ознакомлены, то конь и всадникъ въ безопасности“.

Дамисъ (Damis), ⁴⁾ хорошо знакомый съ кавалерійскимъ дѣломъ, на вопросъ Апполонія, что долженъ знать и умѣть хорошій всадникъ, отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „правильно сидѣть на конѣ, владѣть имъ, поводомъ повести коня, куда желаетъ, отдать поводъ, поднимаясь на крутизну, натянуть поводъ, спускаясь съ горы“.

(Того же требуетъ Ксенофонтъ.)

¹⁾ Вегецій. Тамъ же, сар. IV, § 4.

²⁾ Lib. III, сар. II.

³⁾ Tact. сар. VII, § 23, § XXIV.

⁴⁾ Philostrate, lib. II. Ссылка Гуго.

„Умѣющіе брать рвы, изгороди, укрѣпленія, подниматься и спускаться съ крутизны, сохраняя равновѣсіе, настолько же превосходятъ неумѣлыхъ въ этомъ отношеніи, насколько пернатые и легкокрылыя животныя превосходятъ пресмыкающихся“.

Сообразно съ этимъ внѣ школъ декуріоны, подъ руководствомъ префектовъ, обязаны были обучать свои турмы и всю конницу ѣздить сначала на Марсовомъ полѣ, потомъ на пересѣченной мѣстности, сохранять равненіе, останавливаться; плавать и ходить (маршировать.)¹⁾

Турмы должны были быть обучены на скаку собираться и строиться у какого либо военнаго знака, большею частью у законосца (у римлянъ вмѣсто знаменъ были знаки); къ одному изъ фланговъ или назадъ; производить стройное, равномерное движеніе.

О порядкѣ строя турмы мы уже говорили, онъ остался прежній. Гуго говорить, что древніе не опредѣляли точно интервала между всадниками. Одинъ Эліанъ требуетъ, чтобы всадникъ отъ всадника стоялъ на рзстояніи длины лошади, и говорить, что четырехугольные боевые порядки самыя лучшіе, такъ какъ имѣютъ по фронту лошадей вдвое больше, чѣмъ въ глубину. Фламиній, по словамъ Гуго, неоднократно повторяетъ, что равненіе и строгій порядокъ долженъ быть сохраняемъ не только на шагѣ, но даже на бѣгу и во время столкновенія съ противникомъ. Сохраненіе порядка ведетъ къ побѣдѣ, беспорядокъ къ гибели. Онъ даетъ солдату слѣдующее наставленіе²⁾. „Всадникъ долженъ быть внимателенъ ко всѣмъ сигналамъ и, услышавъ ихъ, немедленно ихъ исполнить, чтобы не быть послѣднимъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ требуетъ, чтобы пѣхота и конница были обучены исполнять быстро и точно приказы и сигналы.

Префекты турмъ, вновь набранныхъ, должны каждую турму дѣлить на 4 декуріи и дать каждой своего декуріона и субдекурія (капраль). Каждый изъ нихъ составляетъ списокъ своимъ людямъ, чтобы знать ихъ. Если предстоитъ собраться подъ знамя (къ знаку) на главномъ мѣстѣ лагеря, то каждый декуріонъ идетъ впереди своихъ людей, а субдекурій сзади. По узкимъ дорогамъ декурія вытягивается въ одну линію (колонну по одному), по широкимъ по три или четыре всадника.

Если декуріи должны строиться вмѣстѣ, то 1-я и 2-я декуріи становятся правѣе 3-й и 4-й.

¹⁾ О Марсовомъ полѣ говоритъ Вегецій. Книга I, глава II, § 10 и 1-й. О ѣздѣ въ полѣ и на пересѣченной мѣстности говорятъ: Онозандеръ, сар. IX. Strategikos. Ссылка Гуго и Вегецій, lib. III, сар. I, § 2.

²⁾ Lib. I, сар. 6. Ссылка Гуго.

Чтобы молодые солдаты ближе знакомились съ военной обстановкой и втягивались въ труды, древніе ввели ¹⁾ и постоянно сохраняли обычай, а императоры Августъ и Адрианъ подтвердили его. Этотъ обычай состоялъ въ томъ, что войску, какъ пѣхотѣ, такъ и конницѣ устраивали военныя прогулки.

Построивъ пѣхоту, вели ее 10 миль (почти 10 верстъ) и потомъ поворачивали назадъ, причеъ иногда ускоряли шагъ, а часть пути проходили бѣгомъ. Тоже самое должна была дѣлать и конница, въ полномъ вооруженіи, построенная по турмамъ. При этомъ турмы производили примѣрное преслѣдованіе, то обращались назадъ вскачь, чтобы собраться для стремительной атаки. Эти прогулки дѣлались не только по ровной мѣстности, но на всевозможной, чтобы приготовить людей, ко всякимъ случайностямъ и обстоятельствамъ.

Сципіонъ, будучи назначенъ консуломъ, былъ первый изъ римскихъ военачальниковъ, обратившій серьезное вниманіе на кавалерію. Онъ первый указалъ на то, что, если конница составлена изъ плохаго матеріала, то, какое бы ей вооруженіе не придумали, она не сдѣлаетъ своего дѣла.

Главный недостатокъ римской кавалеріи былъ тотъ, что всадники плохо ѣздили. Несмотря на то, что высшій цвѣтъ римскаго юношества служилъ въ кавалеріи, несмотря на то, что правительство изыскивало разныя мѣры, чтобы пріохотить его къ верховой ѣздѣ, это плохо прививалось. Пока еще римляне не были изнѣжены, нравы не испорчены, всадники шли въ кавалерію; но и тогда предпочитали службу въ пѣхотѣ, такъ какъ римлянинъ по натурѣ своей былъ скорѣе пѣхотинецъ, нежели кавалеристъ. Приобрѣвъ же громадныя богатства и право занимать правительственныя мѣста, всадники начали явно выказывать нерасположеніе къ военной службѣ и готовы были на всевозможныя жертвы, чтобы отъ нея избавиться.

Мы уже упоминали свидѣтельство Ливія ²⁾ и Валеріа ³⁾, какъ Сципіонъ сформировалъ, снарядилъ и вооружилъ 300 всадниковъ на счетъ богатаго юношества, у котораго отобралъ лошадей и оружіе и отпустилъ по домамъ; и какъ юноши были рады исполнить требованіе Сципіона, лишь бы отдѣлаться отъ службы!

Съ тѣхъ поръ начали многія турмы формировать изъ рабочаго класса, преимущественно изъ сельскихъ жителей, выбирая лучшихъ людей изъ пѣхоты. Но уже при этомъ нельзя было довольствоваться подготовкой всадниковъ въ школахъ и академіяхъ, такъ какъ бѣдному человѣку нечѣмъ было платить за обученіе. Вслѣдствіе этого Сципіонъ находить необходимымъ первоначальное обученіе воз-

¹⁾ Вегецій, сар. III, § 7. Ссылка Гуго.

²⁾ Lib. XXIX. }
³⁾ Lib. VII. } Ссылка Гуго.

ложить на декуріона, который долженъ былъ заботиться объ обученіи всадниковъ и о выѣздкѣ лошадей.

„Обучивъ такимъ образомъ“, говоритъ Полибій, ¹⁾ „солдаты и офицеровъ, онъ объѣзжалъ города, чтобы удостовѣриться, исполняютъ ли народъ его приказанія и способны ли начальники передавать и обучать. Онъ былъ того убѣжденія, что самое необходимое для успѣха дѣла имѣть ловкихъ субалтернъ офицеровъ (декуріоновъ).

Сципіонъ требовалъ, чтобы конницу особенно упражняли въ слѣдующихъ движеніяхъ: для каждаго отдѣльнаго всадника повороты направо, налево, и кругомъ; для декурій заѣздъ на $\frac{1}{4}$ круга, полкруга и обратно во фронтъ. Затѣмъ онъ выводилъ впередъ одинъ или два ряда съ фланговъ, или изъ середины и приказывалъ входить галопомъ въ линію, сначала по декуріямъ, а потомъ по турмамъ. Главнымъ образомъ онъ обучалъ конницу перемѣнамъ фронта и дѣлалъ это на мѣстѣ изъ колонны по взводно (вѣроятно по декуріямъ), или заѣздомъ фланга (*marcher par le flanc et tourner du côté derrières-files*). Онъ находилъ, что перемѣна фронта послѣдовательнымъ пристроиваніемъ взводныхъ колоннъ (декурій) производилась слишкомъ медленно, и что это движеніе походило на походную колонну.

Кромѣ того, онъ обучалъ конницу наступать и отступать, сохраняя даже на быстрыхъ аллюрахъ (*même en courant*) равненіе и интервалы: потому что ничего не можетъ быть вреднѣе и даже опаснѣе, какъ вести конницу въ атаку въ безпорядкѣ.“

Приготовивъ такимъ образомъ все, Сципіонъ выводилъ конницу изъ городовъ, собиралъ ее въ назначенныхъ мѣстахъ и самъ показывалъ все движенія, которыя она должна была исполнять, и лично продѣлывалъ все упражненія съ оружіемъ.

Сципіонъ не всегда становился во главѣ или впереди и говорилъ, что дѣло начальника не въ томъ заключается, чтобы рисоваться впереди строя, а въ томъ, чтобы умѣть руководить и вести свою часть; слѣдовательно ему иногда придется быть впереди, иногда въ хвостѣ или въ серединѣ. На этомъ основаніи и самъ онъ, осматривая турмы, переѣзжалъ отъ одной къ другой, дѣлая подробныя наставленія и исправляя то, что сдѣлано не такъ. Все инструкціи онъ старался давать на столько обстоятельно, что ему рѣдко приходилось поправлять. „Слова Дмитрія Фалерскаго,“ говоритъ Тюлье ²⁾, ясно выражаютъ превосходство метода Сципіона; „подобно тому, какъ зданіе только тогда хорошо, когда каждая отдѣльная часть его хорошо зачата, выстроена и связана съ другими частями,—и сила армій зависитъ отъ силы и развитія каждой роты, каждаго солдата въ отдѣльности“.

¹⁾ Bibliothèque militaire. Polybe. Traduc. de Dom. Thuiller, pag. 715.

²⁾ Dom. Thuiller. Тамъ-же.

Исторія конницы М. Маркова.

СЦИПОНЪ АФРИКАНСКІЙ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что, насколько Сципіонъ былъ прекраснымъ организаторомъ и воспитателемъ кавалеріи, настолько былъ отличнымъ полководцемъ и политикомъ. Но прежде, чѣмъ описывать блистательныя дѣйствія кавалеріи подъ его руководствомъ, познакомимся съ тактикою кавалеріи и вообще римскихъ войскъ.

Г л а в а 8-я.

Тактика римской кавалеріи во времена Сципіона. Строй легіона по манипуламъ и когортамъ даетъ кавалеріи возможность оказывать болѣе существенную поддержку пѣхотѣ. Сраженія при Иллингъ и Замъ.

Мы уже говорили, что кавалерія римлянъ строилась по турмамъ. Турмы становились въ одну линію на интервалахъ, большею частію равныхъ протяженію фронта турмы, иногда равныхъ половинѣ фронта, а иногда даже вовсе безъ интерваловъ. Постановку турмъ на интервалахъ Фронтинъ ¹⁾ приписываетъ Сципіону. „Сципіонъ“, говоритъ онъ, „въ своихъ побѣдахъ обязанъ несомнѣнно слѣдующему разумному распоряженію: онъ поставилъ турмы не непреывною линіею, а на интервалахъ, чтобы можно было пропускать въ нихъ слоновъ непріятели. Въ предотвращеніе же прорыва онъ поставилъ въ интервалы легковооруженныхъ велитовъ, которымъ было приказано отступать или разступаться, чтобы дать слонамъ дорогу.“

Однако и прежде Сципіона очень часто случалось, что въ бою въ промежуткахъ турмъ располагали или пропускали черезъ нихъ велитовъ, какъ, на примѣръ, это сдѣлалъ дядя Сципіона Корнелій Сципіонъ въ сраженіи при Требии, которое мы уже разбирали.

О раздѣленіи римской кавалеріи мы также говорили. Теперь укажемъ ей мѣсто въ боевомъ порядкѣ арміи, послѣ введенія строя легіона по манипуламъ и когортамъ.

Консульская армія у римлянъ составлялась обыкновенно изъ двухъ легіоновъ римскихъ и двухъ союзныхъ. Въ особенно важныхъ случаяхъ армію составляли изъ болѣе значительнаго числа легіоновъ, какъ на примѣръ, во время 2-й Пунической войны.

Построеніе легіоновъ по центуріямъ оказалось невыгоднымъ противъ такихъ народовъ, какъ галлы, эфирцы и кароагеняне. Слабыя центуріи не могли противустоять натиску сомкнутыхъ и глубокихъ массъ, которыми дѣйствовали упомянутые народы. По этой причинѣ римляне принуждены были дать своему строю болѣе твердости и связи, не лишая его, однако же, прежнихъ достоинствъ—гибкости и удобоподвижности. Этого они достигли, соединивъ двѣ центуріи въ одну, подъ на-

¹⁾ Frontinus, lib. II, cap. II. См. также Гуго.

званіемъ манипулы. Рораріи были уничтожены, изъ акценсовъ и легковооруженныхъ ратниковъ была образована легкая пѣхота, подъ именемъ велитовъ. Триаріи и конница остались въ прежнемъ составѣ.

Съ этого времени (279—275 г.), ¹⁾ передъ первую пуническую войною легіоны стали строиться въ три линіи. Въ первую линію ставили гастатовъ, полагая первое нападеніе производить молодыми, пылкими воинами; во вторую—принциповъ; въ третью—триаріевъ.

Каждая линія состояла изъ десяти манипулъ. Въ манипулахъ гастатовъ и принциповъ было по 120 ратниковъ, 12 по фронту и 10 въ глубину; манипулы же триаріевъ, переименованныя изъ центурій, по прежнему содержали въ себѣ 60 человекъ, 12 по фронту и 5 въ глубину.

Велиты до боя располагались въ общемъ боевомъ порядкѣ, большею частью между манипулами триаріевъ по 60 человекъ на интерваль, а въ началѣ боя выдвигались впередъ.

Въ строю каждый пѣхотинецъ занималъ пространство въ 6 футовъ для свободнаго дѣйствія оружіемъ; но для обороны противъ кавалеріи ряды и шеренги смыкались.

Манипулы 2-й и 3-й линій становились въ шахматномъ порядкѣ относительно первой линіи; а линія отъ линіи на разстояніи 50 шаговъ.

Манипулы и турмы одинаковыхъ номеровъ съ причисленными къ нимъ велитами составляли, въ глубину трехъ линій, тѣхъ же нумеровъ когорты. Слѣдовательно 1-я когорта состояла изъ 1-й манипулы гастатовъ, 1-й манипулы принциповъ, 1-й манипулы триаріевъ, 60 велитовъ и 1-й турмы конницы.

Таковъ былъ строй римскихъ легіоновъ и армій до конца 2-й Пунической войны, но и этотъ строй во многихъ отношеніяхъ оказался невыгоднымъ. Строй по манипуламъ былъ хорошъ, пока арміи составлены были изъ опытныхъ, хорошо обученныхъ и жаждущихъ славы высшихъ классовъ римскаго общества. Во 2-й Пунической войнѣ, послѣ погромовъ Аннибала, римляне принуждены были часто наскоро собирать арміи, и потому естественно составъ ихъ долженъ былъ нѣсколько ухудшиться. Вслѣдствіе этого, для бѣльшей устойчивости и самостоятельности, пришлось строй манипулы увеличить, къ чему опять таки побуждали столкновенія съ такими народами, какъ галлы, кареагеняне, нумидійцы и германцы. Титъ Ливій ²⁾ утверждаетъ, что еще консулы Фурий, въ войнѣ съ галлами, и Марцеллъ, въ войнѣ съ Аннибаломъ, соединили манипулы каждой когорты такимъ образомъ, что гастаты составляли четыре переднія, принципы четыре середнія, а триаріи двѣ заднія шеренги. Отъ этого легіонъ принялъ видъ фаланги, раздѣленной на десять частей.

¹⁾ Князь Голицынъ. Часть 2, стр. 102.

²⁾ Исторія Военнаго искусства Барона Зедделера, Т. I, стр. 157.

По свидѣтельству Полибія, ¹⁾ Регулъ въ сраженіи при Тунисѣ, Сципіонъ при Илингѣ и Замѣ и Павелъ Эмилиі при Пиднѣ составили изъ когортъ глубокія колонны, расположивъ манипулы принциповъ и триаріевъ непосредственно за гастатами.

Со временъ Марія, который составилъ свои арміи изъ рабовъ, соединеніе манипулъ въ когорты сдѣлалось постояннымъ. Легіоны стали дѣлиться на 10 когортъ, въ 400—500 воиновъ; названіе гастатовъ, принциповъ и триаріевъ исчезло; линіи начали называться 1-ю, 2-ю и 3-ю. Въ 3-й или резервной помѣщались также испытанные и рослые люди, а велитовъ начали набирать у подвластныхъ народовъ.

Изъ прилагаемыхъ чертежей видно, что конница обыкновенно строилась, какъ и прежде, на флангахъ боеваго порядка пѣхоты. Легіонная римская конница становилась троякимъ образомъ: 1) или на линіи гастатовъ, примыкая къ наружнымъ флангамъ пѣхоты, своего легіона, 2) или во 2-й линіи за конницей союзниковъ, если вся кавалерія выдвигалась на фланги, 3) или за своими легіонами въ резервѣ.

Союзная такимъ же образомъ. Но если вся конница выдвигалась на фланги, то, въ зависимости отъ количества кавалеріи, имѣющейся при арміи, она становилась впереди легіонной римской конницы или на крайнихъ флангахъ, въ одну съ нею линію.

Если при арміи была экстраординарная конница, то большею частью держали ее въ резервѣ, а иногда ставили на флангахъ, какъ видно изъ чертежей.

Когда сословіе всадниковъ начало уклоняться отъ службы, римляне принуждены были набирать большую часть своей кавалеріи у подвластныхъ народовъ и нанимать въ чужихъ странахъ. Число вспомогательной и наемной конницы зависѣло отъ обстоятельствъ. Конница эта была вообще весьма хорошая, и количество ея въ составѣ армій съ теченіемъ времени постепенно увеличивалось.

Ее составляли галлы, испанцы, греки, германцы, нумидійцы. Испанцы, галлы, греки и германцы составляли тяжеловооруженную кавалерію, нумидійцы и азіатскіе народы—легкую.

Въ боевомъ порядкѣ ихъ ставили на крайнихъ флангахъ, и тогда обыкновенно легіонную конницу держали въ резервѣ.

Впрочемъ порядокъ разстановки конницы часто измѣнялся. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ вся легіонная кавалерія поставлена была на правомъ флангѣ, а союзная, какъ мы видѣли, на лѣвомъ. Въ сраженіи при Фарсалѣ, Цезарь всю конницу сосредоточилъ на правомъ флангѣ арміи, а Помпей противъ него на своемъ лѣвомъ крылѣ. Настъ ²⁾ говоритъ: „конница доставляла римлянамъ большія выгоды. Ею они прикрывали фланги своей пѣхоты и пользовались ея быстротою

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ *Nast. Römische Kriegsalterthümer*, § 120.

и силою движенія для того, чтобы съ самаго начала привести непріятеля въ безпорядокъ; для атаки во флангъ; для того, чтобы отрѣзать часть или извлечь пользу изъ какого нибудь неправильнаго маневра противника. Далѣе, они употребляли конницу для наблюденія за непріятеlemъ, для фуражировокъ, для занятія тѣснинъ, для обезпеченія отступленія, для прикрытія обоза; а главнымъ образомъ для преслѣдованія противника, обращеннаго въ бѣгство.

Строй римскаго легіона по манипуламъ и когортамъ, или вообще прерывчатый боевой порядокъ, имѣлъ неоспоримыя преимущества надъ фалангою, какъ самъ по себѣ, такъ, въ особенности, въ отношеніи взаимодействія пѣхоты и кавалеріи.

Прерывчатость сообщала боевому порядку: гибкость, ломкость, удобоподвижность и примѣнимость ко всякой мѣстности. Эти свойства дѣлали римскій строй особенно способнымъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Расположеніе въ три линіи съ резервами давало возможность возобновлять ударъ нѣсколько разъ; а неудача одной части боеваго порядка не влекла за собою потери сраженія, такъ какъ рядомъ и сзади стоящія части или резервы могли поддержать опрокинутую часть. Соединеніе въ каждомъ легіонѣ обоихъ родовъ оружія, пѣхоты и кавалеріи устанавливало взаимную связь между ними, давало возможность, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать самостоятельно, что особенную важность могло имѣть при совершеніи маршей и расположенія на отдыхѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, прерывчатый боевой порядокъ способствовалъ взаимодействию пѣхоты и конницы еще тѣмъ, что послѣдняя, въ случаѣ надобности, могла дѣйствовать небольшими отдѣленіями сквозь интервалы между пѣхотными частями ¹⁾. Но намъ не встрѣчалось ни одного сраженія, гдѣ бы подобнымъ маневромъ достигнуть былъ успѣхъ. Напротивъ, лучшіе полководцы большею частью выдѣляли конницу, какъ замѣчено, на одинъ или оба фланга, или впередъ, чтобы дать ей просторъ для дѣйствій.

Это неоспоримое преимущество прерывчатаго построенія римлянъ надъ фалангою не все, однако же, полководцы ихъ понимали и горько платились за непониманіе. Такъ, на примѣръ, при Каннахъ, желая дать большую устойчивость и силу напора боевому порядку, Варронъ ввелъ вторую линію въ интервалы первой и обратилъ прерывчатый боевой порядокъ въ фалангу. Обстоятельство это было одною изъ причинъ пораженія римлянъ, между тѣмъ какъ побѣды при Кинокефалахъ, Магнеціи, Коринѣ и, особенно Пиднѣ доказали неоспоримое превосходство тактики римлянъ надъ фалангою.

¹⁾ Князь Голшцынъ. Всеобщая Военная Исторія древнихъ временъ, часть 2, стр. 104.

Сраженіе при Илингѣ.

Во то время какъ Аннибаль, лишенный содѣйствія картагенскаго правительства, держался въ южной Италіи, благодаря только своему генію, и римляне не смотря на громадныя силы, сформированныя въ 206 году, не смѣли рѣшительно атаковать его, дѣла въ Испаніи принимали неблагоприятный для картагенянъ оборотъ. Римляне при помощи молодаго полководца Корнелія Сципіона овладѣли большею половиною Испаніи, и только въ югозападной ея части держались картагеняне. Полководцы ихъ Гасдрубаль и Магонъ, имѣя главный складочный пунктъ въ Гадессѣ (Кадиксѣ), всю зиму употребили на сформированіе войскъ и къ началу весны составили армію въ 50 тысячъ пѣхоты и 4500 конницы, въ числѣ пѣхоты 20 тысячъ африканцевъ, а въ числѣ конницы 1500 нумидійцевъ. Армія эта сосредоточивалась на правомъ берегу р. Бетиса (Гвадалквивира), въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ города Илинга (Sevilla veta).

Лагерь находился на высотахъ, впереди которыхъ къ сѣверо-востоку, откуда Гасдрубаль и Магонъ ожидали Сципіона, разстилалась равнина, замыкавшаяся на противоположной сторонѣ опять высотами.

Сципіонъ точно также, сформировавъ въ теченіи зимы армію на половину изъ римлянъ, на половину изъ испанцевъ, довелъ ее до 45 тысячъ пѣхоты и 3 тысячъ кавалеріи. Съ этою арміею онъ двинулся противъ картагенянъ и занялъ высоты, противулежавшія лагерю Гасдрубала.

Замѣтивъ, что Сципіонъ укрѣпляетъ свой лагерь, картагенскій полководецъ выдвинулъ впередъ свою кавалерію.

Магонъ двинулся съ тяжеловооруженною конницею, а Масинисса съ нумидійцами. Но Сципіонъ этого ожидалъ и поставилъ свою кавалерію въ засаду, а устройство лагеря прикрылъ легкою пѣхотою и сторожевыми когортами. Картагенская кавалерія, наткнувшись на пѣхоту, неожиданно была атакована изъ засады неприятельскою конницею и съ большимъ урономъ опрокинута.

Эта первая неудача подѣйствовала крайне неблагоприятно на нравственное состояніе картагенянъ.

Общее столкновеніе произошло черезъ нѣсколько дней. Рано утромъ картагеняне замѣтили выступленіе войскъ Сципіона изъ лагеря. Гасдрубаль и Магонъ также начали выводить свои войска на равнину и строить противъ римлянъ правымъ флангомъ къ р. Бетису. Въ центрѣ поставлена была лучшая африканская пѣхота, а на флангахъ испанская; легкая пѣхота и конница были выдвинуты впередъ для прикрытія построенія. Сципіонъ также строилъ свои войска подъ прикрытіемъ выдвинутой впередъ конницы, которая, впрочемъ, не сходилась съ картагенянами, и легкой пѣхоты. Когда боевой порядокъ былъ готовъ, Сципіонъ отозвалъ свою кавалерію. Тоже сдѣлалъ и Гасдрубаль и поставилъ ее на флан-

гахъ пѣхоты, тяжеловооруженную непосредственно рядомъ съ ней, а легкую на флангахъ тяжеловооруженной. Легкая пѣхота завязала дѣло съ римлянами.

Сципіонъ, осмотрѣвъ карфагенскій боевой порядокъ, приказалъ своимъ войскамъ начать движеніе впередъ и находу перестроиться такъ, чтобы въ центрѣ стала испанская пѣхота, а на флангахъ римская въ три линіи. Это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы испанцамъ не пришлось сражаться противъ испанцевъ же; конница поставлена была за флангами. Когда эти перестроенія были сдѣланы, Сципіонъ приказалъ испанцамъ въ центрѣ продолжать движеніе по прямому направленію, а римскимъ войскамъ, находившимся на флангахъ, сдѣлать ускореннымъ шагомъ облическія движенія противъ фланговъ карфагенянъ, фронтъ которыхъ былъ значительно длиннѣ фронта Сципіона. Движеніе это на обоихъ флангахъ было произведено съ замѣчательной энергіей и быстротой. Велиты, выбѣжавъ впередъ, осыпали стрѣлами и камнями слоновъ, бывшихъ впереди фланговъ арміи Гасдрубала; слоны повернули назадъ и смяли испанскую пѣхоту. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась кавалерія, выѣхала изъ за римской пѣхоты и охватила конницу карфагенянъ съ фланговъ.

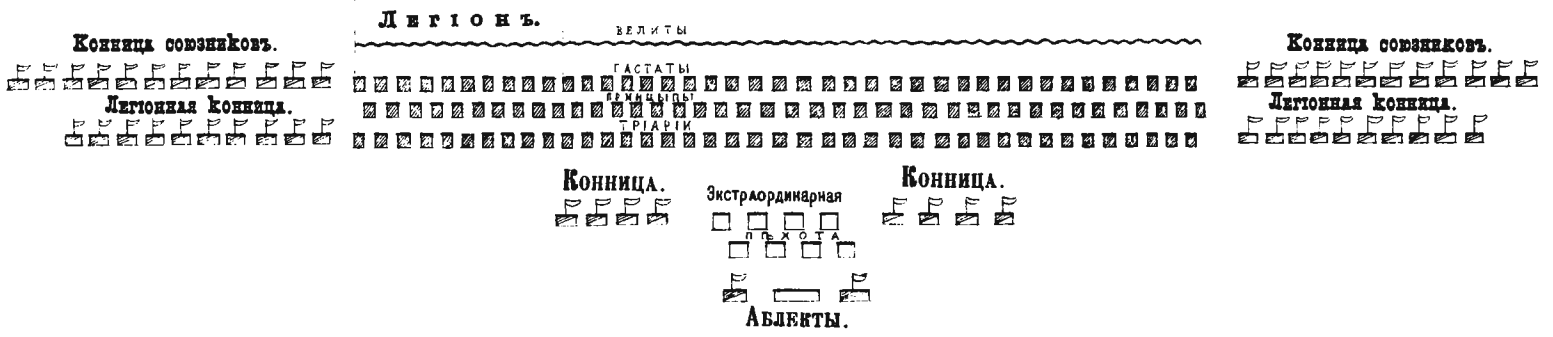
Кавалерія карфагенянъ, вѣроятно, также разстроенная или задержанная слонами не успѣла воспрепятствовать охвату и была почти одновременно опрокинута на правомъ флангѣ Сципіономъ, а на лѣвомъ Юліемъ Силаномъ. Вслѣдъ затѣмъ римскіе когорты пѣхоты атаковали съ фронта разстроенную пѣхоту испанцевъ, а кавалерія заскакала въ тылъ.

Такимъ образомъ оба фланга карфагенской арміи были разбиты: одинъ былъ истребленъ, а другой обратился въ бѣгство. Оставался центръ, составленный изъ превосходной африканской пѣхоты, которая, имѣя передъ фронтомъ испанцевъ, начала медленно отступать и, сдерживая преслѣдованіе римлянъ, прикрыла разбитые остатки арміи.

Сраженіе при Илингѣ мы привели, какъ результатъ воспитанія и тѣхъ преобразованій, которыя сдѣлалъ Сципіонъ въ своей кавалеріи; какъ новое доказательство превосходства прерывчатаго боеваго порядка надъ фалангообразнымъ и въ смыслѣ удобства взаимной поддержки пѣхоты и кавалеріи, и какъ указаніе на значеніе хорошаго начальника, управляющаго кавалеріей.

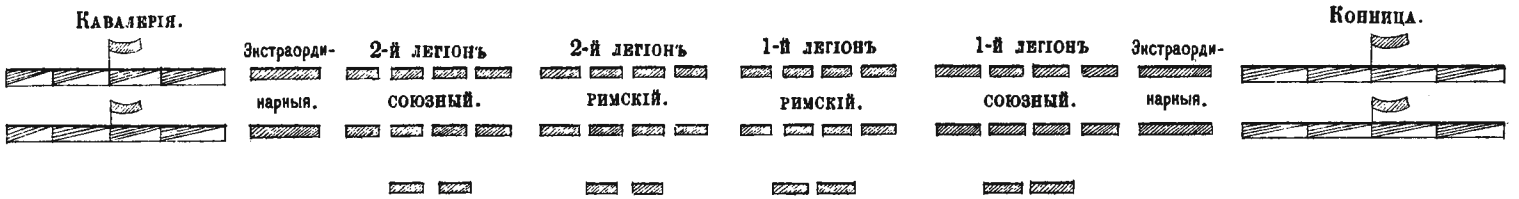
1) Римская кавалерія, которая всегда была бита карфагенскою, находясь въ сраженіи при Илингѣ въ значительно меньшемъ числѣ, сначала наступаетъ съ пѣхотою, атакующею фланги Гасдрубала и ею прикрывается; а когда наступила благопріятная минута, быстро выносятся изъ за фланга пѣхоты, охватываютъ и атакуютъ непріятельскую конницу, и разбиваютъ знаменитыхъ нумидійцевъ и испанцевъ. Покончивъ съ непріятельскою конницею, ударомъ во флангъ и тылъ помогаетъ своей пѣхотѣ опрокинуть испанскую пѣхоту.

КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИЗЪ 4-хъ ЛЕГІОНОВЪ.

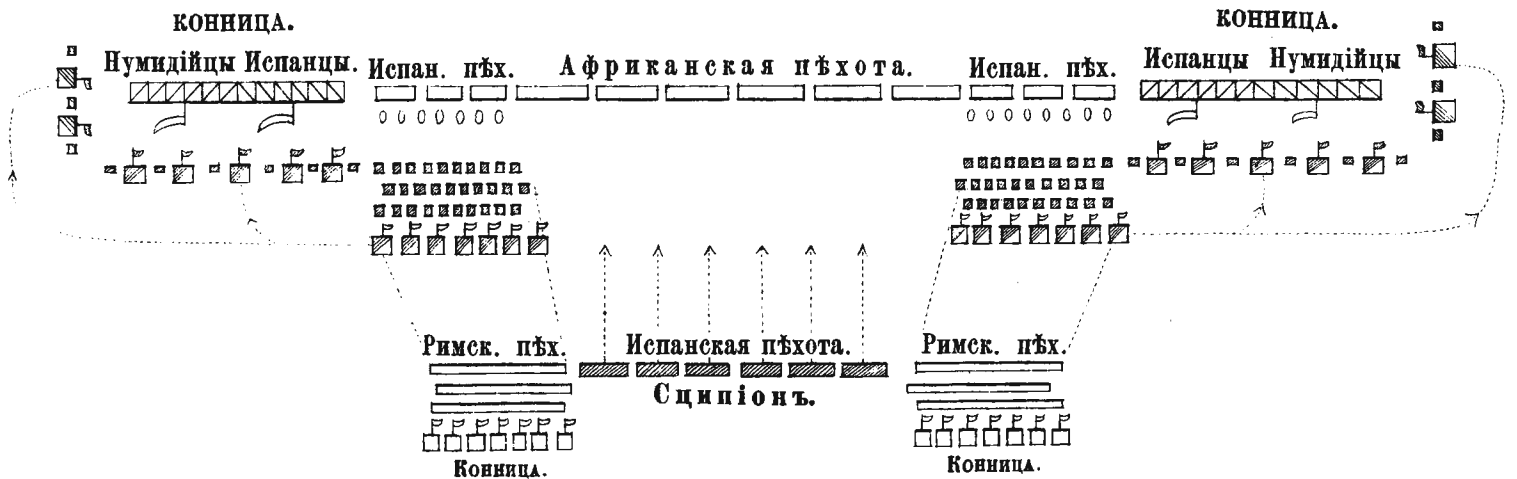

КОНСУЛЬСКАЯ АРМІЯ ИЗЪ 4-хъ ЛЕГІОНОВЪ.

Строй легиона по когортамъ въ 3 линіи.

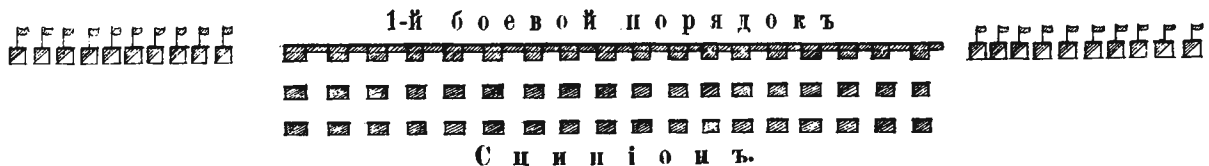
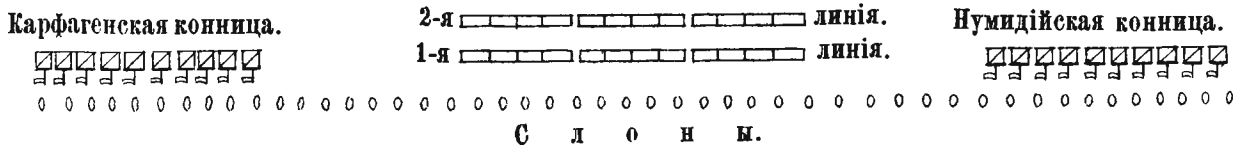
ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ИЛИНГЪ въ 206 году до Р. Х.
Армія Газдрубала.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ЗАМЪ въ 202 году до Р. Х.

А н н и б а л ь.

3-я линия.

2) Пѣхота римская передъ самой атакѣ производитъ весьма сложныя перестроенія и фланговыя движенія противъ фланговъ кароагенской арміи. Успѣхъ этихъ движеній объясняется, какъ подвижностью строевъ легіона сначала по манипуламъ, а потомъ по когортамъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусствомъ римской пѣхоты въ маневрированіи. Исполнивъ свое фланговое движеніе, пѣхота наноситъ ударъ совместно съ конницею.

3) Страннымъ кажется, почему Гасдрубалъ во время этихъ перестроеній, совершенныхъ римлянами, по словамъ Голицына, въ разстояніи 500 шаговъ, и фланговыхъ движеній, начатыхъ ими въ разстояніи двухсотъ шаговъ отъ арміи кароагенянъ, не перешелъ въ наступленіе. Страннымъ не менѣе того кажется, что испанская и нумидійская конница, предводимая Магономъ и Масиниссою, неоднократно бывшими участниками находчивости и блестящихъ побѣдъ Аннибала, стоятъ съ своею кавалеріею неподвижно въ виду фланговыхъ движеній римлянъ. Или они поражены были неожиданностью маневра, или сильно надѣялись на своихъ слоновъ? Вѣроятно же всего было то, что африканская пѣхота, построенная фалангами, рассчитывала произвести ударъ на самомъ близкомъ разстояніи, такъ какъ по массивности строя не могла производить быстрыхъ движеній и, пока выжидала приближенія центра римской арміи, фланги кароагенянъ были уже приведены въ безпорядокъ. Когда слоны привели въ безпорядокъ фланговую пѣхоту кароагенянъ, ихъ конница увидала передъ собою когорты наступающей римской пѣхоты, вспомоществуемой кавалеріею и легкой пѣхотой, а потому, можетъ быть, и не рѣшилась двинуться впередъ. Этою нерѣшительностью воспользовались римляне, которыхъ нравственное состояніе было поднято предшествовавшими удачами и еще тѣмъ, что по словамъ Полибія, Сципіонъ, рассчитывая дать сраженіе, поднялъ рано свои войска и велѣлъ имъ подкрѣпить себя пищею; тогда какъ кароагеняне, поднятые неожиданно, вступили въ бой, не успѣвъ позавтракать.

Слѣдствія побѣды при Илингѣ были громадны въ стратегическомъ отношеніи. Продолжая преслѣдовать остатки арміи кароагенянъ, Сципіонъ отрѣзалъ ихъ отъ Гадеса, достигъ ихъ близъ устья Бетиса, опрокинулъ, и только 6 тысячъ изъ 50 тысячъ успѣли спастись въ укрѣпленный лагерь; но и эти 6 тысячъ, покинутыя Магономъ, сдались римлянамъ. Союзные кароагенянамъ испанцы перешли на сторону римлянъ, другіе были покорены. Магонъ, забравши всѣ богатства, какія могъ взять, покинулъ Гадесъ, и Испанія перешла въ руки Сципіона. Въ довершеніе всего и Масинисса, царь Нумидійскій, заключилъ съ римлянами мирный договоръ и, какъ мы увидимъ, впоследствии присоединилъ свою превосходную кавалерію къ войскамъ Рима.

Сраженіе при Замѣ.

Въ 204 году по настоянію Сципіона война съ кароагенянами перенесена была въ Африку. Сципіонъ съ 40 тысячною арміею, состоявшею изъ превосходныхъ

римскихъ и союзныхъ легионовъ, и съ 2700 человекъ конницы высадився на берегъ Африки и открылъ дѣйствія противъ наскоро набранныхъ войскъ Карфагена. Во всѣхъ столкновеніяхъ римляне оставались побѣдителями, и конница ихъ въ стычкахъ съ карфагенскою и даже нумидійскою неоднократно брала верхъ. Доведенный до крайности, карфагенскій сенатъ наконецъ рѣшился вызвать Аннибала изъ Италіи и Магона, дѣйствовавшего въ Галліи. Но Магонъ въ 203 году, рѣшившійся вступить съ римлянами въ бой, былъ разбитъ и самъ смертельно раненъ, а Аннибаль, съ горечью покинувъ Италію, свидѣтельница безсмертной славы и побѣдъ его, посадилъ небольшую свою армію на суда и совершилъ переѣздъ въ Африку.

Прибывъ къ Адрумету, Аннибаль присоединилъ къ себѣ остатки войскъ Магона и новонабранныя сенатомъ 12 тысячъ пѣхоты и составилъ такимъ образомъ армію въ 48 тысячъ, весьма разнообразнаго состава. Лучшую часть ея составляли брутгійцы, а ветерановъ, сражавшихся подъ Каннами, уже почти не было. Сципіонъ употребилъ зиму и часть весны 202 года на овладѣніе нѣсколькими городами въ окрестностяхъ Карфагена, чтобы отрѣзать его отъ внутренности страны.

Аннибаль, не имѣя достаточно конницы, чтобы помѣшать разорительнымъ дѣйствіямъ Сципіона, просилъ конницы у нумидійцевъ и получилъ, но въ незначительномъ числѣ; большая же часть ихъ, подъ начальствомъ Масиниссы, перешла къ Сципіону.

Послѣ, нѣсколько разъ возобновлявшихся относительно заключенія мира, но безуспѣшныхъ переговоровъ, обѣ арміи римлянъ и карфагенянъ, сошлись наконецъ въ окрестностяхъ города Замы на открытой равнинѣ.

„У Сципіона“, говоритъ князь Голицынъ ¹⁾, „были три римскіе и 3 союзные легиона, каждый въ 6200 чел., а всего въ нихъ тяжелой пѣхоты: 12 т. гастатовъ, 12 т. принциповъ и 6 т. триаріевъ, итого 30 т. человекъ,—легкой пѣхоты около 12 т. чел., всего 42 т. чел.,—конницы римской и союзной 2700 чел., нумидійской 4 т., итого 6700, а всего всѣхъ войскъ 48700 или около 50 т. человекъ“.

Сципіонъ построилъ свои войска въ 3 линіи по манипуламъ съ промежутками, занятыми велитами. Въ первой линіи стали гастаты, во второй принципы, въ третьей триаріи манипулами же въ затылокъ первой линіи, чтобы интервалы служили для пропуска слоновъ, которыхъ у карфагенянъ было много. Вся римская конница, какъ легионная, такъ и союзная, выстроилась на лѣвомъ флангѣ арміи, подъ начальствомъ Лелія; а нумидійская, подъ командою Масиниссы—на правомъ флангѣ.

Аннибаль, имѣлъ также около 50 тысячъ, но конницею былъ слабѣе римлянъ. Онъ построилъ войска свои также въ три линіи фалангами въ 10 шеренгъ: въ первой линіи 12 т. человекъ, во второй также 12 тысячъ, а въ третьей, которую отодвинулъ отъ второй на 70 сажень, вдвое больше, т. е., 24 тысячи. На правомъ

¹⁾ Часть 4, стр. 208.

крылѣ стала кареагенская конница, а на лѣвомъ нумидійская. Впереди всего фронта поставлены были слоны. Прибѣгая къ такому построению пѣхоты, фронтъ которой въ первой линіи былъ вдвое меньше фронта римлянъ, а въ третьей линіи почти ему равенъ, Аннибалъ рассчитывалъ, что римская пѣхота будетъ прорвана густою первою линіею, а части, охватившія первую линію съ фланговъ, будутъ въ свою очередь охвачены третьею линіею.

Какъ только боевой порядокъ выстроился, Аннибалъ двинулъ впередъ всю линію слоновъ. Но обыкновенные у римлянъ, въ началѣ боя, звуки всѣхъ трубъ и роговъ, шумъ оружія и боевой крикъ испугали слоновъ, и часть ихъ обратилась назадъ и привела въ беспорядокъ лѣвофланговую нумидійскую конницу.

Масинисса беспорядкомъ немедленно воспользовался и, ударивъ противъ этой конницы, легко опрокинулъ ее. Всѣ остальные слоны обратились на велитовъ, которыхъ смяли, но и сами были переранены ими и наконецъ, большею частію въ центрѣ, были загнаны въ промежутки римскихъ линій, а на правомъ крылѣ обратились назадъ и смяли кареагенскую конницу. Лелій также воспользовался тѣмъ, ударилъ на право-фланговую конницу кареагенянъ и опрокинулъ ее. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ осталась одна пѣхота, которая и двинулась одна противъ другой тихимъ шагомъ и въ порядкѣ, исключая 3-й линіи Аннибала, которая осталась на своемъ мѣстѣ ¹⁾.

Но Сципіонъ угадалъ намѣреніе Аннибала и приказалъ манипуламъ гастатовъ сомкнуться, отчего образовался фронтъ равный фронту Аннибала. Обѣ противныя стороны сошлись и завязался упорнѣйшій бой, въ которомъ гастаты, поддержанные принципами, начали тѣснить первую линію кареагенянъ. Вторая линія ихъ, какъ полагаетъ князь Голицынъ, отъ страха не двинулась впередъ.

Вслѣдствіе этого первая линія вообразила, что вторая линія ей измѣнила и съ яростью обратилась противъ нее. Наконецъ Аннибалу удалось возстановить порядокъ и обратить обѣ линіи противъ гастатовъ. Но гастатамъ при помощи принциповъ удалось одолѣть кареагенянъ и частью истребить, частью обратить на третью линію, которой для удержанія бѣгущихъ Аннибалъ приказалъ выставить впередъ копья. Сципіонъ не продолжалъ наступленія, а отвелъ гастатовъ назадъ и, желая въ свою очередь охватить третью линію Аннибала, выстроилъ свою пѣхоту фалангою: въ серединѣ гастаты, принципы, раздѣлившись, построились по флангамъ гастатовъ, а тріаріи на наружныхъ флангахъ принциповъ. Въ резервѣ Сципіонъ не оставлялъ ничего, желая ударить на третью линію Аннибала всѣми оставшимися силами и рассчитывая, что конница его воротится изъ преслѣдованія и ударитъ кареагенянамъ въ тылъ. Между тѣмъ третья линія Аннибала, составленная изъ лучшихъ войскъ его, устроенная и вооруженная по образцу римлянъ,

¹⁾ Голицынъ. Тамъ-же, стр. 210.

двинулась вперед и сошлась съ пѣхотою Сципіона. Бой завязался съ страшною силою и упорствомъ и, не смотря на превосходство силъ римлянъ, не смотря на то, что они охватили съ фланговъ, кареагеняне продолжали рубиться и твердо стоять, пока наконецъ не вернулись Лелій и Масинисса съ конницею. Тогда кавалерія Сципіона ударила въ тылъ и порѣшила побѣду. Большая часть войскъ кареагенскихъ была истреблена на мѣстѣ, а небольшая часть, спасшаяся бѣгствомъ, была настигнута на открытой равнинѣ кавалеріей Сципіона и понесла большой уронъ.

Изъ всей арміи кареагенской спаслось не болѣе 10 тысячъ, 20 тысячъ погибло въ бою и 20 тысячъ взято въ плѣнъ.

Разбирая сраженіе при Замѣ, мы находимъ, что главная причина неудачи кареагенянъ были слоны, которые привели конницу обоихъ фланговъ въ безпорядокъ и дали возможность римлянамъ, воспользовавшись этимъ безпорядкомъ, разбить конницу Аннибала. Потеря конницы при фалангообразной тактикѣ была для Аннибала невознаградима. Римляне, имѣя пѣхоту лучше обученную, лучше вооруженную и болѣе подвижную, чѣмъ первыя его двѣ линіи, уже получили явное преимущество передъ кареагенянами.

Второе обстоятельство, вредно повліявшее на успѣхъ боя, былъ разнокалиберный составъ пѣхоты Аннибала, вслѣдствіе чего могло возникнуть недоувѣріе и даже схватка между первою и второю линіею.

Наконецъ опять-таки потеря кавалеріи дала возможность римлянамъ одолѣть третью линію Аннибала атакою конницы Лелія и Масиниссы въ тылъ.

Г л а в а 9-я.

Кавалерія Юлія Цезаря—галлы и германцы. Тактическое устройство. Мѣсто конницы въ боевомъ порядкѣ арміи и способъ употребленія. Сраженія при Фарсалѣ и Руспинѣ.

Юлій Цезарь римскихъ всадниковъ и вообще кавалеріи, составленной изъ римлянъ, въ своей арміи почти не имѣлъ. „Во время войны въ Галліи“, пишетъ Голлицынь, „Юлій Цезарь вовсе не имѣлъ въ своей арміи римской конницы, но вспомогательную галльскую и германскую, начальствованіе надъ которою ввѣрялъ, вопреки обычаю римлянъ и, вѣроятно, изъ политическихъ причинъ галльскимъ и германскимъ знатнымъ вождямъ“.

Мы уже упоминали, что Сципіонъ избѣгалъ брать въ ряды своей арміи всадниковъ, а старался частью набирать кавалерію изъ простаго народа, а главнымъ образомъ нанимать галловъ и нумидійцевъ. „Сословіе кавалеровъ“, говоритъ Зедделеръ, „обогатившись предоставленными ему государственными откупами и воз-

Исторія конницы Ж. Маркова.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

гордившись порученною ему должностію судей, начало отклоняться отъ званія простыхъ всадниковъ, къ которому, впрочемъ, давно уже оно было неспособно по роскоши и изнѣженности, поэтому римляне принуждены были набирать бѣольшую часть своей конницы у подвластныхъ народовъ и иностранцевъ. Такъ, на примѣръ, вся конница Цезаря въ сраженіи при Фарсалѣ состояла изъ галловъ и германцевъ, многочисленная же конница Помпея, въ коей служили преимущественно римскіе кавалеры, сдѣлалась по малодушію своему главною причиною его пораженія“.

Объ устройствѣ галльской кавалеріи мы уже говорили, теперь постараемся познакомиться съ устройствомъ конницы германской, хотя свѣденія о ней крайне скудны.

Главный родъ оружія большинства германскихъ племенъ составляла пѣхота, но были нѣкоторыя племена, славившіяся своею конницею. „Германцы“, говоритъ Голицынъ, „сражались частью на коняхъ, большею же частью пѣшими и, хотя нѣкоторыя изъ германскихъ племенъ и славились, какъ искусные всадники и наѣздники и имѣли хорошую конницу, но вообще главную силу германскихъ ополченій составляла пѣхота. Поэтому германцы и имѣли обыкновеніе перемѣшивать конницу свою съ пѣхотой, т. е. между всадниками ставить легкихъ пѣшихъ воиновъ“.

Цезарь такъ описываетъ обоюдное содѣйствіе всадниковъ и пѣхотинцевъ въ бою¹⁾.

„Было 6000 конныхъ и столько же весьма быстрыхъ и сильныхъ германскихъ пѣхотинцевъ. Послѣдніе находились со всадниками во время боя въ постоянной связи и, въ случаѣ неудачи или затруднительнаго положенія, являлись къ нимъ на выручку. Если раненный всадникъ падалъ съ коня, то пѣшіе быстро окружали его; когда надо было наступать или отступать, то пѣшіе упражненіями доводили быстроту до того, что держась рукою за гривы лошадей, не отставали отъ всадниковъ“. Тацитъ подтверждаетъ тоже (Germ. 6.)

Лошади германскія не отличались ни красотою, ни быстротою, но, по словамъ Голицына, „были очень крѣпки, сносливы и хорошо наѣзжены“. ²⁾ Пузыревскій напротивъ говоритъ, что „лошади ихъ не отличались, ни величиною, ни красотою ни выучкой“ ³⁾. Юлій Цезарь о германскихъ коняхъ пишетъ, что „они малы, но быстры и неукротимы“. ⁴⁾.

Вооруженіе было весьма простое и несложное. Обыкновеннымъ нападательнымъ оружіемъ была фремея или короткое копье съ небольшимъ и узкимъ остриемъ. Его употребляли и въ рукопашномъ бою и какъ метательное оружіе.

¹⁾ De bello. G. 1. 48. Victor Hehn. Culturpflanzen und Haustiere, стр. 49.

²⁾ Голицынъ, ч. 5, стр. 30.

³⁾ Исторія Военнаго Искусства въ средніе вѣка. Часть I, стр. 26.

⁴⁾ Victor Hehn. Тамъ же, стр. 48.

Первоначально конница была вооружена только фреями, но пѣхота имѣла, сверхъ того, дротики, которые мѣтала на огромное разстояніе и съ необыкновенною силою.

Единственнымъ-же оборонительнымъ вооруженіемъ, какъ конницы, такъ и пѣхоты, былъ деревянный раскрашенный щитъ. Только весьма немногіе изъ германцевъ были вооружены мечами и длинными копьями и носили шлемы и латы, всѣ прочіе сражались полуобнаженные или прикрытые самою легкою верхнею одеждою.

Въ походѣ германцы слѣдовали толпами по семействамъ и поколѣніямъ, безъ особенной правильности и порядка. Впереди шли обыкновенно пѣшіе воины, чрезвычайно быстрые на бѣгу, избранные изъ всего юношества и превосходно напрактикованные совокупнымъ дѣйствіямъ съ конницей. Каждая община выставляла по сту такихъ пѣшихъ воиновъ, которые и носили поэтому почетное названіе „сотень“.

За войскомъ слѣдовали, сверхъ женъ и дѣтей, повозки съ припасами и имуществомъ. Этими повозками германцы и ограждали свои станы (вагенбургъ).

Германцы сражались въ сомкнутыхъ массахъ, одинаково глубокихъ и широкихъ толпахъ, такъ же, какъ шли походомъ, т. е., по семействамъ и поколѣніямъ. По словамъ Тацита, обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ ихъ былъ клинообразный. Въ бою они сражались съ необыкновенною храбростью, но безъ всякой правильности, порядка и твердости въ строю. Отступать или бѣжать для того, чтобы потомъ снова напасть, считалось у нихъ не только непостыднымъ, даже весьма искуснымъ; но оставить щитъ во власти непріятеля считалось величайшимъ безчестіемъ. Конница сражалась съ легкою пѣхотою, съ которою была перемѣшана и, нерѣдко сама слѣжившись, сражалась какъ пѣхота и потомъ снова садилась на коней.

„Такимъ образомъ“, говоритъ Голицынъ ¹⁾, „германцы не имѣли ни правильнаго военнаго устройства, ни хорошаго вооруженія, ни воинской подчиненности и порядка, но за всѣмъ тѣмъ были страшными врагами не только для народовъ и войскъ неблагоустроенныхъ, но и для самихъ римлянъ. Ни одинъ изъ народовъ, съ которыми когда либо воевали послѣдніе, не сопротивлялся имъ съ такимъ упорствомъ и успѣхомъ, не наносилъ имъ такихъ жестокихъ пораженій. Причинами тому были: необыкновенный воинскій духъ, мужество и храбрость, соединенные съ силою физическою и телѣсною.“

Безпрерывныя войны съ римлянами произвели съ теченіемъ времени многія измѣненія и въ военномъ дѣлѣ у германцевъ. Какъ черезъ римскихъ воиновъ, бывшихъ въ плѣну у нихъ, и черезъ римскихъ переметчиковъ и бѣглецовъ, такъ и черезъ своихъ единоплеменниковъ, въ большомъ числѣ служившихъ въ римскомъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 31.

войскъ и возвращавшихся на родину, германцы заимствовали постепенно многое изъ вооруженія, устройства строя и образа дѣйствій римскихъ войскъ. Употребленіе большихъ мечей и длинныхъ копій, шлемовъ и латы распространялось болѣе и болѣе. Сверхъ того, вошли въ употребленіе боевыя сѣкиры о двухъ лезвіяхъ, а при осадѣ и оборонѣ городовъ луки и стрѣлы.

Голицынъ, ссылаясь на описанія Цезаря говорить ¹⁾, что „всадники были вооружены очень хорошо и богато. Они носили гладко выточенные (полированные) и блестящія стальные латы, бѣлые деревянные щиты, а вмѣсто шлемовъ головы различныхъ дикихъ звѣрей съ разверстыми пастьми и съ высокими перьями въ видѣ крыльевъ, что придавало имъ страшный видъ. У каждаго всадника было по длинному и тяжелому мечу и по два дротика“.

Сражались германцы уже въ строю, болѣе правильномъ, съ раздѣленіемъ на центръ и крылья. „Германцы“, говоритъ Юлій Цезарь ²⁾ „сражались большею частью пѣшими, но главную силу ихъ ополченій составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная. Каждый всадникъ перевозилъ на лошади за собою по одному пѣшему воину. Если бой становился упорнымъ, то пѣшіе войны соскакивали съ лошадей, выступали впередъ и принимали дѣятельное участіе въ бою. Если кто либо изъ всадниковъ былъ раненъ, то они выносили его изъ боя. Они были столь легкими на бѣгу, что нерѣдко, держась одною рукою за лошадиную гриву, бѣжали рядомъ со скакавшими во весь опоръ лошадьми.

Изъ всѣхъ племенъ Германіи наиболѣе другихъ отличались своею конницею тенктеры и хауки или кауки. Тенктеры, весьма многочисленный и сильный народъ, принадлежавшій къ союзу херусковъ, жили на правомъ берегу нижняго Рейна, издревле славились и отличались между всѣми германскими племенами искусствомъ въ наѣздничествѣ и славились конницею. По словамъ Тацита, кони составляли главную, лучшую часть ихъ достоянія, а конныя упражненія—предметъ постоянныхъ занятій ихъ въ теченіи цѣлой жизни.

Тацитъ говоритъ, что у тенктеровъ мальчики съ 5 до 20 лѣтняго возраста учились садиться на коней и ѣздить верхомъ, дѣлать вольты, постепенно ихъ уменьшая, укрощать дикихъ лошадей и биться ³⁾. Любовь къ кавалерійскому дѣлу передавалась отъ предковъ къ потомкамъ: тѣже игры дѣтей, тоже соревнованіе юношей, тѣже права на лошадей. Старѣйшій сынъ наследуетъ отъ отца все имущество, но лошади достаются храбрѣйшему и лучшему въ бою.

„Только германцы“, пишетъ Юлій Цезарь ⁴⁾, говоря о тенктерахъ, „увидѣли

¹⁾ Ч. 3, стр. 302.

²⁾ Голицынъ. Ч. 3, стр. 304.

³⁾ Тоже самое Геродотъ приписываетъ персамъ (lib. I).

⁴⁾ Caesar. Bell. Gal., lib. IV. 6-й походъ Цезаря противъ узипетовъ и тенктеровъ, описанный у Голицына въ 7 ч. 4, стр. 54.

нашу конницу (у насъ было 5000 коней, а у противниковъ 800), и наши еще ничего не опасались, какъ непріятель уже налетѣлъ и привелъ въ безпорядокъ; когда-же наши начали оказывать сопротивленіе, то они соскочили съ коней, по своему обыкновенію, перебили намъ много лошадей, сбили много всадниковъ на землю и разсѣяли остальныхъ“.

Кауки, сильный народъ, жившій отъ рѣки Эмса по берегу Нѣмецкаго моря до Эльбы,—были по словамъ Тацита, благороднѣйшимъ изъ всѣхъ германскихъ народовъ; они поддерживали свое величіе болѣе справедливостью, нежели силой, не производили разбоевъ и грабежей и не искали случаевъ къ войнѣ; но въ случаѣ надобности, умѣли и сражаться храбро и искусно, и были одинаково сильны пѣхотой и конницей.

Изъ всего сказаннаго о конницѣ германцевъ видно, что они представляли превосходный матеріалъ для хорошаго полководца, и этимъ матеріаломъ Цезарь умѣлъ воспользоваться. Мы замѣтили уже, что Юлій Цезарь въ своей кавалеріи имѣлъ только первоначально галльскихъ, а потомъ и германскихъ всадниковъ. Тѣмъ и другимъ главнымъ образомъ не доставало только правильнаго тактическаго устройства и порядка дисциплированного войска.

Порядокъ и дисциплину Цезарь вселилъ необыкновеннымъ искусствомъ и обаяніемъ своего имени. Войска Цезаря служили ему одному, а не республикѣ и гордились званіемъ участниковъ славы и побѣдъ Цезаря.

Что касается до тактическаго устройства, то Цезарь, какъ у наемныхъ галловъ, такъ и у германцевъ ввелъ одинаковые порядки.

„Въ конницѣ Цезаря“, пишетъ Голицынъ,¹⁾ тактическою единицею была турма въ 32 всадника, по 8 рядовъ въ четыре шеренги, причемъ, можетъ быть, всадники 2-й шеренги становились за интервалами лошадей первой (согласно съ изслѣдованіями о позднѣйшей греческой тактикѣ). Считая по 5 футовъ на всадника во фронтѣ и по 10 въ глубину, можно положить, что длина фронта и глубина турмы одинаково составляли по 40 футовъ, слѣдовательно правильный квадратъ. 12 турмъ (384—400 всадниковъ) составляли крыло (ala) или полкъ и, вѣроятно, строились, подобно пѣхотѣ, въ 2 линіи, съ интервалами между турмами, длиною по фронту въ 440 футовъ. Иногда соединяли по 3 турмы вмѣстѣ (100 всадниковъ). При большомъ количествѣ конницы для атакъ образовали цѣлыя колонны изъ конныхъ крыльевъ, напр., изъ трехъ турмъ (24 ряда) во фронтѣ и четырехъ турмъ (16 шеренгъ) въ глубину, и только послѣ успѣха атаки раздѣляли ихъ снова по турмамъ, для преслѣдованія непріятеля.

Въ общемъ боевомъ порядкѣ Цезарь располагалъ конницу различно, смотря по обстоятельствамъ: или по ровну на обоихъ флангахъ, или всю на одномъ

¹⁾ Часть 4, стр. 152.

Исторія конницы М. Маркова.

ГЕРМАНЕЦЪ.

Источники: Тацитъ, Юлій Цезарь, кн. Голицынъ, Nast, Ottenberger и др.

(Фарсалъ, Уцита); при Бибрактѣ—за легіонами, такъ какъ Цезарь не былъ увѣренъ въ галльской конницѣ; тоже самое противъ Аріовиста, потому что войско послѣдняго было ограждено съ фланговъ и тыла повозками; при Диррахіѣ также конница стояла сзади пѣхоты.

Въ отношеніи употребленія кавалеріи замѣчательно у Цезаря то, что никогда конница и пѣхота не дѣйствуютъ отдѣльно. Какъ во время походовъ въ Галліи и Германіи, такъ и въ послѣдующихъ междоусобныхъ войнахъ всякому отдѣльному отряду придается соотвѣтствующее количество конницы.

Походныя движенія арміи совершались всегда подъ прикрытіемъ авангарда, составленнаго изъ всей или большей части кавалеріи съ придачею легкой пѣхоты.

Въ самомъ бою также кавалерія никогда одна не дѣйствуетъ. „Причиною этому могло быть, „говоритъ Голыцынъ“, тогдашнее неудовлетворительное состояніе конницы, именно совершенный недостатокъ въ ней упорства и стойкости, то что въ ней скорѣе и легче, нежели въ пѣхотѣ, происходило разстройство и беспорядокъ и т. п. А потому нельзя было пособить иначе, какъ придавая конницѣ, на время боя, тѣсно связанную съ нею пѣхоту, достаточно легкую для слѣдованія за дѣйствіями конницы, но и достаточно способную для дѣйствій противъ непріятельской конницы, не издали, а на близкомъ разстояніи“.

Цезарь съ большою выгодною употреблялъ для этого наемную германскую пѣхоту и своихъ антесигнановъ, располагая ихъ небольшими отдѣленіями (примѣрно мѣнипулы) въ интервалахъ конницы. Они нападали сомкнутыми толпами на атакующую непріятельскую конницу, или слѣдовали за атаками собственной, проникали въ интервалы непріятельской и наносили ей большой вредъ, особенно пораженіемъ лошадей.

Къ этому нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ сраженій, особенно во время междоусобной войны Цезарь былъ значительно слабѣе въ кавалеріи и потому естественно долженъ былъ ее поддерживать пѣхотою. Такъ, напр., при Фарсалѣ онъ имѣлъ 1000 всадниковъ противъ Помпеевыхъ 7 тысячъ, исключая вспомогательныхъ войска; при Руспинѣ 3000 всадниковъ противъ 10 тысячъ.

Не смотря на слабость конницы въ обѣихъ упомянутыхъ сраженіяхъ, Юлій Цезарь очень ловко ею воспользовался, назначивъ для поддержки ея отрядъ пѣхоты. Обратимся къ разбору упомянутыхъ сраженій.

Сраженіе при Фарсалѣ.

Сраженіе при Фарсалѣ произошло въ 48 году до Р. Х., во время междоусобной войны между Цезаремъ и Помпеемъ за обладаніе властью надъ Римомъ.

Овладевъ Италіей и Испаніей, Юлій Цезарь переправился съ своею арміею въ Грецію, гдѣ Помпей сосредоточилъ главныя силы у Диррахія. Первоначально,

обложивъ армію Помпея съ сухаго пути, Цезарь сильно стѣснилъ своего противника, но, послѣ неудачнаго боя у Диррахія 24 Мая, рѣшился двинуться въ Македонію на соединеніе съ отрядомъ Домиція, который дѣйствовалъ въ Македоніи противъ Сципіона. Помпей двинулся вслѣдъ за Цезаремъ, но помѣшать соединенію его съ Домиціемъ не успѣлъ, самъ-же съ Сципіономъ соединился.

Послѣ соединенія съ Домиціемъ, Цезарь рѣшился испытать счастье въ бою съ Помпеемъ, войска котораго, подъ вліяніемъ аристократіи, желавшей окончанія войны, жаждали сразиться съ Цезаремъ.

Столкновеніе случилось въ Тессаліи при Фарсалѣ 29 Іюня.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе, представляетъ обширную равнину, чего особенно добивался Цезарь, рассчитывая на нравственное и тактическое превосходство своихъ войскъ.

Помпей былъ вдвое сильнѣе и пѣхотою и, особенно конницею. Онъ имѣлъ 11 легионовъ, 7 тысячъ кавалеріи и много вспомогательныхъ войскъ, всего по Голицыну 90 тысячъ.

У Цезаря было 22 тысячи легионной пѣхоты, только одна тысяча человекъ конницы и вспомогательныя пѣшія и конныя войска—всего, примѣрно, по Голицыну 42 тысячи. Вообще достовѣрно извѣстно только то, что Помпей былъ вдвое сильнѣе Цезаря.

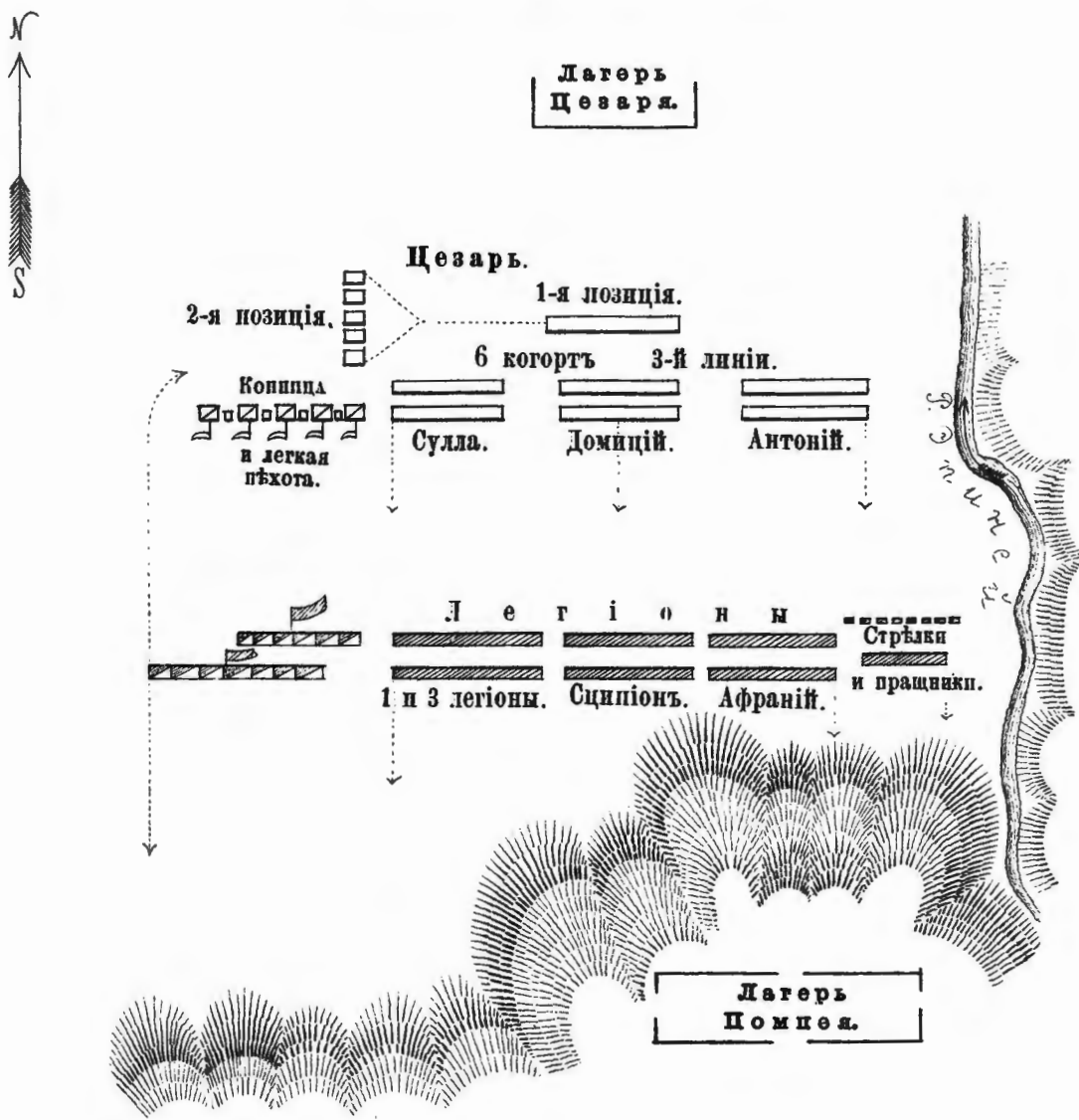
Выйдя изъ лагеря, Цезарь построилъ свою армію въ три линіи: на правомъ флангѣ 10-й легионъ подъ начальствомъ Суллы, въ центрѣ 80 когортъ Домиція и на лѣвомъ флангѣ соединенные 8-й и 9-й легионы подъ начальствомъ Антонія. 6 отборныхъ когортъ, взятыхъ изъ 3-й линіи, онъ поставилъ въ видѣ резерва за правымъ флангомъ, чтобы усилить этотъ флангъ во время атаки и вмѣстѣ—предохранить его съ открытой стороны равнины отъ многочисленной конницы Помпея. Чтобы усилить свою слабую кавалерію, сосредоточенную на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка, онъ расположилъ между отдѣленіями ея часть лучшей своей пѣхоты.

„Цезарь объѣхалъ всѣ войска, ободрилъ и воодушевилъ ихъ краткою рѣчью, замѣтилъ 6-ти когортамъ праваго фланга, что отъ нихъ будетъ зависѣть рѣшеніе судьбы боя, совѣтовалъ, при дѣйствіяхъ противъ изнѣженныхъ римскихъ всадниковъ, наносить имъ удары въ лицо, дабы скорѣе обратить ихъ въ бѣгство, и затѣмъ самъ сталъ на правомъ флангѣ“¹⁾.

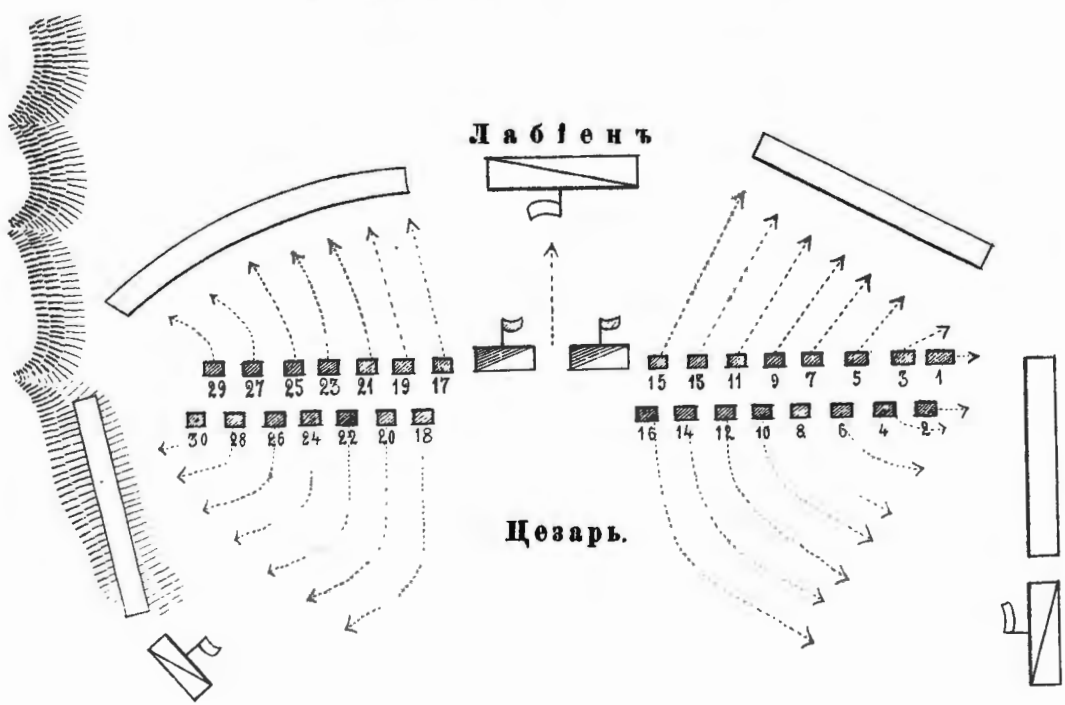
Армія Помпея построилась въ 250—300 шагахъ отъ войскъ Цезаря въ 3 линіи: на лѣвомъ флангѣ подъ личнымъ начальствомъ Помпея стали 1-й и 3-й легионы, въ центрѣ Сципіонъ съ двумя сирійскими легионами, и на правомъ флангѣ Афраній съ киликійскимъ легиономъ и испанскими когортами. 2 тысячи вете-

¹⁾ Голицынъ. Томъ 4, стр. 252.

П Л А Н Ъ
С Р А Ж Е Н І Я П Р И Ф А Р С А Л Ъ .

П Л А Н Ъ (С х е м а).
С Р А Ж Е Н І Я П Р И Р У С П И Н Ъ .

рановъ волонтеровъ распредѣлены были вдоль всей линіи; вся кавалерія помѣщена была на лѣвомъ флангѣ боеваго порядка, а въ лагерѣ оставлено 7 когортъ.

Помпей имѣлъ въ виду выждать на мѣстѣ и ударить тогда, когда непріятель, разстроенный наступленіемъ, подойдетъ на близкое разстояніе.

По приказанію Цезаря легіоны его двинулись ускореннымъ шагомъ, но, видя бездѣйствіе непріятеля остановились, чтобы перевести духъ и вслѣдъ затѣмъ бросились въ атаку.

Въ то же время кавалерія Помпея, поддержанная легкою пѣхотою, двинулась въ обходъ праваго фланга Цезаревой арміи, отгѣснила его конницу и намѣревалась ударить во флангъ легіонамъ Суллы. Но 6 резервныхъ когортъ, сдѣлавъ перемѣну фронта, неожиданно и стремительно бросились на кавалерію Помпея. Масса камней и стрѣлъ полетѣла въ римскихъ аристократовъ, которые ничѣмъ такъ не дорожили, какъ красотою лица и, усердно защищая его, они обратились въ бѣгство, а легкая пѣхота была истреблена.

Опрокинувъ кавалерію, 6 резервныхъ когортъ ударили во флангъ и тылъ 1-му и 3-му легіонамъ Помпея, одновременно съ фронтальнымъ ударомъ легіоновъ, и обратили всю армію его въ бѣгство.

Самъ Помпей бросился къ лагерю и приказалъ семи оставленнымъ въ немъ когортамъ упорно защищать его; но Цезарь двинулъ конницу, а за нею пѣхоту преслѣдовать бѣгущихъ, взялъ приступомъ лагерь и вторично обратилъ войска Помпея въ бѣгство по дорогѣ къ Лариссѣ. Оставивъ часть арміи въ лагеряхъ, Цезарь снова бросился преслѣдовать и на разсвѣтѣ заставилъ остатки арміи Помпея положить оружіе.

Сраженіе при Руспинѣ.

Послѣ пораженія Помпеевой арміи при Фарсалѣ Цезарь отправился за Помпеемъ въ Египетъ, тамъ дѣйствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ совершилъ походъ противъ Фарнака въ Малую Азію. Между тѣмъ приверженцы Помпеевой партіи сосредоточивали свои силы въ Африкѣ ¹⁾, гдѣ къ нимъ присоединился нумидійскій царь Юба. Всего въ арміи ихъ, начальство надъ которою принялъ Метеллъ Сципіонъ, было 14 легіоновъ (4 царя Юбы), 120 слоновъ, большой флотъ и многочисленная нумидійская кавалерія.

Послѣ упомянутыхъ Александрійской войны и похода противъ Фарнака, Цезарь отправился въ Римъ, возстановилъ тамъ спокойствіе и послѣ того рѣшилъ предпринять высадку въ Африку для уничтоженія партіи Помпея.

¹⁾ Римская провинція образованная изъ владѣній Картагена на сѣверномъ берегу Африки.

Съ громадными препятствіями, по случаю бурнаго времени, во второй половинѣ октября мѣсяца совершилъ онъ переѣздъ черезъ Средиземное море, высадился у Адрумета и, двинувшись вдоль берега къ югу, занялъ городъ Лепту. Около города онъ расположилъ лагерьмъ свои войска, и сюда мало по малу прибыла бѣльшая часть его перевозныхъ судовъ. Когда бѣльшая часть войскъ его собралась, Цезарь занялъ городъ Руспину и приказалъ устроить укрѣпленный лагерь между городомъ и моремъ. Но озабочивалъ Цезаря недостатокъ продовольствія, такъ какъ край былъ истощенъ непріятельскою конницею. По этой причинѣ Цезарь на первыхъ порахъ долженъ былъ предпринимать большія фуражировки.

Сципіонъ узналъ о высадкѣ Цезаря въ Утикѣ и тотчасъ началъ собирать свою армію, въ чемъ успѣлъ не ранѣе какъ черезъ три дня, послѣ извѣстія о высадкѣ Цезаря, такъ какъ армія его была расположена на большомъ пространствѣ. Сосредоточивъ 40 тысячъ тяжелой и легкой пѣхоты, большое количество стрѣлковъ и пращниковъ, 8 тысячъ нумидійской и 1600 галльской и германской конницы, Сципіонъ двинулся противъ Цезаря.

Въ это время Юлій Цезарь предпринялъ фуражировку съ тридцатью когортами.

Мѣстность образовала равнину, окруженную горами.

Въ авангардѣ Сципіона шелъ со своею кавалеріею и частью пѣхоты Лабіенъ, который умѣлъ такъ скрыть свое движеніе, что Цезарь ничего не зналъ о немъ. Не успѣлъ онъ еще начать свою фуражировку и даже отойти на $\frac{1}{4}$ мили отъ своего лагеря, какъ получилъ отъ передоваго отряда извѣстіе о приближеніи непріятели.

Цезарь думалъ, что противъ него шла только нумидійская конница и хотѣлъ продолжать свое движеніе, приказавъ только присоединиться къ нему изъ лагеря конницѣ съ нѣсколькими сотнями стрѣлковъ. Но, развѣдавъ лично непріятели и увидавъ его силу, онъ остановилъ свои когорты и приготовился къ бою.

Лабіенъ развернулъ свои войска такъ, что линія ихъ была значительно длиннѣе линіи войскъ Цезаря. Имѣя въ виду охватить послѣдняго съ обоихъ фланговъ, онъ поставилъ часть нумидійской конницы между пѣхотой, а другую часть на флангахъ, вмѣстѣ съ тяжеловооруженной конницею,—всѣ роды войскъ въ глукъ стрѣ.

Цезарь, по малочисленности своихъ войскъ, могъ построить ихъ только въ одну линію, пѣхоту въ серединѣ, а конницу по флангамъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ ряду холмовъ.

По сближеніи обѣихъ сторонъ, пѣхота Цезаря двинулась противъ непріятели и отразила нумидійцевъ, бывшихъ между пѣхотой Лабіена, но они тотчасъ-же обратились назадъ и пошли снова въ атаку. Между тѣмъ на обоихъ флангахъ конница Цезаря была принуждена уступить конницѣ Лабіена, тѣсно примкнувъ

къ пѣхотѣ, а всѣ вообще войска Цезаря—построиться фронтомъ во всѣ стороны и продолжать бой, но еще не въ рукопашную.

Положеніе Цезаря было крайне трудное и опасное, такъ что онъ ежеминутно ожидалъ быть совершенно окруженнымъ и видѣть строй свой прорваннымъ. Но въ эту опасную минуту онъ, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа рѣшился самъ перейти въ наступленіе. Для этого, по объясненію Рюстова онъ приказалъ всѣмъ четнымъ когортамъ обратиться назадъ и выйти изъ интерваловъ нечетныхъ когортъ 1-й линіи во вторую; затѣмъ одной половиной когортъ второй линіи зайти къ правому флангу, другой къ лѣвому. Эволюція эта была исполнена подъ прикрытіемъ конницы, бывшей на флангѣ, которая послана была въ атаку на нумидійцевъ. Но атака эта была неудачна, и кавалерія принуждена была зайти за пѣхоту. Здѣсь Цезарь ее устроилъ въ два отдѣленія по 200 человекъ и поставилъ въ центрѣ 1-й линіи. Когда и пѣхота и кавалерія исполнили назначенныя имъ передвиженія, Цезарь всѣми войсками перешелъ въ наступленіе. Когорты 1-й и 2-й линій бросились бѣгомъ и оба фланга непріятеля, сначала лѣвый, потомъ правый обратились въ бѣгство. Въ то-же время конницею Цезарь атаковалъ центръ непріятеля и опрокинулъ его въ третьемъ направленіи. Такимъ образомъ непріятель былъ опрокинутъ и на флангахъ и въ центрѣ. Цезарь преслѣдовалъ ихъ до холмовъ и затѣмъ отступилъ въ свой лагерь при Руспинѣ.

Разбирая описанныя сраженія при Фарсалѣ и Руспинѣ въ отношеніи дѣйствій кавалеріи, мы замѣчаемъ, что Цезарь и въ томъ и въ другомъ сраженіи слабъ въ кавалеріи и, не смотря на эту слабость, мастерски ею распоряжается. И въ томъ, и въ другомъ сраженіи кавалерія его первоначально опрокинута непріятельскою массою, но прикрывается пѣхотою и снова устроивается къ бою. Придаваніе пѣхотныхъ частей къ кавалеріи, какъ-бы указываетъ на то, что кавалерія Цезаря рассчитывала вступать только въ оборонительный бой. Но однако-же, дѣйствія ея во всѣхъ сраженіяхъ показываетъ противное. Вѣроятно, Цезарь ставилъ пѣхоту въ интервалы кавалеріи, чтобы на первыхъ порахъ не дать превосходящимъ массамъ непріятельской конницы подавить свою и приберегалъ ее къ тому времени, когда бой назрѣетъ или непріятельская конница потерпитъ неудачу, тогда уже онъ смѣло выдвигаетъ свою кавалерію и извлекаетъ изъ нее всю пользу.

Такъ при Фарсалѣ, когда кавалерія Цезаря была опрокинута, Цезарь выручаетъ ее ударомъ шести когортъ на кавалерію Помпея; въ это время конница Цезаря устроивается, а когда легіоны сломили боевой порядокъ Помпея, конница снова выдвигается впередъ, преслѣдуетъ и добиваетъ противника.

Въ сраженіи при Руспинѣ кавалерія Цезаря, первоначально поставленная на флангахъ боеваго порядка, должна выдерживать напоръ многочисленной конницы Лабіена. Непріятель тѣснитъ и почти окружаетъ войска Цезаря. Чтобы выйти изъ

этого критическаго положенія, Цезарь рѣшается на перестроеніе войскъ для перехода въ наступленіе по тремъ направленіямъ. Чтобы имѣть время на эту эволюцію, Цезарь принужденъ бросить конницу на противника, не смотря на ея малочисленность и сдержатъ его. Конница Цезаря опрокинута, но когорты пѣхоты, перемѣнивъ фронтъ, производятъ наступленіе, конница укрывается за пѣхоту, устроивается и ведется Цезаремъ въ атаку на центръ противника, который она стремительнымъ ударомъ обращаетъ въ бѣгство.

И такъ сначала кавалерія своею атакою способствуетъ эволюціи пѣхоты, потомъ пѣхота своимъ движеніемъ выручаетъ кавалерію и даетъ устроиться для новыхъ дѣйствій. Изъ этого усматривается то, что связь взаимодѣйствія обоихъ родовъ оружія у Цезаря доведена до высшей степени.

Сравнивая дѣйствія кавалеріи Цезаря съ кавалеріею Аннибала можно замѣтить, что при Цезарѣ мы не встрѣчаемъ такихъ погромовъ, производимыхъ одною кавалеріей надъ противникомъ, какъ при Аннибалѣ. Цезарь громитъ и уничтожаетъ армію противника, но не одной кавалеріей, а совокупными дѣйствіями пѣхоты и конницы. Причина тому заключается въ томъ, что кавалерія Аннибала и численностью и матеріаломъ своимъ почти всегда превосходила непріятельскую и была безконечно лучше предводима; а такъ какъ фалангообразное построеніе пѣхоты не способствовало наступательнымъ дѣйствіямъ, то пѣхота какъ бы сдерживаетъ противника, а бьетъ конница.

Цезарева кавалерія очень часто, особенно въ Африкѣ, имѣла противъ себя тѣхъ-же галловъ, германцевъ и нумидійцевъ, но въ значительно превосходномъ числѣ, потому и могла развить свои успѣхи только подъ руководствомъ Цезаря, который своими талантами превосходилъ всѣхъ противопоставленныхъ ему полководцевъ. Прерывчатый боевой порядокъ способствовалъ наступательнымъ дѣйствіямъ пѣхоты, и потому оба рода оружія получили возможность при взаимномъ содѣйствіи довести выгоды наступательнаго боя до возможнаго предѣла. Разумѣется, это обстоятельство особенно обнаруживалось въ войнахъ съ галлами, германцами, понтійцами и другими народами, дѣйствовавшими фалангами на основаніи греческой тактики. Въ междоусобной-же войнѣ съ противникомъ, имѣвшемъ войска подобныя Цезаревымъ и дѣйствовавшимъ въ прерывчатомъ боевомъ порядкѣ да еще въ превосходныхъ силахъ, Цезарь могъ брать перевѣсъ только своимъ геніемъ, пониманіемъ свойствъ обоихъ родовъ оружія, знаніемъ людей, преданностью и закаленностью войскъ.

Ко всему этому нужно прибавить, что особенную пользу Цезарь извлекалъ изъ кавалеріи послѣ удачнаго боя, когда надо было доканать противника. Преслѣдованіе разбитаго противника онъ велъ всегда съ крайнимъ напряженіемъ силъ, быстротою и рѣшительностью, а потому и результаты, пріобрѣтаемые побѣдами, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи были громадны. Особенною

энергією отличались преслѣдованія его послѣ побѣдъ: при Фарсалѣ, Зелѣ, Тапсѣ и Мундѣ. Но и при преслѣдованіи Цезарь никогда не оставляетъ кавалерію одну, а непремѣнно слѣдомъ за ней ведетъ пѣхоту.

Что касается до собственно римской конницы, составленной изъ класса всадниковъ и природныхъ римлянъ, то жалкое ея участіе при Фарсалѣ было чуть не послѣднимъ актомъ употребленія ея въ значительныхъ массахъ.

Г л а в а 10-я.

Охранительная и развѣдывательная служба римской кавалеріи. Употребленіе ея на театрѣ дѣйствій. Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря. Свѣдѣнія о пареянской конницѣ.

При остановкѣ на ночлеги и дневки римляне всегда располагались въ лагеряхъ, которые немедленно по приходѣ укрѣпляли. Внутри лагеря помѣщались, какъ римскіе, такъ и союзные легіоны съ ихъ кавалерією, причемъ мѣсто для кавалеріи отводилось въ самой серединѣ. Люди помѣщались въ палаткахъ, а для лошадей разбивались коновязи.

Непосредственное охраненіе лагеря возлагалось на пѣхоту. Охранительная служба на валу и впереди лагеря велась легкими войсками (велитами). Караулы внутри лагеря выставлялись манипулами, каждая для себя, а для ставокъ начальниковъ назначались посты отъ легіоновъ по очереди. Смѣна производилась черезъ три часа по сигналу трубы или волторны. Время опредѣлялось водяными часами.

Для повѣрки бдительности постовъ посылались рунды отъ кавалеріи. Декуріоны первыхъ турмъ каждаго легіона, а на другой день вторыхъ, и такъ далѣе, назначали для рундовъ по четыре всадника, которые, получивъ отъ дежурныхъ трибуновъ письменное приказаніе и опредѣливъ между собою очередь, собирались вечеромъ къ ставкѣ примипала. По сигналу о начатіи ночныхъ рундовъ одинъ изъ всадниковъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, объѣзжалъ всѣ посты въ назначенной для его легіона части лагеря, какъ внутри его, такъ и на валу и при воротахъ. Спустя нѣсколько времени объѣзжалъ посты второй всадникъ, потомъ третій и четвертый ¹⁾.

Кромѣ того „конница“ говоритъ Вегецій ²⁾, „держитъ ночью большіе посты, а днемъ высылаетъ отдѣльныя партіи (развѣзды): одни идутъ утромъ, другіе въ полдень, чтобы по возможности не изнурять людей и лошадей“.

¹⁾ Заимствовано у Зедделера. Исторія В. Искусства Томъ I, стр. 209.

²⁾ Vegetz. Buch III, Cap. I, § 3.

Цезарь прилагалъ особую заботливость о пріобрѣтеніи до открытія похода свѣденій о мѣстности и непріятелѣ. Средствами для пріобрѣтенія ихъ служили: отряженіе для того особыхъ чиновъ арміи, римлянъ и преимущественно галловъ, или часть конницы, или сношенія съ союзными галльскими племенами и съ приверженными римлянамъ партіями между ними, или, наконецъ усиленные рекогносцировки съ отрядами войскъ. Характеръ послѣдняго рода имѣютъ первыя предпріятія или экспедиціи Цезаря за Рейнъ противъ германцевъ и за море противъ бриттовъ ¹⁾.

Онозандеръ, говоритъ ²⁾, „что начальникъ долженъ выслать конницу для развѣдыванія дорогъ, въ особенности, если приходится проходить черезъ лѣсъ или мѣстность окруженную возвышенностями“.

Вегецій говоритъ ³⁾, „главнокомандующій, готовящійся къ выступленію, выбираетъ вѣрныхъ и доброконныхъ людей и высылаетъ ихъ для осмотра мѣстности, по которой приходится идти во избѣжаніе засадъ. Этимъ отрядомъ исполнять возложенныя на нихъ задачи лучше ночью“.

„Если развѣдываніе произведено, то конница открываетъ движеніе, за тѣмъ идетъ пѣхота, обозъ и т. д. Сзади всѣхъ идетъ аррьергардъ, составленный изъ лучшихъ частей конницы и пѣхоты потому, что аррьергардъ чаще подвергается атакамъ, нежели авангардъ“.

„Въ открытомъ полѣ выдвинутая впередъ конница можетъ принести большую пользу, на мѣстности-же гористой выгоднѣе держать впереди пѣхоту“.

Нужно быть знакомымъ съ образомъ веденія войны противника, т. е. знать время, когда онъ охотнѣе всего предпринимаетъ что нибудь: ночью-ли, на зарѣ, въ полдень, во время отдыха.

Необходимо знать, въ чемъ заключается главная сила противника, въ конницѣ или пѣхотѣ, конныхъ стрѣлкахъ или копейщикахъ, количествѣ ли силъ или въ превосходствѣ вооруженія.

Соображаясь съ этимъ, придется дѣйствовать, а потому необходимо имѣть хорошихъ развѣдчиковъ, привлекать перебѣжчиковъ, искушать непріятельскихъ солдатъ и узнавать отъ нихъ, что противникъ предпринимаетъ и даже что думаетъ.

Для этихъ цѣлей необходимо постоянно держать легкую кавалерію и легкую пѣхоту въ полѣ, въ постоянной готовности произвести нечаянное нападеніе на противника, во время его движенія, фуражировки, грабежа и т. п.“

¹⁾ Голицынъ, Томъ 4. стр. 139.

²⁾ Strateg. cap. VI.

³⁾ Lib. III, cap. II, § 1.

„Къ обязанностямъ конницы“ говоритъ Гуго ¹⁾, „относится также то, что называютъ добываніе языка“.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: Цезарь выслалъ нѣсколько турмъ въ разныя стороны схватить или добыть людей, отъ которыхъ бы можно было узнать намѣренія непріятеля. Конница выполнила возложенное на нее порученіе (de Bell. Gall).

Юлій Цезарь походныя свои движенія производилъ подъ прикрытіемъ авангарда изъ большей части конницы и легкой пѣхоты, поддерживаемыхъ антесигнанами, или и когортами безъ тяжестей: въ срединѣ шли главныя силы, въ хвостѣ задній отрядъ (аррьергардъ). Обязанностями авангарда были: вступать въ бой съ встрѣченнымъ непріателемъ и давать главнымъ силамъ время для сближенія и построенія къ бою, а главному начальнику для принятія нужныхъ мѣръ; а въ случаѣ преслѣдованія противника — неотступно слѣдить за нимъ и задерживать его, а также развѣдывать о мѣстности и непріятелѣ.

Развѣдываніе производилось особыми развѣдчиками (exploratores) или отдѣльными турмами, высылаемыми впередъ и въ стороны.

Наконецъ на обязанности авангарда лежалъ выборъ и приготовленіе лагернаго мѣста, для чего при авангардѣ были посылаемы центуріоны съ воинами, подъ начальствомъ трибуна или особаго лица по назначенію полководца.

Цезарь тогда только не посылалъ своей конницы въ авангардѣ, когда не надѣялся на нее. Если даже онъ имѣлъ мало конницы, то и тогда посылалъ впередъ хотя небольшую часть ея.

Кромѣ развѣдыванія, кавалерія на театрѣ военныхъ дѣйствій употреблялась у римлянъ: для разобщенія колоннъ непріятельскихъ войскъ, задержанія ихъ на пути, разоренія края, фуражировокъ, партизанскихъ дѣйствій и преслѣдованія.

„Къ обязанностямъ конницы“, говоритъ Юлій Цезарь ²⁾ „должно отнести задержаніе войскъ, идущихъ на помощь непріятелю“. Ливій ³⁾ пишетъ: „консулъ Сервилій приказалъ легату Дециму Бруту выступить съ однимъ легиономъ и конницею противъ подкрѣпленія, шедшаго къ непріятелю, задержать его, гдѣ бы оно ни встрѣтилось и, въ случаѣ нужды, вступить въ бой“.

„Аванпосты донесли“, говоритъ Цезарь, „что высланныя царемъ значительныя силы конницы и пѣхоты идутъ на Утику, одновременно съ этимъ замѣтили облако пыли и головную часть войска. Встревоженный этимъ Куріонъ высылаетъ конницу для задержанія перваго натиска, а самъ началъ свои легионы, до того занятые работою, устраивать въ боевой порядокъ.“

¹⁾ De militia equestri antiqua et nova.

²⁾ Caesar, lib I, Bel. Civil. Гуго.

³⁾ Liv. lib. X.

Конница, двинувшись впередъ, атакуетъ врасплохъ безпечно шедшаго и неготоваго къ бою противника, разбиваетъ и обращаетъ въ бѣгство раньше, чѣмъ легіоны кончили свое построеніе“.

Въ срединѣ лѣта 53 года до Р. Х. Цезарь открылъ походъ противъ Амбіорикса въ земляхъ эбурновъ (въ Галліи). Минуція Базила съ конницею онъ послалъ впередъ черезъ арденскій лѣсъ, чтобы, гдѣ и какъ можно было, внезапнымъ нападеніемъ одержать какіе нибудь успѣхи надъ непріателемъ, а самъ обѣщаль слѣдовать съ пѣхотою за конницей. При этомъ Цезарь обратилъ вниманіе Базила на то, чтобы онъ не позволялъ на привалахъ разводять огня и тѣмъ не привлечь на себя вниманія.

Минуцій Базиль выполнилъ данное ему приказаніе и прошелъ требуемое разстояніе такъ быстро, какъ никто не ожидалъ.

Захвативъ плѣнныхъ онъ справился на счетъ дороги, по которой надо было идти, чтобы настигнуть Амбіорикса, окруженнаго небольшимъ отрядомъ всадниковъ. „Въ узкой тѣснинѣ“, пишетъ Цезарь ¹⁾ „друзья и спутники Амбіорикса задержали наступленіе нашихъ всадниковъ, этою задержкою воспользовался Амбіориксъ: бросилъ всѣ военные припасы, лошадей и колесницы и самъ едва успѣлъ ускакать“.

Стараніе непріателя воспрепятствовать фуражировкамъ, говоритъ Вегецій ²⁾, яснѣ всего доказываетъ ихъ важность. Такъ хитрый Верцингеториксъ приказалъ галламъ препятствовать всѣми средствами подвозамъ и фуражировкамъ римлянъ ³⁾, говоря при этомъ, что мало пользы убивать римлянъ,—гораздо важнѣе присѣчь подвозъ припасовъ. Тогда война кончится сама собою.

Съ тѣхъ поръ, какъ римляне начали содержать значительную конницу при своихъ арміяхъ, стычки за производство фуражировокъ между кавалерійскими частями во всѣхъ войнахъ происходили поминутно. Мы уже упоминали о непрерывной дѣятельности для этой цѣли кавалеріи Аннибала. Во времена Юлія Цезаря, въ походахъ его въ Галліи, Германіи и особенно во время Африканской войны, стычки эти нерѣдко обращались въ серьезныя столкновенія, производились нападенія не только на фуражировъ и транспорты, но даже настоящіе партизанскіе набѣги, съ цѣлью захватить или уничтожить склады продовольствія.

Онозандеръ ⁴⁾ даетъ слѣдующія правила для производства фуражировокъ: „отправляя войска на фуражировку, полководецъ долженъ озаботиться, чтобы въ странѣ богатой и плодородной они не разсѣявались, отыскивая добычу, потому, что одиночные люди, возвращающіеся съ богатою добычею, легко могутъ подвер-

¹⁾ Caesar. lib VI, Bell. Gal.

²⁾ Hugo cap. III.

³⁾ Caesar. lib. VII.

⁴⁾ Strategicos, cap. X.

гнуться нападениемъ непріятеля. Поэтому полководецъ для прикрытія безоружныхъ фуражировъ всегда долженъ высылать вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ людей“.

Для прикрытія фуражировъ не только выставляли посты, но иногда часть арміи отправлялась въ прикрытіе. Такъ Ливій говоритъ ¹⁾, что „Аннибалъ выслалъ въ прикрытіе двѣ части всей арміи“.

Такую-же важность, какъ фуражировки, имѣло иногда и добываніе воды. Ливій говоритъ ²⁾, „тарентинская конница служила прикрытіемъ шедшихъ за водой“. У Цезаря ³⁾ мы читаемъ: „африканцы, оставивъ карауль въ лагерѣ, шли съ остальными войсками на водопой“.

Партизанскій набѣгъ Юлія Цезаря.

Въ отношеніи продовольствія своей арміи въ особенно затруднительномъ положеніи Юлій Цезарь находился во время Африканской войны. Бурное время года крайне затрудняло судоходство по Средиземному морю. На сухомъ пути край былъ истощенъ непріятельскою иррегулярною конницею, и потому Цезарь принужденъ былъ производить отдаленныя и большія фуражировки. Такъ, на примѣръ, укрѣпивъ Ленту и Руспину, первую изъ которыхъ онъ занялъ особымъ отрядомъ, а у второй расположилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ остальные войска, Цезарь предпринялъ фуражировку съ 30-ю когортами. Фуражировки подъ прикрытіемъ такихъ сильныхъ отрядовъ онъ принужденъ былъ производить очень часто, при чемъ противникъ устраивалъ засады или выходилъ съ большею частью войскъ. Наконецъ, когда средства мѣстности совершенно истощились, Цезарь рѣшился перейти къ Тапсу.

На пути къ этому городу ему удалось сдѣлать весьма смѣлый партизанскій набѣгъ. „Вслѣдъ затѣмъ“, пишетъ князь Голицынъ ⁴⁾, „Цезарь совершилъ другое, столь смѣлое и даже отважное и едва вѣроятное предпріятіе, которое можетъ быть объяснено и служить доказательствомъ только крайняго недостатка его въ продовольствіи. Съ большимъ отрядомъ пѣхоты и почти всею конницею онъ произвелъ въ одинъ день настоящій партизанскій набѣгъ, въ виду превосходной числомъ непріятельской арміи, находившейся въ походномъ движеніи. Произошло это по слѣдующему случаю:

Сципіонъ, главнокомандующій непріятельскими войсками, устроилъ въ городѣ Зета большой продовольственный складъ, для сбора запасовъ въ который и охраненія ихъ отрядилъ 2 легіона. Для Цезаря, при затруднительномъ положеніи его

¹⁾ Lib. VII.

²⁾ Lib. XXXV.

³⁾ Caesar. de Bel. civil. lib. I.

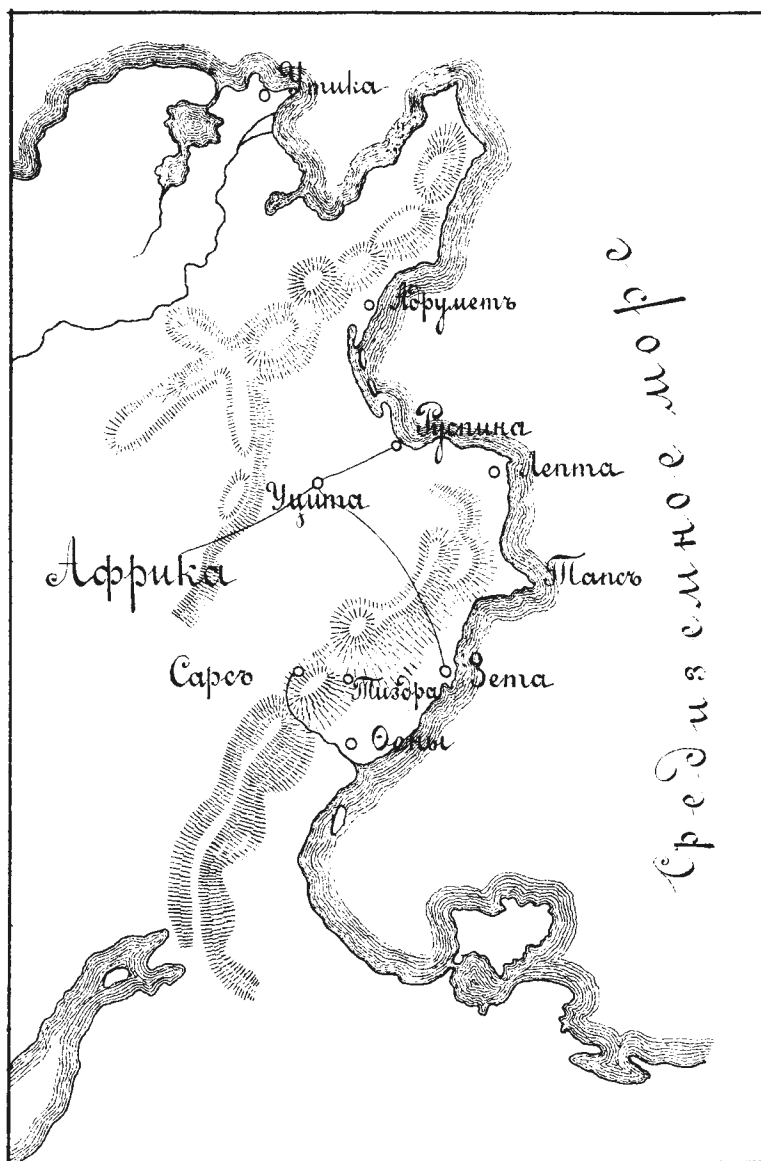
⁴⁾ Томъ 4, стр. 306.

арміи въ отношеніи продовольствія, складъ въ Зетѣ представлялся весьма заманчивымъ, и потому, какъ только узналъ онъ объ этомъ, тотчасъ рѣшился овладѣть городомъ Зетой и складомъ. Для этого ему необходимо было пройти сквозь все расположеніе непріятельской арміи; но это не устрашило и не остановило его. Для выполненія задуманнаго предпріятія прежде всего онъ перенесъ свой лагерь съ равнины на высоты и приказалъ привести въ такое сильное оборонительное положеніе, чтобы оставленныя въ немъ войска могли отражать всѣ нападенія непріятеля, пока онъ самъ будетъ дѣйствовать въ полѣ. Когда все было подготовлено, Цезарь рано утромъ выступилъ, какъ сказано, со всею конницею и большимъ отрядомъ пѣхоты, обошелъ кратчайшимъ путемъ непріятельскій лагерь и въ тылу его направился къ городу Зета и овладѣлъ и городомъ, и складами запасовъ. Легіоны, долженствовавшіе защищать Зету, были разбѣяны по окрестностямъ для сбора продовольствія и потому не могли оказать Цезарю никакого сопротивленія.

Недовольствуясь успѣхомъ предпріятія, Цезарь хотѣлъ напасть и на эти два легіона, но уже большая часть арміи Сципіона шла къ Зетѣ. Цезарь оставилъ въ городѣ гарнизонъ и, по приближеніи непріятеля, самъ съ захваченными запасами двинулся обратно и успѣлъ благополучно пройти чрезъ равнину, на которой находился городъ Зета. Но когда онъ дошелъ до гористой и пересѣченной мѣстности, то былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ Лабіеномъ, съ многочисленною нумидійскою конницею, легкою пѣхотою, стрѣлками и пращниками. Лабіенъ при этомъ принялъ способъ дѣйствій нумидійской конницы: какъ только легіонная пѣхота Цезаря, атакуемая со всѣхъ сторонъ и поражаемая градомъ стрѣлъ и камней, двигалась бѣглымъ шагомъ противъ атакующихъ, они немедленно и быстро обращались назадъ вразсыпную, но снова возвращались, коль скоро легіонеры продолжали свое движеніе. Такимъ образомъ въ гористой мѣстности обратное движеніе Цезаря продолжалось съ большимъ трудомъ и урономъ до самаго вечера въ строѣ большаго четырехугольника, внутри котораго находились всѣ взятые въ Зетѣ запасы. Въ такомъ порядкѣ Цезарь къ ночи успѣлъ наконецъ воротиться въ городъ и доставить арміи своей большое количество продовольствія.

Хотя Сципіонъ былъ извѣщенъ достаточно своевременно о движеніи Цезаря, былъ сильнѣе, могъ совершенно отрѣзать ему отступленіе и имѣлъ превосходный случай атаковать его съ большею частью своей арміи; но вмѣсто всего этого Сципіонъ, растерявшись, бросился на помощь къ легіонамъ, оставленнымъ у Зеты, а противъ Цезаря направилъ Лабіена съ легкими войсками. Но Лабіенъ подоспѣлъ тогда, когда Цезарь успѣлъ миновать равнину, представлявшую удобство для дѣйствія многочисленной нумидійской конницы Лабіена; въ гористой-же мѣстности пѣхота Цезаря, хотя съ урономъ, но сумѣла отразить легкія войска непріятеля и отстоять транспортъ.

Свѣденія о пароянской кавалеріи.

Изъ народовъ, съ которыми римлянамъ пришлось вести войны на востокъ, въ кавалерійскомъ отношеніи болѣе всѣхъ заслуживаютъ вниманія парояне.

О жизни этого скиѣскаго народа до насъ дошли весьма скудные памятники. Извѣстно, что народъ этотъ всегда оставался грубымъ кочевымъ народомъ. Пароянскіе орды не имѣли между собою почти никакой прочной связи и соединялись только въ минуту опасности. Цари ихъ были, какъ кажется, только главами большого союза феодальныхъ владѣтелей или предводителей отдѣльныхъ орды, изъ которыхъ каждый стремился къ царской власти. Почти вся внутренняя исторія Пароянскаго царства состоитъ изъ однихъ междоусобій. Эта раздѣльность была причиною, что парояне подпали сначала подъ власть персовъ, при Александрѣ Великомъ подъ власть македонянъ, по смерти его перешли къ сирійскимъ царямъ.

Въ 256 году до Р. Х., воспользовавшись паденіемъ Греко-Бактрійскаго царства и смутами въ Сирійскомъ, парояне образовали независимое царство, основателемъ котораго и родоначальникомъ царственной династіи Арзакидовъ былъ Арзакъ 1-й.

Въ слѣдующія затѣмъ 100 лѣтъ воинственные и честолюбивые Арзакиды распространили предѣлы пароянскаго царства отъ Ефрата до Инда. На Ефратѣ послѣ паденія Понтійскаго царства они вошли сначала въ соприкосновеніе, а потомъ въ столкновеніе съ римлянами и подобно тому, какъ германцы на сѣверѣ въ Европѣ, такъ они на востокѣ въ Азіи, около 300 лѣтъ (отъ 54 года передъ Р. Х. до 226 г. по Р. Х.) противопоставляли неодолимую преграду завоеваніямъ римлянъ, сильно тѣснили съ востока римскіе предѣлы и не разъ въ войнахъ съ римлянами наносили имъ жестокія пораженія.

Трогъ-Помпей и другіе описываютъ пароянъ народомъ коварнымъ, жестокимъ, хитрымъ, дерзкимъ. Страсть къ грабежу и тревожная дѣятельность заставляли орды ихъ простирать свои набѣги до самой Сиріи.

Главную силу пароянъ составляла превосходная ихъ конница. Конная служба составляла почетнѣйшее преимущество и отличіе высшаго, благороднаго и свободнаго сословія. Въ этомъ отношеніи парояне до того были сходны съ персами, что казалось, будто они составляютъ съ ними одну націю.

Парояне отличались особеннымъ умѣніемъ обучать лошадей и биться на конѣ. Говорятъ, что они обладали такою ловкостью и до того владѣли конемъ, что безъ всякаго затрудненія дѣлали любое на немъ движеніе, поворачивались на всемъ скаку, стрѣляли и мѣтко попадали стрѣлами въ преслѣдующаго противника ¹⁾.

¹⁾ Berenger. Die Geschichte des Reiters, стр. 26. Онъ ссылается на: Florus. 49; Tacitus. Ann. 6. 3. 5.; Plinius. 6. 27.; Justin 1. 41. Quint Curt. 4. 12. A. 5—7.

Вегецій говорить, что паряне приучали своих коней поднимать высоко ноги, такъ что они шли, будто бы переступая черезъ какіе нибудь предметы. Этимъ они достигали особенной гибкости и приготавливались къ перепрыгиванію. Движеніемъ своимъ лошади ихъ походили на испанскихъ или аsturійскихъ лошадей.

Для достиженія такого хода паряне прибѣгали къ слѣдующему способу: они выбирали совершенно ровное и твердое мѣсто въ 50 шаговъ длиною и 5 шириною. Тамъ ставили правильными линіями и на равномъ разстояніи ящики, наполненные известью, или чѣмъ нибудь другимъ; вводили въ этотъ своеобразный маленькій манежъ лошадь и заставляли ее ходить. Сначала лошади, не умѣя переступать черезъ наставленныя препятствія, были не ловки,—спотыкались, падали, но мало по малу выучивались высоко поднимать ноги и легко переходить всѣ преграды. Вслѣдствіе этого кони парянь были очень вѣрны и несли всадника легко и пріятно ¹⁾.

„Кромѣ того“, говоритъ Беренгеръ, „лошади ихъ были сильны, втянуты въ работу и могли долго переносить лишенія, голодь и жажду“ ²⁾.

Высшее сословіе составляло тяжеловооруженную конницу, одѣтую, по примѣру прежнихъ сосѣдей и властителей своихъ персовъ, съ ногъ до головы въ латы, сдѣланныя изъ пластинъ желѣза.

По свидѣтельству Саллюстія всѣ паряне имѣли подобные панцыри ³⁾.

Легкую, весьма многочисленную кавалерію составляли рабы. Кромѣ того, у парянь была и пѣхота, вѣроятно, формируемая также изъ рабовъ.

Вооруженіе парянь и образъ дѣйствій ихъ въ бою имѣли тотъ-же характеръ, какъ и у прочихъ скивовъ. Отдавая преимущество метательному оружію—лукамъ и дротику, паряне славились необыкновенно ловкимъ, искуснымъ владѣніемъ ими, въ особенности-же стрѣльбою изъ луковъ съ коней впередъ и назадъ на всемъ скаку. По этому они были столько же страшны въ бѣгствѣ, сколько и въ нападеніи и преслѣдованіи.

Кромѣ того, паряне употребляли арканы для накидыванія петли на противника. Тоже самое Геродотъ рассказываетъ про сагартовъ, кочующее племя Персіи. „Они выставляли до 8000 всадниковъ безъ всякаго предохранительнаго вооруженія. Для боя они надѣвали платье изъ ремней и имѣли при себѣ только арканъ и кинжалъ. Накинувъ петлю на противника, они быстро поворачивали лошадей скакали въ противоположную сторону и сбрасывали такимъ образомъ непріятеля съ коня.

¹⁾ Berenger, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 32.

³⁾ Baumgaertner, стр. 58.

О прочих скиѣскихъ племенахъ историки повѣствуютъ тоже самое. Павзаний ¹⁾—о сарматахъ, Діодоръ ²⁾ о тирійцахъ, Іосифъ ³⁾ о скиѣахъ и аланахъ.

При началіи войны парѣяне обыкновенно отступали, разоряли страну, защищая одни большіе города и старались заманить противника внутрь края, между тѣмъ, какъ отдѣльные ихъ отряды дѣйствовали на его фланги и тылъ; сраженіе начинали они всегда на открытыхъ равнинахъ.

Если непріятель дѣйствовалъ наступательно, парѣяне отступали, производя сильную стрѣльбу изъ луковъ и частыя нападенія съ фронта, фланговъ и тыла, отдѣльными толпами удалцовъ—наѣздниковъ, поддерживаемыхъ сильными резервами. Ослабивъ и утомивъ этимъ непріятели, они производили общее, дружное, рѣшительное нападеніе съ нѣсколькихъ сторонъ.

Если непріятель отступалъ, то быстро его преслѣдовали, стѣсняли со всѣхъ сторонъ, истребляли отдѣльные отряды, затрудняли продовольствіе и беспокоили днемъ и ночью.

Такимъ способомъ дѣйствій парѣянамъ удалось уничтожить при Каррахъ въ Мессопотаміи армію триумвира Юрасса; другой разъ принудить Антонія, вторгнувшася въ Мидію, къ весьма гибельному для него отступленію и впоследствии остановить завоеванія римлянъ въ Азіи.

„При такомъ образѣ дѣйствій и составѣ парѣянскихъ армій“, говоритъ Голицынъ, весьма естественно, что парѣяне сражались всегда на равнинахъ, боя-же на мѣстности пересѣченной, тщательно избѣгали, стараясь заманивать непріятели въ мѣстность ровную и открытую“.

Вообще постоянною чертою дѣйствій парѣянъ въ полѣ и въ бою было стремленіе подавлять непріятели численнымъ превосходствомъ силъ; а тамъ, гдѣ одной силы было недостаточно—прибѣгать къ пособію военныхъ хитростей.

Глава 11-я.

Кавалерія въ періодъ упадка римскаго военнаго искусства. Многочисленность ея въ составѣ армій. Паденіе Рима подъ ударами варваровъ. Аттила. Его кавалерія. Сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ.

Во время междоусобныхъ войнъ искатели власти въ Римѣ, желая имѣть въ своемъ распоряженіи больше силъ, не стѣснялись выборомъ людей для набора

¹⁾ Pausanius, lib. I.

²⁾ Diodorus, lib. XVII.

³⁾ Josephus, lib. VII.

легионовъ. Мы раньше уже упоминали, что составъ войскъ римскихъ началъ ухудшаться со временъ Маріа, допустившаго въ составъ легионовъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Сулла и особенно Цезарь своими талантами съумѣли перевоспитать и вселить воинскій духъ въ подчиненныя имъ войска. Но послѣ смерти Цезаря внутренніе беспорядки въ государствѣ сильно отозвались и на войскѣ. Уклоненіе высшихъ сословій, неразборчивость комплектованія, неаккуратность въ выдачѣ жалованія и разныя злоупотребленія подали поводъ къ ослабленію дисциплины, своеволю, распутству и даже мятежамъ.

Октавій Августъ, одолѣвъ своихъ соперниковъ и достигнувъ единодержавной власти, рѣшился переорганизовать римскія войска. Первымъ дѣломъ онъ удалилъ непокойныхъ ветерановъ, размѣстивъ ихъ по разнымъ колоніямъ, изгналъ изъ арміи отпущенниковъ и рабовъ и составилъ новое, постоянное войско изъ 25 легионовъ, въ которые принимались только римскіе граждане, и значительнаго количества вспомогательныхъ пѣшихъ и конныхъ дружинъ. Эти 25 легионовъ, состоявшіе въ непосредственномъ управленіи императора, были размѣщены въ пограничныхъ областяхъ. Внутренняя безопасность государства охранялась городскими когортами, состоявшими въ вѣденіи сената. Кромѣ того, Октавій сформировалъ отдѣльный корпусъ тѣлохранителей, подъ названіемъ преторіанцевъ, который состоялъ изъ десяти когортъ, по 1000 человекъ въ каждой.

Конница раздѣлялась на: 1) легионную, 2) вспомогательную, 3) наемную и 4) преторіанскую.

1) *Легионная* была возстановлена Августомъ, но только по названію, такъ какъ набиралась уже не изъ сословія всадниковъ, а обыкновеннымъ наборомъ, какъ и пѣхота. При этомъ въ кавалерію старались брать сельскихъ жителей предпочтительно передъ городскими. Легионная кавалерія, согласно дѣленію легиона, была распределена по когортамъ слѣдующимъ образомъ:

Каждый легионъ состоялъ изъ 10 когортъ. Первая когорта имѣла преимущество предъ остальными въ отношеніи численности и лучшаго состава людей. Сюда выбирались люди по возможности лучшаго происхожденія и лучшаго образованія. При первой когортѣ находился орелъ (знамя римскихъ войскъ) и портретъ императора, почитавшіеся священными. 1-я когорта, называвшаяся также когортою тысячи, состояла изъ 1105 человекъ пѣхоты и 132 всадниковъ. Всадники первой когорты назывались всадниками въ панцыряхъ (*clybanarii, cataphracti*), и, какъ сами, такъ и лошади ихъ, были съ ногъ до головы покрыты латами. Такимъ образомъ всадники первыхъ когортъ давали тяжеловооруженную кавалерію ¹⁾.

¹⁾ Голицынъ. Ч. 5, стр. 9. Vegetius, lib. II, cap. 1, § 6.

Исторія князиди М. Маркова.

Е. Черни.

ПАРӨЯНЕ.

Источники: Hottenroth и Прохоровъ.

Прочія когорты состояли изъ 550 человекъ пѣхоты и 66 всадниковъ и назывались когортами пятисотъ. 3-я и 5-я когорты, составлявшія центръ и фланги, были также лучшаго состава, а 5-я иногда равнялась по величинѣ съ первою.

Иногда кавалерія состояла только при первой когортѣ.

Сила легіона въ первомъ случаѣ простиралась до 6100 человекъ пѣхоты и 462 человекъ конницы, въ послѣднемъ кавалеріи было только 132 всадника.

2) *Вспомогательная (auxiliares) конница*, выставляемая подвластными народами, составляла отдѣльныя когорты, изъ которыхъ нѣкоторыя были силою въ 1000, другія въ 500 человекъ ¹⁾. Вспомогательная конница располагалась на флангахъ боеваго порядка и потому называлась также крыльями (alae). Крылья изъ пятисотъ всадниковъ дѣлились на 5 турмъ, а тысячныя на 10 турмъ.

3) *Наемную конницу* давали римлянамъ различные народы, склонные къ кавалерійской службѣ: испанцы, галлы, еракійцы, азіятскіе народы, африканцы или нумидійцы и германцы.

Конницы, выставляемыя упомянутыми народами, составляли бѣольшую и лучшую часть римской кавалеріи и, смотря по способу боя, имѣли разныя названія: одноконные (monipri), ходившіе въ бой съ однимъ конемъ; и двуконные (amphipri), имѣвшіе двухъ лошадей; соскакивающіе (desultores), ѣздившіе на лошади, но для боя спѣшивавшіеся.

4) *Преторіанская кавалерія*. „Конницу эту“ пишетъ Настъ, ²⁾ „надо отличать отъ легіонной. Она набиралась изъ сословія всадниковъ, удовлетворявшихъ цензу, и дѣлилась на 6-ть турмъ“. „Начальникъ каждой турмы“, по свидѣтельству Юлія Капитолина ³⁾, „назывался Sevir.“ Кроме того, Августъ выбралъ 200 всадниковъ изъ числа неудовлетворявшихъ требуемому цензу, которые назывались Discenarii ⁴⁾ и составляли особую турму императора“.

Впослѣдствіи императоръ Гальба, какъ свидѣтельствуесть Светоній ⁵⁾, выбралъ изъ сословія всадниковъ юношей, сохранилъ имъ перстень и назвалъ evocati. Служба ихъ заключалась въ содержаніи караула въ домѣ императора.

Эвокатами (equites evocati) также назывались люди, выслужившіе сроки и которымъ предложено остаться вновь на службѣ.

Августъ возстановилъ прежнюю строгость военнаго порядка, узаконилъ тщательный наборъ войскъ, установилъ твердо размѣръ и правильную выдачу жалованія и опредѣлилъ часть государственныхъ доходовъ въ свое непосредственное

¹⁾ Hyginus. Nast. Römische Crigsalterthümer. Стр. 97, § 108.

²⁾ Nast, стр. 96, § 107.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Hugo. Demilitia equestri, cap. IV.

⁵⁾ Тамъ же.

распоряженіе для содержанія арміи. Для занятія же войскъ въ свободное отъ службы время, равно какъ и для обороны огромной имперіи и облегченія внутреннихъ сообщеній, велѣлъ онъ употреблять ратниковъ на укрѣпленіе городовъ пограничныхъ линій, на устройство большихъ военныхъ дорогъ и т. п.

Военныя упражненія прогулки, походы, забытыя во время междоусобныхъ войнъ, были вновь введены Августомъ и поддерживались при Веспасіанѣ, Титѣ и Антонинахъ. Изъ новобранцевъ составляли особыя когорты или команды, въ которыхъ рекрутъ (tyrones) обучали 4 мѣсяца тому, „въ чемъ прежде постоянно упражнялись всѣ вообще граждане, какъ несовершеннолѣтніе, такъ и совершеннолѣтніе“ ¹⁾.

Благоразумныя постановленія Октавія Августа, хранившія тишину и порядокъ въ государствѣ и войскѣ въ продолженіе сорокалѣтняго царствованія его, были нарушены уже первыми его преемниками. Жестокость или слабость этихъ преемниковъ, возбудивъ ненависть народа и послуживъ поводомъ къ частнымъ заговорамъ, заставила ихъ снова прибѣгнуть къ войску, какъ къ вѣрнѣйшей опорѣ своего владычества; они снова стали увеличивать плату и преимущества ратниковъ и потворствовать ихъ порокамъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ такихъ мѣръ были упадокъ воинскаго порядка и возраставшее болѣе и болѣе своевольство воиновъ. Когда же Тиверій изъ недовѣрчивости къ жителямъ Рима устроилъ близъ него постоянный станъ для всего преторьянскаго корпуса, то дружины эти и начальники ихъ—префекты, почувствовавъ, сколь необходимы они для императора и сколь страшны для народа, присвоили себѣ противузаконную власть и вліяніе на государственныя дѣла; а, наконецъ, и право располагать по своему произволу престоломъ.

По прекращеніи династіи Цезаря въ особѣ Нерона, легіоны, расположенные въ областяхъ, послѣдовали примѣру преторьянцевъ и стали также провозглашать императорами любимыхъ вождей своихъ. Римская имперія снова сдѣлалась поприщемъ бунтовъ, междоусобій и всякаго рода ужасовъ.

Притомъ непрерывное увеличеніе войска, которое оказалось необходимымъ, какъ по усилившемуся тогда натиску варварскихъ народовъ, такъ и по частымъ внутреннимъ безпокойствамъ, равномѣрно и упадокъ воинскаго духа были причиною, что легіоны снова наполнились чернью; что срокъ службы былъ увеличенъ, и что, наконецъ, вовсе перестали увольнять ратниковъ въ отставку. Отъ этого узы, соединявшія народъ и войско, были порваны. Воины, презирая гражданъ, гнушаясь ими, презирали также всякое невоенное занятіе и проводили мирное время въ праздности и распутствѣ.

¹⁾ Голицынъ.

Не смотря однако же на такое состояніе войска и на непрерывныя внутреннія потрясенія, Римъ сохранилъ въ этомъ періодѣ внѣшнюю свою силу и торжествовалъ за весьма немногими исключеніями надъ многочисленными противниками. Это должно болѣе приписать талантамъ нѣкоторыхъ полководцевъ и императоровъ, превосходству военнаго искусства и тому страху, который издревле вселяемъ былъ римлянами сосѣдямъ, нежели мужеству, дисциплинѣ и порядку римскихъ войскъ.

Съ введеніемъ во время Діоклетіана и особенно Константина Великаго государственныхъ реформъ произошло измѣненіе и въ организаціи войскъ.

Кавалерія раздѣлялась на легіонную, вспомогательную, пограничную и гвардейскую, соотвѣтственно общему раздѣленію военно-сухопутныхъ войскъ.

Въ легіонѣ сначала количество кавалеріи было тоже самое, какъ упомянуто выше, т. е. 462 всадника; но мало по малу увеличиваясь, при Валентиніанѣ II, по словамъ Вегеція, дошло до 726 человѣкъ.

Вспомогательная конница состояла изъ конныхъ вѣксиль (vexillae), въ 200 человѣкъ каждая.

Пограничную конницу составляли конныя роты изъ 100 всадниковъ.

Конная гвардія дѣлилась на школы (scholae) или роты также 100 всадниковъ.

Легіонная и вспомогательная кавалерія подраздѣлялась, какъ вообще легіоны и войска вспомогательныя, на три разряда, въ зависимости отъ степени готовности, въ которой они должны были находиться на случай войны: 1) Палатинскія войска или императорскія составляли дѣйствующую армію, были всегда въ полной готовности, не имѣли постоянныхъ мѣстъ расположенія и получали болѣе противъ другихъ содержаніе; 2) Комитатскія или областныя были расположены постоянно въ областяхъ по домамъ и собирались только на короткое время для упражненій; 3) Подкомитатскія соотвѣтствовали запасному земскому ополченію и собирались въ случаѣ крайней опасности.

Раздѣленіе на палатинскія, комитатскія и подкомитатскія дало возможность Константину Великому уменьшить количество постоянныхъ войскъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сократить громадныя на нихъ расходы.

Что касается до отношенія кавалеріи къ пѣхотѣ, то количество первой въ составѣ арміи постепенно увеличивается. Мы уже замѣчали, что, не смотря на существовавшія положенія относительно числительности войскъ въ легіонахъ, эта числительность мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ; но приблизительно во времена республики кавалерія составляла $\frac{1}{10}$, хотя исключенія были иногда весьма рѣзки ¹⁾. При императорахъ сила легіона полагалась въ 6100 человѣкъ, изъ

¹⁾ При Каннахъ на 80 т. войскъ 7200 конницы $\frac{1}{11}$.
 — Иллингъ на 45 т. — 3000 кавалер. $\frac{1}{15}$.
 — Замъ на 42 т. — 6700 — $\frac{1}{6}$.
 — Фарсалгъ у Помпея на 47 т. — 7000 кав. почти $\frac{1}{7}$.

этого числа 426 чел. конницы. Но въ дѣйствительности сила легіона до такой цифры не достигала.

При Діоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ дѣйствительная сила легіоновъ простиралась только отъ 4 до 5 тысячъ человекъ разныхъ войскъ ¹⁾, а позже уменьшалась постепенно и доходила до 2500, 2 тыс. и даже 1 тыс. человекъ.

При Валентиніанѣ II, по свидѣтельству Вегеція ²⁾, при той-же численности легіона количество конницы было увеличено до 726 всадниковъ. Если къ этому принять въ расчетъ значительно большій процентъ конницы въ составѣ вспомогательныхъ войскъ, сравнительно съ легіонами, то легко повѣрить, что во времена Вегеція кавалерія составляла $\frac{1}{5}$ даже $\frac{1}{4}$ часть римскихъ армій.

„Во времена императоровъ“, говоритъ Голицынъ, ³⁾ „по вооруженію конница была тяжелая и легкая. Тяжелая (*clibanarii, cataphracti*) была вооружена по прежнему на подобіе греческихъ катафрактонъ, и, какъ всадники, такъ и самыя лошади были покрыты съ ногъ до головы латами. Легкая конница была вооружена преимущественно метательнымъ оружіемъ“. Это подтверждаютъ, хотя не вполне, Гуго, Эллианъ и Левъ императоръ. Эллианъ ⁴⁾ пишетъ, что „конница различалась по своему вооруженію: часть ея была совершенно покрыта панцыремъ, другая не вполне“. Подъ первую, по мнѣнію Гуго, Эллианъ подразумѣваетъ тѣхъ всадниковъ, которые не только сами, но и лошади которыхъ, покрыты были панцыремъ, какъ у персовъ и грековъ.

Левъ императоръ говоритъ ⁵⁾, что „у древнихъ конница была частью въ панцыряхъ, частью безъ него; первая имѣла: шлемъ, нагрудники, небедренники и т. д.“ Гуго ⁶⁾, дѣлая различіе между тяжелымъ и легкимъ снаряженіемъ конницы, говоритъ, что „у римлянъ были тяжело и легковооруженные всадники, но вооруженіе на коней не распространялось“.

Легкая кавалерія, какъ замѣчено, была вооружена преимущественно метательнымъ оружіемъ, но предохраняла себя иногда легкими панцырями. „Легкое вооруженіе“, пишетъ Гуго, ⁷⁾ „дѣлалось изъ льна, дерева, губки, веревокъ, шерсти, кожи, страусовыхъ кожъ, легкой бронзы, тонкаго желѣза, покрытаго листовымъ золотомъ“.

Мы знаемъ, что всадники первыхъ когортъ составляли тяжеловооруженную кавалерію и назывались всадники въ панцыряхъ. Поэтому легкое предохра-

¹⁾ Голицынъ. Часть 5, стр. 177 и 178.

²⁾ Vegetius, lib. II, cap. VI.

³⁾ Часть 5, стр. 9.

⁴⁾ De instruendis aciebus. Ссылка Гуго.

⁵⁾ Leo Imperator. Tact., cap. VI § XXX.

⁶⁾ De militia equestri. Глава IV.

⁷⁾ Тамъ-же.

тельное вооруженіе надо отнести къ всадникамъ, состоявшимъ въ прочихъ категорияхъ и къ конницѣ вспомогательной. Что же касается до наемной кавалеріи, то каждая нація, дававшая такую конницу римлянамъ, имѣла свое вооруженіе, которое описано уже или будетъ описано при изложеніи повѣствованія о кавалеріи этихъ народовъ.

Вегедій пишетъ, что „конница въ составѣ римскихъ армій отличалась въ его время (въ концѣ IV вѣка) хорошимъ вооруженіемъ и обученіемъ всадниковъ, и добротою коней“. „Но въ этомъ“, говоритъ Голицынъ, „можно сомнѣваться“. Очень можетъ быть, что Вегедій относитъ это не къ самимъ римлянамъ, а къ наемнымъ кавалеріямъ германцевъ и другихъ народовъ, входившимъ въ составъ римскихъ армій.

Вооруженіе римскихъ войскъ по многимъ свѣденіямъ въ послѣднія времена существованія имперіи постепенно облегчается: латы дѣлаютъ весьма тонкими, шлемы замѣняютъ легкими греческими шишаками; а со времени Граціана римскіе ратники совершенно перестаютъ носить латы, а, вмѣсто шлемовъ, головы покрываютъ паннонскими мѣховыми шапками ¹⁾.

Нападательное оружіе оставалось у тяжеловооруженной кавалеріи тоже самое, что было и во время республики, но мечи нѣсколько облегчены, а копья сдѣланы длиннѣе.

Жалованіе конница получала значительно больше пѣхоты. Чтобы снискивать расположеніе войскъ, императоры, начиная съ самого Августа, весьма часто увеличивали оклады жалованья и, сверхъ того, еще безпрестанно дѣлали особые, болѣе или менѣе щедрые денежные дары. Августъ увеличилъ жалованье войску вообще противъ окладовъ Цезаря, а преторьянцамъ назначилъ двойное жалованье. При Тиверіи и Домиціанѣ жалованье было снова увеличено, и войска получали уже: при Тиверіи пѣшій воинъ—10 римскихъ ассовъ (6 коп. въ сутки или 1 золотой, 1 р. 80 коп.) въ мѣсяць, центуріонъ—вдвое, а конница и преторіанцы втрое; при Домиціанѣ же всѣ вообще вчетверо болѣе, т. е. пѣшій воинъ—4 золотыхъ, центуріонъ 8, а конница и преторіанцы 12 золотыхъ (21 р. 60 к.) въ мѣсяць. Но и послѣ Домиціана жалованье продолжало увеличиваться и въ концѣ III вѣка достигло наибольшихъ окладовъ. Первоначально изъ жалованья производились, какъ прежде, большіе вычеты за казенную одежду, оружіе, продовольствіе, ставки и пр. Но впослѣдствіи жалованье выдавалось безъ всякихъ вычетовъ.

Діоклетіанъ и Константинъ В. нѣсколько уменьшили жалованье и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничили и роскошь въ войскѣ. Но послѣ нихъ и то, и другое снова стали все болѣе и болѣе увеличиваться, и въ послѣднія времена, въ V вѣкѣ, достигли

¹⁾ Голицынъ. ч. 5, стр. 177. Зеделеръ. ч. 1, стр. 190. Пузыревскій Исторія В. Искусства въ средніе вѣка. Ч. I, стр. 5.

уже такой степени, что напримѣръ, высшіе военачальники содержали на войнѣ до 200 человекъ прислуги и до 150 лошадей каждый ¹⁾.

Во времена первыхъ императоровъ римлянамъ приходилось воевать съ германскими народами, которые дѣйствовали огромными и сомкнутыми массами и обыкновенно рѣшали битвы силою перваго натиска; и съ пареями, которыхъ войско состояло преимущественно изъ конницы. Это заставило римскихъ полководцевъ усилить переднюю линію строя, уменьшить интервалы между частями и увеличить количество кавалеріи.

Вслѣдствіе этого третья линія была уничтожена, и легіоны стали строиться только въ двѣ линіи. Но, чтобы имѣть для опасныхъ случаевъ отборныя и надежныя части, первую когорту каждаго легіона составляли изъ воиновъ испытаннаго мужества и дѣлали ее вдвое сильнѣе, какъ уже объ этомъ было говорено.

При дурномъ составѣ тогдашнихъ римскихъ армій и усилившихся дѣйствіяхъ противъ народовъ сѣверныхъ и восточныхъ, вскорѣ и этотъ строй уже былъ признанъ не довольно сомкнутымъ и твердымъ, и вслѣдствіе этого Траянъ первый ввелъ уже строй легіона по когортамъ въ одну линію. Надо замѣтить, что во времена императоровъ особенно большое примѣненіе въ полевыхъ сраженіяхъ получили метательныя машины. Въ боевомъ порядкѣ машины, дѣйствовавшія навѣсно, становились за пѣхотою, а дѣйствовавшія горизонтально на флангахъ легіона и въ интервалахъ.

Легіонная конница, по Вегецію ²⁾, строилась на флангахъ легіона, по Арриану же конные стрѣлки становились позади пѣхоты для навѣсной стрѣльбы, а изъ легіонной конницы 4 турмы на флангахъ или за флангами пѣхоты, а три въ одной линіи за пѣхотою.

О соединеніи турмъ конницы крыльевъ говоритъ только одинъ Эллианъ ³⁾. По его описанію каждая турма состояла изъ 64 всадниковъ; двѣ турмы составляли эпилархію, въ 128 коней; двѣ эпилархіи—тарентину, въ 256 коней; двѣ тарентины—магистерію, въ 512 коней; двѣ магистеріи—эипархію, въ 1024 коня; двѣ эипархіи—телось, въ 2048 коней; два телоса—эпитагму, которая и составляла наибольшую тактическую единицу конницы, въ 4096 всадниковъ.

Такое подраздѣленіе существовало въ македонской конницѣ, но только вмѣсто турмы былъ илосъ, а вмѣсто магистеріи—гиппархіа. Мы знаемъ, что турма римская состояла во времена Полибія изъ 32—33 всадниковъ, Вегецій считаетъ 32—34, Гигинъ ⁴⁾ въ турмѣ вспомогательной конницы—считаетъ 50 всадниковъ. Изъ этого

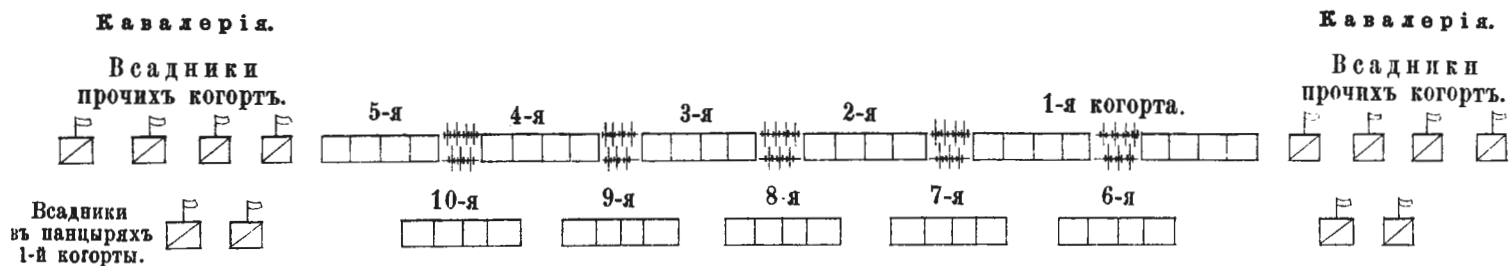
¹⁾ Заимствовано у Голицына. ч. 5, стр. 17 и 182.

²⁾ Голицынъ. Ч. 5, стр. 13.

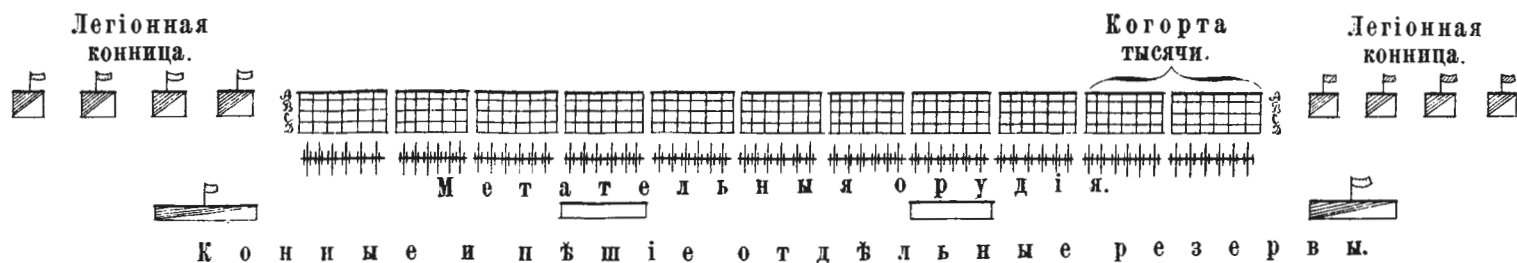
³⁾ De instruendis aciebus. Ссылка Гуго, сар. V.

⁴⁾ Nast., стр. 97, § 108.

СТРОЙ ЛЕГИОНА ПО КОГОРТАМЪ ВЪ 2 ЛИНИИ.

СТРОЙ ЛЕГИОНА ПО КОГОРТАМЪ ВЪ ВИДЪ ФАЛАНГИ.

АА. — 1-й классъ линейной пѣхоты.

ВВ. — 2-й классъ линейной пѣхоты.

СС. — 1-й классъ легкой пѣхоты.

ДД. — 2-й классъ легкой пѣхоты.

видно, что подразделение Эллиана не сходится по исчислению турмы ни с одним из приведенных писателей. Быть может Эллианъ говорить о легионной коннице и называет конницу одной из когортъ турмою; но и тутъ есть разногласіе, такъ какъ въ когортахъ, кромѣ первой, было не 64, а 66 всадниковъ. Если же описаніе Эллиана отнести къ позднѣйшему времени, когда, какъ турмы, такъ и прочія тактическія единицы, были удвоены, даже утроены ¹⁾, то выйдетъ разногласіе съ княземъ Голицынымъ, который полагаетъ, что Эллианъ жилъ въ первой половинѣ II-го вѣка по Р. Х. ²⁾.

Остается предполагать, что Эллианъ въ своей тактикѣ приводитъ построения македонской кавалеріи съ переменною названій нѣкоторыхъ тактическихъ единицъ. Очень можетъ быть, что эти подразделения никогда не были приняты въ римской кавалеріи.

Въ III вѣкѣ, во времена Каракаллы и Александра Севера, боевой строй легиона былъ преобразованъ въ строй македонской фаланги. Явились отряды аргираспидовъ, халхаспидовъ и друг. Впрочемъ послѣ Александра Севера это было опять отмѣнено. Если бы не предположеніе Голицына, что Эллианъ жилъ во второмъ вѣкѣ, то приведенныя выше подразделения конницы можно было бы отнести къ описываемому времени, когда между римлянами распространилась склонность къ наукамъ, искусству и военному дѣлу грековъ. Эллианъ какъ разъ, какъ мы замѣтили, приводимымъ имъ подразделеніямъ даетъ названія „греческія“.

Въ IV и V вѣкахъ опять римляне принимаютъ строй въ видѣ фаланги, легионы становятся почти безъ промежутковъ, но въ 6-ть шеренгъ, какъ видно изъ послѣдняго чертежа. Какъ самый строй въ видѣ фаланги, такъ и масса метательныхъ машинъ, малодушіе, изнѣженность и слабость римскихъ воиновъ отнимаютъ у боеваго порядка подвижность.

Дѣйствія пѣхоты утрачиваютъ наступательный характеръ, и она, при помощи массы легкихъ войскъ и метательныхъ машинъ, старается останавливать наступательныя дѣйствія противника массою стрѣлъ, камней и другихъ метательныхъ снарядовъ. Ясно, что при такомъ оборонительномъ способѣ боя активная роль стала принадлежать исключительно конницѣ.

Со временъ императора Каракаллы, давшаго право гражданства всѣмъ союзникамъ, различіе между континентами, поступавшими въ разные роды конницы, уничтожились; боевой порядокъ въ видѣ фаланги выдѣлилъ всю конницу на фланги армій, причемъ тяжеловооруженная кавалерія строилась непосредственно около фланговъ пѣхоты, а легкая на наружныхъ флангахъ тяжеловооруженной. Первая

¹⁾ Аммианъ (lib 18) говоритъ о двухъ турмахъ, въ которыхъ вмѣстѣ было 700 коней, следовательно сила турмы увеличилась до 350 всадниковъ.

²⁾ Томъ 5, стр. 526.

имѣла назначеніемъ прикрывать фланги своей пѣхоты, а вторая охватывать фланги непріятели.

Такъ какъ дѣйствія кавалеріи пріобрѣтали первенствующую роль, то ее стараются всѣми мѣрами увеличить въ составѣ армій. „При одномъ легіонѣ“, говоритъ Вегецій ¹⁾, „вмѣстѣ съ союзниками было 2000 коней“. Но римляне не имѣли уже въ средѣ своей матеріала для хорошей кавалеріи—пришлось набирать ее въ чужихъ народахъ наймомъ.

Старая связь между пѣхотою и всадниками уничтожилась, уничтожились и различныя подраздѣленія кавалеріи, и „на конницу“, говоритъ Настъ ²⁾, „начали смотрѣть, какъ на часть самостоятельную“.

Преобразованія Діоклетіана и Константина Великаго, имѣя, съ одной стороны, важное значеніе для порядка въ государствѣ, не могли, съ другой стороны, искоренить зло, глубоко проникшее въ тогдашнее общество и, особенно, въ войска, выражавшееся совершеннымъ упадкомъ воинскаго духа, нравственности и привычкою къ безнаказанному своеволю. До сихъ поръ военное званіе считалось почетнымъ и прибыльнымъ въ государствѣ по тѣмъ обширнымъ правамъ и преимуществамъ, которыми обладало войско, по тому богатому содержанію, которое получало, и по своеволю, которое почти всегда проходило безнаказанно. Теперь оно лишилось этихъ преимуществъ, подчинено строгому воинскому порядку и обязано нести тяжелую службу, а потому никто не хочетъ въ немъ болѣе служить, всѣ стали предпочитать болѣе легкую, прибыльную и видную службу гражданскую, и особенно придворную. Оттого при современномъ упадкѣ физическихъ и нравственныхъ силъ народа и при необыкновенныхъ злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ императорскихъ вербовщиковъ, въ войска были набираемы, по словамъ Вегеція, такіе негодные люди, которыхъ граждане не захотѣли бы имѣть и рабами ³⁾. Для предупрежденія же и пресѣченія безпрестанныхъ и безчисленныхъ побѣговъ новобранцевъ клеймили, какъ преступниковъ, и усиливали наказанія. Но, какъ эти средства далеко были недостаточны для содержанія войска въ надлежащемъ составѣ, и при томъ народонаселеніе въ государствѣ все болѣе и болѣе уменьшалось, то императоры и были принуждены умножать число варваровъ въ войскѣ.

Въ 334 году сарматы подъ-угорскіе вытѣснили сарматовъ дунайскихъ частью въ нынѣшнюю Богемію, частью въ римскіе предѣлы, гдѣ они и вступили въ числѣ 300 тысячъ человѣкъ въ римскую службу.

Со временъ Граціана и Θεодосія Великаго (367—395) варвары начали уже

¹⁾ Lib. III, cap. I, § I.

²⁾ Römische Kriegsalterthümer, стр. 97, § 108.

³⁾ Заимствовано у Голицына.

составлять большую и главную силу войска и занимать въ немъ мѣста военачальниковъ и полководцевъ.

Вступая въ римское войско, они вносили въ него свои военныя учрежденія и устройство, и такимъ образомъ военное устройство римской имперіи стало принимать характеръ римско-германскій. Такъ въ 382 году вестготы и остготы, находившіеся въ предѣлахъ имперіи и приведенные Θεодосіемъ Великимъ къ покорности и мирному поселенію въ назначенныхъ имъ областяхъ, получили отъ него земли, съ обязанностью имѣть всегда въ готовности для императора 40 тысячъ войскъ.

Они считались въ службѣ государства, признавали императора верховнымъ своимъ военнымъ королемъ, но имѣли собственныхъ своихъ вождей, и такимъ образомъ составили первое, въ предѣлахъ римскаго государства, германское военное государство.

Въ 394 году, въ войнѣ Θεодосія Великаго съ Арбогастомъ, магистромъ войска въ западной имперіи, у перваго въ арміи были почти одни готы, а у послѣдняго почти одни франки и аллеманы. Но эти же самыя готы по смерти Θεодосія, пользуясь слабостью преемниковъ его, подъ начальствомъ Алариха произвели вторженіе сначала въ Грецію, потомъ въ Римъ, разграбили его и опустошили большую часть Италіи. Подарки и назначеніе земель для ихъ населенія понудили только готовъ двинуться черезъ Галлію въ Испанію.

Слабые преемники Θεодосія не могли остановить напора варваровъ на провинцію римской имперіи. Въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка на всемъ пространствѣ отъ устьевъ Дуная до крайней оконечности Испаніи западную римскую имперію частью обложила, частью пресѣкла цѣлая цѣпь германскихъ и славянскихъ народовъ, совершенно отрѣзавъ ей сообщеніе съ римскими провинціями къ сѣверу отъ этой линіи. Испанію заняли вандалы и свевы, Лузитанію, нынѣшнюю Португалію, аланы, Аквитанію вестготы; на сѣверо-западныхъ берегахъ Галліи бритты и арморики объявили себя независимыми; а Британія была въ 426 году добровольно очищена римлянами.

Южную Галлію заняли бургунды и франки. Гунны, вышедшіе во второй половинѣ IV вѣка изъ Азіи, оттѣснили готовъ къ западу и, распространившись до рѣки Тиссы, соединились въ 444 году подъ владычествомъ Аттилы и заставили восточную римскую имперію платить себѣ дань.

По смерти Θεодосія, при слабыхъ его преемникахъ, государственная власть переходила въ обѣихъ имперіяхъ изъ рукъ въ руки между государственными правителями и главными начальниками войскъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ Аэція, были изъ варваровъ—германцевъ, вандаловъ, готовъ и другихъ. Политика ихъ, продолжавшаяся до самаго паденія западной римской имперіи и бывшая одною изъ главныхъ причинъ его, заключалась въ томъ, что означенныя выше лица,

имѣя въ своей власти вооруженную силу, составленную преимущественно и подъ конецъ почти исключительно изъ варваровъ, предпочитали не самимъ быть императорами; но неограниченно править въ той или другой имперіи, подъ именемъ безсильныхъ и ничего незначившихъ императоровъ.

Преслѣдуя собственныя цѣли, они не стѣснялись призывать варваровъ не только на помощь себѣ, но иногда просто для отвлеченія вниманія правительства или соперниковъ. Такъ Стиликонъ, утвердивъ свою власть на западѣ при помощи германскихъ народовъ, хотѣлъ двинуться на Константинополь, гдѣ власть захватилъ въ свои руки Руфинъ; а Руфинъ, для упроченія своего вліянія въ Византіи, призналъ лучшимъ средствомъ возбудить большую войну, и побудилъ задунайскихъ гунновъ произвести нашествіе черезъ Кавказскій перешеекъ на азіатскія провинціи.

Впослѣдствіи также Бонифаций, соперничая съ Аэціемъ, призвалъ на помощь себѣ изъ Испаніи вандаловъ, которые, воспользовавшись этимъ, перешли въ Африку, овладѣли этою провинціею и основали здѣсь Вандальское Королевство.

Развращенное, изнѣженное римское общество раболѣпно должно было переносить и происки правителей, и вторженія варваровъ, которые, почувствовавъ свою силу въ разваливавшейся дряхлой имперіи, стали хозяйничать въ ней совершенно самостоятельно. Таланты нѣкоторыхъ полководцевъ, какъ Стиликона и Аэція, также не могли остановить роковаго теченія событій. Они громили враговъ имперіи, но преслѣдовали и собственные интересы, и варвары, сдерживаемые только именемъ и талантами этихъ людей, по смерти послѣднихъ съ новою силою нападали, врывались и внутри государства римскаго основывали свои королевства.

Изъ всѣхъ народовъ, съ которыми въ послѣднее время существованія западной римской имперіи приходилось сталкиваться, въ отношеніи кавалеріи наиболѣе всѣхъ обращаютъ на себя вниманія гунны, скиѣы и сарматы, вошедшіе въ составъ Гуннскаго царства подъ властью Аттилы.

Гунны, кочевой народъ, нахлынувшій во второй половинѣ IV вѣка изъ степей средней Азіи въ Европу, водворился на пространствѣ между Волгой и Дунаемъ, и въ 445 году подъ рукою Аттилы образовалъ обширное царство, грозное для Рима и всѣхъ тогдашнихъ народовъ Европы.

„Современные историки“, говоритъ князь Голицынъ ¹⁾, „описываютъ ихъ самыми мрачными красками: безобразный, отвратительный, звѣрскій видъ ихъ наводилъ ужасъ не только на грековъ и римлянъ, но даже и на европейскихъ варваровъ; необыкновенная дикость, грубость и свирѣпость ихъ нравовъ увеличивали еще ужасъ, наводимый ихъ наружностью. Они вели жизнь кочевую, и общественное устройство ихъ было вполне военное. Они раздѣлялись на множество отдѣльныхъ поколѣній или орды, подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ или правителей. Орды эти

¹⁾ Часть 5, стр. 209.

были одна отъ другой независимы, но соединялись въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ для большихъ нашествій, подобныхъ произведеннымъ ими на Китай и народы верхней Азіи и южной Европы. На войну гунны шли раздѣленные по ордамъ, поколѣніямъ и семьямъ, предводимымъ своими правителями, родоначальниками или старѣйшинами, въ сопровожденіи женъ, дѣтей и стадъ своихъ. Изъ нихъ послѣдніа, и между ними особенно лошади, составляли все ихъ богатство и главное средство для веденія войны и продовольствованія въ ней; питаясь мясомъ и молокомъ своихъ стадъ, гунны сражались всегда на коняхъ, малорослыхъ и некрасивыхъ, но крѣпкихъ, сносныхъ и чрезвычайно быстрыхъ на бѣгу, были отличными всадниками и наѣзниками и составляли превосходную легкую конницу“. Марцеллинъ ¹⁾ говоритъ, что „гунны мало способны къ пѣшему бою; но сидятъ на своихъ уродливыхъ, приученныхъ ко всевозможнымъ трудамъ и лишеніямъ коняхъ, какъ прикованные. Сидя на конѣ, они покупаютъ и продаютъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ, наклонясь на „узкіе затылки коней“. Одеждою ихъ были звѣриныя шкуры или грубыя ткани, а вооруженіемъ—копья, мечи, большіе луки и большія стрѣлы. Послѣдними они столько же искусно дѣйствовали съ коней, на всемъ скаку, взадъ и впередъ, сколько твердо и ловко ѣздили на коняхъ и управляли ими. Страшные и этимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ и наѣзничествѣ, и умѣренностью въ пищѣ, и способностью переносить все непогоды, труды и лишенія, и невѣроятною быстротою своихъ движеній, гунны, которыхъ не въ состояніи были удерживать ни высочайшія горы, ни глубочайшія рѣки, были столько же страшны и въ бояхъ. Подобно всемъ восточнымъ и другимъ народамъ, сражавшимся на коняхъ, они, при встрѣчѣ съ непріателемъ, немедленно производили на него стремительное и яростное нападеніе со всехъ сторонъ, стараясь сломить его однимъ ударомъ и подавить численнымъ превосходствомъ силъ. Если же это не удавалось съ перваго раза, то они разѣявались и, снова обращаясь назадъ, тревожили, утомляли, ослабляли непріателя частыми нападеніями и наконецъ довершали его пораженіе послѣднимъ, дружнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Сражались они всегда на равнинахъ, имѣя въ тылу за собою свои станы, огражденные многочисленными повозками, составлявшими ихъ обозы“.

Въ послѣдующія времена, гунны, обогатившись несмѣтными сокровищами, добытыми войною, стали одѣваться и вооружаться гораздо богаче; военачальники и знатнѣйшіе изъ нихъ даже съ роскошью, особенно богато украшая своихъ коней.

Народъ, извѣстный въ древности у грековъ и римлянъ подъ именемъ скиѳовъ, занималъ нынѣшнія: Таврическую и Херсонскую губерніи, Бессарабію, часть губерніи Екатеринославской, Подольской и Кіевской, почти всю Молдавію, Буковину и Коломыйскій округъ въ западной Галиціи.

¹⁾ Marcellinus, lib. XXXI.

Сарматы кочевали къ востоку отъ Днѣпра и по обоимъ берегамъ Дона.

Оба эти народа родственные, говорившіе сходными языками и имѣвшіе почти одинаковые обычаи. Какъ скиѳовъ греческіе и римскіе писатели, такъ Амміанъ Марцеллинъ сарматовъ, описываютъ людьми великорослыми, красивыми, крѣпкими, съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, которые, по свидѣтельству Амміана, метали грозный взоръ. Сомнѣнія быть не можетъ, что скиѳовъ и сарматовъ греки и римляне зачастую смѣшивали между собою.

Какъ обитатели обширныхъ степей, скиѳы славились скотоводствомъ и коневодствомъ, были отличными всадниками: и войну вели, и сражались на коняхъ. Плиній говоритъ ¹⁾, что „скиѳы для ѣзды отдавали преимущество кобыламъ и считали ихъ сносливѣе“; а Страбонъ пишетъ, что „они холостили жеребцовъ, чтобы ихъ сдѣлать послушными“. Особенно славилось своимъ коневодствомъ племя, жившее между нынѣшнимъ Бугомъ и Днѣстромъ. Греки называли ихъ красноконными (callipidai) ²⁾.

Оружіемъ скиѳовъ были сѣкиры, мечи, кинжалы и луки съ выдававшимися впередъ концами, чѣмъ они и отличались отъ луковъ другихъ народовъ. Скиѳы были отличные стрѣлки изъ лука съ коня, на всемъ скаку и во все стороны. Убитымъ непріятелямъ скиѳы отрубали головы и сдирали съ послѣднихъ кожу съ волосами; кто послѣ боя не представлялъ непріятельскаго черепа, тотъ лишался участія въ добычѣ.

Одежда ихъ отличалась отъ одежды другихъ народовъ тѣмъ, что состояла изъ туники или кафтана съ рукавами, саги или малаго плаща (бурки) и широкаго исподняго платья изъ домашняго холста или изъ греческихъ тканей. Скиѳы брили голову, оставляя на верху чубъ, какъ у малороссовъ.

Сарматы, подобно тому какъ и скиѳы, подраздѣлялись на нѣсколько племенъ. Наиболѣе извѣстныя изъ нихъ аланы, роксоланы и особенно язиги. Все они имѣли большое коневодство, были неутомимые и искусные наѣзтники. На войнѣ, какъ и скиѳы, дѣйствовали набѣгами, производили неимовѣрно-быстрые и дальніе походы, и сражались луками и стрѣлами, намазанными ядомъ, длинными копьями, мечами и кинжалами. Щитовъ сарматы не употребляли, а латы и шлемы дѣлали изъ звѣриныхъ шкуръ или изъ роговъ и лошадиныхъ копытъ, искусно сложенныхъ на подобіе чешуи, а также изъ желѣзныхъ пластинъ ³⁾. Подобно парѣянамъ сарматы употребляли въ бою арканъ. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали къ верховой ѣздѣ и военному дѣлу, даже женщины ихъ сражались въ бою на коняхъ. Беренджеръ

¹⁾ Vegeer, стр. 32.

²⁾ Голицынъ, ч. 5., стр. 196.

³⁾ Баумгертнеръ (стр. 58), ссылаясь на Саллюстія, говоритъ, что парѣяне дѣлали панцири изъ кусковъ листового желѣза, а сарматы подражали имъ.

Исторія конници М. Маркова.

Г У Н Н Ъ.

Займствовано изъ Welt in Waffen. Berneck.

говорить ¹⁾, что „сарматы были превосходными наѣздниками и имѣли большое коневодство“. Во время войны они носили особое вооруженіе, которое покрывало и всадника и коня. „Достойно удивленія“, замѣчаетъ Тацитъ ²⁾, „что вся сила сарматовъ лежитъ какъ бы внѣ ихъ; въ пѣшемъ бою они трусливы и безсильны; но едва ли есть боевой порядокъ, который устоитъ противъ атаки ихъ конницы“.

Одежда сарматовъ состояла изъ широкаго исподняго платья (шароварь) ниже колѣнъ и длиннаго плаща безъ рукавовъ, застегнутаго на плечѣ и носимаго на голомъ тѣлѣ; зимою же они носили кафтаны съ рукавами изъ звѣриныхъ шкуръ и капюшоны, покрывавшіе голову и лицо.

Звѣриная охота или война были постоянными ихъ занятіями, а жили они данью сосѣднихъ народовъ, грабежемъ и дарами римскихъ императоровъ. Вольныя дружины бродниковъ нанимались на службу къ европейскимъ и азіатскимъ народамъ, а въ качествѣ союзниковъ дѣйствовали въ передовыхъ войскахъ римскихъ, въ Европѣ и Азіи, и персидскихъ (впослѣдствіи же греческихъ и даже аравійскихъ и монголо-татарскихъ). Безъ нихъ не начинался бой и не рѣшалась побѣда, почему Аммианъ Марцелинъ справедливо писалъ въ IV вѣкѣ: „аланами усѣяно все пространство отъ Балтійскаго моря до азійскихъ путей и до Ганга“ ³⁾.

Послѣ Марка Аврелія римскіе императоры часто были принуждены воевать съ сарматами. При Аврелианѣ они вмѣстѣ съ готами освободили Дакію и принудили Аврелиана переселить изъ нея римскихъ поселенцевъ въ Мизію. Послѣ того всѣ земли по р. Тиссъ перешли во власть сарматовъ, противъ которыхъ въ 294 году вооружился Діоклетіанъ, почему карпатскія, туземныя племена стали называться „Sarmatae servi“, въ отличіе отъ повелителей ихъ „Sarmatae liberi jasyges“.

Нашествіе готовъ и утверженіе ихъ въ странахъ днѣпровскихъ прервало связь между дунайскими и донскими сарматами, такъ что первые уже не могли получать подкрѣпленій отъ послѣднихъ.

Мы уже упоминали, какъ сарматы подъ-угорскіе (servi) въ 334 году возстали противъ сарматовъ дунайскихъ, свободныхъ (языговъ) и принудили ихъ удалиться частью въ нынѣшнюю Богемію, частью въ римскіе предѣлы, гдѣ они и вступили, въ числѣ 300 тысячъ человекъ въ римскую службу. Константинъ Великій поручилъ имъ охраненіе дунайскихъ границъ, которыя и прикрылъ крѣпостями. Послѣ того сарматы неоднократно воевали за римлянъ и противъ нихъ.

Оставшись послѣ дяди своего Роаса или Ругиласа въ двоємъ съ братомъ правителями орды гунновъ, поселившейся въ Панноніи, Аттила вмѣстѣ съ нимъ

¹⁾ Die Geschichte der Reiter, стр. 32 и 33.

²⁾ Tacitus, lib. I.

³⁾ Заимствовано у Голицына, ч. 5, стр. 201.

сталь покорять сосѣднія орды и народы скиѣскихъ и сарматскихъ племень, на мѣстахъ которыхъ посѣлились гунны. Такимъ образомъ постепенно образовалось обширное гунское царство. Въ 445 году Аттила умертвилъ своего брата и сдѣлался полновластнымъ повелителемъ.

Аттила былъ маленькаго роста, но имѣлъ тѣлосложеніе и волю желѣзныя. Осанка его была гордая, надменная; передъ взглядомъ его небольшихъ, но огненныхъ глазъ трепетали самые смѣлые люди.

Война была его стихіей и средствомъ для покоренія ему, по его убѣжденію, всѣхъ народовъ міра. Дикій, грубый и жестокій, варваръ во всемъ значеніи этого слова, онъ имѣлъ однако много здраваго смысла, былъ человѣкъ тонкій и хитрый, въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ управлять людьми. Нравственное вліяніе Аттилы на подвластныя ему племена, заботливость его о нихъ, щедрость къ нимъ снискали ему любовь и уваженіе. Подданные же его гунны, такіе же дикари, какъ онъ, дышавшіе только разбоемъ и грабежемъ, почти боготворили его.

Устроивъ свое мѣстопробываніе въ городѣ, извѣстномъ подъ его именемъ— „Аттилы“, между Дунаемъ, Тиссой и Карпатами, Аттила началъ отсюда разорять и грабить пограничныя провинціи восточной имперіи и заставилъ римлянъ платить дань. Но, когда на престолъ восточной римской имперіи возведенъ былъ энергичный Маркіанъ, который сѣмъ прекратитъ постыдныя отношенія имперіи къ гуннамъ, тогда Аттила рѣшился обратиться противъ западной имперіи.

Получивъ предложеніе руки отъ Гоноріи, сестры императора Валентиніана, и просьбу Гейзериха, короля вандаловъ, о помощи противъ римлянъ и вестготовъ, Аттила потребовалъ отъ Валентиніана согласія на бракъ и при этомъ часть имперіи. Императоръ отказалъ, и Аттила, собравъ всѣ войска подвластныхъ ему народовъ, двинулся въ Галлію, чтобы уничтожить сначала вестготовъ, а потомъ обратиться на Римъ.

Походъ Аттилы былъ подобенъ переселенію народовъ. Всѣ скиѣскія, сарматскія и германскія племена, черезъ земли которыхъ происходило это движеніе, принуждены были примкнуть свои силы къ войскамъ Аттилы. Войско это, простиравшееся отъ 500 до 700 тысячъ, состояло преимущественно изъ кавалеріи. Ядро арміи составляли гунны—всѣ конные, затѣмъ скиѣы и сарматы—также всѣ конные; готы и гепиды ¹⁾, хотя германскаго племени, но нѣтъ сомнѣнія, что большинство ихъ было на коняхъ. Переселившись съ сѣвера Европы и занявъ нынѣшнюю южную Россію, въ которой обитали, какъ уже извѣстно, скиѣы и сарматы, они отчасти слились съ ними, и во всѣхъ походахъ дальнѣйшихъ сарматы и скиѣы составляли значительную часть силъ готовъ.

¹⁾ Одного племени съ готами.

Исторія конницы М. Маркова.

САРМАТЪ (языгъ) и СКИФЪ

IV вѣка по Р. Х.

Источники: Прохоровъ, Hottenroth, кн. Голицынъ и др.

Голицынъ говоритъ ¹⁾, что „въ союзахъ германскихъ и азiятскихъ народовъ, какъ то: готскомъ, гунскомъ и другихъ, совершившихъ грозныя нашествiя на римскую имперiю, во множествѣ находились народы сарматскаго и скиѣскаго или славянскаго племени“. Въ подтвержденiе того, что готы, если не были все конныя, то во всякомъ случаѣ были на коняхъ въ огромномъ числѣ, можетъ служить нашествiе Радагайса въ 405 году на Италию, во главѣ двухсоттысячнаго войска остготовъ. Голицынъ объ немъ пишетъ ²⁾, что „онъ такъ мало разумѣлъ въ способѣ веденiя войны, что вмѣсто того, чтобы пользоваться обширными равнинами для дѣйствiй своей многочисленной конницы, допустилъ обложить себя въ горахъ Тессуль“.

Относительно свевовъ, также входившихъ въ значительномъ числѣ въ составъ армiи Аттилы, Гуго говоритъ ³⁾: „свевы часто соскакиваютъ во время боя съ коней и дерутся пѣшкомъ“. Лошади ихъ такъ приучены, что остаются на томъ же мѣстѣ, на которомъ ихъ покинули всадники.

Вообще мы склонны думать, что въ описываемое время, конецъ V вѣка, германскiе гелейты и ариманiи имѣли большое количество всадниковъ съ легкими пѣшими людьми, перевозимыми на крупахъ лошадей, особенно у готовъ, гепидовъ, свевовъ, вандаловъ, которые въ теченiе V вѣка были почти въ непрерывныхъ движенiяхъ. У германцевъ, обогатившихся набѣгами и перенявшихъ многое отъ римлянъ, владѣть конемъ почиталось почетнымъ; а потому всякiй, кто хотѣлъ отличить себя отъ другихъ, при первой возможности приобрѣталъ коня. Поэтому мы полагаемъ, что при совершенiи вторженiй пѣшие люди, бѣднѣйшiе, были въ незначительномъ числѣ и слѣдовали при вагенбургахъ въ тылу. Но о франкахъ сказать этого нельзя, такъ какъ въ этомъ народѣ преобладающимъ войскомъ была пѣхота, и только ко времени Карла Великаго кавалерiя начинаетъ преобладать.

Послѣднимъ подтвержденiемъ того, что между германцами въ описываемое время кавалерiйское дѣло имѣло большое развитiе служитъ то, что въ составѣ римскихъ армiй во времена Цезаря, кавалерiю составляли исключительно германцы; а при послѣднихъ императорахъ ее составляли они же, частью гунны и сарматы, служившiе по найму.

Кромѣ упомянутыхъ народовъ, къ полчищамъ Аттилы присоединились: часть франковъ, геруловъ, маркомановъ, также перемѣшавшихся съ сарматами и др.

Въ армiю Азiя, магистра войскъ и полководца римскаго, выступившаго на встрѣчу Аттилѣ, вошли, кромѣ римской армiи, вестготы Теодориха, сарматы, аланы—также сарматское племя, часть франковъ, бургунды и др.

¹⁾ Часть 5, стр. 36.

²⁾ Тамъ же, стр. 292 и 293.

³⁾ De militia equestri. Caesar Bel. Gal., lib. IV, cap. IV.

Мы знаемъ, что въ составѣ римскихъ армій въ описываемое время кавалерія преобладала; къ вестготамъ можно отнести все вышесказанное вообще о готахъ; сарматы и аланы были природные кавалеристы.

Изъ сказаннаго о составѣ армій Аттилы и Аэція видно, что обѣ онѣ по преимуществу состояли изъ конницы. Мы замѣтили, что подъ начальствомъ Аттилы было отъ 500 до 700 тысячъ; Аэцій съ присоединившимися подкрѣпленіями довелъ свою армію до такого же числа. Слѣдовательно происшедшее между ними сраженіе на Каталаунскихъ поляхъ можно считать битвою кавалеріи, въ которой съ обѣихъ сторонъ сошлось больше милліона всадниковъ. Такое количество конницы съ основанія міра еще несходилось ни на одномъ полѣ сраженія.

Аттила двинулся къ верхнему Рейну, разбилъ и истребилъ бургундовъ и нѣсколько городовъ, оказавшихъ ему сопротивленіе. Переправившись черезъ Рейнъ, онъ взялъ направленіе между Рейномъ, Мозелемъ, Самброю и Сеной, все истребляя и разрушая. Многіе города впустили Аттилу и были разграблены, другіе отваживались сопротивляться и были также разграблены; въ томъ числѣ главный и лучший городъ Галліи Триръ.

Аэцій, съ небольшимъ войскомъ перейдя Альпы, сталъ присоединять къ себѣ галльскіе легіоны и стягивать вспомогательныя войска изъ всѣхъ провинцій, незанятыхъ гуннами. Въ Арелатѣ соединился съ нимъ Теодорихъ съ вестготами, сюда же подошли сарматы, франки и другія германскія племена.

Аттила, продолжая движеніе, ворвался въ Орлеанъ; но въ то же время къ этому городу подходилъ Аэцій, сдѣлавъ нападеніе на гунновъ во время грабежа и множество ихъ истребилъ. Аттила вывелъ за городъ свои полчища, устроилъ и двинулся на сѣверъ. Аэцій и Теодорихъ пошли за гуннами, не нападая на нихъ, и обѣ арміи прибыли на обширныя Каталаунскія поля, въ окрестностяхъ нынѣшняго Шалона на Марнѣ.

Аттила выбралъ эту открытую мѣстность, представлявшую значительныя удобства для дѣйствій его многочисленной конницы. Аэцій также рѣшился здѣсь вступить въ сраженіе.

По описанію Иорнанда, Каталаунская равнина простиралась въ длину на 30 миль и въ ширину на 20 миль; къ западу лежала одна высота, очень важная для обѣихъ сторонъ.

И та и другая сторона расположились обширными лагерями въ намѣреніи на другой день вступить въ сраженіе. Но столкновенія начались еще ночью. Отрядъ франковъ, производившій, вѣроятно, какое нибудь передвиженіе, или посланный на рекогносцировку, столкнулся съ равносильнымъ отрядомъ гепидовъ, и между ними произошелъ ночной чрезвычайно кровопролитный бой, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ пало до 15 тысячъ.

Быль осенній пасмурный день, когда въ 451 году по Р. Х. произошла Катаунская битва, долженствовавшая рѣшить судьбу западной римской имперіи. Къ сожалѣнію современные лѣтописцы оставили намъ описаніе этого сраженія только въ общихъ чертахъ, умолчавъ о ближайшихъ подробностяхъ.

Имѣя въ виду заблаговременно овладѣть вышеупомянутою высотой на лѣвомъ флангѣ Аэція, Аттила двинулъ туда отрядъ войскъ, но Аэцій успѣлъ предупредить его, выславъ туда отрядъ гѣтовъ подъ начальствомъ Торисмунда, сына Теодориха. Въ происшедшей схваткѣ Торисмундъ отразилъ гунновъ съ урономъ, занялъ высоту и утвердился на ней.

Это была, считая съ Орлеанской, третья неудача гунновъ; жрецы не предвѣщали побѣды, и потому Аттила медлилъ общимъ нападеніемъ, чтобы сократить битву и ночью обезпечить себѣ надежное отступленіе. Но, чтобы все эти обстоятельства не повліяли вредно на его полчища, онъ собралъ начальниковъ и старѣйшинъ орда и сказалъ имъ одушевленную рѣчь, изобразилъ имъ шаткое состояніе римской имперіи и презрительно отнесся къ изнѣженнымъ, развращеннымъ ихъ войскамъ, которыя искали защиты и поддержки у союзныхъ варваровъ. Затѣмъ обѣ стороны выстроились въ боевой порядокъ. Самъ Аттила съ гуннами и скиѣами сталъ въ центрѣ, на правомъ флангѣ Аттила расположилъ гетидовъ и другихъ подъ начальствомъ Ардариха, а на лѣвомъ поставилъ остготовъ и сарматовъ Валамира.

Въ римской арміи Аэцій съ своими непосредственными войсками сталъ на лѣвомъ флангѣ, на правомъ флангѣ остготы подъ начальствомъ Теодориха, въ серединѣ же поставлены были аланы и другіе сарматы подъ командою Сангибана, которымъ Аэцій не особенно довѣрялъ. Кромѣ того, отрядъ вестготовъ подъ начальствомъ Торисмунда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ занималъ высоту.

Изъ распоряженій Аэція видно, что онъ, располагая ненадежныхъ аланъ въ центрѣ, поступилъ аналогично съ Аннибаломъ, который подъ Каннами составилъ центръ также изъ менѣе надежныхъ войскъ; и самый бой разыгрался подобно каннскому: какъ тамъ попала въ тиски пѣхота римская, составлявшая центръ и ядро арміи Варрона, такъ тутъ, какъ увидимъ, въ тиски попала конница гунновъ, составлявшая ядро арміи Аттилы.

„Битва началась сильными: стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ дротиковъ, причемъ со стороны Аттилы“, говоритъ Голицынъ ¹⁾, „особенно искусно дѣйствовали скиѣны“. За тѣмъ дѣло мало по малу разыгралось по всему полю и обратилось въ сраженіе крайне разнообразное, сложное, упорное и кровопролитное, по увѣренію современныхъ историковъ, равнаго которому „не бывало прежде и не будетъ впоследствии“.

¹⁾ Часть 5, стр. 221.

Быль уже вечеръ, когда Аттила, ставъ во главѣ гунновъ, стремительно ударилъ противъ середины непріятельскаго войска, т. е. сарматовъ и аланъ Сангибана; опрокинулъ ихъ, прорвавъ такимъ образомъ центръ Аэція, и немедленно атаковалъ лѣвый флангъ вестготовъ. „Теодорихъ, сражавшійся въ первыхъ рядахъ и примѣромъ своимъ одушевлявшій своихъ вестготовъ, былъ смертельно раненъ копьемъ знатнаго остгота Андега. Но въ это время сынъ его Торисмундъ, занимавшій высоту на лѣвомъ флангѣ, опрокинулъ ихъ и тѣмъ далъ вестготамъ время снова собраться и устроиться. Тогда гунны были атакованы спереди и на обоихъ флангахъ, между ними распространился безпорядокъ, они обратились въ бѣгство, увлекли за собою самого Аттилу, и только наступившая ночь спасла его отъ совершеннаго пораженія“. Такъ описываетъ атаку Аттилы князь Голицынъ ¹⁾. Все это вкратцѣ имъ изложенное мы объясняемъ слѣдующимъ образомъ:

Одновременно съ атакою гунновъ въ центрѣ противъ аланъ, вѣроятно, двинулись впередъ гепиды, и остготы на флангахъ Аттилы. Гепиды наткнулись на боевой порядокъ легионовъ Аэція съ массой метательныхъ машинъ; а, если пѣхота Аэція занимала и часть упомянутой высоты лѣваго фланга или вся была на ней, то гепидамъ пришлось одолѣвать сильную позицію, массу камней, стрѣлъ и огня, и вступить въ рукопашный бой съ пѣхотою: разумѣется въ наступленіи своемъ они были задержаны. Торисмундъ ударивъ въ Ардариху во флангъ обратилъ гепидовъ въ бѣгство, а затѣмъ и онъ, и самъ Аэцій можетъ быть получили возможность обратиться во флангъ гуннамъ Аттилы.

Остготы Валамира на лѣвомъ крылѣ атаковали вестготовъ Тегдориха и не смотря на-то, что вождь вестготовъ былъ убитъ остготомъ, вѣроятно имѣли неудачу, такъ какъ Голицынъ пишетъ, что гунны Аттилы были слабо поддержаны гунжскими данниками ²⁾.

Атакованные въ лѣвый флангъ Аттилою, вестготы пришли въ безпорядокъ. Но подоспѣлъ Торисмундъ, выручилъ вестготовъ и аланъ, и безпорядочно столпившійся центръ Аттилы былъ съ обоихъ фланговъ и центра атакованъ перешедшими въ наступленіе римлянами, вестготами и аланами. Произошла страшная рѣзня. Впервые разбитый на голову, Аттила понесъ 100 тысячъ человѣкъ урона и, прискакавъ къ своему вагенбургу, „приказалъ сложить костеръ изъ самыхъ дорогихъ сѣделъ, въ намѣреніи сжечь себя на немъ въ случаѣ непріятельскаго приступа; шумною музыкой и дикими криками старался снова возбудить мужество своихъ войскъ и скрыть отъ непріятели свое трудное положеніе“. Гунны собравшись во кругъ царя своего спѣшились ³⁾ и приготовились къ упорной оборонѣ стана дѣйствіемъ въ пѣшемъ строю позади повозокъ.

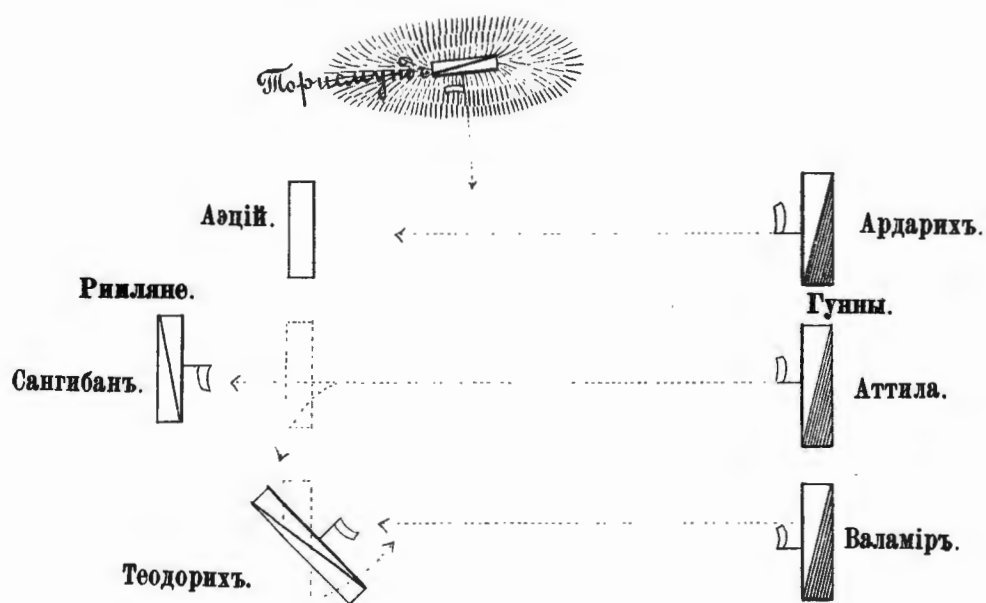
¹⁾ Часть 5, стр. 305.

²⁾ Часть 5, стр. 211.

³⁾ Часть 5, стр. 211.

С Х Е М А. К а т а л а у н с к о й б и т в ы.

Но первыя непріятельскія войска, двинувшіяся на приступъ, были отражены и отчасти истреблены жестокимъ дѣйствіемъ метательнаго оружія. Торисмундъ, увлеченный преслѣдованіемъ разбитаго врага, въ темнотѣ ночи наткнулся на обозъ его и, въ стычкѣ съ гуннами выбитый изъ сѣдла, едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Такой же опасности подвергался и Аэціи и, воротясь въ свой лагерь, не могъ дать себѣ отчета относительно результата сраженія и потому всю ночь продержалъ войска на готовѣ.

Мы уже оговаривали, что источники о ближайшихъ подробностяхъ Каталаунской битвы умалчиваютъ. Но, судя по дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, видно, что Аттила, обладая страшнымъ вліяніемъ на массы, черта первостепенной важности для полководца, въ тактическомъ отношеніи распорядился неудачно. Построивъ войска свои въ три отдѣльныя массы безъ резерва и направивъ ихъ на непріятеля, онъ упустилъ управленіе боемъ изъ своихъ рукъ. Неудачныя дѣйствія фланговыхъ массъ не только парализовали успѣхъ атаки средней, но поставили ее въ критическое положеніе. Резерва не было и некому было выручать гунновъ, стиснутыхъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Вообще первоначальныя дѣйствія, арміи Аттилы на Каталаунскихъ поляхъ было ничто иное какъ, по обстрѣлянніи противника, общій натискъ беспорядною толпою варваровъ.

Что же касается дѣйствій Аттилы, какъ кавалерійскаго начальника, то можно замѣтить, что онъ мастерски управлялъ въ бою своими гуннами. Атака гунновъ противъ центра Аэціи была страшная. Не смотря на то, что аланы такіе же смѣлые и ловкіе наѣзники какъ гунны, они сразу были опрокинуты. Во время самага разгара преслѣдованія алановъ Аттила ловко повернулъ гунновъ налѣво, направилъ ихъ на лѣвый флангъ Теодориха и смялъ его. Послѣ общей неудачи, когда гунны были стиснуты со всѣхъ сторонъ, прискакавъ къ стану, Аттила съумѣлъ снова собрать свою опрокинутую кавалерію, воодушевить и въ пѣшемъ бою дать такой отпоръ противнику, что чуть не вырвалъ побѣды изъ рукъ Аэціи.

Дѣйствія Аэціи отличаются несравненно большею основательностью распоряженій. Занятіе высоты на лѣвомъ флангѣ, расположеніе здѣсь легионовъ пѣхоты, дало Аэцію опорный пунктъ на случай неудачи, о который разбился правый флангъ Аттилы; а это обстоятельство дало возможность ударить во флангъ гуннамъ. Предыдущія дѣйствія въ Орлеанѣ и, особенно, послѣдующія во время похода Аттилы на Италію изобличаютъ въ Аэціи отличнаго полководца.

Не менѣе достойны вниманія дѣйствія Торисмунда, какъ кавалерійскаго начальника. Торисмундъ первый вступилъ въ бой въ этотъ достопамятный день для дряхлой римской имперіи, отстоявъ высоту лѣваго фланга; ловко воспользовался неудачнымъ движеніемъ Ардариха, ударилъ ему во флангъ, обратилъ въ бѣгство; ударилъ въ тылъ Аттилѣ и, успѣвъ вовремя, выручилъ вестготовъ, дравшихся

подъ начальствомъ его отца; наконецъ, запальчиво преслѣдуя разбитыхъ гунновъ, можно сказать, онъ и послѣднимъ завершилъ Каталаунскую битву.

Послѣ этой битвы Римъ просуществовалъ только 25 лѣтъ. Мы видѣли, что въ Каталаунской битвѣ имперію защищала армія, состоявшая изъ варваровъ, сарматовъ, готовъ и другихъ германцевъ, самихъ римлянъ была горсть. Лучше сказать, Римъ защищаль Аэцій, который счумѣлъ привлечь подъ свои знамена варваровъ. Погибъ Аэцій жертвою зависти и недовѣрія Валентиніана, въ немъ погибъ послѣдній римлянинъ, и некому было уже стоять за имперію.

При слабыхъ императорахъ власть переходила изъ рукъ въ руки первыхъ министровъ и магистровъ арміи. Всѣ они послѣ Аэція—Рицимеръ, Гундобальдъ, Орестъ и Одоакръ были варвары, имѣли подъ командою своею армію изъ варваровъ же и, при помощи ея, преслѣдуя свои собственные интересы, безотчетно хозяйничали и держали въ своей власти имперію, которую не разрушали только изъ своихъ видовъ. Наконецъ Одоакръ, предводитель геруловъ, потребовалъ отъ Рима земель для поселенія въ Италіи своихъ сподвижниковъ; но, получивъ отказъ, двинулся къ Риму, взялъ его и тѣмъ положилъ конецъ существованію западной римской имперіи.

Г л а в а 12-я.

Заключеніе о кавалеріи древнихъ народовъ. Замѣчанія относительно вооруженія и снаряженія. Назначеніе тяжеловооруженной и легкой конницы. Ударъ или шокъ. Значеніе кавалеріи въ зависимости отъ тактики пѣхоты и талантности начальниковъ. Кавалерія на театрѣ дѣйствій.

Изъ сказаннаго о кавалеріи видно, что этотъ родъ оружія появился первоначально у кочевыхъ народовъ. У всѣхъ осѣдлыхъ народовъ первое время ихъ существованія главнымъ и единственнымъ родомъ оружія была пѣхота, и только вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ кочевыхъ народовъ древнія государства принуждены были ввести конницу въ составъ армій для обороны своихъ границъ.

Первоначально вездѣ вводилась легкая кавалерія, и уже впоследствии для огражденія главнымъ образомъ противъ стрѣль стали изобрѣтать разныя предохраненія людей и лошадей, и явилась кавалерія тяжеловооруженная. Замѣчательно, что тяжеловооруженная конница появилась, какъ у осѣдлыхъ народовъ, такъ и у кочевыхъ. Намъ извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ въ кавалеріи пареянъ и сарматовъ (языги) всадники имѣли кольчуги и панцыри, сдѣланные первоначально изъ кусковъ копытъ, рога, костей, а впоследствии изъ пластинъ желѣза. Кто отъ кого перенялъ предохранительное оружіе, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего осѣд-

лые народы, по мѣры появленія и разработки въ ихъ земляхъ металловъ, въ Персіи желѣза, въ Греціи бронзы, потомъ мѣди, въ Римѣ также желѣза и мѣди, дѣлали предохранительное оружіе изъ этихъ металловъ; а кочевые народы, предохранявшіе себя первоначально панцырями изъ костей и копытъ, переняли употребленіе металловъ отъ осѣдлыхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что германцы переняли предохранительное, металлическое вооруженіе отъ грековъ и римлянъ.

Снаряженіе до временъ Константина Великаго, какъ у осѣдлыхъ, такъ и у кочевыхъ народовъ, состояло изъ попоны, прикрѣпленной трокомъ къ лошади, и уздечки. Различіе заключалось только въ богатствѣ украшеній. Со временъ Константина является сѣдло, но безъ стремянъ, которыхъ въ древности не знали и которыя есть изобрѣтеніе средневѣковое.

Что касается уздечки, то, въ зависимости отъ темперамента лошади, дѣлали ихъ болѣе или менѣе строгими. Но во многихъ случаяхъ уздечка оказывалась несостоятельною, и потому, кромѣ нихъ, употребляли капцуны и наносники съ иглами, какъ это было въ кавалеріи Александра Македонскаго.

И такъ почти у всѣхъ народовъ древнихъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ, кавалерія была двухъ родовъ, тяжеловооруженная и легкая. Въ Греціи, кромѣ того, были димахосы, средняя кавалерія, приученная дѣйствовать въ конномъ и пѣшемъ строю. Римляне для этой цѣли, т. е. для дѣйствія въ пѣшемъ бою могли употребить дезульторовъ и велитовъ или ягуляторовъ, (*jagulatores*), которыхъ всадники возили на крупахъ лошадей. Тоже самое германцы, а иберійцы были всѣ способны къ пѣшему бою и нерѣдко сами спѣшивались, дѣйствуя противъ римской кавалеріи. Кочевые народы были способны и къ конному и къ пѣшему бою, какъ напримѣръ гунны, которые въ концѣ Каталаунской битвы превосходно дѣйствовали въ пѣшемъ строю. Только относительно сарматовъ въ источникахъ упоминается, какъ о народѣ неспособномъ къ пѣшему бою ¹⁾.

Тяжеловооруженная кавалерія вездѣ назначалась для боя на близкомъ разстояніи, т. е. рукопашнаго; легкая, дѣйствовавшая стрѣлами и метаніемъ дротиковъ, употреблялась для службы развѣдывательной, боя съ дальняго разстоянія и преимущественно для преслѣдованія. Но случалось, что и легкая кавалерія сходилась въ рукопашную, какъ, напримѣръ, аракійцы, нумидійцы, гунны, скибы. Спрашивается, существовалъ ли шокъ, ударъ конницы при атакѣ, въ которомъ въ настоящее время считаютъ главный залогъ успѣха кавалерійскаго боя? Утверждаемъ, что существовалъ. Въ доказательство, приводимъ, во первыхъ, форму строя оессалійцевъ и аракійцевъ—ромбы и клинья, которые они употребляли для своихъ атакъ. Если бы оессалійцы прибѣгали къ этому строю, чтобы сойтись съ против-

¹⁾ Тацитъ, *lib. I.*

никомъ шагомъ или рысью, то строй этотъ оказался бы невыгоднымъ противъ охвата. Для этого лучше всего было бы, подобно другимъ греческимъ кавалеріямъ, развернуться и потомъ вступить въ бой, имѣя для встрѣчи противника большее число людей. Слѣдовательно, если ѳессалійцы и ѳракійцы строились клиномъ, причемъ въ головѣ становились храбрѣйшіе люди, то, надо полагать, они при атакѣ рассчитывали на нравственное потрясеніе, ударъ и прорывъ непріятельскаго фронта. Въ опроверженіе этого могутъ привести второе Мантинейское сраженіе, изъ описанія котораго не видно, чтобы ѳессалійцы дѣйствовали шокомъ; но это надо отнести къ неумѣлости начальниковъ, стоявшихъ въ то время во главѣ ѳессалійской кавалеріи.

Въ сраженіи при Дескаліонѣ персы атаквали конницу Агезилая. Отъ атаки нельзя было уклониться, и всѣ греческіе всадники были выбиты изъ сѣделъ и убиты, длинныя же ихъ копыя переломались при первомъ столкновеніи.

2) Ксенофонтъ въ первой части трактата о кавалеріи, подавая совѣты начальнику кавалеріи, указываетъ на необходимость приучать кавалерію къ производству атакъ на разнообразной мѣстности, сначала одностороннихъ, а потомъ сквозныхъ, которыя и есть его изобрѣтеніе. Ясно, что эти атаки практиковались для врыванія въ ряды непріятеля ¹⁾).

3) При Арбеллахъ горсть ѳессалійцевъ опрокидываетъ страшную массу армянской конницы; Александръ Македонскій ведетъ восемь илосовъ гетеровъ противъ стотысячной конницы лѣваго фланга персовъ. Если бы Александръ подѣхалъ къ этой громадѣ съ своими илосами шагомъ или рысью и вступилъ затѣмъ въ рукопашный бой, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы совершенно окруженъ и уничтоженъ. Поэтому слова Арріана, что Александръ произвелъ стремительную атаку, мы должны понимать въ прямомъ ихъ смыслѣ, именно, что Александръ совершилъ атаку въ карьеръ, произвелъ этимъ нравственное потрясеніе въ полчищахъ Дарія, привелъ изъ въ безпорядокъ и обратилъ въ бѣгство. Подобнымъ способомъ употребленія кавалеріи, т. е., ударомъ, Александръ всегда достигалъ своихъ успѣховъ.

4) Полибій, описывая ср. при Требіи, говоритъ ²⁾: „карѳагенская конница съ такою стремительностью ударила на кавалерію римлянъ, что однимъ ударомъ опрокинула ее и обратила въ бѣгство“.

Въ сраженіи при Каннахъ кавалерія Аннибала атаквала конницу праваго фланга римлянъ и, хотя Полибій и говоритъ, что многіе всадники спѣшили для удобнѣйшаго боя, но мы это относимъ къ однимъ римлянамъ, а, можетъ быть, даже

¹⁾ Смотри о Ксенофонтѣ, глава 4.

²⁾ Стр. 480.

и нѣкоторые испанцы, имѣя къ тому обыкновеніе, спѣшились; галлы же произвели атаку, иначе какъ объяснить слова Аннибала, сказанныя по поводу спѣшванія римской конницы подъ Каннами: „по мнѣ это все равно, какъ если бы мнѣ выдали этихъ всадниковъ, связанными по рукамъ и по ногамъ“? ¹⁾ Бой на этомъ флангѣ римлянъ кончился быстро. „Большая часть римлянъ“, говоритъ Полибій, „легла на мѣстѣ, остатокъ былъ преслѣдуемъ и безпощадно изрубленъ“.

5) Въ сраженіи при Руспинѣ Цезарь, окруженный войсками Лабіена, построилъ свой отрядъ въ видѣ каре или круга. 400 всадниковъ, составлявшихъ всю его конницу, онъ поставилъ въ срединѣ первой линіи и затѣмъ всеѣмъ войскамъ приказалъ перейти въ наступленіе. Кавалерія произвела атаку и опрокинула центръ арміи Лабіена. Ясно, что эта горсть кавалеріи могла рассчитывать только на нравственное потрясеніе противника, котораго могла достигнуть только производствомъ стремительной атаки или удара.

6) Настъ говоритъ ²⁾, что римляне пользовались быстротою и силою движенія кавалеріи, чтобы съ самаго начала привести непріятеля въ безпорядокъ. Далѣе въ § 118 пишетъ: „Для усиленія атаки ставили также двѣ турмы одну за другою“. Здѣсь же онъ говоритъ: „Если непріятель строилъ клинъ (cuneus), то при атакѣ для увеличенія силы удара отдавали конямъ поводъ, даже снимали поводья со всеѣмъ для того, чтобы всадники не могли сдерживать лошадей“.

7) „У римлянъ“, говоритъ Вегецій ³⁾, „конница раздѣляется по достоинству на легіонную и конницу крыльевъ“. Ливій ⁴⁾ такъ указываетъ на разницу ихъ употребленія: „Каю Ливію Салинату, начальнику конницы крыла, было приказано произвести атаку во всю скачь; а легіонная конница осталась въ резервѣ“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ относительно того, въ какой мѣрѣ формы строя въ видѣ ромба, клина или турма за турмой, удобны для производства стремительной атаки или шока; изъ всего сказаннаго, однако, приходится согласиться, что употребленіе кавалеріи для пораженія непріятеля посредствомъ удара въ карьеръ было извѣстно древнимъ народамъ.

Мы сказали, что кавалерія у древнихъ народовъ раздѣлялась на тяжеловооруженную и легкую. Тяжеловооруженную кавалерію не слѣдуетъ смѣшивать съ тяжелой. Тяжелой конницы, т. е., сидящей на грузныхъ лошадяхъ, въ древности почти не было. Тяжелая кавалерія есть произведеніе рыцарства, когда стали подбирать массивныхъ лошадей, чтобы брать перевѣсъ надъ противникомъ тяжестью

¹⁾ Голицынъ. Часть III, стр. 86.

²⁾ Römische Kriegsalterthümer, § 120.

³⁾ Lib. II, cap. I.

⁴⁾ Lib. XXXV.

или ударомъ массы, чему при слабomъ пониманіи военнаго искусства придавали значеніе. Въ древности, напротивъ, всадники сидѣли на легкихъ лошадяхъ и предохраняли себя, какъ замѣчено выше, главнымъ образомъ отъ стрѣль, но всегда рассчитывали въ бою на ловкость и проворство. На болѣе грузныхъ лошадяхъ сравнительно сидѣли германцы и отчасти галлы.

Значеніе кавалеріи въ составѣ древнихъ армій было весьма различно и въ зависимости отъ достоинствъ самой кавалеріи и способовъ дѣйствія пѣхоты.

До столкновенія съ персами въ Греціи конница несла только ординарческую службу; бой вела одна пѣхота. Войны съ персами заставили грековъ обратить болѣе серьезное вниманіе на этотъ родъ оружія, а Александръ Македонскій выдвинулъ кавалерію на первый планъ. Фалангообразное построеніе не способствовало быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ пѣхоты, и потому главный ударъ въ его побѣдахъ наносилъ кавалерія, при содѣйствіи легкой пѣхоты и подъ прикрытіемъ тяжелой.

Тоже самое мы видимъ у Аннибала.

Численность конницы у Александра и Аннибала простиралась отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ пѣхоты. У римлянъ конница первоначально, какъ у грековъ, была крайне плоха и малочисленна, отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ пѣхоты; римскій легіонъ въ прерывчатомъ боевомъ порядкѣ былъ способенъ къ быстрымъ наступательнымъ движеніямъ. Когда же Аннибалъ своею превосходною кавалеріею и своимъ геніемъ началъ громить римлянъ, не смотря на ихъ прерывчатую тактику, то это заставило римлянъ обратить вниманіе, улучшить и увеличить количество конницы. Улучшенная конница при прерывчатомъ боевомъ порядкѣ пѣхоты на первыхъ же порахъ оказала римлянамъ громадныя услуги, особенно подъ предводительствомъ Сципіона и Юлія Цезаря. И тотъ и другой превосходно пользуются своею конницею для нанесенія совокупныхъ съ пѣхотою ударовъ противнику и, можно сказать, въ ихъ времена кавалерія занимала настоящее мѣсто въ составѣ армій и при наилучшемъ устройствѣ боеваго порядка римлянъ. Здѣсь мы видимъ нѣчто соотвѣтствующее нынѣшнимъ понятіямъ о раздѣленіи кавалеріи на дивизионную и резервную. Легіонная кавалерія, входя въ составъ легіоновъ и находясь постоянно при нихъ, соотвѣтствовала дивизионной конницѣ; конница крыльевъ, сгруппированная на одномъ или двухъ флангахъ, а иногда вся впереди или сзади боеваго порядка, смотря по обстоятельствамъ, играла роль резервной кавалеріи.

Въ послѣдующія времена, когда, по мѣрѣ порчи нравовъ, составъ римскихъ армій ухудшился, пришлось спланивать легіоны и измѣнять прерывчатый боевой порядокъ въ фалангообразный, пѣхота опять утрачиваетъ способность къ быстрому наступленію, конница, вслѣдствіе непрерывности строя ея, выдѣляется на фланги

и приобрѣтаетъ, какъ во времена Александра и Аннибала, первенствующее значеніе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ; количество ея въ составѣ армій непомѣрно растетъ и наконецъ, какъ на примѣръ на Каталаунскихъ поляхъ, 500—700 тысячная армія Аэція, имѣя небольшое количество пѣхоты, почти исключительно состоитъ изъ конницы.

И такъ на значеніе кавалеріи въ древности имѣли вліяніе достоинство самой кавалеріи и способъ дѣйствій пѣхоты. При этомъ надо замѣтить, что римлянамъ приходилось дѣйствовать противъ народовъ, сражавшихся или въ глубокихъ непрерывныхъ массахъ, соотвѣтствовавшихъ греческимъ фалангамъ, или противъ массы иррегулярныхъ кавалерій кочевыхъ народовъ. Въ первомъ случаѣ прерывчатый боевой порядокъ давалъ громадное преимущество римлянамъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Но мы видѣли, что, не смотря на это, Аннибалъ страшно громилъ римскія арміи своею конницею. Изъ этого слѣдуетъ, что значеніе кавалеріи, кромѣ двухъ выше приведенныхъ обстоятельствъ, зависитъ и отъ талантливости начальниковъ. Знаменитѣйшими кавалеристами древности были: Александръ Македонскій, Аннибалъ, Сципіонъ Африканскій и Юлій Цезарь.

Что же касается до дѣйствій противъ массъ кавалерій кочевыхъ народовъ, то, какъ исторія показываетъ, эти конницы, не смотря на несмѣтныя полчища, почти всегда разбивались отъ совокупныхъ дѣйствій хорошей пѣхоты и конницы. Такъ Александръ Македонскій громилъ кавалерію Дарія, не смотря на ея громаду силъ, такъ Траянъ и другіе императоры римскіе разбивали даковъ, скивовъ и персовъ.

Употребленіе кавалеріи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ древности мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ видахъ:

1) Развѣдываніе и охраненіе своихъ войскъ кавалеріею производилось въ обширныхъ размѣрахъ. Всѣ военачальники, сильные конницею, при совершеніи маршей, выдвигали большую часть ея впередъ, какъ дѣлалъ Аннибалъ и Юлій Цезарь. Слабые въ сравненіи съ противникомъ, выдвигая конницу, присоединяли къ ней всегда пѣхоту. Такъ дѣлалъ Александръ Македонскій противъ персовъ и Юлій Цезарь, когда былъ слабъ въ кавалеріи. Охраненіе марша конницею мы описывали при изложеніи переправы Аннибала черезъ Рону, когда для прикрытія движенія онъ выслалъ нумидійскую конницу къ Марселю въ видѣ боковаго аррьергарда.

2) Употребленіе кавалеріи для захвата важныхъ пунктовъ до прибытія главныхъ силъ и для демонстрацій на театрѣ войны также имѣло примѣненіе. Захватъ важныхъ пунктовъ кавалеріею мы находимъ особенно во время похода Александра Македонскаго противъ Согдіанъ и Бактріанъ и во время войнъ Юлія Цезаря въ Галліи. Для демонстрацій кавалерію употребилъ Аннибалъ при совершеніи переправы черезъ Рону, отправивъ ее выше выбраннаго для переправы мѣста на про-

тивуположный берегъ. Это движеніе отвлекло вниманіе галловъ отъ пункта, выбраннаго Аннибаломъ для переправы.

3) Дѣйствія кавалеріи на сообщенія. Такія дѣйствія особенно часто примѣнялись, какъ объ этомъ упомянуто было, во время войнъ Юлія Цезаря въ Галліи. Припомнимъ приказаніе галламъ Верцингеторикса. Бывали даже настоящіе партизанскіе набѣги на склады. Одинъ изъ таковыхъ, произведенный Юліемъ Цезаремъ въ Африкѣ, мы описывали. Но самый обыкновенный способъ лишенія непріятели средствъ къ существованію былъ разореніе края конницею.

Дѣйствія кавалеріи для разобщенія непріятельскихъ колоннъ или задержанія наступленія выразились въ приказаніи консула Сервилія Брута, о которомъ мы говорили въ главѣ 10, и въ дѣйствіяхъ Куріона во время Африканской войны Юлія Цезаря.

4) Наконецъ—преслѣдованіе. Назначеніе кавалеріи для преслѣдованія древніе полководцы, а особенно, предводители кавалерій кочевыхъ народовъ, знали превосходно. Знаменитое преслѣдованіе Александромъ Македонскимъ Дарія, послѣ сраженія при Гавгамеллахъ, совершенное на протяженіи 90 верстъ до Арбеллъ и далѣе за Бессомъ, представляетъ верхъ энергіи и напряженія силъ, слѣдствіемъ которыхъ было уничтоженіе персидской арміи и всей монархіи. Всѣ побѣды Юлія Цезаря оканчивались самымъ энергическимъ преслѣдованіемъ, слѣдствіемъ котораго было совершенное уничтоженіе непріятельскихъ армій. Наболѣе замѣчательны преслѣдованія послѣ сраженій при Фарсалѣ и Тапсѣ, о которыхъ мы уже упоминали. Не менѣе замѣчательны преслѣдованія, произведенныя парянами римскихъ армій, подъ начальствомъ Красса и Антонія, приведшія къ совершенному истребленію первой и къ крайнему разстройству второй.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Древніе источники.

Ксенофонтъ. Hippias. Трактатъ о кавалеріи. Sur le commandement de la cavalerie, trad. de Dom Thuiller. Bibliothèquе historique et militaire. Трактатъ состоитъ изъ двухъ частей: о командованіи кавалеріей и о верховой ѣздѣ. Превосходное сочиненіе, дающее понятіе объ устройствѣ аѳинской конницы, ея комплектованіи и обученіи. Во второй части Ксенофонтъ даетъ совѣты объ уходѣ за лошадью и искусствѣ верховой ѣзды. Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ концѣ повѣствованія о греческой конницѣ, гл. 4.

Его же. Анабазисъ и Киропедія. Военн. Библиот.

Полибій. Polybe. Trad. de Dom. Thuiller. Bibliothèquе historique et militaire.

Вегецій. Kriegslehren des Vegetz von Bion. 1759. Сочиненіемъ Вегеція „De re militari“, какъ источникомъ для исторіи можно пользоваться, познакомившись съ военнымъ дѣломъ у древнихъ по другимъ источникамъ, такъ какъ онъ смѣшиваетъ не только различныя эпохи римлянъ, но даже римскія учрежденія съ греческими. Но за то Вегецій въ своихъ пяти томахъ, разсуждая и давая совѣты относительно тактики войскъ въ бою и большихъ военныхъ операцій, касается всѣхъ отраслей военнаго дѣла, изложенныхъ вполне систематически и съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Специально кавалеріи онъ посвящаетъ въ третьемъ томѣ главы 15 и 22.

Арріанъ. Походы Александра. Военная Библиотека 1838. Лучшій источникъ.

Его же. Ars tactica. О построеніяхъ и эволюціяхъ конницы, о лучшихъ боевыхъ порядкахъ и образѣ дѣйствій въ бою противъ аланъ.

Юлій Цезарь. César et ses commentaires, traduits par Wailly. Bibliothèquе histor. et milit. Liskenne et sauvan. На русскомъ языкѣ переводъ Клеванова.

Гомеръ. Илиада. Переводъ Гнѣдича.

Діодоръ и Геродотъ. Die griechischen Prosaiker in neuen Uebersetzungen von Tafel, Oslander und Schwab in Stuttgart. 1826.

Tacitus. Uebers. Rikleff. На русскомъ Клеванова.

Titus Livius. На русскомъ Клеванова.

Klaudius Aelian. De instruendis aciebus. Von Schlachtordnungen aus d. Griechichen vom Baumgaertner. 1779.

Квинтъ Курцій. Переводъ Крашенинникова.

Іосифъ Флавій. На русскомъ.

Onosander Strategicos. На франц. переводъ Гишара.

Leo Imperatorus. Tact. Bibliothèquе hist. et milit.

Саллюстій. Переводъ Клеванова.

Suetonius. Trad. La Harpe. 1770.

Julius Polluxus. Tact. О недостаткахъ лошадей.

Полиенъ. О стратагемахъ и хитростяхъ военнаго дѣла. Trad. de Dom. Gui—Alexis Lobineau.

Юстинъ. Извлечение изъ всеобщей исторіи Трога Помпея.

Amm. Marcellinus. Resgestae—римская исторія отъ Нервы до Валента.

Strabo. Geographie.

Плутархъ. Въ русскомъ переводѣ.

Источники и пособія новыхъ писателей.

Голицынъ. Всеобщая, военная исторія древнихъ временъ. Ч. 1, 2, 3, 4 и 5. Обширное сочиненіе, обнимающее всѣ отрасли военнаго искусства. Самое полное сочиненіе по части военнаго искусства, вышедшее на русскомъ языкѣ.

Зедделеръ. Обзорѣніе исторіи военнаго искусства. Ч. 1. Въ этомъ сочиненіи рассмотрѣны устройство, вооруженіе, образъ дѣйствія древнихъ народовъ, преимущественно грековъ и римлянъ; боевые порядки, различные военные обычаи, награды, наказанія, устройство лагерей, свѣденія объ осадѣ и оборонѣ крѣпостей и метательныхъ машинахъ. Но походовъ и сраженій Зедделеръ не касается.

Богдановичъ. Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ. Въ этомъ сочиненіи, наоборотъ, устройство и организація войскъ описывается вскользь, все вниманіе обращено на походы и битвы замѣчательнѣйшихъ полководцевъ древности.

Зедделеръ и Богдановичъ. Военно-энциклопедическій лексиконъ изданія 1837—52 г. и 1854—58.

Лееръ. Военно-энциклопедическій словарь.

Медемъ. Военная Библіотека 1837 г. съ атласомъ.

Пузыревскій. Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка. Серіозный трудъ. Лучшій изъ источниковъ, въ которомъ помѣщены свѣденія о военномъ искусствѣ древней Руси. Мы пользовались только первою главою, въ которой сдѣланъ очеркъ упадка римскаго, военнаго искусства.

Тутолминъ. Ксенофонтъ. Маленькая брошюрка, въ которой помѣщены выборки изъ Трактата о кавалеріи, сдѣланныя съ знаніемъ и любовью къ дѣлу.

Гольцманъ. Руководство къ ковкѣ.

Шлоссеръ. Всемирная исторія, изданія Серно-Соловьевича 1863 г.

Костомаровъ. Историческія монографіи.

Прохоровъ. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, изд. 1881 г.

Вегнеръ. Эллада и Римъ въ русскомъ переводѣ, изд. Суворина.

Альфонсъ Фелье. Жизнь знаменитыхъ римлянъ, изложенная по Плутарху, переводъ съ французскаго, изд. Вольфа 1872 г.

Цорнъ. Ежедѣльникъ для охотниковъ до лошадей. Москва. 1823.

Журналъ Коннозаводства.

Рутенбергъ. Руководство къ познанію лошади по наружному ея осмотру, изд. Юнгмейстера С.П.Б. 1863.

Victor Hehn. Culturpflanzen und Hausthiere.

Berenger. Die Geschichte der Reiter, переводъ съ англійскаго.

Lassen. Indische Alterthum's Kunde.

Finci. Ricerche per lo studio dell antichita assira. Ссылка.

Joly de Maizeray. Tableau général de la Cavalerie Grècque. Этотъ источникъ даетъ подробныя свѣденія объ устройствѣ греческой кавалеріи. Но свѣденіямъ этимъ нельзя вполнѣ довѣрять, такъ какъ Мезере дѣлаеть часто ссылки на такіе источники древнихъ писателей, которые до насъ не дошли.

Rüstof und Koechly. Geschichte des Griechischen Kriegswesen von der aeltestem Zeit bis auf Pyrrhos. Stuttgart 1852. Самый подробный и лучший источникъ относительно устройства, вооруженія и образа дѣйствій греческой и македонской кавалеріи. Здѣсь помѣщены описанія сраженій Эпаминонда и Александра Македонскаго съ чертежами, которыми по преимуществу мы и руководствовались.

Liskenne et Sauvan. Bibliothèque historique et militaire. Paris. 1838.

Hermannо Hugone. De militia equestri antiqua et nova. Antverplae, ex offician plantiniana Balthasarіs Moreti МДСXXX. Одинъ изъ главнѣйшихъ нашихъ источниковъ. Къ сожалѣнію, говоря о конницѣ древнихъ, Гуго часто не упоминаеть націи, къ которой относить описаніе. Вслѣдствіе этого постоянно приходится добиваться, о комъ идетъ рѣчь, и провѣрять въ другихъ источникахъ. Въ текстѣ имѣются рисунки всадниковъ и различныхъ строевъ.

Droysen. Geschichte der Nachfolger Alexanders des Grosser.

Nast. Roemische Kriegsaltersthümer. Halle. 1782.

Ottenberger. Das Kriegswesen der Roemer. Prag. 1824. Atlas.

Goeler. Caesar's gallischer Krieg im J. 51 v. Chr., nach des Hirtius bell. gall. lib. VIII bearbeitet, nebst Erläuterungen über das römische Kriegswesen zu Caesar's Zeit. Heidelberg. 1860.

Bernewitz. Hannibal's Leben. Повѣсть для дѣтей, но даетъ вѣрную характеристику личности Аннибала.

Kausler. Versuch einer Kriegsgeschichte aller Zeiten und Völker, und Wörterbuch und Atlas der Schlachten und Belagerungen. 4. B. 8. Stuttgart. 1825—30.

Jekel. Tranz Joseph. Die Schlachten der Alten vom ersten messenischen Kriege angefangen bis auf die Schlacht bey Actium. Tübingen. 1811.

Berneck. Soldatenbuch. Welt in Waffen.

Hottenroth Fried. Trachten Haus-Feld-u. Kriegsgeraetschaften der Völker alter u neuer Zeit Stuttgart. 1884.

Ludwig Weisser. Bilder—Atlas zur Weltgeschichste. Stuttgart.

Ioh, El. Ridinger. Картины старинныхъ лошадей.

И. Мердеръ. Историческій очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства С.-Петербургъ. 1868.

Schickhardt und Ebner. Sport. Jllustrirte Blätter fur Reiter und Pferdefreunde. Mit originalzeichnungen von Emil Adam, O. Fikentscher, H. Lang, E. Volkers, L. Voltz, G. Wie и A. Stuttgart.

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 2-я.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ МАРКОВЪ,

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.

Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.

1886.

ИСТОРІЯ КОННИЦЫ

ЧАСТЬ 2-я.

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ МАРКОВЪ,

Командиръ 1-го Лейбъ-Драгунскаго Московскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

ТВЕРЬ.

Типо-Литографія Ф. С. Муравьева.

1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Сентября 1886 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Предисловіе	1
Глава 1-я. Германскія ополченія. Гелейтъ, геербаннь. Развитие аллодіальной и потомъ бенефициальной системъ. Военная повинность. Устройство геербанна. Конница германцевъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе	5
Глава 2-я. Конница Византіи. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Оружейные заводы. Тактика войскъ. Роль кавалеріи. Конница новоперсовъ. Разборъ сраженій при Дарѣ и Казилинумѣ	14
Глава 3-я. Конница аравитянъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Коневодство. Устройство войскъ и образъ дѣйствія въ бою. Мавры въ Испаніи. Тарикъ-ибнъ-Зейдъ въ бою при Хересѣ-де-ла Фронтера.	27
Глава 4-я. Первыя попытки къ усовершенствованію военнаго искусства у германцевъ. Карлъ Мартель и Карлъ Великій. Сраженіе при Пуатье. Феодальная конница. Конница мадьяръ или венгровъ. Генрихъ Птицеловъ. Сраженія при Мерзебургѣ и Аугсбургѣ	37
Глава 5-я. Возникновеніе рыцарства. Военно-монашескіе ордена. Посвященіе. Раздѣленіе рыцарей на классы. Оруженосцы и конные слуги. Вооруженіе. Лошади западной породы. Боевыя упражненія и турниры.	56
Глава 6-я. Наемныя войска. Войска городскихъ общинъ. Жандармы. Конные сержанты и аргулеты. Образъ боя рыцарской конницы. Значеніе пѣхоты. Сраженіе при Бувинѣ	69
Глава 7-я. Время крестовыхъ походовъ. Конница сарацинъ. Одежда, вооруженіе, тактика. Описаніе важнѣйшихъ столкновеній между конницами феодальной и мусульманской. Готфридъ Бульонскій и Боэмундъ въ сраженіи при Дорилеѣ. Сраженіе при Аскалонѣ. Саладинъ. Битва при Гиттинѣ ¹⁾ . Ричардъ Львиное Сердце. Дѣло при Яффѣ и сраженіе при Арсурѣ ²⁾	78
Глава 8-я. Осада и оборона крѣпостей рыцарями. Антиохія. Заключеніе о рыцарской и мусульманской конницахъ	95
Глава 9-я. Послѣдствія крестовыхъ походовъ. Упадокъ феодализма. Рядъ пораженій феодальныхъ армій въ XIV и XV столѣтіяхъ. Сраженіе при Куртре и Моргартенѣ. Причины неудачъ въ прочихъ столкновеніяхъ рыцарей съ швейцарцами. Разгромъ ими Карла Смѣлаго	111
Глава 10-я. Столѣтняя война между Франціею и Англіею довршаетъ упадокъ феодализма. Устройство англійскихъ войскъ этого времени. Конные лучники. Сраженіе при Кресси. Принцъ Эдуардъ Черный. Сраженіе при Мопертюи. Бертранъ Дю-Гекленъ. Генрихъ V. Сраженіе при Азинкурѣ	122

¹⁾ Въ настоящее время—Гаттинъ.

²⁾ Въ настоящее время—Арзуфъ.

Глава 11-я. Выводы изъ Столѣтней войны. О состояніи военнаго искусства. Упадокъ феодализма. Поднятіе значенія пѣхоты. Реорганизація конницы. Первая французская регулярная конница Карла VII—ордонансовыя роты	140
Глава 12-я. Славяне. Военное ихъ искусство. Польская конница. Русскія княжескія дружины. Свѣденія о коневодствѣ. Вооруженіе и снаряженіе русской конницы. Образъ дѣйствія русскихъ войскъ. Употребленіе конницы на театрѣ дѣйствій.	153
Глава 13-я. Монголы. Конница Чингисъ-хана и Тамерлана. Одежда, вооруженіе и строй конницы. Свѣденія о монгольскихъ лошадяхъ. Обученіе. Охота. Боевые порядки и тактика. Походныя движенія. Нашествіе Батые. Сраженіе при Вальштадтѣ	168
Глава 14-я. Конница османскихъ турокъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Замѣчаніе о коневодствѣ. Янычары—пѣхота. Столкновеніе турокъ съ монголами. Ангорская битва	185
Глава 15-я. Русская конница въ XIV XV столѣтіяхъ. Дмитрій Донской. Куликовская битва	198
Глава 16-я. Заключение о средневѣковой конницѣ. Рыцари. Восточная конница. Конница славянъ. Замѣчанія о тактикѣ и способахъ боя. Шокъ или ударъ. Употребленіе оружія. Недостатки средневѣковыхъ войскъ. Значеніе начальника. Замѣчаніе о военномъ искусствѣ средневѣковыхъ народовъ сравнительно съ древними	209
Источники	219

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изложенію 2-го періода исторіи конницы, считаемъ необходимымъ раздѣлить его на 3 отдѣла: а) эпоха преобладанія феодальной кавалеріи въ составѣ армій; б) упадокъ феодализма и введеніе первой регулярной конницы и в) повѣствованіе о конницѣ славянъ, татаръ и османскихъ турокъ. Первые два отдѣла, служащіе второй продолженіемъ перваго, будутъ изложены одинъ вслѣдъ за другимъ. Сюда войдетъ повѣствованіе о рыцарской конницѣ и восточной до окончанія крестовыхъ походовъ. Третій отдѣлъ будетъ изложенъ отдѣльно въ концѣ части на томъ основаніи, что, хотя и на востокъ въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Польшѣ, Россіи и даже отчасти Турціи, феодализмъ проявился одновременно, какъ и на западѣ, но развитіе военнаго искусства на востокъ имѣло значительную долю самостоятельности. Въ Россіи и Польшѣ феодализмъ, хотя проявился во всей силѣ, особенно въ послѣдней, но въ своемъ развитіи опоздалъ и въ то время, когда на западѣ существовали уже постоянныя войска, Россія и Польша могли выставить только ополченія дворянства; въ то время какъ на западѣ огнестрѣльное оружіе имѣло значительное примѣненіе, въ Россіи и Турціи оно являлось какъ рѣдкость. Порабощеніе Россіи татарами на долго остановило развитіе государственной жизни русскаго народа и заставило его отстать, какъ отъ Европы, такъ и отъ западной своей сосѣдки Польши, которая, соприкасаясь ближе къ западнымъ странамъ, раньше вошла и въ среду ихъ. У турокъ феодализмъ проявился также, но 10 талантливыхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, султановъ, начиная съ Орхана, умѣли обуздать феодальныхъ владѣльцевъ и, введеніемъ постоянныхъ войскъ, на цѣлое столѣтіе опередили западную Европу. Монгольское военное искусство родилось и угасло на востокѣ совершенно самостоятельно, обнаруживъ только свое вліяніе на Россію и отчасти Польшу. Такимъ образомъ на востокѣ военное искусство въ своемъ развитіи отчасти отставало, отчасти опережало, но шло въ теченіе описываемаго періода во многихъ отношеніяхъ независимо. Вотъ почему разсмотрѣніе конницы и вообще военнаго искусства у упомянутыхъ народовъ мы сочли болѣе удобнымъ отнести къ особому отдѣлу.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

Отъ паденія Западной Римской Имперіи до изобрѣтенія и введенія огнестрѣльнаго оружія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

а) Эпоха преобладанія феодальной кавалеріи въ составѣ армій.

Г л а в а 1-я.

Германскія ополченія. Гелейтъ, геербаннъ. Развитіе аллодіальной и потомъ бенефициальной системъ. Военная повинность. Устройство геербанна. Конница германцевъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе.

Какъ мы уже говорили, германскіе народы, пользуясь разстройствомъ Рима, одолѣли вѣковую всемірную монархію. Вандалы водворились въ Африкѣ, свевы и вестъ-готты въ Испаніи и частью въ Галліи. Салическіе франки заняли остальные римско-галльскія области, а остъ-готты самую Италію.

Общественное устройство у германцевъ было различно. Нѣкоторые народы: готты, вандалы, франки и другіе имѣли наслѣдственныхъ королей или князей; нѣкоторые составляли родъ республикъ и выбирали себѣ верховныхъ вождей, герцоговъ, только въ военное время. Но и тѣ и другіе имѣли весьма ограниченную власть и управляли народомъ и войскомъ болѣе силою древнихъ обычаевъ, нежели силою законовъ.

Народъ раздѣлялся на три класса: дворянство, свободнорожденныхъ и рабовъ. Послѣдніе большею частью состояли изъ военноплѣнныхъ и преступниковъ.

Важнѣйшія общественныя дѣла рѣшались въ народныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ старшинъ, графовъ. Въ нихъ участвовали дворяне и свободнорожденные взрослые мужчины, имѣвшіе право носить оружіе.

Князья или другія знатныя и богатыя особы, бароны, для воинскихъ своихъ походовъ и возвышенія себя въ глазахъ соотечественниковъ, для приданія себѣ могущества и увеличенія вліянія на общественныя дѣла, окружали себя дружиною сподвижниковъ изъ свободнорожденныхъ, но бѣдныхъ юношей, называемою гелейтомъ. Сподвижники эти получали отъ своего предводителя оружіе, продовольствіе и часть добычи, участвовали, какъ солдурь древнихъ галловъ, во всѣхъ забавахъ, военныхъ и гражданскихъ дѣйствіяхъ и служили ему тѣлохранителями, обязываясь побѣдить или умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Въ случаѣ важнѣйшихъ предпріятій нѣсколько такихъ гелейтовъ соединялись, и, избравъ главнаго вождя или герцога, составляли армію (ариманія). Такія ополченія, принявъ названія отъ своего жилища или состава, или отъ предводителя, отъ главнаго оружія и т. п., не рѣдко являлись въ Исторіи въ видѣ народовъ. (Mark-Mannen, т. е. пограничные люди, Alle-Mannen—всѣ войны, Franken—вольные, Langen-Barden — длинныя копыя и др.) ¹⁾. Слава или могущество герцога, богатство ожидаемой добычи, удача самаго предпріятія, увеличивали силу ариманіи,

¹⁾ Зедделеръ.—Исторія Военнаго Искусства.

утверждали надъ нею власть вождя и, предавая въ его руки завоеванную страну, служили поводомъ къ основанію новыхъ государствъ. При неудачахъ войска расходились, и имя ариманій исчезало. Въ войнахъ, предпринимаемыхъ цѣлымъ народомъ, въ случаѣ внѣшней опасности странѣ, обязаны были участвовать всѣ безъ исключенія свободнорожденные, совершеннолѣтніе мужчины, и тогда арміи или, лучше сказать, народныя ополченія назывались геербаннъ (Heer-Bann—поголовное ополченіе).

Всѣ племена германскія, не отличавшіяся одни отъ другихъ ни жизнію, ни образованіемъ, удержали въ первоначальномъ своемъ политическомъ устройствѣ родъ фамильнаго сходства съ одинаковыми достоинствами и недостатками.

Покоренная страна, по отдѣленіи извѣстной части, отъ одной трети и болѣе и смотря по доходу, оставшимся кореннымъ жителямъ, раздѣлялась между завоевателями по тѣмъ же самымъ правиламъ, по которымъ дѣлилась и движимая добыча. Лучшую и большую часть бралъ себѣ король или герцогъ въ свою или государственную собственность, подъ именемъ Fiscus; болѣе или менѣе значительныя части доставались начальникамъ гелейтовъ, смотря по знатности, заслугамъ и по сдѣланнымъ въ продолженіи войны пожертвованіямъ; остальные земли дѣлились на равныя приблизительно участки и раздавались по жребію въ вѣчное и потомственное владѣніе, подъ названіемъ аллодъ.

Аллодіальные владѣльцы жили на пріобрѣтенныхъ земляхъ совершенно независимо. Разбросанные ихъ замки составляли, такъ сказать, малыя государства, населенныя частью свободными, а частью зависимыми жителями, составлявшими ихъ войско и дворъ. Все, что находилось въ кругѣ дѣятельности ихъ меча, они считали своею собственностью, занимаясь еще долгое время одними разбоями и грабежами.

Надо, однако, полагать, что прежняя добровольная подчиненность воиновъ бывшимъ начальникамъ гелейтовъ продолжалась и въ отношеніяхъ владѣльцевъ къ баронамъ, и что послѣдніе сохраняли надъ ними родъ покровительства и старшинства.

Коренные жители, продолжая владѣть остатками своей собственности, находились, смотря по обстоятельствамъ, въ большей или меньшей зависимости отъ побѣдителей, и обыкновенно лишались права носить оружіе, т. е. въ войско не принимались, а оборону государства брали на себя побѣдители.

Весь край былъ раздѣленъ на округа (дистрикты), управляемые старостами, или графами (comites), которыхъ обязанностью было наблюдать за правосудіемъ, взимать казенные доходы и вести въ походъ свободныхъ владѣтелей недвижимыхъ имѣній. Герцогъ (dux) имѣлъ въ своемъ управленіи нѣсколько такихъ старостъ, или графствъ. Оба эти чина первоначально зависѣли отъ одной воли короля. Король былъ избираемъ наследственнымъ порядкомъ изъ одной династіи ¹⁾.

¹⁾ Брантъ.

Важнѣйшія государственныя дѣла по прежнему рѣшались въ народныхъ собраніяхъ, называемыхъ у франковъ мартовскими, а послѣ 755 года майскими полями. Здѣсь же происходили военныя игры. Если какое либо нападеніе враговъ требовало отпора, то все народонаселеніе, имѣющее право носить оружіе, отправлялось въ походъ подъ личнымъ предводительствомъ короля. Каждый свободный гражданинъ былъ къ этому обязанъ, и за то освобождался отъ всѣхъ другихъ повинностей. Въ это время даже священники должны были вооружаться. Такъ образовались ландверъ или геербанъ, т. е., общее ополченіе для защиты границъ противъ непріятелей.

Когда оно казалось нужнымъ, король предлагалъ свое намѣреніе народному собранію. Если предложеніе получало общее одобреніе и было признаваемо государственнымъ дѣломъ, то согласіе собранія изъяснялось шумомъ оружія.

Собственныя и менѣ важныя дѣла рѣшалъ король или аллодіальные владѣльцы съ своими дружинами, или съ тѣми, кого они могли привлечь на свою сторону.

Сдѣлавшись богатыми и сильными владѣльцами, вслѣдствіе первоначальныхъ обычаевъ при раздѣлѣ покоренной страны, короли продолжали увеличивать свое могущество новыми завоеваніями и непрерывнымъ присвоиваніемъ себѣ фискальныхъ земель. Такія обстоятельства давали возможность мало по малу замѣнить почти товарищескія отношенія къ сподвижникамъ первыхъ своихъ завоеваній на зависимыя для послѣднихъ отъ королей. Для вознагражденія дѣйствительныхъ заслугъ своихъ приверженцевъ, короли дарили имъ участки казенныхъ или фискальныхъ земель со всѣми строеніями, людьми, скотомъ, полями и лѣсами, въ вѣчное владѣніе. Эти помѣстья, называемыя бенефиціями, были освобождены отъ всѣхъ податей; но каждый, получившій ихъ, обязанъ былъ военной службой со всѣми домашними войсками и присягнуть на вѣрнопопданство. Такіе владѣльцы бенефицій принадлежали къ королевскимъ людямъ (лейдамъ-Leudes) и назывались его вѣрными вассалами, министеррелями. Если свободные, аллодіальные владѣльцы соглашались вступить въ службу короля, то получали бенефицію изъ фискальныхъ земель, или доходы съ земель, мелкой торговли и нѣкоторыя особыя права. Но еще чаще короли, давая земли, жаловали вмѣстѣ и какой нибудь придворный чинъ. Принявъ его, люди ихъ, или вассалы, входили нѣкоторымъ образомъ въ частную подчиненность. Богатѣйшіе аллодіальные владѣльцы, герцоги и бароны, вступившіе въ вассальную зависимость отъ короля, назывались оптиматами или лучшими людьми.

Весьма естественно, что посредствомъ даруемыхъ бенефицій, частное могущество королей возрастало соотвѣтственно числу лицъ, ими надѣляемыхъ. Противъ разнородныхъ милостей монарха устояло весьма незначительное число аллодіальныхъ владѣльцевъ.

Короли въ непродолжительное время окружили себя богатыми лейдами, которые и составили важнѣйшую часть народа. Сдѣлавшись первымъ сословіемъ, изъ котораго потомъ образовалось дворянство они, занимали важнѣйшія государственныя должности и первыя мѣста въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ, между прочимъ, при распространившихся предѣлахъ государства, не являлись уже, какъ прежде, всѣ свободные граждане; даже между разрядами гражданскихъ сословій лейды стояли выше свободныхъ гражданъ. Черезъ посредство своихъ лейдовъ, король сдѣлался независимымъ отъ воли народа, аллодіальные владѣльцы исчезли въ массѣ богатыхъ лейдовъ, а вскорѣ за этимъ, съ постепеннымъ упадкомъ аллодіальныхъ владѣльцевъ, уничтожилось также первобытное гражданское устройство германцевъ и уступило мѣсто новому порядку вещей. Воля и повелѣнія короля замѣнили съ тѣхъ поръ прежнія народныя собранія. Старинные обычаи были вытѣснены новыми формами.

Казалось, что власть королей окончательно упрочилось. Взаимная надобность соединяла королей и лейдовъ. Однако же, именно изъ этихъ отношеній, произошла гибель дома Меровинговъ.

Щедрая раздача бенефицій, и освобожденіе ленныхъ владѣній отъ всякой гражданской зависимости имѣли весьма пагубныя послѣдствія для королевской власти. Раздаривъ всѣ земли, короли лишились средства удовлетворять дальнѣйшимъ требованіямъ лейдовъ, и приверженность ихъ къ королямъ начала ослабѣвать. Прежде всего оптиматы и лейды стали уклоняться отъ обязанности служить въ королевскомъ войскѣ, т. е. отказывались отъ условій, на которыхъ имъ даны были бенефиціи или лены, затѣмъ начали домогаться всѣми силами наследственности леновъ, наконецъ угнетеніями всякаго рода принуждали менѣ сильныхъ лейдовъ и аллодіальныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ защиты отдаленнаго и слабаго престола, отдавать себя подъ ихъ покровительство и признавать себя ихъ вассалами. Такимъ образомъ явилась сильная аристократія, которая, пользуясь благоприятными обстоятельствами, начала пріобрѣтать себѣ совершенную независимость и вооруженною рукою противиться власти королей. Тщетно короли старались возвысить сначала власть и вліяніе духовенства, чтобы этимъ противодѣйствовать злоупотребленіямъ и возрастающему могуществу аристократіи, и у Франковъ послѣдствіи власть палатныхъ меровъ (*major domus, maïres*): какъ первая, такъ и въ особенности вторая мѣра послужили ко вреду самихъ же королей.

Палатные меры въ началѣ были ничто иное, какъ старосты надъ придворными людьми. Потомъ, выбираемые самими людьми, они постепенно сдѣлались первыми королевскими совѣтниками, инспекторами войскъ и членами государственнаго суда.

При слабости королей, они, смотря по личнымъ выгодамъ, иногда были совершенно преданы монарху, иногда же становились во главѣ мятежной аристокра-

ти. Власть ихъ и личная безопасность зависѣли вообще отъ искусства постоянно пользоваться довѣренностью обѣихъ сторонъ.

Преслѣдуя собственные интересы, палатные меры неминуемо должны были рано или поздно войти въ столкновение съ аристократіей. Цѣлый рядъ талантливыхъ и энергичныхъ меровъ и быстрая переменна шести малолѣтнихъ королей способствовали тому, что аристократія наконецъ была подавлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была и судьба Меровинговъ. Карль Мартель, послѣ блистательной побѣды между Поатье и Туромъ, спасшей все христіанство отъ нашествія аравитянь, приобрѣлъ себѣ такую силу, что въ 739 году по Р. Х. началъ жаловать помѣстья отъ своего имени, оговаривая положительнымъ образомъ, что получающіе такіе участки обязаны военною службою въ арміи его, какъ герцога Австразіи.

Познакомившись съ общественнымъ бытомъ германцевъ, главнымъ образомъ франковъ во времена Меровинговъ и Каровинговъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію устройства войскъ. Мы уже описывали военное дѣло у германцевъ въ первыя времена, когда Римъ только узналъ ихъ, описывали ихъ вооруженіе, образъ дѣйствій въ бою, устройство конницы и участіе ея въ войнахъ Цезаря. Въ эпоху паденія Западной Римской Имперіи все это мало измѣнилось, исключая одежды и вооруженія.

Право оружія принадлежало, какъ уже было замѣчено, всѣмъ свободнорожденнымъ и давалось сначала возложеніемъ оружія на юношу однимъ изъ совершеннолѣтнихъ членовъ общества, а впослѣдствіи приобрѣталось достиженіемъ совершеннолѣтія. Благодаря воинственности германцевъ, какъ мы уже говорили, около лицъ болѣе извѣстныхъ или знаменитыхъ своими подвигами сгруппировывались свободнорожденные для военныхъ предпріятій и обогащенія и образовали свиты или гелейты. Гелейты соединялись въ ариманіи или арміи, которыя подъ предводительствомъ выборныхъ вождей или герцоговъ производили вооруженія, завоеванія и образованія цѣлыхъ государствъ.

Въ случаѣ опасности странъ или какого нибудь государственнаго, важнаго предпріятія, рѣшеннаго общественнымъ собраніемъ, всѣ свободнорожденные обязаны были войти въ составъ геербанна. Слѣдовательно съ правомъ оружія соединена была для свободнорожденныхъ и воинская повинность, а право свободы принадлежало только германцамъ побѣдителямъ, получившимъ надѣль изъ завоеванныхъ земель. „Сначала туземные жители завоеванныхъ земель не были обязаны военной службой; но вскорѣ они слились съ завоевателями и должны были стать въ ряды войскъ“. Въ какой степени это объединеніе шло быстро видно изъ того, напримѣръ, что уже при Клотарѣ, послѣднемъ сынѣ Клодвига, галлы были обязаны военной службой наравнѣ съ франками ¹⁾. „Во всякомъ случаѣ воинская повинность истекала

¹⁾ Пузыревскій, стр. 41. Ссылка на Daniel: «Abrégé de l'histoire de la milice française».

изъ владѣнія участками земли, причемъ богатые обязаны были на службу являться лично“. Это послужило къ образованію привилегированнаго, военнаго сословія дворянства, которое, присвоивъ себѣ исключительное право защиты государства совершенно устранило прочія сословія отъ военнаго дѣла.

Съ распространеніемъ ленной системы геербаннъ перестали созывать, и войско исключительно составлялось изъ дружинъ короля и его оптиматовъ.

Мы уже говорили, что главную силу германскихъ ополченій составляла пѣхота, которая дѣлилась на тяжелую и легкую, но что нѣкоторыя племена были конныя или имѣли значительную конницу, какъ тенктеры, кауки, батавы и готы.

„Германцы“, говоритъ Юлій Цезарь ¹⁾, „сражались большею частью пѣшими, но главную силу ихъ ополченій составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная“. Объ этомъ мы уже говорили въ первой части, а теперь обратимся къ франкамъ, народу, который обнаружилъ наибольшее вліяніе на судьбы историческаго міра.

Главную силу франковъ въ началѣ ихъ историческаго поприща составляла пѣхота. Конницы было весьма мало. „Король австраійскихъ франковъ Теодобертъ I въ числѣ 100 тысячъ человекъ, приведенныхъ имъ въ Италію, имѣлъ очень мало кавалеристовъ; послѣдніе въ полномъ своемъ составѣ окружали его особу“ ²⁾. Грекъ Агаѳій говоритъ, что франки вовсе не имѣютъ кавалеріи ³⁾. Но мало по малу количество конницы увеличивается, на что вліяніе имѣли походы Карла Мартелла, Карла Великаго, столкновенія съ маврами, аварами и другими конными народами, а въ особенности феодальная система. Въ сраженіи при Пуатье, конница въ войскѣ Карла Мартелла является уже въ большемъ числѣ, при Пепинѣ Короткомъ конницы было еще болѣе, такъ что для удобнѣйшаго продовольствованія лошадей, „говоритъ кн. Голицынъ“, „народныя собранія вмѣсто 1-го марта происходили уже 1 мая“. При Карлѣ Великомъ число конницы равнялось уже числу пѣхоты.

Одежда, вооруженіе и снаряженіе конницы франковъ.

О древнѣйшей одеждѣ франковъ намъ извѣстно весьма мало. Бѣглыя замѣтки объ этомъ предметѣ, сохранившіяся въ сочиненіяхъ писателей той эпохи, изъ которыхъ мы почерпаемъ все свои свѣдѣнія, не всегда согласны между собою. Противорѣчіе это, кажется, легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что франкскій народъ составилъ изъ различныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое сохраняло еще долгое время послѣ соединенія многія особенности своихъ первоначальныхъ костюмовъ. Мужчины одного изъ племенъ носили широкіе, холщевые или кожаные

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. 3 стр. 304.

²⁾ Заимствовано у Пузыревскаго. Исторія всен. искусства въ средніе вѣка. 7. 1, стр. 43.

³⁾ Пузыревскій. Тамъ же.

штаны, придерживавшіеся въ талии поясомъ и перевязанные внизу у щиколокъ, а можетъ быть еще и у колѣнъ; верхняя же часть тѣла, до пояса, оставалась у нихъ голой. Въ другомъ племени мужчины надѣвали на свое огромное, мускулистое тѣло родъ узкой рубашки съ поясомъ; колѣна оставались обнаженными, — „*patet iis altato tegmine paples*“; трудно, впрочемъ, съ точностью сказать, оставались ли колѣна ихъ дѣйствительно голыми, или же форма ихъ ясно обрисовывалась узкими и плотно обтягивавшими, вязаными портами, какъ видно на рисункѣ скачущаго германца въ предыдущей части. Но если мы оставимъ за приведенной, латинской фразой ея двойной смыслъ и сравнимъ съ описаніемъ Сигисмера ¹⁾, другія скульптурныя произведенія изъ слоновой кости, относящіяся приблизительно къ этому же періоду, то окажется, что у франковъ ноги или оставались совершенно обнаженными, или же были покрыты на ступняхъ и голеняхъ башмаками, сапогами или голенными повязками, переплетенными ремнемъ; руки же были покрыты узкими короткими рукавами, покрывавшими лишь верхнюю часть плеча, или длинными, плотно охватывавшими всю руку до кистей.

Можно предположить, что по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя племена начали сливаться, у франковъ стали входить въ общее употребленіе штаны и рубашки, что вмѣстѣ съ этимъ у бѣднѣйшихъ сословій сохранился древне германскій обычай носить накидки и безрукавые кафтаны изъ звѣриныхъ шкуръ; что, наконецъ у тѣхъ франскихъ народовъ, которые оставались на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ, какъ то у рипуарскихъ франковъ, у аллемановъ и баваровъ первобытная германская одежда сохранилась гораздо больше, чѣмъ у племенъ осѣвшихъ въ прежнихъ римскихъ провинціяхъ. Романскіе франки, съ одной стороны, употребляли добытыя ими на войнѣ дорогія матеріи и металлическія драгоценности для украшенія своихъ одеждъ, но, съ другой стороны, самая форма ихъ костюмовъ стала измѣняться подъ вліяніемъ римскихъ модъ. Первобытная, безрукавная рубашка удлинялась и въ такой формѣ получала названіе „*colabium*“; поверхъ ея стали носить плащъ и капюшонъ, который большею частью прикрѣплялся къ самому плащу и, суживаясь къ концу, заканчивался остриемъ, какъ башлыкъ; этотъ капюшонъ, называвшійся „*bardocucule*“, былъ особенно распространенъ среди франковъ, жившихъ на востокъ отъ Парижа.

Древне-германское право носить оружіе превратилось у франковъ въ обязательное пошеніе его. О внѣшнемъ видѣ могучихъ воиновъ Меровингской эпохи мы можемъ составить себѣ довольно полное представленіе, отчасти по описаніямъ современниковъ, отчасти по многочисленнымъ памятникамъ, найденнымъ при раскопкахъ меровингскихъ кладбищъ, отчасти же по миниатюрамъ и рѣзнымъ изображеніямъ изъ слоновой кости, римской или византійской работы; послѣдними источниками мы,

¹⁾ Заимствовано у Готтенрота.

конечно, можем пользоваться лишь для сравненія. Въ числѣ сохранившихся отъ этой эпохи памятниковъ нѣтъ ни шлемовъ, ни панцирей, ни кольчугъ, но изъ лѣтописей мы знаемъ, что предводители носили ихъ. Часть простыхъ воиновъ ходила безъ всякаго головнаго покрова; другіе защищали голову собственными, окрашенными въ краснооранжевый цвѣтъ волосами, заплетая ихъ въ косички и покрывая послѣдними свое темя; нѣкоторые воины носили родъ шлема, состоявшаго изъ двухъ согнутыхъ и перекрещивающихся желѣзныхъ полосъ. Съ теченіемъ времени меровингскіе воины стали пополнять свое вооруженіе частями римскихъ доспѣховъ, добытыхъ на войнѣ. Всѣ воины носили деревянные или кожаные щиты, небольшіе, круглые, слегка вышуклые, съ крѣпкимъ желѣзнымъ остовомъ и сильно выдающейея впередъ шишкой (умбо) посрединѣ; щиты окрашивались въ яркіе цвѣта. Наступательное вооруженіе было гораздо полнѣе и разнообразнѣе. Одновременно съ металлическими дротиками, которые были снабжены легкими стрѣлообразными наконечниками, употреблялись разныя другія копья, начиная съ, такъ называемаго, „Saupium“,—копья съ наконечникомъ, длиною съ клинокъ меча,—и кончая копьемъ, носившимъ названіе „angon“, съ наконечникомъ въ 4 фута длиною и съ острымъ крючкомъ на концѣ. Ангонъ служилъ для того, чтобы вырвать у противника щитъ, такъ какъ онъ при сильномъ ударѣ о вражескій щитъ, глубоко входилъ въ него. Вырвавши у врага щитъ, меровингскій воинъ нападалъ на него съ своимъ оригинальнымъ топоромъ съ одной лопастью, такъ называемою франциской; этотъ топоръ не былъ найденъ ни въ одной изъ древнихъ гробницъ, раскопанныхъ въ средней Германіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ангонъ не годился въ дѣло, франциска, весьма вѣроятно, употреблялась также для метанія въ щитъ непріятели. Вооруженіе довершалось обоюдоострымъ мечемъ—*spatha*, тонкимъ, плоскимъ и остроконечнымъ, имѣвшимъ въ длину 80 сантиметровъ. Скрамасаксъ, сохранившійся въ формѣ полумеча до половины XIV столѣтія, всегда носили на поясѣ, рядомъ съ *spatha*. Въ одной могилѣ на старомъ кладбищѣ въ Дорникѣ были найдены, вмѣстѣ съ многочисленными монетами и драгоценными украшеніями, золотыя, усаженные драгоценными камнями, обкладки на заржавѣвшихъ клинкахъ мечей; между послѣдними находился также мечъ Хильдерика 1-го. Рукоятка этого меча, а также и ножны—деревянный, обитыя золотыми пластинками.

Сѣдла, пренебрегаемая древне-германскими всадниками, вошли во всеобщее употребленіе въ эпоху, Меровинговъ ¹⁾; уздечка имѣла трензель и металлическія обкладки; шпора имѣла форму простаго, остраго шипа, безъ колеска. Всадники носили только одну шпору, укрѣпленную на лѣвой ногѣ, чтобы во время боя, пустивъ коня въ галопъ съ правой ноги, имѣть врага подъ правою, вооруженною рукою. Стремена также были въ употребленіи, однако не прикрѣплялись наглухо къ

¹⁾ Hottenroth, стр. 130.

Исторія конницы М. Мар-
кова.

Рыцарь XI столѣтія.

Источники: Johann Scherr
Germania.

Том - Лфт. Н.Н. Кушнерова. М.: Москва.

сѣдлу, такъ какъ онѣ употреблялись не во время ѣзды, но лишь для того, чтобы сѣсть на коня. Во время Карла Великаго сѣдла уже снабжались спереди и сзади луками треугольной формы и были украшены рѣзбой. Въ IX-мъ столѣтіи начали облекать коней въ чешуйчатую броню.

Образъ дѣйствія первобытной, германской конницы былъ описанъ въ предыдущей части. Въ описываемое время, т. е. во времена Меровинговъ, онъ нисколько не измѣнился. Каждый всадникъ выбиралъ себѣ пѣшаго товарища для взаимнаго содѣйствія въ бою. Бой начинали всадники и пѣшіе люди метаніемъ копій и стрѣлъ въ противника, впрочемъ, очень непродолжительное время; затѣмъ конница бросалась въ атаку, а пѣшіе люди двигались вслѣдъ за конницей и старались помочь въ рукопашномъ бою. Въ случаѣ неудачи пѣшіе люди прикрывали отступленіе конныхъ людей; а иногда конники брали на крупы лошадей своихъ пѣшихъ товарищей. Германская конница зачастую прибѣгала къ пѣшему бою, оставляя своихъ лошадей, которыхъ, по всей вѣроятности, связывали или батовали. Пузыревскій говоритъ ¹⁾, что лошади германскихъ всадниковъ, когда они спѣшивались, приучены были оставаться спокойно на мѣстѣ.

Съ распространеніемъ ленной и особенно феодальной системъ, когда образовалось дворянство, исключительно составлявшее конницу, пѣшіе товарищи замѣняются слугами всадниковъ, такъ какъ ни одинъ дворянинъ не хотѣлъ служить въ пѣхотѣ. Впослѣдствіи времени эти слуги были также посажены на лошадей и составили легкую конницу.

Мы упоминали уже, что пѣхота германцевъ дѣлилась на тяжелую и легкую. Легкая дѣйствовала съ конницею, а тяжелая составляла обыкновенно ядро боеваго порядка германцевъ. Любимѣйшій строй германцевъ былъ клинъ или свиное рыло, въ которомъ воины располагались по семьямъ, а семьи по родамъ, назначившійся для прорыва непріятельскаго боеваго порядка. Этотъ строй существовалъ во время Меровинговъ и даже при Карлѣ Великомъ, и германцы настолько въ него вѣрили, что довольствовались въ бою одной боевой линіей безъ резерва.

Конница располагалась обыкновенно по флангамъ боеваго порядка вмѣстѣ съ легкою пѣхотою.

Походныя движенія совершались подъ прикрытіемъ авангарда изъ пѣхоты и конницы, на обязанности которой лежало развѣдываніе о мѣстности и непріятелѣ. Кромѣ того, на обязанности конницы лежало производство фуражировокъ, разореніе края, въ случаѣ надобности, и преслѣдованіе послѣ боя.

¹⁾ Исторія воен. искус. въ средніе вѣка. Ч. 1, стр. 48.

Г л а в а 2-я.

Конница Византіи. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Оружейные заводы. Тактика войскъ. Роль кавалеріи. Конница новоперсовъ. Разборъ сраженій при Дарѣ и Казилинумѣ.

Мы уже говорили о преобразованіяхъ Константина Великаго, о раздѣленіи имперіи на префектуры и діоцезы и объ введенномъ имъ устройствѣ войскъ. Такъ какъ почти до IX столѣтія въ Византійской имперіи военное устройство въ главныхъ своихъ формахъ оставалось безъ измѣненія, то мы постараемся въ общихъ чертахъ ихъ напомнить.

Войска имѣли подраздѣленія на 1) домашнія войска (*scholarii*), игравшія роль гвардіи; 2) легіоны, 3) пограничныя и 4) вспомогательныя.

Кромѣ этихъ подраздѣленій войска по степени готовности раздѣлялись на палатинскія, комитатскія и подкомитатскія. Въ составъ каждаго изъ нихъ входили разные роды оружія.

Въ составъ домашнихъ войскъ или схоляріевъ входила конная гвардія, дѣлившаяся на школы или роты, въ 100 человекъ каждая. Отборную часть ихъ составляла дружина протекторовъ (*protectores*), которая пользовалась особою довѣренностью императора, постоянно находилась при его особѣ и играла важную роль въ исторіи византійскаго двора. Въ легіонахъ со временъ Валентиніана II полагалось 726 всадниковъ, причемъ въ первой когортѣ 132, а въ остальныхъ по 66.

Особаго вниманія заслуживаютъ войска областныя или пограничныя.

Еще первые императоры римскіе для обезпеченія предѣловъ государства, особенно на востокѣ, старались учреждать военные кордоны изъ легіоновъ. Въ X столѣтіи всѣ пограничныя области на востокѣ были сильно заняты, и даже построено было въ нихъ множество укрѣпленныхъ пунктовъ для воспрепятствованія вторженію непріятеля. Каждую областью управлялъ дукъ (*dux*), воевода, начальникъ войскъ, въ области расположенныхъ. Большія области, какъ Египеть, находились подъ управленіемъ начальниковъ; называвшихся *comites*.

Въ началѣ пограничныя войска подлежали общей организаціи, продовольствовались и одѣвались отъ казны, но потомъ это было измѣнено. Дуки, управлявшіе отъ лица императора отдаленными областями, набирая рекрутъ, взимая подати, повелѣвали съ полною властью въ городахъ, замкахъ и крѣпостяхъ.

Впослѣдствіи они получили, кромѣ того, значительныя казенныя имѣнія въ свое распоряженіе. Александръ Северъ и Θεодосій II давали воинамъ не только земли въ Сиріи и другихъ мѣстахъ, но даже рабовъ и скоть для ихъ обработки. Эти земли составляли родъ феодальныхъ имѣній, были освобождены отъ податей, не могли быть продаваемы частнымъ лицамъ, и даже къ наслѣдникамъ временнаго

Исторія конницы
М. Маркова.

Византійская конница.

Источники: Hottenroth, Geschichte der Costüme.

владѣльца переходили тогда только, когда они, достигнувъ совершеннолѣтія, могли уже съ оружіемъ въ рукахъ сражаться противъ непріятеля. Такимъ образомъ явилось воинственное народонаселеніе во всякой области, обязанное защищать ея предѣлы. Богатѣйшіе владѣльцы такихъ казенныхъ помѣстій были дуки, и потому мы можемъ ихъ сравнить съ маркграфами и герцогами, бывшими въ государствѣ Карловинговъ, но дуки находились въ большей зависимости отъ правительства. Дуки, если не было особенныхъ причинъ, оставались управлять областью до самой смерти, и потому собственный интересъ заставлялъ ихъ болѣе заботиться объ охраненіи ввѣренной имъ страны. Но между сосѣдними дуками нерѣдко происходили несогласія, интриги, и это разстроивало единство дѣйствій; а совокупныя дѣйствія нѣсколькихъ областей зависѣли отъ Константинополя, съ которымъ сношенія требовали времени, а потому зачастую упускали благоприятную минуту для дѣйствій. Пограничныя войска формировали пѣхоту и конницу—всего во времена Константина 56 пѣшихъ когортъ и 66 конныхъ ротъ.

Изъ пограничныхъ войскъ полководцы составляли себѣ обыкновенно особые отряды тѣлохранителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были надежнѣйшею частью арміи и простирались иногда до шести и даже до восьми тысячъ человекъ. Обязавъ себя торжественною клятвою оставаться всегда вѣрными своему полководцу, эти воины охраняли его особу во время боя и для спасенія его подвергались величайшимъ опасностямъ. Всѣ, чѣмъ либо отличившіеся во время войны, поступали обыкновенно въ эту дружину, которая вполне заслуживала названія отборнаго войска.

„Все относящееся къ пограничнымъ войскамъ“, говоритъ Брантъ ¹⁾, „существовало только до тѣхъ поръ, пока самыя войска соответствовали политикѣ государей“. Многіе императоры оставили ихъ въ пренебреженіи или потому, что не постигали важности арміи, или изъ опасенія своихъ дуковъ. При Юстиніанѣ даже многіе отряды пограничныхъ войскъ были оставлены безъ всякаго поддержанія, а другіе и совершенно уничтожены.

Вспомогательныя войска (*foederati*) давали Византіи кочевые иноплеменные народы, жившіе на границахъ, или наслѣдственнымъ образомъ поселившіеся гдѣ либо внутри государства. Они требовали отъ правительства жалованія и разныхъ предметовъ въ натурѣ, обѣщали за то нести военную службу и замѣняли въ нѣкоторой мѣрѣ прежнихъ *Socii Populi Romani*. Эти народы, сохраняя свои обычаи и національный характеръ, позволяли себѣ иногда величайшія злоупотребленія, но въ рукахъ талантливыхъ полководцевъ были превосходнымъ войскомъ. Всѣ они по преимуществу давали Византіи конницу, состоящую изъ отличныхъ ѣздоковъ, привыкшихъ къ коню съ малолѣтства. Таковы были: скиѣи, аланы, готы, герулы, мавры (у Велизарія) массагеты и особенно гунны.

¹⁾ Обзорѣніе исторіи военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ, стр. 118.

Количество конницы въ Византійской имперіи сравнительно было весьма значительно. Согласно постановленіямъ Константина В., по исчисленію кн. Голицына ¹⁾, въ 41 конной ротѣ вспомогательныхъ войскъ, въ которыхъ полагалось по 200 всадниковъ, и въ 66 конныхъ ротахъ пограничныхъ войскъ, въ которыхъ было по 100 человекъ,— всего числилось около 15 тысячъ. Если къ этому прибавить въ 70 легионахъ по 726 всадниковъ, то выйдетъ $15000 + 50820 = 65820$ конницы на 140 тысячъ пѣхоты ²⁾. Но это исчисленіе далеко не точно, такъ какъ положеніе о количествѣ конницы въ легионахъ постоянно нарушалось. Количество федератовъ также было неопредѣленно. Мы знаемъ, что еще Константинъ В. и Θεодосій имѣли на службѣ болѣе 40 тысячъ готовъ; во времена Велизарія Гойеръ считаетъ 83 эскадрона (vexillationes) федератовъ (по 200 человекъ) и 66 ротъ (alae) пограничной конницы (по 100 всадниковъ).

Одежда вооруженіе и снаряженіе.

Одежда воиновъ въ Византіи первоначально, за исключеніемъ вооруженія, ничѣмъ не отличалась отъ одежды низшихъ классовъ народа вообще. вмѣстѣ съ двойной туникой, носили еще древне-греческій хитонъ, который оставлялъ обнаженными обѣ руки и съ одной стороны верхнюю часть тѣла, Высшіе военачальники и всадники первыхъ когортъ носили кольчугу или же римскій панцырь съ cinctorium-омъ, висячими лопастями для защиты живота и плечъ, а сверхъ того шлемъ и поножи или полусаложки, поверхъ которыхъ для защиты ногъ надѣвали металлическія латы. Штаны носили или весьма короткіе, или ихъ вовсе не носили. Впослѣдствіи cinctorium сталъ выходить изъ употребленія, вмѣсто него начали употреблять широкую повязку поперегъ груди. Въ тоже время стали отдѣлять плечевыя лопасти отъ панцыря и носить ихъ на плечѣ въ видѣ самостоятельныхъ наплечій.

Телохранители Юстиніана (scholarii) имѣли родъ нагрудника, оканчивавшагося двумя полосами, — украшеніе, которое носили также первые императоры, сверхъ этого они носили на шеѣ золотое кольцо, башмаки, обшитые черной матеріей, овальные щиты съ монограммой Христа и золотыя копыя. Прочіе воины, сопровождавшіе первыхъ византійскихъ императоровъ, носили наплечныя и набрюшныя полосы, прикрѣплявшіяся къ плечевой части туники и къ поясу ³⁾, сверхъ этого на груди наискось надѣвалось, такъ называемое „singulum bullatum“, въ формѣ двойныхъ четокъ.

Начиная съ седьмого столѣтія стали носить панцыри изъ яркоокрашенныхъ полосъ кожи и кожаныя же куртки съ насаженными на нихъ круглыми или четы-

¹⁾ Военная исторія средн. времянь, стр. 30.

²⁾ Голицынъ. Тамъ же.

³⁾ Hottenroth, стр. 112.

реугольными металлическими пластинками. Въ періоды отъ девятаго до одиннадцатаго столѣтія вошли во всеобщее употребленіе длинные штаны, и съ этого же времени вышли изъ употребленія набрюшныя латы, прикрѣплявшіяся прежде къ панцирю для защиты живота. Для защиты головы носили колпаки изъ окрашенной кожи и металлическіе шлемы.

Къ наступательному оружію византійцевъ принадлежали мечи, копья, луки, а иногда даже, какъ говоритъ Готтенротъ, и сѣкиры. Последнее, вѣроятно, относится къ скиѣамъ или другимъ федератамъ. „Замѣчательно“, пишетъ Пузыревскій, „что большая и лучшая часть кавалеріи имѣла лукъ и стрѣлы и употребляла его въ конномъ строю“ ¹⁾.

„Наши стрѣлки“, говоритъ Прокопій ²⁾, „имѣютъ изъ предохранительнаго оружія грудныя и ножныя латы, изъ которыхъ послѣднія доходятъ до колѣнъ. На правомъ боку у нихъ висятъ стрѣлы, на лѣвомъ мечъ, нѣкоторые, кромѣ того, имѣютъ привѣшенное копьѣ и небольшую попонку отъ щита, которая лежитъ на плечахъ и закрываетъ часть лица и спину. Они ѣздятъ весьма искусно и на всемъ скаку бросаютъ стрѣлы впередъ или назадъ противъ бѣгущаго или преслѣдующаго непріятеля. Они, натягивая лукъ, прикасаются тетивою почти до праваго уха и сообщаютъ такую быстроту стрѣламъ, что выстрѣлы ихъ почти всегда бываютъ смертоносны, не смотря на сопротивленіе латъ или щита противника“....

Такъ какъ по искусству владѣнія конемъ и оружіемъ, и храбрости лучшую легкую конницу Византіи составляли федераты, то вѣроятно, слова Прокопія должны быть по преимуществу отнесены къ нимъ. Иноземные наемники и федераты въ восточныхъ и западныхъ странахъ сохраняли одежду и вооруженіе своей родины. „Сѣдла, а вѣроятно, и стремена“, говоритъ Готтенротъ, „были извѣстны уже въ четвертомъ столѣтіи“, хотя послѣднее ничѣмъ не подтверждается; но задняя лука стала придѣлываться къ сѣдлу не раньше восьмаго столѣтія. На изображеніяхъ, относящихся къ первому періоду Византійской имперіи, мы встрѣчаемъ разнообразныя формы сѣделъ, сбруи и вооруженія лошадей.

Для постояннаго снабженія войскъ оружіемъ въ Византійской имперіи учреждены были въ значительномъ числѣ цейхгаузы и оружейные заводы. Однихъ цейхгаузовъ, по увѣренію Бранта, было пятнадцать. Верховный надзоръ надъ ними имѣли *magistri officiorum*. *Magister officiorum*, имѣя въ своемъ непосредственномъ вѣденіи домашнія войска, т. е. гвардію, былъ первымъ лицомъ въ императорскомъ лагерѣ. Ему подчинялись дуки всѣхъ провинцій, въ его же вѣденіи были оружейные склады и заводы.

¹⁾ Ист. воен. иск. въ средніе вѣка. Часть I, стр. 12.

²⁾ Заимствовано у Бранта. Обзорніе исторіи воен. искусства въ среднихъ вѣкахъ, стр. 114.

Заводы имѣли тройкое наименованіе, *clibanariae*, *scutariae* и *armogum* или *hastariae*, смотря по изготовленію въ нихъ предохранительнаго, холоднаго или различныхъ родовъ метательнаго оружія. Лучшіе, оружейные заводы находились въ Дамаскѣ, Антиохіи, Эдессѣ, Кессаріи, Никомидіи и еще въ нѣкоторыхъ городахъ.

Тактика войскъ въ Византіи была таже, какъ и въ послѣдніе годы существованія западной Римской имперіи. Легіоны строились по когортамъ въ одну линію и шесть шеренгъ. Первая шеренга состояла изъ тяжеловооруженныхъ ратниковъ, вторую составляли стрѣлки изъ лука, которые, кромѣ того, имѣли оборонительное оружіе, копыя и пики. Эти двѣ шеренги поддерживались еще двумя другими, легче вооруженными, и употребляемыми въ случаѣ надобности для разсыпнаго дѣйствія. За ними находилась линія военныхъ машинъ, дѣйствовавшихъ навѣсно и охраняемыхъ отрядомъ легкихъ войскъ. Позади всего располагались триаріи, родъ резерва, подобно прежнему экстраординарному войску римлянъ. Въ интервалахъ между когортами становились также легкія войска и малыя метательныя машины. См. чертежъ, часть 1, стр. 156.

На флангахъ боевой линіи располагалось соотвѣтствующее число кавалеріи, причемъ легіонная т. е. тяжеловооруженные латники, примыкая непосредственно къ пѣхотѣ, а федераты и легкіе всадники, на наружныхъ флангахъ. Фалангообразное построеніе и масса метательныхъ орудій отнимали подвижность у боеваго порядка. Пѣхота, при своемъ плохомъ составѣ и вооруженная также по преимуществу метательнымъ оружіемъ, способна была только къ пассивной оборонѣ. Наступательная и рѣшающая роль принадлежала конницѣ.

Разныя злоупотребленія при наборѣ рекрутъ, злоупотребленія чиновниковъ во время прохожденія солдатами службы, общее растлѣніе нравовъ и изнѣженность были причинами того, что арміи, и особенно пѣхотныя части, пополнялись изъ самыхъ дурныхъ слоевъ общества. Все лучшее или чуждалось службы, или шло въ кавалерію. „Никто не хотѣлъ болѣе служить въ тяжеловооруженныхъ легіонахъ“, говоритъ Гейеръ, „всѣхъ манила служба въ легкой кавалеріи, которую начали вводить, подражая готамъ, аланамъ и гуннамъ“.

Принимая во вниманіе дурной составъ войскъ и способы дѣйствій противниковъ Византіи, на востокѣ сассанидовъ, на западѣ германцевъ — франковъ, готовъ и вандаловъ, боевой порядокъ легіона былъ цѣлесообразенъ. Разъ во главѣ арміи являлись талантливые полководцы, какъ Велизарій, Нарзесъ и императоръ Ираклій, которые сумѣли вселить духъ храбрости въ войска, они въ упомянутомъ боевомъ порядкѣ совершали блестящія побѣды. Но таковыхъ полководцевъ было немного; большею же частью греки терпѣли пораженія и на востокѣ и на западѣ. Слѣдовательно, если и одерживались побѣды, то не византійцами, а Велизаріемъ, Нарзесомъ, Иракліемъ, — подъ ихъ руководствомъ гуннами, герулами, готами, скиоами, массагетами и другими племенами, дававшими византійцамъ свою конницу.

Для болѣе нагляднаго уясненія образа дѣйствія византійскихъ и франкскихъ войскъ во времена Меровинговъ, постараемся разсмотрѣть столкновенія византійцевъ при самыхъ выдающихся ихъ полководцахъ Велизаріѣ и Нарзесѣ на востокѣ и въ Европѣ, именно сраженія при Дарѣ и Казилинумѣ. Эти сраженія мы избираемъ потому, что въ нихъ кавалерія играла довольно видную роль и, кромѣ того, свѣденія, о нихъ, дошедшія до насъ, сравнительно съ свѣденіями о другихъ битвахъ того времени, значительно полнѣе. Сраженіе при Дарѣ произошло между византійцами и персами, съ конницею которыхъ, предварительно описанію сраженія, постараемся познакомиться.

Конница персовъ—сассанидовъ.

Образовавшееся въ странѣ древнихъ персовъ, Паряянское государство, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и междоусобицъ, въ 225 году погибло. Ардширъ, внукъ Сассана, свергнувъ съ престола Артабана IV, паряянского царя, подчинилъ владѣнія его своей власти и объявилъ притязаніе на всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда Персіи. Это вовлекло его въ сильную борьбу съ римлянами, а потомъ съ византійцами, продолжавшуюся съ перерывами до самаго паденія персидскаго царства въ 641 году подъ ударами аравитянъ.

Особенно счастливо воевали съ римлянами Сапоръ II, а съ византійцами Хозрой I Нуширванъ и Хозрой II, овладѣвшій всею Малою Азіею, Сиріею, Іерусалимомъ и Египтомъ.

Военное устройство и военное дѣло у персовъ — сассанидовъ представляютъ почти тѣже главныя черты, какъ и у паряянъ, даже трудно ихъ между собою разграничить.

Главную силу и лучшую часть персидскихъ армій составляли царскіе тѣлохранители и дружины вельможъ и богатѣйшихъ землевладѣльцевъ персидскихъ, которые были обязаны военною службою въ соразмѣрности съ количествомъ владѣемой ими земли. Въ случаѣ войны они вооружали извѣстное число воиновъ и присоединялись съ ними къ войску. Богатое, знатное и гордое, высшее сословіе персидское еще хранило обычаи старины и въ молодости получало военное воспитаніе, отчасти напоминавшее древне-персидское и состоявшее въ различныхъ тѣлесныхъ, военныхъ и особенно конныхъ упражненіяхъ. Въ составъ персидскихъ армій входили, сверхъ того, войска подвластныхъ царей и народовъ. Арміями начальствовали сами цари или ихъ сыновья. Частное начальствованіе войсками было распределено между лицами высшаго персидскаго сословія.

Послѣднее служило и сражалось всегда на коняхъ, и потому главный и лучший родъ войскъ составляла весьма хорошая конница, которая дѣлилась на тяжело-вооруженную и легкую, сидѣвшую на статныхъ, быстрыхъ коняхъ, и страшная быстротою движеній и ловкостью.

Пѣхота была гораздо хуже, хотя и многочисленнѣе, ибо состояла большею частью изъ народныхъ ополченій, наскоро набранныхъ, почти не вооруженныхъ и побуждаемыхъ только надеждою на грабежъ и добычу.

Первые цари династїи Сассанидовъ пытались, вмѣстѣ съ другими древними обычаями, снова ввести древне—персидскіе костюмы, но эти попытки имѣли ничтожный успѣхъ. Низшія сословія оставались при своихъ обыкновенныхъ парянскихъ костюмахъ. Что-же касается высшихъ классовъ, то они подчинились стремленіямъ царей и стали носить одежду, которая приближалась къ древне—персидской.

Главными принадлежностями персидскаго костюма въ эпоху Сассанидовъ были кафтанъ и штаны. Штаны были иногда довольно узки, иногда весьма широки. То-же самое можно сказать о кафтанахъ. Кафтаны были снабжены длинными, довольно узкими рукавами, закрывались на груди и всегда перехватывались поясомъ. Иногда нижняя часть кафтана, начиная отъ пояса и до низу, была разрѣзана спереди, иногда разрѣзы дѣлались и съ боковъ.

Вмѣсто гладкихъ одноцвѣтныхъ матерій, изъ которыхъ приготовлялась одежда древнихъ персовъ, высшія сословія стали давать предпочтеніе узорчатымъ разноцвѣтнымъ тканямъ, узоры которыхъ состояли преимущественно изъ звѣздъ, разнообразно сплетенныхъ цвѣтовъ и листьевъ и изъ изображеній фантастическихъ животныхъ.

Костюмъ завершался плащемъ и башмаками, преимущественно изъ кожи, окрашенной въ красный цвѣтъ, и, наконецъ, головной покрывкой на подобіе фригійскаго колпака.

Вооруженіе персовъ, подобно вооруженію парянъ, состояло въ общемъ изъ щита, брони, кожанаго колпака или шлема; изъ лука съ колчаномъ и стрѣлами; изъ меча, кинжала, топора, сѣкиры съ однимъ или съ двумя лезвьями, изъ булавы и пращи.

Щиты въ кавалерїи употреблялись круглые и ромбоидальные.

Судя по остаткамъ статуи, высѣченной въ скалѣ и изображающей Хозроя, можно заключить, что для предохраненія въ бою носили кольчуги, доходящія до колѣнъ и снабженныя кольчатымъ капюшономъ, который натягивался на голову и совсѣмъ закрывалъ ее такъ, что оставались открытыми лишь узкія щели для глазъ. Поверхъ капюшона надѣтъ на голову круглый шишакъ, украшенный лентами и шишкой наверху. Кольчуга надѣта поверхъ кафтана, украшеннаго узорами, изображающими кресты, цвѣты и фигуры драконовъ.

Еще одна статуя, высѣченная въ скалѣ, изображаетъ царскаго воина въ кольчугѣ съ надѣтой поверхъ ея узкой курткой. Ноги совершенно обвиты желѣзными полосами, наискось черезъ грудь надѣтъ большой шарфъ, а голова покрыта шлемомъ, верхній конецъ котораго загнутъ напередъ и оканчивается звѣриной головой.

Объ употребленіи ручныхъ и ножныхъ латъ у персовъ этой эпохи говорится

Исторія конницы М. Мар-
кова.

Новоперсъ-Сассанидъ.

Источники: Прохоровъ,
Hottenroth

Тип. - Лит. И. Н. Кушнерова. № 1 Москва.

въ нѣкоторыхъ описаніяхъ; но изображенія этихъ латъ мы находимъ только въ памятникахъ живописи, относящихся къ XV или XVI столѣтіямъ.

Царскій шлемъ походилъ на корону и былъ снабженъ украшеніями изъ золотыхъ шаровъ, звѣриныхъ головъ и крыльевъ.

Персидскій мечъ былъ первоначально изогнутой формы и привѣшивался съ правой стороны; но уже при послѣднемъ царѣ изъ династіи Ахеменидовъ, Даріѣ, стали носить мечи съ прямыми клинками и привѣшивать ихъ съ лѣвой стороны, и только послѣ нашествія арабовъ вмѣстѣ съ прямыми мечами снова стали употреблять и кривые.

Вмѣстѣ съ другими скульптурными памятниками, статуя царя Хозроя и, вычеканенное изъ серебра, изображеніе царя Фируза даютъ намъ возможность составить довольно полную картину оборонительнаго вооруженія боевыхъ коней, употреблявшагося въ эпоху сассанидовъ. Въ одномъ видимъ, что лошадь защищена грудными и ножными латами; въ другомъ голова, шея и грудь лошади до колѣнъ покрыты пластинчатой броней, усаженной рядами кисточекъ. Вообще надо замѣтить, что персы, подобно древнимъ ассирійцамъ, чрезвычайно любили украшать какъ себя, такъ и своихъ лошадей множествомъ кисточекъ и круглыхъ пучковъ, нерѣдко достигавшихъ весьма значительнаго размѣра. Полная чешуйчатая сбруя, покрывавшая всадника вмѣстѣ съ конемъ, была, подобно пароянамъ и сарматамъ, въ употребленіи и у сассанидовъ. Конные воины сіяли металлическими бронями.

Главнымъ наступательнымъ оружіемъ конницы были копья, весьма значительной длины, висѣвшія на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ конской бронѣ, такъ что всаднику не приходилось носить самыхъ копій, но лишь давать имъ извѣстное направленіе во время сраженія.

Мы особенно остановились на описаніи предохранительнаго вооруженія персовъ по той причинѣ, что оно послужило образцомъ для тяжеловооруженной конницы арабовъ, монголовъ, кавказскихъ и всѣхъ восточныхъ народовъ послѣдующихъ вѣковъ.

Строй и образъ дѣйствій персовъ были тѣже, что и у пароянъ. Среди роскоши и изнѣженности, чуждые воинскихъ добродѣтелей и порядка, персы полагали надежду свою болѣе на численное превосходство, нежели на храбрость и воинскую подчиненность и порядокъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ безпрестанно прибѣгали къ хитростямъ.

Сраженіе при Дарѣ въ 530 г. по Р. Х.

Рядъ пораженій, нанесенныхъ персами византійцамъ, заставилъ императора Юстиніана ввѣрить начальство надъ войсками въ восточныхъ областяхъ талантливому Велизарію. Съ арміею, состоявшею только изъ 25000 малонадежнаго и упавшаго духомъ войска, онъ двинулся къ равнинамъ, окружающимъ городъ Дару,

куда направлялось также персидское войско, состоявшее изъ 40000 отборной конницы, подъ предводительствомъ Миррана. Открытое мѣстоположеніе и малочисленность византійцевъ заставили Велизарія прибѣгнуть къ укрѣпленію позиціи. Онъ приказалъ прикрыть фронтъ на пространствѣ между горами и болотомъ ровомъ съ валомъ, въ начертаніи приблизительно показанномъ на планѣ. Вслѣдствіе этого персы для атаки греческаго стана должны были вдаваться внутрь укрѣпленныхъ линій и подвергаться перекрестному обстрѣливанію. Многочисленные выходы, прикрытые укрѣпленіями, позволяли византійцамъ дѣлать вылазки и, въ случаѣ надобности, перейти въ наступленіе.

Велизарій войска свои расположилъ такъ: пѣхота съ метательными машинами построилась вдоль центрального вала, за нею резервная конница; въ выдвинутыхъ впередъ флангахъ поставлена была федеративная конница гунновъ Суника и Сими и геруловъ Фара, а внѣ укрѣпленій, въ углахъ, образуемыхъ центральнымъ ровомъ и перпендикулярными къ нему боковыми валами, стали конные лучники массагетовъ по 600 всадниковъ: въ лѣвомъ углу подъ начальствомъ Эгана, въ правомъ Аскана.

Два дня персы не рѣшались атаковать позиціи Велизарія, и дѣло ограничилось перестрѣлкою, стычкою на лѣвомъ флангѣ византійцевъ и единоборствомъ двухъ воинствъ. Между тѣмъ персы въ это время успѣли притянуть къ себѣ еще 10000 человекъ, вѣроятно, пѣхоты, и, доведя армію свою до 50000, приобрѣли двойной перевѣсъ въ силахъ.

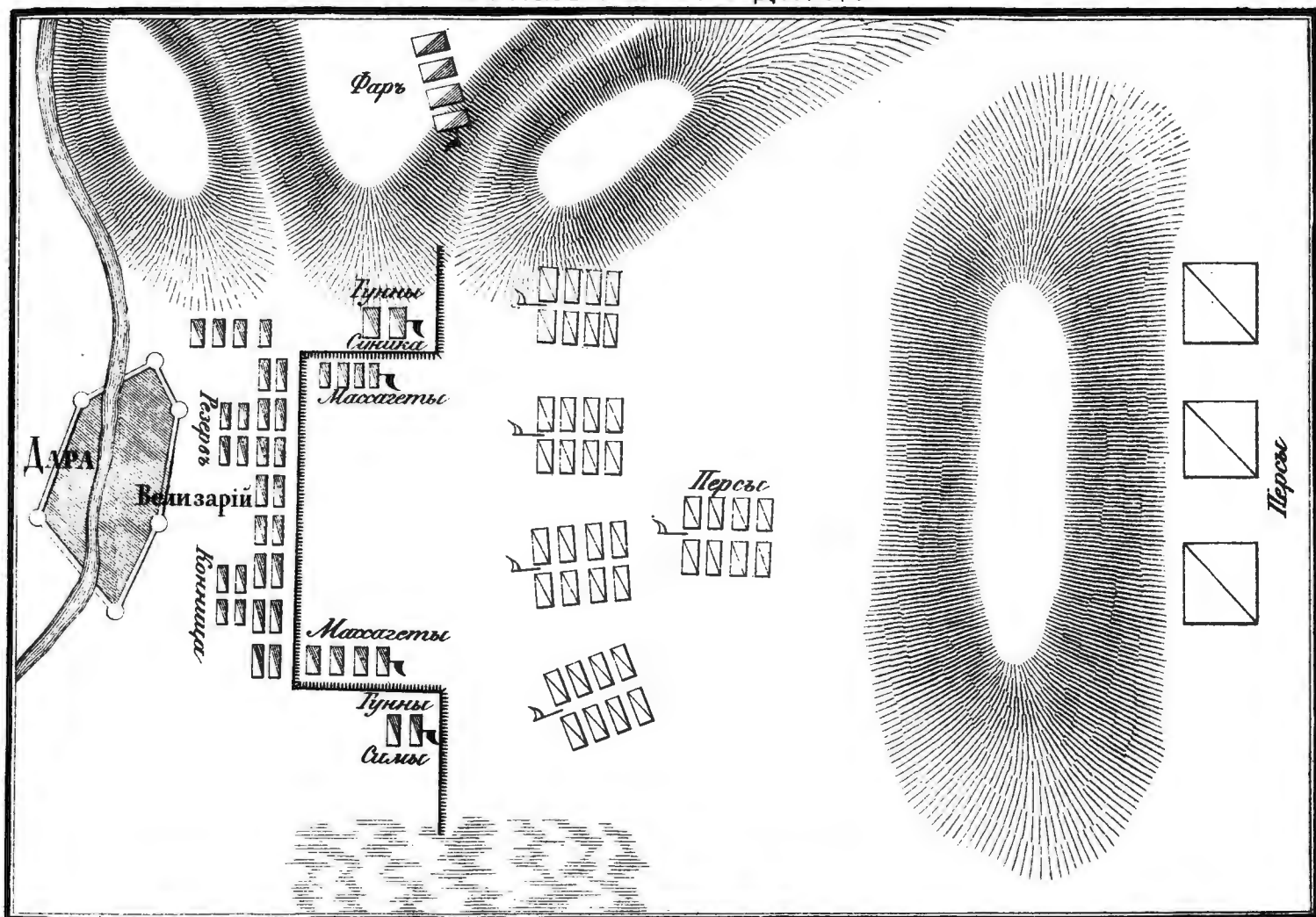
На третій день персы рѣшились произвести атаку. Для этого распредѣлили свои силы такъ: въ центрѣ построилась пѣхота и конные лучники и начали пускать въ византійцевъ цѣлая облака стрѣлъ; прочая конница устроилась по флангамъ въ двѣ линіи. Правое крыло, подъ начальствомъ Питіаса, должно было произвести атаку противъ лѣваго фланга византійцевъ; лѣвое крыло, за которымъ поставленъ былъ въ резервъ отрядъ безсмертныхъ (тяжеловооруженная конница), подъ непосредственнымъ командованіемъ самого Миррана, назначено было для атаки лѣваго фланга Велизарія.

Перестрѣлка легкихъ войскъ не привела ни къ какимъ результатамъ; византійцы, укрытые валомъ, наносили персамъ несравненно больше вреда, и потому, истощивъ запасъ стрѣлъ, Питіасъ двинулся въ атаку. Атака эта произведена была съ замѣчательной энергіей. Снявъ массагетовъ Эгана, Питіасъ съ своею конницею ворвался въ укрѣпленія и обратилъ пѣхоту лѣваго фланга византійцевъ въ бѣгство. Но въ это время гунны Суники ударили Питіасу во флангъ, а Фаръ съ тремястами геруловъ выскочилъ изъ засады и атаковалъ съ тылу. Произошла страшная рѣзня, въ которой персы потеряли до 3000 убитыми, были опрокинуты и ускакали въ большомъ безпорядкѣ.

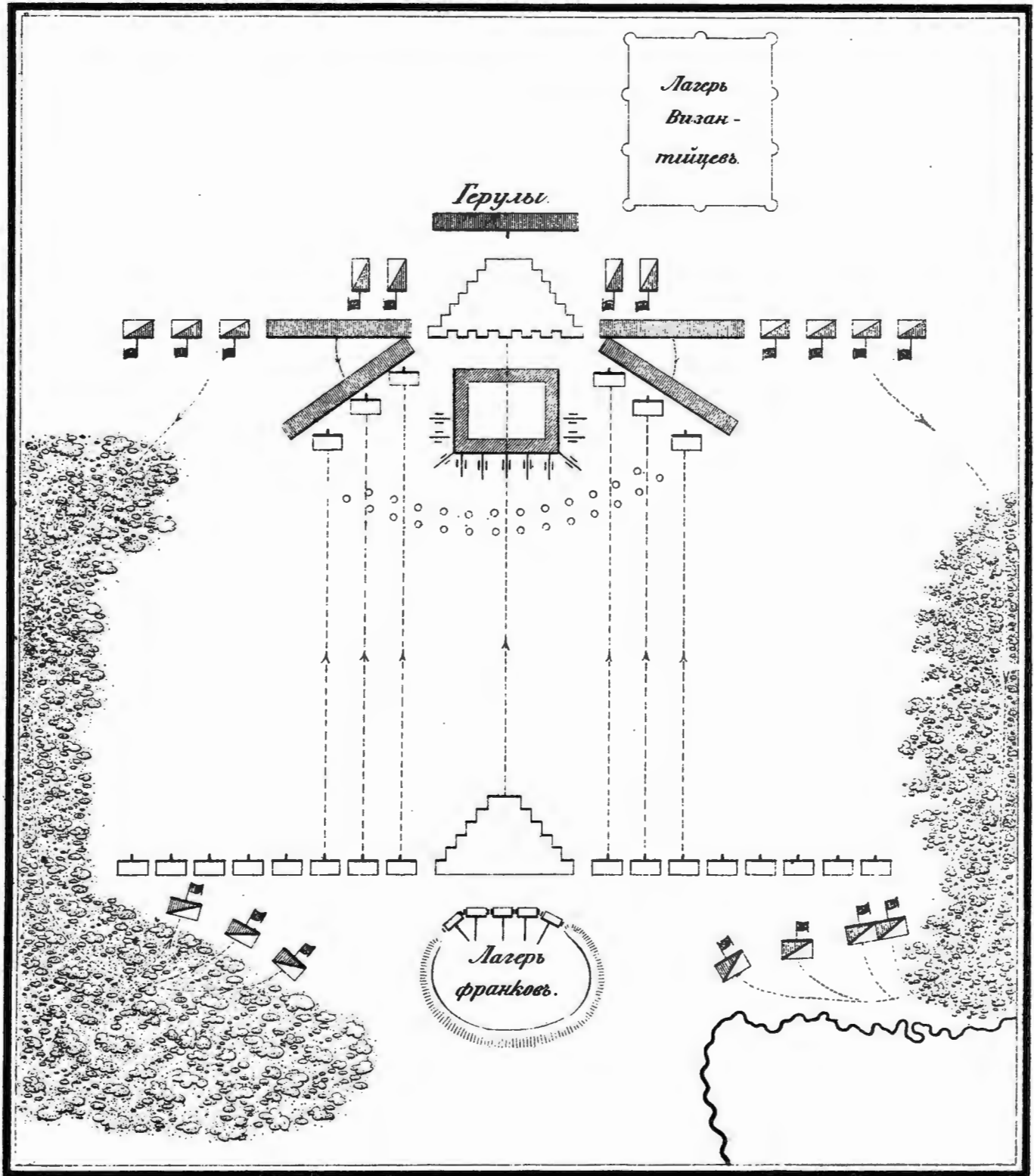
Атака Миррана противъ праваго фланга византійцевъ произведена была нѣ-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ДАРА.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ КАЗИЛИНУМЪ.

сколько позже атаки Питіаса, такъ что Велізарій, отдѣлавшись отъ него, успѣлъ конницу гуновъ и массагетовъ перевести съ лѣваго фланга на помощь правому. Туда-же перешла и часть конницы, стоявшей за пѣхотой.

Атака Миррана произведена была съ такою же стремительностью, какъ и на правомъ флангѣ; но тутъ конница персовъ нашла себѣ достойныхъ противниковъ въ гуннахъ и массагетахъ и, не смотря на всѣ усилія, не смотря на то, что отрядъ безсмертныхъ, забывъ свое назначеніе какъ резерва, ввязался въ общій бой, персы одолѣть не могли. Велізарій, устроивъ разбитую пѣхоту и свой лѣвый флангъ и замѣтивъ, что персы ввели въ дѣло всѣ свои войска, вдругъ приказалъ всему центру и лѣвому флангу перейти въ наступленіе. Изумленные всадники Миррана остановили свои атаки, но, разрѣзанные фланговымъ ударомъ гунновъ и поражаемые со всѣхъ сторонъ тучами стрѣлъ, обратились въ бѣгство. Пѣхота побросала щиты и почти вся была истреблена. Конницу персовъ византійцы не преслѣдовали, такъ какъ Велізарій опасался, чтобы персы не повернули назадъ и не атаковали вторично его войска, выдвинувшіяся въ открытое поле.

Изъ описаннаго сраженія видно, что пѣхота греческая была выстроена въ фалангообразномъ порядкѣ — въ одну линію, безъ резерва; конница стояла по флангамъ и въ засадѣ. Пѣхота принимала участіе только въ перестрѣлкѣ и, при натискѣ непріятельской конницы, не смотря на то, что стояла за укрѣпленіями, не только не оказала должнаго сопротивленія, но сама обратилась въ бѣгство и служила, какъ говоритъ Пузыревскій, только точкою опоры для конницы. Причиною этому было крайне дурное состояніе византійской пѣхоты, такъ какъ она набиралась, какъ выше было замѣчено, и пополнялась самыми сомнительными контингентами.

Главная роль и всѣ активныя дѣйствія принадлежали кавалеріи, которая была поставлена и употреблена въ дѣло превосходно, не говоря уже о томъ, что и составъ ея былъ превосходный. Будучи вдвое, а можетъ быть втрое слабѣе непріятельской конницы, она отражаетъ сначала покушенія противъ праваго фланга, а потомъ поспѣваетъ и на помощь лѣвому.

Распоряженія для атаки византійскаго боеваго порядка, сдѣланныя Мирраномъ, были цѣлесообразны. Изъ размѣщенія въ центрѣ пѣхоты и лучниковъ, а по флангамъ линейной конницы видно, что онъ хорошо понималъ опасность, въ которую могли попасть персидскія войска, если бы они атаковали центръ Велізарія. Атака Питіаса произведена была энергично съ большимъ первоначально успѣхомъ; но, къ сожалѣнію, онъ не оставилъ ничего въ резервѣ, который бы могъ оградить отъ непріятельской атаки во флангъ и тылъ. Тоже самое можно сказать о Мирранѣ, который, хотя имѣлъ въ резервѣ отрядъ безсмертныхъ, но отрядъ этотъ, вслѣдъ за первою атакою Миррана, ввязался въ дѣло, и персы на лѣвомъ флангѣ подобнымъ же образомъ, какъ и Питіасъ, были охвачены и опрокинуты ударомъ

во флангъ. Матеріалъ персидской конницы былъ превосходный, какъ по составу лошадей, такъ и по привычкѣ всадниковъ къ конному дѣлу. Отъ того-то даже послѣ одержанной побѣды Велизарій не рѣшился, какъ замѣчено было уже, произвести преслѣдованія.

Такой же характеръ имѣли и другія сраженія между византійскими войсками и персидскими. Незаконченность пораженій, которыя неоднократно наносили византійцы новоперсамъ, вела къ тому, что персы скоро оправлялись и въ свою очередь наносили грекамъ жесточайшія пораженія и даже при Хозроѣ II овладѣли было Малою Азіею, Сиріею и Египтомъ.

Сраженіе при Казилинумѣ въ 554 г. по Р. Х.

Теперь постараемся описать столкновеніе византійцевъ съ франками, которое нагляднымъ образомъ можетъ выяснитъ характеръ тактики и употребленія различныхъ родовъ оружія, какъ византійцами въ войнахъ съ европейскими народами, такъ и франками временъ Меровинговъ.

Нарзесъ, посланный императоромъ Юстиніаномъ, чтобы остановить успѣхи готскаго короля Тотилы, который овладѣлъ Римомъ, почти всею Италіею и Сициліею и даже нападалъ на берега Греціи, направился въ 552 г. отъ Филипополя черезъ Далмацію къ Равеннѣ. Войска его состояли изъ разныхъ народностей: пѣхоту составляли византійцы и герулы; большая часть конницы состояла изъ гунновъ, было 3000 конныхъ геруловъ, 600 гепидовъ и отрядъ персовъ. Не смотря на разнокалиберность состава, Нарзесъ въ теченіи зимняго времени до открытія похода занялся обученіемъ своего войска и умѣлъ вселить такой въ него духъ, что, цѣлое столѣтіе Греческая имперія не имѣла такого войска, какое было подъ начальствомъ Нарзеса ¹⁾.

Въ особенности хороша была конница гунновъ, но исключеніе составляли сами византійцы.

Прибывъ въ Италію, Нарзесъ въ двухъ битвахъ при Лентаджіо и Везувіѣ уничтожилъ армію готовъ, овладѣлъ Римомъ и многими другими городами Италіи. Между тѣмъ въ Павіи собрались остатки разбитыхъ готовъ, которые послали просить помощи у франковъ и аллемановъ. По этому зову два герцога и брата Буцелинъ и Левтарисъ перешли съ многочисленнымъ войскомъ, около 70 тысячъ, черезъ Альпы и двинулись къ рѣкѣ По. Разбивъ выдвинутаго противъ нихъ Фулкариса съ отрядомъ геруловъ, они перешли Аппенины, миновали Римъ и, раздѣлившись, двумя дорогами продолжали путь въ южную Италію. Захвативъ богатую добычу, Левтарисъ сначала вернулся въ сѣверную Италію, а потомъ вслѣдствіе болѣзней въ арміи повернулъ туда и Буцелинъ и подошелъ къ р. Казилину (Casilinum)

¹⁾ Воен. энцикл. лексик. 1855 г., т. IX., стр. 253.

Исторія конницы М. Мар-
кова.

НАРЗЕСЪ.

Источники: Weltgeschichte.

близь Капуа (Carua nova). Здѣсь, узнавъ о движеніи на встрѣчу Нарзеса, онъ укрѣпилъ свой станъ тыномъ и повозками и на рѣкѣ, прикрывавшей его правый флангъ устроилъ башню, которая защищала мостъ. Изъ этихъ распоряженій можно заключить, что Буцелинъ не имѣлъ въ виду тотчасъ вступить въ бой съ Нарзесомъ, а, вѣроятно, ждалъ присоединенія Левтариса, который увелъ съ собою всю конницу франковъ.

Нарзесъ, прибывъ къ Казилину, не рѣшился атаковать Буцелина, имѣя только 18 тысячъ войскъ противъ 30 тысячъ, но особенный случай вовлекъ его въ бой. Небольшой отрядъ Нарзеса напалъ на транспортъ франковъ и, преслѣдуя его, овладѣлъ мостомъ черезъ Казилинъ и сжегъ башню. Это до такой степени раздражило Буцелина, что онъ рѣшился сразиться съ однѣми своими силами и выстроилъ ихъ къ бою.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе, представляло равнину между двумя рощами, которыя закрывали фланги арміи франковъ и способствовали скрытному къ нимъ приближенію непріятеля.

Войска франковъ состояли изъ одной пѣхоты. Раздѣливъ ихъ на три части, Буцелинъ въ центрѣ поставилъ отрядъ отборныхъ воиновъ клиномъ. Прочіе отряды, построенные въ четырехугольники въ 80 человекъ по фронту и 18 въ глубину, должны были прикрыть клинъ съ фланговъ. Перелѣски не были осмотрѣны.

Пѣхота Нарзеса также построилась фалангою въ одну линію; отрядъ отборныхъ тяжелооруженныхъ воиновъ, сдвинувшихъ щиты и составившихъ, такъ называемую, черепаху, поставленъ былъ въ серединѣ передъ линіею фалангъ. Конница стала по флангамъ пѣхоты, а часть ея стала во второй линіи.

Легкія войска Нарзеса, выдвинутыя впередъ, открыли бой стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ камней изъ пращей. Но франки не заставили себя долго ожидать. Громадный клинъ неистово устремился впередъ, разгромилъ черепаху византійцевъ, прорвалъ центръ и бросился на лагерь; но въ это время былъ встрѣченъ герулами, которые только что вернулись къ Нарзесу и составили общій резервъ.

Между тѣмъ пользуясь перелѣсками, Нарзесъ повелъ свою конницу въ обходъ обоихъ фланговъ Буцелина, и въ то время, когда клинъ франковъ громилъ византійскую черепаху, конница гунновъ, выскочивъ изъ лѣсу, бросилась на фланговые отряды франковъ, заставила ихъ отхлынуть въ безпорядкѣ вслѣдъ за клиномъ и произвела страшную рѣзню.

Прочія войска Нарзеса охватили фланги клина и другихъ войскъ Буцелина, скучившихся къ серединѣ, и снова повторилось нѣчто подобное Каннскому побоищу, гдѣ скучившіяся въ серединѣ войска римлянъ были стиснуты со всѣхъ сторонъ кольцомъ, составленнымъ изъ войскъ кароагеныанъ. Въ Казилинскомъ сраженіи точно также, по мѣрѣ истребленія разсвирѣпѣвшими гуннами и герулами франковъ, кольцо все сжималось и сжималось, пока изъ тридцати тысячъ Буцелина

осталось по нѣкоторымъ свѣденіямъ 5, ¹⁾ а по другимъ 5000 ²⁾ человекъ. Самъ Буделинъ умеръ съ мечемъ въ рукѣхъ.

Разбирая описанное сраженіе, мы видимъ, что византійская пѣхота, не смотря на то, что она считалась отборною, не смотря на то, что была построена черешахою, какъ и въ сраженіи при Дарѣ, не выдержала натиска непріятеля и при первомъ ударѣ была разсѣяна. Это есть новое подтвержденіе того, какъ низко было нравственное состояніе собственныхъ византійскихъ войскъ, и, если одержана была побѣда, то только благодаря превосходнымъ распоряженіямъ Нарзеса и войскамъ федератовъ, которые по нравственному состоянію способны были исполнить распоряженія своего полководца. Въ самомъ построеніи боеваго порядка видно, что Нарзесъ хорошо понималъ обстановку, свойства своего противника и своихъ войскъ. Прежде всего бросается въ глаза оставленіе резерва изъ геруловъ въ то время, когда римляне, перейдя къ боевому порядку въ видѣ фаланги въ одну линію, давно уже не прибѣгали къ этой важной мѣрѣ для обезпеченія успѣха боя.

Употребленіе конницы въ сраженіи при Казилинѣ вышѣ всякихъ похвалъ. Воспользовавшись перелѣсками, въ направленіи къ флангамъ франковъ, Нарзесъ предоставилъ прочимъ войскамъ дѣйствовать во флангъ разстроивавшагося клина, а самъ двинулся съ конницею гунновъ для нападенія въ тылъ. Выбралъ онъ для этого гунновъ потому, что по легкости своихъ коней и страшной энергіи они больше всего были къ этому способны. И дѣйствительно разгромъ фланговыхъ отрядовъ франковъ едва-ли не важнѣе былъ пораженія нанесеннаго герулами клину, такъ какъ клинъ вѣроятно составленъ былъ не болѣе какъ изъ $\frac{1}{3}$ всей арміи франковъ; и если-бы клинъ франковъ не встрѣтилъ резервъ геруловъ, а беспрепятственно бросился грабить лагерь то, нѣтъ сомнѣнія, что послѣ разгрома фланговъ, заключавшихъ въ себѣ вмѣстѣ около $\frac{2}{3}$ арміи, беспорядочная толпа грабителей была бы разсѣяна. Но, благодаря превосходнымъ распоряженіямъ Нарзеса, случилось такъ, что съ одной стороны ударила на франковъ пѣхота, съ другой и во фланги конница; оттого и пораженіе вышло еще болѣе ужасное, какъ всегда случается при взаимномъ содѣйствіи обоихъ родовъ оружія—пѣхоты и конницы.

Относительно франковъ сраженіе при Казилинѣ подтверждаетъ раньше нами уже сказанное о тактикѣ во времена Меровинговъ. Боевой порядокъ въ одну линію безъ резерва; войска построены въ глубокіе массы въ видѣ клина и четырехугольниковъ въ 18 шеренгъ; конницы совсѣмъ нѣтъ, а потому нѣтъ наблюденія за флангами и некому парировать удары во флангъ. Войска, разъ пущенные въ бой, предоставляются самимъ себѣ. Управлять ими, тѣмъ болѣе при отсутствіи резерва, крайне трудно. Слѣдовательно весь расчетъ на беззавѣтную удалъ и силу

¹⁾ Голицынъ, В. И. среднихъ временъ ч. I, стр. 54.

²⁾ Воен. энцикл. лексиконъ т. IX, стр. 254.

натиска. Но оказалось, что этого далеко недостаточно. Побѣда оказалась на сторонѣ слабѣйшаго, но болѣе искуснаго.

Г л а в а 3-я.

Конница Аравитянъ. Одежда вооруженіе и снаряженіе. Коневодство. Устройство войскъ и образъ дѣйствія въ бою. Мавры въ Испаніи. Тарикъ—ибнъ—Зейдъ въ бою при Хересѣ—де—ла Фронтера.

Вдохновленные ученіемъ Магомета, арабы сдѣлались народомъ, имѣвшимъ всемірно историческое значеніе. Подъ вліяніемъ ислама эти скромные обитатели пустыни оставили свою родину и могучимъ, побѣдоноснымъ потокомъ разлились по всему Востоку вплоть до Инда, по сѣверной Африкѣ и югозападной Европѣ.

На основаніи корана каждый правовѣрный или принявшій мусульманство обязанъ былъ съ мечемъ въ рукѣ распространять ученіе Магомета. Вслѣдствіе этого все способные носить оружіе безъ различія сословій и состояній были войны; а такъ какъ, по словамъ пророка, кто умираетъ, неучаствовавъ въ войнѣ за вѣру и отечество, тотъ обрекается лишь гніенію ¹⁾, то все аравитяне пылали страшнымъ одушевленіемъ, чтобы боемъ съ невѣрными заслужить себѣ вѣчныя наслажденія въ будущей жизни.

Войско съ которымъ Абу—Бекръ, первый халифъ, предпринялъ покореніе вселенной, ученію Алкорана имѣло жалкій видъ. Составленное изъ дикихъ кочующихъ племенъ Хеджаса, изъ бѣдныхъ земледѣльцевъ Іеменскихъ долинъ и пастуховъ гористаго Омана, полунагое, и дурновооруженное, оно выступило подъ предводительствомъ неопытныхъ вождей безъ всякаго порядка и устройства. Но мало по малу, овладѣвая богатствами покоренныхъ народовъ, развиваясь и совершенствуясь, аравитяне, вопреки корану, пріобрѣли любовь къ роскоши и находили удовлетвореніе въ богатствѣ и причудливости костюмовъ. Золото и серебро, украшавшія потомъ ихъ бранную одежду и оружіе, составляли разительную противоположность съ наготою первыхъ защитниковъ исламизма. Полунагой стрѣлокъ пустыни, встрѣчаемый еще изрѣдка въ рядахъ, былъ уже болѣе предметомъ презрѣнія, чѣмъ состраданія.

Въ началѣ аравитяне сражались пѣшкомъ. Въ сраженіи при Бедрѣ у Магомета было только три лошади и 70 верблюдовъ, но при преемникахъ его арміи аравитянъ состояли изъ одной почти конницы. Въ постановленіяхъ ислама, говорить Пузыревскій ²⁾ указывается цѣль и назначеніе каждаго рода оружія. Каван-

¹⁾ Взято у Пузыревскаго, стр. 138.

²⁾ Стр. 139.

лерія составляла ядро арабскаго войска, а потому исламъ строго предписываетъ надлежащій уходъ за лошадыю.

По завоеваніи аравитянами, въ половинѣ VIII вѣка, всей западной Азіи, сѣверной Африки и Испаніи, они раздѣлились на восточныхъ, и на западныхъ, прозванныхъ маврами.

Одежда вооруженіе и снаряженіе.

Первоначальная одежда арабовъ была изъ верблюжей шерсти, но по мѣрѣ приобрѣтенія богатствъ и развитія вкуса, она замѣнялась бумажными и шелковыми тканями, украшенными фантастическими узорами и изображеніями животныхъ. Властвуя въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, арабы заимствовали изъ костюмовъ покоренныхъ ими народовъ ту или другую часть, и потому между костюмами арабовъ, населяющихъ разныя страны, господствовало большое разнообразіе.

Мужская одежда мавровъ состояла вообще изъ рубашки, штановъ, башмаковъ, шапки, чалмы и капюшона. Рубашка была снабжена болѣе или менѣе широкими рукавами и доходила ниже икры. Штаны не прилегали плотно къ ногамъ и у широкое подвязывались. Капюшонъ или прикрѣплялся къ рубашкѣ, или составлялъ вполне самостоятельную часть одежды; въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ соединенъ съ широкимъ воротникомъ или пелеринкой, застегивавшейся спереди на груди; эти капюшны съ пелеринками арабы заимствовали у народовъ населявшихъ римскія провинціи. Занесенная римлянами пенула (плащъ) также вошла во всеобщее употребленіе у мавровъ.

Люди высшихъ сословій носили кромѣ того еще длинное и широкое одѣяніе, рукава котораго были еще шире и короче рубашки и покрывали верхнюю часть рукъ наподобіе пелеринки. Это одѣяніе около конца XIII столѣтія появилось и во Франціи подъ названіемъ „garnache“, и употреблялось какъ дворянами, такъ и горожанами.

Кромѣ этой одежды, употребленіе которой подтверждается средневѣковыми памятниками живописи, у мавровъ, по всей вѣроятности, были въ употребленіи первобытный кафтанъ и длинный, широкій халатъ съ рукавами. вмѣсто капюшона они нерѣдко покрывали голову чалмой, состоявшей изъ куска матеріи въ формѣ широкой и очень длинной повязки, этой повязкой искусно обвертывалась либо только верхняя часть головы, либо вся голова до щекъ, затылокъ и шея; въ послѣднемъ случаѣ свободные концы повязки спускались по плечамъ, сверху, смотря по желанію, надѣвали пелеринку съ капюшономъ.

Восточные арабы носили верхнее платье, которое соединено было съ капюшономъ и имѣло широкіе рукава, скроенные наподобіе пелеринки. Отъ арабовъ одѣяніе это, подъ названіемъ „Esclavine“, перешло къ пилигриммамъ, посѣщавшимъ св. мѣста въ XII и XIII вѣкахъ.

Во время охоты, а иногда въ бою мавры обыкновенно подбирали вверхъ съ обѣихъ сторонъ свое длинное одѣяніе и затыкали его за поясъ, голени же особо защищали кожанними штиблетами.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ отдѣльные арабскіе роды имѣли обыкновеніе одѣваться въ платье извѣстнаго цвѣта, причемъ знамя рода окрашивалось въ этотъ же цвѣтъ. Обычай этотъ особенно соблюдался въ военное время: въ родѣ оміядовъ избраннымъ цвѣтомъ былъ бѣлый, у фатимидовъ—зеленый, у абассидовъ—черный.

Подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, мавры обращали особенное вниманіе на бороду и тщательно холили ее, они давали ей расти въ длину и лишь весьма немного подстригали ее. Такимъ же точно образомъ они обращались съ волосами на головѣ, въ противоположность ихъ восточнымъ соплеменникамъ, которые сбривали до гола волосы на головѣ, оставляя лишь одинъ клокъ на макушкѣ.

Арабы отличались большимъ искусствомъ дѣлать насѣчки на металлѣ, т. е. украшать металлическія пластинки узорами изъ другаго, болѣе мягкаго металла; это искусство, называющееся дамаскированіемъ, преимущественно примѣнялось для украшенія оружія. Древне-арабское оружіе считается лучшимъ, прекраснѣйшимъ оружіемъ въ мірѣ. Вооруженіе арабовъ до Магомета состояло изъ лука со стрѣлами, пращи, дротика изъ бамбуковой трости или твердаго дерева, криваго кинжала и не очень большаго круглаго щита, обтянутаго кожей гишпопотама; одни только предводители употребляли лучшее оружіе осѣдлыхъ сосѣднихъ народовъ. „По восточному обычаю исламъ особенно благосклоненъ къ стрѣлкамъ изъ лука, онъ повелѣваетъ упражняться въ дѣйствіяхъ имъ и точно указываетъ родъ этихъ упражненій“ ¹⁾. По этому и любимымъ оружіемъ арабовъ всегда оставался сильно изогнутый лукъ; стрѣлы были сдѣланы изъ длинной трости съ перьями и широкимъ желѣзнымъ наконечникомъ; употреблялись также луки съ двойной кривизной и прямолинейной рукояткой, затѣмъ большіе луки, натягивавшіеся ногами, и наконецъ самострѣлы, изъ которыхъ стрѣляли пятифунтовыми стрѣлами.

Послѣ лука главнымъ образомъ нападательнымъ оружіемъ служило ударное копье съ остроконечной пяткой, обыкновенно украшенное кусками пестрой кожи и сукна, а унизняго конца пучкомъ изъ конскаго волоса; этихъ украшеній мы, впрочемъ, не находимъ на изображеніяхъ мавританскихъ копій.

Съ древнѣйшихъ временъ арабы употребляли мечи, какъ прямые, такъ и кривые. „Судьба пребываетъ въ тѣни копій, а рай въ тѣни мечей; ключъ къ нимъ одинъ и тотъ же ²⁾“.

Именскіе клинки были прямые, бассорскіе — кривые. Испанскіе арабы по видимому отдавали предпочтеніе прямымъ мечамъ. Слава толедскихъ клинковъ была въ то время всемірная.

¹⁾ Пузыревскій стр. 139

²⁾ Взято у Пузыревскаго стр. 139.

Всѣ клинки украшены были золотой насѣчкой, изображающей различныя растенія. На одномъ изъ нихъ мы находимъ надпись, сдѣланную въ видѣ арабеска и поучающую, что власть исходитъ отъ Бога, а не отъ меча. Въ переводѣ эта надпись гласитъ: „одинъ только Богъ побѣждаетъ“!

Къ древнѣйшему нападательному оружію арабовъ принадлежатъ также кинжалы, ножи, съ прямыми и кривыми клинками, боевыя сѣкиры и булавы.

Главнымъ оборонительнымъ оружіемъ у древнихъ арабовъ былъ щитъ, имѣвшій форму круглаго, глубокаго таза, съ рукояткой на внутренней сторонѣ. Въ отличіе отъ этой первоначальной формы, мавританскій щитъ имѣлъ форму большаго двойнаго овала; онъ былъ сдѣланъ, вѣроятно, изъ кожи и снабженъ изнутри двумя рукоятками для руки и пальцевъ, а снаружи широкимъ металлическимъ краемъ и разноцвѣтными кистями.

Только восточные арабы носили, кромѣ щита, шлемы, кальчуги и латы; эти виды оружія заимствованы у персовъ.

Шлемъ имѣлъ форму полукруглой, сильно заостренной шапки съ кольчатой привѣской. Впослѣдствіи не раньше XIV столѣтія къ нему стали придѣлывать отъдвижной желѣзный наносникъ. Для защиты отъ солнца его обертывали шалью.

Кольчуга доходила до колѣнъ и имѣла короткіе рукава. Кромѣ этого употреблялись кольчуги, состоявшія отчасти изъ колець, отчасти изъ металлическихъ пластинокъ.

Наручныя латы, закругленныя у локтя, переходили черезъ пястевое сочленіе и оканчивались у начала пальцевъ. Всадники носили перчатки изъ листовой жести и сапоги обложенные также жестью.

Сѣдла арабскія, какъ почти у всего восточнаго міра состояли изъ деревяннаго ленчика съ двумя высокими дугами обтянутаго красной или желтой кожей и подушки. Формы стремянъ значительно видоизмѣнялись въ различныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ. Большею частью онѣ состояли изъ широкой горизонтальной полосы, по обѣимъ сторонамъ которой прикрѣплялись болѣе или менѣе высокія боковыя пластинки. У мавровъ горизонтальная пластинка оканчивалась сзади длиннымъ остриемъ, замѣнявшимъ шпоры. Иногда по примѣру персовъ и лошади покрывались бронями изъ пластинокъ соединенныхъ между собою цѣпочками.

Относительно того, была ли уздечка или нѣчто въ родѣ мундштука у аравилянъ, сказать трудно. На сохранившихся скульптурныхъ памятникахъ и вычеканенномъ изъ серебра изображеніи царя Сассанидовъ Фируза ¹⁾ видѣнъ какъ будто мундштучный рычагъ, но въ описаніяхъ нигдѣ объ этомъ не упоминается.

Первый разъ о быстрыхъ коняхъ Аравіи упоминаетъ Амміанъ Марцелинъ, жившій во второй половинѣ IV столѣтія. Между арабскими иппологами существуетъ преданіе, что лучшія ихъ лошади происходятъ отъ жеребца Седъ-эль-ра-

¹⁾ Hottenroth.

Исторія конницы
М. Маркова

А р а в и т я н е .
Арабская лошадь.

Источники: рисунокъ Горнильда,
портретъ лошади „Кбешанъ“ въ
журналѣ Коннозаводства.

кубъ, подареннаго Царемъ Соломономъ людямъ сопутствовавшимъ царюцѣ Балкисъ, которая впоследствии сдѣлалась его супругой. Но нѣкоторые полагаютъ, что всѣ хорошія лошади происходятъ отъ пяти любимыхъ кобылицъ Магомета, на которыхъ будто бы онъ совершилъ свое бѣгство изъ Мекки въ Медину, и отъ этихъ пяти кобылъ, въ названіяхъ которыхъ есть разногласіе, производятъ пять главныхъ племенъ лошадей. Въ уваженіе этого и убѣдившись, что матки болѣе жеребцовъ имѣютъ вліяніе на потомство, аравитяне ведутъ родословныя лошадамъ не по жеребцамъ, какъ въ подражаніе англичанамъ дѣлалось во всей Европѣ, но по маткамъ.

Аравія раздѣляется въ географическомъ отношеніи съ давнихъ временъ на три части: на счастливую Аравію съ областями Іемень, Оманъ, Гадрамуть и др., составляющими страну гористую, плодоносную, но мало замѣчательную по скотоводству и еще менѣе по коневодству; на каменистую Аравію, заключающую въ себѣ пустыню при горѣ Синаѣ и область Геджасъ при Черномъ морѣ, она песчана, камениста, бѣдна водою, и потому бесплодна. Здѣсь лошадей мало, ихъ замѣняютъ верблюдами. Третья часть есть пустынная Аравія, простирающаяся отъ Сиріи и Палестины до Персидскаго залива и Индѣйскаго моря. Огромное это пространство раздѣляется на пустыни или области Неджидъ, Аль-Джезира, Иракъ, Гаджаръ и на Сирійскую пустыню. Здѣсь скитаются бедуины, занимающіеся коннозаводствомъ, не смотря на то, что лишь немногія полосы этой страны и низменные мѣста скудно покрыты травой и кустарниками. Только зимою, во время періодическихъ дождей, почти все это пространство покрывается зеленью, и тогда отбѣдаются голодныя лошади, которыя въ жаркое время года скудно питались ячменемъ съ соломою, финиками, верблюжьимъ молокомъ, бараньимъ мясомъ, — словомъ, чѣмъ попало, или даже должны отыскивать себѣ корни сожженныхъ солнцемъ травъ и растеній. Недостатокъ въ кормѣ, обыкновеніе бедуиновъ разводить только самыхъ кровныхъ лошадей, употребленіе ихъ только подъ верхъ и бѣдность кочующихъ бедуиновъ суть причины малочисленности лошадей въ Аравіи. У бедуина одна кобыла и иногда нѣсколько жеребятъ; но многіе и того не имѣютъ, а иногда одной кобылой довольствуются трое и четверо хозяевъ; тотъ, кто ее кормитъ, въ продолженіи того времени ею пользуется, барышъ отъ продажи жеребятъ или раздѣляется поровну между владѣльцами матки, или одинъ изъ нихъ отказывается отъ извѣстнаго числа жеребятъ, которымъ удовлетворяются остальные владѣльцы, и тогда matka достается ему въ полное владѣніе. Только эмиры и шейхи имѣютъ по нѣскольку лошадей, и собираютъ подать жеребятами, изъ которыхъ лучшихъ оставляютъ для приплода, а остальныхъ продаютъ. Вотъ почему крайне затруднительно купить арабскую кобылу.

Лучшія арабскія лошади Неджидскія, которыя разводятся въ поколѣніи Когейль, и подъ общимъ названіемъ Неджи опредѣляются всѣ пять главныхъ пле-

мень ихъ (эль-комъ). Путешественники разногласятъ въ названіяхъ этихъ племенъ, но всѣ согласны, что кровныхъ племенъ именно пять.

Полукровныя лошади, Гатики, сѣтъ тѣ, которыя произошли отъ смѣси кровныхъ съ простыми, причеъъ бедуины не берутъ въ расчетъ, сколько частей крови въ такой лошади и давноли совершенно это смѣшеніе. Полукровныхъ лошадей у кочующихъ бедуиновъ вовсе нѣтъ и вообще ихъ немного въ самой Аравіи, а болѣе въ Сиріи, Месопотаміи и въ Пракѣ. Между ними есть превосходныя лошади, но бедуины ихъ мало цѣнятъ и считаютъ негодными для приплада. Вотъ почему онѣ гораздо ниже кровныхъ цѣною и часто продаются европейцамъ за кровныхъ. Третій, послѣдній родъ лошадей, Кадиши, въ совершенномъ пренебреженіи и находятся только въ Сиріи, Месопотаміи и Палестинѣ. Разведеніе ихъ предоставлено природѣ, и онѣ очень дешевы ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго объ арабскомъ коневодствѣ видно, что кровныхъ арабскихъ лошадей вообще немного. Можетъ быть при преемникахъ Магомета коневодство велось въ большихъ размѣрахъ, но самая бѣдность страны этому не содѣйствуетъ. Поэтому показанія историковъ, что аравитяне въ числѣ 75 тысячъ всадниковъ, на кровныхъ арабскихъ коняхъ, прошли черезъ всю сѣверную Африку и въ 711 году по Р. Х. переправились въ Испанію, не могутъ быть вполне достоверны. Походъ въ Испанію предпринять былъ тогда, когда аравитяне покорили Персію, Сирію, Египетъ и владѣли уже всѣми землями отъ Инда и вдоль сѣвернаго берега Африки до Атлантическаго океана.

Въ составъ войскъ ихъ вошли мусульмане различныхъ націй, одушевляемыхъ единствомъ вѣры и цѣли священной войны. Здѣсь были персы, турецкія и кавказскія племена, египтяне, берберы и другіе, которые разумѣется вступали въ ряды войска аравитянъ на своихъ коняхъ, персидскихъ, сирійскихъ, полукровныхъ, простыхъ, и особенно варварійскихъ. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ этимъ войскомъ въ Испанію приведена была масса кровныхъ лошадей, какъ арабскихъ, персидскихъ, такъ и варварійскихъ.

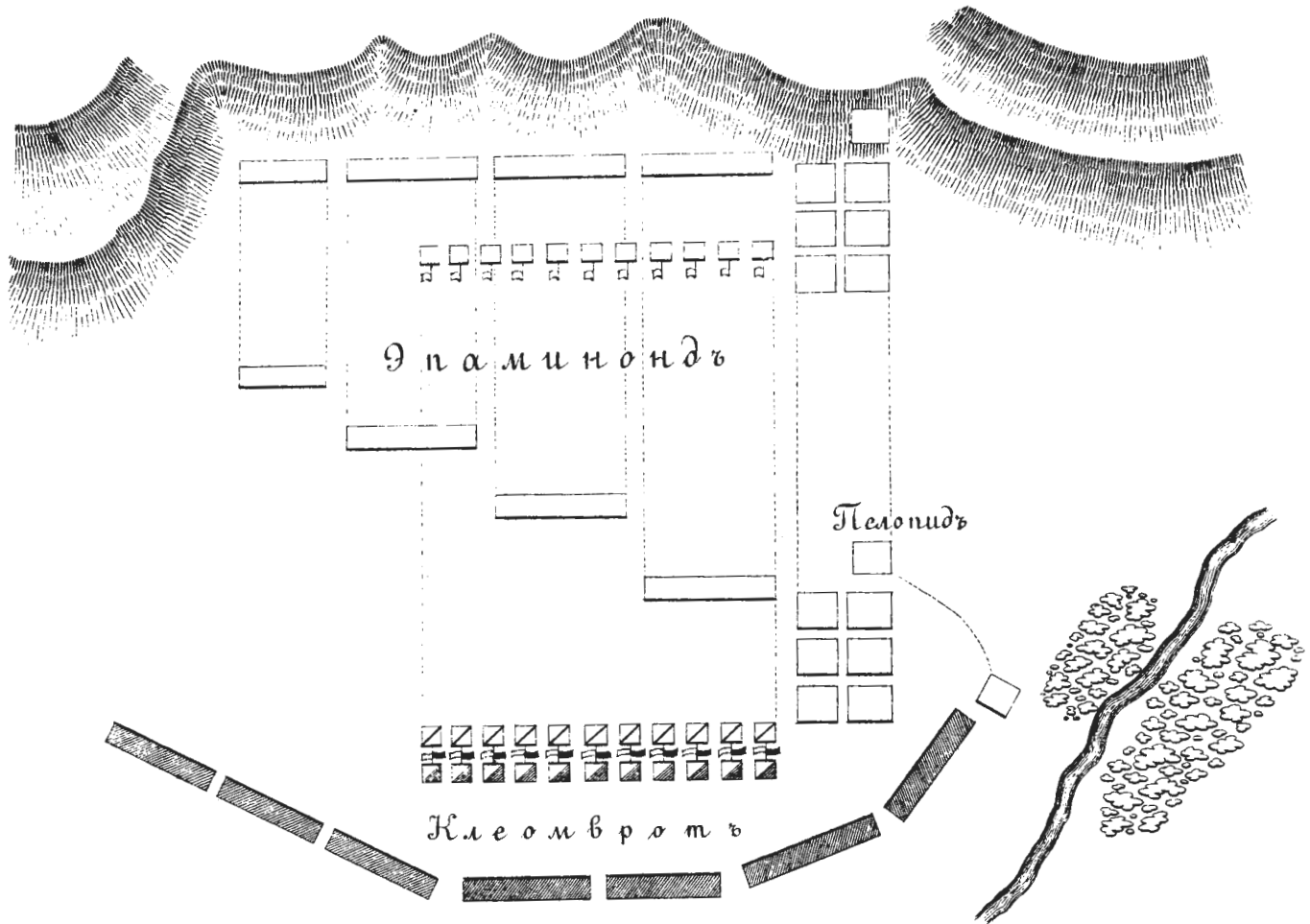
Для боя ополченія первыхъ аравитянъ выстраивались по племенамъ въ глубокія, густыя массы, но потомъ различіе въ племенахъ мало по малу исчезло.

Дошедшія до насъ свѣденія о первыхъ предпріятіяхъ этого народа весьма замѣчательны: не имѣя ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, аравитяне двигались по большимъ дорогамъ, гдѣ, если непріятель ожидалъ ихъ, они его рѣшительно атакывали; если крѣпость преграждала имъ путь, они ее брали приступомъ. Сраженію предшествовала всегда молитва, и часто кромѣ того, главнокомандующій воспалялъ мужество войскъ рѣчью. Въ началѣ битвы отважнѣйшіе воины выходили впередъ, нерѣдко нагіе, вооруженные одною только палицею,

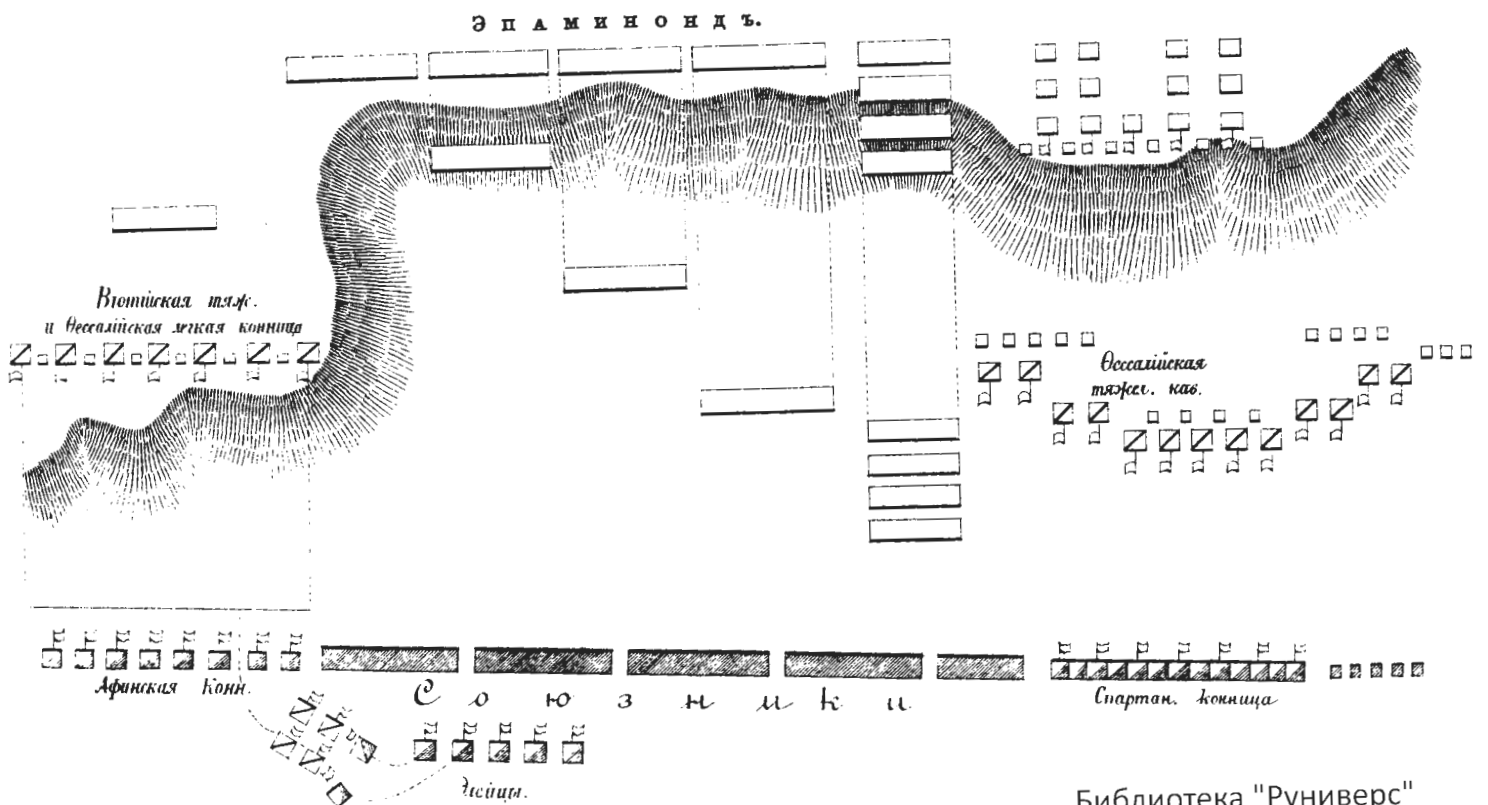
¹⁾ Объ арабскомъ коневодствѣ заимствовано у Руттенберга. Руководство къ познанію лошади.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ЛЕВКТРАХЪ.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ МАНТИНЕЪ.

и, при восклицаніяхъ имени пророка, вызывали противника на бой. Толпа такихъ удалцевъ увеличивалась постепенно по мѣрѣ успѣховъ, а за ними по инстинкту весьма часто вся армія, безъ всякаго приказанія, устремлялась въ атаку. Если побѣда оставалась на сторонѣ аравитянъ, то въ погоню бросалась легкая кавалерія, преслѣдовала бѣгущаго непріятеля по пятамъ и рубила всѣхъ, которые уцѣлѣли въ сраженіи. Напротивъ того, если первый напоръ мусульманъ не имѣлъ успѣха, они повторяли непрерывно свои нападенія, два, три и нѣсколько дней сряду. Обыкновенно, однако-жъ, первый день рѣшалъ дѣло: „пророкъ имѣлъ привычку побѣждать вечеромъ“. Отчаянная смѣлость, съ какою они устремлялись въ атаку, мужество ихъ въ самомъ сраженіи и быстрота, съ которою они одерживали побѣды, быстро распространяли ужасъ между народами, съ которыми имъ приходилось воевать, и многочисленныя арміи и сильнѣйшія крѣпости нерѣдко сдавались безъ сопротивленія.

Арміи ихъ раздѣлялись обыкновенно на нѣсколько большихъ частей (корпусовъ) и линій, которыя, по свойствамъ аравійскаго языка, имѣли своеобразныя—фантастическія названія, какъ напримѣръ: 1-я линія—утро псоваго лая, 2-я—день помощи, 3-я—вечеръ потрясенія, ночь воя и т. п.

Главную силу арміи составляла конница, а въ нѣкоторыхъ войнахъ арміи состояли исключительно изъ одной кавалеріи. Поэтому то аравитяне всегда для боя избирали мѣста ровныя. Конница имѣла свои отборныя дружины мугаджиринъ и ансаръ. Мугаджиринъ составленъ былъ изъ коренныхъ войскъ, потому воины этой дружины назывались аль—мугаджери (спутники пророка); ансаръ состоялъ изъ вспомогательныхъ всадниковъ, которые носили названіе аль—ансары (помощники), дружины эти, какъ самыя надежныя и храбрыя, составляли резервъ и хранили главное знамя (санджакъ—шерифъ).

За резервомъ слѣдовали семейства, обозы и стада. Женщины нерѣдко принимали участіе въ бою, даже, говорятъ, въ битвѣ съ византіяцами при Ярмукѣ рѣшили побѣду.

Въ послѣдующія времена, когда въ Аравійскомъ халифатѣ развились гражданственность и образованность, военное дѣло было значительно усовершенствовано. Императоръ Левъ, описывая войска аравитянъ, упоминаетъ уже о войскахъ постоянныхъ, правильно устроенныхъ, тяжеловооруженныхъ и легкихъ; о народныхъ ополченіяхъ (иррегулярныхъ войскахъ), конныхъ и пѣшихъ. „Постоянныя войска“, пишетъ кн. Голицынъ ¹⁾, „были составляемы изъ наемныхъ турецкихъ, кавказскихъ и разныхъ другихъ иноплеменныхъ дружинъ, изъ набираемыхъ съ тою же цѣлью во всемъ халифатѣ невольниковъ, которые были правильно обучаемы военному дѣлу и за жалованье должны были, для полученія свободы, служить

¹⁾ Стр. 81.

положенное число лѣтъ, и наконецъ изъ негровъ—невольниковъ. Народныя же ополченія, собираемыя только въ случаяхъ особенной важности или опасности, были составляемы изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ, свободнорожденныхъ мужчинъ безъ исключенія“.

Главную и надежнѣйшую часть войска по прежнему составляла конница, которая, по описанію Льва Императора, у аравитянъ уже дѣлится на тяжеловооруженную и легкую, сидящую на прекрасныхъ лошадяхъ. Конская сбруя тяжело-вооруженныхъ всадниковъ была богато украшена золотомъ и серебромъ. Границы халифата защищались особымъ военно-поселеннымъ, коннымъ войскомъ, подъ названіемъ рабитовъ.

Пѣхота дѣлилась на тяжелую и легкую, изъ которыхъ первая строилась фалангами, а легкая прикрывала пѣхоту или конницу, дѣйствуя стрѣлами въ разсыпномъ строю. Нерѣдко эту пѣхоту всадники брали на крупы лошадей и совершали свои быстрыя передвиженія для занятія какихъ либо важныхъ пунктовъ.

Въ описываемое время аравитяне рѣдко начинали сами атаку, большею частью предпочитали быть атакованными противникомъ. Но если сраженіе уже завязано, то они поддерживали бой непрерывно, особенно легкими войсками до тѣхъ поръ, пока непріятель не начиналъ ослабѣвать, и тогда всѣми силами производили рѣшительную атаку.

По чрезвычайному опасенію ночныхъ нападений, они принимали особенныя въ этомъ отношеніи предосторожности, всегда тщательно укрѣпляли свой лагерь и бдительно содержали караулы ¹⁾).

Говоря о военномъ искусствѣ аравитянъ, упомянемъ, что имъ въ XIII вѣкѣ извѣстно было употребленіе для военныхъ цѣлей такъ называемаго греческаго огня. Вредъ непріятелю наносили посредствомъ разнаго рода метательныхъ снарядовъ и орудій. При оборонѣ городовъ горючій составъ съ вершины стѣнъ выливали изъ котловъ на осаждающаго, стрѣляли каменными и желѣзными шарами, наполненными этимъ огнемъ, или, наконецъ, погружали въ него копья и стрѣлы, обернутыя горючими веществами, и потомъ бросали въ непріятеля.

Сраженіе при Хересѣ-де-ла-Фронтера.

Овладевъ во второй половинѣ VIII вѣка всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Африки, аравитяне дошли до береговъ Атлантическаго океана. Въ началѣ VII вѣка въ Испаніи царствовалъ король Родригъ, у котораго оспаривали престолъ сыновья предмѣстника его короля Витицы. Рассказываютъ, что будто бы одинъ изъ отверженцевъ сыновей Витицы, графъ Юліанъ Цеутскій, призвалъ мавровъ въ Испанію, прося у нихъ помощи противъ Родрига.

¹⁾ Брантъ, стр. 170. Пузыревскій, стр. 141.

Исторія конницы М. Мар-
кова.

М а в р ы.

Источники: Hottenroth.

Тираж - 100 экз. Издательство "ИТ" Москва.

Намѣстникъ халифа въ Африкѣ, Муза, рѣшился воспользоваться беспорядками въ Испаніи и отправилъ туда знаменитаго аравійскаго полководца Тарика-ибнъ-Зейда.

Тарикъ, сдѣлавъ рекогносцировку береговъ Испаніи съ четырьмястами отборныхъ всадниковъ, посаженныхъ на суда, высадился потомъ туда со всею арміею своею, состоявшею изъ 12,000 легкой конницы. Небольшой отрядъ христіанъ, препятствовавшій ему сдѣлать десантъ, былъ разбитъ, и аравитяне утвердились на горѣ Тариковой (Джебель-аль-Тарикъ) нынѣ Гибралтаръ. Лѣтописцы говорятъ ¹⁾, что Тарикъ сжегъ свои корабли и этимъ средствомъ лишилъ армію всякой возможности къ отступленію. Немедленно послѣ того онъ обратился противъ другаго отряда, покушавшагося остановить дальнѣйшее его движеніе и, разбивъ врага, безпрепятственно уже продолжалъ свое наступленіе, прошелъ области Альджезирасъ и Сидонію и распространилъ ужасъ до самыхъ береговъ Гвадіаны.

Король Родригъ, занятый междоусобными распрями съ другими претендентами, не понялъ сначала грозившей опасности. Короли вестготовъ, обладавшихъ Испаніею, подъ вліяніемъ продолжительнаго мира не заботились объ оборонѣ страны. „Стѣны городовъ лежали въ развалинахъ, дворяне и горожане отвыкли отъ военнаго дѣла, запасовъ оружія не было вовсе въ государствѣ. Родригъ весьма неохотно взялся за оружіе, а изнѣженные вельможи послѣдовали за нимъ еще съ меньшимъ усердіемъ“. Наконецъ Родригу удалось собрать армію въ 90 тысячъ, съ которою онъ и двинулся на югъ. Первое столкновеніе произошло 9—17-го, по другимъ свѣденіямъ 19-го іюля 712 года на равнинахъ Гвадалетты, близъ нынѣшняго города Хересъ-де-ла-Фронтера.

У Тарика было 12 тысячъ аравійской легкой конницы, а такъ какъ графъ Цеутскій къ нему присоединилъ нѣсколько дружинъ христіанскаго войска, то нѣкоторые историки насчитываютъ у Тарика до 25000 войска, между тѣмъ какъ Брантъ полагаетъ у аравитянъ только 14 тысячъ ²⁾.

Христіане, чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ отъ легкой неприятельской конницы, построились въ боевой порядокъ группами въ одну линію, причемъ передніе и задніе ряды строя состояли изъ воиновъ въ непроницаемыхъ панцыряхъ. За ними встали вооруженные пиками, мечами и щитами. Интервалы были охраняемы значительнымъ числомъ легкихъ войскъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами, пращами, топорами и палицами.

Боевой порядокъ аравитянъ намъ извѣстенъ.

Первые три дня битвы прошли въ безирерывныхъ стычкахъ и схваткахъ аравитянъ съ готами, происходившихъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Наконецъ аравитяне, имѣя противъ себя втрое больше силъ, начинали изнемогать. Тогда, гово-

¹⁾ Брантъ, стр. 160.

²⁾ Тамъ-же, стр. 160.

рять Брантъ, Тарикъ обратясь къ мусульманамъ, сказалъ: „въ тылу у васъ находится море, передъ вами стоитъ непріятель, а вы думаете о бѣгствѣ! Побѣдители Магреба! Вспомните ваши подвиги и устыдитесь мысли о малодушномъ и безразсудномъ бѣгствѣ, слѣдуйте моему примѣру, и мужество даруетъ вамъ побѣду и славу! Съ этими словами, замѣтивъ, что Родригъ въ военной колесницѣ, украшенной слоновою костью, запряженной двумя бѣлыми лошадьми, объѣзжаетъ ряды своей арміи, Тарикъ пришпорилъ коня, бросился въ густѣйшіе ряды непріятелей и разсѣвая смерть во все стороны, прорвался до самыхъ знаменъ. Здѣсь наткнувшись на Родрига, онъ съ яростью устремился на него, выбросилъ его изъ сѣдла и нанесъ смертельный ударъ владыкѣ готовъ. Съ неистовыми криками „Аллахъ“ легкіе всадники арабскіе рванулись за своимъ вождемъ и прорвали желѣзные ряды испанскихъ христіанъ. Кончина короля послужила сигналомъ къ общему бѣгству. Аравитяне три дня безостановочно преслѣдовали остатки арміи Родрига, которая равно, какъ и сами аравитяне, понесли громадныя потери. Но Муза прибылъ съ новыми силами изъ Африки и вмѣстѣ съ Тарикомъ въ скоромъ времени подчинили себѣ почти весь Пиренейскій полуостровъ. „Испанія“, говоритъ Гиббонъ, въ „невѣжественномъ состояніи противившаяся нѣкогда, за двѣсти лѣтъ, всему могуществу римлянъ, была покорена маврами въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ“.

Разбирая сраженіе при Херсеѣ и сопоставляя боевое расположеніе готовъ въ густыхъ массахъ съ обыкновеннымъ боевымъ порядкомъ аравитянъ въ нѣсколько линій съ резервами изъ отборныхъ всадниковъ, мы видимъ, что этотъ порядокъ давалъ возможность послѣднимъ въ теченіи трехъ дней поддерживать бой съ втрое сильнѣйшимъ противникомъ. Расположеніе въ нѣсколько линій давало возможность свѣжими силами сдѣлать рѣшительный натискъ. Изъ описанія сраженія не видно, чтобы аравитяне употребляли какіе нибудь маневры, обходы или хитрости; наѣзничая только передъ фронтомъ, арабскіе всадники утомляли врага. Успѣхъ былъ одержанъ благодаря необычайной отваги и энергіи Тарика и умѣнію его вселить эти чувства въ подчиненныя ему войска, которыя, бросившись впередъ за Тарикомъ и благодаря построенію готовъ въ глубокихъ массахъ безъ резерва, разомъ прорвали боевой ихъ порядокъ.

Подобная отвага, подобная беззавѣтная удалъ, благодаря страшному фанатизму и восторженности первыхъ аравитянъ, были между ними въ порядкѣ вещей. Одинъ сарацинъ, рассказываетъ Брантъ, по имени Дераръ или Дерамъ, имѣя одну только саблю въ рукахъ, встрѣтилъ византійскій отрядъ на акинадійской равнинѣ. Тридцать отборныхъ воиновъ послано было взять его въ плѣнъ, но Дераръ смѣло поскакалъ имъ на встрѣчу, убилъ семнадцать человекъ и возвратился въ свой лагерь. Тутъ онъ со смиреннымъ духомъ сознался товарищамъ въ своемъ смущеніи, что Богъ видѣлъ его обратившаго тылъ врагамъ. Поклонники пророка ждали съ

восторгомъ славной смерти въ бою, чтобы сдѣлаться достойными благъ обѣщаннаго рая. Среди кровавой брани, каждый мусульманинъ неустрашимо шелъ на встрѣчу смерти и завидовалъ тѣмъ, которые дѣлались ея жертвами, потому то передъ сраженіемъ воины говорили о радостномъ свиданіи въ рощахъ рая и у источниковъ, которые Богъ приготовилъ для храбрыхъ.

Г л а в а 4-я.

Первыя попытки къ усовершенствованію военнаго искусства у германцевъ. Карлъ Мартель и Карлъ Великій. Сраженіе при Пуатье. Феодальная конница. Конница мадьяръ или венгровъ. Генрихъ Птицеловъ. Сраженія при Мерзебургѣ и Аугсбургѣ.

Изъ описанія военнаго дѣла во времена Меровинговъ видно было, что оно стояло на низкой степени. Главное зло, какъ было замѣчено, заключалось въ мятежной аристократіи, которая, добиваясь наслѣдственности леновъ, уклонялась въ то же время отъ обязанностей, соединенныхъ съ обладаніемъ этими ленами. Геербанъ, съ введеніемъ ленной системы, упалъ, и потому военная сила, на которую могъ рассчитывать король зависѣла отъ оптиматовъ и ленныхъ владѣльцевъ. Боевой порядокъ въ густыхъ массахъ въ видѣ клина или фалангъ безъ резервовъ, отсутствіе конницы или крайняя недостаточность ея въ составѣ армій — вотъ недостатки, особенно выказавшіеся во время дѣйствій франковъ въ Италіи, какъ было описано въ сраженіи при Казилинумѣ.

Палатныя меры, къ которымъ при слабыхъ короляхъ послѣднихъ Меровинговъ перешла власть въ государствѣ франковъ, обратили на аристократію самое серьезное вниманіе. Рядъ талантливыхъ меровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, энергичныя мѣры ими принятыя, начали мало по малу приносить результаты, хотя послѣ долгой и продолжительной борьбы. Аристократія была усмирена, но достигая этого, палатныя меры вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовали собственные интересы. Послѣ смерти послѣдняго изъ Меровинговъ, Карлъ Мартель не торопился выборомъ новаго короля, а управлялъ государствомъ совершенно самовластно; Пепинъ же Короткій, сынъ Карла Мартеля, былъ первый король новой династіи — Карловинговъ.

Карлъ Мартель сдѣлалъ слѣдующія измѣненія въ военномъ искусствѣ франковъ. Преслѣдуя собственные интересы, первоначально для достиженія власти палатнаго мера, онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ австразійцамъ, при помощи которыхъ онъ два раза разбилъ Райнфрида, палатнаго мера и предводителя войскъ короля Хильперика. Впослѣдствіи онъ обратился къ особому способу пополненія своихъ войскъ. Онъ окружилъ себя толпою храбрыхъ удалцевъ, стекавшихся къ нему ради его военной славы съ разныхъ странъ свѣта и

служившихъ за деньги. Такимъ образомъ у франковъ впервые появился родъ наемныхъ войскъ (soldarii). Съ помощью этихъ войскъ онъ захватилъ много земель у вельможъ и получилъ возможность удовлетворять своихъ наемниковъ и преданныхъ ему вассаловъ. Когда не стало земель, захваченныхъ у вельможъ, онъ употребилъ въ свою пользу владѣнія духовенства и жаловалъ ихъ своимъ сподвижникамъ, съ непремѣннымъ условіемъ являться по первому зову къ нему, какъ герцогу Австразіи.

Политика Карла Мартеля, говоритъ А. Эльканъ ¹⁾, „была таже, что и у его отца (Пепина Геристальскаго): онъ старался всѣми средствами упражнять воинственную дѣятельность народа и направлять ее всегда внѣ государства, чтобы не опасаться внутреннихъ безпокойствъ; онъ дѣлалъ частые набѣги на Германію, гдѣ побѣдилъ саксонцевъ, баварцевъ и фризозъ, стараясь силою понудить побѣжденныхъ принять христіанскую вѣру“. Достойны вниманія дѣйствія его противъ герцога Фрисландскаго. Понеся въ бою съ герцогомъ большую потерю въ людяхъ, Карлъ Мартель разсѣялъ своихъ ратниковъ по разнымъ направленіямъ, окружилъ противниковъ со всѣхъ сторонъ и открылъ дѣйствія малой войны. Воины его являлись всюду, гдѣ бой или разореніе обѣщали имъ какія нибудь выгоды, но никогда тамъ, гдѣ ожидалъ ихъ противникъ. Этотъ образъ войны доставлялъ Карлу важныя преимущества даже тогда, когда нейстрійцы и фрисландцы соединяли свои силы для совокупнаго дѣйствія. Впослѣдствіи нечаянное нападеніе на карбонарскій лѣсъ (близъ Amblef, въ Арденахъ), искусно соображенное, и побѣда 21 марта 717 года при Винціакумѣ (Vinci) передали въ руки его Нейстрию.

Такимъ образомъ частью силою оружія, частью славою своего имени Карлъ Мартель составилъ армію изъ преданныхъ ему вассаловъ и наемниковъ, армію закаленную въ постоянныхъ войнахъ и походахъ, имѣвшую ко времени нашествія мавровъ уже значительную конницу и въ дѣйствіяхъ малой войны привыкшую къ самостоятельнымъ предпріятіямъ сообразно обстоятельствамъ.

Личныя качества Карла Мартеля, столь необходимыя при тогдашнемъ образѣ боя, не оставляли желать ничего лучшаго. Припомнимъ, какое громадное дѣйствіе произвелъ личный примѣръ Тарика на мусульманъ въ сраженіи при Хересѣ.

Полководцы не имѣли еще средствъ управлять всѣми частями глубокихъ боевыхъ массъ и согласовать всѣ частныя дѣйствія съ общею цѣлью. По этой причинѣ они принуждены были являться всюду и лично вводить войска въ бой. Дѣйствія Карла Мартеля во многихъ случаяхъ служатъ этому подтвержденіемъ. Онъ всегда лично участвовалъ въ походахъ, и даже незадолго до своей кончины, явился еще разъ въ полѣ съ копьемъ и мечемъ.

„Старинная лѣтопись говоритъ, пишетъ Брантъ“, что Дезидерій, увидѣвъ его

¹⁾ Военный энциклопедическій лексиконъ. Изд. 1854 г. Томъ VI, стр. 536.

подъ стѣнами Павіи въ полномъ вооруженіи съ копьемъ въ рукѣ и на бранномъ конѣ, испугался такъ сильно, что почти полумертвый упалъ на землю. Если сверхъ того принять въ уваженіе данное ему норманнами прозваніе Молота (Martel) и то, что Эгингардъ говоритъ объ его верховой ѣздѣ и страсти къ охотѣ, въ чемъ ни одинъ народъ не могъ состязаться съ франками, то должно полагать, что Карль, по древнему германскому обычаю, любилъ бранную пыль и являлся всегда на опаснѣйшихъ пунктахъ поля сраженія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ, вѣроятно, становился во главѣ дружины своихъ франковъ, своихъ скареманновъ (scargacii, scaremanni). Войско это, составлявшее родъ его тѣлохранителей, образовалось изъ вассаловъ, въ видѣ ратныхъ слугъ которые получали извѣстное количество денегъ, платья и жизненныхъ запасовъ и находились постоянно при главной квартирѣ, во всегдашней притомъ готовности къ безостановочному исполненію приказаній короля“.

Въ приведенной выпискѣ очевидно перепутаны повѣствованія о Карлѣ Мартелѣ и Карлѣ Великомъ. Молотомъ называли Карла Мартеля—дѣда, а войну съ Дезидеріемъ велъ Карль Великій, внукъ Карла Мартеля.

Сраженіе при Пуатье 1-го октября 732 года.

Мавры, утвердившись въ Испаніи, начали распространять свои дѣйствія и за Пиренеи, но до 732 года ограничивались только отдѣльными набѣгами и опустошеніями. Во время управленія Карла Мартеля, когда онъ былъ въ борьбѣ съ Евдомъ (Eudes), герцогомъ Аквитанскимъ, намѣстникъ Кордуанскаго халифа Абдеррахманъ вторгнулся въ его владѣнія. Многочисленное войско, говорятъ до 400 тысячъ, мавровъ, съ женами и дѣтьми, перейдя отъ Пампелуны черезъ Пиренейскія горы и земли басковъ, двинулось въ Аквитанію, взяло приступомъ Бордо и предало его разграбленію.—Евдъ бѣжалъ за Дордонь, гдѣ былъ на голову разбитъ послѣдовавшимъ за нимъ Абдеррахманомъ.

Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ герцогъ Аквитанскій прибѣгнулъ къ помощи Карла Мартеля, хотя не прошло еще одного года, когда онъ отвергъ предложеніе покориться Австразіи. Между тѣмъ провинціи Перигоръ, Сентонжъ и Поату заняты были маврами. Евдъ съ остатками своего войска, переправившись черезъ Луару, просилъ прежняго своего противника спасти общее ихъ отечество, которому угрожала участь, подобно Испаніи.

Карль тотчасъ сосредоточилъ свои войска и двинулся на встрѣчу маврамъ, занятымъ осадю нѣсколькихъ городовъ. Когда они явились по эту сторону Пуатье, ихъ встрѣтило стройное войско Карла Мартеля.

Въ продолженіе семи дней оба полководца старались утвердиться на выгодной позиціи; съ обѣихъ сторонъ искали и опасались сраженія, долженствовавшего рѣшить войну. Наконецъ въ субботу 1-го октября оба войска такъ близко подо-

шли другъ къ другу, что нельзя было избѣжать боя, да къ тому же обѣими сторонами ощущался недостатокъ въ продовольствіи.

Мезере говоритъ, что франки были построены въ густыя массы, имѣя длинныя щиты, австраійцы и нейстрійцы также стояли въ сомкнутыхъ кучахъ. Пѣхота была подъ начальствомъ Гильдебрандта, конницею командовалъ самъ Карлъ Мартель.

Обѣ арміи отдѣлялись рядомъ холмовъ, такъ что противники могли видѣть другъ друга, сойдясь на очень близкое разстояніе. Первая линія мусульманъ на прекрасныхъ своихъ коняхъ окружила въ видѣ полумѣсяца франковъ и яростно бросилась въ атаку. „Мавры“, говоритъ Брантъ „сражались верхомъ; атаки ихъ были мгновеннымъ ударомъ (сhос), послѣ котораго слѣдовало изступленное разсыпное дѣйствіе массы“. Вѣроятно вслѣдъ за первую линію мавровъ выдвинулась вторая и третья линія, затѣмъ резервъ, и вся масса мусульманъ неистово бросалась на франковъ.

„Строй сѣверныхъ мужей“ ¹⁾, пишетъ епископъ Исидоръ, „уподоблялся неподвижной ледяной стѣнѣ, передъ которою разбивались яростныя нападенія легковооруженныхъ сарациновъ“. Подобныя яростныя и даже, какъ было первое, неожиданныя нападенія не могли взять верхъ надъ мужествомъ закаленныхъ въ бою войскъ Карла, который, замѣтивъ, что атаки мавровъ начинаютъ ослабѣвать, самъ рѣшился перейти въ наступленіе. Пѣхота его подъ начальствомъ Гильдебрандта бросилась первая на мусульманъ, а Карлъ вслѣдъ затѣмъ лично повелъ въ атаку всю кавалерію. „Лѣтописи утверждаютъ,“ пишетъ Брантъ ²⁾, „что горсть христіанъ, такъ сказать, исчезла въ сонмахъ окружившихъ ее невѣрныхъ, и всякое наблюденіе за боевыми эволюціями сдѣлалось невозможнымъ“.

Народныя преданія и пѣсни передаютъ объ ужасномъ всадникѣ, который, врѣзавшись въ ряды мусульманъ, своимъ страшнымъ молотомъ металъ смерть во все стороны. То былъ самъ Карлъ Мартель, личнымъ примѣромъ ободрявшій и направлявшій усилія франковъ. Ничего еще рѣшительнаго не обозначилось, когда начало смеркаться. Но вдругъ мусульмане получаютъ извѣстіе о смерти Абдеррахмана и о нападеніи Евда съ конницею на ихъ лагерь. Неизвѣстно, былъ Евдъ въ особомъ резервѣ или пришелъ послѣ на поле сраженія, но эти два обстоятельства ускорили развязку и принудили мавровъ къ отступленію. Ночь, недостатокъ дисциплины, смѣшеніе различныхъ племенъ превратили отступленіе въ совершенное бѣгство. На разсвѣтѣ остались только пустыя, покинутыя ими шатры. Сомнѣніе самого Карла въ своей побѣдѣ, въ которой онъ удостовѣрился, только по возвращеніи лазутчиковъ, удивленіе франковъ при этой вѣсти, безпрепятственное отступленіе аравитянъ, все это доказываетъ, что смерть Абдеррахмана была

¹⁾ Такъ онъ называетъ франковъ.

²⁾ Стр. 28.

главнѣйшею причиною побѣды франковъ. Конница Эвда была послана въ погоню; но преслѣдованіе велось ненастойчиво.

Мы сдѣлали описаніе сраженія при Пуатье по отрывочнымъ и очень смутнымъ изображеніямъ его современными и неопытными писателями. Карль Мартель, имѣя только тридцать тысячъ войскъ, побѣдилъ аравитянъ, у которыхъ нѣкоторые историки насчитываютъ до 400 тысячъ. Сравнивая сраженія при Казилинумѣ, при Хересѣ и при Поатье, мы видимъ разницу въ дѣйствіяхъ германцевъ. Въ сраженіи при Хересѣ 14—20 тысячъ конницы аравитянъ, можно сказать, однимъ натискомъ опрокидываютъ девяностотысячную армію; при Пуатье, напротивъ, 30 тысячъ франковъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сдерживаютъ всѣ атаки превосходной конницы мавровъ. По всей вѣроятности здѣсь дружнаго натиска со стороны конницы мавровъ не было. Вѣроятно дѣло происходило такъ: массы аравійскихъ наѣздниковъ, составлявшихъ первую линію боеваго порядка, обступили армію франковъ и, постепенно поддерживаемыя частями второй линіи, производили хотя рьяныя, но частныя нападенія, которыя франки постепенно отражали до тѣхъ поръ, пока пылъ аравитянъ потухъ и боевой порядокъ разстроился.

Со стороны франковъ мы видимъ необыкновенную стойкость, показывающую, до какой степени войска Карла Мартеля въ непрерывныхъ его походахъ были закалены. Самъ Карль выказалъ неоспоримыя военныя дарованія, особенно выборомъ минуты для перехода въ наступленіе, умѣніемъ вселить въ войска свои высокій нравственный духъ, и личнымъ примѣромъ, которымъ только при тогдашнемъ способѣ дѣйствій и можно было руководить массами.

Такимъ образомъ Карлу Мартелю удалось продлить бой до тѣхъ поръ, пока обстоятельства сложились для него выгодно: сумерки, смерть Абдеррахмана и упадокъ духа противника.

Черезъ два года, въ 637 году, Карль Мартель имѣлъ новое сраженіе съ маврами на р. Биррѣ, въ семи миляхъ отъ Нарбонны. На этотъ разъ Карль не удовольствовался, какъ при Пуатье, однимъ удержаніемъ поля сраженія. Непритель былъ преслѣдуемъ съ неутомимою дѣятельностью, море даже и корабли не могли спасти его отъ оружія непрителя. Карль, собравъ поспѣшно значительное количество метательныхъ орудій, повредилъ корабли, на которые въ полномъ упованіи спасались мавры, и причинилъ имъ значительный уронъ.

Преемники Карла Мартеля продолжали начатое имъ преобразование государственнаго устройства. Вся внутренняя политика Пепина Короткаго и Карла Великаго была направлена къ приведенію аристократіи въ полное подчиненіе волѣ короля. Карль Великій запретилъ всѣмъ дворянамъ, не занимавшимъ никакихъ должностей, держать дружину и это право предоставилъ только королю и его чиновникамъ. Всѣ, желавшіе участвовать въ походахъ и отличиться, должны были поступать въ дружину какого нибудь назначеннаго королемъ сановника (*optimatus reges*).

Такимъ образомъ дружины бенефициальныхъ владѣльцевъ уничтожились. Кромѣ того, оставленный въ пренебреженіи при послѣднихъ Меровингахъ, геербанъ снова былъ введенъ, но на другихъ основаніяхъ. Для удобства управленія все государство раздѣлено было на епископства, графства и округа. Сообразно съ этимъ и геербанъ раздѣлялся на графства, подчиненныя графамъ, которые выступали въ походъ подъ предводительствомъ императорскаго полководца (герцога). Предводители дворянства приводили людей, назначенныхъ въ императорскія войска, и предводительствовали меньшими частями геербана; но богатые вассалы въ геербанъ не поступали, а должны были, какъ замѣчено, становиться подъ знамена своихъ синьоровъ, занимавшихъ государственныя или придворныя должности.

Воинской повинности подлежали всѣ безъ исключенія, но распредѣлялась она сообразно имущественному состоянію. Имѣвшіе по двѣнадцати и болѣе мансовъ ¹⁾ земли или въ такомъ же количествѣ дворовъ ²⁾, должны были являться въ полныхъ латахъ, въ бронѣ, съ мечемъ и пикою, въ шлемѣ со щитомъ и на конѣ. Имъ сопутствовали всѣ, которые имѣли верховую лошадь. Кто имѣлъ отъ трехъ до пяти населенныхъ гуфъ (полевыхъ мѣръ населенной земли), долженъ былъ также лично выступать въ походъ; изъ трехъ, имѣвшихъ по 3 гуфы, являлось 2 человѣка; изъ двухъ, имѣвшихъ по двѣ гуфы, одинъ; изъ четырехъ, имѣвшихъ по одной гуфѣ одинъ человѣкъ.

Смотря по обстоятельствамъ, давшимъ начало войнѣ, вооружались для похода цѣлыя области, т. е., геербанъ или только одни вассалы. Капитуляріями Карла Великаго опредѣлены были повинности и правила относительно вооруженія, доставки продовольствія войскамъ, различныя мѣры наказанія за уклоненіе, неявку на службу и другія воинскія преступленія и прочее, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не будемъ.

Независимо отъ этихъ войскъ въ пограничныхъ городахъ, въ особенности противъ мавровъ и басковъ, содержались особые гарнизоны. Они довольствовались жалованіемъ и провіантомъ отъ казны и находились подъ начальствомъ лицъ, совершенно преданныхъ королю. Это были въ точномъ смыслѣ королевскія войска, которыя, привыкнувъ къ военной службѣ, какъ къ ремеслу, современемъ теряли даже охоту возвратиться на родину.

Изъ сказаннаго о преобразованіяхъ Карла Великаго видно, что конницу должны были составить богатые люди, имѣвшіе возможность пріобрѣсти коня. Лошадь стоила весьма дорого. Въ началѣ X вѣка за лошадь давали тридцать полевыхъ мѣръ земли (Joch); бывали примѣры, что она стоила даже талантъ ³⁾. Снаряженіе и во-

¹⁾ Mansos. —Извѣстный участокъ земли.

²⁾ Брантъ, стр. 38. Голицынъ, стр. 8.

³⁾ Брантъ, стр. 359.

оружіе стоило еще дороже. Такъ изъ одного рипуарскаго закона 630 года, говоритъ Пузыревскій ¹⁾, видно, что металлическій панцырь соотвѣтствовалъ цѣнности двухъ жеребцовъ, мечъ со щитомъ—7 коровъ, безъ щита—трехъ коровъ и т. д. Но вслѣдствіе обязательства господствующаго и богатѣйшаго класса служить въ конницѣ, служба въ этомъ родѣ войскъ сдѣлалась почетною. Всякій, кто хотѣлъ выдѣлится отъ массы простыхъ людей, старался пріобрѣсти себѣ коня. По этой причинѣ со временъ Карла Великаго количество конницы начинаетъ постепенно возрастать до такой степени, что она становится преобладающимъ родомъ оружія. Но первоначально вслѣдствіе дороговизны предохранительнаго вооруженія тяжелой или, лучше сказать, тяжеловооруженной конницы было сравнительно не много; большую и лучшую часть составляла легкая конница, вооруженная легкими копьями.

Тактическія формы во времена Карла Великаго остались въ томъ же видѣ, какъ и во времена Меровинговъ. Основной формой строя по прежнему былъ клинъ, но былъ извѣстенъ и глубокій квадратный строй по шеренгамъ; только дѣленіе по семействамъ и родамъ болѣе не существовало, а вмѣсто него принята десятичная система.

Установленія Карла Великаго на первыхъ же порахъ принесли плоды. Аристократія, сдерживаемая желѣзною его волею и церковью, съ которою императоръ всегда былъ за одно, подчинилась дисциплинѣ, введеннымъ порядкамъ, и безпрекословно несла свои обязанности военной службы. Карль, при помощи соединенныхъ силъ вассаловъ и геербана, побѣдилъ саксонцевъ, баварцевъ, славянъ, аваръ и завоевалъ Италію. „Но какъ для владѣнія саблею Скандербега“, говоритъ Брантъ, „нужно было имѣть его руку, такъ и для пользы установленій Карла необходимо было, чтобы наслѣдники Карла обладали его умомъ и желѣзною волею. Уже при первыхъ его преемникахъ обнаружилось важное вліяніе личныхъ качествъ императора“. Карль, окруженный воинственными народами, долженъ былъ по необходимости для управленія пограничными областями, посылать туда герцоговъ и графовъ съ высокою степенью гражданской и военной власти, которые, пользуясь разнообразными выгодами своего положенія, начали потомъ управлять этими землями почти самодержавно. Такіе графы назывались маркграфами. Имѣя безпредѣльную власть надъ войскомъ, ввѣреннымъ имъ для защиты границъ, они во время постепеннаго упадка могущества Карловинговъ дѣлались опаснѣйшими врагами королей, потому что отдаленность давала имъ средство безопасно и рѣшительно приводить въ исполненіе всѣ свои замыслы: „Въ нихъ (маркграфствахъ)“, говоритъ Брантъ, „собрались тучи, которыхъ громъ разразился надъ домою Карловинговъ, когда не стало геніальнаго ума Карла Великаго“.

¹⁾ Стр. 36.

Бѣдные владѣльцы земель, вольные люди и оставшіеся аллодіальные владѣльцы, долженствовавшіе вступать при востребованіи въ геербанъ, при усиленіи могущества частныхъ лицъ и упадкѣ королевской власти, раньше или позже должны были попасть въ зависимость обладателей обширныхъ земель. Большія строгости при призывѣ ополченій, вліявшія на разореніе многихъ мелкихъ собственниковъ, неравномѣрность распредѣленія повинности, злоупотребленія и произволь чинovníковъ при призывѣ людей, были причиною того, что многіе собственники, не находя защиты слабаго и отдаленнаго престола, искали покровительства могущественныхъ сосѣдей и королевскихъ чиновниковъ и продавали или обращали участки свои въ вассальную отъ нихъ зависимость. Попадая такимъ образомъ въ зависимость отъ духовныхъ или свѣтскихъ синьоровъ, вольные люди, хотя и утрачивали свою свободу, но избавлялись отъ участія въ геербанѣ и обезпечивали себя въ матерьяльномъ отношеніи. Такимъ образомъ взаимная выгода соединяла вассаловъ съ ихъ сеньорами, которые, усиливаясь посредствомъ массы вассаловъ, дѣлались столь же могущественными, какъ въ былыя времена антрустіоны, и оказывали сопротивленіе королямъ вооруженною рукою. Снова явились дружины частныхъ лицъ, геербанъ разстроился, и короли оказались въ полной зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ, которые, сознавая свою силу, предъявляли постепенно королямъ разныя требованія. Обезсиленные короли волею неволею должны были эти требованія исполнять. Въ 843 году образовались пожизненные ленныя владѣнія, а въ 877 году существовали уже наслѣдственные права герцоговъ, графовъ и бенефициальныхъ владѣльцевъ.

Превращеніе бенефицій и государственныхъ должностей въ наслѣдственные владѣнія повело къ новой, такъ называемой феодальной системѣ. Укрѣпивъ права свои на владѣніе большими помѣстьями, герцоги и графы, по примѣру королей, стали жаловать своихъ приверженцевъ болѣе или менѣе значительными помѣстьями феодами. Отъ этого произошелъ второй классъ вассаловъ. Къ нему присоединились также лейды и оставшіеся аллодіальные владѣльцы, которые добровольно подчинялись покровительству первокласснаго вассала, признавая его своимъ сеньоромъ, но не принадлежа къ числу его подручниковъ. — Эти второклассные вассалы снова имѣли своихъ вассаловъ, такъ что небольшой иногда участокъ земли, или даже домъ почитался уже леномъ. Каждый вассалъ въ отношеніи къ своему сеньору обязанъ былъ военною службою, нѣкоторыми податями и подчиняться штрафамъ за преступленія. Герцоги и графы, бывшіе при Карлѣ Великомъ простыми чиновниками, обязанными составлять призывные списки и налагать штрафы за несвоевременную явку людей, стали теперь сами во главѣ ополченій, призывали ихъ отъ своего имени и налагали штрафы въ свою пользу.

Пользуясь отдаленностью и обширною властью, маркграфы первые постарались отторгнуть свои области и обратить ихъ въ самостоятельныя мелкія госу-

дарства. Примѣру маркграфовъ послѣдовали герцоги, ландграфы и графы. Всѣ усилія Карла Великаго распространить между германцами здравыя понятія о началахъ государственнаго устройства остались тщетными. Всюду обнаруживается стремленіе, къ раздѣльности, всюду борьба противъ цѣлаго. „Принявъ это въ соображеніе“ говоритъ Брантъ, „не удивительно, что варвары проходили тогда Европу и монархію Карла Великаго по всѣмъ направленіямъ, оставляя за собою слѣды грабительства и разоренія“. Венгры и норманны терзали внутренность Германіи, аравитяне овладѣли Испаніей и Сициліей, саксы Британіей, а норманны сѣверною Франціей и южною Италіей.

Изъ духа феодальной или ленной системы, основанной на условіяхъ, опредѣленныхъ поземельной собственностью, проистекали въ это время начала какъ военнаго такъ и гражданскаго устройства. Владѣніе какимъ нибудь леномъ давало право носить оружіе и воевать, а простой народъ, не пользуясь этимъ преимуществомъ, обязанъ былъ нести государственныя повинности. При подобныхъ учрежденіяхъ различіе состояній должно было имѣть важныя въ военномъ отношеніи послѣдствія. И дѣйствительно, кавалерійская служба въ скорое время приобрѣла особенное уваженіе, и къ усовершенствованію ея способствовали въ равной мѣрѣ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія обстоятельства.

Съ одной стороны дороговизна лошадей льстила вельможамъ при выборѣ этого рода службы, съ другой стороны государи, для противоѣдствія набѣгамъ венгерцевъ и поляковъ, старались преимущественно имѣть многочисленную и надежную конницу. Слѣдствіемъ этого было то, что въ теченіи цѣлаго вѣка вооруженныя силы всей Германіи состояли почти исключительно изъ одной кавалеріи.

Мы уже имѣли случай неоднократно говорить, что князья и вельможи и въ прежнія времена охотнѣе сражались на коняхъ, чѣмъ пѣшкомъ; они вмѣстѣ съ тѣмъ желали, а въ описываемое время даже стали требовать того же отъ своихъ приближенныхъ. Желаніе находится вблизи короля, полководца или вообще своего синьора, отъ котораго зависѣло положеніе и отчасти благосостояніе, къ этому же и присоединяемое честолюбіе, заставляли въ свою очередь многихъ сражаться верхомъ; и дворяне, служившіе прежде въ пѣхотѣ, начали конную службу считать исключительнымъ правомъ своего сословія. Наконецъ при безпрестанномъ умноженіи числа дворянъ, служившихъ на коняхъ, образовалась постепенно мысль нѣкотораго рода корпораціи, которой главнѣйшія начала встрѣчаются уже въ древнихъ германскихъ учрежденіяхъ; развитіе же ея должно было впоследствии произвести рѣшительный переворотъ во всемъ военномъ искусствѣ.

Относительно образа дѣйствій войскъ въ бою при Карлѣ Великомъ мы говорили, что кромѣ клинообразнаго построенія, стали уже прибѣгать къ строямъ по шеренгамъ и рядамъ, но глубокими массами, какъ видно изъ сраженія при Фонтеноа въ 841 году. Здѣсь неприязненные арміи—Лотаря и баварско-французская,

были каждая устроены въ три отдѣльныя массы, причемъ баварско-французская армія занимала своимъ боевымъ порядкомъ около мили въ длину ¹⁾).

Образъ дѣйствія конницы, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣденіямъ стоялъ на весьма низкой степени. Отчасти вслѣдствіе преувеличеннаго понятія о значеніи предохранительнаго оружія, отчасти вслѣдствіе гордости феодальныхъ кавалеристовъ, не желавшихъ драться во второй шеренгѣ, отчасти вслѣдствіе не пониманія свойствъ кавалеріи ее начали располагать въ бою длинными разомкнутыми линіями. Карлъ Лысый для покоренія герцога Бретанскаго собралъ многочисленную армію; въ составъ ея вошла саксонская кавалерія, присланная въ помощь братомъ его Людовикомъ Германскимъ. Онъ расположилъ ее передъ своими войсками въ одну линію, считая такой боевой порядокъ удобнѣйшимъ для выдержанія перваго удара бретанской конницы. Между тѣмъ кавалерія противника поступила не совсѣмъ по предположенію Карла. Вооруженная легкими копьями, она, раздѣлившись на небольшія кучки, окружила непріятеля, забросала его копьями и умчалась назадъ, не переставая даже при отступленіи пользоваться метательнымъ оружіемъ. Саксонская и французская кавалерія были совершенно разстроены этою атакою, въ особенности послѣдняя, которая въ это время была уже вооружена тяжелыми пиками и мечами ²⁾. И такъ кавалерія для отраженія удара противника становится въ длинную разомкнутую линію и встрѣчаетъ атаку, стоя на мѣстѣ.

Если къ этому прибавить постепенно усиливавшійся упадокъ дисциплины между гордыми феодальными владѣльцами и дворянами, не желавшими кому бы то ни было повиноваться, тогдашнюю испорченность нравовъ, неповоротливость самихъ всадниковъ и ихъ лошадей, то станетъ понятно, почему, не смотря на бесспорную личную храбрость феодальныхъ кавалеристовъ, они въ описываемое время почти всегда были разбиваемы легкою конницею мадьяръ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію усовершенствованій введенныхъ въ феодальной конницѣ Генрихомъ Птицеловомъ и Оттономъ I, постараемся познакомиться съ кавалеріею мадьяръ, съ которою то въ описываемое время по преимуществу и приходилось сталкиваться феодальной конницѣ.

М а д ь я р ы .

Послѣ смерти Атилы и паденія его огромнаго царства, въ Панноніи ³⁾ поселились сначала остготы, а когда они удалились въ Италію, то мѣсто ихъ заняли лонгобарды. Въ 542 году по Р. Х. они также двинулись за Альпы,

¹⁾ Брантъ, стр. 36.

²⁾ Nithard. De dissensionibus filiorum. Ludovici III, 162. Брантъ, стр. 47.

³⁾ Паннонія обнимала часть нынѣшней нижней Австріи, нижнюю Венгрію, Славонію до слиянія Дравы и Савы, часть Босніи, Кроаціи и Иллиріи.

тогда Паннонія досталась аварамъ, которые владѣли ею до Карла Великаго, разрушившаго ихъ государство въ 806 году, наконецъ въ Паннонію вступили венгры или мадьяры, которымъ она частью принадлежитъ и до сихъ поръ.

Венгровъ или мадьяръ, какъ они сами себя называли, одни писатели признавали за турокъ, другіе за монголовъ, третьи за финновъ. Профессоръ Пресбургской римско-католической академіи, Григорій Данковскій превосходнымъ своимъ словаремъ венгерскаго языка ¹⁾ навсегда устранилъ мадьяръ отъ родства съ чудью или финнами, какъ уже давно предполагалъ и нашъ академикъ П. Г. Бутковъ. По розысканіямъ Данковскаго въ мадьярскомъ языкѣ находится 4668 коренныхъ словъ, изъ которыхъ большинство принадлежитъ славянскому языку (1898), а за нимъ турецкому (962), остальные же заимствованы изъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, французскаго и даже еврейскаго; а финскихъ словъ не оказалось ни одного. Слѣдовательно мадьяры состояли не изъ финновъ, а изъ славянскихъ и турецкихъ племенъ.

Этотъ двойной составъ народонаселенія древней Лебедіи ²⁾, гдѣ первоначально кочевали венгры объясненъ у нашего академика Буткова слѣдующимъ образомъ. Онъ утверждаетъ, что угры черные (часть кавказскихъ славянъ) подъ властью козарскаго кагана раздѣлялись на семь колѣнъ, и каждое управлялось своимъ воеводою. Въ началѣ IX вѣка со степей кавказскихъ къ нимъ присоединились три турецкихъ аймака печенѣго-башкировъ, подъ именемъ кабаровъ. Около 830 года прочіе восемь аймаковъ печенѣжскихъ, будучи выгнаны мазарами (козарскими жителями города Мажара) и заволжскими уцами со степей кавказскихъ на западную сторону Дуная, постѣснили кабаро-славянъ, которыхъ часть уклонилась къ соплеменникамъ своимъ въ дебри Кавказа, сопредѣльные Иберіи и Колхидѣ, а прочіе потянулись на западную сторону Днѣпра, мимо Кіева къ Дунаю. Вражду съ печенѣгами и съ дунайскими болгарами, они охотно явились на призывъ римско-германскаго императора Арнульфа въ Моравію. При помощи ихъ Арнульфъ разрушилъ Велико-Моравское государство, но вмѣстѣ съ тѣмъ на Дунаѣ силою оружія пришельцевъ основалось Венгерское или Мадьярское королевство.

Главою этихъ основателей новаго государства былъ кабарецъ Арпадъ, провозглашенный отъ козарскаго кагана потомственнымъ княземъ угро-кабарскимъ, т. е. славяно-турецкимъ, нѣсколько ранѣе 888 года. Авары, славяне, гунны и валахи сдѣлались рабами пришельцевъ. Побѣдители раздѣлили между собою завоеванную землю, причемъ половину захватилъ князь Арпадъ, остальная досталась воеводамъ и дружинамъ.

¹⁾ Magyaricae linguae Lexicon.

²⁾ Лебедія—область угровъ простиралась отъ Харьковской губерніи до Днѣпровскихъ пороговъ и устья р. Ингульца.

Но этотъ дикій необузданный народъ не былъ созданъ для мирной жизни. Исторія первыхъ двухъ вѣковъ, послѣ переселенія ихъ въ Венгрію, ознаменована безпрестанными походами и разорительными нашествіями.

„Древнѣйшая организація войскъ у мадьяръ“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, „основывалась, также какъ и у германцевъ и славянъ, на родовомъ началѣ, съ тѣми лишь видоизмѣненіями, которыя вызывались меньшею связью съ землей этого кочующаго народа. Члены каждаго рода и племени образовали особыя военныя группы, которыя по призыву выступали въ походъ подъ предводительствомъ своихъ главъ или начальниковъ. При каждомъ коренномъ племени находилось извѣстное число слугъ, изъ крѣпостныхъ или временно обязанныхъ плѣнныхъ. Изъ числа послѣднихъ храбрѣйшіе освобождались своими господами, употреблялись для военной службы и увеличивали собою въ значительной степени военные контингенты. Кромѣ того, иностранцы, служившіе въ рядахъ мадьяръ и отличившіеся своими подвигами, получали со своимъ потомствомъ всѣ права коренныхъ родовъ“.

По описанію современниковъ императора Арнульфа ²⁾, мадьяры, какъ и всѣ неосѣдлыя племена древнихъ скиѳовъ, кочевали при помощи крытыхъ телѣгъ, въ которыхъ перевозили съ одного мѣста на другое женъ и дѣтей и которыя въ то же время служили имъ жилищами. Одѣтые въ звѣриныя шкуры, они питались молокомъ и сыромъ, мясомъ рыбъ и дикихъ животныхъ и отличались на войнѣ, подобно гуннамъ, звѣрскою лютостію.

Войско мадьяръ состояло первоначально изъ одной легкой, превосходной конницы. Подобно тому какъ были древніе гунны и скиѳы, мадьяры, можно сказать, почти не слѣзали съ коней. По словамъ Льва Философа, они были природными наѣздниками и не любили ходить пѣшкомъ ³⁾. Сидя на легкихъ лошадяхъ татарскаго племени, типъ которыхъ изображенъ на приложенныхъ рисункахъ, они были чрезвычайно быстры и ловки въ движеніяхъ. Эта особенность всѣхъ естественно возникшихъ кавалерій давала мадьярамъ громадное превосходство надъ неповоротливыми всадниками нѣмецкихъ, итальянскихъ, моравскихъ и греческихъ всадниковъ, съ которыми имъ приходилось воевать.

Вооруженіе мадьяръ состояло изъ пикъ, стрѣлъ и мечей. Главное оружіе были лукъ и стрѣлы, которыми они владѣли превосходно. Если принять во вниманіе легкость лошадей мадьяръ, въ то время, какъ германская конница, вооруженная по преимуществу тяжелыми сѣкирами и молотами и закованная въ желѣзо еле поворачивалась на своихъ лошадяхъ, станетъ понятно почему первые имѣли постоянно преимущество надъ послѣднею.

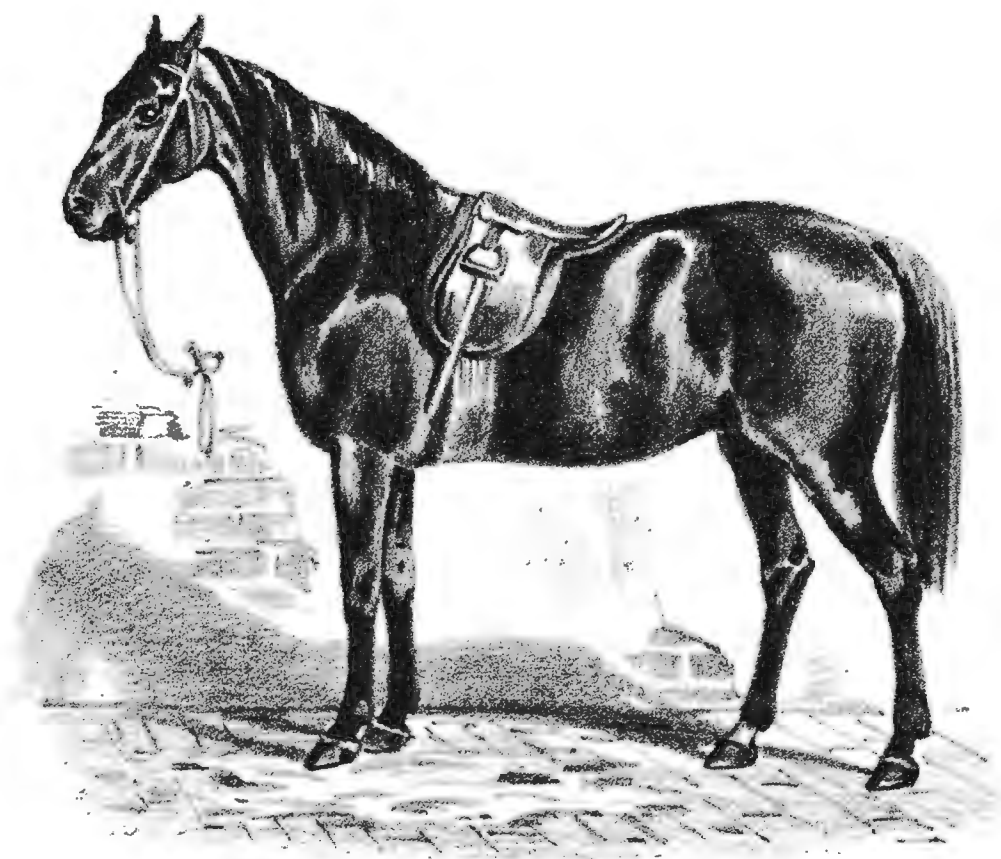
¹⁾ Стр. 130.

²⁾ Шлоссеръ, т. 6, стр. 30.

³⁾ Пузыревскій, стр. 132.

Венгерская лошадь.

Исторія конницы.
М. Маркова.

Лошадь завода Radauz въ Австро-Венгрии.

Дѣйствовали мадьяры въ бою подобно аравитянамъ, но не имѣли постояннаго боеваго порядка. Большею частью они окружали противника группами наѣзтниковъ и, обстрѣливая неповоротливья его массы стрѣлами, старались привести въ разстройство. Когда это было достигнуто, тогда они, соединившись въ большія группы, производили яростныя нападенія подобно аравитянамъ, причемъ фанатизмъ мусульманъ у мадьяръ замѣнялся ихъ дикостью и свирѣпостью. „Когда нужно было дѣйствовать твердымъ строемъ“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, „то венгры собирались кучами или группами всадниковъ по 1000, которыя размѣщались рядомъ и въ нѣсколько линій“. Послѣ одержаннаго успѣха они преслѣдовали противника, пока онъ не былъ разсѣянъ или уничтоженъ, что зачастую имъ удавалось, такъ какъ легкіе кони имѣли громадное преимущество, и противнику уйти было трудно. Замѣчательно, что при такомъ характерѣ дѣйствій мадьяры отличались строжайшей дисциплиной и въ бою выражали безпрекословное повиновеніе своимъ вождямъ.

Арпадъ, родоначальникъ венгерскихъ королей, герой и наѣзникъ, распространилъ славу и страхъ передъ оружіемъ венгровъ на весь тогдашній міръ. Пока Арнульфъ былъ живъ, Арпадъ не трогалъ его владѣній; но въ 900 году онъ первый разъ перешелъ съ войскомъ за Дунай, чтобы распространить свои завоеванія по ту сторону этой рѣки. У стараго Офена раздѣлилъ онъ свои силы на три части, которыя овладѣли землями между Дравою и Савою, землями, окружающими Платенское озеро, большею частью Панноніи, и вслѣдъ затѣмъ онъ покорилъ земли по р. Раабъ. Тамъ, гдѣ жители покорялись добровольно, венгры вводили только нѣкоторое число дѣтей въ видѣ заложниковъ; плѣнниковъ обращали въ рабство, а бѣгущихъ преслѣдовали до баварскихъ границъ. Овладѣвъ упомянутыми областями, мадьяры, алкавшіе болѣе золота и богатства, нежели земель, начали ходить многочисленными толпами въ Германію и Италію. Они разбили итальянское войско, изъ котораго около 20 тысячъ легло на полѣ сраженія, и опустошили Баварію; потомъ, вторично вторгнувшись въ Италію, одержали побѣду надъ королемъ Беренгаромъ и на малыхъ челнокахъ изъ звѣриныхъ кожъ сдѣлали нападеніе на венеціянскіе порты. Наконецъ Беренгаръ значительными подарками побудилъ венгерскихъ вождей къ отступленію.

Въ 907 году Арпаду умеръ, оставивъ о себѣ славную память въ исторіи и въ народѣ, воспѣвающимъ и по нынѣ его наѣзничество и подвиги въ своихъ пѣсняхъ.

По смерти Арпада, мадьяры подъ предводительствомъ Цультана, не довольствуясь набѣгами на Баварію, Швабію, Италію и Бургундію, проникали даже и въ сѣверныя области германскаго государства, какъ Лотарингія. Въ 908 году, побѣдивъ въ союзѣ съ славянами тогдашняго герцога тюрингскаго, они проникли въ страну саксовъ; даже императоръ Генрихъ I Птицеловъ, не смотря на свою

¹⁾ Стр. 133.

храбрость и искусство, потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе и обязанъ былъ своимъ спасеніемъ только тому, что могъ отступить къ одной изъ ближайшихъ крѣпостей. Кромѣ легкости и неутомимости мадьяръ, въ сравненіи съ феодальными кавалеристами нѣмцевъ, они могли безнаказанно грабить страну еще и потому, что на востокѣ Германіи почти вовсе не было укрѣпленныхъ или окруженныхъ стѣнами городовъ, а только разсѣянные кое гдѣ замки. На эти то два обстоятельства—конницу и устройство укрѣпленныхъ пунктовъ и городовъ Генрихъ I и обратилъ прежде всего вниманіе. Счастливый случай доставилъ ему необходимые для этого время и досугъ. Одинъ изъ венгерскихъ предводителей попалъ въ плѣнъ къ саксонцамъ, и Генрихъ согласился освободить его только подъ условіемъ девятилѣтняго перемирія, которое онъ, впрочемъ, съ своей стороны, долженъ былъ купить довольно дорого, обязавшись дѣлать имъ ежегодные подарки.

Этимъ отдыхомъ Генрихъ воспользовался, чтобы улучшить вооруженіе войска, обучить его военнымъ эволюціямъ, необходимымъ для войны съ венграми, и укрѣпить нѣкоторыя мѣстности, которыя могли бы служить убѣжищами и сборными пунктами въ случаѣ набѣга венгровъ.

Генрихъ I считается преобразователемъ конницы въ смыслѣ облегченія, обученія и введенія дисциплины.

„Онъ создалъ“, пишетъ Шлоссеръ ¹⁾, „новую конницу и посредствомъ новой тактики и перемѣны вооруженія старался сдѣлать войско болѣе способнымъ къ войнѣ съ легкими войсками, изъ которыхъ состояли главныя военныя силы венгровъ и славянъ. Въ чемъ собственно заключались эти мѣры, съ точностью опредѣлить нельзя; извѣстно только, что вооруженіе войскъ и тактика позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ получали свое начало при Генрихѣ и что тогда же стало образоваться сословіе рыцарей, первый шагъ къ которому былъ уже сдѣланъ при Карлѣ Мартелѣ и Карлѣ Великомъ“.

„Конница при Генрихѣ“, говоритъ Бородинъ ²⁾, „получила новое устройство; прежде она была обременена слишкомъ тяжелыми латами, препятствовавшими ей стоять противъ быстрыхъ движеній венгерскихъ всадниковъ. Генрихъ облегчилъ это вооруженіе, увеличилъ число кавалеріи и обучилъ ее дѣйствовать въ разсыпную, прикрываться щитами отъ стрѣлъ непріятели и потомъ вдругъ и неожиданно бросаться въ атаку. Тяжелый и неповоротливый строй германцевъ въ большихъ глубокихъ колоннахъ или клиньяхъ былъ замѣненъ устройеніемъ линіями; самыя войска были тщательно обучаемы движеніямъ и маневрамъ“. Многіе поэты и лѣтописцы нѣмецкіе въ этихъ военныхъ упражненіяхъ конницы Генриха видятъ начало турнировъ, но они ошибаются: начало турнировъ принадлежитъ французамъ.

¹⁾ Томъ 6, стр. 77.

²⁾ Военный энциклопедическій лексиконъ, т. VI, стр. 176.

„Тяжеловооруженные воины“, говоритъ Пузыревскій ¹⁾, „массивныя лошади, тяжелыя копы, неповоротливый строй—все это не соответствовало такому врагу, какъ венгры. Въ этомъ заключается источникъ всѣхъ усилій Генриха I образовать легкую кавалерію, улучшить существовавшую, дать вообще преобладающее значеніе этому роду оружія. Такимъ образомъ вліяніе венгерцевъ на развитіе европейскаго военнаго искусства отразилось весьма существенно“.

Сопоставляя приведенныя выдержки, мы можемъ придти къ заключенію, что Генрихъ Птицеловъ сдѣлалъ для нѣмецкой конницы тоже, что Сципіонъ для римской. Введеніе разсыпнаго и развернутаго линіями строя придало подвижность и поворотливость феодальной конницѣ; а постоянныя упражненія въ маневрированіи приучали частныхъ начальниковъ распоряжаться своими частями и направлять ихъ въ любую сторону.

Мы уже говорили, что послѣ Карла Великаго геербаннъ опять разстроился, и войска составляли собственныя дружины (комитеты, свиты и гелейты) герцоговъ и вельможъ. Въ бою эти дружины или гелейты строились отдѣльно въ глубокомъ строѣ въ видѣ клиньевъ или фалангъ. Первая попытка строить конницу линіями была сдѣлана при Карлѣ Лысомъ, какъ мы упоминали. Со временъ Генриха дружины строились также рядомъ, но каждая линіями, причемъ первую составляли герцоги и вельможи съ своими вассалами, закованными въ желѣзо, вторую легче вооруженные, а послѣдующія конные слуги, вооруженные луками. Чѣмъ могущественнѣе сеньоръ, тѣмъ многочисленнѣе была свита; тѣмъ болѣе, значить, было шеренгъ.

Генрихъ снова возстановилъ геербаннъ въ прежнемъ его видѣ и распространилъ его, не только на вассаловъ имперіи съ ихъ подвассалами и гелейтами, но и на всѣхъ взрослыхъ и вольнорожденныхъ владѣльцевъ земель. Впрочемъ и теперь геербаннъ продержался не долго.

Независимо отъ этого, чтобы быть въ меньшей зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ, онъ собралъ силу и обѣщаніемъ наградъ множество военныхъ бродягъ, шатавшихся для грабежа цѣлыми шайками по Германіи; составилъ изъ нихъ, такъ называвшійся, мерзбургскій легіонъ, и поселилъ ихъ по восточнымъ границамъ Саксоніи для отраженія славянъ. Вѣроятно, въ составъ этого легіона вошла и легкая конница, сформированіе которой вышеприведенными выдержками приписывается Генриху.

Лагери феодальныхъ армій въ описываемое время представляли весьма буйную картину. За войсками отправляющимися въ походъ слѣдовали массы сладострастныхъ и публичныхъ женщинъ, которыя, по прибытіи на ночлегъ, распространялись по всему лагерю. Ночь проходила въ азартныхъ играхъ, попойкахъ и

¹⁾ Стр. 133.

полномъ разгулѣ. Хохоть и веселыя пѣсни далеко разносились по окрестной мѣстности. Подобная безпечность была весьма опасна въ войнѣ съ такимъ предприимчивымъ противникомъ, какъ венгры.

Передъ сраженіемъ при Мерзебургѣ Генрихъ, подѣ страхомъ смертной казни, удалилъ всѣхъ женщинъ, и съ тѣхъ поръ порядокъ и тишина водворилась въ германскихъ арміяхъ; а мѣсто гдѣ этотъ приказъ былъ обнародованъ названо было der Keuschberg (гора цѣломудрія).

Сраженіе при Мерзебургѣ 28-го августа 933 года.

Когда время условленнаго перемирія прошло, послы венгерскіе потребовали дань. Получивъ презрительный отказъ, венгерцы собрали, какъ рассказываютъ нѣмецкіе лѣтописцы, до 300 тысячъ войскъ изъ мадьяръ, славянъ, поляковъ и другихъ и двинулись въ Германію тремя арміями.

Одна двинулась къ Рейну; другая изъ 50 тысячъ человекъ въ Саксонію; но при осадѣ Іехсбурга была разбита; третья, сильнѣйшая, направилась къ рѣкѣ Заалѣ, опустошая страну. Такимъ образомъ мадьяры достигли Мерзебурга и осадили этотъ городъ.

Императоръ сосредоточилъ къ Мерзебургу свою армію, состоявшую первоначально изъ 30 тысячъ, и расположился въ окрестностяхъ Рита.

При извѣстїи о приближенїи германской арміи и о пораженїи подѣ Іехсбургомъ страхъ овладѣлъ венгерцами. Они поспѣшно сняли осаду Мерзебурга, отступили до селенія Скеленъ, неподалеку отъ Людена, и укрѣпили свой лагерь.

Генрихъ, выдвинувъ впередъ легкую конницу, послѣдовалъ за венгерцами, перешелъ у Мерзебурга р. Заалу и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ селенія Риаде. Утромъ 27 августа прибыли вспомогательныя войска изъ Италїи, Франціи, Баварїи, Швабіи и Австріи, вслѣдствїе чего силы императора возрасли до 70 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ 6200 конницы. На военномъ совѣтѣ всѣ начальники рѣшили единогласно напасть на венгерцевъ, не смотря на ихъ превосходство силъ. Императоръ вывелъ армію изъ лагеря и построилъ ее въ боевой порядокъ на открытомъ полѣ, скрывъ большую часть конницы за Кейшбергомъ, чтобы броситься при удобномъ случаѣ во флангъ непрїятелю.

Потерявъ надежду избѣжать боя и не желая выждать нападенія на свой станъ, гдѣ собрано было громадное награбленное богатство, венгерцы также выдвинулись въ поле и устроились къ бою.

Легкая германская конница, вооруженная луками, открыла сраженіе, за нею двинулись было и прочія войска. Но на этотъ день дѣло ограничилось только одною перестрѣлкою, такъ какъ бой начался поздно, наступили сумерки, и оба противника возвратились въ свои станы.

Въ полночь германцы снова развернули свои силы. Императоръ, не смотря на болѣзненное свое состояніе, былъ первый на мѣстѣ, ободрялъ войска, приказалъ отслужить молебень и съ восхожденіемъ солнца, оставивъ часть войска въ резервъ, двинулъ свою армію впередъ.

Венгерцы, замѣтивъ движенія у непріятеля, также вышли къ бою и начали свои яростныя атаки, постепенно вводя новыя силы и поддерживая первую линію. Но ихъ встрѣтили одушевленные войска и соединенныя усилія пѣхоты и конницы, и потому успѣхъ долго склонялся то на ту, то на другую сторону. Когда большая часть венгерскихъ силъ ввязалась въ дѣло, кавалерія нѣмцевъ, стоявшая въ засадѣ за Кейшбергомъ, ударила во флангъ, но и послѣ этого венгры стояли мужественно и съ неистовствомъ бросались на противника, пока наконецъ Генрихъ не выдвинулъ свой резервъ, который и рѣшилъ дѣло. Венгры были опрокинуты и обратились въ бѣгство. Часть ихъ, не зная мѣстности, старалась миновать рѣку Эльстеръ и достигнуть Эльбы, но была преслѣдуема германскою конницею до Бернбурга и совершенно уничтожена, другая толпа спаслась въ Богемію. Венгерцы потеряли въ этомъ сраженіи громадное количество убитыми и плѣнными; лагерь ихъ, наполненный богатствами всякаго рода, былъ ограбленъ, и множество плѣнныхъ германцевъ освобождено.

Мы описали это сраженіе, какъ результатъ заботъ Генриха по преобразованію военнаго дѣла у нѣмцевъ. Легкая конница, устроенная императоромъ, играла видную роль. Она начала сраженіе, соперничая съ ловкими венграми, она же энергическимъ преслѣдованіемъ и довершила пораженіе. Въ Мерзербургскомъ сраженіи, вопреки обычаямъ тогдашняго времени, армія нѣмцевъ состояла изъ пѣхоты и конницы, причемъ пѣхоты было до 60 тысячъ. Это произошло вслѣдствіе призыва геербанна. Самое сраженіе было выиграно благодаря превосходнымъ распоряженіямъ императора и тому высокому духу, который онъ сумѣлъ вселить въ свои войска. Здѣсь германцы дѣйствуютъ уже не одною сплошною массою клинью, которою въ бою невозможно управлять; напротивъ того, мы видимъ впервые отдѣленіе части войскъ въ резервъ и другой части для удара во флангъ. И та и другая выдвигаются совершенно своевременно. Въ предшествовавшихъ битвахъ съ венграми большею частью сами нѣмцы попадались въ устраиваемыя имъ засады, такъ какъ однимъ изъ всегдашнихъ тактическихъ приемовъ мадьяръ было притворное отступленіе, чтобы навести на засаду, но тутъ попались венгры.

Касательно дѣйствій послѣднихъ надо сказать то, что можно впередъ было ожидать для нихъ пораженіе. Венгерцы находились между страхомъ, по случаю извѣстія о неудачѣ ихъ соотечественниковъ подъ Іехсбургомъ, и жадностью. Желая избѣжать боя, они вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣли покинуть награбленные богатства и должны были вступить въ нежелательный бой, тогда какъ, сидя на легкихъ коняхъ, всегда могли уйти. Въ самомъ бою передъ вагенбургомъ дѣйствія

ихъ ограничивались одними яростными нападеніями, которыя все разбивались о стойкость воодушевленныхъ Генрихомъ германскихъ войскъ и совокупныхъ усилій пѣхоты и конницы. Нѣтъ ни обыкновенныхъ ихъ военныхъ хитростей, ни умѣнья воспользоваться превосходствомъ силъ—все благодаря вагенбургу, который стѣснялъ ихъ дѣйствія.

Сраженіе при Аугсбургѣ.

Послѣ этого урока венгры совершенно прекратили свои нападенія на Саксонію, но иногда вторгались еще въ Баварію и Швабію.

Преемникъ Генриха Птицелова Оттонъ I только окончилъ войну съ непокорными вассалами и двинулся противъ вендовъ, которые напали на восточныя границы государства, какъ узналъ о вторженіи мадьяръ. Токсъ, герцогъ венгерскій, по призыву партіи враждовавшей противъ Оттона, въ 955 году съ стотысячнымъ войскомъ напалъ на Баварію. Не встрѣчая сопротивленія, мадьяры достигли Леха и, по совѣту графа Вернера, брата пфальцграфа баварскаго Арнульфа, осадили Аугсбургъ.

Баварцы, швабы, богемцы, франконцы и аугсбургскіе граждане, которыхъ удалось Оттону соединить для общихъ усилій противъ венгровъ, составили армію въ 26 тысячъ, по преимуществу тяжелой и легкой конницы, исключая гражданъ, которые дали небольшой отрядъ пѣхоты. Эта армія, предшествуемая авангардомъ изъ франконцевъ подъ начальствомъ герцога Конрада, двинулась къ Аугсбургу.

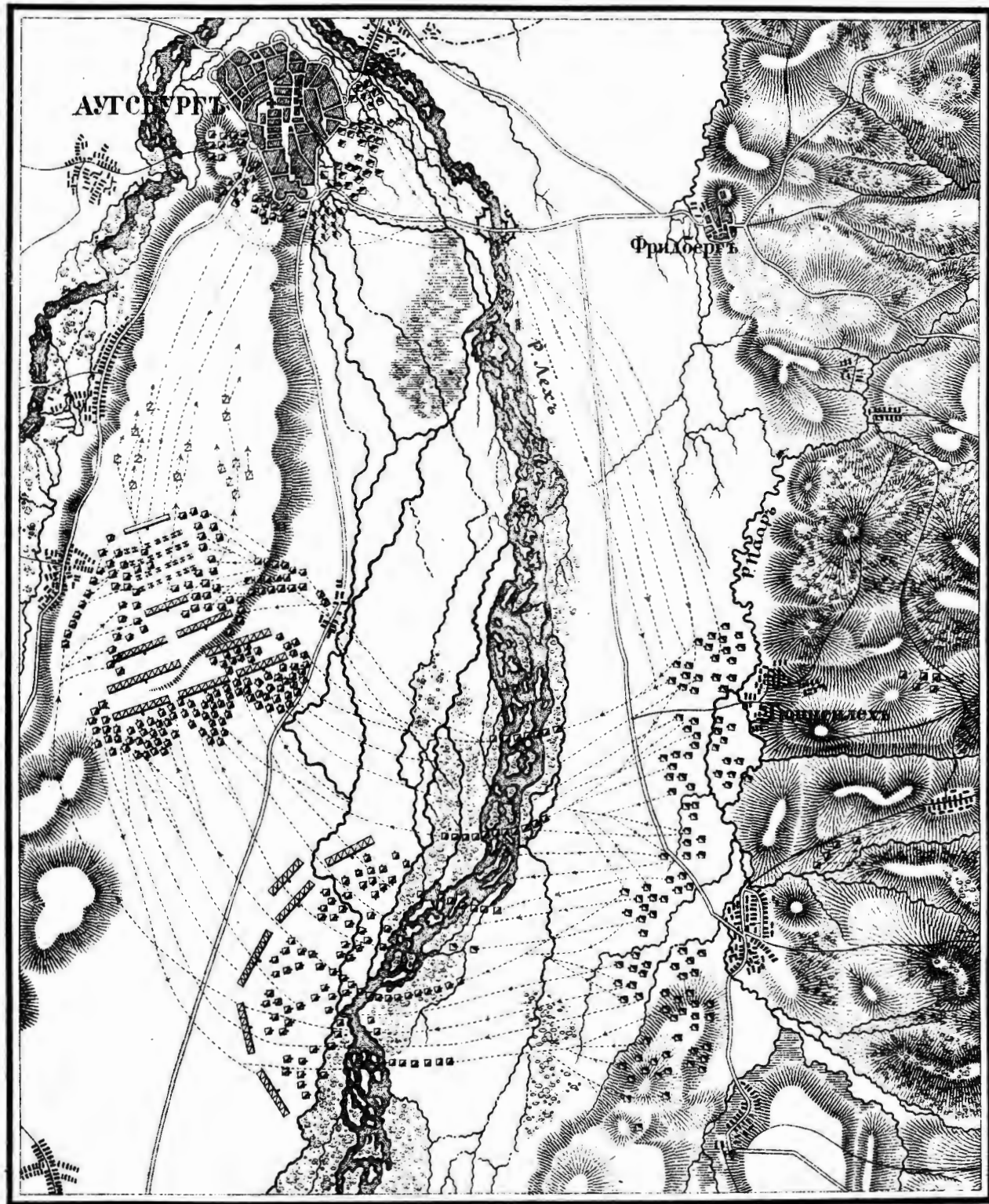
Между тѣмъ приступъ венгерцевъ къ этому городу былъ отбитъ, и они, узнавъ о наступленіи арміи Оттона, отступили къ мѣстности Гунценбаху. Столкновение произошло 10 августа близъ этого мѣстечка въ широкой долинѣ р. Леха.

Венгерское войско, состоявшее изъ легкой конницы, было раздѣлено на три отряда. Два первые, подъ начальствомъ Бульцу, Лехеля и самого Токса, расположились на упомянутомъ лехскомъ полѣ; третій отрядъ, числомъ въ 40 тысячъ всадниковъ, составлялъ подъ предводительствомъ Ботіонди резервъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Леха.

Оттонъ построилъ свои войска въ три линіи, раздѣленные на 8 частей. Первую линію составили три отряда баварцевъ, подъ начальствомъ графа Эбергарда Эберсбергскаго; во второй стали франконцы Конрада и самъ Оттонъ съ саксонцами, охраняя императорское знамя и святое копье; третью линію составили два отряда швабовъ, подъ начальствомъ герцога Буркгарда; за третьєю линією поставленъ былъ вагенбургъ, а за вагенбургомъ въ общемъ резервѣ и для его прикрытія 1000 богемскихъ рыцарей, подъ предводительствомъ герцога Болеслава, и аугсбургскіе граждане.

Венгерцы, переплывъ р. Лехъ на своихъ коняхъ и раздѣлившись на двѣ части, устремились въ атаку на германцевъ; одна часть бросилась съ фронта на баварцевъ, а другая, обскакавъ лѣвый флангъ Оттона, ударила въ тылъ на богем-

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ АУГСБУРГЪ

Г. Руневъ

скихъ рыцарей и гражданъ. Богемцы не выдержали напора превосходныхъ силъ венгровъ и большею частью были истреблены. Тогда венгерцы бросились на третью линію Оттона, швабовъ, смяли и ихъ, но, не довершивъ пораженія, соблазнились вагенбургомъ и начали грабить.

Между тѣмъ Оттонъ, видя пораженіе третьей линіи, приказалъ Конраду съ франконцами идти на помощь къ швабамъ. Энергичный Конрадъ двинулся назадъ, подоспѣлъ на помощь бѣгущимъ и, ударивъ на грабившихъ вагенбургъ венгерцевъ, снова обратилъ побѣду на сторону нѣмцевъ. Венгерцы обратились въ бѣгство, но и Конрадъ палъ, пораженный стрѣлою въ горло.

Въ то время первая линія германцевъ, баварцы Эбергарда, также начали изнемогать подъ напоромъ непрерывныхъ атакъ непріятеля съ фронта. Но Оттонъ, освободившись съ тылу, могъ уже располагать оставшимися еще въ резервѣ саксонцами, которыхъ онъ, держа самъ въ рукахъ священное копьё, повелъ въ помощь лѣвому, наиболѣе угрожаемому крылу баварцевъ. „Въ тѣсно сплоченныхъ массахъ“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, „прикрываясь щитами отъ сыпавшихся стрѣлъ, ударили нѣмецкіе латники на густыя толпы венгерцевъ, прорвали ихъ и отбросили къ Леху“. Груды мертвыхъ тѣлъ мѣшали венгерцамъ быстро совершить отступление, и они были приперты къ выстуившей изъ береговъ рѣкѣ. Бросившіеся вплавь не могли взобраться на противоположный крутой берегъ: громадное количество потонуло, остальные были перебиты крестьянами или попали въ плѣнъ. Графъ Вернеръ былъ убитъ своими вѣроломными союзниками; полководцы венгерскіе Бульцу (или Вербульчъ), Лехель и Урнеръ, захваченные въ плѣнъ, были повѣшены. Побѣдители овладѣли громадными богатствами, награбленными въ ихъ же землѣ.

Третій отрядъ мадяровъ, грабившій страну по ту сторону Леха до Фульды, узнавъ о пораженіи своихъ соотечественниковъ, бросился въ Шварцвальдскія горы и ожидалъ тамъ армію Оттона, которая возвращалась восвояси. Часть нѣмцевъ, шедшихъ къ Рейну, была окружена венграми и, послѣ отчаянной обороны, погибла на полѣ сраженія. Но этимъ успѣхомъ мадяры не могли вознаградить понесенное ими пораженіе, и впослѣдствіи, уже болѣе не дерзая вторгаться въ нѣдра Германіи, они разбойничали только въ пограничныхъ провинціяхъ.

Въ описанномъ сраженіи, какъ мы видѣли, дралась только одна конница, притомъ тяжелая противъ легкой. Тяжелая одолѣла легкую. Но это еще не есть доказательство превосходства тяжелой конницы надъ легкою. Венгры въ сраженіи при Аугсбургѣ дѣйствовали больше не какъ воины, а какъ разбойники. Если бы, разсѣявъ богемцевъ и опрокинувъ швабовъ, они не увлеклись приманкою грабежа, а продолжали дѣйствовать противъ заднихъ линій германцевъ, то притянули

¹⁾ Часть II, стр. 216.

бы на себя франковъ и саксонцевъ, что при большомъ превосходствѣ силъ вовсе не было опасно: а между тѣмъ, отвлекая на себя и вторую линію Оттона, они облегчили бы успѣхъ своей ордѣ, дѣйствовавшей съ фронта противъ баварцевъ, которые также ужъ начинали изнемогать. Слѣдовательно, не увлекись венгерцы грабежемъ вагенбурга, они безъ сомнѣнія одолѣли бы нѣмцевъ. Кромѣ того, какъ справедливо замѣчаетъ Пузыревскій, „поле сраженія для венгерцевъ было слишкомъ тѣсно, а это нарушало одно изъ основныхъ условій, обеспечивающихъ успѣхъ ихъ дѣйствій, которое требовало простора и состояло въ свободѣ маневрированія, въ утомленіи противника, въ разстройствѣ его метательнымъ оружіемъ, продолжительнымъ движеніемъ, а затѣмъ въ ударѣ массой“. Последнее замѣчаніе главнымъ образомъ можетъ быть отнесено къ ордѣ, дѣйствовавшей съ фронта противъ баварцевъ. Третья орда, вмѣсто того, чтобы служить резервомъ для двухъ другихъ, дравшихся подъ Аугсбургомъ, также отправилась грабить и пользы общему дѣлу не принесла.

Дѣйствія Оттона показываютъ, что онъ очень хорошо понималъ характеръ противника. Построивъ войска свои въ нѣсколько линій, онъ обезпечилъ себя резервами для парированія всевозможныхъ ухищреній венгерцевъ, а, расходуя ихъ расчетливо, сумѣлъ сохранить часть ихъ къ тому времени, когда непріятель ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, и онѣ отъ продолжительныхъ усилій утомились и пришли въ разстройство. Этотъ послѣдній резервъ Оттона, состоявшій, какъ было уже замѣчено, изъ саксонцевъ, и рѣшилъ окончательно бой въ пользу германцевъ. Противопоставляя подвижному, волнующемуся строю венгровъ сплошной строй, онъ доставлялъ возможность своимъ всадникамъ давать дружный отпоръ несвязнымъ усиліямъ непріятеля; а когда наступила благопріятная минута—дружнымъ напоромъ перейти въ наступленіе и припереть врага къ рѣкѣ. Вообще въ дѣйствіяхъ Оттона видно, что сначала до конца битвы всѣ распоряженія исходили отъ него своевременно и сообразно обстоятельствамъ. Оттого то до конца сраженія у нѣмцевъ сохранились цѣлость и совокупность усилій для достиженія общей цѣли въ то время, какъ венгерцы, разъ направленные въ бой, утратили всякое единство въ дѣйствіяхъ.

Г л а в а 5-я.

Возникновеніе рыцарства. Военно-монашескія ордена. Посвященіе. Раздѣленіе рыцарей на классы. Оруженосцы и конные слуги. Вооруженіе. Лошади западной породы. Боевыя упражненія и турниры.

Мы имѣли случай замѣтить, что первую конницу франковъ и вообще германцевъ составляли богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди. Карль Великій, обязавъ такихъ особъ служить непременно на коняхъ, нѣкоторымъ образомъ отдѣлилъ ихъ отъ

массы. По мѣрѣ распространенія феодальной системы, когда ленные владѣльцы завоевали себѣ громадныя права и привилегіи, они еще болѣе отдѣлились отъ прочихъ сословій. Менѣе богатые, сдѣлавшись вассалами, не хотѣли лишиться общества своихъ сеньоровъ и сюзереновъ и, такъ какъ тогдашнее высшее сословіе все время проводило въ военныхъ упражненіяхъ и охотѣ, то, если маломальски была возможность, каждый вассаль старался приобрѣсти коня. Такимъ образомъ онъ могъ сопутствовать своему сеньору всюду; а сеньоры въ подраженіе королямъ старались увеличить свои свиты или гелейты и сначала поощряли, а потомъ стали требовать отъ своихъ вассаловъ службы на конѣ.

Въ описываемое время (X и XI столѣтія) лошадей приобрѣсти сдѣлалось сравнительно легче. Ихъ не только приводили для продажи изъ Испаніи, Италіи, Венгріи, Византіи и Польши, но и въ самой Германіи и Франціи явились конные заводы. „Конскіе заводы“, пишетъ Брантъ ¹⁾, „какъ королевскіе, находившіеся въ вѣденіи маршаловъ, такъ и частныя доказываютъ, что уже тогда въ кавалеріи дорожили хорошими лошадьми“.

Такимъ образомъ составилось особенное высшее общество, которое мало по малу присвоило себѣ исключительное право служить на конѣ, и лица, не принадлежавшія къ этому обществу, одно время лишены были права имѣть собственного коня ²⁾. Такой обычай распространился по всей западной, а съ нѣкоторыми измѣненіями и по сѣверо-восточной Европѣ, и слова дворянинъ, кавалеръ или кавалеристъ и рыцарь (*chevalier, caballero, Ritter*) сдѣлались однозначущими словами.

Выдѣлившись въ особую корпорацію, отгѣснивъ прочія сословія отъ права защиты государства и присвоивъ его исключительно себѣ, рыцарство не замедлило поставить себя на высоту своего назначенія въ нравственномъ отношеніи. Если съ одной стороны анархія, господствовавшая послѣ кончины Карла Великаго и при развитіи феодальной системы, способствовала кулачному праву или праву сильнаго, то съ другой стороны идеи, явившіяся съ востока, и распространившаяся мысль о томъ, что въ началѣ XI столѣтія будетъ второе пришествіе Мессіи и кончина міра, благотворно повліяли на все тогдашнее общество.

Аравитяне, дѣвственный, неиспорченный народъ, представлявшій прекрасную почву для принятія всего возвышеннаго, нравственнаго, имѣли неоспоримое вліяніе на весь историческій міръ. Ни одинъ народъ міра не проявилъ столько въ совокупности вѣротерпимости, любви къ наукамъ и поэзіи, какъ аравитяне. У арабовъ впервые образовались братства, имѣвшія госпитали и страннопріимныя дома, у арабовъ явились благородныя правила для воиновъ не употреблять отравленнаго оружія, не бить ранен-

¹⁾ Стр. 51.

²⁾ Брантъ, стр. 53.

наго и безоружнаго, просящаго пощады, и защищать слабыхъ—больныхъ. „Полагаютъ“, говоритъ Пузыревскій ¹⁾, „что первые рыцарскіе ордена были основаны арабами, именно калифомъ багдадскимъ Нассиромъ Лидиналлахомъ“.

Въ ожиданіи втораго пришествія и кончины міра, явилась на западѣ общая манія дѣлать добрыя дѣла, помогать бѣднымъ, оказывать милосердіе и помощь больнымъ и слабымъ. Понятно, что идеи, занесенныя съ востока отъ арабовъ и съ юго-запада отъ мавровъ, попали на подготовленную почву, и подъ вліяніемъ ихъ во всемъ рыцарствѣ выработались особыя нравственныя правила относительно веденія войны и обязанностей рыцарства, т. е., высшаго дворянскаго сословія къ своей средѣ, къ другимъ обществамъ и особенно относительно къ слабой беззащитной женщинѣ. Принципы эти, распространившіеся между рыцарями всѣхъ европейскихъ націй, образовали, такъ сказать, заповѣди или, какъ выразился Пузыревскій, религію чести, которой слѣдовать и въ наши дни считаютъ непремѣнною обязанностью всѣ высшія сословія, военные и честные люди.

Рыцарство впервые осватило понятіе о братствѣ по оружію. Храбрость, самоотверженіе, защита религіи и даже распространеніе ея силою оружія, уваженіе къ женщинѣ, понятіе о безкорыстной славѣ, благородная гордость, основанная на великихъ дѣяніяхъ предковъ, чувство чести, основанное на томъ, чтобы всегда говорить правду, держать свое слово и защищать слабыхъ—все это, доведенное, благодаря юности фантазіи, до какой то романтичности и даже благоговѣнія, составляло качества, которыя рыцарство поставило себѣ въ идеаль и побуждало ихъ къ удивительнымъ подвигамъ геройства и добродѣтели. Всѣ благородные и знатные люди, даже короли и императоры стали искать рыцарскаго достоинства, какъ величайшей награды. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ доступъ въ рыцарство былъ затрудненъ и сопряженъ со многими обрядами, заимствованными, по всей вѣроятности, отъ военно-монашескихъ орденовъ, которые образовались во время крестовыхъ походовъ.

Первый рыцарскій орденъ былъ орденъ Іоанна Іерусалимскаго или іоаннитовъ. Когда въ 1099 году Готфридъ Бульонскій, взявъ Іерусалимъ, подарилъ монастырю св. Іоанна при гробѣ Господнемъ земли и многіе знатные рыцари вступили въ этотъ монастырь, тогда папа Пасхалисъ II утвердилъ орденъ и далъ ему право избрать себѣ начальника. Магистръ Раймундъ-де-Пюи раздѣлилъ въ 1118 году орденъ на три класса: 1) на рыцарей, которые, кромѣ обѣтовъ въ послушаніи, цѣломудріи и бѣдности, обязывались сражаться съ невѣрными и конвоировать пилигримовъ; 2) на священнослужителей и 3) на служащихъ братій (servants d'armes), которымъ преимущественно поручено было попеченіе о больныхъ. При монастырѣ былъ устроенъ госпиталь для увѣчныхъ и раненыхъ во время кресто-

¹⁾ Стр. 123.

выхъ походовъ. Такимъ образомъ орденъ сдѣлался военно-монашескимъ. Первоначально одежда членовъ ордена состояла изъ чернаго платья и такого же плаща съ остроконечнымъ клобукомъ; на лѣвой сторонѣ плаща, близъ сердца, нашитъ былъ крестъ изъ бѣлаго холста. Въ сраженіи рыцари носили блестящія латы и красное верхнее платье, на которомъ прикрѣплялся серебряный крестъ. На голову надѣвали желѣзный шлемъ въ видѣ пустаго цилиндра.

Ни одинъ орденъ не совершилъ столько славныхъ подвиговъ, дѣйствуя на коняхъ, пѣшкомъ и на корабляхъ, какъ іоанниты. Участвуя почти во всѣхъ большихъ битвахъ крестовыхъ походовъ, іоанниты вмѣстѣ съ тамплиерами долго поддерживали Іерусалимское королевство; потомъ переселились на островъ Кипръ, оттуда на островъ Родосъ, которымъ владѣли 220 лѣтъ, отражая непрерывныя нападенія турокъ, сосредоточивавшихъ нерѣдко противъ ордена, имѣвшаго 600 рыцарей и до 5000 солдатъ, стотысячныя арміи. Въ 1530 году іоанниты, съ дозволенія императора Карла V, заняли островъ Мальту и начали называться мальтійскими командорами.

Не менѣе знаменитъ орденъ тамплиеровъ или рыцарей храма, основанный въ 1118 году французскимъ рыцаремъ Гуго-де-Паіанъ (Rayens). Онъ получилъ свое названіе отъ замка, въ которомъ они жили и который былъ построенъ въ Іерусалимѣ на развалинахъ храма Соломона.

Папа Гонорій утвердилъ орденъ на соборѣ въ Труа въ 1128 году. Въ то время въ немъ состояло уже до 300 рыцарей, и вслѣдствіе щедрой благотворительности и покровительства церкви онъ скоро приобрѣлъ огромныя богатства, которыя помогли построить въ Палестинѣ множество укрѣпленныхъ замковъ и набрать сильное войско. Съ тѣхъ поръ могущество, богатство и владѣнія тамплиеровъ возрастали непрерывно: они считались вѣрнѣйшимъ оплотомъ владычества западныхъ христіанъ на востокѣ и злѣйшими врагами мусульманъ.

Въ сраженіяхъ съ ними рыцари храма всегда составляли переднюю линію; отважное ихъ мужество и смерть въ большинствѣ битвъ почти всѣхъ рыцарей приобрѣли ордену общее уваженіе.

Первые преемники Паіана въ званіи гросмейстерскомъ слѣдовали его примѣру, не вдавались въ слишкомъ честолюбивые планы, но старались всѣми силами сохранить въ орденѣ единство, нравственность и ту примѣрную воинскую строгость, которою отличались тамплиеры до конца своего существованія.

Въ крестовомъ походѣ предпринятомъ въ 1147 году, тамплиеры были вѣрнѣйшими союзниками императора Конрада, въ особенности во время несчастной экспедиціи на Дамаскъ. Въ 1151 году они освободили Іерусалимъ, опрокинувъ ворвавшіяся уже въ городъ войска Нуреддина, и отличались потомъ почти во всѣхъ дѣлахъ съ сарацинами.

Но приращеніе сокровищъ и власти увеличиваетъ жажду къ золоту и завое-

ваніямъ. Такъ случилось и съ тамплиерами, алчность ихъ стала въ послѣдствіи столько же вредить дѣлу христіанъ въ Палестинѣ, сколько ихъ мужество и устройство приносили пользу.

Тевтонскій или нѣмецкій орденъ былъ учрежденъ въ 1190 году герцогомъ Фридрихомъ Швабскимъ. Въ этотъ орденъ могли поступать только германскіе рыцари чисто-дворянскаго происхожденія. Обязанности ихъ были тѣже самыя, какъ у другихъ военно-монашескихъ орденовъ: презрѣніе больныхъ, защита пилигримовъ и война съ невѣрными. Отличительную одежду ихъ составляли черное платье, латы и бѣлый плащъ съ большимъ чернымъ крестомъ.

Орденъ быстро усилился, разбогатѣлъ войною и благочестивыми приношеніями и приобрѣлъ высшую степень могущества своего при четвертомъ своемъ магистрѣ, знаменитомъ Германѣ фонъ Зальца (съ 1210 по 1230), который, послѣ вытѣсненія христіанъ изъ Палестины и переселенія рыцарей въ Европу, дружбою и покровительствомъ императора Фридриха II и папъ сдѣлался однимъ изъ владѣтельныхъ князей Германіи и первый принялъ названіе великаго магистра или гохмейстера тевтонскаго ордена.

Вторую половину XIII, XIV, XV и часть XVI столѣтія орденъ велъ войну съ пруссами, литовцами и поляками, сначала съ переменнымъ счастьемъ, а потомъ большею частью неудачно.

Ливонскій орденъ или орденъ меченосцевъ основанъ былъ въ 1202 году. Распри съ духовенствомъ, датчанами, русскими и литовцами привели орденъ этотъ къ добровольному подчиненію гротмейстеру тевтонскаго ордена. Въ XVI столѣтіи меченосцы подъ предводительствомъ гермейстера Вальтера Плеттенберга вели войны съ Россіей при Іоаннѣ III сначала удачно; но при Іоаннѣ Грозномъ русскіе разбили рыцарей въ двухъ битвахъ, овладѣли Венденомъ и Феллиномъ въ 1560 году, и въ слѣдующемъ году орденъ пересталъ существовать.

Изъ рыцарскихъ орденовъ, образовавшихся на западѣ, замѣчательны еще испанскіе, Алькантары, Калатравы и Сантъ-Яго де Кампостелла, которымъ пришлось вести борьбу въ Испаніи съ маврами.

Для полученія рыцарскаго достоинства требовались: достиженіе 21 года возраста и происхожденіе отъ, такъ называемаго, гербоваго дворянина, съ тремя благородными предками (*Ritterbürtig* и *Waffengenoss*, *chevalier de nom et d'armes*); доказательство, что посвящаемый въ рыцари обучался военному ремеслу, служа съ отрочества пажемъ, а съ 14 лѣтъ оруженосцемъ у какого нибудь владѣтельнаго князя или у извѣстнаго воинскими подвигами и опытностью рыцаря, отличался нравственностью, умѣлъ искусно управлять конемъ и владѣть оружіемъ. Одни только сыновья государей не подлежали этому правилу.

Посвященіе въ рыцари совершалось посредствомъ троекратнаго удара мечемъ, во имя Св. Троицы, Св. Михаила и Св. Георгія. Ударъ этотъ каждый, бывший уже

Исторія коняци
М. Маркова.

ДУХОВНО-МОНАШЕСКІЕ ОРДЕНА.
ІОАННИТЬ, ТАМПЛЕРЪ, МЕЧЕНОСЕЦЪ, ТЕВТОНЪ.

Источники: Geschichte der
Costime.

рыцаремъ, имѣлъ право давать благородному юношѣ, и производился съ многими торжественными обрядами, которые во все времена были почти одинаковы въ Испаніи, Англіи, Германіи, Италіи и даже на сѣверѣ. Приготовившись постомъ и принятіемъ Св. Таинъ, посвящаемые подвергались нѣкоторымъ испытаніямъ, стояли ночь въ церкви или на передовой стражѣ (*Waffennacht, la veille d'armes*). На слѣдующее утро ихъ смѣняли и, давъ нѣсколько отдохнуть, опять торжественно вводили въ церковь. При этомъ шестви оруженосцы несли обнаженныя мечи для новыхъ рыцарей, эфесами вверхъ, и на нихъ были положены позолоченныя шпоры. Посвящаемые, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей, неся мечъ на шеѣ, являлись передъ алтаремъ, гдѣ долженъ былъ совершиться обрядъ, и просили рыцарскаго удара.

По совершеніи обряда новый рыцарь, получивъ братское цѣлованіе, давалъ присягу быть во вседневной готовности защищать своего государя и отечество, вдовъ и сиротъ, невинность и несчастіе, жертвовать жизнью и имѣніемъ для защиты и распространенія христіанской религіи, и исполнять все законы добродѣтели и вѣжливости къ прекрасному полу. Старые рыцари надѣвали на него латы, опоясывали его мечемъ и прикрѣпляли золотыя шпоры—отличительный знакъ рыцарскаго достоинства. Торжество кончалось ристаніемъ, въ которомъ участвовалъ и новый рыцарь.

Въ военное время посвященіе въ рыцари производилось безъ этихъ церемоній и обрядовъ и состояло только въ троскратномъ ударѣ мечемъ по плечамъ рукою знатнѣйшаго или храбрѣйшаго изъ присутствовавшихъ рыцарей. Послѣ посвященія новому рыцарю всегда назначали самый опасный постъ.

Хотя рыцари составили одно сословіе, но въ зависимости отъ феодальныхъ отношеній, степени знатности и богатства были разныя классы рыцарей.

Если вассалъ на столько былъ состоятеленъ, что могъ имѣть лошадь, кольчугу и привести на службу своему сюзерену нѣсколько вооруженныхъ людей, то онъ былъ простой рыцарь (*bachelier, Ritter*). Если рыцарь могъ привлечь подъ свое начальство нѣсколько такихъ рыцарей, какъ онъ, то онъ имѣлъ значекъ или флюгеръ и назывался *chevalier à rennon*. Наконецъ, если подъ начальство кого нибудь поступало нѣсколько простыхъ рыцарей и рыцарей со значками, то такой рыцарь имѣлъ свое знамя и потому назывался баннеретъ или баннергеръ (*chevalier à bannièrre*), и онъ подчинялся только королю или какому нибудь крупному феодальному владѣльцу.

Рыцаря всегда сопровождали въ бою оруженосецъ, пажъ и неограниченное число слугъ конныхъ и пѣшихъ. Вся конная свита, т. е., рыцарь, оруженосецъ, пажъ и слуги на коняхъ составляли полное копье (*lance fournie*), въ которомъ обыкновенно было отъ трехъ до 14 человекъ. Это была можно сказать боевая

единица, потому что количество войска опредѣлялось числомъ копій, слѣдовательно и числомъ самихъ рыцарей.

Передъ боемъ рыцарь вооружался съ ногъ до головы. Главнѣйшую часть предохранительнаго вооруженія составляли грудныя латы, броня или панцырь. Броня большею частью дѣлалась изъ маленькихъ кусковъ желѣза четверугольной формы.

Подъ нею рыцари носили обыкновенно еще фуфайку или кожаный кафтанъ (*gobisson*) для ослабленія ударовъ сабли и пика и другаго оружія.

Сверхъ панцыря богатые рыцари надѣвали еще *cotte d'arme*, платье изъ тонкаго сукна, съ шитьемъ и мѣхомъ, котораго длина зависѣла отъ моды. Для удержанія его рыцари перепоясывались шарфомъ. Цвѣтъ его означалъ страну, народъ или просто любимый цвѣтъ рыцаря. Наплечники и брюки носили кожаные съ желѣзными пуговицами. Особенные приборы (*èraulières, genouilleres*) закрывали плечи и колѣна отъ ударовъ.

На голову рыцарь надѣвалъ шлемъ въ видѣ цилиндра и, смотря по своему званію, вызолоченный, высеребренный, стальной или желѣзный, но всегда довольно прочный для ударовъ сѣкиръ и палицъ. Забрало шлема состояло изъ рѣшетки, которая по надобности могла подниматься и опускаться. Открытые шлемы были весьма рѣдки, особенно въ Германіи. Въ послѣдующее время встрѣчаются часто желѣзные шляпы и чешуйчатая шапка изъ малыхъ металлическихъ пластинокъ.

Рыцари прибавляли къ своимъ шлемамъ какое нибудь украшеніе сверху (*simier*), напримѣръ, короли корону, а другіе рыцари орлиныя крылья, рога, изображеніе солнца и проч. Къ этому впоследствии придавалась еще покрывка, *lambrequin*, разныя полосы, стягивавшія шлемъ и покрывку (*chapeçon*).

Желѣзные перчатки защищали руку и дѣлались довольно искусно, чтобы не мѣшать ей движеніямъ.

Шпоры дополняли вооруженіе война.

Послѣднюю часть предохранительнаго оружія составлялъ щитъ круглый, овальной или другой произвольной фигуры.

Нападательное оружіе рыцарей состояло изъ мечей, пикъ, палицъ и кинжаловъ. Мечъ имѣлъ обыкновенно около трехъ футовъ и нѣсколькихъ дюймовъ длины, при ефесѣ около трехъ дюймовъ, а на оконечности около полтора дюйма ширины.

Онъ часто бывалъ обоюдоострый, удобный для того, чтобы рубить и колоть. Преданія лѣтописцевъ объ ударахъ мечемъ кажутся въ настоящее время невѣроятными. Такъ, напримѣръ, императоръ Конрадъ ударомъ между шеи и плеча разрубилъ пополамъ турка, покрытаго латами.

Пика дѣлалась обыкновенно изъ легкаго, сухаго дерева, липоваго, буковаго, особенно яснаваго и имѣла стальное копьё, возлѣ котораго былъ прикрѣпленъ

маленькій флюгеръ или знамя, показывавшіе, служилъ ли рыцарь какъ ленникъ вельможъ, или какъ независимый баннеретъ.

Палица (*massue*) была родъ дубины, снабженной въ толстой оконечности длинными желѣзными шипами, вѣсомъ нерѣдко до двадцати пяти и тридцати фунтовъ, къ которой иногда посредствомъ цѣпей были привѣшены желѣзные ядра.

Сѣкира (*hache d'arme*) состояла изъ тонкаго древка и желѣзнаго лезвья, имѣвшаго съ одной стороны видъ обыкновеннаго топора, а съ другой стороны форму полумѣсяца. Часто она бывала обоюдоострая и тогда считалась опаснѣйшимъ оружіемъ у рыцарей.

Молотъ (*marteau d'arme*) состоялъ изъ небольшого желѣзнаго или вообще металлическаго шара, иногда тремя цѣпями укрѣпленнаго на палкѣ, и тогда рыцари нерѣдко носили его на цѣпи черезъ плечо.

Всѣ рыцари имѣли кинжалы. Если имъ случалось выбросить противника изъ сѣдла, то они соскакивали съ лошади и черезъ складки панцыря убивали его кинжаломъ. Французы называли это оружіе *glaive de merci*, или *de misericorde* потому, что побѣжденному для спасенія себя не оставалось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ великодушію побѣдителя.

Особенное оружіе составляла еще булава, которая была употребляема какъ у западныхъ, такъ и у восточныхъ народовъ. Филиппъ—Августъ вооружилъ такими булавами своихъ тѣлохранителей; а въ сраженіи при Аскалонѣ три тысячи эіоповъ сражались ими противъ христіанъ. Впрочемъ объ ней упоминается часто въ германскихъ и итальянскихъ лѣтописяхъ ¹⁾. Полагаютъ, что она была желѣзная. Вѣроятно молотъ, палица и булава были разные виды одного и того же оружія.

Для пораженія непріятели на дальнемъ разстояніи во время крестовыхъ походовъ рыцари употребляли луки и стрѣлы. Въ половинѣ XI вѣка введены были арбалеты, но въ Германіи оставались еще луки. Снаряды, служившіе для стрѣльбы изъ арбалета, были снабжены усами, и потому раны ими причиняемыя были весьма опасны. Особенный родъ ихъ составляли *viçetons*, которые посредствомъ прикрѣпленныхъ къ нимъ перьевъ во время полета совершали вращательное движеніе и могли быть удерживаемы въ равновѣсіи.

Вооруженіе рыцарскихъ оруженосцевъ было гораздо легче рыцарскаго и не такъ сложно, а вооруженіе конной прислуги самое легкое.

Конные слуги набирались то изъ наемниковъ, то изъ подвластныхъ рыцаря. Они были вооружены для обороны: шипаками, полулатами или кольчугами и щитами; а для нападенія: мечами или трехгранными шпагами (*couttles*), дротиками, луками, и имѣли разныя названія и подраздѣленія: конные стрѣлки, *Reisende Schützen*, *archers à cheval*, *guisarmiers*, *coutilliers*; а иногда, по свойству употреб-

¹⁾ Брантъ, стр. 70.

ляемыхъ ими небольшихъ и легкихъ лошадей они назывались легкоконными (cre-nequins, Leichte oder Ringer, т. е., geringe Pferde.

Снаряженіе рыцарей состояло изъ сѣдель съ двумя луками изъ которыхъ задняя, назначавшаяся для упора и устойчивости рыцарю при ударѣ копьемъ, дѣлалась значительной высоты. Стремена служили для упора всею частью подошвы. Головной уборъ состоялъ изъ оголовья съ мунштучнымъ желѣзомъ, заимствованнымъ отъ мавровъ и восточныхъ народовъ. Впослѣдствіи въ XII столѣтіи появляются и трензеля.

Боевые кони рыцарей имѣли предохранительное вооруженіе. Лобъ и грудь покрывались крѣпкими, а часто окованными или покрытыми желѣзными пластинками кожами. Такія же кожи накладывались на спину и оба бока. Поверхъ всего снаряженія надѣвали на лошадей длинныя, дорогія покрывала. Оруженосцы имѣли подобно же снаряженіе, а конные слуги ѣздили какъ на нѣмецкихъ, рыцарскихъ сѣдлахъ, такъ и на венгерскихъ.

Рыцари передъ боемъ садились на своихъ боевыхъ коней, походы же совершали на небольшихъ, но сильныхъ лошадяхъ, Klepper ¹⁾.

Боевыхъ коней рыцари подбирали себѣ крупныхъ, массивныхъ, отодвигая легкость на второй планъ. Особенно такихъ лошадей любили во Франціи и Германіи.

Извѣстно, что климатическія условія чрезвычайно вліяютъ на видъ и свойства лошади. Въ степныхъ сухихъ и гористыхъ странахъ водятся легкія, сухія и болѣе красивыя лошади; низменные же страны, обильныя сочными травами, производятъ лошадей грузныхъ, большаго роста и способныхъ болѣе перевозить большія тяжести, чѣмъ служить человѣку подъ верхъ. Вслѣдствіе этого породы переселенныхъ лошадей мало по малу перерождаются подъ вліяніемъ новыхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій и теряютъ первоначальныя свои свойства.

Разъ, если рыцари желали имѣть массивныхъ лошадей, они должны были искать ихъ въ низменныхъ странахъ Голландіи, Нормандіи и Даніи. Но такъ какъ лошади эти первоначально были совершенно не годны подъ верхъ, то явились заводы, на которыхъ лошади упомянутыхъ странъ стали улучшать лошадьми верховаго сорта и преимущественно лошадьми испанскими, а потомъ неаполитанскими, варварійскими и венгерскими. Поэтому прежде всего постараемся сказать нѣсколько словъ о лошадяхъ Испаніи, которыя во времена рыцарства и послѣдующія до XVIII столѣтія считались лучшими лошадьми во всей Европѣ, покупались и развозились всюду и служили для улучшенія лошадиныхъ племенъ даже на востокѣ въ Польшѣ и Россіи (при Іоаннѣ Грозномъ).

Мавры, завоевавъ Испанію, съ свойственною имъ энергіею и трудолюбіемъ занялись коневодствомъ и образовали главнымъ образомъ два сорта лошадей

¹⁾ Воен. Ист. сред. вѣковъ Голицына, стр. 76.

Джинетъ и Вилланосъ. Джинетъ или Джинена разводились отъ чистокровныхъ арабскихъ лошадей, вилланосъ—помѣсь древне-испанскихъ съ арабскими. Оба эти сорта лошадей, особенно Джинетъ пользовались большою славою въ Европѣ, высоко цѣнились и, дѣйствительно, были превосходными лошадьми верховаго сорта.

Изгнаніе мавровъ, погоня за наживой въ колоніяхъ, наплывъ золота дурно повліяли на всю промышленность Испаніи. Вѣроятно вмѣстѣ съ этимъ начало падать мало по малу и коневодство, хотя испанскія и особенно андалузскія лошади продолжали славиться въ Европѣ до XVIII столѣтія.

Современную испанскую лошадь Руттенбергъ описываетъ такъ: „лошадь этого племени весьма понятлива, живаго темперамента и добраго нрава, имѣетъ горбатую голову, мясистую прекрасно поставленную шею, широкую грудь, круглыя ребра, длинный и круглый крестецъ, не очень высоко приставленный хвостъ, сильныя плечи, широкія и короткія подплечья, почему и ходъ у этихъ лошадей высокій; широкія плюсны и длинныя бабки, что и бываетъ причиною часто встрѣчающихся медвѣжьихъ лапъ. Такова нынѣшняя испанская лошадь, встрѣчающаяся еще въ маломъ числѣ въ Андалузіи и Астуріи. Но въ Австріи около Триеста, въ Липицанахъ, есть конный заводъ съ разсадникомъ настоящихъ андалузскихъ лошадей.

Неаполитанская лошадь имѣетъ большое сходство съ испанскою; но на болѣе высокіхъ ногахъ, и потому не такъ ловка и менѣе понятлива. Она употреблялась и теперь употребляется подъ верхъ и въ упряжь. Лошадь эта происходитъ отъ древнихъ лошадей, привозимыхъ въ Сицилію и южную Италію, улучшенныхъ варварійскими и испанскими. Лошади неаполитанскія получили особенную славу въ среднія времена своею выѣзкою. Около 1134 года труппа берейторовъ, показывавшая свое искусство въ циркахъ, появилась въ Неаполѣ, послѣдней странѣ Италіи, признававшей еще власть византійскихъ императоровъ. Такимъ образомъ Неаполь былъ первымъ городомъ запада, владѣвшимъ школою верховой ѣзды. Мало по малу учредились подобныя школы и въ другихъ мѣстахъ Италіи, во Франціи и Германіи. Весьма долгое время Неаполь пользовался исключительною монополіею хорошихъ манежныхъ лошадей. Въ концѣ XVI вѣка, и даже позднѣе, неаполитанскія лошади часто упоминаются авторами, какъ весьма цѣнныя, особенно въ Англіи, а также и въ большей части европейскихъ государствъ. Онѣ раздѣляли расположеніе публики съ лошадьми, выводимыми изъ южной Испаніи.

Въ древнія времена, какъ было уже раньше (томъ I) замѣчено, въ Вогезахъ водились лошади; на сѣверѣ Франціи и въ Голландіи также были мѣстныя лошади. Бритты и батавы, жившіе на нижнемъ Рейнѣ, были хорошиими конниками и на своихъ лошадяхъ переплывали глубокія и широкія рѣки ¹⁾. Сами галлы, по свидѣтельству Цезаря, платили огромныя деньги за лошадей и, вѣроятно, въ боль-

¹⁾ Tacit. Vita Agricola, lib. II.

шомъ числѣ приобрѣтали ихъ въ Испаніи и Италиі. Григорій Турскій ¹⁾ упоминаетъ о конскихъ заводахъ еще во времена меровинговъ. Во времена крестовыхъ походовъ, подобно германскимъ рыцарямъ, и французы приводили домой арабскихъ лошадей и улучшали ими мѣстныя племена. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, произошли лимузенскія лошади (Limousins) и першероны. Первые употреблялись для службы въ легкой конницѣ, вторыя въ тяжелой. Кромѣ того, въ былыя времена Франція была богата клепперами. Во всякомъ случаѣ сама Франція была бѣдна лошадьми верховаго сорта. Нормандскія лошади для службы подъ верхъ были слишкомъ грузны, но на сѣверо-западѣ Франціи съ давнихъ поръ существовали арденскія и родственныя съ ними бретанскія лошади. Лошади эти, хотя упряжнаго сорта, но крѣпкаго тѣлосложенія, отлично служатъ въ настоящее время въ артиллеріи и безъ сомнѣнія болѣе мелкія изъ нихъ были употребляемы въ конницѣ.

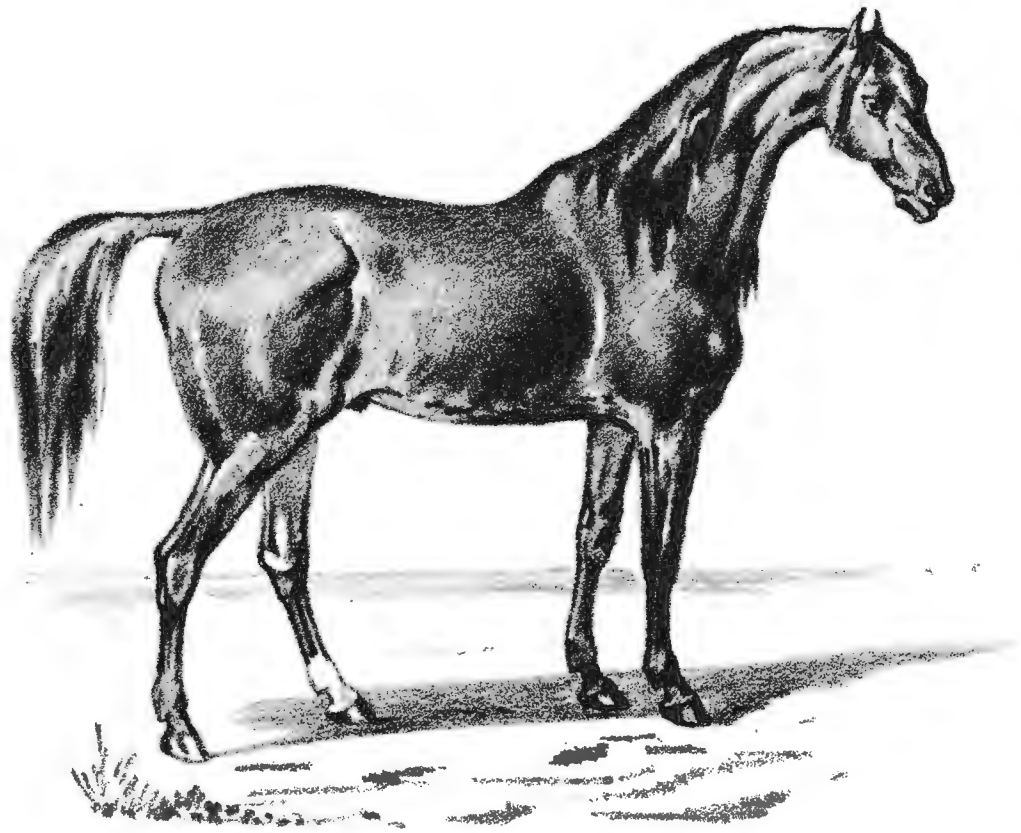
Фризское или Голландское племя лошадей, распространенное въ Голландіи, Фрисландіи и Вестфалии, состояло и теперь состоитъ также изъ лошадей упряжнаго сорта. Тоже самое можно сказать о лошадяхъ голштинскихъ.

Мы упомянули объ этихъ двухъ племенахъ средневѣковыхъ лошадей потому, что безъ всякаго сомнѣнія ихъ пробовали улучшать лошадьми восточной породы для употребленія подъ верхъ, и доказательствомъ этому служить то, что голштинская лошадь въ XVI и XVII столѣтіяхъ приобрѣла славу, какъ отличная верховая лошадь для тяжелой конницы. Еще большую славу во времена рыпарства имѣла датская лошадь, которая упоминается во многихъ нѣмецкихъ балладахъ и которая изображена на рисункѣ.

Въ настоящее время датское коневодство въ упадкѣ, и датская лошадь далеко не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, которыя придавали ей авторы нѣмецкихъ балладъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о лошади мекленбургской, получившей извѣстность задолго до распространенія системы Бюффона, о которой мы въ свое время упомянемъ. Мекленбургскія лошади, по всей вѣроятности, ведутъ свое начало со времени переселенія тевтонскихъ рыцарей въ Германію, хотя эту догадку мы не можемъ подтвердить никакою ссылкой на источники; а можетъ быть коневодство здѣсь ведется еще со времени вендовъ (славянъ), населявшихъ Померанію. Мекленбургскія лошади верховаго сорта и съ давнихъ временъ пользовались большою славою во всей Германіи, Швейцаріи, Италиі и Франціи и, дѣйствительно, заслуживали ее, ибо, если иногда къ нимъ и не имѣли довѣрія, то это происходило оттого, что барышниками часто продавались подъ именемъ мекленбургскихъ голштинскія и другія лошади. Мекленбургская лошадь имѣетъ большой ростъ, сухую голову, длинную, хорошо поставленную и при соединеніи съ головою весьма тонкую

¹⁾ Брантъ, стр. 51.

Андалузская лошадь.

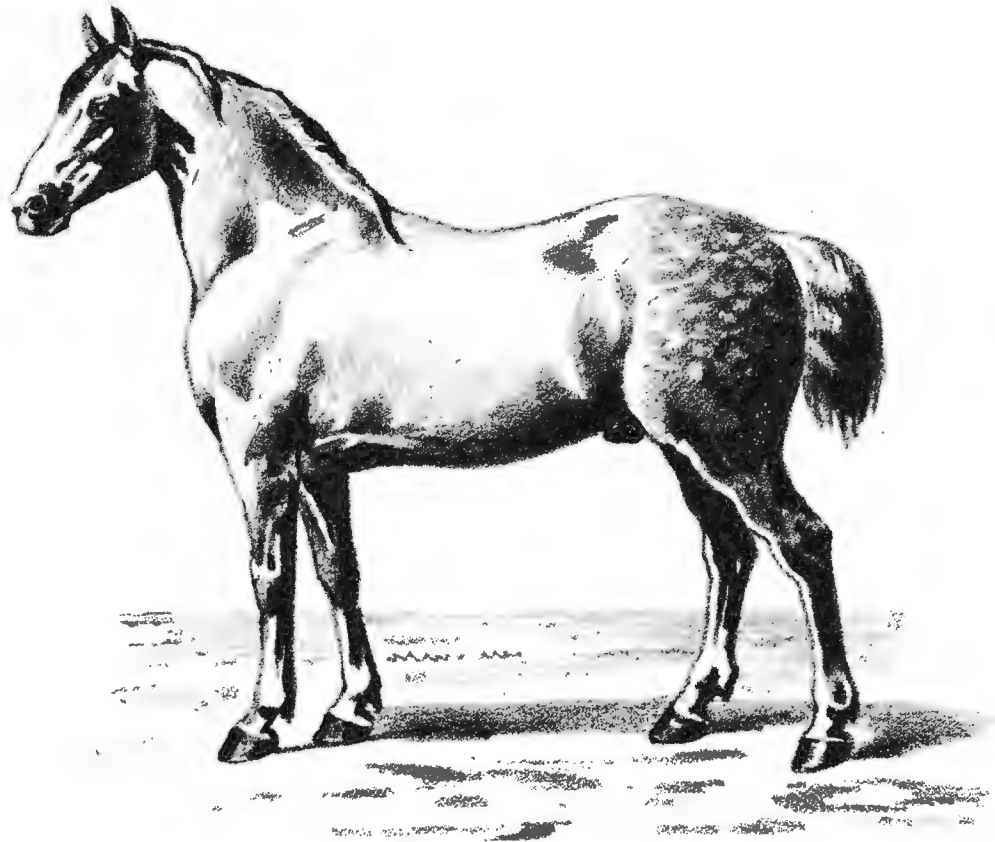

Исторія конницы.
М. Маркова.

Неаполитанская лошадь.

Першеронъ.

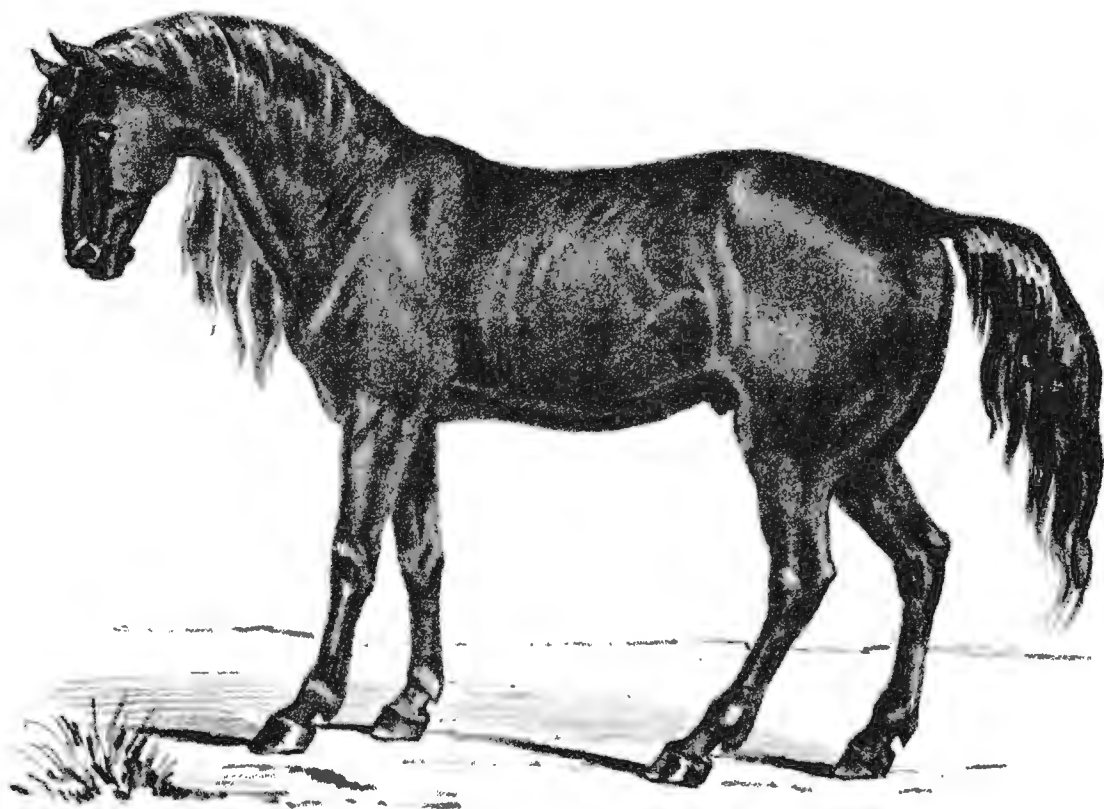

Лимузенъ.

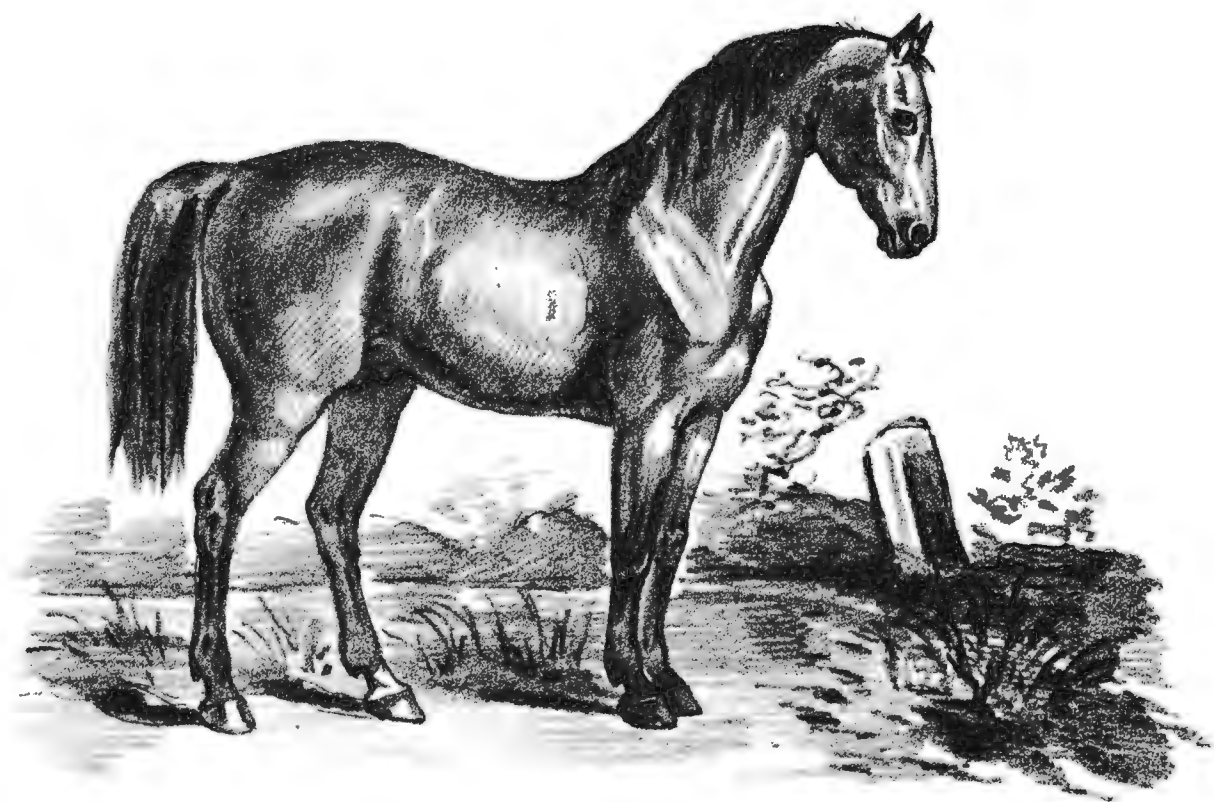
Исторія конницы.
М. Маркова.

Типо-Лит. И. Н. Купцова в М. Москва.

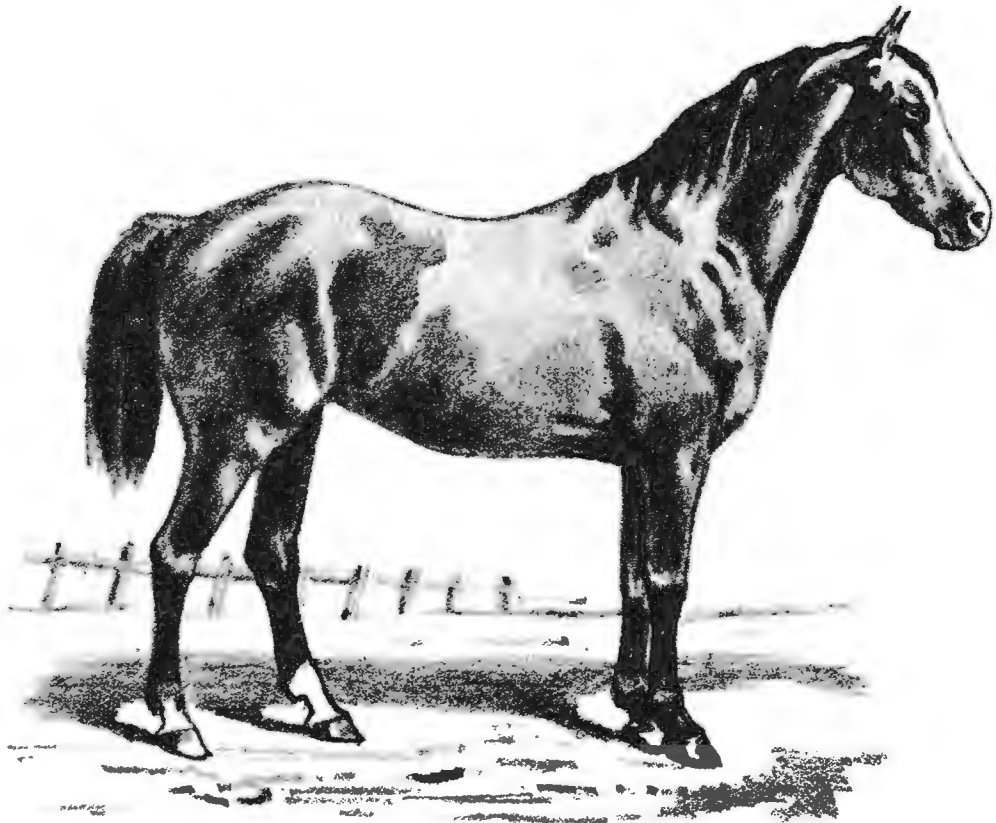
Голландская лошадь.

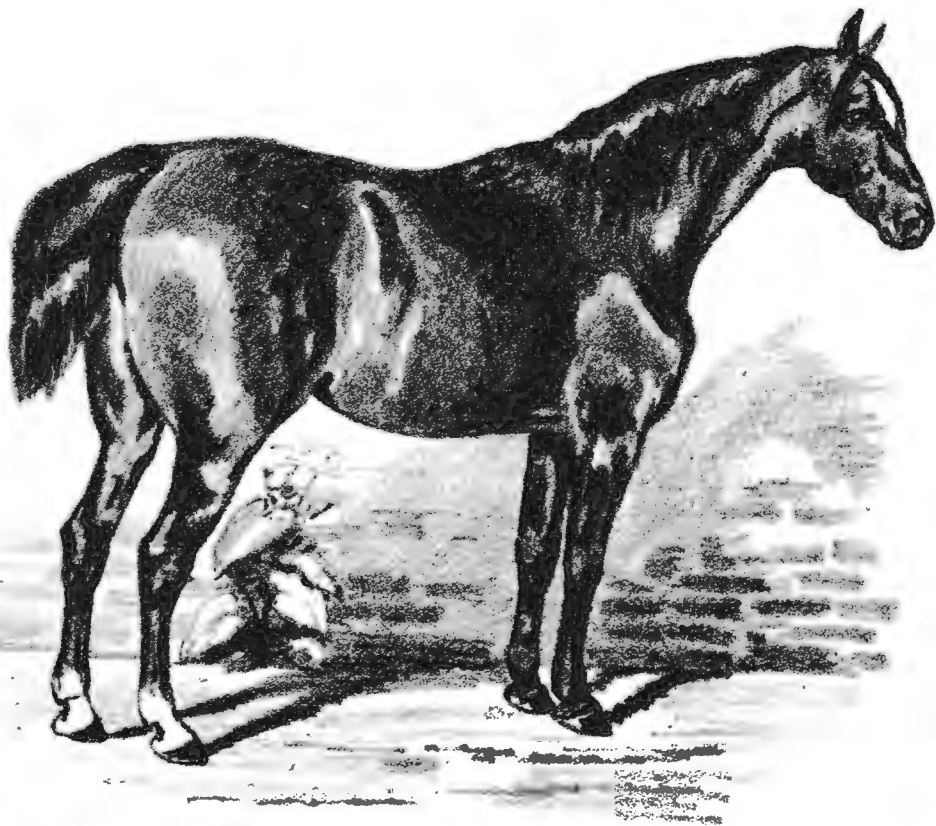
**Исторія конницы.
М. Маркова.**

Голштинская лошадь.

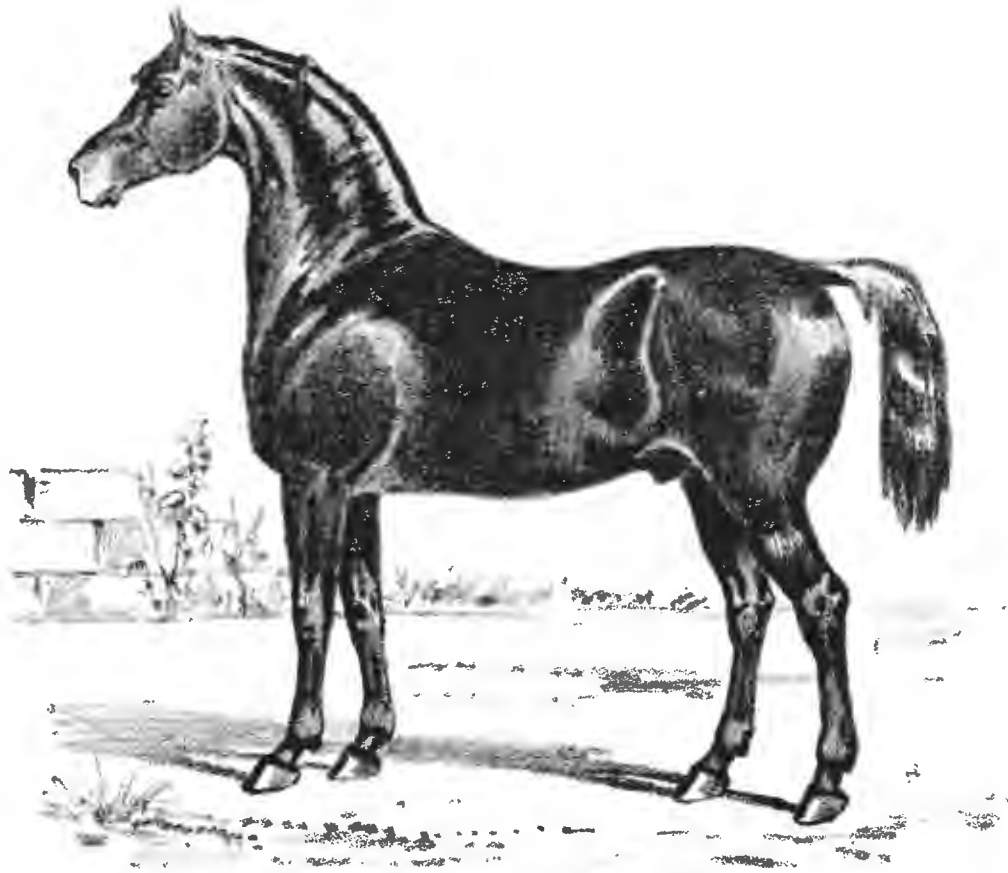
Датская лошадь.

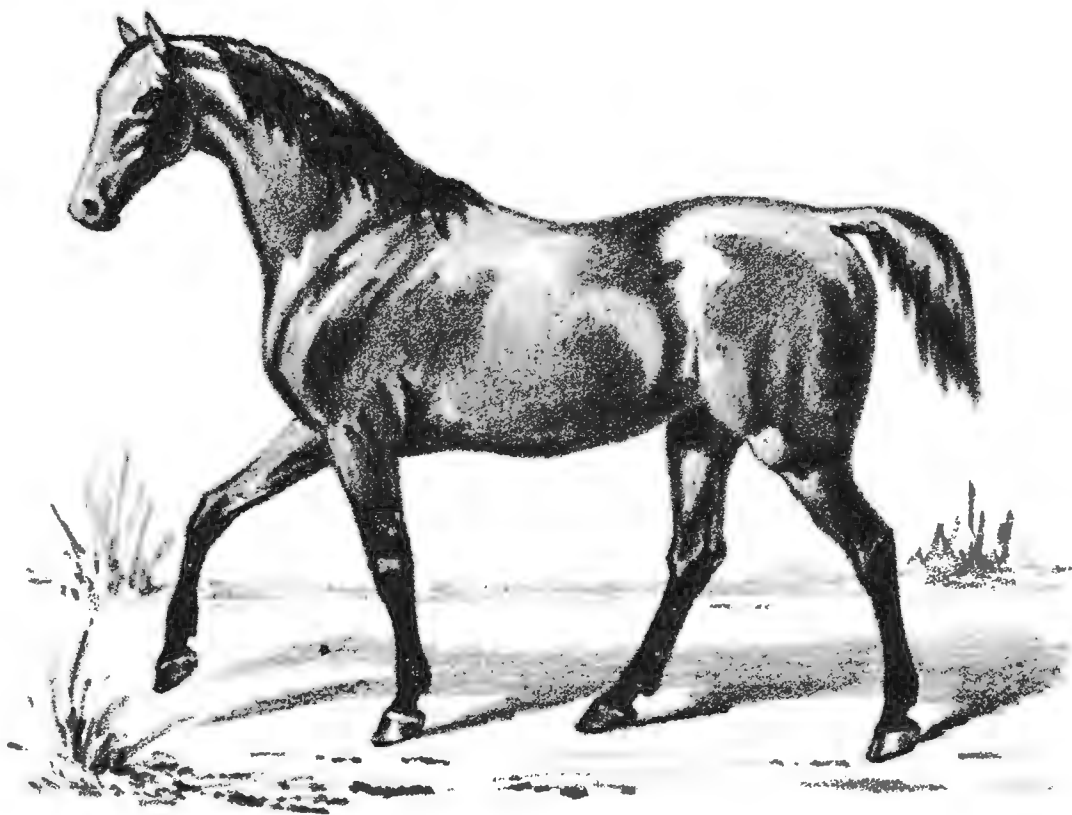
**Исторія конницы
М. Маркова.**

Ганноверская лошадь.

Ольденбургская лошадь.

**Исторія вояницы
М. Маркова.**

Мекленбургская лошадь.

Том - Лог. И. И. Кошарева - М. Москва.

шею, прямой крестецъ, жилистое тѣло, сильныя ноги и тонкое чувство. Всѣ эти качества дѣлали ее весьма способною къ верховой ѣздѣ ¹⁾, хотя сама по себѣ она не отличалась красотою. Въ настоящее время, вслѣдствіе особенно заботливаго ухода и старанія, мекленбургская лошадь много выиграла въ отношеніи красоты, сравнительно съ средневѣковою.

Относительно лошадей Англіи Нолланъ говоритъ ²⁾: „кажется, что посредствомъ вывоза или другимъ способомъ, Англія имѣла значительное количество хорошихъ верховыхъ лошадей уже въ XIV вѣкѣ, даже во времена Chaucer 'а, потому что этотъ древній поэтъ часто упоминаетъ о развивающемся вкусѣ къ хорошимъ лошадямъ и о правильной верховой ѣздѣ. И, дѣйствительно, первыя арабскія лошади были приведены въ Англію еще въ царствованіе Генриха I въ 1121 году ³⁾. Въ послѣдующее время крестовыхъ походовъ продолжали приводить много лошадей восточной породы. Въ 1213 году король Іоаннъ привелъ изъ Франціи жеребцовъ и сдѣлался основателемъ тяжелой вороной лошади. Сто лѣтъ спустя, Эдуардъ II купилъ изъ Ломбардіи верховыхъ жеребцовъ и возовыхъ лошадей. Эдуардъ III во времена столѣтней войны приобрѣлъ много испанскихъ случныхъ жеребцовъ. Послѣ того до царствованія Карла I англичане большую часть своихъ верховыхъ лошадей получали изъ Италіи и Неаполя.

Всѣ описанныя лошади западной породы, употребляемая средневѣковою конницею, какъ боевыя кони, были значительнаго роста, отличались тучнымъ сложениемъ и далеко не были такъ выносливы, какъ лошади восточной породы. Исключеніе составляли лошади испанскія, неаполитанскія и мекленбургскія, которыя, хотя были значительно крупнѣе арабскихъ и варварійскихъ, но были настоящими боевыми и любимыми конями почти до нашихъ временъ.

Остается теперь сказать о клепперѣ. Первоначально этимъ именемъ нѣмцы называли вообще простыхъ лошадей, не отличавшихся ни ростомъ, ни видомъ и особенно распространенныхъ по всей полосѣ сѣверной Германіи. Лошадей такихъ рыцари употребляли, какъ подѣздки и на нихъ совершали свои походы. На этихъ же лошадяхъ сидѣли конные слуги, т. е., легкая конница. Нѣтъ сомнѣнія, что на ряду съ ними подѣздки шли и венгерскія лошади, татарскаго племени.

Впослѣдствіи, когда германскіе рыцари, возвращаясь изъ Палестины, послѣ крестовыхъ походовъ, приводили съ собою въ сѣверную Германію арабскихъ лошадей, которыхъ скрещивали съ мѣстною породою, явилось улучшенное племя ихъ, принявшее уже исключительное названіе клепперовъ и допнель—клепперовъ, въ

¹⁾ Заимствовано у Рутенберга.

²⁾ Исторія и тактика кавалеріи, переводъ Корибутъ—Кубитевича, 1861 г., стр. 13 и 127.

³⁾ Руководство къ познанію лошади и ея выѣздки, переводъ Гешвенда, стр. 17.

зависимости отъ роста. Меченосцы успѣли акклиматизировать это племя лошадей въ остзейскомъ краѣ.

Клепперъ есть лошадь совершенно упряжнаго сорта, но чрезвычайно сильна и, вѣроятно, употреблялась рыцарями въ походахъ, потому, что не требовалось производить на нихъ какія нибудь эволюціи; передъ встрѣчей же съ непріятелемъ рыцари пересаживались на своихъ боевыхъ коней.

Чтобы сдѣлаться достойнымъ рыцарскаго званія надо было, начиная съ самаго юнаго возраста, цѣлую жизнь упражняться въ военномъ ремеслѣ. Всѣ благородные отроки, готовившіеся со временемъ быть рыцарями, поступали въ пажи къ какому нибудь владѣтельному князю или рыцарю, извѣстному воинскими подвигами, и подъ его руководствомъ учились ѣздить верхомъ и владѣть оружіемъ. Съ 14 лѣтъ пажи дѣлались оруженосцами и тогда не только сопровождали всюду своего рыцаря на охоту, на войну, на турниръ, но и сами принимали дѣятельное участіе.

Независимо отъ походовъ и сраженій, рѣдко прерывавшихся въ среднія времена, рыцари упражнялись въ фехтованіи, бросаніи копій, въ атакѣ замковъ, башень, нападеніи и оборонѣ по всѣмъ правиламъ военного искусства, и, наконецъ, въ самомъ механизмѣ сраженій, въ которыхъ для примѣрнаго боя дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ большія толпы. Для этихъ упражненій служили, такъ называемые турниры.

Происхожденіе турнировъ надо искать въ древнихъ народныхъ играхъ германцевъ. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ игръ состояли въ бѣгѣ и прыганьѣ молодыхъ воиновъ среди вкопанныхъ въ зѣмлю обнаженныхъ мечей и копій, въ доказательство своей ловкости и презрѣнія къ смерти. Вѣроятно, конныя племена, какъ тенктеры, производили во время народныхъ собраній конныя ристанія, такъ какъ извѣстно, что они начинали верхомъ ѣздить съ пятилѣтняго возраста и продолжали свои упражненія всю жизнь; хотя о конныхъ ристаніяхъ нигдѣ не упоминается. Извѣстно только, что Теодорикъ, король вестготовъ, покоривъ Римъ и желая искоренить безчеловѣчныя травли звѣрей и битвы гладіаторовъ, приказалъ производить въ циркѣ ристанія, весьма похожія на турниры феодальныхъ временъ. Нѣмцы происхожденіе турнировъ приписываютъ Генриху Птицелову, во время коронованія котораго устроены были народные, конныя игры.

Упражненія на турнирахъ заключались въ томъ, что рыцари старались сбросить другъ друга съ лошади ударомъ копыя; въ битвахъ мечемъ на лошади или пѣшкомъ; въ метаніи копій и стрѣлъ; въ примѣрныхъ битвахъ цѣлыхъ отрядовъ; въ атакѣ и оборонѣ, нарочно для этого устраиваемыхъ, деревянныхъ замковъ и проч.

Къ играмъ допускались только рыцари, принадлежавшіе къ чистому дворянству, не помрачившіе его преступленіями и порочною жизнію. Особые судьи, избранные изъ среды старыхъ, достопочтеннѣйшихъ рыцарей, герольды и въ помощь

имъ слуги наблюдали за сохраненіемъ порядка и благочинія. Знатнѣйшія или прекраснѣйшія изъ присутствовавшихъ дамъ (царицы красоты) раздавали награды и надѣвали вѣнки на счастливыхъ побѣдителей.

Турниры происходили обыкновенно съ большимъ великолѣніемъ при дворахъ владѣтельныхъ князей на просторныхъ площадяхъ или на поляхъ. Пространство, назначенное для турнира окружали перилами и трибунами для зрителей. Въ заключеніе давались пышные балы и пиршества.

По общепринятому правилу оружіе на турнирахъ и другихъ играхъ должно было быть притупленное; но это правило не всегда соблюдалось: страсти воспламенялись, и нерѣдко игры превращались въ кровопролитныя схватки.

Г л а в а 6-я.

Наемныя войска: войска городскихъ общинъ. Жаандармы. Конные сержанты и аргулеты. Образъ боя рыцарской конницы. Значеніе пѣхоты. Сраженіе при Бувинѣ.

Наемныя войска въ Европѣ появились еще во времена Карла Мартеля. Мы упоминали о его дружинѣ наемниковъ, съ которою онъ началъ свое боевое поприще и подчинилъ себѣ большую часть Франціи. У Карла Великаго также были наемныя тѣлохранители подъ названіемъ скарремановъ. Въ Англіи и Даніи при Альфредѣ Великомъ, Гаральдѣ, Канутѣ Великомъ были попытки образовать наемныя войска; въ Германіи при Генрихѣ I мерзбургскій легіонъ также, какъ мы уже упоминали, состоялъ изъ наемниковъ. „Но первая армія“, говоритъ Брантъ ¹⁾ „отъ которой можно считать новую эпоху въ устройствѣ войскъ, была та, съ которою Вильгельмъ Завоеватель покорилъ Англію. Большое жалованье и надежда на добычу, обѣщанныя воинамъ, являвшимся съ пикою, мечемъ или лукомъ, привлекли подъ его знамена множество удалцовъ, не только изъ тогдашней Франціи, Мена, Анжу, Поату, Бретани, но даже изъ Фландріи, Аквитаніи, Бургуніи, Пьемонта и съ береговъ Рейна“.

Вильгельму начали подражать во Франціи, Италіи, особенно Германіи, гдѣ при Гогенштауфенахъ было большое число наемныхъ войскъ подъ именемъ брабансоновъ, саріентовъ и солдатъ. Они формировали пѣшія и конныя банды или роты и нанимались на службу государей на разныхъ условіяхъ.

Во Франціи, при Филиппѣ-Августѣ и его преемникахъ, были разнаго рода и устройства наемныя и постоянныя войска, подъ названіемъ *servients* или *sergents*, *clientes*, *satellites*, *ribaldi* или *ribaids*, *requiquini* и другихъ. Но главную часть

¹⁾ Брантъ, стр. 60.

войска Филиппа-Августа составляли наемныя войска (soldats, sousdoyers), набравшіяся изъ всякаго рода людей, даже изъ разбойниковъ. Они упоминаются въ лѣтописяхъ подъ разными названіями (cotteraux, routiers, ruptarii, брабансоны и др.).

Почти въ то же время, какъ правительства западныхъ государствъ для усмиренія непокорныхъ вассаловъ и другихъ цѣлей стали заводить наемныя войска, въ городахъ для огражденія гражданъ отъ насилій аристократіи явились войска городскія. Первый тому примѣръ подали города сѣверной Италіи. Обогащенные торговлею и усиленные выгодами, доставшимися имъ влѣдствіе крестовыхъ походовъ и походовъ германскихъ королей въ Римъ для полученія императорской короны, они заключили между собою союзы и, при помощи городскихъ своихъ войскъ, мужественно защищали свою независимость противъ сосѣднихъ ленныхъ властителей и римскихъ императоровъ.

Германскіе города послѣдовали примѣру итальянскихъ, пріобрѣли себѣ независимость и образовали могущественные союзы, какъ германскій и ганзейскій. Затѣмъ явились войска городскихъ общинъ въ Англіи и въ другихъ странахъ.

Во всѣхъ перечисленныхъ государствахъ они имѣли болѣе или менѣе сходныя устройство, образованіе, раздѣлялись по городскимъ частямъ или тому подобнымъ образомъ, а въ Германіи по цехамъ. Каждая часть имѣла своего начальника и свое знамя, а все войско главное знамя. Начальствовали имъ городской голова.

Во Франціи гражданство и городскія общины (la roture) произошли отъ постояннаго развитія внутренняго благосостоянія городовъ, но непосредственно отъ мѣръ правительства. Людовикъ VI (1137) положилъ первую основу гражданственности и началъ съ успѣхомъ употреблять городскихъ обитателей, какъ для внѣшней обороны государства, такъ и для устройства внутренняго порядка. Для этого учреждены были въ городахъ, принадлежавшихъ къ собственнымъ королевскимъ фискальнымъ землямъ, особое правительство и войско. Первое составлялось изъ городского головы (maire, major), ежегодно избираемаго королемъ и постояннаго совѣта ратмановъ (scabini, echevins), второе изъ, такъ называемыхъ, коммунальныхъ войскъ (troupes des communes). Онѣ набирались, смотря по числу и богатству народонаселенія, изъ городскихъ жителей и наемниковъ, раздѣлялись на пѣхоту (servients или sergents de ville, sergents à pied) и конницу (sergents à cheval) и содержались изъдивеніемъ города.

Коммунальныя войска состояли подъ начальствомъ меровъ и эшевеневъ и раздѣлялись на церковныя приходы, почему именовались также парохіальными (troupes de paroisses, parochiales). Приходскіе священники сопровождали дружины въ поле, но не принимали участія въ бою, какъ высшее духовенство. Нѣсколько парохіальныхъ дружинъ вмѣстѣ составляли легіонъ, предводимый рыцаремъ баннеретомъ; верховное же начальство надъ коммунальнымъ и вообще надъ всѣми войсками королевства принадлежало коннетаблю.

Конный стрѣлокъ.

Исторія конницы М. Маркова.

Нѣмецкій рыцарь XIII вѣка.

Источники: Geschichte der Costüme, Quicherat
Histoire du costume en France..

Тиражъ — 100 экз. Издательство № 100000

Конный сержантъ.

Въ царствованіе воинственнаго и дѣятельнаго короля Филиппа-Августа (1229) постановленія Людовика VI были усовершенствованы, и вооруженныя силы Франціи получили новую организацію, которая осталась въ силѣ до временъ Карла VII и Людовика XI. Филиппъ-Августъ опредѣлилъ степень участія, которое каждый городъ и парохіальный округъ обязанъ былъ принимать въ общихъ государственныхъ и частныхъ войнахъ, число и родъ выставляемыхъ войскъ, ихъ вооруженіе и правила содержанія.

Изъ всего сказаннаго видно, что военныя силы тогдашнихъ западно-европейскихъ государствъ состояли изъ слѣдующихъ войскъ: 1) изъ конницы рыцарей или жандармовъ съ ихъ оруженосцами, конными и пѣшими слугами. Названіе жандармъ отъ слова *homme d'armes*, т. е., человекъ въ полномъ вооруженіи. Слово это вошло въ употребленіе въ описываемое время. Точно такъ, какъ у грековъ только тяжеловооруженные пѣшіе ратники (гоплиты) почитались настоящими воинами, а всѣ прочіе ихъ помощниками, въ средніе вѣка названіе и достоинство воина принадлежало только рыцарскимъ всадникамъ, закованнымъ съ ногъ до головы въ желѣзо и вооруженнымъ всѣми употреблявшимися тогда оружіями. Ихъ то исключительно именовали *hommes d'armes*, у англичанъ *men at arms*, у нѣмцевъ *Geharnischte*. 2) Изъ дружинъ королевскихъ тѣлохранителей, во Франціи называемыхъ по главному своему оружію, обитымъ желѣзомъ палицамъ, *sergents à massue*; 3) изъ конницы и пѣхоты сервіентовъ или сержантовъ (*sergents à cheval et à pied*), въ которые поступали отборнѣйшіе ратники комуніальныхъ дружинъ. Конные сержанты были также жандармы, но неблагороднаго происхожденія ¹⁾. 4) Изъ легкой пѣхоты (*ribauds*), молодыхъ, проворныхъ людей, которые преимущественно употреблялись въ видѣ летучихъ отрядовъ, а также охотниками (*enfants perdus*) при всѣхъ опасныхъ предпріятіяхъ; наконецъ 5) изъ стрѣлковъ изъ лука и самострѣла, вооруженныхъ, кромѣ того, длинными шпагами и кинжалами. Къ этому послѣднему классу принадлежала большая часть комуніальныхъ войскъ и пѣхоты ленныхъ дружинъ. Каждый изъ послѣднихъ трехъ родовъ войскъ имѣлъ особаго верховнаго начальника, у французовъ короля (*roi des ribauds, des arcares, des arbaletiers*). Начальниками назначались большею частью рыцари, которые, обѣднѣвъ, особенно послѣ крестовыхъ походовъ, нанимались на службу какъ правительствомъ, такъ и въ войска городскихъ общинъ.

Конные сержанты (*sergents à cheval*) набирались изъ дворянъ, не имѣвшихъ рыцарскаго достоинства, и формировали роты подъ начальствомъ рыцарей. Вооруженіе и снаряженіе ихъ было сходно съ рыцарскимъ, но менѣе богато.

„Сержанты“, сказано въ исторіи французскихъ костюмовъ Кишера ²⁾, одѣтые

¹⁾ Пузыревскій, Стр. 153—выноска.

²⁾ *Histoire du costume en France*, par Quicherat, pag. 215.

въ полное вооруженіе изъ желѣзныхъ пластинокъ (de plates), составляли тяжелую кавалерію. Въ отличіе отъ рыцарей они не имѣли золоченыхъ шпоръ, значковъ на копьяхъ и шлемовъ. Головнымъ уборомъ у нихъ былъ bassinet, желѣзная шапка круглой формы съ опущеннымъ краемъ, безъ подбородника. Щитъ (targe) былъ овальной формы, очень выпуклый и съ шишкою (boucle) въ серединѣ“.

Каждый изъ нихъ получалъ въ день по 5 су.

Конные стрѣлки, арбалетчики, аргулеты или, какъ ихъ также называли по случаю употреблявшихся ими небольшихъ и легкихъ лошадей, креннекены также формировали роты подъ предводительствомъ именитыхъ рыцарей. Они были вооружены, кромѣ обоюдоостраго меча, луками или арбалетами. Изъ оборонительнаго оружія они носили шишакъ или шляпу, полублаты или кольчуги и небольшой щитъ. У нѣмцевъ аргулеты назывались Ringer-Pferde и Reitende Schützen.

Относительно тактики тогдашнихъ войскъ, къ сожалѣнію, не сохранилось достаточно подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что для боя старались обыкновенно выбирать ровныя и открытыя мѣста, наблюдая, чтобы солнце и вѣтеръ были въ тылу войскъ. Иногда день и мѣсто сраженія назначались по обоюдному съ непріятелемъ соглашенію. На избранномъ для боя мѣстѣ войска и арміи строились большею частию въ параллельномъ къ непріятелю боевомъ порядкѣ въ одну, рѣдко въ двѣ линіи. Главныя силы пѣхоты располагались обыкновенно въ центрѣ или резервѣ (въ 2 линіи), раздѣляясь на большія, сомкнутыя и неповоротливыя массы (вѣроятно по знаменамъ или отрядамъ, націямъ, областямъ и т. п.), которыя назывались баталіонами или баталіями. Большею же частью пѣхота, по причинѣ дурнаго состава и устройства, даже вовсе не принимала участія въ бою, а была употребляема только для прикрытія лагерей и обозовъ, переноски раненыхъ, отвода плѣнныхъ и пр. Стрѣлки изъ луковъ и арбалетовъ, построенные въ 2 или 3 разомкнутыя шеренги, шахматами или бороной, становились или впереди, или между частями пѣхоты, или позади конницы.

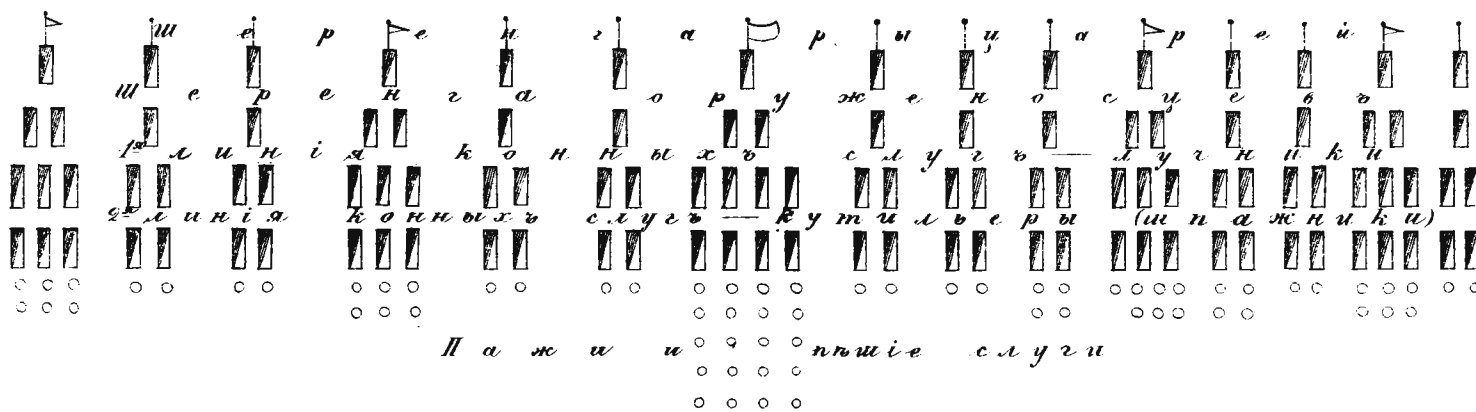
„Пѣхоту этого періода“, пишетъ Брантъ, „лѣтописцы представляютъ обыкновенно какъ толпу бѣдныхъ и дурно вооруженныхъ ратниковъ, дѣйствовавшихъ луками, пращами и топорами. Они находились въ одинаковомъ состояніи на западѣ и на востокѣ. Но однако во время крестовыхъ походовъ необходимость заставила дать пѣхотѣ болѣе правильное устройство и съ большею точностью опредѣлить ея назначеніе и тактику. Важнѣе прочихъ можно считать стрѣлковъ. О вооруженіи ихъ не дошло до насъ никакихъ подробностей; однако сколько можно судить изъ отдѣльныхъ описаній и изъ изображеній, оставшихся на памятникахъ, кажется, что изъ предохранительнаго оружія они имѣли родъ желѣзной шапки (capelline), чешуйчатое платье (jacquets) и легкой щитъ, закрывавшій почти все ихъ тѣло (panier).

„Изъ наступательнаго оружія арбалеты составляли единственное ихъ средство для боя“. Рыцарская конница, какъ главная и лучшая часть войскъ и армій, за-

нимала всегда важнѣйшіе пункты боеваго мѣста. Рыцари для боя становились въ одну шеренгу. На избранномъ или назначенномъ отъ главнокомандующаго мѣстѣ баннеретъ выставлялъ свое знамя, и тогда по обѣ его стороны выстраивались рыцари на значительныхъ промежуткахъ (*en haie*); за рыцарями во второй шеренгѣ становились оруженосцы; третью и четвертую шеренги составляли конные слуги, изъ которыхъ лучники выстраивались въ третьей шеренгѣ ¹⁾, а шпажники (*soutil-liers*) въ четвертой. Сзади всѣхъ оставались паж и пѣшіе слуги. Подъ знаменемъ баннерета такимъ образомъ собиралось отъ 25 до 80 копій, или отъ 150 до 600 всадниковъ.

БОЕВОЙ СТРОЙ РЫЦАРЕЙ

На представленномъ чертежѣ видно, что за нѣкоторыми рыцарями стоятъ по два оруженосца, за другими по одному. Это совершенно зависѣло отъ знатности и состоянія рыцаря. Равномѣрно и число конныхъ и пѣшихъ слугъ было различно.

Если арміей командовалъ король, то выставлялось королевское знамя, напри- мѣръ, у французовъ бѣлое съ золотыми лиліями; если командовалъ коннетабль ²⁾, то бѣлый штандартъ; если наконецъ война была народная, то возили государст- венную хоругвь монастыря Saint-Denis. На государственной хоругви Германіи изображался сперва ангель, а потомъ двуглавый орель; въ Англии было изобра- жение Св. Георгія. Храненіе этихъ хоругвей въ бою ввѣрялось знатнѣйшему изъ ленныхъ владѣльцевъ арміи, а защита ихъ особымъ отрядамъ изъ сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ.

¹⁾ Лучники, вооруженные также топорами или алебардами, назывались у французовъ *guisarmiers*.

²⁾ Высшій военный чинъ.

Знамена баннеретовъ становились по обѣ стороны знамени главнокомандующаго, а прочіе рыцари и ихъ копья около своихъ баннеретовъ, какъ было сказано.

Чинопочиніе было основано на личномъ поземельномъ богатствѣ. Какъ бы простой рыцарь ни отличился, онъ пріобрѣталъ себѣ только славу, но сдѣлаться баннеретомъ не могъ, если не имѣлъ соотвѣтствующей поземельной собственности. Наоборотъ, дворянинъ переставалъ быть знаменнымъ рыцаремъ тотчасъ, какъ богатство приходило въ упадокъ, и онъ не могъ сосредоточить подъ своимъ начальствомъ соотвѣтствующее количество рыцарей и другихъ войскъ.

Сраженіе очень часто начиналось поединками между частными начальниками, окончаніе которыхъ служило сигналомъ для начатія общаго боя.

Если столкновеніе непріятельскихъ армій происходило неожиданно, и рыцари не успѣли изготавиться къ бою, то обыкновенно для задержанія противника выдвигались впередъ конные лучники и пѣхота. Когда рыцари сѣли на боевыхъ коней и устроили свои конья или ряды, легкая конница и пѣхота отходили на фланги или за фронтъ рыцарей; а рыцари, опустивъ шпикъ, бросались карьеромъ впередъ. Каждый изъ нихъ выбиралъ себѣ противника, и бой обращался во множество поединковъ, въ которыхъ напоръ лошадей, личная сила и искусство владѣнія конемъ и оружіемъ имѣли первенствующее значеніе. Когда конья были сломаны, рыцари брались за мечи и булавы. Французскіе рыцари мечъ предпочитали копью, и такъ какъ они были весьма тяжелы, то приходилось драться держа ихъ обѣими руками.

Если рыцарю удавалось сшибить противника съ сѣдла, то онъ самъ или слуги его бросались на опрокинутаго, разбивали топорами его латы или убивали его кинжалами, втыкая ихъ подъ переднюю половинку брони. Обѣщаніе выкупа почти всегда останавливало ярость побѣдителей. Въ этомъ случаѣ побѣжденныхъ держали плѣнниками впередъ до выкупа.

Если храбрѣйшіе и лучшіе рыцари противной стороны были побѣждены, дѣло доходило и до пѣхоты, которая впрочемъ не долго держалась противъ рыцарской конницы и частью гибла подъ ея ударами, большею же частью обращалась въ бѣгство.

Въ случаѣ неудачи, слабости или усталости иногда рыцари отступали за свою пѣхоту, прикрываясь которою, какъ живымъ брустверомъ, отдыхали и затѣмъ выходили впередъ и снова сражались съ непріателемъ.

Вообще должно сказать, что главное участіе въ бояхъ этого времени принимала рыцарская конница; она рѣшала побѣду, легкая же конница и пѣшіе стрѣлки служили имъ только вспомогательными средствами для одержанія побѣды, а тяжелая или линейная пѣхота почти вовсе не принимала дѣятельнаго участія въ бою. Когда сраженіе было рѣшено, то пѣхота двигалась впередъ, частью для того, чтобы добывать и грабить павшихъ и раненыхъ, а частью для могущей встрѣ-

тятся надобности въ ея содѣйствіи при преслѣдованіи; но „о преслѣдованіи побѣжденных“, говоритъ князь Голицынъ ¹⁾), „никто и не помышлялъ“. „Преслѣдованіе“, пишетъ Пузыревскій ²⁾), „рѣдко производилось; побѣдитель, въ доказательство того, что сраженіе выиграно имъ, оставался обыкновенно три дня на полѣ сраженія; къ этому вынуждала его еще необходимость позаботиться о своихъ раненныхъ, больныхъ и убитыхъ“. Отсутствіе преслѣдованія объясняется самымъ характеромъ понятій рыцарей, которые признавали только равный бой лицомъ къ лицу; а затѣмъ также тяжестью вооруженія и снаряженія, какъ ихъ, такъ и лошадей, утомлявшихъ сильно тѣхъ и другихъ. Поэтому для преслѣдованія высылались преимущественно только легкія войска.

Сраженіе при Бувинѣ 27 августа 1214 года.

Въ 1214 году противъ французскаго короля Филиппа-Августа составила коалиція, къ которой приступили Англія, германскій императоръ Оттонъ IV, Феррандъ, графъ Фландріи, и еще нѣсколько крупныхъ феодальныхъ герцоговъ и графовъ и выставили армію, по разнымъ свѣденіямъ, отъ 100 до 150 тысячъ. Армія эта, сосредоточившаяся сначала у Валансьена, перешла къ Мартаню и состояла подъ главнымъ начальствомъ императора Оттона.

Филиппъ-Августъ могъ выставить армію только въ 60—70 тысячъ, въ составъ которой вошли, кромѣ королевскихъ наемныхъ войскъ, дружины его вассаловъ и войска городскихъ общинъ. Ни тотъ ни другой изъ противниковъ не рѣшались другъ друга атаковать. Филиппъ не видѣлъ никакой причинъ желать боя съ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ и имѣвшимъ, по словамъ французскихъ писателей, многочисленную пѣхоту, которая была „très bonne et faite à combattre en plaine, même contre la cavallerie ³⁾).

По этой причинѣ французы рѣшились отступить и изыскать для боя болѣе открытую мѣстность, чтобы воспользоваться численнымъ превосходствомъ своей конницы.

Императоръ, узнавъ объ этомъ, приказалъ всей своей арміи сняться съ позиціи и наступать вслѣдъ за французами. 27 августа въ десять часовъ утра онъ вступилъ на равнину около Бувина. Французы, прибывшіе туда двумя часами раньше, частью переправились уже черезъ р. Марку. Но 3000 конныхъ сержантовъ, высланные на рекогносцировку, и атакованные легкими войсками Оттона, дали знать о наступленіи союзной арміи. Епископъ санлискій Гаренъ настоятельными убѣжденіями заставилъ Филиппа вернуть переправившіяся войска и принять бой впереди р. Марки.

¹⁾ Стр. 74.

²⁾ Стр. 113.

³⁾ Брантъ, стр. 78.

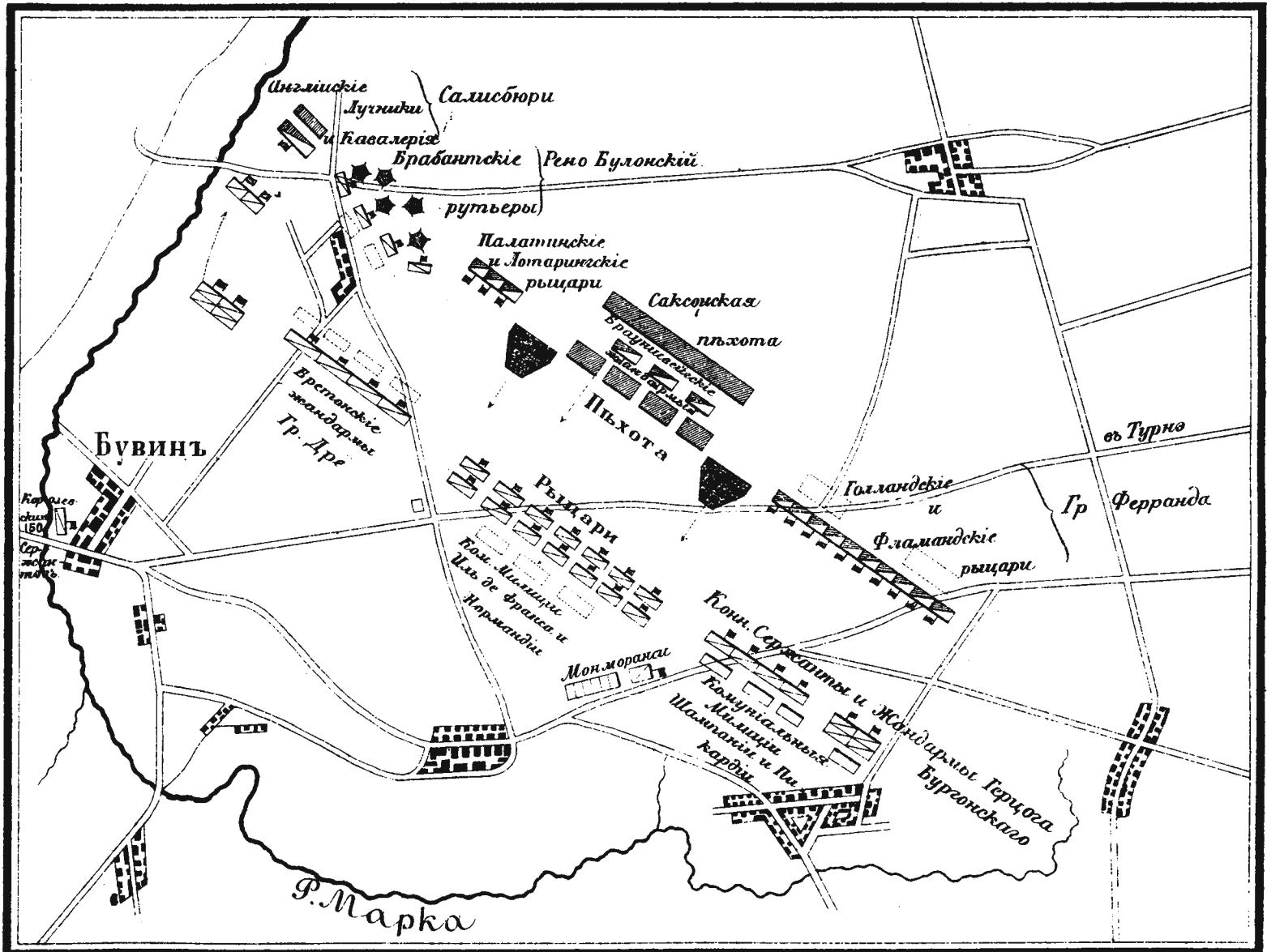
Выйдя на бувинскую равнину тремя колоннами, императоръ Ототнъ построилъ войска свои слѣдующимъ образомъ: правый флангъ, состоявшій изъ англійской конницы и стрѣлковъ, брабансоновъ и рутеровъ, примыкалъ къ р. Маркѣ и былъ подъ общимъ начальствомъ графа Рено Булонскаго, англичане подъ начальствомъ Салисбюри; подъ прикрытіемъ этихъ войскъ выстроились палатинскіе и лотарингскіе рыцари въ разомкнутомъ строѣ по копьямъ; центръ составленъ былъ изъ пѣхоты въ трехъ массахъ, средняя, построенная фалангами, боковыя въ строю въ видѣ клина; лѣвый флангъ составили голландскіе и фламандскіе рыцари подъ начальствомъ графа Ферранда Фландрскаго; во второй линіи, въ видѣ резерва за центромъ поставлена была соксонская пѣхота въ числѣ 16 тысячъ; а впереди ея, т. е. между пѣхотою центра и саксонцами, выстроились брауншвейгскіе жандармы; тутъ же находилось императорское знамя и самъ императоръ, который принялъ на себя непосредственное начальство надъ центромъ.

Епископъ Гаренъ, принявшій роль начальника штаба французской арміи, по приказанію короля, построилъ французскія войска такъ: на правомъ флангѣ развернулись жандармы и конные сержанты, за ними комуніальныя милиціи Шампани и Пикардій подъ общимъ начальствомъ герцога Бургонскаго; центръ составили французскіе рыцари, а черезъ интервалы ихъ прошли роты комуніальной милиціи Ильде-Франса и Нормандіи и построились впереди, чтобы дать рыцарямъ изготовиться къ бою; тутъ же находилось королевское знамя и король Филиппъ-Августъ; лѣвый флангъ составили бретонскіе жандармы, а впереди ихъ выстроились подъ общимъ начальствомъ графа Дрѣ милиціи Перша, Понтъе и Виме; у бувинскаго моста черезъ Марку оставлено было 150 королевскихъ сержантовъ, а на лѣвомъ берегу рѣки Монморанси собиралъ авангардъ арміи, которымъ онъ командовалъ и который успѣлъ уже переправиться. Онъ состоялъ изъ рыцарей Иль-де-Франса и комуніальной пѣхоты.

Сраженіе началось атакою французскихъ конныхъ сержантовъ, стоявшихъ въ первой линіи герцога Бургонскаго. Франдрскіе рыцари графа Ферранда встрѣтили ихъ длинными своими пиками, и множество сержантовъ, весьма плохо ѣздившихъ верхомъ, было выбито изъ сѣделъ. Слѣшившись и бросивъ своихъ лошадей, сержанты снова атаковали фламандскихъ дворянъ въ пѣшемъ строю, но рыцари перешли въ наступленіе и перебили большую часть французскихъ сержантовъ. Тогда С. Поль выдвинулся впереди съ жандармами. Опустивъ копья на перевѣсъ, они устремились на рыцарей графа Ферранда, которые въ свою очередь встрѣтили эту атаку, и завязался ожесточенный бой, разбившійся на множество поединковъ, долго не склонявшійся ни на ту, ни на другую сторону.

Между тѣмъ Монморанси, успѣвшій собрать на лѣвой сторонѣ р. Марки рыцарей Иль-де-Франса и три отдѣленія милиціи, двинулся на помощь правому флангу французовъ, явился во время самаго разгара боя между жандармами и голланд-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ БУВИНЪ.

скими рыцарями и, ударивъ послѣднимъ во флангъ, рѣшилъ здѣсь побѣду въ пользу французовъ.

Въ центрѣ нѣмецкая пѣхота въ трехъ громаднхъ массахъ, поддерживаемая лотарингскими рыцарями, атаковала французскую коммуниальную пѣхоту, опрокинула ее; но двѣ массы были остановлены при помощи жандармовъ графа Дре и рыцарей провинціи Шампань, которые вслѣдъ затѣмъ ввязались въ бой съ брауншвейгскими рыцарями; а третья проникла до самой свиты французскаго короля, который былъ сбитъ съ лошади и едва спасенъ рыцарями. Въ это время Монморанси, рѣшившій дѣло на правомъ флангѣ, подоспѣлъ на помощь центру, неожиданно атаковалъ нѣмцевъ въ ихъ лѣвый флангъ и принудилъ къ отступленію. Раненая лошадь императора Оттона подхватила и, по увѣренію нѣмецкихъ историковъ, унесла его съ поля сраженія. Это обстоятельство послужило сигналомъ къ общему бѣгству, въ которое были вовлечены и саксонцы.

На лѣвомъ флангѣ французовъ бой былъ долго не рѣшителенъ и заключался въ перестрѣлкѣ между пѣхотными частями и одиночныхъ схваткахъ между рыцарями той и другой стороны.

Епископъ Гаренъ, долго остававшійся зрителемъ боя, наконецъ взялъ въ руки булаву, чтобы не обогреть себя человѣческой кровью, увлекъ за собою французовъ на лѣвомъ флангѣ, налетѣлъ на англичанъ и собственноручно убилъ предводителя ихъ Салисбюри и нѣсколько рыцарей. Послѣ этого англичане отступили, а Гаренъ поскакалъ на помощь бретонскимъ жандармамъ.

Графъ Рено Булонскій, будучи значительно слабѣе конницею сравнительно съ французами, прибѣгнулъ къ особому средству, чтобы склонить побѣду на сторону союзниковъ; онъ построилъ свою пѣхоту въ нѣсколько каре, внутри которыхъ нѣмецкіе рыцари укрывались послѣ схватокъ, отдыхали, пересаживались на свѣжихъ лошадяхъ и затѣмъ, какъ изъ укрѣпленія, снова выходили на бой. Новость этого маневра первоначально озадачила французовъ, и они долго не могли одолѣть нѣмцевъ, пока наконецъ не прискакалъ епископъ Гаренъ, во главѣ котораго французскіе рыцари рѣшились прорвать каре: опрокинули самаго Рено, связали и взяли его въ плѣнъ; а, обратившіеся въ бѣгство, брабансоны были изрублены.

Такимъ образомъ мало по малу французы опрокинули союзниковъ на всѣхъ пунктахъ.

Изъ описаннаго сраженія видно, что на всѣхъ пунктахъ поля главную роль играетъ конница. На правомъ флангѣ французовъ пѣхота совершенно не принимаетъ участія въ бою; на лѣвомъ флангѣ, пѣхота нѣмцевъ играетъ страдательную роль, изображая изъ себя живое укрѣпленіе, въ которое укрывались усталые рыцари; въ центрѣ нѣмецкая пѣхота опрокинула французскую, но была остановлена французскими рыцарями, съ которыми, не смотря на огромное превосходство силъ

и на сильный резервъ (16 тысячъ) саксонцевъ, она не могла совладать главнымъ образомъ потому, что союзники были значительно слабѣе здѣсь въ кавалеріи.

Въ схваткахъ кавалеріи искусство владѣнія оружіемъ и конемъ играетъ первостепенную важность. Такъ, напримѣръ, дурно ѣздившіе французскіе сержанты при первой стычкѣ были сброшены съ своихъ лошадей пиками голландскихъ рыцарей, которые встрѣтили сержантовъ, не трогаясь съ мѣста. Когда же сержанты спѣшились и вторично пошли въ атаку, голландцы перешли въ наступленіе и истребили сержантовъ ¹⁾. Изъ этого видно, какое громадное превосходство имѣли рыцари надъ прочими родами войскъ.

Бой рыцарей между собою носитъ характеръ поединковъ, причемъ при одинаковомъ искусствѣ владѣнія конемъ и оружіемъ всадниковъ, пріучавшихся къ этому съ самаго ранняго возраста во всѣхъ націяхъ, перевѣсъ склоняется на сторону сильнѣйшаго. Французы сильнѣе въ рыцарской конницѣ, оттого и перевѣсъ вездѣ на ихъ сторонѣ. Слабѣйшая сторона, какъ рыцари Рено Булонскаго, прибѣгаетъ къ помощи пѣхоты, но, какъ уже замѣчено, помощь эта весьма пассивная: рыцари, прикрываясь пѣхотою, только отдыхаютъ и затѣмъ выходятъ изъ каре для новыхъ поединковъ, а пѣхотинцы остаются праздными зрителями. Если бы не рѣшимость Гарена, то бой могъ бы продолжаться безъ конца.

Король и императоръ сражаются, какъ простые рыцари, предоставивъ управление боемъ частнымъ начальникамъ. Столкновеніе арміи происходитъ совершенно фронтальное, никакихъ боевыхъ эволюцій съ цѣлью взаимной поддержки не видно. Исключеніе составляетъ только Монморанси, который, вопреки обыкновенію, произвелъ двѣ атаки во флангъ противнику и въ первомъ случаѣ помогъ жандармамъ герцога Бургонскаго одолѣть голландцевъ, во второмъ помогъ французамъ въ центрѣ одолѣть превосходныя силы императора. Прочіе начальники болѣе старались личною храбростію подавать войскамъ примѣръ, чѣмъ искусно управлять ходомъ сраженія.

Г л а в а 7-я.

Время крестовыхъ походовъ. Конница сарацинъ. Одежда, вооруженіе, тактика. Описаніе важнѣйшихъ столкновеній между конницами феодальной и мусульманской. Готфридъ Бульонскій и Бозмундъ въ сраженіи при Дорилеѣ. Сраженіе при Аскалонѣ. Саладинъ. Битва при Гиттинѣ.

Ричардъ Левинное сердце. Дѣло при Яффѣ и сраженіе при Арсурѣ.

Магометанскій міръ, уже давно распавшійся на множество царствъ и династій, ко времени крестовыхъ походовъ представлялъ двѣ главныя группы государствъ:

¹⁾ Брантъ, стр. 80.

одна состояла изъ государствъ, основанныхъ на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи, другая изъ магометанскихъ государствъ Азіи. Первые были совершенно независимы; азійскія же государства, если и не вполне зависѣли отъ призрачнаго багдадскаго калифа, то, по крайней мѣрѣ признавали его духовнымъ главою. Сами багдадскіе калифы изъ повелителей правовѣрныхъ попали подъ вліяніе предводителей наемныхъ войскъ, эмировъ-аль-омра, которые, подобно предводителямъ римскихъ преторьянцевъ, стали распоряжаться престоломъ и наконецъ оставили калифамъ одну только духовную власть. Съ 945 года должность эмира-аль-омра была наследственной въ турецкой фамиліи—Буидовъ, которые въ то же время были самостоятельными владѣтелями Персіи. Но сельджукскіе турки нахлынули на Персію, овладѣли этою страной, а потомъ багдадскимъ калифатомъ и Малою Азіею и образовали обширную монархію, которая послѣ смерти Малекъ-Шаха раздробилась на нѣсколько мелкихъ владѣній, находившихся первоначально въ вассальной зависимости отъ Багдада. Въ Египтѣ и Сиріи царствовала династія фатимидовъ, но въ XI столѣтіи нахлынули орды туркомановъ, курдовъ и арабовъ, которые, при помощи сельджукскихъ турокъ, овладѣли частью Сиріи, и въ царствованіе Малекъ-Шаха почти вся эта страна вошла въ составъ его монархіи. Послѣ же смерти этого султана фатимиды снова овладѣли приморскими городами Сиріи и въ томъ числѣ Іерусалимомъ.

По смерти Малекъ-Шаха династіи, образовавшіяся на мѣстѣ распадавшагося государства сельджуковъ, царствовали подъ различными названіями. Владѣтели Рума (Иконіи), Алеппо и Дамаска и потомки Санджара въ восточной Персіи назывались султанами. Большинство другихъ носило титулъ атабековъ, означавшій опекуна, т. е., соотвѣтствовавшій званію регента или правителя государства.

Въ XII столѣтіи полчища курдовъ при помощи султана Нурредина овладѣли Египтомъ въ которомъ воцарилась династія Эйюбидовъ по отцу одного знаменитаго предводителя курдовъ Саладина или Салахъ-едина, который послѣ смерти Нурредина овладѣлъ Египтомъ, Палестиною и всею Сиріею. Но уже въ 1254 г. династія Эйюбидовъ была свергнута съ престола мамелюками, 12-ти тысячнымъ коннымъ войскомъ тѣлохранителей египетскихъ султановъ, составленнымъ въ первой половинѣ XIII столѣтія султаномъ Малекъ-Салехомъ изъ невольниковъ съ Кавказа. Онъ далъ имъ правильное устройство и ввелъ между ними военную дисциплину. Но они вскорѣ сдѣлались грозными для самихъ египетскихъ султановъ, взбунтовались въ 1254 г. и, убивъ Туранъ-шаха, послѣдняго султана изъ рода Эйюбидовъ, возвели на престолъ предводителя своего Иззедина, основавшаго первую династію мамелюковъ Бахри.

Все упомянутые мусульманскіе народы и государства во время крестовыхъ походовъ то враждовали между собою, то соединялись вмѣстѣ противъ крестоносцевъ и дѣйствовали сообща. Такъ какъ всехъ мусульманъ крестоносцы считали

своими врагами, и такъ какъ мусульмане, живя почти при одинаковыхъ условіяхъ, дѣйствовали и на войнѣ одинаковымъ образомъ, то крестоносцы называли ихъ всѣхъ общимъ именемъ сарацинъ. Слово „сарацинъ“ производятъ отъ арабскаго „саракъ“, что означаетъ разбойникъ. Очень можетъ быть, названіе это дано было сельджукамъ арабами, такъ какъ, сначала служба калифатамъ, а потомъ распоряжаясь ихъ судьбами, турки позволяли себѣ страшныя неистовства, а крестоносцы, перенявъ отъ арабовъ слово, стали называть имъ всѣхъ мусульманъ.

По свидѣтельству греческаго императора Льва I Философа и лѣтописей крестовыхъ походовъ, главную и лучшую часть войскъ ихъ составляла превосходная легкая конница, такъ какъ турки, курды и мамелюки были отличными всадниками и наѣздниками. Придя изъ Туркестана, родины коня и конницы, овладѣвъ Персією, а потомъ Багдадскимъ калифатомъ, сельджукскіе турки овладѣли и лучшими племенами лошадей туркменскихъ, персидскихъ и арабскихъ. Подобнымъ же образомъ курды и мамелюки, овладѣвъ Сирією и Египтомъ, приобрѣли превосходныхъ арабскихъ и берберскихъ коней.

Въ различныхъ частяхъ бывшихъ владѣній аравитянъ одежда народовъ подвергалась различнымъ видоизмѣненіямъ. На одежду этихъ народовъ въ Багдадскомъ калифатѣ несомнѣнно отразилось вліяніе сельджукскихъ турокъ. Каковъ былъ костюмъ турокъ въ эпоху вторженія ихъ въ калифатъ, въ настоящее время невозможно опредѣлить съ точностью. Согласно дошедшимъ до насъ изображеніямъ, относящимся къ началу XVI столѣтія, турки въ эту послѣднюю эпоху носили длинныя широкія штаны, два длинныхъ, спереди открытыхъ, халата, охваченныхъ вокругъ таліи поясомъ, чалму и высокіе башмаки изъ цвѣтной кожи; нижній халатъ былъ снабженъ длинными и узкими рукавами; верхній же или былъ вовсе безъ рукавовъ, или имѣлъ рукава, доходившіе не ниже локтей, или, наконецъ, былъ снабженъ длинными висячими рукавами, ниспадавшими до земли, верхній халатъ былъ украшенъ мѣховою опушкой. Чрезвычайная простота покроя даетъ поводъ думать, что таковъ же былъ турецкій костюмъ и въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій. Этотъ же костюмъ, въ соединеніи съ остаткомъ древненаціональнаго костюма, вѣроятно, носили арабы послѣднихъ временъ калифата. Жители горныхъ странъ курды, (мамелюки также) вмѣсто кафтана носили куртки съ откидными въ случаѣ надобности назадъ рукавами, которые прикрѣплялись одинъ къ другому. Кромѣ того къ національной одеждѣ принадлежалъ бурнусъ или плащъ бѣлый изъ кисеи или бумаги и желтосѣрый изъ верблюжьей шерсти, которые знатные турки и жители горныхъ странъ надѣвали смотря по времени года.

Сарацинскіе всадники прикрывали себя въ бою легкими латами или кольчугами, щитами и шишаками съ чалмами; нападательное оружіе ихъ составляли кривыя сабли, ятаганы или кинжалы, длинныя и тонкіе дротики, а особенно стрѣлы, ко-

Исторія конницы
М. Маркова.

Конница Саладина.
МАМЕЛЮКЪ.

Копія съ Орасъ Верне.

торыми они, подобно скивамъ и парянамъ, превосходно владѣли, стрѣляя на всемъ скаку впередъ и назадъ.

Пѣхота набиралась изъ подвластныхъ народовъ, наемниковъ и рабовъ и вооружалась по обычаямъ своей страны, на что обращалось мало вниманія, такъ какъ пѣхота у мусульманъ играла такую же ничтожную роль, какъ и въ феодальныхъ арміяхъ, и употреблялась преимущественно для обороны крѣпостей. Были попытки къ образованію отрядовъ пѣхоты, подобно мамелюкамъ, изъ христіанскихъ дѣтей, насильно обращенныхъ въ исламъ; но настоящее сформированіе корпуса янычаръ относится уже къ послѣдующему времени у османскихъ турокъ, какъ объ этомъ будетъ сказано впоследствии.

Турки—буиды, служившіе по найму богдадскимъ калифамъ, въ дѣйствіяхъ своихъ въ бою ничѣмъ не отличались отъ аравитянъ; сельджуки же первоначально дѣйствовали безпорядочными толпами, яростно бросавшимися на непріятеля, стараясь первоначально стрѣлами, а потомъ подавляющею массою истребить противника. Но въ IX и X столѣтіяхъ, судя по описаніямъ императора Льва Философа, какъ сельджуки, такъ и всѣ вообще сарацины перенимаютъ тактику аравитянъ. Боевому порядку обыкновенно предшествуетъ масса наѣздниковъ, соответствующая „утру псоваго лая“ аравитянъ; самый боевой порядокъ состоитъ изъ густыхъ массъ, построенныхъ обыкновенно въ двѣ или болѣе линій, изъ которыхъ каждая раздѣляется на особые отряды съ небольшими промежутками, причемъ глубина боевого порядка неравномѣрна, вѣроятно въ зависимости отъ обстоятельствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ввести противника въ заблужденіе относительно численности силъ; наконецъ позади всѣхъ войскъ располагался резервъ.

При сближеніи съ непріятелемъ массы наѣздниковъ выдвигались впередъ и обстрѣливали его своими стрѣлами. Если противникъ смѣло наступалъ, то наѣзники отступали и отстрѣливались, стараясь непріятеля навести на устраиваемую засаду; или, пользуясь превосходствомъ силъ, сарацины окружали вражескую армію и концентрическою стрѣльбою приводили ее въ безпорядокъ, послѣ чего бросались по частямъ, рубили кривыми саблями и кололи пиками, которыя во второй половинѣ крестовыхъ походовъ они завели по примѣру рыцарей. Но вообще сарацины старались всегда поколебать противника боемъ издали. Если непріятель давалъ тылъ, то его преслѣдовали до крайности и безпощадно истребляли. Если терпѣли неудачу, то быстро уходили, устраивались, нарѣдко снова возвращались на мѣсто ликующихъ побѣду крестоносцевъ и наносили имъ жестокое пораженіе. Подобному переходу въ наступленіе послѣ неудачи способствовали прежде всего имѣющіеся свѣжіе резервы, а во вторыхъ обычай рыцарей три дня оставаться на мѣстѣ побѣды, и баззаботность ихъ въ отношеніи преслѣдованія разбитаго врага и собственнаго охраненія.

Лагерей своихъ сарацины обыкновенно не укрѣпляли, но превосходно содер-

жали сторожевую службу своею легкою конницею. Развѣдывательная служба велась несравненно искуснѣе крестоносцевъ, которыхъ зачастую сарапины обманывали, ставили въ тупикъ или завлекали въ безвыходное положеніе.

Крестовые походы составляютъ эпоху, во время которой феодальнымъ арміямъ запада пришлось войти въ столкновеніе съ арміями восточныхъ народовъ и тяжелой рыцарской конницѣ помѣряться съ легкой конницей мусульманъ. Мы не будемъ описывать общій ходъ крестовыхъ походовъ, такъ какъ это отвлечетъ отъ задачи исторіи конницы, ограничимся приведеніемъ только тѣхъ столкновеній, въ которыхъ наиболѣе выяснились достоинства и недостатки конницы обѣихъ сторонъ и особья случаи употребленія этого рода оружія.

Первый крестовый походъ, въ которомъ, подъ рукою благороднаго Готфрида Бульонскаго, принялъ участіе цвѣтъ европейскаго феодальнаго дворянства, при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, выказалъ рыцарское военное искусство въ его лучшемъ свѣтѣ, до котораго когда нибудь оно достигало. Это время можно считать апогеемъ рыцарства. Въ послѣдующихъ крестовыхъ походахъ, въ особенности когда большинство мелкихъ государствъ, образовавшихся по распаденіи калифата, и между собою враждовавшихъ, было соединено сначала подъ рукою Нуредина, а потомъ Салладина, какъ феодальныя арміи, такъ и рыцарское военное искусство начали выказывать все свои недостатки; и въ концѣ концовъ оказалось, что рыцарская конница въ томъ видѣ, какъ она тогда была, не могла соперничать съ мусульманами.

Во время перваго крестоваго похода наиболѣе рельефными столкновеніями рыцарей съ мусульманами были сраженія при Дорилеѣ, при Аскалонѣ и осады рыцарями крѣпостей Никеи, Антиохіи и Іерусалима. На этихъ столкновеніяхъ мы по преимуществу и остановимся.

Громадная армія крестоносцевъ, послѣ многообразныхъ приключеній, переправилась весною 1097 года въ Малую Азію. Армія эта состояла изъ 100 тысячъ конницы, 300 тысячъ пѣхоты и пѣлой массы монаховъ, женщинъ, дѣтей, такъ что общая цифра доходила до 600 тысячъ. Армія состояла изъ различныхъ націй подъ начальствомъ своихъ герцоговъ и графовъ, и, по выраженію Бранта, походила на вооруженную республику, такъ какъ каждый герцогъ или графъ считалъ себя самостоятельнымъ лицомъ. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: Готфридъ Бульонскій, герцогъ Лотарингскій, который избранъ былъ общимъ главнокомандующимъ, Балдуинъ, графъ Фландрскій, подъ начальствомъ котораго были фризы, фламандцы и германцы; Робертъ, герцогъ нормандскій, Гуго Вермандуа, предводительствовавшій французами, Боэмундъ Тарентскій, командовавшій итальянцами; Танкредъ—норманнами, Раймундъ, графъ Тулузскій,—провансальцами и испанцами. Кромѣ того, было множество знатнѣйшихъ рыцарей и дворянъ съ ихъ ленными людьми.

Въ двухъ столкновеніяхъ крестоносцы разбили султана иконійскаго Килинджъ-

Арслана и приступили къ осадѣ Никеи, которую мы описывать не будемъ, а обратимся прямо къ битвѣ при Дорилеѣ.

Сраженіе при Дорилеѣ 1 августа 1097 года.

Послѣ передачи Никеи во власть греческому императору, крестоносцы, имѣя въ виду перейти черезъ горные хребты малой Фригіи и для облегченія продовольствія, двинулись двумя колоннами: лѣвая къ долинѣ Горгоны, а правая къ равнинѣ дорилейской. Хотя и носились слухи о близости турецкой арміи, однакожъ крестоносцы не считали нужнымъ опасаться непріятеля, котораго они уже нѣсколько разъ обратили въ бѣгство.

Между тѣмъ Килинджъ Арсланъ, султанъ иконійскій, только выжидалъ удобнаго случая для нападенія и, рѣшивъ воспользоваться раздѣленіемъ силъ и безпечностью крестоносцевъ, на разсвѣтѣ 13 августа сосредоточилъ противъ нихъ до 200 тысячъ войскъ. Въ то время, какъ лѣвая колонна крестоносцевъ послѣ ночлега намѣревалась двинуться, лазутчики извѣстили о приближеніи сарапинъ; массы пыли незамедлили подтвердить это извѣстіе.

Мѣстность, на которой произошло дорилейское сраженіе, представляло широкую долину рѣки Горгоны, не далеко отъ м. Дорилеи, съ высокими, но во многихъ мѣстахъ удобовосходимыми берегами. Боэмундъ, который въ этотъ день по очереди командовалъ арміею, распорядился слѣдующимъ образомъ. Собравъ всѣ повозки, находившіяся при колоннѣ, онъ построилъ вагенбургъ, приказалъ его обнести кольями отъ шатровъ, тщательно укрѣпить къ нему доступъ и помѣстилъ туда женщинъ, дѣтей, больныхъ и всю свою пѣхоту, которая должна была защищать вагенбургъ. Конница, раздѣленная на три части, должна была оборонять переправу черезъ рѣку, причемъ одна часть подъ начальствомъ Танкреда выстроилась по правую сторону вагенбурга, примкнувъ правый флангъ свой къ болоту, поросшему густымъ тростникомъ; другая часть подъ предводительствомъ Роберта нормандскаго стала по лѣвую сторону вагенбурга, имѣя подобное же болото на своемъ лѣвомъ флангѣ; самъ Боэмундъ съ третьею частью конницы расположился за серединою боеваго порядка въ резервѣ на небольшой высотѣ. Дѣлая эти распоряженія, Боэмундъ послалъ часть конницы оповѣстить Готфрида Бульонскаго объ опасности, угрожавшей лѣвой колоннѣ.

Едва крестоносцы устроились къ бою, какъ массы турокъ спустились съ высотъ съ ужаснымъ крикомъ и осыпали ихъ градомъ стрѣлъ, направленныхъ чрезвычайно мѣтко. Хотя закованные въ латы рыцари лично понесли немного потерь, но турки переранили множество лошадей. Горя нетерпѣніемъ отбить нападеніе и отмстить за свой уронъ, рыцари обѣихъ фланговъ Танкреда и Роберта, безъ всякаго приказанія бросились впередъ, перешли рѣку и устремились въ атаку.

Не смотря на малочисленность рыцарей, и, избѣгая фронтальной ихъ атаки, противъ которой по неоднократно уже опыту мусульмане не могли устоять, послѣдніе начали отступать и при помощи легкихъ своихъ коней осыпать противника стрѣлами съ самаго близкаго разстоянія. Замѣтивъ, что рыцари и лошади ихъ начинали изнемогать, Килиджъ-Арсланъ вдругъ подаетъ сигналъ къ общему переходу въ наступленіе. Сарацины совершенно окружаютъ рыцарей и начинается рѣзня; въ то же время одна колонна ихъ, спустившись въ долину, устремляется на вагенбургъ, беретъ его съ перваго натиска и передаетъ все, что тамъ было, истребленію. „Какъ волны ужаснаго наводненія, хищныя толпы сарациновъ разлились для грабежа по лагерю христіанъ, волнүемые враждою и неистовствомъ, они истребляли всѣхъ противниковъ; однако же Боэмундъ смѣлою атакою успѣлъ принудить ихъ къ отступленію“ ¹⁾.

Только Боэмундъ отбилъ турокъ отъ вагенбурга, какъ новыя ихъ толпы ударили на него. При общемъ одушевленіи, христіане смѣло встрѣтили новую атаку, но они были слишкомъ слабы, и побѣда видимо начала клониться на сторону мусульманъ.

Въ это время подоспѣлъ Готфридъ съ 50-ю тысячами рыцарей. Замѣтивъ прибытіе подкрѣплений, турки отхлынули назадъ и снова выстроились на своей командующей позиціи. Но крестоносцы не ограничились отступленіемъ сарациновъ, и рѣшились сами ихъ атаковать. Устроивъ разстроенныя войска за рѣкою въ три отдѣльныя группы, крестоносцы перешли въ наступленіе, но, на этотъ разъ, не беспорядочно, а ведомые своими вождами: на правомъ флангѣ двигался Танкредъ, въ центрѣ Раймундъ, поддерживаемый всею пѣхотою, на лѣвомъ флангѣ Готфридъ съ своими рыцарями. Направленіе дороги, по которой прибылъ Готфридъ на помощь Боэмунду, давало возможность вновь подходящими подкрѣпленіями дѣйствовать во флангъ и даже въ тылъ сарацинамъ. Такимъ образомъ Стефанъ Блоаскій, присоединившійся къ Готфриду, ударилъ въ правый флангъ, а епископъ Адемаръ зашелъ въ тылъ имъ.

Турки, считавшіе побѣду уже рѣшенною въ свою пользу, съ неистовствомъ бросились на перешедшихъ въ наступленіе христіанъ; но тщетны были ихъ усилія, напрасно ихъ искусство, стрѣлы ихъ были уже израсходованы; а между тѣмъ цѣлый лѣсъ пикъ угрожалъ со всѣхъ сторонъ. „Наконецъ, истощивъ всѣ резервы и замѣтивъ, что крестоносцы окружаютъ ихъ съ тыла и фланговъ, турки обратились въ бѣгство“.

Рыцари бросились ихъ преслѣдовать и гнали до тѣхъ поръ, пока могли служить усталые кони. Въ двухъ часовомъ разстояніи отъ мѣста боя рыцари овладѣли турецкимъ лагеремъ, въ которомъ захватили между другими сокровищами

¹⁾ Брантъ, стр. 181.

множество лошадей. Эти лошади достались рыцарямъ, потерявшимъ своихъ въ бою; и такимъ образомъ рыцари сѣли на маленькихъ лошадей восточной породы ¹⁾.

Описанное сраженіе, по единодушному отзыву историковъ, значительно опередило свой вѣкъ. Быстрыя распоряженія Боэмунда для встрѣчи неожиданнаго нападенія турокъ выказываютъ въ немъ весьма талантливаго полководца. Особенно бросается въ глаза искусное пользование мѣстностью и отдѣленіе особой части въ резервъ. Не менѣе заслуживаютъ вниманія распоряженія Готфрида, который, пользуясь направлениемъ дороги, по которой велъ войска свои на помощь Боэмунду, весьма искусно направилъ ихъ на флангъ и въ тылъ сарацинамъ; а самъ, подойдя къ Боэмунду, быстро устроилъ войска въ три группы и перешелъ въ наступленіе. Этотъ переходъ въ наступленіе не могъ не озадачить турокъ, которые считали побѣду уже рѣшенною въ свою пользу. Наконецъ преслѣдованіе противника, послѣ одержанной побѣды, составляетъ выходящее изъ ряда явленіе въ войнахъ рыцарскаго періода.

По своему характеру сраженіе это, тѣмъ не менѣе, носитъ на себѣ отпечатокъ времени: оно разбивается на отдѣльныя схватки и поединки, особенно въ первой половинѣ боя до прихода Готфрида; съ приходомъ послѣдняго замѣтно больше порядка и единства въ дѣйствіяхъ.

Что касается собственно конницы въ описанномъ сраженіи, то нельзя не указать на всегдашній недостатокъ рыцарства — своевольство и отсутствіе дисциплины. Переходъ поодиночкѣ въ наступленіе, противъ распоряженія военачальниковъ, парализовалъ всѣ прекрасныя распоряженія Боэмунда и далъ возможность туркамъ, нанеся рыцарямъ поражение, на плечахъ ихъ овладѣть позиціею и ворваться въ лагерь. Только, благодаря резерву Боэмунда, дѣло было нѣсколько поправлено, а приходъ Готфрида вывелъ крестоносцевъ изъ ихъ критическаго положенія. Въ фронтальномъ столкновеніи рыцарская конница всюду имѣетъ преимущество, и потому мусульмане, пользуясь легкостью коней, обыкновенно отступаютъ и стараются стрѣлами переранить рыцарскихъ лошадей и тѣмъ остановить ихъ напоръ; а если мѣстность позволяетъ, то стараются охватить ихъ съ фланговъ, и тогда уже схватываются за сабли.

Мы уже упоминали прежде, что въ войнахъ, которыя вели феодальныя арміи, бой начинали обыкновенно легкія войска, т. е., конныя слуги; они же назначались и для преслѣдованія. Но во время крестовыхъ походовъ, особенно въ первомъ, одушевленіе крестоносцевъ было такъ велико, что знатнѣйшіе рыцари исправляли сами службу простыхъ всадниковъ, и потому мелкія подраздѣленія въ арміи сдѣлались ненужными ²⁾. „Вслѣдствіе трудности содержать многочисленную свиту“,

¹⁾ Брантъ, стр. 182.

²⁾ Брантъ, стр. 178.

говоритъ Пузыревскій ¹⁾, а также подъ вліяніемъ воинственнаго пыла, рыцари исправляли отчасти службу простыхъ всадниковъ, а потому не было надобности въ разныхъ мелочныхъ подраздѣленіяхъ въ арміи, выработанныхъ военно-феодалными условіями“. Этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется и энергичное преслѣдованіе рыцарями разбитой арміи Килиджъ-Арслана, такъ какъ другой конницы, кромѣ нихъ не было.

Не смотря на блистательную побѣду, крестоносцы однако не рѣшились болѣе раздѣляться, и направились въ одной колоннѣ къ Антіохіи. Между тѣмъ Килиджъ-Арсланъ, оправившись отъ пораженія, принялъ новую систему дѣйствій противъ крестоносцевъ. Опередивъ ихъ съ своею легкою конницею, онъ началъ опустошать окрестности на пути, уничтожалъ жатвы, жегъ селенія, забрасывалъ источники, и крестоносцы, избѣгнувъ опасности быть разбитыми по частямъ, подверглись всѣмъ ужасамъ безкормицы и безводья при страшныхъ жарахъ. Множество рыцарей снова лишилось своихъ лошадей и должно были совершать переходы пѣшкомъ, неся на себѣ тяжелую броню; за лошадьми и люди стали гибнуть отъ голода и изнеможенія, и изъ 600 тысячъ крестоносцевъ къ Антіохіи подошло только 300 тысячъ.

Овладевъ Антіохіей, крестоносцы двинулись къ Іерусалиму съ меньшими затрудненіями, такъ какъ вышли изъ владѣній дѣятельнаго Килиджъ-Арслана и могли пользоваться содѣйствіемъ флота пизанцевъ, генуэзцевъ и другихъ. Откладывая описаніе дѣйствій рыцарей при осадахъ и оборонахъ крѣпостей, мы не будемъ теперь о разсказывать взятіи Антіохіи и Іерусалима, а обратимся сначала къ описанію сраженія при Аскалонѣ.

Сраженіе при Аскалонѣ 14 августа 1099 г.

Взятіемъ Іерусалима положеніе крестоносцевъ не только не упрочилось, но новые враги спѣшили противъ нихъ на соединеніе съ сельджуками. Визирь египетскаго султана Эмиръ-эль-Афдалъ, велѣдствіе просьбы сельджукскихъ владѣтелей, двинулся въ Палестину и, присоединивъ къ себѣ сирійскихъ турокъ изъ Багдада и Дамаска, составилъ армію изъ 100 тысячъ всадниковъ и 40 тысячъ пѣхоты ²⁾. Многочисленный флотъ плылъ вдоль берега съ припасами для осады Іерусалима, который Афдалъ обѣщалъ разрушить до основанія.

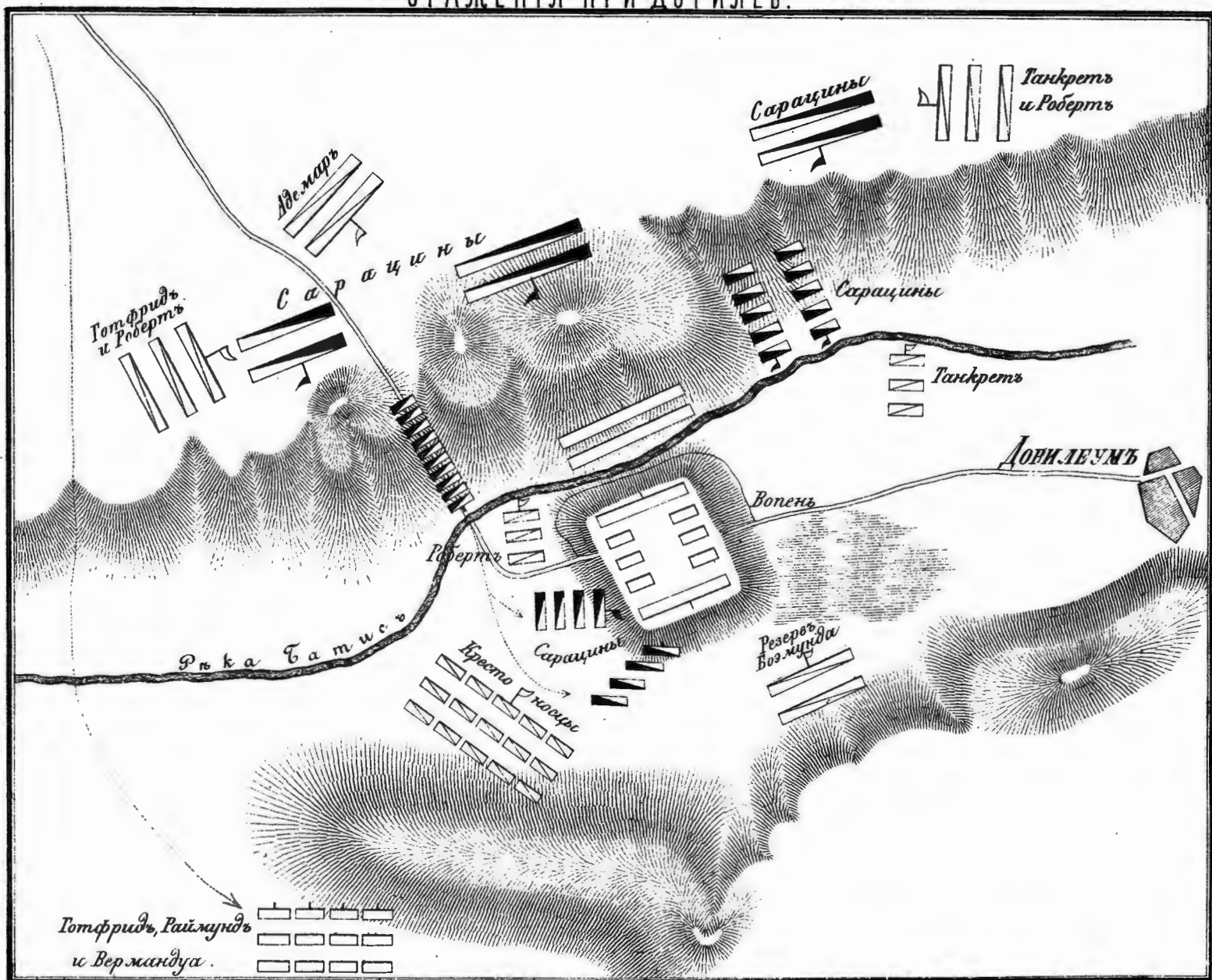
Готфридъ Бульонскій могъ сосредоточить противъ невѣрныхъ не болѣе двадцати тысячъ, въ томъ числѣ 5 тысячъ конницы; но „всѣ они“, говоритъ Зедделеръ ³⁾, „были герои“, всѣ были закалены въ бояхъ и проникнуты необыкновен-

¹⁾ Часть I, стр. 164.

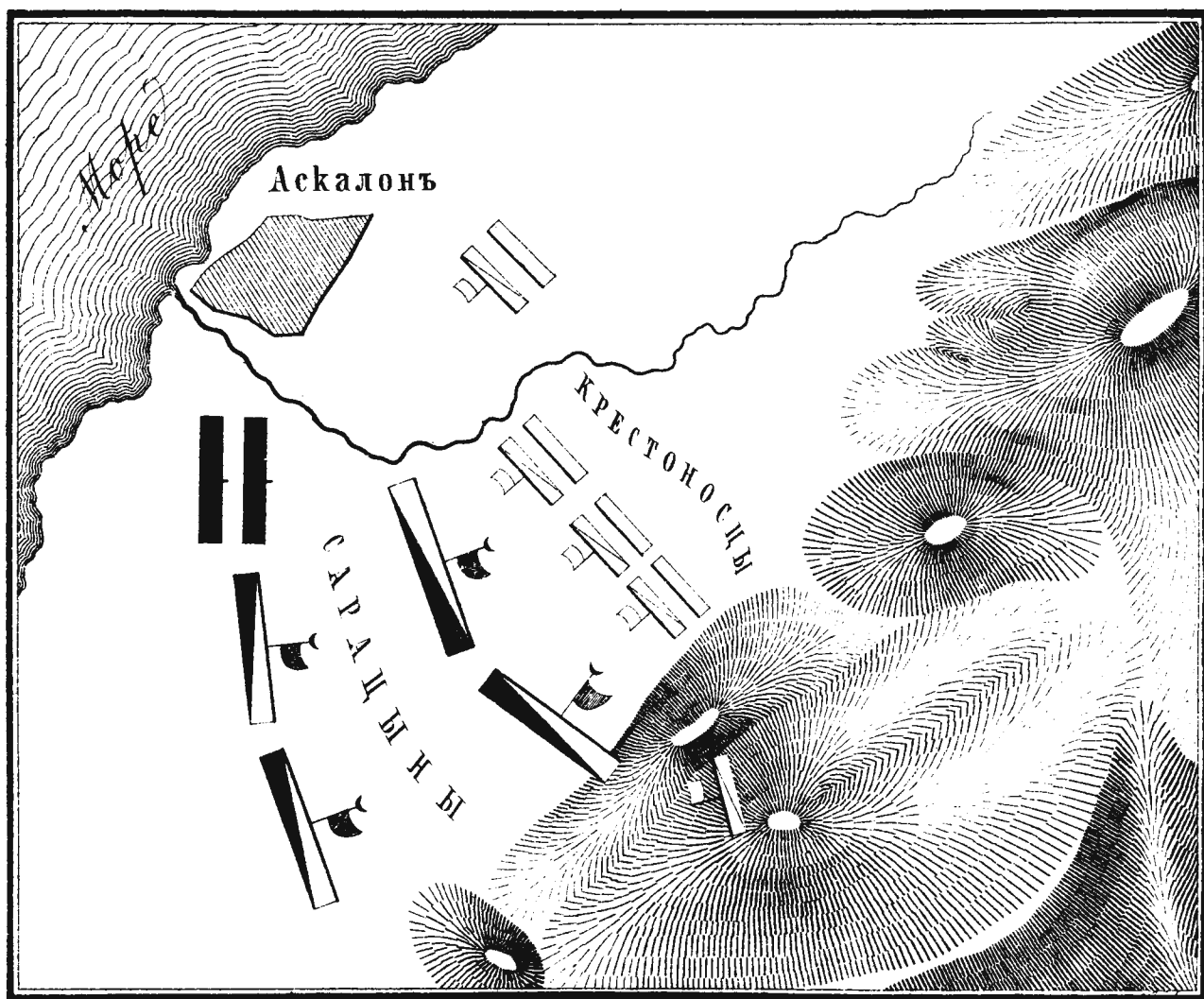
²⁾ Брантъ (стр. 183) увѣряетъ, что у Афдала было до 400 тысячъ войскъ.

³⁾ Воен. Энцикл. лексиконъ 1852 г., т. I., стр. 608.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ДОРИЛЕЪ.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ АСКАЛОНЪ.

нымъ воодушевленіемъ. Крестоносцы двинулись къ Ибелину. На берегу р. Сорекъ имъ встрѣтилось многочисленное стадо. Такъ какъ войска терпѣли большой нѣдостатокъ въ продовольствіи; то крестоносцы хотѣли немедленно приступить къ раздѣлу добычи. „Хитрый непріятель“, пишетъ Брантъ ¹⁾, „нарочно доставилъ крестоносцамъ случай овладѣть стадами своего скота, въ той увѣренности, что жажда добычи увлечетъ ихъ къ другимъ грабительствамъ. Но предположеніе его не сбылось: подѣ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, и даже отлученія отъ церкви, христіанамъ было запрещено оставлять свои ряды во время походовъ, и они въ совершенномъ порядкѣ продолжали движеніе къ Аскалону.

14 августа на разсвѣтѣ крестоносцы двинулись противъ сарадинъ, которые, будучи крайне озадачены этой смѣлостью, едва успѣли построить боевой порядокъ. „Смѣлость атаки возбудила въ невѣрныхъ величайшее удивленіе, потому что они, по великому превосходству въ числительной силѣ, совершенно не надѣялись найти никакого сопротивленія и приготовились только преслѣдовать“ ²⁾.

Новое обстоятельство поставило армію Афдала еще въ большее недоумѣніе: вслѣдъ за войсками христіанъ поднялось огромное облако пыли, которое всѣ приняли за сильные резервы. Между тѣмъ пыль эту подняло то-же самое стадо, которое гнали за арміей христіанъ и которое наканунѣ такимъ же образомъ ввело въ заблужденіе крестоносцевъ. Столкновеніе произошло на аскалонской равнинѣ, ограниченной съ запада моремъ, а съ востока и юга горами.

Боевой порядокъ мусульманъ состоялъ изъ двухъ линій, изъ которыхъ однако вторая, находившаяся подѣ начальствомъ особаго полководца, развернулась въ значительномъ разстояніи отъ первой близъ самыхъ стѣнъ Аскалона.

Правый флангъ составили наемные турки, центръ египтяне, на лѣвомъ флангѣ встали эіюпы и мавры. Впереди поставлена была линія негритянской легкой пѣхоты, вооруженной луками и сплетеными изъ проволоки бичами, которыми можно было разсѣкать крѣпкіе щиты и латы.

Крестоносцы, перейдя р. Сорекъ, раздѣлились на пять корпусовъ и двинулись впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Три колонны, герцога нормандскаго, графа фландрскаго и Танкреда повели атаку съ фронта, а Готфридъ бульонскій и Раймундъ двинулись уступами за обоими флангами. Колонна Готфрида, состоявшая изъ 3600 человекъ пѣхоты и 2-хъ тысячъ конницы, направилась къ Аскалону, чтобы воспрепятствовать всякому подкрѣпленію непріятеля съ этой стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы угрожать его лѣвому флангу. Раймундъ съ своею колонною двинулся скрытно по горамъ и устроилъ засаду частью для того, чтобы, въ случаѣ успѣха мусульманъ, атаковать ихъ во флангъ и противодѣйствовать его обходамъ.

¹⁾ Стр. 183.

²⁾ Брантъ, стр. 184.

Каждый изъ пяти корпусовъ построенъ былъ въ двѣ линіи: въ первой шла пѣхота, во второй конница.

Наступленіе крестоносцевъ не было остановлено ни наѣздниками, никакимъ движеніемъ непріятеля, и столкновеніе произошло на самомъ мѣстѣ развертыванія первой линіи мусульманъ между пѣхотою обѣихъ сторонъ. Мусульманская легкая пѣхота, ставъ на колѣни и прикрываясь щитами, осыпала крестоносцевъ массою стрѣлъ; но пѣхота крестоносцевъ пропустила сквозь ряды свою конницу, и рыцари стремительнымъ ударомъ врѣзались въ строй мусульманъ. Отпоръ былъ мужественный, особенно со стороны негровъ, которые своими желѣзными бичами, убивая лошадей и разбивая щиты и панцыри, причинили христіанамъ немаловажный уронъ. Вслѣдствіе этого натискъ рыцарей, противъ лѣваго фланга египтянъ въ особенности, былъ сдержанъ. Но въ это время Робертъ нормандскій съ отборною дружиною рыцарей стремительно бросается впередъ, прорываетъ густые ряды мусульманъ, налетаетъ на знаменщика, собственноручно его убиваетъ и овладѣваетъ главнымъ знаменемъ пророка. Это обстоятельство совершенно поколебало непріятеля: египтяне дрогнули и повернули назадъ. Почти одновременно съ этимъ турки, находившіеся на правомъ флангѣ арміи Афдала, не могли выдержать стремительной атаки рыцарей Танкреда и Роберта фландрскаго и обратились въ бѣгство.

Вторая линія мусульманъ, видя бѣгство первой и не зная, притворное-ли это бѣгство, къ которому восточная конница весьма часто прибѣгала, или дѣйствительное, долгое время оставалась въ нерѣшительности; а потомъ, наконецъ, принявъ на себя первую линію, дала отпоръ преслѣдующимъ рыцарямъ. Но и вторая линія не могла выдержать натиска рыцарей, особенно когда замѣчено было движеніе Готфрида во флангъ.

Афдалъ съ частью конницы бросился въ Аскалонъ. За нимъ хотѣла отступить туда часть второй линіи, но Готфридъ быстрымъ движеніемъ отбросилъ ее въ сторону. Правый флангъ мусульманъ пытался отступить на югъ въ горы, но Раймундъ ударилъ изъ засады и заставилъ его повернуть назадъ. Танкредъ произвелъ приступъ къ лагерю египтянъ, гдѣ находилось ихъ имущество, сокровища и военные запасы. Мусульмане порывались еще разъ обратиться противъ христіанъ, занятыхъ грабежемъ, но бдительный Готфридъ принялъ противъ этого мѣры, и усилія невѣрныхъ остались безуспѣшными ¹⁾.

Отдѣленные отъ Аскалона и горъ, мусульмане перемѣшались въ густую толпу и бросились къ морю; но, преслѣдуемые Раймундомъ, въ громадномъ количествѣ погибли въ волнахъ.

Осталась еще пѣхота эііоповъ, которая, не имѣя коней для быстрого отступленія, продолжала упорно обороняться. Готфридъ, обойдя съ тыла, совершенно ее окружилъ, и эііопы были истреблены до послѣдняго человѣка.

¹⁾ Брантъ, стр. 186.

Въ Аскалонскомъ сраженіи турки потеряли 30000 убитыми, христіане не болѣе 500 человекъ ¹⁾.

Такимъ образомъ 20 тысячъ христіанъ разбили, разсѣяли и частью истребили армію въ 140 тысячъ. „Съ точки зрѣнія нравственнаго элемента въ бою“, пишетъ Пузыревскій ²⁾, „Аскалонское сраженіе въ высокой степени замѣчательно, показывая, что многократно слабѣйшая армія числомъ, но крѣпкая духомъ, безъ труда одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ многочисленнымъ, несмѣтнымъ противникомъ“. Это обстоятельство, т. е., высокое нравственное настроеніе, было главнѣйшею причиною побѣды крестоносцевъ. Но и въ другихъ отношеніяхъ сраженіе это замѣчательно и много опередило свой вѣкъ. Распредѣленіе войскъ для атаки въ пять корпусовъ, изъ которыхъ крайніе должны были идти уступами на флангахъ, дало возможность не только обезпечить армію отъ обходовъ, но въ свою очередь угрожать флангамъ противника и, въ концѣ концовъ, воспрепятствовать отступленію разбитыхъ мусульманскихъ войскъ. „Сравнивая это сраженіе съ битвами, происходившими вѣкомъ раньше или позже“, говоритъ Брантъ ³⁾, „мы не находимъ ни одной, въ которой было бы видно столько единства и связи въ распоряженіяхъ, и гдѣ бы въ первоначальный планъ боя входила цѣль столь великая и трудная при достиженіи, какъ истребленіе всей арміи противника“.

Касательно дѣйствій кавалеріи можно сказать, что и въ этомъ сраженіи она играетъ первенствующую роль. До боя производитъ рекогносцировку: когда во время движенія къ р. Сореку замѣчена была пыль, тотчасъ по распоряженію Готфрида выслано было впередъ 200 рыцарей, которые донесли, что пыль произведена стадомъ, а не неприятелемъ. Въ бою, какъ было уже описано, пѣхота, завязавъ метательный бой, разступилась и дала возможность выѣхать впередъ конницу, которая разгромила первую, потомъ вторую линію и неотступнымъ преслѣдованіемъ разсѣяла противника.

Относительно пѣхоты можно замѣтить, что въ сраженіи при Аскалонѣ, хотя роль ея вообще пассивная, она только поддерживаетъ свою конницу; но она уже является въ значительно большемъ числѣ и не ограничивается одною обороною лагеря и носкою раненыхъ, какъ въ сраженіи при Дорилеѣ.

Сарацины дѣйствовали весьма вяло. Афдаль, имѣя 100 тысячъ конницы, не знаетъ на что рѣшиться. Турецкая конница, развернувшись для боя, не дѣлаетъ шагу впередъ, чтобы разсѣять недоумѣніе относительно силъ противника и поднятой пыли. Слѣдствіемъ этого было то, что въ то время какъ христіане, по мѣрѣ

¹⁾ Зедделеръ. Воен. энц. лексиконъ 1852 г., томъ I, стр. 608. Брантъ пишетъ, что христіане не потеряли ни одного человекъ, стр. 186.

²⁾ Стр. 176.

³⁾ Стр. 187.

движенія впередъ, все болѣе и болѣе воодушевлялись, мусульмане, находясь въ невѣденіи, все болѣе и болѣе падали духомъ.

Во время сраженія нигдѣ мусульманская конница не выдерживаетъ фронтальной атаки рыцарей; а охватить фланги мѣшали уступныя колонны Готфрида и Раймунда, да и, при общемъ недоумѣніи и упадкѣ духа, никому и въ умъ не пришло на счетъ охвата малочисленной арміи крестоносцевъ.

Мы описали двѣ замѣчательнѣйшія битвы временъ перваго крестоваго похода, когда вообще въ дѣйствіяхъ крестоносцевъ было несравненно болѣе единства, связи, воодушевленія, и когда во главѣ арміи стояли талантливые вожди, какъ Готфридъ и Боэмундъ. Въ послѣдующее время дѣйствія рыцарей имѣютъ совершенно тотъ же характеръ. Фронтальная атака рыцарской конницы неотразима. Не было такого сраженія, гдѣ бы мусульмане выдержали ихъ натискъ даже и тогда, когда во главѣ сарапинской конницы стояли не Афдалъ, а геніальные личности въ родѣ Нурредина и особенно Саладина. Но мусульмане наконецъ поняли свою слабость и, съ другой стороны, свои неотъемлемыя средства для одолѣнія рыцарей. „Они стали избѣгать рукопашнаго боя“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, „и сражались издали, утомляли крестоносцевъ, заманивали вдаль, приводили въ разстройство, а затѣмъ переходили превосходными силами въ рѣшительное наступленіе“. Франки могли противопоставить противнику только сомнѣнный ударъ въ рукопашную; ихъ тяжелыя лошади, желѣзныя латы, грозное оружіе, образовали изъ строя плотную непроницаемую стѣну, которую не могли поколебать никакіе удары. При своемъ мужествѣ крестоносцы стремительно бросались на противника, и, по замѣчанію византійскихъ писателей, подобно вихрю все сокрушали по пути, но при этомъ и сами себя обезсиляли. Имъ была непонятна тактика врага, постоянно отступавшаго передъ ними, и они гнушались мусульманами за безчестный, по ихъ мнѣнію, способъ веденія войны и боя.

Постараемся разобрать еще два столкновенія рыцарской конницы съ мусульманской при Гиттинѣ или Тиверіадѣ и при Арсурѣ. Въ первомъ полное торжество на сторонѣ мусульманъ, которые, разбивъ противника, извлекли все выгоды, какія только можно было извлечь изъ одержанной побѣды; во второмъ рыцари, хотя и торжествуютъ, благодаря одной личности, но побѣда остается безрезультатною, такъ какъ легкая мусульманская конница своевременно ускользаетъ и быстро устраивается для новыхъ нападеній.

Героемъ сраженія при Гиттинѣ былъ Саладинъ, истинный рыцарь чести и благородства, государь и администраторъ, успѣвшій соединить подъ своею властью все владѣнія Египта и Сиріи и превосходный предводитель легкой мусульманской конницы. „Проводя время въ религіозныхъ упражненіяхъ и военныхъ заня-

¹⁾ Стр. 176.

САЛЛАДИНЪ.

Исторія конници М. Маркова.

Источники: Иллюстраціи къ Histoire des Croissades Густава Доре.

тіяхъ“, пишетъ о Саладинѣ Шлоссеръ ¹⁾, „выказывая истинно рыцарскій характеръ и отличаясь великодушiемъ и щедростью, онъ привязывалъ къ себѣ и могометамъ и христiанъ“.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сраженіи при Арсурѣ былъ Ричардъ Львиное сердце, этотъ прототипъ средневѣковаго рыцаря: отличный фздокъ, силачъ, отважно храбрый, онъ соединялъ вмѣстѣ съ романическимъ характеромъ и любовью къ приключеніямъ всѣ недостатки, присущіе европейскому рыцарю описываемаго времени: гордость, тщеславiе, нетерпимость и жестокость.

Сраженіе при Гиттинѣ (Тиверiадѣ) 4-го iюля 1187 года.

Въ то время, какъ Саладинъ соединилъ подъ своимъ владычествомъ большую часть мусульманскихъ владѣнiй Египта и Сирiи, христiанскіе владѣтели на востокъ вели между собою непрерывныя распри.

Раздоры между королемъ Гвидо Лузиньяномъ и Раймундомъ, графомъ Триполійскимъ, а въ особенности нападеніе Райнольда Шатильонскаго на владѣнiя Саладина вызвали этого могущественнаго врага христiанъ изъ бездѣйствiя. Желая овладѣть Иерусалимомъ и изгнать христiанъ изъ Палестины, Саладинъ собралъ восьмидесятитысячную армию и двинулся съ нею къ Тиверiадѣ.

Въ виду угрожавшей опасности христiанскіе владѣтели, оставивъ раздоры, соединили свои войска, въ числѣ 50-ти тысячъ, подъ общимъ начальствомъ короля Иерусалимскаго Гвидо Лузиньяна. Армія эта состояла изъ двухъ тысячъ рыцарей, восемнадцати тысячъ хорошо вооруженной пѣхоты, сервіентовъ, и множества, такъ называвшихся, туркополовъ, или легко вооруженной пѣхоты и стрѣлковъ изъ луковъ. Тутъ были всѣ тамплиеры, iоанниты и знатнѣйшіе рыцари изъ Триполя, Галилеи, Сидона, Цезареи и Антиохiи съ своими слугами. Армія сосредоточилась въ Софорiйской долинѣ, а Саладинъ сталъ лагеремъ къ сѣверу отъ Тиверiяды и всевозможными опустошеніями старался выманить христiанъ впередъ на мѣстность между Софорiею и Таверiадою, пересѣченную и неудобную для атакъ рыцарской конницы.

Въ военномъ совѣтѣ Раймундъ Триполійскій, не смотря на то, что Саладинъ уже занялъ его владѣнiя, убѣждалъ другихъ христiанскихъ вождей оставаться въ занимаемой ими позиціи, которая, между прочими выгодами, имѣла на своей сторонѣ изобиліе воды, удобство подвоза продовольственныхъ запасовъ и свободное отступленіе въ случаѣ неудачи. Бароны и рыцари одобрили этотъ благоразумный совѣтъ; но Гергардъ, гросмейстеръ тамплиеровъ, ослѣпленный ненавистью къ Раймунду, и горя желаніемъ, какъ можно скорѣй отмстить невѣрнымъ за претерпѣнное имъ прежде пораженіе на ручьѣ Кишонѣ, успѣлъ возбудить короля и довелъ

¹⁾ Всемирная исторiя. Изд. В. Серно-Соловьевича, томъ VII, стр. 64.

дѣло до того, что Гвидо Лузиньянъ отдалъ приказаніе къ выступленію. Приказаніе это возбудило общее неудовольствіе и печальныя предчувствія.

Армія двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ шель Раймундъ съ своей пѣхотой и рыцарями, за нимъ шла пѣхота и рыцари короля, въ арьергардѣ тампліеры и іоанниты; легкая пѣхота прикрывала армію съ фланговъ.

Саладинъ встрѣтилъ крестоносцевъ при входѣ въ равнину, называемую въ настоящее время Батуфскою, и, не вступая въ рѣшительный бой, сталъ тревожить и утомлять ихъ безпрестанными нападеніями наѣздниковъ. Вскорѣ крестоносцы при д. Марескаліи были совершенно окружены легкими непріятельскими войсками, которыя постоянно преслѣдуя и засыпая тучами стрѣлъ, до такой степени утомляли тяжелыя войска крестоносцевъ, что онѣ едва могли защищаться.

Замѣтивъ, начинавшее проявляться, нравственное разстройство, Гвидо Лузиньянъ по убѣжденію собраннаго совѣта отвелъ свои войска на неприступную гору, чтобы тамъ переждать сутки и потомъ вступить въ бой. Но турки тотчасъ перехватили сообщенія, окружили со всѣхъ сторонъ гору, и крестоносцы остались на совершенно безводной мѣстности безъ всякихъ средствъ къ продовольствію. Дни стояли чрезвычайно жаркіе, душные, а въ довершеніе всѣхъ несчастій турки зажгли кусты и бурьянъ вокругъ лагеря христіанъ, которые въ теченіе ночи положительно задыхались отъ жара и дыму.

Разсвѣтъ дня показалъ до какой степени они находились въ критическомъ положеніи. Оставалось всей арміи сдаться въ плѣнъ, или погибнуть въ неравномъ бою. Рѣшено было атаковать турокъ. Крестоносцы, построясь въ густыя массы, всею арміею сдѣлали отчаянную вылазку изъ своего лагеря, чтобы оружіемъ открыть себѣ путь. Но Саладинъ уклонился отъ боя. „Саладинъ понималъ превосходно“, говоритъ Брантъ ¹⁾, „что всякое замедленіе облегчитъ ему побѣду, и избѣгалъ рѣшительнаго боя; онъ весьма искусно уклонялся отъ атаки рыцарей и считалъ болѣе полезнымъ утомить ихъ прежде нападеніями своей легкой конницы, своими конными стрѣлками и другими хитростями, а потомъ рѣшительною атакою истребить всю непріятельскую армію“.

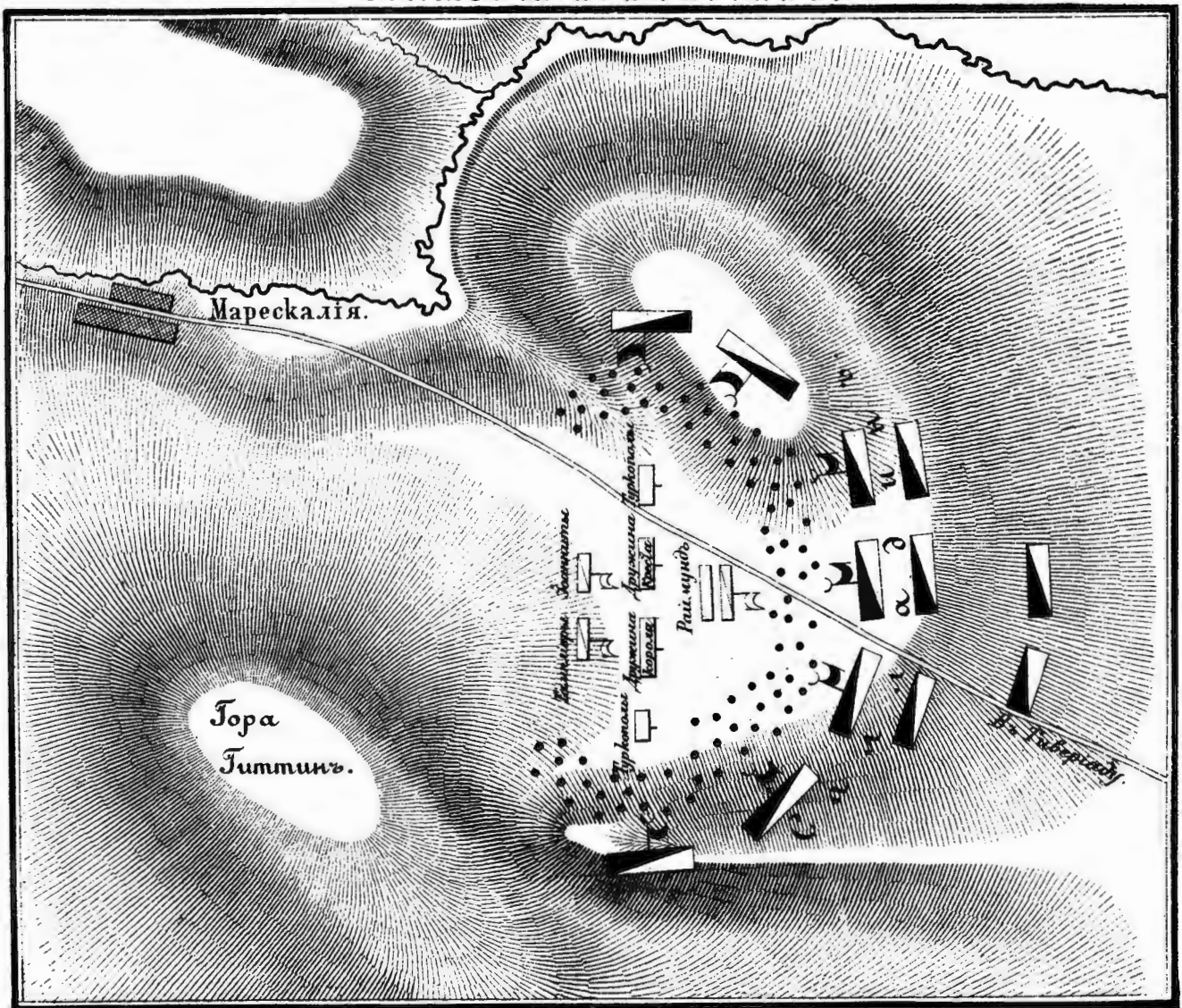
Такимъ образомъ, отражая по мѣрѣ силъ нападенія мусульманъ, крестоносцы двигались впередъ и достигали уже окрестностей города Тиверіады. Видя передъ собою чистыя воды Геннасаретскаго озера, они уже надѣялись утолить палящую жажду, томившую ихъ нѣсколько дней, ждали отдыха и спокойствія въ Тиверіадѣ, какъ вдругъ турки начали уливать свое наступленіе ²⁾.

Замѣтивъ крайнее истощеніе противника и пользуясь мѣстностью, которая стала благопріятствовать дѣйствіямъ многочисленной конницы сарадинъ, Саладинъ

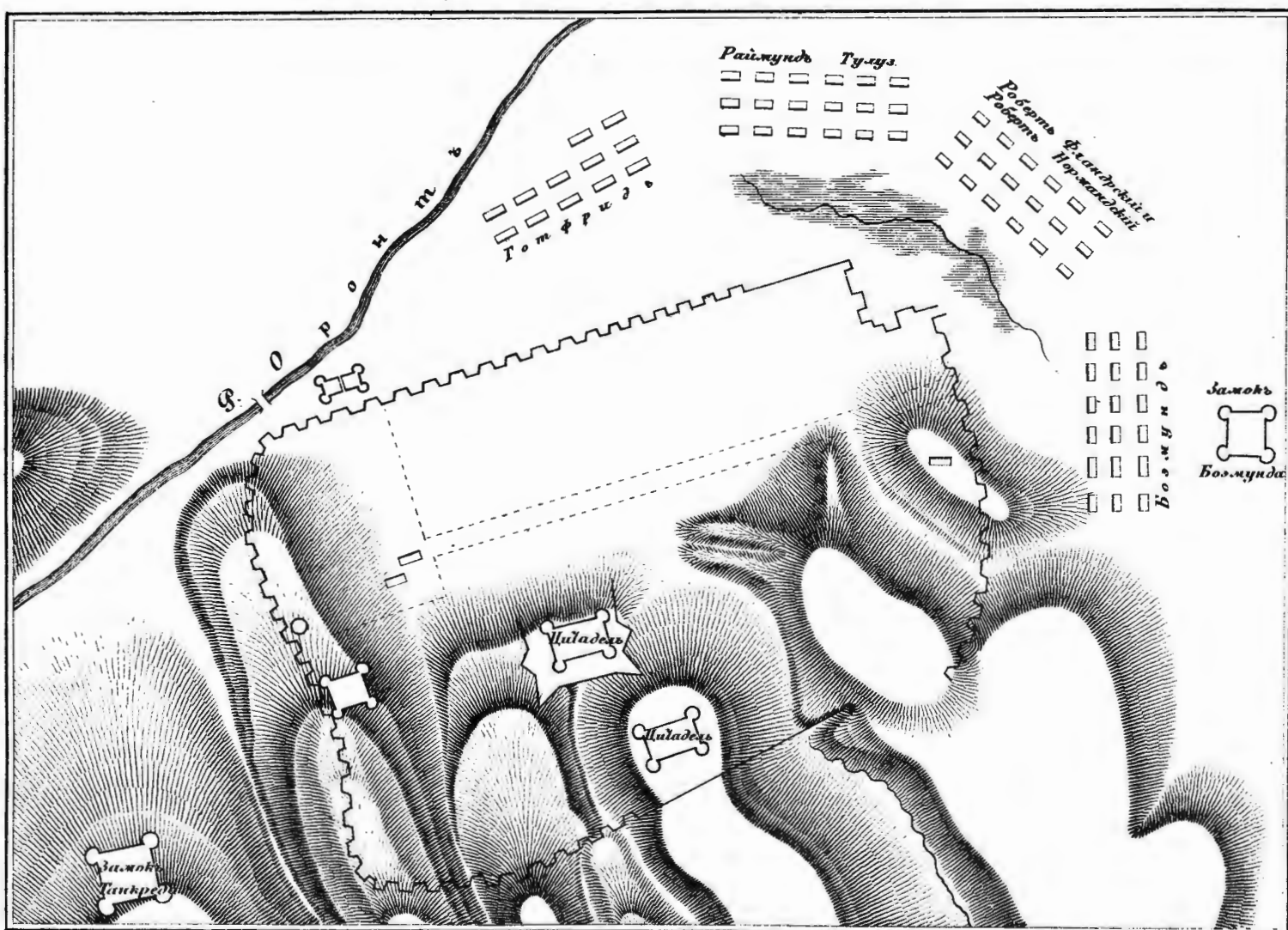
¹⁾ Стр. 189.

²⁾ Брантъ, тамъ-же.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГИТТИНЪ.

ПЛАНЪ БЛОКАДЫ АНТІОХІИ ВЪ 1097 ГОДУ

приказалъ ей произвести нападеніе. Рыцари, выдвинувшись впередъ изъ за пѣхоты, встрѣтили атаку мужественно, туркополы также имъ помогали; но пѣхота, измученная жаромъ, жаждою и трудностью перехода, отказалась ихъ поддержать и столпилась къ св. кресту, который возили при арміи. Тщетно король старался устроить свои полки, наконецъ, видя совершенный упадокъ духа и дисциплины, онъ отвелъ пѣхоту на гору Гиттинъ, чтобы тамъ снова ее устроить. Но большая часть ея, побросавъ оружіе, нестройными толпами окружила св. крестъ, и никакія усилія не могли вызвать ихъ впередъ для подкрѣпленія рыцарей. Даже между рыцарями оказались измѣнники: пять человекъ изъ нихъ, принадлежавшихъ дружинѣ графа Трипольскаго, передались туркамъ.

Между тѣмъ Саладинъ стѣснилъ со всѣхъ сторонъ горсть рыцарей тамплиеровъ и іоаннитовъ, продолжавшихъ упорно защищаться. Имъ оставалось только умереть со славою, и потому король приказалъ произвести послѣднее усиліе, чтобы пробить себѣ дорогу. Онъ приказалъ построиться рыцарямъ по странамъ. Впереди всѣхъ сталъ графъ Трипольскій и произвелъ съ своими рыцарями отчаянную атаку, противъ которой турки устоять не могли и разступились. Такимъ образомъ графъ Трипольскій проложилъ себѣ дорогу и бѣжалъ въ Тиръ, а турки, сомкнувъ свои полки, обрушились на оставшихся рыцарей, тамплиеровъ и іоаннитовъ, которые, по причинѣ усталости, пробиться не могли и, продолжая защищаться до сумерокъ, частью были убиты, частью попали въ плѣнъ. Такой же участи подверглись самъ Гвидо Лузиньянь, маркграфъ Бонифацій Монфератскій и другіе вожди крестоносцевъ. Толпы пѣхоты, окружавшія св. крестъ и не думали сопротивляться. Турки безпощадно ихъ избивали и забирали въ плѣнъ. Упадокъ духа былъ такъ великъ, что одинъ мусульманинъ привелъ въ Хуаранъ на веревкѣ 30 плѣнныхъ христіанъ.

Саладинъ съ большимъ искусствомъ воспользовался одержанной побѣдой. Аскалонъ, Тиверіада, а, по прошествіи трехъ мѣсяцъ, всѣ христіанскія владѣнія въ Сиріи перешли въ руки мусульманъ. Сопротивлялись еще Тиръ и Іерусалимъ, но послѣ тридцатитрехдневной кровопролитной осады и священный городъ долженъ былъ сдаться.

Не дѣлая пока вывода о сраженіи при Гиттинѣ, перейдемъ къ разбору сраженія при Арсурѣ, такъ какъ образъ дѣйствія и употребленія конницы рыцарской и мусульманской въ томъ и другомъ сраженіи почти одинаковый, разница только въ предводителяхъ конницы европейцевъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сраженіи при Арсурѣ, какъ мы уже упоминали, былъ Ричардъ Львиное Сердце, король англійскій. Король этотъ не отличался талантами ни администратора, ни стратега; но разъ онъ являлся во главѣ арміи, побѣда съ нимъ была неразлучна. Причиною тому было то, что Ричардъ своею безумною отвагою и личнымъ примѣромъ умѣлъ до того воодушевлять

своихъ подчиненныхъ, что они смѣло атаковали гораздо сильнѣйшаго противника, наводили на него страхъ и разбивали. Одно имя Ричарда долгое время, даже послѣ отплытія его въ Европу, употреблялось у мусульманъ какъ угроза и отнимало у нихъ мужество. „Не разъ турецкіе всадники“, говоритъ Шлоссеръ ¹⁾, „трепетали при одномъ видѣ его и поспѣшно обращались въ бѣгство, съ крикомъ „король Ричардъ идетъ!“

Однажды Ричардъ стоялъ у Яффы съ отрядомъ не болѣе какъ въ тысячу человекъ и одиннадцатю всадниками, какъ вдругъ ихъ окружилъ въдесятеро сильнѣйшій непріятель, имѣвшій до семи тысячъ кавалеріи ²⁾. Малочисленный англійскій отрядъ сомкнулся и мужественно отражалъ непріятельскія нападенія. Но ричарду не нравился такой спокойный отпоръ; съ горькостью всадниковъ бросился онъ на непріятели и, опрокидывая рядъ за рядомъ, спасъ одного изъ спутниковъ, упавшаго съ коня и уже окруженнаго, выручилъ другаго, почти взятаго въ плѣнъ, и пробился почти невѣроятнымъ образомъ черезъ войско враговъ, тысячами окружавшихъ его, но не осмѣлившихся напасть на него.

Мы не будемъ подробно разбирать сраженіе при Арсурѣ, такъ какъ объ этомъ свѣденія, дошедшія до насъ, довольно сбивчивы; приведемъ въ общихъ чертахъ главную суть дѣла, какъ послѣднее подтвержденіе всего сказаннаго о рыцарской и мусульманской конницахъ.

Послѣ взятія Акры въ 1191 году, Ричардъ Львиное Сердце заключилъ съ Саладиномъ условіе, по которому послѣдній обязался за взятыхъ крестоносцами плѣнныхъ дать выкупъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Ричардъ потребовалъ этотъ выкупъ, но такъ какъ Саладинъ медлилъ, то Ричардъ велѣлъ предать смерти 2500 мусульманъ; Саладинъ отвѣчалъ избіеніемъ множества христіанскихъ плѣнныхъ. Вслѣдствіе этого военныя дѣйствія между христіанами и мусульманами возобновились.

Крестоносцы двинулись къ городу Арсуру по равнинѣ, ограниченной съ правой стороны моремъ, а съ лѣвой крутыми Наплузскими горами. Равнина была пересѣчена во многихъ мѣстахъ рывтинами, которыми отступавшіе сарацины пользовались съ большимъ искусствомъ. Наконецъ Саладинъ остановился на позиціи у Арсура.

У Ричарда было 1000 рыцарей, которые по обычаю того времени, двигались во второй линіи за пѣхотою. Какъ только сарацины остановились, Ричардъ вывелъ своихъ рыцарей впередъ и, не смотря на то, что у Саладина было 30 тысячъ всадниковъ, произвелъ на нихъ атаку, прорвалъ двѣ линіи; но, разступившіеся въ виду этой атаки, мусульманскіе всадники бросились въ горы, обошли

¹⁾ Тамъ-же, стр. 87.

²⁾ Заимствовано у Шлоссера, стр. 89.

Исторія конници
М. Маркова.

Ричардъ Львиное сердце
подъ Яффою.

Займствовано у Густава Дорé,
Histoire des Croissades, Michaud.

крестоносцевъ и ударили въ тылъ на пѣхоту. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Ричардъ принужденъ былъ повернуть назадъ на помощь пѣхотѣ. Устроивъ ее въ густую массу по сторонамъ знамени, которое везли въ особой повозкѣ, Ричардъ отразилъ всѣ нападенія мусульманской конницы. Усилія Саладина разбились о стойкость пѣхоты, и конница его, которой тѣснота мѣстности не позволяла развернуться, пришла въ безпорядокъ. Замѣтивъ это, Ричардъ перешелъ въ наступленіе, но мусульмане бросились къ Соронскому лѣсу, въ который христіяне войти не рѣшились, такъ какъ ожидали встрѣтить засаду. Пользуясь этою остановкою, Саладинъ быстро привелъ войска свои въ порядокъ.

Такимъ образомъ христіяне, хотя и выиграли сраженіе, но воспользоваться имъ не сумѣли.

Разбирая сраженія при Гиттинѣ и Арсурѣ и припоминая дѣло при Яффѣ, мы снова встрѣчаемъ обыкновенное явленіе, что горсть рыцарей опрокидываетъ сильную мусульманскую конницу; но конница эта, пропуская ураганъ, быстро устремляется противъ фланговъ и тыла. Не имѣя возможности сломить плотныя и закованныя въ желѣзо массы противника, мусульмане вводятъ въ дѣло все свое терпѣніе и всевозможныя хитрости, чтобы разстроить и утомить непріятеля. Когда это достигнуто, они смѣло уже его атакуютъ, подавляя превосходствомъ силъ. Такимъ образомъ одержана была блистательная побѣда Саладиномъ при Гиттинѣ. Въ сраженіи при Арсурѣ сарацинская конница, обскакавъ армію Ричарда, очутилась на мѣстности крайне неблагопріятной, гдѣ она не могла развернуть всѣхъ своихъ силъ; между тѣмъ какъ Ричардъ, подоспѣвъ къ своей пѣхотѣ, быстро ее устроилъ и такъ сумѣлъ воодушевить, что всѣ усилія турокъ разбились о ея стойкость, и мы встрѣчаемъ почти небывалый фактъ въ рыцарскія времена, что пѣхота переходитъ въ наступленіе противъ мусульманской конницы.

Г л а в а 8-я.

Осада и оборона крѣпостей рыцарями. Антиохія. Заключение о рыцарской и мусульманской конницахъ.

Рыцари представляли главнѣйшую и существеннѣйшую часть состава средне-вѣковыхъ армій. На нихъ лежала, какъ уже неоднократно замѣчено было, вся тяжесть боя; на нихъ же, при отсутствіи въ то время хорошей пѣхоты, падала главная роль при осадахъ и оборонахъ крѣпостей. Чтобы познакомиться съ дѣйствіями рыцарей въ подобныхъ случаяхъ, постараемся дать нѣкоторое понятіе объ устройствѣ тогдашнихъ крѣпостей и средствъ, употреблявшихся для ихъ защиты и осады.

Главнѣйшую часть укрѣпленій въ этомъ періодѣ составляли каменные стѣны, башни и рвы. Стѣны нерѣдко дѣлали двойныя, а внутри городовъ строили цитадели или замки, служившіе вмѣсто редюитовъ. Башни составляли существенную часть укрѣпленій: онѣ были сверху плоскія, подобно вершинѣ крѣпостныхъ стѣнъ, снабженныя зубцами, стрѣльницами и брустверомъ.

Армія, приближавшаяся для осады какого нибудь укрѣпленнаго города, старалась предварительно овладѣть всею окрестною страной. Если это удавалось, то крѣпость или окружали со всѣхъ сторонъ, или сосредоточивали войска противъ фронта, выбраннаго для атаки, стараясь отдѣльными партіями различной силы отрѣзать ей всякое сообщеніе со вспомогательною арміею или съ центромъ государства. Нерѣдко также окружали городъ контръ и циркумвалаціонными линіями. Въ описаніяхъ крестовыхъ походовъ встрѣчаются частые примѣры, что христіяне располагались вокругъ осажденнаго города въ столькихъ отдѣльныхъ массахъ, сколько было различныхъ народовъ въ арміи. Такъ, на примѣръ, Фүльше-де-Шартръ говоритъ ¹⁾, что въ лагерѣ подъ Никеей находилось девятнадцать различныхъ по нравамъ и языку народовъ, изъ которыхъ каждый расположенъ былъ въ особомъ, стѣнами и палисадами окруженномъ, станѣ.

Укрѣпившись вокругъ города, осаждающій старался осажденнаго лишить воды и уравнивалъ мѣстность впереди фронта, выбраннаго для атаки, чтобы можно было подвозить машины. Достигнувъ цѣли, осаждающій старался приблизиться къ городскимъ стѣнамъ посредствомъ двойныхъ деревянныхъ, досками и плетнемъ крытыхъ ходовъ. Ходы эти защищались сырыми кожами отъ огня, а позади стояли стрѣлки и выстрѣлами изъ луковъ прогоняли осажденнаго съ городскихъ стѣнъ. Если удавалось засыпать ровъ и дойти до самаго подножія стѣны, то въ ней производили обваль, какъ и въ древности, посредствомъ тарана. Для этой цѣли изъ машинъ употреблялись кошки, родъ сараевъ съ тараномъ внутри; или подвижныя башни, снабженныя метательными машинами.

Башни строились въ нѣсколько этажей и всегда выше городскихъ стѣнъ, перекатывались на колесахъ или полозьяхъ. Въ нижнемъ этажѣ работники и архитекторы управляли движеніями башни; средніе этажи имѣли крытые ходы, изъ которыхъ можно было сражаться; на самомъ верху находился опускающій мостъ или самбука. Осаждающіе старались спуститься съ башень въ городъ посредствомъ этихъ мостовъ.

Одновременно съ наружными подступами вели нерѣдко подземные ходы или мины, стараясь пошатнуть или обрушить стѣну, или даже черезъ подобный входъ прямо ворваться въ крѣпость.

Узнавъ о приближеніи противника, обороняющійся старался уничтожить въ

¹⁾ Заимствовано у Бранта.

окрестностяхъ все, что только могло облегчить ему атаку. Срубали деревья на большомъ пространствѣ, лишая этимъ противника средствъ къ постройкѣ машинъ; производили наводненія; прорѣзывали мѣстность рвами, затруднявшими движеніе машинъ, и т. п. Иногда заваливали старыя ворота или обезпечивали ихъ небольшими башнями и желѣзною опускною рѣшеткою; а случалось, что проламывали въ стѣнѣ новыя ворота для производства нечаянной вылазки. Противъ минъ вели контръ-мины.

Всѣ земляныя, деревяныя и каменныя, если требовалось, работы вела пѣхота; машинами управляли большею частью наемные инженеры изъ генуэзцевъ, пизанцевъ и, особенно, грековъ, которые были мастера въ дѣлѣ осады и обороны крѣпостей и въ употребленіи при этомъ греческаго огня. Веденіе боя лежало на рукахъ рыцарей, которые дѣйствовали при оборонѣ на стѣнахъ, а при осадѣ на башняхъ для проникновенія съ нихъ посредствомъ мостовъ на стѣны города; они же одни или они во главѣ остальныхъ войскъ шли на приступъ. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія совершались въ пѣшемъ строю, но замѣчательно, что рыцари производили ихъ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, въ латахъ и шлемахъ.

Дѣло осады было чрезвычайно трудное. Надо удивляться, что при тогдашнихъ, скудныхъ для этого средствахъ, рыцари иногда достигали цѣли. Большею же частью рассчитывали главнымъ образомъ на блокаду. Оттого и осады длились по нѣсколько мѣсяцевъ и даже годы. Причины этому заключались, во 1-хъ, въ составѣ феодальныхъ армій, которыя не могли быть достаточно сильны, такъ какъ формировались изъ привилегированнаго, дворянскаго сословія. При затруднительныхъ условіяхъ осады, нерѣдко осаждающій былъ слабѣе осажденнаго, какъ на примѣръ, при осадѣ Іерусалима Готфридомъ Бульонскимъ, у котораго было всего 20 тысячъ пѣхоты и 5 тысячъ рыцарей, тогда какъ мусульмане имѣли 40 тысячъ защитниковъ. На востокѣ особенно трудно было вести осады, такъ какъ составъ армій былъ разнородный, какъ на примѣръ, подъ Никеей. Каждый лагерь европейцевъ преслѣдовалъ свои частныя виды и выгоды, и только Готфриду удавалось ихъ направить къ одной общей цѣли. Въ 2-хъ для осады нужна пѣхота, а пѣхота феодальныхъ армій, какъ извѣстно, была крайне плоха; рыцари же, хотя представляли превосходное по духу своему войско, но ихъ было мало, и они закованы были въ тяжелыя латы, безъ которыхъ драться цыцари считали для себя унижительнымъ; а, дѣйствуя въ нихъ пѣшкомъ, они скоро приходили въ изнеможеніе. Къ этому надо добавить и то, что, особенно первое время, рыцари имѣли весьма слабое понятіе объ осадахъ.

Одно только можно смѣло сказать, что недостатка въ отвагѣ и энергіи, возбуждаемыхъ высокою цѣлью освобожденія гроба Господня, въ рыцаряхъ не было. Этимъ только и объясняется успѣхъ нѣкоторыхъ осадъ, какъ, на примѣръ, взятіе штурмомъ Іерусалима. Крестоносцы не останавливались ни передъ какими труд-

ностями: при осадѣ Аккона христіяне построили плотину и продолжали ее под тучей камней и стрѣль непрерывно, пока не приблизились къ городу; при осадѣ Никеи суда изъ Пропонтиды были перенесены въ Асканійское озеро черезъ два хребта горъ, ихъ раздѣляющіе. Штурмъ города черезъ узкій брешь, пробитый тараномъ при помощи лѣсницъ, черезъ башню посредствомъ опускаемаго моста или, наконецъ, черезъ подземный ходъ представлялись дѣломъ невѣроятно труднымъ, и всѣ шансы были на сторонѣ обороняющагося. Одно только присутствіе духа, одна только рыцарская отвага могли преодолѣть эти трудности. Очень часто храбрецы той и другой стороны сосредоточивались къ атакованному мѣсту, и цѣлая осада заключала въ себѣ одни только дѣйствія какой нибудь башни, имѣвшей четырехста до пяти сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ смѣлаго начальника. Во многихъ случаяхъ подвиги частныхъ лицъ при атакѣ и оборонѣ башенъ напоминаютъ дѣянія древнихъ героевъ, какъ говоритъ Брантъ, успѣхъ или неудача которыхъ немедленно вліяетъ на нравственное состояніе обѣихъ сторонъ. Вильгельмъ Тирскій рассказываетъ въ третьей книгѣ ¹⁾, что „при осадѣ Никеи одинъ сарацинъ обратилъ на себя особенное вниманіе христіянъ, какъ по исполинскому росту, такъ и по храбрости: выстрѣль его былъ всегда смертоносенъ; въ недостатокѣ стрѣль онъ бросалъ огромные обломки скаль въ непріятельскіе ряды. Однажды, послѣ продолжительнаго и безуспѣшнаго приступа христіянъ къ одной башнѣ, онъ остался въ ней одинъ противъ Раймунда. Осыпанный градомъ выстрѣловъ, онъ не измѣнилъ себѣ и вызывалъ даже христіянъ усилить нападеніе. Вскорѣ взоры и оружіе всѣхъ обратились на него: покрытый ранами, поражаемый безпрестанно новыми выстрѣлами, онъ защищался еще долго; но, наконецъ, сраженный стрѣлою Готфрида, онъ упалъ въ ровъ. Христіяне громкимъ крикомъ торжествовали побѣду, между тѣмъ глубокое молчаніе въ рядахъ невѣрныхъ явно показывало упадокъ духа. Подобные подвиги случались при многихъ осадахъ и нерѣдко рѣшали судьбу непріятельскаго города“.

Если осаждающему удалось дойти до башенъ городской стѣны, то всѣ усилія обороняющагося обращались въ особенности на воспрепятствованіе опущенію мостовъ—самбуковъ. „При осадѣ Іерусалима бревно, искусно выдвинутое противъ опускаемаго моста, разстроило весь приступъ. Во время знаменитой осады Кремы нѣсколько смѣлыхъ нѣмецкихъ рыцарей спустились на городскую стѣну посредствомъ подъемнаго моста одной башни. Съ неустрашимостью они врывались уже внутрь города, когда осажденному удалось вдругъ уничтожить мостъ брошенными изъ машинъ обломками скаль. Гарнизонъ, упавшій духомъ, ободрился снова и, наконецъ, восторжествовалъ въ бою ²⁾, а рыцари жестоко заплатились за свою удалъ: съ нихъ живыхъ содрали кожу.

¹⁾ Заимствовано у Бранта, стр. 104.

²⁾ Заимствовано у Бранта, стр. 108.

Пробивъ брешъ въ городской стѣнѣ, осаждающій находилъ за нею еще другую стѣну. Бывали также примѣры, что поврежденная стѣна приводилась въ исправность въ самое короткое время и заставляла непріятеля употребить новыя усилія для сдѣланія въ ней обвала. Если осажденный догадывался, что противникъ закладывалъ гдѣ нибудь мину, то онъ миною же шель ему на встрѣчу, и въ подобныхъ случаяхъ подъ землею нерѣдко доходило до самаго кровопролитнаго боя. Часто близъ пункта, который, по всей вѣроятности, непріятель долженъ былъ атаковать, прокапывали поперечные рвы и, когда противникъ приближался къ нимъ неосторожно, вдругъ производили на него нападеніе.

Вообще невозможно исчислить всѣ средства, къ которымъ прибѣгали осажденный для уничтоженія замысловъ противника; невозможно исчислить средствъ черезъ посредство которыхъ осаждающій достигалъ цѣли взятія города. Никея пала черезъ измѣну, Антиохія взята подкупомъ, Акра во времена Ричарда Львиное сердце голодомъ, Даміета въ 1217 году пала влѣдствіе моровой язвы отъ страшнаго зараженія воздуха.

О с а д а А н т і о х і и.

Антиохія лежитъ вблизи южнаго выхода изъ Киликійскихъ тѣсенинъ и составляетъ съ той стороны, откуда приближались крестоносцы, какъ бы ключъ Сиріи и Палестины. 21 октября 1097 года армія крестоносцевъ, въ числѣ 300 тысячъ, изъ нихъ до 60 тысячъ конницы, подступила подъ стѣны Антиохіи. Обширная, изобильная водою равнина, окружающая городъ, представляла крестоносцамъ весьма утѣшительный видъ послѣ труднаго и продолжительнаго похода. Вотъ какъ описываетъ Брантъ ¹⁾ древнюю Антиохію:

„Городъ, состоявшій изъ пяти отдѣльныхъ городовъ, разобщенныхъ между собою стѣнами, имѣлъ видъ параллелограмма продолговатаго по направленію отъ запада къ востоку, и въ окружности около четырехъ часовъ пути (20 верстъ). Первая часть города, замокъ Антиохійскій, лежалъ къ западу на крутой скалѣ; противъ него на востокѣ находилась вторая крѣпость на небольшомъ возвышеніи. Четвертая часть, расположенная болѣе къ востоку на равнинѣ, примыкая къ предыдущимъ, охранялась съ юга непроходимыми болотами. На западѣ рѣка Оронтъ составляла естественную мокрую преграду, непроходимую въ бродѣ.

Стѣны городской были частью изсѣчены въ скалѣ, а частью построены, съ такою однакожъ прочностью, что онѣ уцѣлѣли до нашихъ дней. Полагаютъ, что ширина ихъ простиралась до пространства, нужнаго для свободнаго проѣзда двухъ возовъ. Сила ихъ увеличивалась еще четырьмя сотнями башенъ, построенныхъ въ нѣсколько этажей, имѣвшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по семидесяти футъ ширины и окруженныхъ глубокимъ ровомъ.

¹⁾ Стр. 195.

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 20 тысячъ пѣхоты и 7 тысячъ конницы, подъ общимъ начальствомъ Баги Сеяна.

Не имѣя хорошей пѣхоты для правильной осады, крестоносцы рѣшились принудить гарнизонъ Антиохіи къ сдачѣ посредствомъ блокады. Но распорядились для этого весьма неудачно. Въмѣсто того, чтобы окружить городъ со всѣхъ сторонъ, что при трехсоттысячной арміи вполне было возможно, они сосредоточились противъ сѣверной и восточной сторонъ города и ограничились блокадою только трехъ воротъ, доставляя осажденнымъ совершенную свободу получать свѣжія подкрѣпленія и снабжать городъ всякаго рода запасами. Расположившись въ лагеряхъ по націямъ, крестоносцы начали грабежами опустошать окрестности. Притворное бездѣйствіе гарнизона, который въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль ограничился наблюдениемъ за непріятелемъ, возвысило дерзость и безпечность осаждающихъ. Замѣтивъ это, хитрые сарадины не земедлили этимъ воспользоваться и приступили къ малой войнѣ. Сдѣлавъ однажды вылазку противъ лагеря, они взяли богатую добычу и много плѣнныхъ. Такимъ же образомъ они поступили съ неосторожно фуражировавшими по ту сторону р. Оронта христіянами. Тогда Готфридъ рѣшился построить мостъ на рѣкѣ и завалить однѣ городскія ворота, но при этомъ произошлъ упорный бой, и множество крестоносцевъ погибло, пока удалось сжечь башни, защищавшія ворота, и нагромоздить передъ самими воротами огромное количество камней.

Безпрестанныя вылазки турокъ, недостатокъ продовольствія вслѣдствіе безпорядочныхъ фуражировокъ и грабежей, обнаружившіяся повальныя и заразительныя болѣзни, зимнее время года—все это поселило между крестоносцами страшное уныніе. Изъ 60 тысячъ всадниковъ, пришедшихъ подъ Антиохію, только 2000 успѣли сберечь своихъ лошадей; пѣхота была не въ лучшемъ видѣ. Эти обстоятельства начали доводить крестоносцевъ до отчаянія. Храбрѣйшіе воины оставляли ряды. Многіе, прочитая обѣты, по причинѣ столькихъ трудовъ и опасностей исполненными, оставили армію и возвратились въ Европу, или искали убѣжища въ Эдессѣ, другіе требовали отложенія осады до весны. Но твердость Готфрида и епископа Адемара удержала большинство, и осада продолжалась. Это обстоятельство и нѣсколько удачныхъ дѣлъ съ турками немного крестоносцевъ ободрило. Боэмундъ разбилъ армію, собранную эмирами Малой Азіи для освобожденія Антиохіи, Танкредъ, Раймундъ и герцоги Фландрскій и Нормандскій отбили нѣсколько вылазокъ. Но окончательному поднятію духа болѣе всего способствовало прибытіе флота пизанцевъ и генуэзцевъ, который въ гавань Св. Симеона, въ устьѣ Оронта, доставилъ продовольственные запасы и искусныхъ военныхъ архитекторовъ.

При помощи этихъ архитекторовъ устроены были подвижныя башни и метательныя машины, и по ихъ же совѣту противъ турецкихъ мостовъ и воротъ по-

строены были укрѣпленія. Такимъ образомъ весь городъ наконецъ былъ запертъ и обложенъ войсками.

Положеніе осажденныхъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ, но мужество ихъ, по мѣрѣ увеличенія опасности, возрастало. Осада продолжалась уже девять мѣсяцевъ; потеря крестоносцевъ превышала 100 тысячъ войска; а полученное извѣстіе о приближеніи новой сарацинской арміи на выручку Антіохіи, вѣроятно, принудило бы ихъ отступить отъ города и отказаться отъ осады, если бы не удалось Боэмунду овладѣть городомъ хитростью. Получивъ предварительно отъ другихъ вождей обѣщаніе, признать его въ случаѣ удачи предпріятія владѣльцемъ Антіохіи, онъ подкупилъ ренегата Пирра, начальствовавшего одною изъ важнѣйшихъ башенъ городской стѣны. Въ ночь съ 2 на 3-е іюня Боэмундъ, Раймундъ Тулузскій и нѣсколько отважнѣйшихъ рыцарей взобрались по веревочной лѣстницѣ на башню, умертвили ея защитниковъ и, отворивъ ворота товарищамъ, проникли въ городъ. Антіохійскіе христіане немедленно перешли на сторону крестоносцевъ, а сарацины и евреи почти все были истреблены. Такимъ образомъ крестоносцы овладѣли наконецъ Антіохіею, за исключеніемъ цитадели, въ которую съ остатками гарнизона укрылся сынъ Баги Сяна Шамшедь-Ула.

Взятіе Антіохіи было для крестоносцевъ началомъ новыхъ бѣдствій. Въ городѣ они нашли очень немного запасовъ, и уже на третій день по занятіи города показались передовые отряды многочисленнаго непріятельскаго войска, шедшаго къ Антіохіи. Сельджукскій султанъ Баркіарокъ еще прежде приказалъ владѣтелю Моссула, Кербогъ, спѣшить со всею своимъ войскомъ на выручку города; но, къ счастью крестоносцевъ, его задержала на пути неудавшаяся попытка нападенія на Эдессу.

Едва христіане успѣли отдохнуть отъ кровопролитнаго боя, какъ прибытіе Кербога (6-го іюня) принудило ихъ самихъ принять роль защитниковъ Антіохіи. Началась, новая, не менѣ упорная осада. Кербога, окруживъ городъ со всехъ сторонъ, овладѣлъ, послѣ мужественной обороны, укрѣпленными замками, устроенными крестоносцами близъ воротъ и мостовъ, и отрѣзалъ имъ всякое сообщеніе съ окрестностью. Положеніе крестоносцевъ было самое опасное: голодь и морозная язва не замедлили проявиться на первыхъ порахъ, множество малодушныхъ воиновъ бѣжали и, пробравшись скрытно черезъ сарацинскій станъ, внести страхъ и уныніе въ другіе города, занятые христіанами.

Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ Боэмундъ убѣдилъ крестоносцевъ искать спасенія въ общей вылазкѣ и рѣшительной битвѣ съ невѣрными. Найденное, по показанію инока Петра Варооломея, копые, которымъ будто-бы былъ пронзенъ бокъ спасителя, чрезвычайно воспламенило крестоносцевъ, и 28 іюля они выступили изъ города и атаковали невѣрныхъ. Войско Кербога, застигнутое въ расплохъ, сражалось безъ всякаго порядка и единодушія и понало по ту сторону р. Оронта

на мѣстность, пересѣченную и крайне неблагоприятную для многочисленной мусульманской конницы. Христіяне, напротивъ, бились съ отчаяніемъ и религіознымъ воодушевленіемъ; на ихъ сторонѣ было, сверхъ того, пишетъ Шлоссеръ ¹⁾, то преимущество, что не имѣя болѣе лошадей, они были принуждены сражаться пѣшіе, а въ подобной битвѣ, влѣдствіе неблагоприятной мѣстности, турецкая конница не могла быть употреблена въ дѣло противъ тяжелой пѣхоты. Христіяне обратили въ бѣгство безпорядочныя толпы непріятели, перебили огромное число магометанъ и овладѣли турецкимъ лагеремъ, въ которомъ нашли много драгоценностей и, что еще важнѣе, изобиліе съѣстныхъ припасовъ, множество лошадей и скота.

„Блокада Антиохіи съ точки зрѣнія военнаго искусства“, пишетъ Пузыревскій ²⁾, „представляется явленіемъ въ высшей степени печальнымъ и показываетъ, что крестоносцы въ осадномъ искусствѣ не ушли дальше временъ Трои. Овладѣвъ крѣпостью, они, по безопасности и непониманію дѣла, даютъ себя окружить и запереть въ предѣлахъ крѣпостной ограда, гдѣ не было никакихъ средствъ существованія, и потребовалось величайшее напряженіе силъ и религіозное одушевленіе, чтобы спасти ихъ отъ конечной гибели“.

Изъ всего сказаннаго о борьбѣ запада съ востокомъ, т. е. рыцарской конницы съ легкою мусульманской, мы выводимъ слѣдующія заключенія.

Рыцари представляли собою въ полномъ смыслѣ слова тяжелую конницу, т. е. сидѣли на большихъ, грузныхъ лошадяхъ и сами для боя заковывались съ головы до ногъ въ желѣзо. Приучаясь съ малолѣтства къ владѣнію конемъ и холоднымъ оружіемъ и упражняясь въ этомъ всю жизнь, они дѣлались превосходными всадниками. Если прибавить, что воспитаніе рыцаря, кромѣ верховой ѣзды и владѣнія оружіемъ, направлялось къ тому, чтобы онъ былъ храбръ, а безъ этого нельзя было быть и рыцаремъ, то надо признать, что рыцари представляли собою превосходный матеріалъ для конницы. И дѣйствительно, какъ въ одиночномъ бою, такъ и атакою въ массѣ, рыцари опрокидывали все, что только рѣшалось имъ противустоять; они это знали, потому то мы и видимъ, что каждый рыцарь идетъ на 10 человѣкъ и остается побѣдителемъ. Для разсѣянія могущаго возникнуть сомнѣнія относительно одиночнаго боя, приведемъ свидѣтельство историковъ, заимствованное нами у Бранта ³⁾.

„Въ сраженіяхъ испанскихъ мавровъ усматривается совершенно другой характеръ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ ихъ африканскихъ единоплеменниковъ. Въ нихъ видно всегда множество поединковъ, съ которыми они также хорошо свыклись, какъ и христіянскіе рыцари. Большею частью однако въ такихъ поединкахъ христіяне

¹⁾ Томъ 6, стр. 412.

²⁾ Стр. 172.

³⁾ Стр. 205.

одерживали поверхность надъ своими противниками. Въ сраженіи при рѣкѣ Осмѣ, одномъ изъ кровопролитнѣйшихъ, Мустафа, полководецъ Альмансура, изъ цѣлой арміи едва могъ выбрать трехъ рыцарей, по мнѣнію его могшихъ состязаться съ однимъ кастильскимъ рыцаремъ, и мнѣніе это оказалось справедливымъ. Именно, молодой испанецъ въ полномъ вооруженіи подошедши къ мавританскому стану, вызывалъ кого нибудь изъ мусульманъ выступить съ нимъ на поединокъ. Два сарацинскихъ рыцаря, принявшихъ этотъ вызовъ, одинъ послѣ другаго лишились жизни въ бою съ испанцемъ, который съ насмѣшкою побѣдителя спросилъ присутствовавшихъ, не найдется ли третій соперникъ. Тотъ, который вызвался на бой, палъ также подъ ударами христіянина. Торжествующій побѣдитель возвратился къ своимъ, единственно для того, чтобы перемѣнить лошадь, и, подѣхавъ опять къ стану невѣрныхъ, продолжалъ начатую шутку. Бранный конь его былъ покрытъ кожею хищнаго звѣря, котораго лапы, связанные въ узелъ, блестя какъ золото, висѣли на груди лошади. Между тѣмъ Альмансуръ запретилъ своимъ воинамъ принимать дальнѣйшіе вызовы, но, когда полководецъ его, храбрый Мустафа, спросилъ позволенія сразиться съ гяуромъ, то государь сдѣлалъ для него исключеніе. Мустафа поскакалъ христіянину на встрѣчу, и на вопросъ, какого онъ роду и племени между мусульманами, поднялъ мечъ и пику и отвѣчалъ: „Nada ginsi, hada nasbi „вотъ мой родъ, а вотъ мое племя“). Послѣ того оба рыцаря сражались съ великимъ искусствомъ, пока наконецъ Мустафа, во время поворота лошади своего противника, не пронзилъ его и не выбросилъ изъ сѣдла. „Ричардъ Львиное сердце ходилъ на цѣлую толпу; но здѣсь, разумѣется, первую роль играло не столько искусство его, сколько нравственная сила и величайшая отвага, которая совершенно озадачивала и наводила панику на мусульманъ.

Мы разобрали нѣсколько сраженій, удачныхъ и неудачныхъ для крестоносцевъ, и ни въ одномъ изъ нихъ ни видѣли, чтобы мусульмане выдержали атаку рыцарей. Такъ было сначала до конца крестовыхъ походовъ. Рыцари своей тактики не мѣняли, измѣнили, только отчасти вооруженіе, и то не предохранительное, а взяли луки для дѣйствія въ нѣшемъ строю.

Не смотря на все это, рыцарская конница оказалась несостоятельною въ борьбѣ съ восточными народами. Пока рыцари дѣйствовали въ Европѣ, дѣлали непродолжительные походы по сторонамъ населеннымъ и богатымъ, пока сталкивались съ такою же рыцарскою конницею европейскихъ народовъ, до тѣхъ поръ недостатки рыцарской конницы не ощущались. Но, когда, пройдя черезъ всю Европу, она попала въ малонаселенную страну, подъ палящее солнце Сиріи и Палестины, и въ такомъ огромномъ составѣ коней, какого прежде никогда не встрѣчалось, да въ добавокъ имѣя противъ себя такого врага, который былъ несравненно болѣе способенъ къ дѣлу малой войны: тутъ европейская конница очутилась въ такомъ положеніи, какого никто не ожидалъ. Тучныя лошади, не при-

выкшія къ палящему зною, и нося громадную тяжесть закованнаго съ головы до ногъ рыцаря, при скудости корма, изнемогали и падали какъ мухи, такъ что въ первый же годъ войны большая часть конницы Готфрида осталась безъ лошадей и должна была послѣ удачнаго Дорилейскаго сраженія пополниться турецкими лошадьми, но многіе рыцари, не имѣя коней, должны были идти пѣшкомъ или ѣхали на ослахъ и быкахъ.

Подъ Антиохію съ Готфридомъ пришло 60 тысячъ конницы, а черезъ три мѣсяца, какъ уже было упомянуто, изъ нихъ осталось съ конями только 2000.

На сколько изнемогали лошади, настолько же и рыцари подъ своимъ тяжелымъ вооруженіемъ, особенно, если имъ приходилось дѣйствовать въ пѣшемъ строю. Замѣчательно, что, по мѣрѣ усовершенствованія выдѣлки оружія, оно не облегчалось, а, по причинѣ разныхъ затѣй, все утяжелялось и утяжелялось. Но, кромѣ латъ, какъ извѣстно, рыцарь носилъ кожаный кафтанъ, ватную безрукавку и множество разныхъ принадлежностей.

Такимъ образомъ оказалось, что рыцарская конница была тяжела, маловынослива, по этимъ причинамъ неспособна къ дѣйствіямъ малой войны и широкому развѣдыванію; а слѣдовательно, и не могла принести той пользы, которая лежитъ на конницѣ въ отношеніи къ арміи на театрѣ войны. Мусульмане скоро поняли сильныя и слабыя стороны рыцарской конницы. При первыхъ встрѣчахъ съ нею, въ началѣ крестовыхъ походовъ, они всегда были биты твердымъ строемъ рыцарей и, чтобы увеличить устойчивость своего подвижнаго строя и дать ему силу напора, они старались увеличить глубину строя; но обыкновенно этимъ только ослабляли себя: массы дѣлались неповоротливы и теряли всѣ выгоды своей природной тактики. Тогда мусульмане убѣдились, что имъ невозможно выдержать натискъ рыцарей, и потому, употребляя все упорство и терпѣніе, которыми обладаютъ жители востока, они перешли къ своему природному образу боя, столь свойственному иррегулярнымъ конницамъ, и единственно который даетъ имъ возможность противустоять ударамъ европейской конницы. Они стали отступать передъ рыцарями, имѣя впереди себя массу наѣздниковъ, которые, при всякомъ напорѣ рыцарей, разступались въ стороны, сосредоточивались на флангахъ и поражали рыцарей и ихъ лошадей стрѣлами издали. Чѣмъ наступленіе рыцарей было стремительнѣе, тѣмъ отступленіе мусульманской конницы было еще быстрѣе, пока, наконецъ, тяжелыя лошади крестоносцевъ и ихъ всадники, истощивъ силы, приходили въ изнеможеніе. Тогда мусульманская конница переходила въ наступленіе и, пользуясь всегдашнимъ превосходствомъ силъ, окружала врага со всѣхъ сторонъ и насѣдала на него, какъ на лежачаго. Такимъ образомъ, какъ описано было, Саладинъ совершенно уничтожилъ армію крестоносцевъ подъ Гиттиномъ.

Легкія лошади и вооруженіе, совершенно соотвѣтствовавшія климату и обстоятельствамъ, давали мусульманамъ неоспоримый перевѣсъ въ малой войнѣ, раз-

вѣдываніи и дѣйствіяхъ на сообщенія. Что могъ позволить себѣ мусульманскій легкій всадникъ, на что онъ смѣло рѣшался, то не могъ себѣ позволить тяжелый рыцарь.

Рыцари были озадачены подобными дѣйствіями мусульманской конницы. Увѣренные въ томъ, что каждая ихъ атака въ состояніи разорвать и даже истребить противника, они гнушались постояннымъ бѣгствомъ своихъ враговъ, тѣмъ болѣе, что такое избѣганіе боя, по ихъ понятіямъ, было совершенно противно кореннымъ правиламъ чести. „Вы должны драться съ нами по рыцарски, нападать на насъ съ мечемъ въ рукѣ, а не засыпать стрѣлами; поступать такъ нечестно“, говорили рыцари своимъ противникамъ ¹⁾. Но мусульмане, тѣмъ не менѣе продолжали поступать нечестно и находили, что это очень для нихъ выгодно.

Къ особенностямъ мусульманской конницы, какъ вообще всякой иррегулярной, каковы были древнія нумидійская, парѣянская, гуннская, скиѣская, новоперсидская и пр., надо отнести еще то, что у нихъ не было постоянного порядка строя. Каждый всадникъ зналъ, что онъ находится подъ начальствомъ такого-то, а въ какомъ ряду или шеренгѣ безразлично. Въ случаѣ атаки или отступленія каждый всадникъ слѣдовалъ за ближайшимъ начальникомъ, какъ пчелы за маткой. Такой порядокъ, разумѣется, не былъ такъ устойчивъ, какъ регулярный, быстро приходилъ въ разстройство; но вслѣдствіе постоянной привычки, легкости и находчивости всадниковъ быстро самъ собою восстанавливался во время свободнаго бѣгства, которому рыцари помѣшать обыкновенно не могли. Случалось такъ, что армія въ одинъ день исчезнувшая безъ вѣсти, являлась черезъ нѣсколько часовъ въ томъ же самомъ какъ прежде устройствѣ, съ тою же самоувѣренностью и надеждою на успѣхъ. Такъ было послѣ сраженія при Арсурѣ.

Сравнивая вообще состояніе военнаго искусства въ Европѣ и на востокѣ, въ смыслѣ возможности такого предпріятія какъ завоеваніе Палестины, мы должны придти къ тому заключенію, что предпріятіе это, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, едва ли было осуществимо. Главнѣйшая причина неудачи крестовыхъ походовъ происходила изъ самаго состава феодальнаго общества, его духа, его гражданскаго и военнаго устройства. Феодальная система явила разнь въ государствѣ, отстранила низшее, многочисленнѣйшее сословіе отъ военной службы, исключая денежныхъ повинностей. Если оно и участвовало въ качествѣ слугъ рыцарей и наемниковъ, или наконецъ добровольцевъ по общему призыву всѣхъ христіанъ для освобожденія гроба Господня, то во всякомъ случаѣ приносило мало пользы. Не обученныя, недисциплинированныя толпы, не имѣвшія никакихъ средствъ содержать себя, онѣ были скорѣй бременемъ для дѣла. Такимъ образомъ вся тяжесть

¹⁾ Взято у Пузыревскаго, стр. 113.

войны ложилась главнымъ образомъ на рыцарей, о недостаткахъ которыхъ мы уже говорили.

„Въ веденіи крестоносцами войны вообще не видно ни искусно соображенной цѣли, ни единства, связи и правильности въ дѣйствіяхъ, словомъ ни малѣйшихъ слѣдовъ искусства. Увѣренные въ успѣхъ войны, предпринятой по волѣ Божіей, неустроенныя толпы крестоносцевъ, шли на освобожденіе Святой Земли, какъ на легкое предпріятіе, съ удивительною безопасностью, не заботясь ни о чемъ, что было необходимо для обезпеченія успѣха“.

Недостатокъ въ продовольствіи былъ причиною, что крестовые войска уже на пути въ Палестину цѣлыми толпами умирали отъ голода, или, принужденныя содержать себя грабежемъ, были истребляемы жителями, и такимъ образомъ никогда не достигали Палестины въ томъ числѣ, въ которомъ отправлялись. Множество предпріятій крестоносцевъ не удалось отъ недостатка въ продовольствіи.

Въ санитарномъ отношеніи много помогали монахи, слѣдовавшіе за войсками, принимая на себя попеченіе о больныхъ и раненыхъ и исполняя роль медиковъ. Въ Иерусалимѣ, какъ извѣстно, устроился госпиталь при духовно-рыцарскомъ ордень іоаннитовъ, въ которомъ часть братіи пеклось о больныхъ. Но и тутъ высказалась между крестоносцами племенная рознь. Въ упомянутый госпиталь, напри- мѣръ, нѣмцевъ не принимали, такъ какъ орденъ былъ французскій. Это обстоятельство повліяло на учрежденіе въ Палестинѣ нѣмецкаго или тевтонскаго ордена.

Въ тактическомъ отношеніи на каждомъ шагѣ ощущался недостатокъ въ хорошей пѣхотѣ. Мы уже говорили, что рыцари очень часто принуждены были прибѣгать къ пѣшему бою и даже вооружались луками. Самъ Готфридъ Бульонскій подъ Никеею стрѣлялъ изъ лука и очень удачно.

„Необходимо замѣтить“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, что во время крестовыхъ походовъ съ особою силою обнаружались недостатки феодальныхъ войскъ; въ особенности отсутствіе въ составѣ ихъ хорошей пѣхоты, когда рыцари, теряя большую часть лошадей, не могли противопоставить сарацинамъ своего обыкновеннаго порядка, и азійскіе всадники не только засыпали рыцарей тучами стрѣлъ, но и дѣйствовали противъ нихъ пиками по ихъ способу. Стало понятно, что стрѣлки, вооруженные луками, могли бы принести большую пользу рыцарямъ, а эти послѣдніе тоже защищать ихъ въ необходимыхъ случаяхъ и извлекать выгоды изъ достигнутыхъ ими успѣховъ. Такимъ образомъ сама практика, тяжелая нужда указали на ту тѣсную связь, которая должна существовать между пѣхотою и кавалеріею, тогда какъ цѣлыя столѣтія эти роды оружія не имѣли между собою ничего общаго“.

¹⁾ Стр. 113.

Припомнимъ изъ предыдущей части нашей исторіи, какъ объ этой взаимной связи между конницею и пѣхотою заботились великіе полководцы древности Александръ Македонскій, Аннибаль, Сципіонъ и, особенно, Юлій Цезарь. Въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ крестовыхъ походовъ, особенно при Дорилеѣ и Аскалонѣ, встрѣчаются благоразумныя распоряженія, даже примѣненныя къ мѣстности, въ большинствѣ же битвъ видѣнъ лобовой ударъ въ полной увѣренности, что мусульмане не устоятъ, или устройство при этомъ засады.

Столь же мало искусны крестоносцы были въ дѣлѣ осады и обороны крѣпостей, вслѣдствіе чего эти операціи стоили имъ всегда много времени и большой потери въ людяхъ.

Военное устройство у сарацинъ во многихъ отношеніяхъ стояло выше сравнительно съ европейцами. Оно, въ противоположность феодальному, основано было на однородности состава. Турки народъ былъ военный, каждый способный носить оружіе былъ воинъ, и только впоследствии военная повинность начала видоизмѣняться по мѣрѣ того, какъ народъ сталъ привыкать къ осѣдлости. Этимъ объясняется то, что всѣ восточные народы могли выставять противъ европейцевъ громадныя арміи. „Въ образѣ веденія войны сарацинами“, говоритъ кн. Голицынъ ¹⁾. замѣтна черта, общая имъ съ восточными народами всѣхъ временъ, именно стремленіе одолѣть, подавить противника числительнымъ превосходствомъ силъ. Стремленіе это было ничтожно въ древнія времена противъ слабѣйшихъ числомъ, но тактически превосходно устроенныхъ греческихъ и римскихъ войскъ. Противъ плохо устроенныхъ же феодальныхъ дружинъ оно почти всегда имѣло успѣхъ, тѣмъ болѣе тогда, когда сарацины начали уклоняться отъ боя съ рыцарями и вести малую войну.

Подобно тому какъ и въ Европѣ, главное оружіе у восточныхъ народовъ составляла конница, что было весьма естественно у кочующихъ народовъ, при благоприятныхъ условіяхъ для коневодства и въ полной связи съ ихъ образомъ жизни. Но конница эта была легкая, соответствовавшая климату и вполне способная къ разнообразнымъ операціямъ на театрѣ войны.

Подобно же тому, какъ и въ феодальныхъ арміяхъ, ощущался недостатокъ въ пѣхотѣ, но не смотря на это и въ осадахъ крѣпостей сарацины оказались выше рыцарей, такъ какъ они многое заимствовали отъ грековъ. Сарацинамъ извѣстно было употребленіе зажигательныхъ составовъ, греческаго огня и даже орудій для метанія ихъ.

Боевые порядки у восточныхъ народовъ замѣчательны тѣмъ, говоритъ Пузыревскій ²⁾, что въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ идея резерва; это одно уже по-

¹⁾ Воен. исторія среднихъ временъ, стр. 108.

²⁾ Стр. 143.

казываетъ на сколько тактическое искусство было выше у азіятскихъ народовъ, сравнительно съ состояніемъ его у ихъ европейскихъ современниковъ“.

Если прибавить къ этому настойчивость и повиновеніе, свойственныя восточнымъ народамъ, то легко усмотрѣть, что полководцамъ ихъ несравненно легче было управлять арміями и примѣнять свои таланты къ достиженію цѣли. У мусульманъ немислимъ былъ такой фактъ, чтобы воины указывали полководцу, куда идти и что дѣлать, какъ случилось съ Ричардомъ Львиное Сердце, котораго крестоносцы заставили идти осаждать Іерусалимъ, когда благопріятное время для этого было упущено и когда Ричардъ ясно сознавалъ невозможность такой операціи. Кончилось тѣмъ, что крестоносцы потерпѣли полную неудачу.

Сопоставляя все сказанное, легко понять, почему Европа, предпринимая въ теченіи двухсотъ лѣтъ множество походовъ, потерявъ до 7 милліоновъ людей и употребивъ несмѣтныя издержки для освобожденія Св. Земли, не только не достигла своей цѣли, но даже не удержала въ своей власти ни одного города.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

**б) Упадокъ феодализма. Введеніе первой регулярной
конницы.**

Глава 9-я.

Послѣдствія крестовыхъ походовъ. Упадокъ феодализма. Рядъ пораженій феодальныхъ армій въ XIV и XV столѣтіяхъ. Сраженія при Куртре и Моргатенѣ. Причины неудачъ въ прочихъ столкновенияхъ рыцарей съ швейцарцами. Разгромъ ими Карла Смѣлаго.

Крестовые походы не могли не оказать вліянія на гражданское и политическое состояніе западно-европейскихъ народовъ. Соединенные въ первый разъ одною общою цѣлью, они завели между собою первыя правильныя политическія и торговыя сношенія; распространили кругъ своихъ познаній, и, познакомившись съ науками и художествами, все еще процвѣтавшими въ византійской имперіи и между аравитянами, начали переселять ихъ на свою родину. Отъ того возникли между ними новыя понятія и новый, свободный образъ мыслей; грубое суевѣріе начало исчезать, вѣрованіе въ непогрѣшимость и духовное единоедержавіе пасть поколебалось. Въ то же время богатство, приобрѣтенное городами сѣверной Италіи отъ мореплаванія и торговли съ востокомъ и перешедшее отъ нихъ въ города другихъ государствъ, содѣйствовало развитію гражданственности въ Европѣ. Вообще въ матеріальномъ отношеніи отъ крестовыхъ походовъ выиграли прежде всего города; феодальное дворянство напротивъ, на половину если не болѣе, утратило своего благосостоянія. Многіе феодальные владѣльцы и рыцари пали, многіе, отправляясь въ походъ, за безцѣнокъ продали свои имѣнья и вернулись нищими; и въ то время, какъ вѣра въ необходимость феодальныхъ ополченій, послѣ неудачъ въ крестовыхъ походахъ, ослабѣвала, городскія общины устройствомъ комуніальныхъ войскъ все болѣе и болѣе подымали свое значеніе.

Мы уже упоминали, что города заводили войска главнымъ образомъ для защиты себя отъ феодальныхъ владѣльцевъ и рыцарей, которые, вопреки обѣту при посвященіи защищать невинность и слабость, нерѣдко дѣлались злѣйшими ихъ притѣснителями. Въ то же время романтическія понятія о любви и преданности къ дамамъ и страсть къ воинскимъ приключеніямъ подали поводъ къ странному, нерѣдко смѣшному явленію, такъ называемыхъ, странствующихъ рыцарей (*fahrende Ritter, chevaliers errants*), которые, въ угожденіе прихотямъ своихъ дамъ, или для распространенія славы ихъ красоты и добродѣтели, разъѣзжали по бѣлому свѣту, сражаясь со всякимъ, кто не согласится съ ихъ мнѣніемъ. Послѣ крестовыхъ походовъ явились еще нищенствующіе рыцари (*bettelende Ritter*), которые, кромѣ славы и воинскихъ подвиговъ, искали пропитанія, посѣщая замки, монастыри и гостинницы и живя на счетъ хозяевъ, пока только можно.

Все это весьма подрывало уваженіе къ рыцарству. Крестовые походы, какъ замѣчено, подорвали вѣру въ достоинства феодальныхъ армій, главнымъ образомъ не вслѣдствіе недостатковъ рыцарской конницы, но вслѣдствіе отсутствія дисципли-

лины и порядка. Правительства не могли располагать феодальными ополченіями во всякое время, приходилось ожидать сбора и прибытія ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговъ на вознагражденіе за службу и убытки. Мы уже описывали въ одной изъ предыдущихъ главъ, что правительства стали по примѣру городовъ заводить наемныя банды, изъ которыхъ въ описываемое время чаще другихъ упоминаются брабансоны, рутьеры, котеро, кондотьеры и генуэзскіе стрѣлки. Всѣ они вмѣстѣ съ ленными ополченіями и комуніальными милиціями представляли неустроенныя, плохо содержимыя и мало дисциплинированныя толпы. Много надо было умѣнья, чтобы ихъ держать въ рукахъ и руководить ими въ бою. Во всякомъ случаѣ ядро арміи по прежнему составляли феодальныя войска и во главѣ ихъ конница, состоявшая изъ феодальнаго, а частью изъ наемнаго дворянства. Контингентами для послѣдняго служили главнымъ образомъ обѣднѣвшіе рыцари.

Исключеніе въ отношеніи устройства и достоинства войскъ въ описываемое время составляютъ Англія и Швейцарія. Этимъ двумъ странамъ въ силу обстоятельствъ пришлось выдвинуть пѣхоту изъ ничтожества, въ которомъ этотъ родъ оружія находился во время крестовыхъ походовъ и существенно повліять на тогдашнее военное дѣло.

Рядъ столкновеній феодальныхъ армій въ теченіи XIV и XV столѣтій съ фландрцами, швейцарцами, столѣтняя война между Франціей и Англіей; а вѣдѣ за тѣмъ еще гусситская война цѣлымъ рядомъ погромовъ потрясли всю феодальную систему, доказали несостоятельность тогдашнихъ армій, главную силу которыхъ составляла конница, и рыцарства какъ исключительнаго военнаго сословія.

Не останавливаясь на послѣдовательномъ описаніи этихъ войнъ, постараемся разобрать только тѣ столкновенія, которыя имѣютъ наибольшій интересъ въ отношеніи дѣйствій конницы, какъ въ смыслѣ удачнаго, такъ и не соответственнаго свойствамъ этого рода оружія ея употребленія.

Сраженіе при Куртре 11 Іюля 1302.

Въ войнѣ возникшей въ 1291 году между Франціей и Англіей графъ Фландрскій принялъ сторону Англіи. Филиппъ IV, король французскій, двинулся во Фландрію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ фландрскія войска и, пользуясь нѣсколько разъ отсутствіемъ короля англійскаго Эдуарда I, котораго отвлекали шотландскія дѣла, овладѣлъ нѣсколькими городами. Потомъ коварнымъ образомъ захватилъ графа Фландрскаго съ дочерью, объявилъ Франдрію вымороченнымъ леномъ и присоединилъ его къ коронѣ Франціи. Но французскіе чиновники и солдаты такъ нагло обращались съ непривыкшимъ къ притѣсненіямъ богатымъ и многочисленнымъ населеніемъ, что въ 1302 году вся Фландрія поголовно возстала противъ иноземнаго владычества.

Сынъ графа фландрскаго Гвидо Дампьерръ, предводительствуя войсками городскихъ общинъ, къ которымъ присоединилось фландрское дворянство, всего въ числѣ 15 тысячъ, овладѣлъ городомъ Куртре, обложилъ цитадель, занятую французскимъ гарнизономъ, и двинулся было на освобожденіе Касселя. Но узнавъ, что двоюродный братъ французскаго короля, графъ Роберъ д'Артуа, вторгнулся во Фландрію съ арміею, состоявшею изъ 7500 человекъ рыцарской конницы, 10 тысячъ лучниковъ и 30 тысячъ пѣхоты. Вслѣдствіе этого онъ отошелъ къ Куртре, соединился тамъ съ Вильгельмомъ, графомъ Юлихскимъ и расположился на открытой равнинѣ впереди города, имѣя передъ фронтомъ не широкій, но глубокій ручей Гренингъ, незамѣтный издали. Лѣвый флангъ позиціи прикрывался рѣкою Лисъ, а правый ручьемъ, соединявшимъ Гренингъ съ городскимъ бассейномъ.

Величайшее мужество одушевляло малочисленное войско фландрцевъ. Рыцари спѣшились, чтобы предводительствовать частями милиціи и наравнѣ съ простыми воинами раздѣлять опасность. Войско выстроилось къ бою въ видѣ густыхъ колоннъ или фалангъ, отступя нѣсколько отъ ручья, впереди разсыпались лучники и арбалетчики, въ резервъ былъ отдѣленъ отрядъ подъ начальствомъ Іоанна де Ренесса; кромѣ того, для наблюденія за цитаделью оставленъ былъ отрядъ изъ 1200 человекъ. Французы подошли къ позиціи противъ гренингской равнины и начали развертывать свои силы около 6 часовъ утра 11 іюля. Силы эти были раздѣлены на 10 частей или баталій и, такъ какъ мѣстность была узка, пришлось эти баталіи построить въ три линіи; впереди разсыпаны были арбалетчики и лучники; въ арьергардъ, которымъ командовалъ гр. С. Поль, назначено было 200 всадниковъ и французская пѣхота. Такъ какъ ручей оказался непроходимъ, то рѣшено было сдѣлать по возможности скрытный обходъ, чему способствовалъ туманъ. Отыскано было удобное мѣсто для перехода черезъ Гренингъ, и баталіи первой линіи начали обходить правый флангъ фламандцевъ и развертываться фронтомъ къ соединительному ручью.

Пѣхота авангарда французовъ, бывшаго подъ начальствомъ Іоанна Бюрласкаго, выбравшись на сухое мѣсто, вмѣсто того, чтобы быстро наступать и дать мѣсто другимъ войскамъ, завязала перестрѣлку, подъ прикрытіемъ которой фландрцы успѣли перемѣнить фронтъ вдоль дороги въ Гентъ. Французская конница, двигавшаяся за авангардомъ, не нашла себѣ достаточно мѣста для развертыванія и, чѣмъ больше ее прибывало, тѣмъ болѣе она стѣснялась.

Видя, что время уходитъ, графъ д'Артуа приказалъ стрѣлкамъ очистить мѣсто и пропустить впередъ конницу, но по тѣснотѣ мѣста это сдѣлать было не легко. Отступавшая пѣхота противъ среднихъ отрядовъ конницы, которые попали на болѣе твердую почву, мѣшала двигаться; а боковые отряды, выстроившіеся по флангамъ, должны были двигаться по болотистому грунту; лошади вязли, падали, и та-

кимъ образомъ время прошло до 9 часовъ утра, пока наконецъ конница, устроившись, пошла въ атаку.

Первая линія подъ начальствомъ Рауля де Неля, перейдя ручей въ числѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ коней, бросилась на фламандцевъ; но передъ самымъ фронтомъ ихъ наткнулась на ровъ, окаймлявшій дорогу. Завязалась упорная схватка изъ за перехода черезъ ровъ, причемъ множество знатныхъ французскихъ рыцарей, а въ томъ числѣ и Рауль де Нель, пали. Часть конницы подъ начальствомъ брата Неля прорвала центръ непріятельской линіи, но подоспѣвшій резервъ Ренесса остановилъ французскихъ рыцарей. Такимъ образомъ первая атака французской конницы была отбита.

Вторую атаку французской конницы Пузыревскій описываетъ такъ ¹⁾:

„До сихъ поръ еще не замѣчалось особеннаго безпорядка во французской арміи, но заднія баталіи, видя бой и горя желаніемъ поскорѣе сразиться со врагомъ и раздѣлить лавры побѣды съ передовыми сотоварицами, стали тѣсниться впередъ, обгоняя одна другую. При этомъ безпорядочномъ движеніи имъ приходилось проходить по той же болотистой мѣстности, о которой упомянуто выше; кромѣ того, часть отброшенныхъ баталій налетѣла на двигавшихся впередъ, что еще болѣе содѣйствовало разстройству французской конницы. Въ концѣ концовъ, въ первой линіи очутились баталіи д'Артуа, брабантская и нормандская. Атака была поведена этими частями съ такимъ же пыломъ, какъ и первая; но фламандскіе милиціонеры уже были воодушевлены первымъ своимъ успѣхомъ, а потому, вообще говоря, встрѣтили противника съ полнымъ хладнокровіемъ и не страшились сами броситься со своими годендагами ²⁾ на непріятельскихъ всадниковъ. Не смотря на это, центръ фламандцевъ находился въ опасности. Маршалъ де Нель, хотя отбитый резервомъ, еще держался, и къ нему на помощь успѣли подойти брабантцы; произведенная послѣдними атака была такъ стремительна, что самъ Вильгельмъ де Жюльеръ и знаменосецъ были опрокинуты; къ счастью для фламандцевъ численность атакующихъ была незначительна, такъ что подоспѣвшіе на выручку товарищей пикинеры могли справиться съ непріятелемъ и даже покончить съ самимъ французскимъ маршаломъ. На лѣвомъ флангѣ фламандцевъ борьба была также упорна. Правда, стремительная атака нормандцевъ произвела такое впечатлѣніе на милиціонеровъ, что часть ихъ разбѣжалась, но оставшіеся (контингентъ города Гента) съ неустрашимымъ мужествомъ, не смотря на свою малочисленность, отбили атаку противника. Наконецъ сюда подоспѣлъ резервъ де Ренесса и успѣшно атаковалъ нормандцевъ съ прибывшими къ нимъ подкрѣпле-

¹⁾ Исторія воен. искусства въ средніе вѣка. Часть II, стр. 24.

²⁾ Годендагъ (Goedendag)—толстая палка, верхняя желѣзная оправа которой образовала шаръ и затѣмъ оканчивалось желѣзнымъ наконечникомъ въ видѣ книжала. Это оружіе могло быть употреблено какъ пика и какъ булава.

ніями. О ходѣ дѣла на правомъ флангѣ фламандцевъ не имѣется достаточныхъ свѣденій, но онъ былъ благопріятенъ для нихъ и на этомъ пунктѣ“.

Между тѣмъ гарнизонъ цитадели сдѣлалъ вылазку и, хотя она была отражена, но у графа д'Артуа, кромѣ французской пѣхоты, оставалось нетронутыми еще три баталіи конницы. Разгоряченный графъ, вмѣсто того, чтобы очистить мѣсто и выждать прибытія новыхъ силъ, собралъ свою баталію, которая только что была отбита и самъ бросился въ атаку. Какъ ни смѣло бросились рыцари, но эта атака остатка опрокинутой баталіи была жидка, а свѣжія баталіи не подоспѣли.

Отбивъ эту третью атаку, фламандцы перешли въ наступленіе. Французамъ приходилось отступать по тому же дефиле, по которому совершенъ былъ обходъ позиціи фламандцевъ. Такъ какъ черезъ дефиле еще двигались заднія баталіи и пѣхота, то здѣсь произошло ужасное столпеніе. Французы вязли въ болотѣ, многіе, пытаясь перейти ручей, въ немъ гибли, или, преслѣдуемые разсвирѣпѣвшимъ побѣдителемъ, давили другъ друга. Фламандцы одержали полную побѣду: одной французской конницы погибло до 4000, а вмѣстѣ съ нею цвѣтъ французскаго дворянства; пѣхота почти вся была изрублена или потоплена; графъ д'Артуа и множество именитыхъ вельможъ пали въ послѣдней атакѣ, успѣли спастись только герцогъ бургундскій и графъ Сень Поль.

Главная причина катастрофы, разумѣется, самъ графъ д'Артуа, который, будучи ослѣпленъ презрѣніемъ къ врагу, не разъ имъ побѣжденному, не только не послушалъ благоразумнаго совѣта Рауля де Нель; но даже оскорбилъ его. Рауль совѣтовалъ, въ виду мѣстныхъ неудобствъ для дѣйствій конницы, двинуть въ обходъ всю пѣхоту, чтобы угрожать сообщеніямъ непріятеля съ городомъ. Этимъ самымъ онъ рассчитывалъ заставить фламандцевъ отойти отъ ручья и облегчить для конницы переходъ черезъ него. Излишняя горячность графа д'Артуа, тѣснота и топкость мѣстности, приказаніе пѣхотѣ выйти изъ боевой линіи и дать мѣсто конницѣ—все это на первыхъ же порахъ привело французскую армію въ безпорядокъ; отсутствіе порядка и дисциплины, выразившееся въ томъ, что задніе отряды, изъ желанія отличиться, самовольно двигались впередъ, еще болѣе ее разстроило. Но, спрашивается, воновата ли рыцарская конница, какъ родъ оружія, въ пораженіи? По нашему мнѣнію нѣтъ! Она сначала до конца исполняла храбро и энергично то, что ей приказано было. Конницѣ французовъ, безъ помощи своей пѣхоты, которая была отозвана, пришлось переходить ручей и развертываться подъ выстрѣлами непріятельской пѣхоты, потомъ атаковать эту пѣхоту въ безопасной позиціи за рвомъ. Чѣмъ энергичнѣе, чѣмъ стремительнѣе была атака частей конницы, тѣмъ хуже, потому что тѣмъ вредоноснѣе для нее былъ оврагъ, за которымъ укрылась пѣхота. Не смотря, однако жъ и на это, какъ упомянуто было, часть конницы преодолѣла препятствіе и два раза прорывала непріятельскій боевой порядокъ. Но она была всякій разъ слишкомъ слаба, такъ какъ перехо-

дила ручей по частямъ, и не могла быть своевременно поддержана. Слѣдовательно кавалерія дѣлала, что могла, а терпѣла неудачу и погибла по причинѣ безобразнаго и неотвѣтствующаго этому роду оружія употребленія.

Но ударъ былъ нанесенъ феодальной аристократіи. Армія, въ которой участвовали цвѣтъ французскаго дворянства, разбита на голову городскими милиціями, состоявшими изъ презрѣнной пѣхоты!

Сраженіе при Моргартенѣ 16 ноября 1315 года.

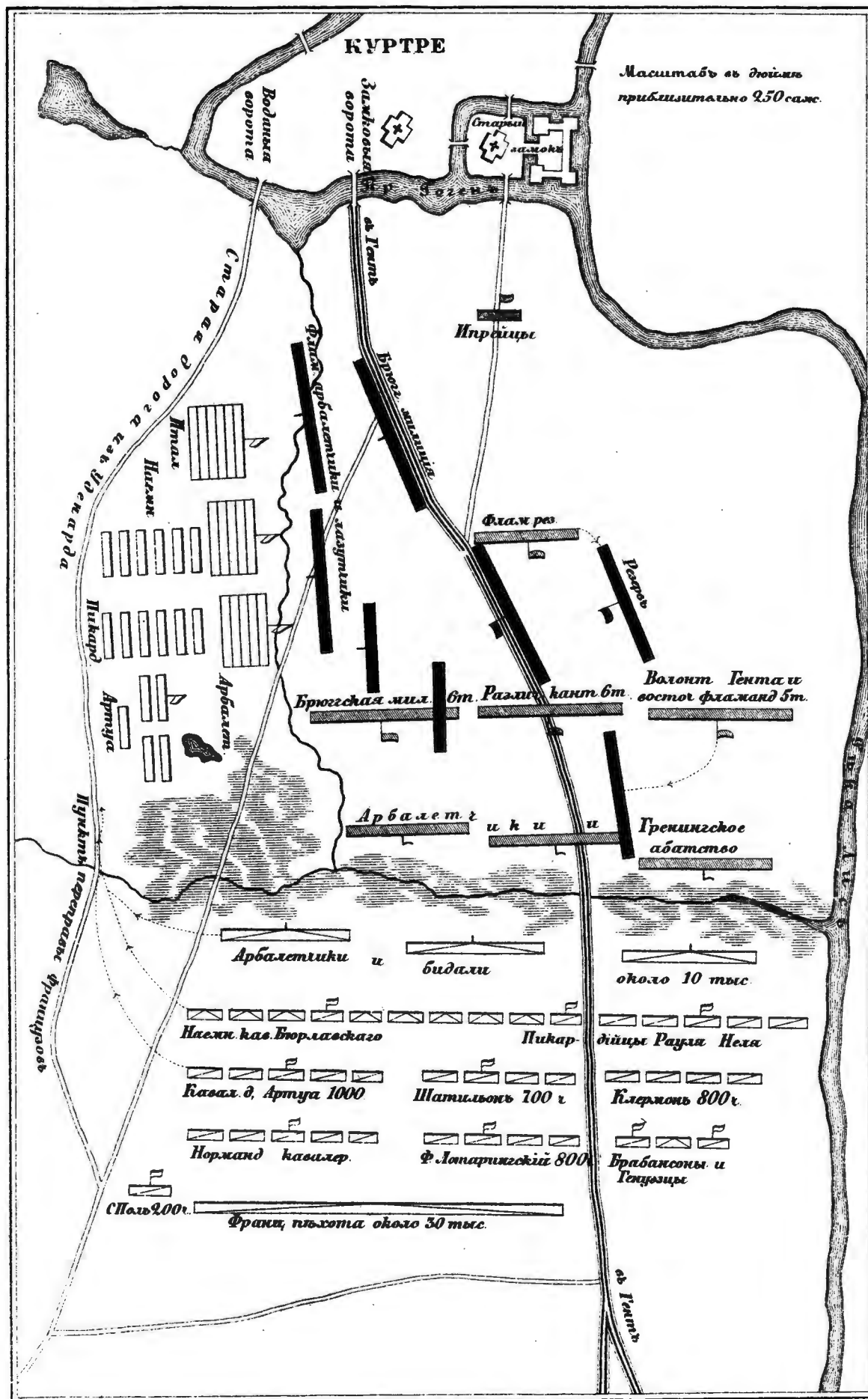
Такіе же удары были нанесены швейцарцами германскому рыцарству. Швейцарскіе кантоны, во время спора между Людовикомъ баварскимъ и Фридрихомъ австрійскимъ, признали императоромъ Людовика, принявшаго ихъ подъ свою защиту противъ австрійцевъ. Фридрихъ рѣшился силою подчинить себѣ гордыхъ пастуховъ и крестьянъ, и въ этомъ ему съ радостью готово было помогать рыцарство южной Швабіи, точившее зубы на швейцарцевъ. Огромному сравнительно феодальному войску, бывшему подъ предводительствомъ герцога Леопольда, швейцарцы могли противопоставить только 1300 человекъ изъ ополчившагося городского и сельскаго населенія, но проникнутаго любовью къ родинѣ и воинственнымъ духомъ, развившимся подъ вліяніемъ частыхъ возстаній и борьбы за независимость. Конницы у швейцарцевъ было крайне ограниченное число. Она состояла, по увѣренію Гойера ¹⁾, изъ конныхъ лучниковъ (Ringer Pferde) и служила только для развѣдыванія, охраненія и сообщеній между частями войскъ. Австрійскіе рыцари, вѣроятно, остались бы побѣдителями, если-бы приняли въ соображеніе мѣстные условія, а не явились вооруженными, какъ на турниръ въ страну, гдѣ едва можно было употребить выючныхъ лошадей. Леопольдъ собралъ свою армію при Штейнѣ у Бадена и рѣшился произвести вторженіе по тремъ направленіямъ: главная колонна, состоявшая изъ 4000 кавалеріи, 400 коронованныхъ шлемовъ (высшаго дворянства) и 8 тысячъ пѣхоты, направлена была черезъ Цугъ; а двѣ колонны, одна въ 1300 человекъ, другая въ 4000, подъ начальствомъ графа Страсбургскаго назначены были для демонстративныхъ дѣйствій отъ Люцерна и Бриенца къ Унтервальдену.

Швейцарцы развѣдавъ, что нападенія главной колонны австрійцевъ надо ожидать со стороны Моргартена, сосредоточили силы свои въ числѣ 1300 человекъ у Заттеля; 200 человекъ должны были защищать Артъ, и нѣсколько небольшихъ отрядовъ изъерна заняли проходъ у Ротентурма. Въ то-же время 50 изгнанниковъ за разныя преступленія изъ кантона Швицъ пришли предложить свои услуги для защиты родины, но, получивъ отказъ, заняли высоту въ полчаса въ разстояніи впереди и рѣшились дѣйствовать отдѣльно.

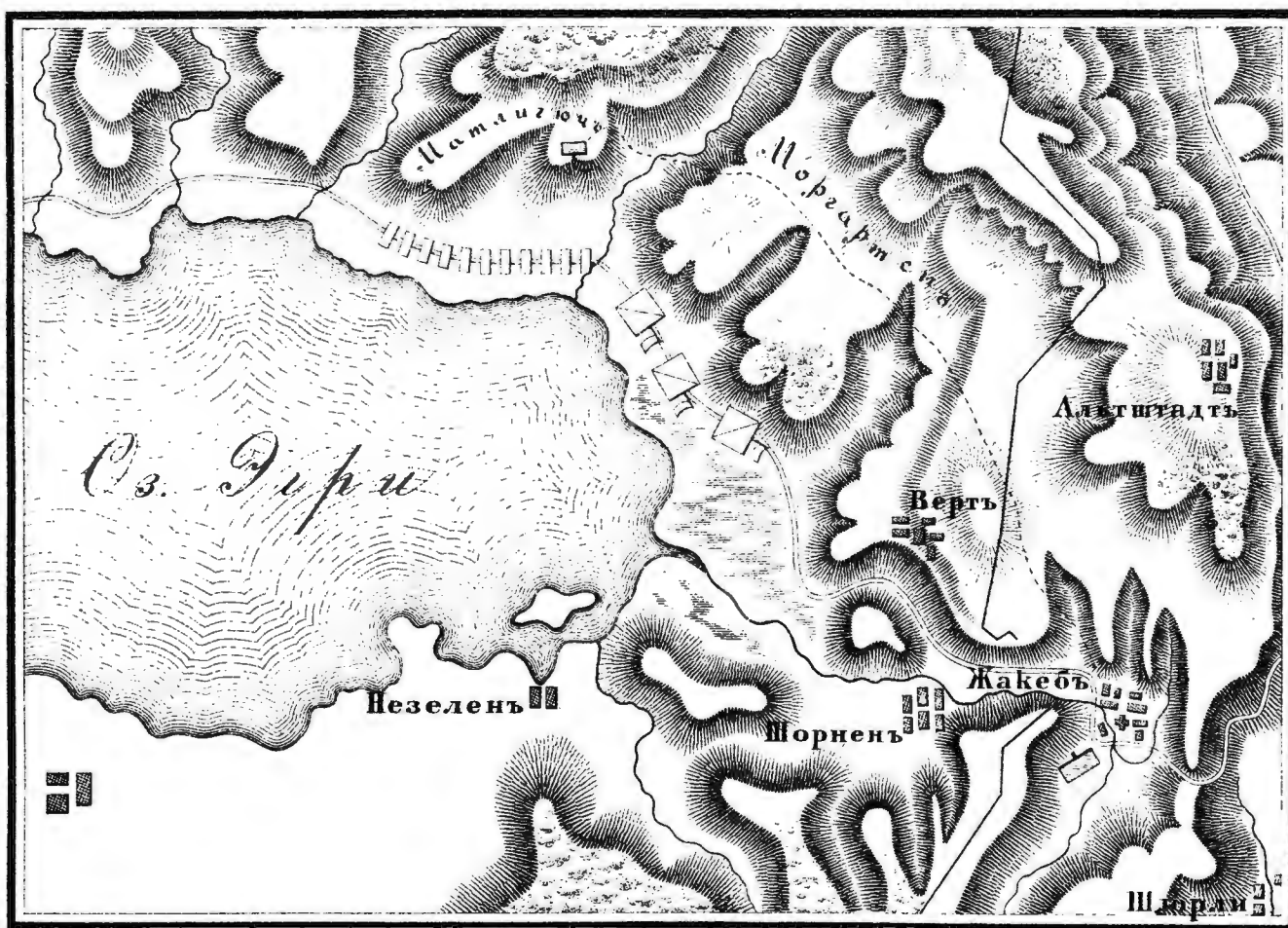
¹⁾ Hoyer, Geschichte der Kriegskunst, Erster Band, стр. 82.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ КУРТРѢ

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ МОРГАРТЕНЪ

Мѣстность, на которой произошло моргартенское сраженіе, представляетъ тѣснину между горами и озеромъ Эгри по которой тянется дорога изъ Цуга въ Швицъ. Главныя силы швейцарцевъ заняли позицію у Шорнена, гдѣ дорога входитъ въ горное ущелье и пересѣкается давно уже воздвигнутою стѣною для огражденія кантоновъ чаще другихъ подвергавшихся нападеніямъ; 50 изгнанниковъ заняли гору Матлигючъ.

15-го ноября Леопольдъ выступилъ изъ Цуга и, переночевавъ въ Обер-эгри, двинулся къ Шорнену по двумъ направленіямъ: кавалерія съ частью пѣхоты шла вдоль берега озера Эгри на Моргартенъ, а остальная часть пѣхоты на Ротентурмъ въ обходъ праваго фланга швейцарцевъ. Гордое австрійское дворянство наступало впереди своей пѣхоты на коняхъ, безъ всякихъ мѣръ предосторожности и нисколько не сомнѣваясь въ самой легкой побѣдѣ. Но какъ только колонна рыцарей вытянулась между озеромъ и Матлигючемъ, какъ съ послѣдней на нее посыпалась масса камней, бревенъ и обломковъ скаль. Неповоротливые всадники пришли въ большое замѣшательство. Чтобы отбросить отрядъ изгнанниковъ и очистить дорогу, Леопольдъ рѣшился атаковать обходнымъ движеніемъ Матлигючъ, а такъ какъ пѣхота была сзади, то онъ приказалъ части рыцарей спѣшиться. Но, едва рыцари начали подыматься, какъ главныя силы швейцарцевъ, получившія извѣстіе о положеніи дѣль, двинулись на помощь изгнанникамъ и ударили на спѣшенныхъ рыцарей. Атака была совершенно неожиданная. Рыцари бросились къ своимъ конямъ; но по тѣснотѣ мѣста въ конномъ строю, еще менѣе возможности было защищаться. Брони и латы трещали подъ ударами тяжелыхъ аллебардъ, взбѣсившіеся лошади сбрасывали всадниковъ, и австрійцы обратились въ бѣгство. Но слѣдовавшая за конницею пѣхота, также втянувшаяся въ дефиле, не могла ей дать мѣста, а между тѣмъ швейцарцы насѣдали. Въ страшномъ безпорядкѣ конница перемѣшалась съ пѣхотою, часть которой была растоптана своими латниками, остальная перебита швейцарцами. Множество погибло баннергерровъ и простыхъ рыцарей; самъ Леопольдъ и жалкіе остатки, пользуясь просѣками бѣжали въ Винтертуръ. Прочіе отряды австрійцевъ также потерпѣли неудачи. Но важнѣе всего было то, что вскорѣ послѣ моргартенской побѣды древніе кантоны привлекли къ своему союзу другихъ сосѣдей, и въ будущихъ столкновеніяхъ въ Швейцаріи австрійцы находили уже гораздо сильнѣйшаго и многочисленнаго врага.

И такъ австрійская армія вслѣдствіе излишней самоувѣренности, высокоумія и презрѣнія къ врагу, а еще болѣе отъ пренебреженія всѣми мѣрами предосторожности при прохожденіи конницею дефиле, получала жестокий урокъ.

Урокъ этотъ однако ничуть не послужилъ въ пользу австрійцамъ. Въ 1339 году они снова вторгаются въ Швейцарію и несутъ жесточайшее пораженіе подъ Лаупеномъ: затѣмъ въ концѣ XIV столѣтія опять швейцарцы ихъ громятъ подъ

Земпахомъ (1386 г.) и Нефельсомъ (1388 г.). Но не одни австрійцы подвергались безпрестаннымъ пораженіямъ отъ швейцарцевъ. Въ XV столѣтіи поднялась на Швейцарію новая, сильнѣйшая гроза. Карлъ Смѣлый, могущественный герцогъ Бургундіи, озлобленный участіемъ, которое швейцарцы приняли въ распрѣ его съ герцогомъ лотарингскимъ, вторгся въ Швейцарію съ многочисленною, превосходно устроенною и обученною арміею, въ которой находился цвѣтъ бургундскаго, итальянскаго и германскаго дворянства. Блистательныя побѣды швейцарцевъ при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси спасли Швейцарію вторично и нанесли послѣдній ударъ вѣрованію въ непобѣдимость феодальныхъ армій съ ихъ тяжелою и неповоротливою рыцарскою конницею.

Мы не имѣемъ въ виду подробно разбирать перечисленныя сраженія, во избѣжаніе повтореній въ выводахъ, постараемся въ каждомъ изъ нихъ выяснитъ только главнѣйшую причину пораженія феодальныхъ армій и особенно рыцарской конницы, которая болѣе всего насъ интересуетъ.

Въ сраженіи при Лаупенѣ рыцари дѣйствовали въ конномъ строю. Вотъ какъ Брантъ описываетъ атаку швейцарцевъ противъ рыцарской конницы ¹⁾: Между тѣмъ жители лѣсныхъ городовъ вступили въ бой съ непріятельскою кавалеріею, но были атакованы въ одно время съ фронта и фланга: они по всей вѣроятности были бы опрокинуты, если-бы войска Бернскаго кантона не подоспѣли имъ въ помощь. Рыцарь Эрлахъ (швейцарецъ) съ такою стремительностью атаковалъ противника съ фланга, что вся непріятельская дружина не только была опрокинута, но даже сброшена въ беспорядкѣ со скалистаго берега рѣки Зензе. Ко времени вечерни кровавая побѣда была вполне одержана. Резервъ дворянства, находившійся въ слѣдованіи, обратился въ постыдное бѣгство, а между тѣмъ собственные ихъ люди грабили вагенбургъ. Надо замѣтить, что по тѣснотѣ мѣста рыцари были построены глубокою колонною и во время контръ—атаки эта колонна подымалась въ гору, когда была Эрлахомъ взята во флангъ. Слѣдовательно причины неудачи: невыгодное мѣсто для конницы, невыгодный строй, неповоротливость тяжелыхъ всадниковъ для парированія фланговаго удара ловкихъ, привычныхъ къ хотьбѣ по горамъ, швейцарцевъ, отсутствіе дисциплины.

Въ сраженіи при Земпахѣ рыцари были спѣшны и построены въ густую колонну, которая своею числительностью начала брать перевѣсъ надъ швейцарцами, и Леопольдъ даже отдалъ приказаніе окружать ихъ. Но находчивость и самоотверженіе Арнольда Винкельрида спасли швейцарцевъ. Какъ извѣстно, Винкельридъ, предупредивъ своихъ соотечественниковъ, бросился на копья австрійцевъ, захватилъ ихъ сколько могъ обѣими руками и направилъ себѣ въ грудь. Пользуясь образовавшимся по этому случаю въ лѣсѣ копій австрійцевъ брешемъ, швей-

¹⁾ Стр. 256.

царцы бросились въ это отверзтіе и врѣзались въ ряды враговъ. Короткое оружіе доставило имъ сразу перевѣсъ. Австрійцы съ 18 футовыми пиками были крайне неповоротливы, если къ этому прибавить еще желѣзный рыцарскій костюмъ. Такимъ образомъ рыцарство было разбито на голову. Главнѣйшія причины тяжести и несообразности вооруженія для пѣшаго боя, а потому и неспособность рыцарей въ этомъ строю дѣйствовать противъ проворныхъ швейцарцевъ.

Въ сраженіи подъ Нефельсомъ швейцарцы сосредоточились на горѣ Раути, на которую можно было взобраться по одной только доступной дорогѣ ¹⁾. У подножія горы находилась небольшая равнина, достаточная впрочемъ для построенія на ней непріятельской арміи въ боевой порядокъ, но со стороны противоположной горы ограниченная ручьемъ Раути, на которомъ находился одинъ только мостъ для сообщенія съ противнымъ берегомъ. Изъ этого видно, что австрійская армія, которая втянулась въ это мѣсто, съ намѣреніемъ атаковать швейцарцевъ, имѣла съ фронта крутую гору Раути, съ одного фланга враждебныя селенія, въ тылу рѣку, и, слѣдовательно, на случай надобности одну только дорогу для отступленія, находившуюся на другомъ флангѣ. Атака австрійцевъ ко всему этому произведена не пѣшими людьми, а конницею. Швейцарцы съ вершины горы осыпали ихъ такою массою камней, что они должны были обратиться назадъ, но этотъ урокъ, говорить Брантъ, не исправилъ ихъ: они десять разъ сряду повторяли свое наступленіе, и вслѣдствіе этого, при всемъ ихъ мужествѣ, они потерпѣли совершенное пораженіе. Швейцарцы перешли въ наступленіе, преслѣдовали и избивали бѣгущаго и предавашагося паническому страху непріятеля.

Слѣдовательно, причины разгрома: неудобство мѣстности, несоотвѣтственный и даже невозможный для атаки горы конный строй, совершенное непониманіе обстановки боя, вслѣдствіе чего бессмысленно повторяется одна атака за другою въ томъ же неудобномъ строю и порядкѣ.

Въ сраженіи при Грансонѣ швейцарцы, чтобы выманить Карла Смѣлаго изъ крѣпкаго грансонскаго лагеря, напали на рыцаря Розамбо, разбили и окружили въ замкѣ Вомаренъ ²⁾. Это обстоятельство, кажется, заставило Карла выступить изъ лагеря и идти для освобожденія замка. Но, узнавъ о наступленіи швейцарцевъ отъ Фрессена, онъ занялъ позицію у с. Корсель. Позиція была очень узка, и потому войска бургундцевъ построились въ нѣсколько линій: въ первой линіи въ центрѣ пѣхота, по флангамъ конница, а передъ пѣхотою артиллерія. Когда подошли швейцарцы и артиллерія открыла огонь, Карль приказалъ конницѣ двинуться въ атаку. Конница двинулась на обоихъ флангахъ и, атакуя безъ поддержки пѣхоты и артиллеріи, огонь которой она закрыла, была отбита. Такъ какъ

¹⁾ Брантъ, стр. 263.

²⁾ Нѣкоторые писатели называютъ Вомагю.

швейцарцы стали переходить въ наступленіе, то Карль, чтобы доставить конницѣ своей болѣе удобную мѣстность для дѣйствія, приказалъ отойти къ возвышенности позади Корсели. Пѣхота бургундцевъ, замѣтивъ отступленіе конницы и полагая, что это вслѣдствіе пораженія, бросила свою артиллерію и обратилась въ бѣгство. Всѣ усилія остановить ее были тщетны. Когда противъ всѣхъ силъ швейцарцевъ осталась одна конница, то ей ничего, болѣе не оставалось, какъ также уйти.

„Разсматривая Грансонское сраженіе“, говоритъ Пузыревскій ¹⁾, „легко видѣть въ какой мѣрѣ Карль Смѣлый былъ самъ причиною испытанной имъ неудачи: его неосновательное презрѣніе къ врагу, его бесполезное движеніе къ Вомарку изъ укрѣпленнаго лагеря и, въ особенности, неблагоприятное приказаніе кавалеріи отступать въ виду насѣдающаго противника—все это лишь могло подготовить успѣхъ швейцарцевъ“.

Сраженіе подъ Муртеномъ въ общихъ чертахъ заключалось въ слѣдующемъ: Карль Смѣлый осадилъ городъ Муртенъ вмѣсто того, чтобы атаковать главныя силы швейцарцевъ и не дать имъ усилиться собиравшимися милиціями и войсками союзниковъ. Блокадное расположеніе войскъ подъ Муртеномъ сдѣлано неудачно: большая часть войскъ, вмѣсто того, чтобы быть между городомъ и главными силами швейцарцевъ, была въ сторонѣ. Выставивъ аванпосты и дѣлая неоднократно приступы къ Муртену, Карль оставался совершенно пассивнымъ къ предпріятіямъ главныхъ силъ швейцарцевъ. Хотя онъ имѣлъ свѣденія относительно направленія движенія швейцарцевъ; но самое нападеніе ими сдѣлано было неожиданно для бургундцевъ. Устроенное для защиты праваго фланга на Курсиберльскомъ плато, укрѣпленіе было занято только артиллеріей подъ прикрытіемъ 200 копій конницы и 600 пѣхотинцевъ. Швейцарцы одновременнымъ ударомъ съ фронта и во флангъ взяли укрѣпленіе съ артиллеріею и, обративъ орудія назадъ, открыли огонь по бургундцамъ ²⁾. Между тѣмъ части бургундской конницы прибывали мало по малу, за ними прибывали остальные части арміи. Взявъ укрѣпленіе швейцарцы двинули впередъ главныя силы. Движеніе это было такъ быстро и безостановочно, что Карль не успѣвалъ сдѣлать распоряженій. Бургундская конница бросалась нѣсколько разъ въ атаку, и побѣда долгое время колебалась. Одна изъ этихъ атакъ подъ предводительствомъ Соммерсета обѣщала даже герцогу успѣхъ; но смерть Соммерсета лишила мужества его войско. Потерявъ вожда и слишкомъ слабая, чтобы сдержать напоръ главныхъ силъ швейцарцевъ, бургундская конница начала отступать. Карль послѣ неудачи своей конницы, потерявъ надежду на успѣхъ и, взявъ 3000 всадниковъ и часть пѣхоты, бѣжалъ къ Вифлисбургу. Остальныя войска, эшелонированные до самаго моста черезъ ручей у Курвольфа, подъ напоромъ швей-

¹⁾ Истор. воен. искус. въ средніе вѣка Ч. II, стр. 52.

²⁾ Брантъ, стр. 277.

царцевъ стѣснились къ единственной переправѣ. Но сюда, какъ полагаютъ, заблаговременно былъ двинутъ тыльный отрядъ швейцарцевъ, который вмѣстѣ съ гарнизономъ Муртена перехватилъ путь отступленія бургундцамъ. Множество ихъ было перебито и потоплено въ Муртенскомъ озерѣ.

Причины неудачи: 1) увѣренность Карла, что швейцарцы его боятся; 2) армія была атакована въ распахъ и превосходными силами; 3) ко времени атаки укрѣпленій и артиллеріи успѣла только небольшая часть конницы и пѣхоты; 4) такъ какъ конница составляла главную часть феодальной арміи, то съ ея поражениемъ Карль считалъ дѣло проиграннымъ и бѣжалъ; 5) прочія войска, брошенные на произволъ судьбы, наваливаясь линія на линію, скучились у моста и были истреблены. „Здѣсь, слѣдовательно, обнаружилась“, говоритъ Пузыревскій, „какъ и въ Грансонскомъ сраженіи, всѣ неудобства боеваго порядка бургундцевъ, слишкомъ ратянутаго въ глубину“. Виновата ли конница въ этомъ пораженіи? Опять нѣтъ. Она въ самомъ началѣ боя опрокинула конницу швейцарцевъ, которая порывалась дѣйствовать противъ нея, она сдерживала напоръ громадныхъ массъ швейцарской пѣхоты, покуда это только было въ ея силахъ. Слѣдовательно, она дѣлала все, что отъ нея требовалось, а если армія была застигнута въ распахъ, то не по ея винѣ. Карль зналъ о наступленіи швейцарцевъ и построилъ было ихъ на позиціи, но потомъ опять распустилъ, не предполагая слишкомъ скорого нападенія.

Въ сраженіи при Нанси бургундцы потерѣли поражение отъ Ренѣ лотарингскаго и швейцарцевъ по причинѣ измѣны Кампобассо, предводителя кондотьеровъ, и самонадѣянности Карла Смѣлаго, который вступилъ въ бой съ непріателемъ, бывшимъ въ нѣсколько разъ его сильнѣе. Одинъ авангардъ герцога Ренѣ превосходилъ его силы на 9 тысячъ человекъ, да швейцарцы пришли на помощь въ числѣ 8 тысячъ.

Изъ всего сказаннаго о столкновеніяхъ феодальныхъ армій съ швейцарцами можно усмотрѣть, что рыцарская конница XIV и XV столѣтій имѣла совершенно тѣже недостатки и особенности, какъ и въ крестовыхъ походахъ: малая способность къ развѣдывательной службѣ, тяжесть и неповоротливость въ конномъ и, особенно, въ пѣшемъ строю, къ которому рыцари поневолѣ и очень часто должны были прибѣгать, такъ какъ мѣстность въ Швейцаріи не способствовала дѣйствіямъ въ конномъ строю; а пѣхота феодальныхъ армій была такъ плоха, что на нее по прежнему не рассчитывали. Слѣдовательно, рыцари должны были драться за конницу и за пѣхоту. Фронтальная атака, какъ и во время крестовыхъ походовъ, составляла силу рыцарской конницы, но во время крестовыхъ походовъ удавалась всегда, во время же швейцарскихъ войнъ весьма рѣдко. Причиною этому было то, что во время крестовыхъ походовъ рыцари имѣли противъ себя кавалерію или такую же дрянную пѣхоту, какъ и феодальная, и потому, въ конномъ ли, въ пѣшемъ ли строю, они шли впередъ въ полной увѣренности раздавить. Мы не

останавливаемся здѣсь на повтореніи того, къ какой тактикѣ прибѣгли мусульмане для одолѣнія рыцарей, скажемъ только, что, избѣгая столкновеній фронтальныхъ и пользуясь легкостью коней, они большею частью дѣйствовали на фланги и тыль. Въ Швейцаріи рыцари наткнулись на такую пѣхоту, которая не только встрѣчаетъ фронтальную атаку рыцарей, но сама атакуетъ конницу и съ фронта и во флангъ, пользуясь привычкою ходить по горамъ и неповоротливостью рыцарей. Предводители феодальныхъ армій, привыкнувъ презирать пѣхоту, вторгались внутрь Швейцаріи безъ надлежащаго плана дѣйствій, какъ во времена крестовыхъ походовъ, безъ необходимыхъ свѣденій о силѣ, расположеніи и намѣреніяхъ непріятеля, ходили и располагались безъ всякихъ мѣръ предосторожности, атаковали непріятеля, не ожидая заднихъ войскъ; а кавалерію зачастую ставили въ такое положеніе, что она не только дѣйствовать, но даже и повернуться не могла. Пользуясь этими ошибками, швейцарцы разбивали феодальныя арміи разъ за разомъ и, наконецъ, приобрѣли такой нравственный перевѣсъ, что на самихъ предводителей наводили панику.

Рыцарская же конница, благодаря своимъ неумѣлымъ предводителямъ, терпѣла разгромъ за разгромомъ. Впрочемъ воспитаніе во времена рыцарства, какъ извѣстно, не подготовляло хорошихъ военачальниковъ: рыцарское воспитаніе все велось къ развитію силы, храбрости, рыцарской чести и искусства въ одиночномъ бою. Кто былъ богатъ, знатенъ и искусенъ въ такомъ бою, тотъ могъ быть и военачальникомъ. Карль Смѣлый былъ отличный администраторъ и до столкновенія съ швейцарцами считался непобѣдимымъ полководцемъ, а противъ швейцарцевъ оказался совершенно безталантнымъ.

Побѣды швейцарцевъ при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси нанесли рѣшительный ударъ вѣрованію въ непобѣдимость рыцарской конницы. Слава воинственныхъ, неустрашимыхъ горцевъ распространилась по всей Европѣ. Король французскій Людовикъ XI слѣшилъ заключить съ ними союзъ и принялъ на жалованье въ свою службу корпусъ швейцарской пѣхоты. Этому примѣру послѣдовали преемники Людовика на французскомъ престолѣ и почти всѣ итальянскія правительства.

Г л а в а 10-я.

Столѣтняя война между Франціей и Англіею довершаетъ упадокъ феодализма. Устройство англійскихъ войскъ этого времени. Конные лучники. Сраженіе при Кресси. Принцъ Эдуардъ Черный. Сраженіе при Монпертю. Бертранъ дю Гекленъ. Генрихъ V. Сраженіе при Азинкурѣ.

Въ то время, какъ швейцарцы громили австрійскія и бургундскія феодальныя арміи, т. е., въ теченіе XIV и XV столѣтій, между Франціей и Англіей происходила, такъ называемая, Столѣтняя война, начавшаяся въ 1339 году. Во вре-

этой войны французскимъ феодальнымъ войскамъ, при помощи коммунальныхъ и наемныхъ, пришлось состязаться съ англійскими также феодальными и наемными, но которыя были всё на жалованьи короля, т. е., отлично оплачиваемы и содержимы, лучше организованы, обучены, предводимы и направляемы къ одной цѣли, которой король англійскій Эдуардъ III умѣлъ придать національный характеръ.

Къ особенностямъ организаціи англійскихъ войскъ главнымъ образомъ относится то, что тамъ важное участіе въ военномъ дѣлѣ принимало среднее сословіе: это сословіе дѣлилось на классы сообразно имущественному состоянію, и каждый отъ 15 до 60 лѣтъ обязанъ былъ два раза въ годъ являться на смотръ констебля (офицера или начальника ста человекъ). Хотя эта милиція по существовавшимъ обычаямъ обязана была защищать государство только при вторженіи непріятеля, но короли часто находили предлоги, чтобы воспользоваться ею и для внѣшнихъ предпріятій.

„Главнѣйшее преимущество англійской организаціи передъ другими въ этомъ періодѣ состояло въ томъ“, говоритъ Брантъ ¹⁾, „что каждый, имѣвшій болѣе пяти фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода съ недвижимаго имѣнія, долженъ былъ, соотвѣтственно съ его цѣнностью, выставить тяжеловооруженнаго всадника, легкаго кавалериста или стрѣлка изъ лука. По другому закону каждый владѣлецъ рыцарскаго имѣнія или земли, приносившей ежегодно отъ 40 до 50 фунтовъ стерлинговъ дохода, обязанъ былъ стараться получить рыцарское званіе. Точное наблюденіе за исполненіемъ этихъ законовъ посредствомъ королевскихъ комиссаровъ дало начало арміи, нѣкоторымъ образомъ постоянной, готовой во всякое время выступить въ походъ, и совершенно независимой отъ ленныхъ войскъ, представляемыхъ баронами и богатыми владѣльцами“.

Конница у англичанъ была двоякаго рода: 1) рыцарская тяжеловооруженная (men at arms), состоявшая обыкновенно изъ знатнѣйшаго дворянства. Рыцари сражались подобно тому, какъ случалось во время крестовыхъ походовъ, и въ конномъ и въ пѣшемъ строю. Они раздѣлялись, какъ въ Германіи и во Франціи, на баннеретовъ и простыхъ рыцарей (knight, bachelor) и дѣйствовали въ бою по общепринятому рыцарскому обычаю. 2) Легкая конница — гоблеры (hoblers), которая сидѣла на небольшихъ лошадяхъ, сражалась безразлично, и въ конномъ и въ пѣшемъ строю, смотря по обстоятельствамъ. Набиралась по закону она изъ класса гражданъ, имѣвшихъ болѣе пятидесяти фунтовъ годоваго дохода. Главное оружіе гоблеровъ были лукъ и стрѣлы, потому ихъ называли также конными лучниками. Гоблеры строились небольшими отрядами въ 20—30 человекъ, которыми начальствовали констебли, офицеры, очень часто изъ рыцарей. Оттого эти отряды назывались констабуляріями.

¹⁾ Стр. 210.

Этотъ родъ конницы употреблялся преимущественно для развѣдыванія и малой войны. „Опустошенія, ознаменовавшія всѣ предпріятія принца Чернаго,“ говоритъ Брантъ ¹⁾, „были большею частью ими производимы, или по крайней мѣрѣ, они придали имъ тотъ ужасный характеръ, которымъ дѣйствія эти отличались“.

Пѣхота была также двухъ родовъ: собственно пѣхота (footmen), вооруженная пиками и мечами, и знаменитые англійскіе лучники, главные виновники, какъ повѣствуютъ многіе историки, большинства побѣдъ, одержанныхъ англичанами въ теченіе Столѣтней войны.

Французскія войска, какъ уже упомянуто, состояли изъ феодальныхъ рыцарскихъ дружинъ, коммунальныхъ милицій и наемныхъ бандъ: брабансоновъ, руттеровъ, котеро, и другихъ. Такія же наемныя дружины находились и въ англійскихъ войскахъ; но, кромѣ того, слава подвиговъ Эдуарда и Чернаго принца, хорошая плата и богатая добыча привлекали къ нимъ и рыцарскія дружины изъ другихъ краевъ, Германіи и даже Франціи. Извѣстно, что хотя поводъ къ столѣтней войнѣ заключался въ томъ, что англійскій король Эдуардъ III, происходя по прямой женской линіи отъ Гуго Капета, объявилъ себя французскимъ королемъ; но, въ сущности говоря, англійскій король, пользуясь внутренними распрями Франціи, желалъ извлечь изъ этого какъ можно больше выгодъ: если не овладѣтъ престоломъ, то удержать въ пользу Англійи захваченныя провинціи. Французскіе пэры и феодальные владѣльцы, преслѣдуя свои интересы, нерѣдко принимали сторону короля Эдуарда; нѣкоторые въ мутной водѣ рыбу ловили, и потому въ составѣ армій англійскихъ королей, противъ которыхъ дрались арміи французскихъ королей, зачастую находились французскіе бароны и рыцари съ ихъ дружинами. Не говоря уже о томъ, что герцоги фландрскій, бургундскій, бретанскій, король наваррскій, крупные вассалы короля французскаго, принимали сторону англійскихъ королей; но мы встрѣчаемъ, на примѣръ такой фактъ, что въ сраженіи при Мопертюи (Поатье) въ 1356 году „войско принца Уэльскаго (Чернаго) большинство составляли храбрые гасконскіе бароны и цвѣтъ англійскаго рыцарства, добровольно явившагося состязаться въ мужествѣ съ первыми ²⁾; но природныхъ англичанъ у принца было не болѣе одной трети всего войска“ ³⁾.

Короли французскіе въ собственной странѣ были въ крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Чтобы вести войну нужны были деньги. Для этого король долженъ былъ созывать государственныя чины, которые, пользуясь стѣснительнымъ положеніемъ его, старались расширить свои права по управленію и предъявляли невозможныя требованія. Вассалы, отслуживъ установленный срокъ, бросали короля

¹⁾ Стр. 211.

²⁾ Шлоссерь. Томъ 8, стр. 275.

³⁾ Брантъ, стр. 232.

съ своими дружинами иногда въ самую критическую минуту. Чтобы ихъ удержать король долженъ былъ платить страшныя деньги, а денегъ не было. Деньги можно было только взять съ народа, но его страшно обирали и правительство, и феодальныя владѣльцы; а наемныя банды, которымъ не платили, его грабили. Кромѣ того Эдуардъ III, хорошо сознавая это обстоятельство, велъ опустошительную войну съ цѣлью разорить народъ, который давалъ средства. Это, наконецъ до того озлобило народъ, что онъ возсталъ и началъ истреблять дворянство. У короля своей арміи не было.

Чтобы по примѣру Англіи создать въ народѣ людей, подготовленныхъ къ военному дѣлу, король отдаетъ повелѣніе обучать крестьянское населеніе стрѣльбѣ изъ луковъ. Феодальныя владѣльцы сочли это для себя опаснымъ, воспротивились, и мѣра короля не удалась.

При такомъ направленіи французскаго феодальнаго дворянства король и въ арміи мало значилъ; онъ не былъ единственнымъ главнокомандующимъ: каждый баронъ своевольничалъ, распоряжался своею частью самостоятельно, не обращая вниманія на общую цѣль и другія войска. Поэтому не было ни порядка, ни дисциплины, ни единства въ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого почти во всѣхъ пораженіяхъ столѣтней войны, которыя французы претерпѣли, они были сами виноваты. Въ добавокъ къ этому нельзя не замѣтить, что на всемъ мрачномъ небоскланѣ столѣтней войны блеснула только одна свѣтлая звѣзда—это знаменитый рыцарь и конетабль Бертранъ дю-Гекленъ; между тѣмъ у англичанъ Эдуардъ III, принцъ Черный и Генрихъ V являются превосходными полководцами, умѣвшими вселить полное единство, дисциплину въ войска и превосходно руководили ими въ бою.

Обратимся теперь къ описанію важнѣйшихъ столкновеній.

С р а ж е н і е п р и К р е с с и .

12 іюля 1346 года король англійскій Эдуардъ III съ 32 тысячами войскъ высадился на берегъ Франціи у мыса Ла-Гога, овладѣлъ Нормандіею и двинулся впередъ, все разрушая и истребляя. Такимъ образомъ англичане дошли до м. Пуасси вблизи Парижа. Цѣль такого образа дѣйствій была лишить, во первыхъ, средствъ французскаго короля къ веденію войны; а главное, отвлечь вниманіе его отъ переправъ черезъ Сену, черезъ которую Эдуардъ хотѣлъ переправиться. Последняя диверсія къ Парижу дѣйствительно притянула вниманіе Филиппа-де-Валуа, но Эдуардъ быстро повернулъ въ обратную сторону и благополучно переправился, обманувъ своего противника. Переправившись черезъ Сену, Эдуардъ разорилъ деревни и поля между Сеною и Соммою; но внезапно очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда въ тылу у него показалось превосходное силами французское войско. Оно двигалось противъ него форсированнымъ маршемъ; а спереди ему преграждала путь Сомма, мостъ на которой былъ занятъ французами.

Англичанамъ грозила неминуемая гибель; къ счастью нашелся какой то плѣнный, согласившійся за большія деньги, показать Эдуарду бродъ на рѣкѣ, такъ что во время отлива ему удалось переправиться съ войскомъ на другой берегъ, и вмѣстѣ съ переправою, разбить непріятельскій отрядъ, старавшійся помѣшать переправѣ. Когда же подоспѣлъ Филиппъ, начался приливъ и заставилъ французскую армію вернуться къ мосту.

Переправившись черезъ Сомму, Эдуардъ вступилъ въ графство Понтъе, на слѣдство его матери, которое онъ намѣренъ былъ защищать, и потому, выбравъ позицію у Кресси, онъ рѣшился здѣсь встрѣтить французовъ.

Мѣстность, на которой произошло сраженіе, представляла отлогую высоту, поднимающуюся за деревнею Кресси и ограниченную слѣва рощею, а справа крутымъ оврагомъ и виноградными садами.

Армія Эдуарда была раздѣлена на три баталіи: первую, состоявшею изъ 800 латниковъ, 1000 человекъ валійской пѣхоты и 2000 лучниковъ, командовалъ шестнадцатилѣтній сынъ Эдуарда, принцъ Эдуардъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Чернаго. За первую баталію и нѣсколько въ сторонѣ находилась вторая, состоявшая изъ 800 латниковъ и тысячи двухсотъ лучниковъ подъ начальствомъ Аронделя и Нортгемптона. Наконецъ 700 латниковъ и двѣ тысячи лучниковъ, составляя какъ бы резервъ подъ личнымъ начальствомъ короля, поставлены были на высотѣ, тогда какъ двѣ первыя баталіи по скату высоты къ сторонѣ непріятеля.

Вѣроятно, при второй и третьей баталіи была еще пѣхота, кромѣ лучниковъ, хотя объ этомъ нигдѣ не упоминается; извѣстно только, что остальная пѣхота была при вагенбургѣ, составленномъ изъ громаднаго обоза, находившагося при арміи. Тутъ же помѣщены были все лошади рыцарей, такъ какъ король приказалъ имъ драться въ пѣшемъ строю.

Выдвинутые впередъ и въ стороны лучники оградили себя кольями въ видѣ рогатокъ и оплели ихъ веревками.

26 августа французы на разсвѣтѣ выступили изъ Аббевиля, находящагося отъ Кресси въ пятичасовомъ разстояніи. Во весь день шелъ сильный дождь съ грозою, и французская армія беспорядочно тянулась вдоль по дорогѣ на Кресси безъ всякихъ мѣръ охраненія. Когда на это обстоятельство обратили вниманіе Филиппа, онъ послалъ четырехъ рыцарей для развѣдыванія о непріятелѣ и приказалъ перестроить походную колонну, причемъ войска были раздѣлены на авангардъ, главныя силы и аррьергардъ. 6000 генуэзскихъ арбалетчиковъ и большая часть пѣхоты съ тремястами рыцарей должны были поступить въ авангардъ, и пѣхотѣ, двигавшейся въ хвостѣ колонны, приказано было пройти впередъ. 4 тысячи жандармовъ назначены были въ главныя силы, подъ общимъ начальствомъ графа Алансонскаго.

Остальные войска были распределены между главными силами и третьей линией, находившейся под личным начальством короля.

Генуэзские стрѣлки, подходя къ позиціи противника, протискались впередъ конницы, а пѣхота шла безпорядочно сзади рыцарей. Вернувшіеся съ рекогносцировки рыцари совѣтовали королю отложить атаку до другаго дня, такъ какъ войска были видимо утомлены и разстроены, а непріятель ожидалъ на позиціи въ полной готовности къ бою. Король согласился и приказалъ остановить движеніе; но это оказалось невозможнымъ. Въ то время, когда однѣ дружины останавливались, другія, не смотря на убѣдительныя мольбы маршаловъ остановиться „во имя Бога и св. Дениса“, съ нетерпѣніемъ продолжали движеніе. Самъ король увлеченный ими, потерявъ хладнокровіе, поскакалъ впередъ и приказалъ генуэзцамъ немедленно начать бой.

Около трехъ, по другимъ свѣденіямъ около пяти часовъ, генуэзцы открыли перестрѣлку. За ними начали выстраиваться жандармы. Но потому ли, что они встрѣтили непріятельскихъ лучниковъ въ превосходномъ числѣ, были ли сами очень утомлены, или какъ нѣкоторые повѣствуютъ, что отъ дождя размокли тетивы на лукахъ, генуэзскіе арбалетчики не выдержали боя съ англійскими лучниками и бросились назадъ. Французы, увидѣвъ бѣгство генуэзцевъ, стали подозрѣвать ихъ въ измѣнѣ, и раздраженный Алансонъ приказалъ ихъ рубить; а нѣкоторые утверждаютъ, что самъ король закричалъ въ бѣшенствѣ: „рубите эту сволочь, которая бесполезно загораживаетъ намъ дорогу“¹⁾. Это произвело всеобщее смятеніе, въ продолженіе котораго англійскіе лучники не переставали поражать густыя беззащитныя массы противниковъ, рубившихъ своихъ на глазахъ непріятели. Наконецъ жандармы проложили себѣ дорогу, начали устраиваться и, раздѣлившись на двѣ массы, бросились въ атаку: прорвали, частью окружили англійскихъ лучниковъ и сцѣпились съ англійскими жандармами первой баталіи. Алансонъ, подкрѣпленный большею частью французскаго дворянства, имѣлъ значительный перевѣсъ въ силахъ и потѣснилъ баталію принца валійскаго; но въ помощь ему подоспѣла вторая линія подъ начальствомъ Аронделя и Нортгемптона. Вой закипѣлъ еще сильнѣе, но перевѣсъ клонился на сторону французской конницы. Тогда Варвихъ, состоявшій при принцѣ валійскомъ, отправилъ къ королю рыцаря съ просьбою о помощи. Но Эдуардъ, наблюдавшій за ходомъ боя, отказалъ въ просьбѣ, говоря, что онъ хочетъ предоставить сыну своему честь побѣды и случай заслужить недавно пожалованныя шпоры. Эти слова одушевили англичанъ новымъ мужествомъ; а между тѣмъ графы алансонскій, фландрскій, многіе баннереты и знатнѣйшіе рыцари французскіе были убиты, атаки французовъ сдѣлались рѣже и безсвязнѣе. Филиппъ двинулся съ резервами на помощь переднимъ линіямъ, но, потерявъ

¹⁾ Пузыревскій. Ч. I, стр. 207.

лошадь, почти насильно былъ вывезенъ съ поля сраженія. „Съ удаленіемъ короля“, говоритъ Брантъ ¹⁾), „прекратились главныя атаки; но все еще производилось множество частныхъ схватокъ, разумѣется, безъ всякаго единства“.

Въ одной изъ этихъ схватокъ погибъ слѣпой богемскій король Іоаннъ вмѣстѣ съ нѣсколькими рыцарями, которые привязали своихъ лошадей къ лошади короля. Вся эта группа понеслась впередъ чтобы, какъ желалъ король, „сдѣлать еще ударъ мечемъ“. Король сдѣлалъ еще болѣе шести ударовъ, пока наконецъ онъ и спутники его пали въ неравномъ бою.

Такимъ образомъ двѣ линіи англійскихъ войскъ, состоявшія изъ спѣшенныхъ латниковъ, пѣхоты и лучниковъ, выдержали атаки французской кавалеріи, причемъ особенно отличилась валійская пѣхота избѣженіемъ всадниковъ, падавшихъ съ убитыхъ и раненыхъ лошадей и не могшихъ подъ тяжестью вооруженія защищаться.

Наступившая темнота прекратила бой, но французская армія пришла въ совершенный безпорядокъ. За отсутствіемъ короля, который уѣхалъ въ Аміенъ, и смертью главныхъ начальниковъ никто не дѣлалъ распоряженій. Разсѣянные рыцари и другія войска бродили отдѣльными кучками и отыскивали свои знамена.

Эдуардъ, сохранившій значительныя резервы, но неполнѣ увѣренный въ побѣдѣ, запретилъ своимъ войскамъ оставлять мѣста.

„На другой день“, рассказываетъ Брантъ ²⁾), „густой туманъ, покрывавшій всю окрестность, воспрепятствовалъ обѣимъ сторонамъ принять надлежащія мѣры, побѣжденной для обезпеченія себя, а побѣдителю для извлеченія пользы изъ одержанной поверхности“. Эдуардъ однако-же послалъ въ это время отрядъ въ три тысячи человекъ на рекогносцировку непріятеля. Изъ распросовъ множества ратниковъ, отыскивавшихъ свои мѣста, а равно потому, что къ полю сраженія безпрестанно прибывали отряды, ничего не знавшіе о бывшей битвѣ, рекогносцировавшія войска легко догадались, что французская армія находилась въ величайшемъ безпорядкѣ и разстройствѣ. Многіе изъ такихъ отрядовъ были истреблены безъ всякаго почти съ ихъ сторонъ сопротивленія. Наконецъ, когда солнце прояснилось среди облаковъ, рѣшительныя атаки англійской кавалеріи довершили поражение непріятеля. Всѣ войска, оставшіяся на полѣ сраженія, были истреблены. Чтобы ловить разсѣянныхъ французовъ, употреблена даже хитрость, а именно, отнятыя у нихъ знамена были поставлены на возвышеннѣйшихъ точкахъ мѣстности съ тѣмъ, чтобы они казались сборными знаками для принадлежащихъ къ нимъ воиновъ, потому, когда кто нибудь туда приближался, его тотчасъ убивали. Говорятъ, что на другой день кровопролитіе было еще ужаснѣе, чѣмъ въ день самаго сраженія, и къ вечеру потеря непріятеля на полѣ битвы сдѣлалась уже съ точ-

¹⁾ Стр. 229.

²⁾ Стр. 230.

ностью известна английскому королю: онъ узналъ, что французы потеряли убитыми одиннадцать князей, восемьдесят баннеретовъ, тысячу двѣсти рыцарей, четыре тысячи всадниковъ и около 30 тысячъ пѣшихъ ратниковъ“.

Сравнивая дѣйствія обѣихъ сторонъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ английской арміи видѣнъ полный порядокъ, дисциплина, и все распоряженія боемъ идутъ отъ короля. Онъ воспользовался позиціей, которая соответствовала его арміи, воспользовался превосходно своими лучниками, которые мѣткою стрѣльбою подготовили успѣхъ сраженія. Изъ описаній мѣстности намъ известно, что позиція, на которой были построены двѣ первыя баталіи, представляла пологій склонъ мѣстности, о подробностяхъ этого склона нигдѣ не упоминается. Поэтому и неизвѣстна причина, по которой Эдуардъ всю свою конницу спѣшилъ и велѣлъ ей драться въ пѣшемъ строю. Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что это прибѣганіе къ пѣшему бою жандармовъ отнюдь не можетъ считаться одною изъ причинъ побѣды англичанъ, тѣмъ болѣе, какъ намъ неоднократно приходилось замѣчать, тяжелое вооруженіе еще болѣе стѣсняло рыцарей въ пѣшемъ строю. Остается предполагать, что мѣстность болѣе способствовала пѣшему бою, чѣмъ на коняхъ. Совокупныя дѣйствія пѣхоты и конницы, обоюдное содѣйствіе, не смотря на различіе сословій, превосходная дисциплина ручались за успѣхъ английской арміи; а въ добавокъ къ первоначальнымъ распоряженіямъ Эдуарда, умѣніе его сохранить значительное количество въ резервѣ изобличаютъ въ немъ искуснаго полководца. Особенно обращаетъ наше вниманіе превосходное употребленіе конницы на другой день послѣ сраженія съ цѣлью развѣдки и съ цѣлью преслѣдованія, чтобы довершить пораженіе разстроеннаго непріятели.

Во французской арміи еще на походѣ обнаружился беспорядокъ, передъ боемъ отсутствіе дисциплины и повиновенія помѣшало построенію боеваго порядка, а личная горячность короля, при отступленіи генуэзскихъ стрѣлковъ, произвела свалку между своими войсками, которою съ большимъ успѣхомъ воспользовались английскіе лучники. Во французской арміи дѣйствуетъ одна конница. Расчистивъ себѣ мѣсто, жандармы энергично бросились въ атаку; но, какъ мы сдѣлали уже предположеніе, или мѣстность не особенно способствовала конному бою, или французская конница атакова по частямъ: и потому 4000 всадниковъ не могли одолѣть двухъ баталій англичанъ, въ которыхъ было отъ 6 до 7 тысячъ пѣхоты и спѣшенныхъ жандармовъ, тогда какъ въ былыя времена рыцари пѣшихъ людей не считали. Французская пѣхота, за исключеніемъ генуэзцевъ, участія въ бою почти не приняла; съ пораженіемъ конницы полагали дѣло проиграннымъ, а потому нашли необходимымъ увезти съ поля и короля. Съ отъѣздомъ послѣдняго некому было руководить, а потому на другой день пѣхота и разбросанная конница, какъ безначальная, беспорядочная толпа и были изрублены английскими всадниками.

Для насъ важнѣе всего фактъ, что французская армія, составленная изъ феодальныхъ ополченій, разбита англійскою арміею въ то время, когда нѣмецкія феодальныя ополченія несли такія же пораженія на другомъ театрѣ войны, отъ швейцарцевъ.

Въ послѣдующихъ событіяхъ столѣтней войны не менѣе блистала слава оружія англичанъ, какъ подъ рукою самого Эдуарда, такъ и, въ особенности подъ начальствомъ сына его Эдуарда.

Эдуардъ, принцъ уэльскій, прозванный Чернымъ по цвѣту вооруженія, которое онъ носилъ, человекъ благороднѣйшей души, скромности, рыцарской доблести и блестящихъ военныхъ дарованій, началъ проявлять свои таланты еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Въ сраженіи при Кресси, будучи 16 лѣтъ отъ роду, онъ командовалъ первою линіею англичанъ и блистательнымъ образомъ завоевалъ себѣ рыцарскія шпоры, только что передъ тѣмъ пожалованныя ему отцемъ. Въ 1349 году подъ Кале онъ разбилъ французскаго генерала Шарни и взялъ его въ плѣнъ; когда же, въ 1354 году, прекратилось заключенное съ Франціею перемиріе, онъ назначенъ былъ правителемъ герцогства Гиеннь, куда и отправился немедленно для начатія военныхъ дѣйствій. Въ 1355 году онъ выступилъ изъ Бордо для опустошенія Франціи и, раздѣливъ свою армію на нѣсколько отрядовъ, прошелъ черезъ графство Арманьякъ до Пириней, потомъ повернулъ къ сѣверу, разорилъ и сжегъ все до самой Тулузы; оттуда, перейдя вбродъ р. Гаронну, подступилъ подъ Каркассонъ и Нарбонну, и оба эти города превратилъ въ пепель. Опустошивъ такимъ образомъ всю страну отъ Бискайскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Пиреней до Гаронны, разоривъ въ теченіе семи недѣль болѣе семисотъ городовъ и селеній, онъ навелъ страхъ и ужасъ на всю Францію.

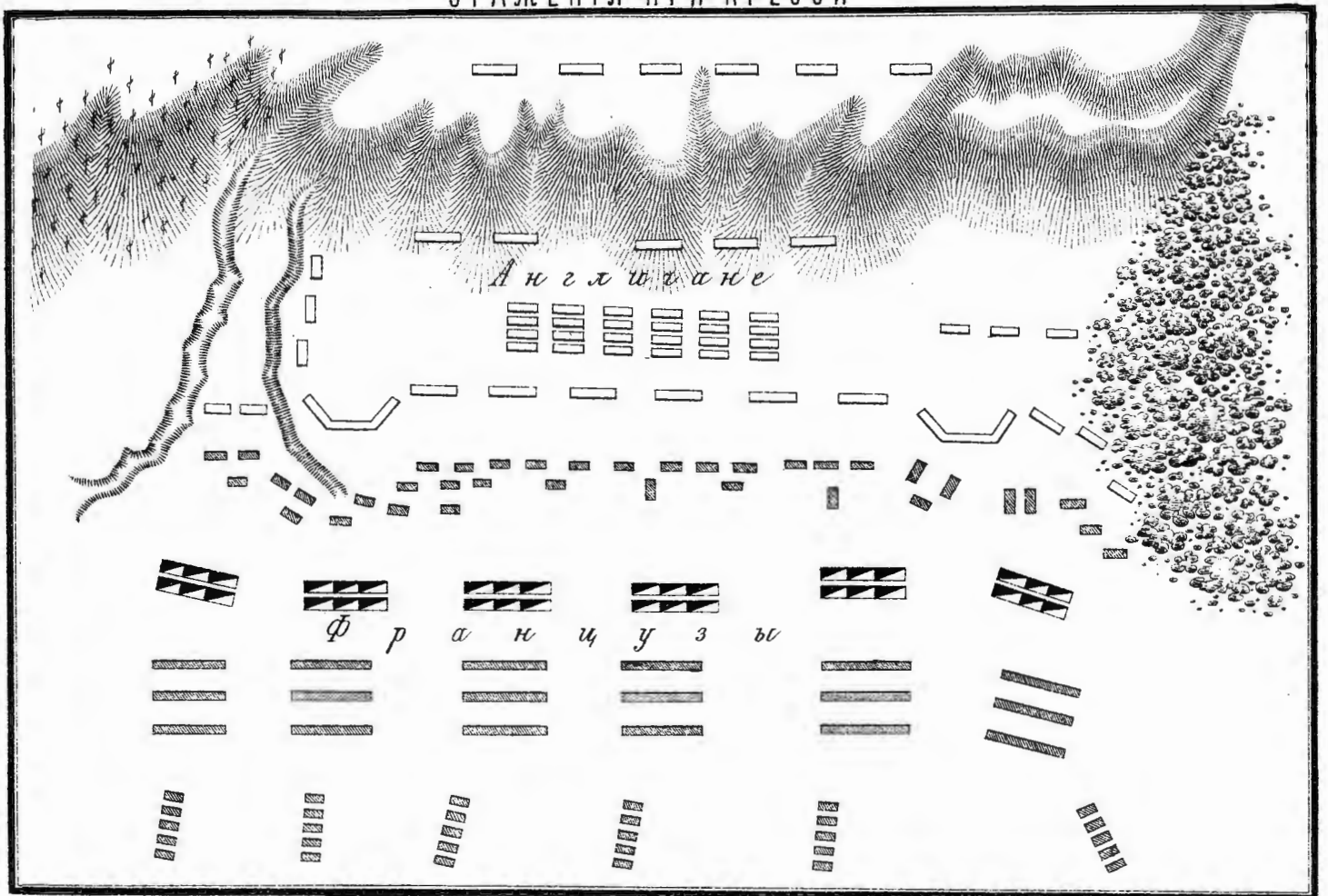
Во всѣхъ этихъ набѣгахъ и опустошеніяхъ, какъ говоритъ Брантъ, главную роль играла легкая конница англичанъ, вооруженная луками и стрѣлами, извѣстная подъ названіемъ гоблеровъ.

Сраженіе при Мопертюи 19 Сентября 1356 г.

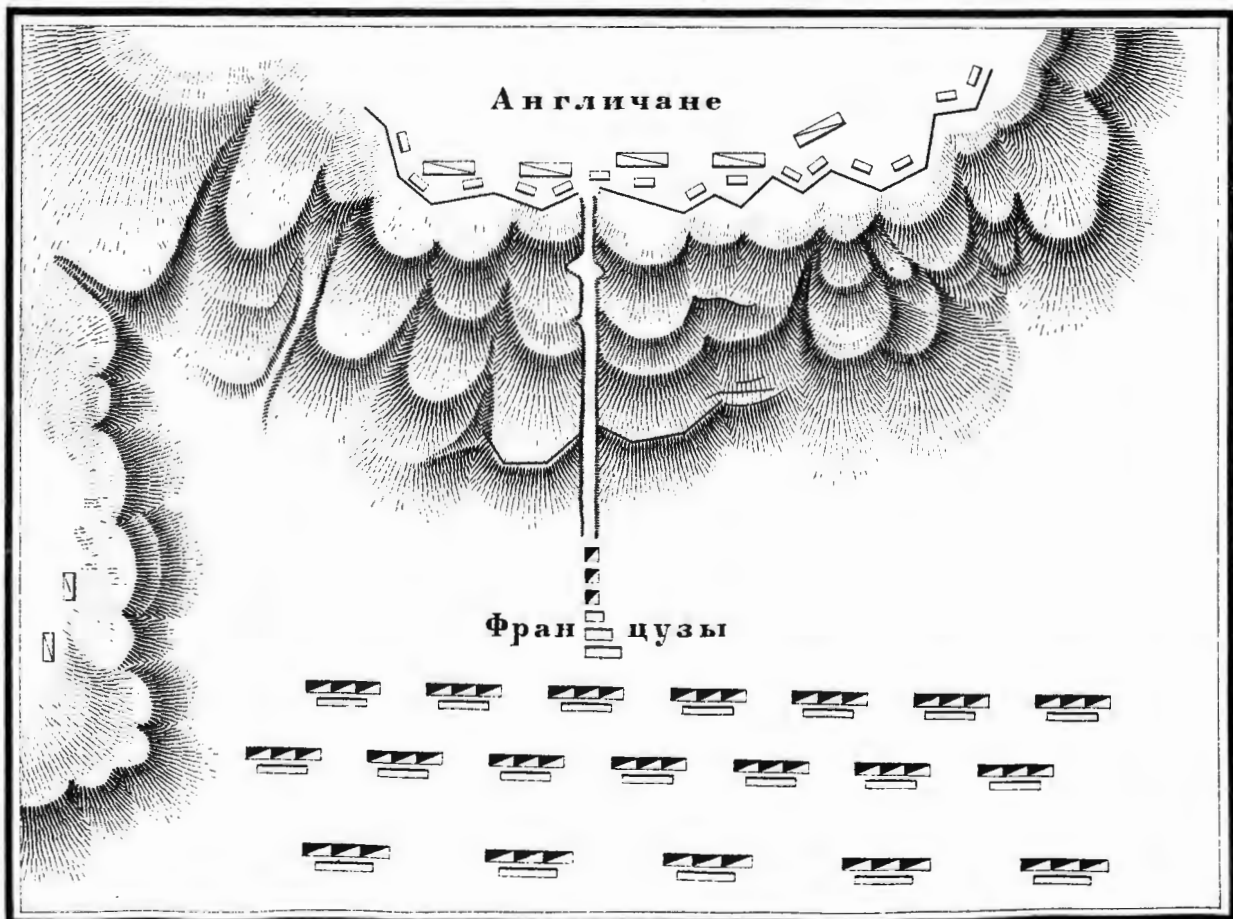
Въ 1356 году война шла на трехъ театрахъ. На сѣверѣ съ небольшою арміею дѣйствовалъ герцогъ Ланкастерскій; французскій король Іоаннъ, захвативъ наваррскаго короля Карла Злаго, занялъ былъ осадю его замковъ; а принцъ Черный, по примѣру прошлаго года, внезапно выступивъ изъ Гиенни для опустошеній, проникъ черезъ Руэргъ, Овернь и Лимузенъ до самой Луары. Болѣе пятисотъ мѣстечекъ были въ конецъ разрушены англичанами. По многимъ причинамъ эти жестокости были неизбѣжнымъ зломъ среднихъ вѣковъ, а потому и принцъ, этотъ великодушный рыцарь и герой, вынужденъ былъ подчиняться обычаямъ того вре-

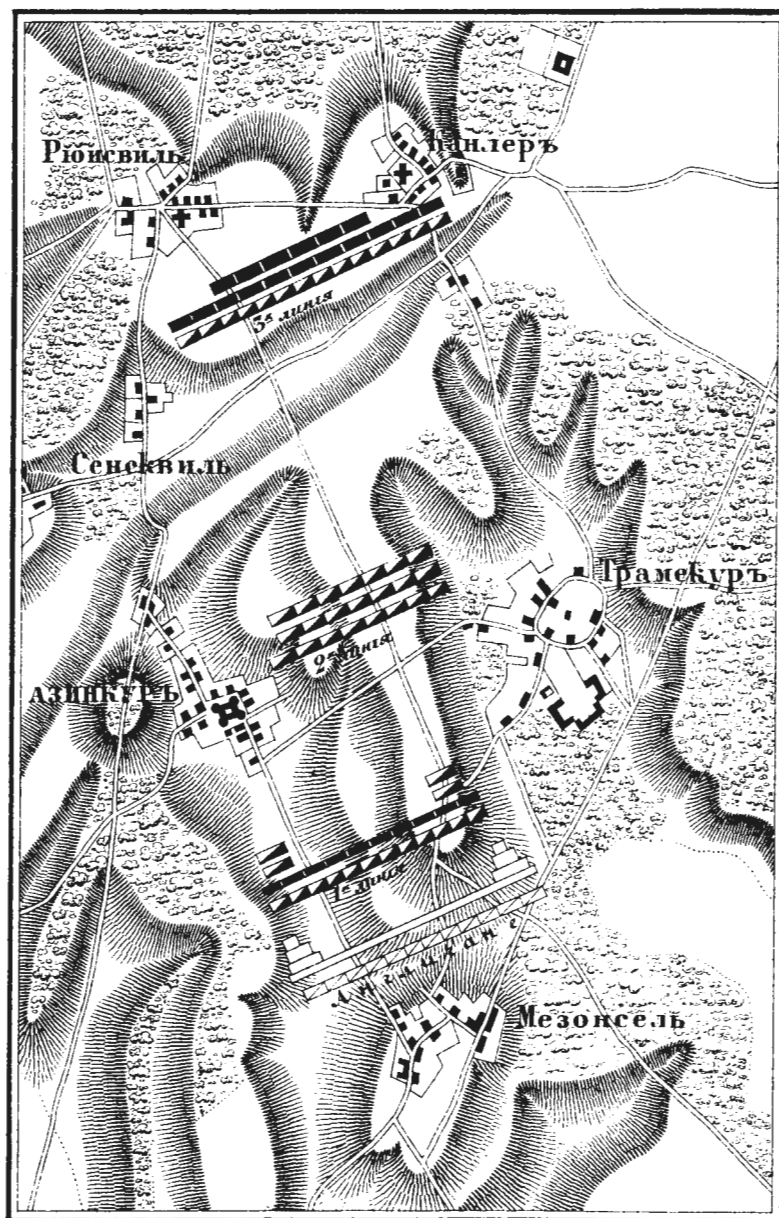
ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ КРЕССИ

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ МОПЕРТЮИ

П Л А Н Ъ
С Р А Ж Е Н І Я П Р И А З И Н К У Р Ъ

мени. Въ тѣ времена войну вели не короли и регулярное войско, какъ теперь, а масса народа и рыцарство; поэтому въ непріятельской странѣ прежде всего старались разорить и подвергнуть всякимъ бѣдствіямъ населеніе, принимавшее непосредственное участіе въ войнѣ. Къ тому-же непріятелямъ можно было вредить только опустошеніями, потому что безъ прочныхъ доходовъ и постоянного войска, государи не имѣли возможности удерживать за собою завоеванныя земли.

Грозное нападеніе Чернаго принца привело вспыльчиваго короля Іоанна въ сильнѣйшую ярость. Наскоро собравъ войско, въ которомъ находились четверо сыновей его и знатнѣйшіе французскіе вассалы, онъ выступилъ съ нимъ къ Луарѣ, съ намѣреніемъ немедленно дать врагу сраженіе. Прибывъ въ Поатье, онъ не сталъ выжидать, какъ ему совѣтовали, нападенія Чернаго Принца, который, имѣя передъ собою армию короля, а въ тылу войско, собранное въ Лангедокѣ, могъ бы быть поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе, если бы сумасбродная горячность его противника не испортила всего дѣла. Іоаннъ выступилъ изъ Поатье и напалъ на англичанъ въ двухчасовомъ разстояніи отъ этого города, при Мопертюи.

У французскаго короля было до 60 тысячъ войскъ, въ томъ числѣ тяжеловооруженныхъ людей или латниковъ до 20 тысячъ; силы Чернаго Принца были весьма не велики; но показанія историковъ разнорѣчивы: Пузыревскій пишетъ, что у него было 2 тысячи латниковъ, 4 тысячи лучниковъ и 15 тысячъ пѣхоты ¹⁾; Шлоссеръ ²⁾ говоритъ, что у принца было 12 тысячъ войскъ; Гине ³⁾ уменьшаетъ силы его до 8 тысячъ; а Брантъ ⁴⁾ говоритъ вообще, что французы при Мопертюи были въ 7 разъ многочисленнѣе англичанъ.

Принцъ Черный выбралъ позицію на горѣ Champ de Maupertuis, пересѣченную заборами, кустами, огородами, и къ вершинѣ которой вела одна только узкая дорога. Войска расположились слѣдующимъ образомъ: прямо противъ дороги онъ поставилъ пѣхоту и тяжелую конницу, которая, спѣшившись, образовала фалангу; впереди ихъ за густою изгородью размѣстилась часть лучниковъ въ шахматномъ строѣ или въ видѣ бороны; другая половина лучниковъ заняла заборы и кусты, чтобы поражать противника по возможности съ фронта и во флангъ. Французы для атаки англичанъ должны были подыматься по дорогѣ фронтомъ не болѣе какъ въ три лошади, подвергаясь страшному перекрестному пораженію.

Французы, сдѣлавъ рекогносцировку подъ командою рыцаря Рибомонъ, по

¹⁾ Стр. 209.

²⁾ Томъ 8, стр. 275.

³⁾ Воен. энцикл. лексиконъ. Томъ IX, стр. 78.

⁴⁾ Стр. 234.

совѣту послѣдняго рѣшились атаковать позицію слѣдующимъ образомъ: большая часть кавалеріи была спѣшена и вмѣстѣ съ пѣхотою построена въ 3 равносильныя линіи, задняя линія нѣсколько уступомъ относительно переднихъ. На коняхъ остались 300 отважнѣйшихъ рыцарей, и нѣмецкіе рыцари, входившіе въ составъ третьей линіи, какъ резервъ. Первое нападеніе возложено было на 300 упомянутыхъ рыцарей, которые, двинувшись по дорогѣ, должны были проскочить на позицію англичанъ, а 600 спѣшенныхъ рыцарей должны были эту атаку поддержать и овладѣть позиціей.

Передъ началомъ сраженія явился къ французскому королю папскій легатъ — кардиналъ Перигоръ, съ предложеніемъ своего посредничества, для избѣжанія кровопролитія. Онъ объявилъ, что принцъ Эдуардъ, постигая свое опасное положеніе, соглашается на уступку завоеваній, сдѣланныхъ имъ въ этомъ и въ предыдущемъ походѣ, съ условіемъ свободнаго отступленія. Король отказалъ и предложилъ такія условія, на которыя принцъ Уэльскій не могъ согласиться, не помрачивъ своей славы. Такимъ образомъ 18 число прошло въ переговорахъ.

Принцъ Эдуардъ, воспользовавшись этимъ промедленіемъ, усилилъ ночью свою позицію новыми окопами и засѣками и противъ лѣваго фланга французской арміи расположилъ засаду изъ 300 латниковъ и 300 гоблеровъ подъ командою Капталъ де Бюша, которому приказалъ во время боя ударить непріятелю во флангъ.

На другой день произошло сраженіе, открывшееся атакою трехсотъ жандармовъ, которые, вытянувшись по три, понеслись по дорогѣ на гору, занятую англичанами. Сначала они скакали безпрепятственно, но при самомъ подъемѣ на плато были встрѣчены со всѣхъ сторонъ массою стрѣлъ и приведены въ страшный безпорядокъ. Небольшая часть успѣла прорваться черезъ тѣснину и тотчасъ бросилась въ атаку, но, окруженная со всѣхъ сторонъ, она почти вся была уничтожена. Все, что спаслось отъ гибели, бросилось назадъ по той же дорогѣ и обрушилось на спѣшенныхъ жандармовъ ¹⁾, шедшихъ на подкрѣпленіе головному отряду. Тѣснимые съ фронта, подъ напоромъ англичанъ, отступающими всадниками, спѣшенные жандармы повернули назадъ, но столкнулись съ первою линіею, которая, въ свою очередь, двинувшись впередъ, начала напирать съ тылу. Безпорядокъ и толкотня произошли страшныя. Принцъ Черный приказалъ своимъ рыцарямъ сѣсть на коней и повелъ ихъ съ фронта въ атаку; а въ то же время Капталъ де Бюшъ, выйдя изъ засады, ударилъ французамъ въ лѣвый флангъ. „Рыцари заднихъ шеренгъ, заботясь болѣе о своихъ лошадяхъ, чѣмъ о выигрышѣ сраженія, оставили ряды, чтобы коней своихъ отвести въ безопасное мѣсто. Сиры Сень — Венансъ и

¹⁾ У Пузыревскаго (стр. 210) сказано, что за тремя стами конныхъ жандармовъ шли въ атаку 2700 нѣмецкихъ всадниковъ; въ другихъ источникахъ, которыми намъ пришлось пользоваться, сказано, что 600 пѣшихъ рыцарей.

Принцъ Эдуардъ Черный.

Ландасъ, которымъ было поручено наблюденіе за молодыми принцами, полагая своею обязанностью не подвергать ихъ опасности, отослала ихъ въ Шовиньи подъ прикрытіемъ восьмисотъ копейщиковъ. Это обстоятельство, совокупно съ фронтальными атаками англичанъ, подѣйствовало столь вредно на духъ французовъ, что они сочли сраженіе совершенно потеряннымъ. Герцогъ Орлеанскій, командовавшій 3-ею линіею, приказалъ своимъ войскамъ начать отступленіе, которое вскорѣ превратилось въ бѣгство“. Оставался одинъ королевскій отрядъ, который по числительной силѣ былъ однакожъ болѣе всей англійской арміи. Но принцъ Черный, который самъ велъ своихъ жандармовъ, ударилъ на нѣмецкихъ рыцарей и, не смотря на мужественный отпоръ, опрокинулъ. Тогда Король Іоаннъ самъ съ сѣкирою въ рукахъ бросился съ остатками отряда впередъ, но, получивъ двѣ раны, былъ окруженъ, ссаженъ съ лошади и взятъ въ плѣнъ, а отрядъ его уничтоженъ.

Въ описанномъ сраженіи французы снова встрѣтили непріятеля, который противъ обыкновенія тогдашняго времени прибѣгнулъ къ помощи позиціи, и очутились въ совершенно неожиданной обстановкѣ. Разсчитывая на превосходство силъ, они были заранѣе увѣрены въ подавленіи противника, и вдругъ оказывается, что ихъ силы парализованы. Осуждать французовъ, что они прибѣгли, благодаря совѣту Рибомона, къ странному способу атаки позиціи посредствомъ кавалеріи, которая, проскочивъ вдоль дороги на гору, должна была очистить путь своей пѣхотѣ, мы не будемъ. Взять налетомъ, нахрапомъ, какъ говорится, есть дѣло чисто кавалерійское. Въ новѣйшее время, какъ увидимъ впоследствии, съ Наполеономъ былъ подобный же примѣръ въ сраженіи при Сомо-Сиерра въ 1811 году. Непріятель занималъ также гору, доступъ къ которой возможенъ былъ по одной дорогѣ. Всѣ усилія пѣхоты и артиллеріи прогнать испанцевъ не привели ни къ чему. Тогда Наполеонъ приказалъ польскимъ уланамъ атаковать справа по четыре вдоль дороги. Уланы бросились, налетѣли на батарею испанцевъ, которые были совершенно озадачены подобнымъ способомъ дѣйствій, и батарея была взята; вслѣдъ за уланами двинута была пѣхота, и сраженіе выиграно. Въ описанномъ сраженіи при Мопертюи французы поступили такимъ же образомъ, и вышло крайне неудачно. Дѣло въ томъ, что, имѣя двѣ арміи, изъ которыхъ одна была въ нѣсколько разъ сильнѣе англичанъ, другая въ тылу ихъ, не было расчета атаковать сильную позицію. Гибель арміи принца Чернаго была неминуема, если бы французы не погорячились; принцъ Эдуардъ это самъ сознавалъ, какъ видно изъ предложенія уступки всѣхъ завоеваній черезъ епископа Таллерана-Перигора и изъ нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ имъ передъ боемъ.

Какъ кажется, французы не вполне понимали значеніе позиціи и назначеніе подготовки атаки метательнымъ оружіемъ, не смотря на то, что у нихъ было много пѣхоты, и въ томъ же числѣ лучниковъ, въ противномъ случаѣ они, вѣроятно, выдвинули бы послѣднихъ для обстрѣла позиціи. Если-бы и неудалось сбить про-

тивника, то во всякомъ случаѣ можно было бы надѣяться отвлечь его лучниковъ отъ пункта атаки. Здѣсь обнаружилось обыкновенное явленіе среднихъ временъ: вся надежда на рыцарей и полнѣйшее презрѣніе къ пѣхотѣ, которая по этой причинѣ вмѣсто того, чтобы открывать бой, оставлена сзади. Въ атаку идутъ рыцари. Изъ этого и можно заключить что оригинальное средство, предложенное Рибомономъ для прорыва непріятельскаго фронта, какъ говоритъ Пузыревскій ¹⁾, „составляетъ лишь результатъ неукротимаго пыла, а не искусныхъ военныхъ соображеній“.

Въ недостаткѣ отваги рыцарей нельзя упрекнуть, но тѣже явленія самовольства, отсутствія порядка и дисциплины проявились, какъ и въ сраженіи при Кресси. Во французскомъ войскѣ, говоритъ Шлоссеръ ²⁾, „каждый распорядился атакою по своему, ни одинъ принцъ, ни одинъ феодалъ не хотѣлъ подчиняться королю, котораго всѣ презирали“. Дѣйствительно, король самъ дрался какъ храбрый воинъ, но управленія арміею съ его стороны никакого незамѣтно съ той поры, какъ первые 300 рыцарей пошли въ атаку.

Въ англійскомъ войскѣ видна строжайшая дисциплина и порядокъ, потому что всѣ безусловно довѣряли принцу, величайшему герою своего времени. Искусное занятіе позиціи въ то время дѣло рѣдкое, искусное употребленіе лучниковъ для подготовки боя, атака во флангъ непріятеля и своевременный переходъ въ наступленіе изобличаютъ въ особѣ принца необыкновенныя военныя дарованія.

Въ сраженіи при Мопертюи были орудія, дѣйствовавшія посредствомъ пороха, но дѣйствіе ихъ не обнаружило никакого вліянія на бой.

Употребленіе конницы въ концѣ боя, заключавшееся въ преслѣдованіи разбитой французской арміи, привело къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ. Французы потеряли убитыми въ сраженіи до 8 тысячъ и три тысячи во время бѣгства; въ плѣнъ было взято около 16 тысячъ подъ стѣнами Поатъе, куда бѣжавшіе французы хотѣли спастись; но не были впущены изъ опасенія, чтобы непріятель вмѣстѣ съ ними не ворвался въ городъ. Всѣ они, въ томъ числѣ 17 графовъ и 800 бароновъ и рыцарей, большею частью раненыхъ, попали въ руки англійской конницы. Англичане потеряли до 900 жандармовъ и 1500 лучниковъ. Такимъ образомъ слова принца Чернаго, сказанныя англійскому войску передъ началомъ сраженія, что „побѣда вовсе не принадлежитъ многочисленнѣйшему“, вполне оправдались.

Послѣ такихъ погромовъ французы стали избѣгать столкновеній съ англійскими войсками и прибѣгать къ упорной защитѣ городовъ, замковъ, нападать въ распахъ на непріятеля и дѣйствовать на его сообщенія. Надо замѣтить, что отъ

¹⁾ Стр. 212.

²⁾ Томъ 8, стр. 276.

ДЮГЕ КЛЕНЪ.

**Исторія конницы
М. Маркова.**

**Источники: Histoire de
France, Guisot.**

разоренія англичанами края выигрывали только рыцари и наемныя войска, которые наживались отъ грабежей, и, кромѣ того, получали содержаніе отъ англійскаго короля. Такъ какъ послѣдній обязался доставлять войскамъ все необходимое, а край былъ разоренъ, то король Эдуардъ долженъ былъ водить за войскомъ громаднхъ размѣровъ обозъ. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе было на руку французамъ, развившимъ по приказанію регента, а потомъ короля Карла V, въ широкихъ размѣрахъ малую войну. Для защиты своихъ городовъ городскія общины нанимали странствующія банды (*compagnies*), и англичане при осадахъ встрѣчали сильный отпоръ.

„Французы вели войну“, говоритъ Шлоссеръ ¹⁾, расчетливо, англичане рыцарски, смѣло и упорно“. Англичане овладѣвали цѣлыми провинціями, не встрѣчая сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ, но въ тоже время терпѣли нужду, потому, что населеніе запиралось въ замкахъ и городахъ. Теряя множество людей и лошадей, англичане, выслуживали только до окончанія срока, или до тѣхъ поръ, пока не истощались деньги, ассигнованныя имъ на жалованье, и потомъ спѣшили вернуться въ Англію. Тогда начинали свои подвиги французы и отнимали у враговъ одну мѣстность за другую.

Отъ мелкихъ успѣховъ французы мало по малу стали переходить и къ болѣе крупнымъ предпріятіямъ. Замѣчательнѣйшимъ военнымъ дѣятелемъ въ описываемое время между французами былъ рыцарь, и впослѣдствіе коннетабль, Бертранъ Дю-Гекленъ. Не получивъ почти никакого образованія, Дю-Гекленъ не зналъ грамоты, но отъ природы былъ благороденъ, великодушенъ и съ первыхъ годовъ обнаружилъ военныя склонности и дарованія. Замѣчательный наѣздникъ, онъ 17-ти лѣтъ выходилъ побѣдителемъ на турнирахъ, а потомъ всю жизнь свою посвятилъ боевой службѣ на пользу Франціи. Въ 1336 году, когда послѣ несчастнаго для французовъ сраженія при Мопертюи городъ Реннъ былъ обложенъ англичанами, Дю-Гекленъ съ небольшимъ отрядомъ держался близъ непріятельскаго стана и наносилъ англичанамъ крайне чувствительный вредъ ежедневными нападеніями, отнятіемъ транспортовъ и препятствованіемъ фуражировкамъ. Тою-же зимою, взявъ замокъ Фужеръ, онъ успѣлъ искусными демонстраціями выманить часть войскъ, осадившихъ Реннъ, на встрѣчу мнимаго французскаго подкрѣпленія, и, овладѣвъ внезапно ихъ станомъ, пробился въ Реннъ съ значительными съѣстными и другими припасами, отнятыми у непріятеля, послѣ чего осада была снята. Впослѣдствіи Дю-Гекленъ дѣйствовалъ въ пользу французскаго короля въ Наваррѣ, и въ Испаніи въ пользу союзника его Генриха Транстамарскаго, очистилъ отъ англичанъ берега Сены, отнялъ Маленъ и многіе другіе города. Сначала Дю-Гекленъ командовалъ наемными бандами, которыя его боготворили и могли быть хорошимъ

¹⁾ Томъ 8, стр. 404.

войскомъ только подъ его желѣзною рукою. Въ 1370 году онъ былъ уже коннетаблемъ Франціи и, имѣя подъ своимъ начальствомъ рыцарей и другія французскія войска, разбилъ англичанъ при Понъ-Валенѣ, выгналъ ихъ изъ Поату, овладѣлъ Монтаркуромъ, Поатье и Ларошелемъ и принималъ участіе во многихъ другихъ битвахъ, вслѣдствіе которыхъ почти вся Франція была освобождена отъ англійскаго ига. Въ началѣ 1374 года за англичанами оставались только Кале, Бордо, Баіонна и нѣсколько мѣстечекъ на Дордони.

Въ послѣдующее время война между Франціею и Англіею поддерживалась съ перерывами, и успѣхи съ той и другой стороны находились постоянно въ связи съ внутреннимъ состояніемъ государства. Въ то время какъ въ Англіи шли демократическія, а потомъ религіозныя распри, французы пользовались обстоятельствами и одерживали успѣхи; когда же Франція обуреваема была внутренними неурядицами, при Карлѣ VI и въ началѣ царствованія Карла VII, англичане снова захватывали одну провинцію за другою. Такъ дѣло продолжалось до времени Генриха V, вступившаго на англійскій престолъ въ 1413 году. Еще отецъ его Генрихъ IV помышлялъ о высадкѣ во Францію, но, занятый отстаиваніемъ своего престола, который онъ захватилъ, и другими неурядицами въ Англіи, онъ не успѣлъ въ этомъ. Генрихъ V, успокоивъ государство, рѣшился воспользоваться сумашествіемъ французскаго короля Карла VI и распрями между претендентами на регентство, дядьями Карла, чтобы возобновить притязанія на французскую корону. Генрихъ отправилъ пословъ во Францію просить руки принцесы Екатерины, дочери короля. Предложеніе это было отвергнуто и послужило предлогомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

Съ 6 тысячами конницы и 20 тысячами пѣхоты Генрихъ присталъ къ берегамъ Нормандіи и тотчасъ же осадилъ Гарфлеръ, который вскорѣ и сдался. Болѣзни, открывшіяся въ англійскомъ войскѣ, заставили короля отступить въ Кале. Привести это въ исполненіе было трудно, потому что сильное французское войско уже приближалось. Король Генрихъ очутился въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ Эдуардъ III передъ сраженіемъ при Кресси. Онъ рассчитывалъ перейти Сомму въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Эдуардъ, но, найдя бродъ загороженнымъ палисадами и охраняемымъ вѣнгеро сильнѣйшимъ непріателемъ, принужденъ былъ подняться выше и переправиться у Бетанкура, между Перонною и Сень-Канте-номъ. Очутившись вблизи непріятельскаго войска, ежедневно усиливавшагося, онъ долженъ былъ стараться достигнуть Кале, потому что не могъ бы долго держаться въ непріятельской странѣ, если бы французы стали избѣгать сраженія. По совѣту коннетабля послѣдніе сначала дѣйствительно держались этой системы. Но принцы и бароны, собравшіеся на военный совѣтъ, сочли стратегическій расчетъ трусостью и настаивали на томъ, чтобы дать рѣшительное сраженіе.

Сраженіе при Азинкурѣ 26 октября 1415 года.

У французовъ, которыми предводительствовали коннетабль д'Альбре, было по инымъ свѣденіямъ около 60 тысячъ человекъ, по другимъ до 100, изъ нихъ 8 тысячъ рыцарей. Войска эти были собраны у Перонны, но, узнавъ о переправѣ англичанъ черезъ Сомму, они двинулись на перерѣзъ пути ихъ къ Кале. Не забывъ еще поражений при Кресси и Мопертюи, д'Альбре предполагалъ задержать англичанъ на сильной позиціи. Такую позицію онъ избралъ между Азинкуромъ и Фламкурромъ въ трехъ миляхъ отъ города Сень-Поля, на дорогѣ въ Кале.

Мѣстность была выбрана неудачно, а именно пахатное поле между двумя перелѣсками, весьма тѣсное и вязкое; оно не допускало ни развертыванія войскъ, ни дѣйствій конницы, между тѣмъ какъ она составляла лучшую составную часть французскихъ войскъ.

Французы для боя расположились въ три линіи или баталіи: авангардъ состоялъ изъ 8 тысячъ жандармовъ и оруженосцевъ, 1000 арбалетчиковъ и лучниковъ. Всѣ они были спѣшны, исключая 2000 жандармовъ, которые расположены были по флангамъ авангарда въ конномъ строю, чтобы при наступленіи непріятельскихъ стрѣлковъ, атаковать ихъ сбоку; прочіе же построились глубокими массами: жандармы впереди, а арбалетчики и лучники въ заднихъ шеренгахъ. Авангардомъ командовалъ самъ коннетабль.

Главные силы состояли изъ пѣхоты и остальныхъ рыцарей подъ общимъ предводительствомъ герцога Алансонскаго. Арьергардъ, своею численностью превосходившій всю англійскую армію, находился подъ начальствомъ рыцарей, которые командовали частями его и подъ главнымъ начальствомъ Дамартенъ де Марля.

Французы, говоритъ Брантъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали боя и такъ опасались, чтобы англичане не убѣжали, что почти всѣ рыцари, стоявшіе во второй и третьей баталіяхъ, чтобы скорѣй сражаться, оставили свои мѣста и присоединились къ авангарду. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что заднія баталіи остались почти совершенно безъ начальниковъ.

Генрихъ V, перейдя 23 октября безпрепятственно болотистую рѣчку Тернуазу (или Лабланжи), поставилъ свое войско, состоявшее изъ 2000 всадниковъ и 12 тысячъ пѣхоты, на высотахъ сел. Мезонсея. Впереди фронта расположились лучники, оградивъ себя отъ атакъ кавалеріи кольями, воткнутыми въ землю; жандармы были спѣшны, раздѣлены на три части: баталію и два крыла, и построеныя фалангами сзади пѣхоты; фланги боеваго порядка примыкали къ опушкамъ лѣсовъ.

Разстояніе между противными арміями составляло не болѣе версты, но отъ проливнаго дождя, продолжавшагося всю ночь, земля размокла до такой степени, что кавалеріи невозможно было дѣйствовать.

Англійскій король былъ увѣренъ, что французы будутъ его атаковать, но Конетабль рѣшился выждать нападенія со стороны англичанъ. Пользуясь этимъ, Генрихъ послалъ два отряда, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ скрытно пробраться въ Трамекуръ и оттуда дѣйствовать во флангъ, а другой долженъ былъ проникнуть въ тылъ французамъ.

Выждавъ до двухъ часовъ по полудни, Генрихъ наконецъ приказалъ своимъ войскамъ двинуться впередъ. Фланговые отряды французскихъ жандармовъ бросились на англійскихъ лучниковъ, но частью завязли и принуждены были остановиться, частью перебиты были стрѣлами. Въ добавокъ къ этому, какъ говоритъ Пузыревскій, на лѣвомъ крылѣ французовъ собралось, вмѣсто предполагаемыхъ 800, всего 140 латниковъ. Англійскіе лучники скоро отъ французской конницы освободились и продолжали движеніе впередъ вслѣдъ за опрокинутыми жандармами, лошади которыхъ поражаемая стрѣлами, вышли изъ повиновенія, начали сбрасывать всадниковъ, обратились на первую линію спѣшенныхъ латниковъ и привели ее въ безпорядокъ. „Тогда“, говоритъ Пузыревскій, „люди заднихъ шеренгъ стали удаляться съ поля сраженія, подавая плачевный примѣръ главнымъ силамъ и въ особенности арьергарду, которые оставались почти безъ начальства, такъ какъ командовавшіе городскими дружинами рыцари, бросили ихъ и выѣхали впередъ. Приведенная въ безпорядокъ первая баталія отъ чрезмѣрной тѣсноты и глубины строя, а также безпрестаннаго пораженія стрѣлами лучниковъ съ фронта и лѣваго фланга отъ засады, которая подошла отъ Трамекура, образовала тѣсную нестройную толпу. Пользуясь этимъ безпорядкомъ и образовавшимися прорывами, англійскіе лучники выхватили мечи, ворвались въ непріятельскій строй и стали рубить. Конетабль и множество знатнѣйшихъ и простыхъ рыцарей было убито, и первая баталія начала безпорядочно отступать. Между тѣмъ остальные англійскія войска подоспѣли на помощь лучникамъ. Самъ король велъ жандармовъ, которые вмѣстѣ съ лучниками атаквали главныя силы. Здѣсь завязался болѣе упорный бой, въ которомъ самъ англійскій король принималъ непосредственное участіе. Но смерть герцога Алансонскаго и другихъ предводителей заставили французовъ обратиться въ бѣгство.“

Оставалась третья баталія; Генрихъ полагалъ тотчасъ-же атаковать ее, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что сильный отрядъ французовъ приближается съ тылу.

Опасаясь неблагопріятнаго оборота дѣла, англійскій король приказалъ умертвить всѣхъ плѣнныхъ. Но черезъ нѣсколько времени оказалось, что небольшой летучій отрядъ изъ жителей сдѣлалъ нападеніе съ цѣлью разграбить лошадей и обозъ. Отрядъ этотъ былъ опрокинутъ; но не смотря на отмѣну приказанія короля, нѣсколько тысячъ французовъ было истреблено.

Третья баталія французовъ, будучи сильнѣе всей англійской арміи, защищалась слабо. Оставшись безъ начальниковъ и узнавъ о появленіи англійскаго от-

ряда въ тылу, она не выдержала натиска англичанъ и обратилась въ бѣгство. Французы лишились при Азинкурѣ до 9 тысячъ убитыми и 14 тысячъ плѣнными; англичане, по нѣкоторымъ свѣденіямъ, потеряли 600, по другимъ 1600 человекъ.

Въ этомъ сраженіи опять мы замѣчаемъ, что вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій главнокомандующаго французская кавалерія парализована. Не будучи въ состояніи на вязкой размокшей землѣ атаковать въ конномъ строю, она оказывается не только беззащитна противъ англійскихъ лучниковъ, но привела въ безпорядокъ собственныя войска.

Спѣшенная кавалерія, построенная въ глубокія массы на тѣсномъ пространствѣ, при своемъ тяжеломъ обмундированіи, не могла маневрировать на размокшихъ пашняхъ такъ легко, какъ англійскіе лучники, и потому, обстрѣленная издали и разстроенная еще своими латниками, также не могла оказать большаго сопротивленія. Поставленные же въ заднихъ шеренгахъ первой баталіи французскіе лучники не могли извлечь пользы отъ своего метательнаго оружія и также отчасти были смяты своими же, отчасти поддались паническому страху въ виду отступленія рыцарей.

Пораженіе первой баталіи безъ сомнѣнія сейчасъ отразилось нравственно на послѣдующія линіи, оставшіяся безъ своихъ начальниковъ, самовольно уѣхавшихъ со своихъ мѣстъ и частью убитыхъ или плѣнныхъ, частью покинувшихъ вмѣстѣ съ остатками первой баталіи поле сраженія.

И такъ главнѣйшими причинами потери сраженія со стороны французовъ были: неудачный выборъ позиціи, который скорѣе способствовалъ англичанамъ, чѣмъ усиливалъ оборонительный бой; неудачное расположеніе войскъ, такъ какъ люди, вооруженные метательнымъ оружіемъ, поставлены сзади рыцарей и не могли извлечь пользу изъ своего оружія; неудобство мѣстности какъ для дѣйствій конницы, такъ и для дѣйствія спѣшенныхъ рыцарей въ ихъ тяжеломъ вооруженіи; своевольство и отсутствіе дисциплины между рыцарями, особенно бывшими отдѣльными начальниками въ заднихъ баталіяхъ.

Со стороны англичанъ—построеніе цѣлесообразное: впереди лучники въ неглубокомъ строѣ, сзади спѣшенная конница. Это дало возможность воспользоваться метательнымъ оружіемъ для подготовки атаки, прекрасный выборъ минуты для перехода къ рукопашному бою; пользованіе засадою для атаки во флангъ и обходнымъ движеніемъ въ тылъ; строжайшая дисциплина въ войскахъ и единство управленія.

Послѣ того Генрихъ возвратился въ Англію, оставивъ вмѣсто себя во Франціи герцога Бедфорда, и потомъ заключилъ перемиріе на два года. Въ 1418 году онъ явился снова въ Нормандіи съ 25 тысячами, овладѣлъ значительною частью Франціи и по миру въ Троя (21 мая 1420 г.) получилъ французскую корону и руку принцессы Екатерины; однако война съ дофиномъ продолжалась. Въ 1421 г.

Генрихъ, покрытый славою, возвратился въ Англію; въ томъ же году онъ третій разъ переправился съ свѣжимъ войскомъ во Францію, взялъ Дре и Мо и отѣснилъ дофина за Луару, но внезапно заболѣлъ и умеръ въ Венсенскомъ замкѣ 31 августа 1422 года.

Г л а в а 11-я.

Выводы о состояніи военнаго искусства изъ Столѣтней войны. Упадокъ феодализма. Поднятіе значенія пѣхоты. Реорганизація конницы. Первая попытка къ учрежденію регулярныхъ войскъ.

Первая французская регулярная конница Карла VII—ордонансовыя роты.

Не станемъ описывать, какъ мало по малу началъ проявляться французскій патриотизмъ, явилась Орлеанская дѣва и успѣхи оружія опять начали переходить на сторону Франціи. Приведенныхъ примѣровъ полагаемъ достаточно для нашихъ выводовъ относительно значенія, употребленія и устройства европейской конницы во время столѣтней войны и вообще въ XIV и XV вѣкахъ.

Столѣтняя война была въ сущности междоусобная распря, которая происходила отъ несовершенства склада тогдашняго феодальнаго общества и которою англичане пользовались для своихъ цѣлей. Вѣчно раздѣленные и враждующіе между собою крупныя феодальныя владѣльцы Франціи, городскія общины и притѣсняемые отсюду крестьяне нерѣдко принимали сторону англичанъ или совершенно парализовали дѣйствія правительства. Короли, не имѣя войскъ, должны были, въ случаѣ внутренней или внѣшней опасности, обращаться къ феодальнымъ владѣльцамъ и рыцарямъ, или къ городскимъ общинамъ, или наконецъ къ найму разныхъ бродячихъ бандъ. Феодальныя владѣльцы, какъ выше говорено было, не всегда являлись на этотъ зовъ или являлись на извѣстный срокъ, и, когда онъ кончался, нерѣдко оставляли короля въ самомъ критическомъ положеніи, или наконецъ требовали непосильныхъ вознагражденій. Въ отношеніи распоряженія коммунальными войсками короли находились въ зависимости отъ муниципалитетовъ и, если король съ ними ладилъ, то ему удавалось, если-же нѣтъ, то городскіе совѣты противились ему всѣми силами. По этой причинѣ для приведенія въ покорность волѣ своей городовъ, короли прибѣгали къ феодальнымъ войскамъ, какъ случалось во Франціи и на оборотъ, для дѣйствій противъ феодальныхъ владѣльцевъ, очень часто обращались къ войскамъ городскихъ общинъ, какъ это бывало въ Германіи. Даже въ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, король Эдуардъ III умѣлъ ладить и съ высшимъ сословіемъ, и съ городскимъ, и съ сельскимъ обществомъ, мы можемъ замѣтить подобное же явленіе. Силою своего таланта онъ умѣлъ

соединить въ своей арміи всѣ сословія къ достиженію цѣли; но онъ самъ не замѣтилъ какъ, обращаясь за деньгами, онъ мало по мало далъ такую силу парламенту, что поставилъ королевскую власть подъ полную зависимость отъ него. Эдуардъ могъ удерживать свои завоеванія только наемными авантюристами, или своими рыцарями, не обязанными нести во время мира никакой службы, а во время войны являвшимися на службу только на самый короткій срокъ. Слѣдовательно, чтобы ими располагать нужны были деньги. Слава Эдуарда и Чернаго принца привлекала къ нимъ удалцевъ съ разныхъ краевъ Европы, въ томъ числѣ и изъ самой Франціи; но всѣ они шли съ расчетомъ на наживу, на счетъ чужихъ или своихъ безразлично. Все, что пріобрѣтали англійскіе полководцы, шло на удовлетвореніе наемныхъ войскъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что англичане, послѣ громкихъ побѣдъ, чуть не моментально теряли всѣ свои завоеванія во Франціи, какъ это случалось неоднократно. Изъ этого можемъ заключить, что, не смотря на громкія побѣды, составъ тогдашнихъ войскъ европейскихъ государствъ, а въ томъ числѣ и англійскихъ, не отвѣчалъ продолжительнымъ войнамъ и отдаленнымъ предпріятіямъ, какъ это показали крестовые походы, швейцарскія войны, подтвердила столѣтняя война и, наконецъ, гусситскія войны, которыхъ мы разбирать не будемъ. Правительства убѣдились, что въ складѣ феодальнаго общества, они не могутъ найти себѣ опоры для внутренняго порядка въ государствѣ и для внѣшней безопасности. Имъ нужны были войска такія, которыя бы были въ полной отъ нихъ зависимости, могли бы быть употреблены въ каждую данную минуту, въ военное время или мирное, въ своей или въ непріятельской странѣ, т. е., войска постоянныя.

И такъ правительствамъ надо было прежде всего поднять свою власть. Этого можно было достигнуть уничтоженіемъ феодализма. Сила феодальной аристократіи заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что она составляла военную силу въ государствахъ. Слѣдовательно нужна была другая сила, которая бы сломила ее. Но уже въ описываемое время сила эта была надломлена. Крестовые походы ослабили вѣру въ непобѣдимость феодальныхъ войскъ, швейцарскія войны показали, что сельское населеніе можетъ съ успѣхомъ выдерживать борьбу съ ними, а столѣтняя и гусситская войны дали разительные примѣры, что небольшая, но хорошо дисциплинированная армія, можетъ громить въ нѣсколько разъ превосходящія феодальныя ополченія. Оставалось отказаться разъ на всегда отъ содѣйствія феодальныхъ армій и ввести арміи правительственныя. Матерьялъ для этого былъ готовъ. Масса обѣднѣвшихъ рыцарей готовы были предложить свои услуги за кусокъ хлѣба и, разумѣется, этотъ кусокъ больше всего могло обезпечить правительство. Помощью такихъ войскъ, всегда находящихся въ сборѣ, хорошо содержимыхъ и готовыхъ по первому приказу къ дѣйствию, правительство уже могло мало по малу прибрать къ рукамъ и сильныхъ вассаловъ, и города.

Во вторыхъ, перечисленныя войны показали, что составъ феодальныхъ армій съ преобладающею числительностью конницы и дурнымъ состояніемъ пѣхоты, также не отвѣчалъ выяснившимся требованіямъ военного искусства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ показали примѣры, хорошая пѣхота не только можетъ замѣнить конницу; но даже имѣетъ неоспоримое превосходство на мѣстности, закрытой и пересѣченной, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, убѣдившись въ этомъ, начали прибѣгать на войнѣ къ пособію позицій.

Примѣръ Англіи не могъ не послужить для подражанія въ другихъ государствахъ относительно пріученія сельскаго населенія къ военнымъ упражненіямъ и, особенно, стрѣльбѣ изъ луковъ.

Въ третьихъ, рыцарство, при всѣхъ его недостаткахъ, своевольствѣ, безначаліи, предразсудкахъ и непониманіи сути военного искусства, безспорно представляло превосходный матерьялъ для конницы. Воспитаніе съ малыхъ лѣтъ дѣлало дворянина хорошимъ ѣздокомъ и отважнымъ воиномъ. Поэтому правительствамъ желательно было преимущественно привлечь этотъ матеріалъ для формированія конницы въ составѣ правительственныхъ армій, но вселивъ въ него надлежащую дисциплину и безусловное повиновеніе правительству.

Въ отношеніи же раздѣленія конницы на тяжелую и легкую, можно сказать то, что хотя необходимость легкой конницы давно была выяснена, но сила привычки, и прежняго обаянія была такъ велика, что тяжелая конница долго еще остается главнѣйшимъ родомъ конницы въ составѣ европейскихъ армій. Поколебать вѣру въ значеніе массивныхъ лошадей и предохранительнаго вооруженія могло только распространеніе огнестрѣльнаго оружія, да и то далеко не въ первое время его существованія; такъ какъ извѣстно, что чуть не до нашего времени тяжелая конница, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ средніе вѣка, но все таки была въ употребленіи.

Все это, вытѣсняя феодальныя учрежденія, дѣйствительно мало по малу вводится въ европейскихъ государствахъ: во первыхъ, постоянныя арміи, помощью которыхъ гордые феодальныя владѣльцы приводятся въ полное подчиненіе, теряютъ право содержать войско, слѣдовательно становятся бессильными передъ правительствомъ; въ арміяхъ совершенствуется пѣхота и пріобрѣтаетъ принадлежащее ей мѣсто и значеніе; конница формируется изъ прежняго дворянства, но преданнаго правительству и дисциплинированнаго; на ряду съ тяжелою улучшается легкая конница, въ которую не гнушаются уже поступать высшія сословія, хотя первоначально только въ качествѣ начальниковъ. Но все это вводится далеко не одновременно въ разныхъ государствахъ, не смотря на то, что польза нововведеній всеми сознается.

Первое постоянное регулярное войско основано въ Турціи. Султанъ Орханъ, слѣдуя примѣру аравитянъ и мавровъ, которые имѣли постоянныя, но нельзя на-

звать регулярныя войска, учредилъ въ 1330 году изъ набранныхъ и силою обращенныхъ въ магометанскую вѣру христіанскихъ отроковъ извѣстный корпусъ янычаровъ. Корпусъ этотъ въ царствованіе славныхъ преемниковъ Орхана сдѣлался главнымъ орудіемъ къ распространенію турецкаго могущества. Но, вслѣдствіе озобенности быта турокъ и способа комплектованія янычаръ, примѣръ ихъ не послужилъ къ подражанію въ Европѣ, гдѣ, только спустя слишкомъ 100 лѣтъ, французскій король Карль VII, убѣдившись личнымъ опытомъ въ недостаткахъ феодальной системы, основалъ изъ леннаго своего дворянства регулярную конницу. Эту конницу, которая уже послужила примѣромъ для подражанія въ большинствѣ европейскихкихъ государствъ, и принято считать за начало регулярнаго войска.

Время для сформированія постояннаго войска было выбрано чрезвычайно удачно. Перевѣсъ войны перешелъ на сторону французовъ, патриотизмъ пробужденъ, такъ что король могъ разсчитывать на общее сочувствіе, народъ истомился отъ продолжительной войны и грабежей и радъ былъ всякому нововведенію, которое бы сколько нибудь могло оградить его безопасность и права. Въ Анжерѣ въ 1439 году собраны были депутаты для разсмотрѣнія и утвержденія о сформированіи постояннаго войска. Безъ согласія депутатовъ предполагаемое нововведеніе не могло состояться, такъ какъ оно совершенно измѣняло систему налоговъ. Пока не было постояннаго войска, не было и постоянныхъ налоговъ; главнымъ источникомъ содержанія наемныхъ войскъ были грабежи и добыча, потому налоги устанавливались на опредѣленное время и для опредѣленной цѣли. Постоянное войско должно было содержаться на жалованьи, слѣдовательно необходимо получить согласіе депутатовъ на введеніе постояннаго налога. Новое учрежденіе совершенно уничтожило могущество знати и феодальныхъ владѣльцевъ, составлявшихъ, какъ извѣстно, до тѣхъ поръ военную силу, потому что постоянное войско давало королю возможность прекратить произволь аристократіи, даже въ ея собственныхъ владѣніяхъ. Конечно, оно грозило Франціи угнетеніемъ и увеличеніемъ налоговъ. Но въ то время этого не подозрѣвали, и народъ съ удовольствіемъ согласился платить постоянную подать, такъ какъ до этого его собственность не была обезпечена, и при каждой войнѣ земледѣліе и промышленная дѣятельность совершенно пріостанавливались. Сверхъ того, съ уплатою постоянной, опредѣленной подати королю, прекращались всякія феодальныя повинности, платимыя народомъ дворянству за защиту государства. Къ послѣднему дворянство долго не могло привыкнуть, и даже строгія мѣры послѣдующихъ царствованій не могли искоренить злоупотребленій. Если бы депутаты, собранные въ Анжерѣ, предвидѣли всѣ послѣдствія этого нововведенія, они ни за что не согласились бы на его учрежденіе. Но результаты оказались только впослѣдствіи.

Проектъ былъ утвержденъ, но постоянное войско получило свое начало еще черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ много хлопотъ было съ наемными бандами, для

которыхъ это нововведеніе было крайне невыгодно. Въ 1445 году сформирована была наконецъ изъ богатыхъ служилыхъ людей прежняго войска регулярная конница подъ именемъ ордонансовыхъ ротъ. Карль VII велѣлъ избрать извѣстное число храбрѣйшихъ и достойнѣйшихъ рыцарей, назначилъ ихъ капитанами и поручилъ имъ набрать роты и подчинить ихъ строжайшей дисциплинѣ. Дѣло это производилось подъ непосредственнымъ руководствомъ коннетабля графа Ришмона.

Каждая рота состояла изъ 100 копій, или 100 всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Каждаго такого всадника или жандарма (*l'homme d'armes*) сопровождали оруженосецъ (*coutillier*), пажъ, или слуга и три конныхъ стрѣлка ¹⁾. Всѣ вмѣстѣ они составляли полное копье. Слѣдовательно, рота числительностью людей соответствовала четырехэскадронному полку, полагая въ эскадронѣ по 150 всадниковъ.

Ротою командовалъ капитанъ, который соответствовалъ старинному баннерету; у него подъ начальствомъ были: поручикъ, прапорщикъ, знаменщикъ, вахмистръ и два эстандартъ юнкера, имѣвшіе значеніе прежнихъ рыцарей со значками (*chevaliers à pennon*).

Наружный видъ строя роты для боя совершенно сходствовалъ съ построениемъ рыцарей. Но каждая изъ трехъ группъ всадниковъ, входившихъ въ составъ роты, т. е., жандармы, оруженосцы и стрѣлки могли быть отдѣлены для какихъ нибудь цѣлей и употреблены въ дѣло особо. Если жандармы для какой нибудь цѣли отдѣлялись отъ стрѣлковъ, то обыкновенно первыми командовалъ капитанъ, а послѣдними поручикъ; прочіе офицеры распредѣлялись равномерно въ обѣ части. Если же отдѣлялась небольшая часть кутильеровъ или стрѣлковъ, то для командованія ими назначался какой нибудь жандармъ. Каждый жандармъ въ своемъ копѣ считался старшимъ и игралъ роль унтеръ-офицера.

Командирами ордонансовыхъ ротъ назначались самые храбрѣйшіе и знатнѣйшіе изъ рыцарей, поступившихъ на коронное содержаніе изъ титулованныхъ грантъ-сеньеровъ и даже изъ принцевъ.

Прочіе люди ротъ, набранные изъ обѣднѣвшихъ феодальныхъ дворянъ, впоследствии комплектовались вербовкою отъ имени короля; но жандармы (*hommes d'armes*) должны были доказать дворянство и имѣть независимое состояніе (*tous riches, mais ils portaient tous leurs harniers, et sans paniers*).

Форма одежды у жандармовъ до Карла VI была обыкновенная рыцарская, которую носили всѣ дворяне французскіе, а отъ нихъ заимствовали и другія націи. Главную часть одежды составлялъ камзолъ безъ рукавовъ, и подъ нимъ блуза, но потомъ жандармы послѣднюю замѣнили кольчужной рубашкой (*haubergeon*). На основаніи существовавшихъ положеній портные обязаны были въ камзолъ класть

¹⁾ Suzanne. Histoire de la cavalerie française.

не менѣе 3 фунтовъ бумаги между двумя двойными матеріями. Не смотря на то, большая часть рыцарей употребляла еще нагрудники. Штаны носили суконные на кожѣ. При Карлѣ VI вмѣсто камзола стали носить короткую фуфайку, стеганую съ длинными рукавами. Эту фуфайку рыцари надѣвали сверхъ панцыря. Чулки, покрывавшіе всѣ ноги, носили въ обтяжку.

Жандармы ордонансовыхъ ротъ, какъ равно и прочіе люди этихъ ротъ, имѣли двѣ формы: парадную, она же и боевая, заключавшуюся въ *hoqueton*, одного цвѣта во всей ротѣ; и *cosaque*, дорожный плащъ съ широкими рукавами.

Предохранительное вооруженіе жандармовъ состояло изъ шлема или каски (*bassinet*), который замѣнилъ прежній *heaume*, употреблявшійся во времена крестовыхъ походовъ и имѣвшій видъ кострюли или колокола. *Bassinet* соотвѣтствовалъ формѣ головы и имѣлъ сзади козырекъ.

Для прикрытія корпуса надѣвали сверху или прикрѣпляли къ вестѣ кирасъ, съ особыми закрытіями плечъ (*epauliers*); а на шею поверхъ кираса надѣвали ошейникъ (*gorgerette*). Въ случаѣ надобности, соединеніемъ края каски съ ошейникомъ можно было закрыть все лицо.

Для прикрытія живота, къ поясу кирасъ придѣлывались кругобразныя полосы, скрѣпленныя вмѣстѣ на кожѣ и образовавшія такимъ образомъ юбку. Сапоги носили остроконечные, кожаные, поверхъ которыхъ укрѣплены были металлическія пластинки.

Перчатки, которыя прежде были кольчужныя, замѣнены были замшевыми съ пластинками желѣза.

Прочія части рукъ и ногъ, локти и колѣни, бедра и прочія имѣли также свои закрытія изъ желѣза, во многихъ мѣстахъ обдѣланнаго серебромъ.

Къ поясу, который носили жандармы, прикрѣплялась справа на лѣво широкая портупея, украшенная бляхами. На ней висѣлъ съ одной стороны мечъ, съ другой кинжалъ.

Главнымъ оружіемъ жандармовъ было длинное копьѣ, съ приспособленіемъ для закрытія руки и упора ея при нанесеніи сильныхъ ударовъ. Отъ этого, собственно, жандармовъ не рѣдко называли копейщиками.

Оруженосецъ имѣлъ шишакъ или каску (*salade*), кольчугу и куртку или малый панцырь изъ металлическихъ пластинокъ; топоръ или аллебарду (*guisarme*) и ножъ или трехгранную шпагу (*coutile*), оттого они также назывались кутильерами.

Конные стрѣлки ¹⁾ также носили шишаки, кольчуги, металлическія закрытія (изъ пластинокъ) для рукъ и наколѣнники.

Каждый жандармъ имѣлъ 4 лошади, одну строевую, которая всегда оставалась въ мѣстѣ расположенія роты, другую, клеппера, для частныхъ своихъ надоб-

¹⁾ Histoire du costume en France, par Quicherat, pag, 274.

ностей, третью вычную и четвертую для оруженосца. Стрѣлки конные имѣли двухъ лошадей, одну для себя, другую для выюка.

Богатѣйшіе жандармы сидѣли на испанскихъ и неаполитанскихъ лошадяхъ, которыя чрезвычайно цѣнились, а большинство на арденскихъ или бретонскихъ. Если цѣна лошади превышала 300 ливровъ, на окорокѣ выжигали клеймомъ ея стоимость, потому что, въ случаѣ увѣчья или смерти лошади въ бою, король уплачивалъ ея стоимость, не смотря на то, что жандармъ выѣзжалъ на собственномъ конѣ. Для этой же цѣли велся регистръ, въ который вписывались всѣ лошади съ обозначеніемъ ихъ примѣтъ ¹⁾. Всѣ лошади содержались на счетъ государства ²⁾.

Снаряженіе лошади состояло изъ мундштука, рыцарскаго сѣдла, какъ видно на рисункѣ, изображающемъ жандарма временъ Людовика XI, и предохранительнаго вооруженія. На многихъ изображеніяхъ, дошедшихъ до насъ, можно видѣть на рыцарскихъ лошадяхъ одинъ мундштукъ съ мундштучными поводьями, безъ трензеля; на другихъ изображеніяхъ находимъ уздечку; попадаются и такія гдѣ видно 4 повода, какъ на примѣръ на изображеніи Юанны д'Аркъ ³⁾. Въ легкой конницѣ употреблялись пахвы (coupiers) и поперсыя.

Предохранительное вооруженіе состояло изъ намордника (chaufreins), латъ изъ кожи и нагрудника изъ кольчуги.

„Лошади были прикрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и ударовъ“, пишетъ Фруассаръ, „частью желѣзной сѣтью, частью желѣзными нагрудниками и боковыми покрывалами изъ выдѣланной кожи“. Головной уборъ былъ сдѣланъ изъ желѣза, а нерѣдко даже изъ золота и серебра и украшенъ драгоценными камнями. При осадѣ Гарфлѣра на боевомъ конѣ графа Сенъ-Поля былъ уборъ, стоившій 30 тысячъ таллеровъ; а на лошади графа Сенъ-Фуара уборъ, украшенный камнями цѣною въ 15 тысячъ таллеровъ ⁴⁾.

Въ мирное время ордонансовыя роты размѣщались по городамъ, отъ 20 до 30 человекъ на домъ, и каждый имѣлъ право пользоваться отпускомъ отъ 6 недѣль до 3-хъ мѣсяцъ для наблюденія за работами и уборкою своихъ полей.

Для содержанія ордонансовыхъ ротъ Карль VII учредилъ налогъ, какъ мы объ этомъ говорили, доходы съ котораго распредѣлялись во время смотровъ. Ордонансовыя роты осматривались 4 раза въ году. На два изъ такихъ смотровъ, производимыхъ маршаломъ Франціи, каждый жандармъ долженъ былъ являться на конѣ, въ полномъ вооруженіи. На смотры второй категоріи люди должны были

¹⁾ Daniel. Histoire de la milice française. L. 3, p. 86.

²⁾ Hoyer. Geschichte der Kriegskunst, erster Band.

³⁾ Histoire du costume.

⁴⁾ Daniel, pag. 405.

являются въ полукафтанѣхъ (*cosaque de livrée*), безъ оружія и имѣли дѣло съ военными комиссарами.

Капитанъ во время каждаго изъ смотровъ ¹⁾ получалъ около 3000 франковъ, стрѣлки по 400 и кутильеры 300.

Число ордонансовыхъ ротъ во Франціи въ началѣ учрежденія ихъ, т. е., въ 1445 г. было 15. Четыре года спустя, когда Карль VII предпринялъ покореніе Нормандіи, ихъ было 17. У Людовика XI, до присоединенія владѣній Карла Смѣлаго, было 2200 французскихъ копій, съ присоединеніемъ этихъ владѣній число ротъ значительно увеличилось.

Людовику XI принадлежитъ изданіе многочисленныхъ эдиктовъ, особенно въ *Montiles-les-Tours*, которые установили до мельчайшихъ подробностей всѣ порядки службы въ ротахъ.

По примѣру Франціи и другія государства стали вводить ордонансовыя роты, такъ напримѣръ герцогъ Бургундскій Карль Смѣлый, а потомъ Германскій императоръ Максимилианъ I и другіе государи. Мало по малу слово жандармъ замѣнило прежнее названіе рыцарей и распространилось на всѣхъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ, не обращая вниманія на то, были-ли они рыцари или нѣтъ.

Карль Смѣлый, о неудачныхъ дѣйствіяхъ котораго противъ швейцарцевъ мы уже говорили, устроилъ свои ордонансовыя роты нѣсколько иначе, сравнительно съ французскими. У него копье состояло изъ латника, кутильера, пажа, трехъ конныхъ лучниковъ и трехъ пѣхотинцевъ (пикенера, арбалетчика и кулевриньера); кулеврина была—ручное огнестрѣльное оружіе ²⁾. Такимъ образомъ въ ротѣ перемѣшаны были всѣ виды конницы и тогдашней пѣхоты. Во время войнъ съ швейцарцами, именно въ 1475 году, онъ отнялъ лошадей у конныхъ лучниковъ и тѣмъ увеличилъ въ копьѣ количество пѣхоты. Но и во Франціи количество людей въ копьѣ измѣнялось: при Людовикѣ XII было 7, при Францискѣ I восемь человекъ въ копьѣ. Это увеличеніе числа людей происходило отъ присоединенія всадниковъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Карль Смѣлый былъ первый государь, который началъ обращать серьезное вниманіе на обученіе войскъ. Въ 1473 году онъ отдалъ приказъ ³⁾ объ обученіи капитанами и прочими начальниками своихъ ротъ и частей какъ въ одномъ шлемѣ и нагрудникѣ, такъ и въ полномъ вооруженіи. Карль требовалъ приученія всадниковъ двигаться и нападать въ сомкнутомъ строѣ съ копьемъ; быстро, въ случаѣ надобности, рассыпаться и собираться для взаимной поддержки. Стрѣлки обучались быстро спѣшиваться и садиться на коня. При спѣшиваніи люди должны были отдавать лошадей назначеннымъ для это конюхамъ, изъ которыхъ каждый долженъ

¹⁾ Susanne.

²⁾ Существовали также кулеврины, употреблявшіяся въ артиллеріи.

³⁾ Daniel, liv. 5, cap. 7, pag. 377.

былъ держать лошадей трехъ стрѣлковъ. Спѣшенные люди строились впереди лошадей, а впереди нихъ копейщики или жандармы. По данной командѣ или знаку жандармы приучались становиться на одно колѣно и направлять пикъ въ непріятельскихъ лошадей, а стрѣлки стрѣляютъ черезъ нихъ изъ луковъ. Въ случаѣ надобности подобнымъ же образомъ жандармы и стрѣлки строили каре, внутри котораго помѣщались всѣ лошади.

Французскіе короли также ввели подобныя упражненія для своихъ ордонансовыхъ ротъ и вольныхъ стрѣлковъ (*francs archers*). Надо замѣтить, что вольные стрѣлки были учреждены Карломъ VII въ 1448 году, какъ постоянная цѣхота, которая, составляя войско въ родѣ *garde mobile*, получала содержаніе и собиралась въ извѣстное время для обученія. При Людовикѣ XI устроенъ былъ учебный лагерь близъ Руана, при Pont—de l'arche, въ которомъ собиралось постоянное войско, состоявшее, кромѣ конницы, изъ 6000 швейцарцевъ, 10 тысячъ французской пѣхоты, въ томъ числѣ 2500 инженерныхъ войскъ. Въ лагерь производились обычныя въ то время воинскія упражненія и обращалось особенное вниманіе на приученіе войскъ къ строжайшей дисциплинѣ.

Въ концѣ XV столѣтія военныя упражненія въ лагеряхъ входятъ повсюду въ обычай; въ Германіи даже были случаи двухстороннихъ маневровъ. Въ 1497 году графъ Генрихъ Глихенъ произвелъ маневръ такой подъ Эрфуртомъ. Бюргеры Эрфурта должны были провести въ городъ транспортъ, а конница, состоявшая изъ сержантовъ и конныхъ бюргеровъ сдѣлать нападеніе ¹⁾.

Со введеніемъ ордонансовыхъ ротъ тактика войскъ, въ сущности говоря, не измѣнилась, какъ это видно было изъ требованій при обученіи. Роты для боя строились подобно рыцарямъ, т. е., жандармы становились въ одну разомкнутую шеренгу (*en haue*), позади которой въ 30 или 40 шагахъ, если мѣстность позволяла, находилась вторая шеренга изъ кутильеровъ и слугъ. Стрѣлки дѣйствовали въ рассыпную. Жандармы производили первый ударъ, атакуя въ карьеръ, за ними слѣдовали кутильеры и слуги ²⁾ или отроки. Нерѣдко однако тѣ и другіе охраняли фланги расположенія жандармовъ, или же по усмотрѣнію начальника употреблялись для другихъ цѣлей.

Стрѣлки, составляя легкую конницу, употреблялись для развѣдыванія, преслѣдованія, а также, какъ современные драгуны, для быстрого захвата и удержанія мѣстныхъ предметовъ; для этой цѣли они дѣйствовали какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю.

¹⁾ Hoyer. Hartung. Kammermeisters. Erfurtische Annalen. S. 1192.

²⁾ Слуги назывались *page* или *valet*. Не надо думать, что это были слуги изъ низшаго сословія, напротивъ большею частью изъ лучшихъ фамилій. Это была 1-я ступень или чинъ для жандарма. Молодой человѣкъ поступалъ первоначально въ пажи, потомъ производился въ оруженосца и наконецъ дѣлался *homme d'armes*.

Пѣхота, кромѣ войскъ швейцарскихъ, гусситскихъ и англійскихъ, по прежнему играетъ въ сраженіяхъ весьма пассивную роль; сформированные Карломъ VII вольные стрѣлки, о которыхъ мы упоминали, оказались войскомъ не оправдавшимъ ожиданія, и потому на поляхъ битвъ по прежнему играетъ главную роль тяжелая конница и конные стрѣлки, которые, комплектуясь изъ дворянства или обѣднѣвшаго рыцарства, склоннаго къ военной службѣ, оказались превосходнымъ войскомъ. Въ сраженіи при Фроминьи жандармы, при помощи спѣшенныхъ конныхъ лучниковъ, разбили непобѣдимую до тѣхъ поръ англійскую армію, при чемъ французскіе конные стрѣлки взяли верхъ надъ знаменитыми англійскими лучниками.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

в) Повѣствованіе о конницѣ славянъ, татаръ и османскихъ турокъ.

Глава 12-я.

Славяне. Военное ихъ искусство. Польская конница. Русскія княжескія дружины. Свѣденія о коневодствѣ. Вооруженіе и снаряженіе русской конницы. Образъ дѣйствія русскихъ войскъ. Употребленіе конницы на театрѣ дѣйствій.

Въ предыдущей части мы уже описывали устройство и образъ дѣйствій кавалеріи скивовъ и сарматовъ; какъ извѣстно, скивами и сарматами греки называли всѣхъ народовъ одного племени, не имѣвшихъ тогда одного общаго имени и жившихъ на большомъ пространствѣ восточной Европы, отъ Вислы или Одера на востокъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Новѣйшія изслѣдованія выяснили, что всѣ эти народы были предками многочисленнаго однороднаго племени, которое съ IV вѣка по Р. Х. является на историческомъ поприщѣ подъ общимъ именемъ словенъ или славянъ.

„Въ IV вѣкѣ по Р. Х. готы“, говоритъ Голицынъ ¹⁾, „двинувшись отъ Балтійскаго моря къ Черному, покорили обитавшія на этомъ пространствѣ славянскія и финскія племена и основали въ нынѣшней западной Россіи могущественное государство готское. По разрушеніи его въ 375 году гуннами, послѣдніе, двинувшись въ Паннонію, увлекли за собою множество славянъ. Вообще переселеніе народовъ въ IV и V вѣкахъ по Р. Х. привело въ движеніе и славянскій міръ, и на югъ, отъ Чернаго моря до Атлантическаго океана, съ германскими племенами смѣшались и многія славянскія (особенно аланы), а на западъ послѣднія распространились до Эльбы и западныхъ богемскихъ горъ (Böhmerwald). Послѣ гунновъ частью подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ владѣли авары или обры, вслѣдъ за гуннами основавшіе также могущественное государство аварское. Съ конца V вѣка по Р. Х. на Дунаѣ являются болгары, часть многочисленнаго народа тюркскаго племени, господствовавшаго на берегахъ Волги и Камы и вслѣдствіе того значительно смѣшаннаго съ коренными, туземными финскими племенами. Дунайскіе болгары основали свое государство между славянами въ Мизіи (нынѣшней Болгаріи). Этимъ заканчиваются разныя переселенія славянъ до паденія Западной римской имперіи, послѣ чего они являются уже въ исторіи подъ различными собственными именами, на пространствѣ отъ Лабы (Эльбы) и Салы (Заале) до истоковъ Волги, Двины и Днѣпра, и отъ Балтійскаго моря до Чернаго“.

Славяне первоначально жили отдѣльными семьями—родами подъ управленіемъ главы ея—отца, а по смерти или при неспособности его,—старшины или владыки по выбору. Это вело къ владѣнію домомъ или имуществомъ рода всѣми членами его сообща или къ семейной общинѣ (по славянски вервь, задруга). Изъ такихъ

¹⁾ Русская военная исторія. Ч. I, стр. 15.

семейныхъ общинъ въ послѣдствіи образовались земельныя общины, у нѣкоторыхъ племенъ жупаніи или жупы. Эти общины занимали обыкновенно территорію, ограниченную естественными рубежами, и имѣли центромъ городъ, гдѣ жилъ жупанъ, собирались сеймы, производились суды и сосредоточивались войска въ случаѣ призыва. У сербовъ волости или жупы составляли федерацію, во главѣ которой стоялъ великій жупанъ ¹⁾, а въ послѣдствіи банъ. Нѣкоторые изъ родовыхъ владыкъ или старшинъ, обогатившись и возвысивъ свой родъ надъ другими, получили у нѣкоторыхъ племенъ названіе леховъ. „Отсюда“, какъ говоритъ Пузыревскій, „производятъ слово, „шляхтичъ“, которые, подъ вліяніемъ столкновеній съ феодальнымъ западомъ, положили начало будущему дворянству“.

Роды и общины соединялись въ племена, а совокупность племенъ образовало народъ, во главѣ котораго иногда стоялъ князь, какъ напримѣръ, у чеховъ.

Княжеское достоинство у многихъ племенъ не было первоначально наследственнымъ или пожизненнымъ: народъ свободно выбиралъ и низлагалъ его ²⁾.

Всѣ славяне были свободны; рабства не было. Даже плѣнники держались на работахъ опредѣленное время, по истеченіи котораго, заплативъ выкупъ, могли уйти или остаться у славянъ свободными и друзьями.

Съ такимъ общественнымъ бытомъ древнихъ славянъ былъ согласенъ и военный бытъ ихъ. Вопросы войны и мира рѣшались на вѣчахъ, сеймахъ или соборахъ. Всѣ свободные участвовали въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ.

Сеймъ или вѣче опредѣляло число вооруженныхъ людей для военныхъ предприятий, а въ наиболѣе важныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ и поголовное ополченіе для всѣхъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе. Военнымъ вождемъ или предводителемъ вѣче избирало извѣстнѣйшаго умомъ, опытностью, мужествомъ, храбростью или военными подвигами своими.

Ополченіе составлялось по семейно и по общинно подъ предводительствомъ ихъ старѣйшинъ, жупановъ или иногда князей и называвшихся воеводами. „Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ причинъ“, какъ говоритъ Пузыревскій, „изъ общей массы населенія выдѣляются опытнѣйшіе, богатѣйшіе подъ названіемъ лучшихъ людей, образующихъ совѣтъ при князѣ“.

Вооруженіе и образъ веденія войны и военныхъ дѣйствій скиѣами и сарматами, которыя мы описывали въ предыдущей части, могутъ отчасти дать нѣкоторое понятіе о состояніи того-же у древнихъ славянъ, но съ нѣкоторыми различіями. Такъ сарматы и скиѣы сражались почти исключительно на коняхъ, славянскія же племена по большей части прибѣгали къ пѣшему бою, хотя имѣли и конницу, и первоначально далеко не всѣ были хорошо вооружены. „Предохранитель-

¹⁾ Заимствовано у Пузыревскаго. Исторія искусства въ средніе вѣка. Ч. I, стр. 54.

²⁾ Пузыревскій, тамъ же.

наго оружія“, пишетъ Пузыревскій ¹⁾, „сначала у славянъ не было, что видно изъ словъ Прокопія Кессарійскаго, который говоритъ: панцыря не носятъ, нѣкоторые же выходятъ въ сраженіе безъ нижней и верхней одежды въ однихъ коротенькихъ портахъ. „Впослѣдствіи же, по свидѣтельству Маврикія, Льва Діакона и проч. появляется хорошая броня, шлемы и большіе щиты“.

Южные и дунайскіе славяне отъ постоянныхъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій съ германцами противъ римлянъ, безъ сомнѣнія, многое заимствовали у тѣхъ и другихъ въ вооруженіи и образѣ веденія войны, тѣмъ болѣе, что всегда, и прежде и послѣ, всѣ славяне вообще были переимчивы. Воюя съ римлянами, южные славяне даже не могли не быть болѣе или менѣе хорошо вооружены, а часто, побѣждая римлянъ и грабя города и поселенія ихъ, получали въ добычу много всякаго рода вооруженія ихъ.

Изъ наступательнаго оружія славяне, по свидѣтельству Маврикія, имѣли луки съ ядовитыми стрѣлами, которыя производили весьма опасныя раны, и метательныя копья по два у каждаго воина. Обоюдоострые мечи составляли одно изъ главнѣйшихъ оружій славянина и пользовались большимъ почетомъ. Въ большомъ употребленіи были также бердыши или сѣкиры. Чешскіе воины очень любили въ бою желѣзный молотъ. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще о дротикахъ и встрѣчающихся въ могильныхъ курганахъ кинжалахъ, ножахъ, рогатинахъ, а также о шпорахъ, стременахъ, удилахъ, украшеніяхъ конской сбруи и пр. Вообще можно думать, что древніе славяне были искусны въ изготовленіи оружія, такъ какъ, напримѣръ, въ числѣ предметовъ торговли, получавшихся норманскими купцами отъ пермянъ по преимуществу, упоминаются, какъ цѣнный товаръ, желѣзо и мечи“.

Мы замѣтили, что скиѣи и сарматы дѣйствовали въ бою по преимуществу на коняхъ и были народомъ воинственнымъ; о славянахъ же источники упоминаютъ, какъ о народѣ скорѣе миролюбивомъ, сравнительно съ германцами, готами, гуннами и другими, и предпочитавшемъ сражаться пѣшкомъ. Насколько скиѣи и сарматы были предприимчивы въ своихъ набѣгахъ, настолько славяне придерживались преимущественно оборонительной системы веденія войны. Это объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ то время, когда славяне слыли у грековъ и римлянъ подъ именемъ скиѣовъ и сарматовъ, они были народомъ кочевымъ. А извѣстно, что всѣ кочевые народы были сильны и славились своею конницею. Иначе и быть не могло. Гдѣ переселеніе съ мѣста на мѣсто, гдѣ набѣгъ, тамъ нуженъ конь. Подъ вліяніемъ перекочевыванія явилась первая конница, какъ родъ оружія. Скиѣи, подобно нынѣшнимъ киргизамъ, жили въ шатрахъ и кибиткахъ, подымаясь для набѣга, снимали ихъ, и слѣдъ такихъ жилищъ исчезалъ.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 57.

Доказательствомъ тому, что и славяне первоначально были народъ конный, служатъ ихъ религіозныя вѣрованія и обычаи, которые внушали имъ особое уваженіе къ лошадямъ. Такъ, поклоняясь Свѣтовиду, богу солнца и земли, славяне посвящали ему бѣлую лошадь, вѣря, что самъ Свѣтовидъ, отправляясь въ сраженіе съ непріателемъ, ѣдетъ на ней. Съ помощью этой же лошади жрецъ предсказывалъ успѣшное или неуспѣшное окончаніе войны. Въ храмахъ, посвященныхъ богамъ, держали нѣсколько статныхъ и красивыхъ коней, которые, по понятію славянъ, вполне достойны были сѣдла боговъ; кони эти были или чисто бѣлые, или вороные. По смерти славянина, на его могилѣ родные закалывали любимаго имъ коня и зарывали его тутъ-же вмѣстѣ съ оружіемъ покойника. Это доказываетъ, что древніе славянскіе воины были преимущественно конные, славившіеся своимъ наѣздничествомъ и конскими набѣгами ¹⁾).

Съ переходомъ славянъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, явилась недвижимая собственность, заключающаяся въ пашняхъ и лѣсахъ, для защиты которыхъ строились жилища, огороженныя тыномъ, городища, окруженныя землянымъ валомъ и города съ деревянными, а иногда и каменными стѣнами. „Въ связи съ преобладающей системой войны и родовыми раздорами“, говоритъ Пузыревскій ²⁾), „находилась и склонность славянъ къ укрѣпленіямъ, которыхъ было весьма значительное количество во всѣхъ ихъ земляхъ, и которыя часто удивляли западныхъ рыцарей силой своего расположенія и искусствомъ постройки“. Разъ славянинъ сталъ дорожить своею недвижимою собственностью, естественно, что онъ сталъ менѣе склоненъ къ набѣгамъ и подымался только тогда, когда задѣвалъ его врагъ, или когда во главѣ племени являлся какойнибудь особенно предприимчивый князь. Кавалерія родъ оружія наступательный, а для оборонительной войны, для защиты мѣстныхъ предметовъ и городовъ, наиболѣе пригодна пѣхота. Этимъ объясняется упадокъ кавалеріи у славянъ, хотя они ее имѣли, какъ видно изъ слѣдующихъ выдержекъ: „пойде Олегъ на коняхъ и на корабляхъ“; „Игорь, въ 944 г. двинулся на грековъ въ ладьяхъ и на коняхъ“ ³⁾).

Переходъ славянъ отъ кочевой жизни или отъ наѣздничества къ осѣдлой отчасти выразился въ легендѣ или былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ. Въ этой былинѣ, между прочимъ ⁴⁾), говорится, какъ онъ „оратаюшко, со своею кобылкой соловенькой, ореть въ полѣ, понукиваетъ, какъ сошка у него поскрипываетъ, а изъ далека ѣдетъ Вольга богатырь со своей дружинишкой храброй на богатырскихъ коняхъ. Ёдутъ они по городамъ за получкой (за сборомъ дани, податей), приглашаютъ и Микулушку ѣхать съ собой.

¹⁾ Историческій очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства Мердера, С.-Пет. 1868.

²⁾ Стр. 56.

³⁾ Несторъ. Заимствовано у Пузыревскаго.

⁴⁾ Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ Ч. I, стр. 32—33. Заимствовано у Мердера.

Микула Селянинович и Вольга богатырь.

Исторія конницы М. Мар-
кова.

Типъ Русской сивки.

Типо-Лит. И. Н. Кушнерова № 10 Москва.

Поѣхалъ съ нимъ оратаюшко; только у Микулушки кобылка рысью идетъ, а конь богатырскій Вольги горячится, поскакиваетъ; но кобылка у оратая грудью пошла, а воинъ Вольга на своемъ конѣ далеко отсталъ“. Въ этой былинѣ изображено именно время, когда славяне охладѣли къ наѣздничанью и кочевой жизни, оттого и преимущество отдано земледѣльцу.

Скиѣны и сарматы славились своимъ коневодствомъ, и, какъ уже замѣчено было, римляне скиѣовъ называли прекрасноконными.

Съ переходомъ славянъ къ осѣдлой жизни, лошадь получила другое назначеніе—хозяйственное экономическое. Коневодство стремившееся къ разведенію боевыхъ коней, какъ было у скиѣовъ въ описываемое время, пало, такъ какъ рабочей, выносливой и неприхотливой въ кормѣ и уходѣ сивкѣ славянъ—земледѣлецъ больше былъ доволенъ; она и пахала и возила. Этимъ объясняется сильное возрожденіе лошади. Славяне, кромѣ коннаго войска, говоритъ Мердеръ, должны были образовать пѣшее, въ которомъ только начальники или князья были на лошадяхъ, отчего и самое слово князь получило свое начало: конь—язь, т. е. у кого есть конь ¹⁾).

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ общественный бытъ и конное дѣло въ описываемый періодъ времени у славянъ вообще, перейдемъ къ тѣмъ народамъ, которые наиболѣе другихъ намъ извѣстны своею конницею. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Польшѣ. Въ Польшѣ первоначально, какъ у чеховъ и моравовъ, существовало также раздѣленіе на ополья или жупаніи подъ названіемъ шляхты ²⁾, но по образованіи государственной княжеской власти, князья, а потомъ короли начали ставить въ кастели, или главные города, нѣкоторыхъ жупаній или ополій своихъ намѣстниковъ, кастелляновъ, съ властью военной, судебной и гражданской. Кастеллянъ былъ вождемъ ополченій своего кастеллянства. При Болеславѣ Храбромъ высшее сословіе—шляхта (дворянство) и личной свободные поселяне составляли главную силу и лучшую часть военнаго сословія и народнаго войска, третье же сословіе было крѣпостное. Въ древнемъ польскомъ правѣ названіе miles—воинъ часто означало шляхтича—дворянина, militia—шляхту или дворянство, а jus militare—право военное или шляхетное, дворянское. Шляхта была обязана военною службою князю; но это было скорѣе правомъ, говоритъ Голицынъ, нежели обязанностью или повинностью ея. Большіе землевладѣльцы охотно исполняли это, въ надеждѣ на богатую добычу военную и ради избавленія отъ разныхъ повинностей; мелкіе же землевладѣльцы, которымъ оставленіе своихъ полей составило бы большой ущербъ, обязаны были, взаменъ личной службы, вносить извѣстные подати.

¹⁾ Стр. 16.

²⁾ Голицынъ.—Русская воен. Исторія, ч. I, стр. 50.

„Такимъ образомъ военная служба“, говоритъ Пузыревскій, „постепенно начинается дѣлаться то ремесломъ, то принадлежностью лишь извѣстнаго благороднаго класса общества“.

Въ случаѣ общей опасности странѣ, собиралось общее ополченіе подъ начальствомъ кастелянновъ, а для защиты городовъ имѣлась особая стража, которая служила по найму и при особой надобности могла быть выдвинута въ поле. Но какъ шляхта, такъ и ополченія могли быть призваны только для обороны государства, въ наступательной же войнѣ король не имѣлъ права приказывать шляхтѣ; а только просить помощи. Это обстоятельство должно было повести впоследствии къ системѣ наемныхъ войскъ.

Съ самыхъ раннихъ поръ кавалерія въ составѣ польскихъ войскъ играла видную роль. „Прежде утвержденія княжеской власти въ старинной Польшѣ“, пишетъ Пузыревскій, „старшины племени избирали вождя или воеводу“. Если являлось нѣсколько соперниковъ, то званіе вождя получалъ тотъ, кто во время конныхъ скачекъ первымъ достигалъ барьера. Этотъ древній обычай состязанія на скачкахъ показываетъ что конное дѣло въ Польшѣ было въ большомъ почетѣ.

Начиная съ X вѣка устройство польскихъ войскъ и вообще военное дѣло у поляковъ, какъ и у всѣхъ западныхъ славянъ, постепенно принимаютъ западный характеръ. Сообразно съ тѣмъ, у нихъ все болѣе и болѣе увеличивалось число конницы и преимущественно феодально-рыцарскій, которая, наконецъ въ составѣ вооруженныхъ силъ получаетъ преобладающее значеніе. Она составляетъ главную силу, лучшую часть арміи, и она только понимается какъ войско; пѣхота же, плохо вооруженная и устроенная, была въ пренебреженіи, хотя и не въ такомъ, какъ на западѣ, и только одни стрѣлки изъ лука пользовались нѣкоторымъ почетомъ; прочая-же пѣхота отходить въ обозъ и употребляется для исправленія мостовъ, дорогъ и т. под.

„Польская кавалерія рѣшаетъ всѣ бои и своею отвагою, стремительностью атакъ пріобрѣтаетъ всеобщую славу, которую сохраняетъ въ теченіе многихъ вѣковъ.“

Въ X вѣкѣ упоминается лѣтописцами тяжелая и легкая кавалерія.

Вооруженіе поляковъ было такое же, какъ и у другихъ славянъ: мечи, копья, пращи, луки со стрѣлами и проч. По мнѣнію польскихъ писателей предохранительнымъ оружіемъ легкой кавалеріи были только щиты, а тяжелой уже при Болеславѣ металлическія латы, которыми будто бы уже въ то время были покрыты и лошади.

Въ древнѣйшія времена бой ведется пѣхотными массами, устраивавшимися, вѣроятно, по родамъ и племенамъ, какъ и у другихъ славянъ. А затѣмъ, съ выступленіемъ на первый планъ кавалеріи, она строится особыми отрядами, состоявшими изъ всѣхъ шляхтичей какой либо области, если они соглашались высту-

пить въ походъ (и тогда отрядъ назывался королевскимъ) или изъ отрядовъ, развившихъ названіе своихъ предводителей или ихъ гербовъ,—если не вся шляхта области выступала на войну“.

Начальники наемныхъ отрядовъ, такъ сильно развившихся впоследствии, командовали своими частями подъ названіемъ ротмистровъ.

Бой ведется сперва, вѣроятно, массами, а въ послѣдующее время по рыцарскому обычаю: всѣ рыцари строятся въ одну шеренгу и въ одну или нѣсколько линій; позади рыцарей во 2-й шеренгѣ оруженосцы; сзади каждой линіи конные слуги съ заводными лошадьми для своихъ господъ. Такой боевой порядокъ существовалъ въ эпоху феодализма во всей западной Европѣ ¹⁾, какъ объ этомъ было упомянуто неоднократно.

Русскія княжескія дружины.

Восточныя славянскія племена, которыя вошли въ составъ древней Руси, жили первоначально, какъ и прочія, отдѣльными семьями—родами. Города, устроенные выборными отъ разныхъ родовъ людьми для общей защиты, послужили къ соединенію нѣсколькихъ родовъ въ общины или волости, которыя отъ каждаго рода назначали и защитниковъ городу. Изъ этихъ защитниковъ составлялась дружина. Во главѣ дружины, а слѣдовательно и города, такъ какъ онъ служилъ главнымъ образомъ для защиты во время войны, былъ князь.

„При исчисленіи войскъ первыхъ русскихъ князей“, пишетъ кн. Голицынъ ²⁾, „лѣтописецъ на первомъ мѣстѣ всегда ставитъ варяговъ, т. е., пришлыхъ норманновъ—воиновъ, за ними русь и затѣмъ уже туземныхъ славянъ. Въ числѣ варяговъ на первомъ мѣстѣ стояла собственная дружина княжеская, а на второмъ прочіе пришлые варяги. Послѣднихъ всегда было много, особенно въ Новгородѣ, и ихъ всегда можно было добывать изъ за моря, сколько угодно. Но Владиміръ и, особенно, Ярославъ уже совершенно удалили ихъ, иныхъ въ ихъ страну, другихъ—въ Константинополь на службу греческихъ императоровъ. И съ тѣхъ поръ ихъ не призывали и не было болѣе на Руси“.

Дружины княжескія были расселены въ главномъ городѣ при великомъ князѣ и въ другихъ меньшихъ городахъ и поселеніяхъ, которые возникали изъ необходимости защищать и управлять присоединявшимися волостями и землями подвластныхъ племенъ. Въ меньшихъ городахъ дружины были въ вѣденіи мужей княжихъ или ихъ намѣстниковъ и правителей и содержались собираемою данью.

Впоследствии, когда пришлые варяги начали сливаться съ туземными славянами, принимая ихъ нравы и обычаи, знатнѣйшіе изъ славянъ стали поступать

¹⁾ Заимствовано у Пузыревскаго, стр. 62.

²⁾ Русская Военная Исторія, ч. I, стр. 31.

въ составъ княжескихъ дружинъ, подъ славянскимъ названіемъ боярь, имѣли свои боярскія дружины и своихъ боярскихъ отроковъ и проч., были назначаемы княжескими намѣстниками и правителями (воеводами) съ гражданскою и военною властью, а сыновья ихъ были принимаемы въ число княжескихъ отроковъ и гридней (тѣлохранителей) ¹⁾.

Торговые люди, селившіеся въ городахъ, также обязаны были въ случаѣ надобности нести военную повинность. Они раздѣлялись на десятки и сотни и всѣ вмѣстѣ въ гражданскомъ и военномъ отношеніи находились въ вѣденіи тысяцкаго, старѣйшаго изъ боярь и перваго лица въ городѣ, послѣ князя.

Въ удѣльномъ періодѣ раздробленіе Руси отразилось и на военномъ устройствѣ ея. Каждый удѣльный князь имѣлъ свою дружину, своихъ боярь, отроковъ и проч., подобно великокняжескимъ.

Со временъ Андрея Боголюбскаго дружина княжеская стала называться дворомъ, а служившіе въ ней—дворянами. Боярскіе же отроки съ XII вѣка стали называться дѣтьми боярскими. Число дворянъ и боярскихъ дѣтей постепенно увеличивалось, и вскорѣ тѣ и другіе составили многочисленное военное сословіе. Преннихъ же наемныхъ варяговъ замѣнили наемные же дружины печенѣговъ, половцевъ, бродниковъ и другихъ кочевниковъ. Нѣкоторые изъ торковъ и берендеевъ были поселены на земляхъ, розданныхъ имъ на границахъ княжествъ тмутараканскаго, переяславскаго, и вмѣсто поземельныхъ податей, были обязаны охранять границы и защищать ихъ отъ набѣговъ внѣшнихъ враговъ.

Во время владычества монголовъ дворяне и боярскіе дѣти образовали уже многочисленное военное сословіе и главную, лучшую часть силъ Руси. Внѣшнія и внутреннія войны уже были ведены княжескими, городскими и областными дружинами, соединеніе которыхъ въ одно цѣлое называлось ратью, а воины ратниками.

Въ междоусобныхъ войнахъ князья часто призывали монголовъ, а въ случаяхъ нашествія послѣднихъ, сверхъ княжескихъ, городскихъ и областныхъ дружинъ, нерѣдко производилось уже общенародное вооруженіе. Князья югозападной Руси, особенно галицкіе въ XIII вѣкѣ, во времена наибольшей славы галицкаго княжества, нанимали временно и содержали постоянно въ своей службѣ дружины поляковъ, чеховъ, и особенно венгровъ ²⁾.

До нашествія монголовъ главнымъ родомъ оружія на Руси была пѣхота, но была и конница. Такъ Аль-Масуди, по словамъ Пузыревскаго ³⁾, говоря о нападеніи русовъ на табаристанъ, въ 912—913 г., замѣчаетъ, что для нападеній и

¹⁾ Заимствовано у Голицына.

²⁾ Князь Голицынъ тамъ же, стр. 33.

³⁾ Тамъ же, стр. 39.

грабежей распускали всадниковъ. „Въ началѣ нашихъ лѣтописей встрѣчаемъ также свѣденія о конницѣ“, продолжаетъ Пузыревскій, „такъ говорится, что Игорь пошелъ въ 944 году на грековъ въ ладьяхъ и на коняхъ“. Быстроту походовъ Святослава историкъ Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что дружина его была на коняхъ ¹⁾.

Со временъ Владиміра I число конныхъ воиновъ стало уже постепенно увеличиваться, особенно въ удѣльномъ періодѣ, при безпрестанныхъ столкновеніяхъ русскихъ съ южными сосѣдями ихъ, народами тюркскаго племени и венграми, сражавшимися на коняхъ; а въ удѣльномъ періодѣ были уже и особыя конныя дружины, большею частью иноплеменные (половецкія, венгерскія). Русской конницы, какъ пишетъ князь Голицынъ, было мало, потому что содержать ее было дорого и трудно. Но съ ходомъ времени, особенно при монголахъ, когда начало уже ослабѣвать ихъ иго надъ Русью, число конницы, отчасти по необходимости, а отчасти изъ подражанія монголамъ, стало быстро увеличиваться, и вскорѣ конница сдѣлалась главнымъ, и многочислѣннѣйшимъ родомъ войскъ. „До монголовъ“, говоритъ Голицынъ ²⁾. „князья и бояре раздавали также, подобно оружію, и коней изъ собственныхъ своихъ табуновъ“.

Относительно коневодства Мердеръ даетъ намъ слѣдующія свѣденія ³⁾. Каждый изъ удѣльныхъ князей имѣлъ свой дворъ и свои конюшни, которыя наполнялись немалымъ количествомъ лошадей, потребныхъ какъ для особы самого князя и его семейства, такъ и для его дружины, и за которыми имѣлъ надзоръ особый чиновникъ, именовавшійся конюшимъ, — лице, пользовавшееся при дворѣ большимъ почетомъ. Бояре, окружавшіе князей, участвуя съ ними во время войны въ походахъ, а въ мирное время въ княжескихъ потѣхахъ и охотѣ, содержали тоже обширныя конюшни съ множествомъ лошадей, годныхъ подъ сѣдло. Архіепископы имѣли также свои обширныя конскія табуны при монастыряхъ и свои конюшни съ упряжными лошадьми. Наконецъ безпрестанныя войны удѣльныхъ князей какъ между собою, такъ и со внѣшними врагами требовали постоянного ремонта лошадей; съ другой стороны, развившееся земледѣліе и быстро распространявшаяся торговля тоже не могли обойтись безъ значительнаго числа лошадиныхъ силъ. Эта возрастающая со дня на день потребность въ лошадяхъ удовлетворялась частію домашними средствами, а отчасти покупкою лошадей у печенѣговъ, кочевавшихъ въ южныхъ степяхъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и славившихся скотоводствомъ вообще, а въ особенности быстротою и сноровистостью своихъ лошадей азіатской породы. Кромѣ покупки, множество лошадей, а иногда и цѣлыя табуны ихъ, отбивались во время войны отъ непріятелей. Лучшія изъ этихъ лошадей попадали, конечно, въ конюшни князей и бояръ, а осталь-

¹⁾ Пузыревскій, тамъ-же.

²⁾ Стр. 36.

³⁾ Историч. очеркъ русскаго коневодства, стр. 17.

ныя продавались земледѣльцамъ. Притомъ, земледѣльцы вынуждены были необходимо заниматься расплодомъ лошадей для домашнихъ работъ, такъ какъ, независимо отъ потребности лошадей при земледѣліи, онѣ требовались еще для поставки князьямъ во время войны. Въ то время существовалъ такой обычай, что въ случаѣ войны не щадили и земледѣльцевъ, отбирая отъ нихъ лошадей для войска. Правда впослѣдствіи времени князья прибѣгали къ этой мѣрѣ налога на поселянъ очень рѣдко, только въ случаѣ крайней необходимости; но все таки это продолжалось во все время отъ раздѣленія Руси на удѣлы до соединенія удѣловъ въ одно Русское царство. Причина такого налога на земледѣльцевъ заключалась, конечно, въ томъ, что не было еще правильной организаціи войска, и люди посадскіе нерѣдко были въ тоже время и людьми служилыми, и эти посадскіе люди, если сами не хотѣли идти на войну, то все таки обязаны были давать лошадей для княжеской дружины. Въ первыя времена раздѣленія русской земли на удѣлы, при постоянныхъ войнахъ, лошадиная подать съ земледѣльца производилась иногда по нѣскольку разъ въ годъ. Это обстоятельство и заставило земледѣльцевъ обратить вниманіе на домашнее разведеніе лошадей.

Опредѣлить съ вѣрностію породу лошадей, которая разводилась въ это время въ Россіи, очень трудно. Можно только предполагать, что русскія лошади того времени представляли смѣсь различныхъ азіатскихъ породъ, по преимуществу степныхъ, которыя подъ вліяніемъ различныхъ физическихъ условій измѣнялись сообразно мѣстности, климату и употребленію ихъ.

Нужно полагать, что не только земледѣльцы, но и самое правительство, созная всю пользу и значеніе лошади, обращали на коневодство особое вниманіе. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ самомъ первомъ русскомъ законодательствѣ „Русской Правдѣ“ былъ уже поставленъ законъ: татя коневаго выдавать головою князю и лишать его всѣхъ правъ гражданскихъ: вольности и собственности.

Не смотря однако на то, что и народъ, и правительство очень хорошо понимали значеніе лошади и сознавали необходимость и потребность въ ней, правильнаго коннозаводства во времена удѣльныя у насъ въ Россіи еще не существовало, да и не могло его быть въ то время, такъ какъ тогда и нашъ народъ, а съ нимъ вмѣстѣ и правительство не имѣли еще правильнаго, опредѣленнаго понятія о народномъ хозяйствѣ.

Съ нашествіемъ монголовъ въ XIII вѣкѣ почти всѣ источники народнаго богатства въ Россіи исчезли, всѣ области русскія и города, за исключеніемъ Новгорода, опустѣли и представляли, по выраженію современнаго лѣтописца, позорище безлюдія и развалины. Понятно, при такомъ всеобщемъ разореніи жителей, коневодство вмѣстѣ съ прочими отраслями народнаго хозяйства упало. Правда, удержались небольшіе табуны лошадей при монастыряхъ и дворѣ митрополита, такъ

какъ по ходатайству митрополита Петра ханскимъ ярлыкомъ имущество духовенства было ограждено отъ татарскихъ грабежей; но табуны монастырей были слишкомъ незначительны для того, чтобы поддержать русское коневодство. Притомъ, положеніе дѣлъ тогда было таково, что улучшеніе хозяйства, разведеніе лошадей и вообще всякаго рода обогащеніе положительно было немислимо, такъ какъ монголы, подъ предлогомъ собиранія дани, постоянно вторгались въ предѣлы нашего отечества, грабили и, сверхъ положенной дани, отбирали имущество не только у землевладѣльцевъ и горожанъ, но и у самихъ князей.

Богатыя княжескія конюшни опустѣли, лошадей приходилось покупать у татаръ, и хорошіе кони были такою рѣдкостью, что князья отказывали ихъ по завѣщаніямъ наравнѣ съ другими драгоценностями. Великій князь Симеонъ Суздальскій отказалъ по завѣщанію своей женѣ 50 верховыхъ лошадей; равно, упоминаютъ о конскихъ табунахъ въ своихъ завѣщаніяхъ Великіе князья Іоаннъ Іоанновичъ и Василій Дмитріевичъ.

По мѣрѣ того, какъ ослабѣвало монгольское иго, русское коневодство, вмѣстѣ съ другими отраслями народнаго хозяйства мало по малу возстановлялось. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ 1380 г. на Куликовскомъ полѣ, во время битвы Дмитрія Іоанновича Донскаго съ монгольскими полчищами Мамая, въ войскѣ Дмитрія было около 150 т. всадниковъ, которыхъ кони, по выраженію современнаго лѣтописца, были крѣпки и скоры. Правда, въ составѣ этого войска было около 80 т. всадниковъ, приведенныхъ новгородцами и сыновьями литовскаго князя Ольгерда, т. е., изъ областей, неподпавшихъ всеобщему татарскому погрому; но все же выходитъ, что въ войскѣ одного Дмитрія Донскаго было около 70 т. всадниковъ.

Слѣдовательно къ концу монгольскаго ига въ самой московской области, сильно пострадавшей отъ татарскихъ набѣговъ и разореній, коневодство снова начало усиливаться; иначе нельзя было бы и составить такого количества конныхъ воиновъ, какое было у Дмитрія Донскаго.

„При первыхъ русскихъ князьяхъ“, говоритъ кн. Голицынъ, „войска были, подобно германцамъ и другимъ народамъ сѣверной Европы, вооружены сѣкирами, топорами большими, прямыми, простыми или обоюдоострыми мечами, ножами, длинными копьями, луками и стрѣлами. Вообще однообразія не было; но мечъ, копье, лукъ, стрѣлы и щитъ составляли главные и общіе виды оружія. Оборонительное вооруженіе составляли: кольчужныя брони, въ видѣ рубашки до колѣнъ, острокопечныя шлемы (у князей и знатныхъ людей раззолоченные и богато украшенные) съ кольчужными сѣтками, опускавшимися на лицо и плечи, и деревянные, у кавалеріи круглыя щиты, окрашенные снаружи въ красный цвѣтъ.

Въ удѣльномъ періодѣ русскіе въ вооруженіи многое заимствовали отъ сосѣднихъ на югѣ народовъ тюркскаго племени, между прочимъ кривыя сабли и кинжалы, которые сдѣлались уже непремѣннымъ оружіемъ каждаго коннаго воина,

между тѣмъ какъ большіе и прямые мечи были преимущественно оружіемъ пѣхоты; а копье, лукъ и стрѣлы—общимъ оружіемъ какъ пѣхоты, такъ и конницы.

Со времени владычества монголовъ вооруженіе начинаетъ мало по малу принимать татарскій характеръ. Метательное оружіе составляли малые и большіе луки и стрѣлы (саадаки и самострѣлы); рукопашное въ пѣхотѣ—прямые мечи, въ кавалеріи—кривыя сабли, кинжалы и копья (сулицы и дроты), а также топоры. Кромѣ того въ конницѣ часто употреблялись копья съ разноцвѣтными значками—прапорцами ¹⁾).

Въ числѣ оборонительнаго вооруженія появляются брони или доспѣхи кольчатые или досчатые металлическіе, прикрывавшіе туловище, руки и ноги; шлемы подобные же выше описаннымъ.

Тяжелое вооруженіе и доспѣхи хранились въ княжескихъ оружейныхъ складахъ и передъ выступленіемъ въ походъ выдавались воинамъ княжескихъ дружинъ, позже дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ; или были доставляемы на сборное мѣсто, или иногда для облегченія воиновъ перевозились за ними на подводахъ или судахъ.

Снаряженіе лошадей заключалось въ сѣдлѣ со стременами и уздечки съ разными металлическими украшеніями, кисточками и бездѣлушками. Всадники носили шпоры.

Пѣхота подраздѣлялась на копейщиковъ и стрѣльцовъ. Первые назначались для дѣйствія копьями и мечами въ рукопашномъ бою, послѣдніе для стрѣльбы изъ луковъ съ дальняго разстоянія.

Войска для боя при первыхъ князьяхъ становились въ глубокихъ строяхъ въ видѣ фаланги или въ видѣ клина (свиньєю, по старинному выраженію, какъ говоритъ Голицынъ).

Боевой порядокъ дѣлился на центръ и крылья. Въ центрѣ обыкновенно располагались княжескія дружины и варяги, прочія войска составляли крылья и строились по полкамъ. Слово „полкъ“ означало людей одной волости; но и тутъ понятія смѣшивались, такъ какъ иногда говорили „раздѣлились на два полка“, т. е. на двѣ части.

„Какъ располагалась конница“, говоритъ Пузыревскій, „сказать трудно; болѣе вѣроятно, что всадники каждаго полка оставались при немъ; но это, конечно, не мѣшало выдвигать въ необходимыхъ случаяхъ всю конницу вмѣстѣ“.

Бой открывали обыкновенно стрѣльцы, выходя впередъ и поражая изъ разсыпнаго строя непріятеля стрѣлами. При нерѣшительности противниковъ стрѣлковый бой продолжался иногда весьма долго. Затѣмъ стрѣльцы уходили за фронтъ и въ стороны; а князь велъ впередъ полки копейщиковъ и конницы, которые,

¹⁾ Пузыревскій, стр. 68.

прикрывшись щитами производили нападеніе и, послѣ перваго удара копьями, схватывались за мечи. Рукопашный бой происходилъ съ замѣчательнымъ ожесточеніемъ и упорствомъ, какъ говоритъ поэтъ: „билися, рубились четырнадцать часовъ“.

Иногда прибѣгали къ засадамъ, нечаяннымъ нападеніямъ и другимъ военнымъ хитростямъ.

Послѣ битвы обыкновенно оставались на мѣстѣ боя, „на костяхъ“, торжествовать побѣду, а иногда производили преслѣдованіе до разсѣянія или совершеннаго истребленія противника.

Что касается дѣйствій кавалеріи, то большинство источниковъ говоритъ, что она во времена первыхъ князей была плоха. Голицынъ говоритъ ¹⁾, что въ 971 г., во время похода Святослава въ дунайскую Болгарію, при осадѣ Доростола, часть войскъ Святославовыхъ произвела вылазку на коняхъ. Это былъ первый и неудачный опытъ коннаго дѣйствія: русскіе всадники, непривыкшіе къ ѣздѣ на коняхъ и не умѣя управлять ими, не могли устоять противъ превосходной греческой конницы и были легко опрокинуты и разсѣяны ею“. Изъ этого можно видѣть, что это была въ сущности не кавалерія, а храбрая пѣхота, сѣвшая на коней и что конники Святослава только переходы свои совершали на коняхъ, а сражались по преимуществу пѣшкомъ. Но какъ ни будь храбра пѣхота, а для того чтобы драться на конѣ, нужна предварительная подготовка и постоянная практика верхомъ. Кавалерія родъ оружія, который создается медленно и не легко.

Изъ всѣхъ войнъ, веденныхъ древними русскими князьями, наиболѣе характерны походы Святослава въ Болгарію и дѣйствія его подъ Доростоломъ противъ Цимисхіа.

Много выказано было въ этихъ походахъ Святославомъ энергіи, быстроты дѣйствій, смѣлости и отважности въ предпріятіяхъ, выразившихся въ быстромъ завоеваніи страны и многихъ побѣдахъ. Но вслѣдствіе своей довѣрчивости и прямоты въ политикѣ Святославъ застигнутъ былъ врасплохъ, не успѣлъ во время собрать войскъ и принужденъ былъ запереться въ Доростолѣ.

Оборона Доростола отличалась замѣчательною энергіею и активностью, выражавшеюся въ непрерывныхъ вылазкахъ, изъ которыхъ многія вначалѣ имѣли неоспоримый успѣхъ.

Мы не будемъ разбирать этой операціи; скажемъ только, что въ отношеніи кавалеріи дѣйствія русскихъ въ Болгаріи поучительны скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ. Всюду выказывается дурное состояніе конницы и крайній недостатокъ ея, такъ что удачныя дѣйствія нерѣдко не приносили пользы вслѣдствіе невозможности развитъ успѣхъ.

Дурное состояніе конницы Святослава, какъ уже выше было замѣчено, за-

¹⁾ Стр. 34.

ключалась въ томъ, что всадники не привычны были къ бою на конѣ, хотя сами по себѣ были храбрые воины. Греческая кавалерія, состоявшая изъ латниковъ, отлично ѣздившихъ, постоянно имѣла перевѣсъ.

Недостатокъ кавалеріи произошелъ у Святослава потому, что онъ надѣялся на венгровъ и печенѣговъ, которые и должны были составить большую часть его конницы. Но, застигнутый неожиданнымъ переходомъ грековъ черезъ Балканы, Святославъ не успѣлъ сосредоточить войска и присоединить къ себѣ венгровъ и печенѣговъ.

Въ удѣльный періодъ конница русская сдѣлала большіе успѣхи. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ кочевыми народами, сильными конницей, князья русскіе, подобно Святославу, начали держать наемныхъ конниковъ изъ венгровъ и другихъ народовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ явились и русскія конныя дружины, перенявшія способы дѣйствій отъ кочевниковъ и нерѣдко ихъ самихъ одолѣвавшія.

Послѣ погрома монгольскаго все рушилось. Коневодство пало, лошадей достать было трудно, какъ уже объ этомъ было сказано.

Русь, разоренная татарами, разрозненная удѣлами, приниженная, должна была сносить иго безъ возможности сопротивляться. Только на далекихъ окраинахъ, на сѣверѣ и западѣ, доблесть русская по временамъ возгоралась. Когда же иго монгольское стало ослабѣвать, князья русскіе снова создаютъ войско и конницу; но образъ дѣйствія войскъ пріобрѣтаетъ ужъ характеръ совершенно монгольскій. По примѣру татаръ явилось огромное количество конницы, въ ущербъ пѣхотѣ, и конница сдѣлалась преобладающимъ родомъ оружія. „Войска“, говоритъ князь Голицынъ, „уже почти исключительно сражались конными, стрѣляя изъ луковъ, въ строѣ разомкнутомъ или разсыпномъ, то наступаая, то отступаая, либо дѣйствуя рукопашнымъ оружіемъ въ сомкнутомъ глубокомъ строѣ, стараясь побѣдить числительнымъ превосходствомъ силъ, военными хитростями, скрытностью дѣйствій и внезапностью нападений болѣе, нежели искусствомъ, держась по близости городовъ болѣе, нежели въ открытомъ полѣ, и чаще прибѣгая къ усиленію расположенія и дѣйствій своихъ мѣстностью и искусственными препятствіями. Вліяніе монгольское не распространялось однако на строй и образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ сѣверной, западной и югозападной Руси, по крайней мѣрѣ въ такой степени, какъ въ восточной и южной. Весьма вѣроятно, что въ строѣ и образѣ дѣйствій войскъ руссы много заимствовали: въ сѣверной Руси—у шведовъ и ливонскихъ рыцарей, а въ западной и юго-западной—у сосѣдей своихъ поляковъ и венгровъ.

Не смотря на распространеніе кавалеріи на Руси еще въ удѣльный періодъ, подобно тому, какъ это случилось и на западѣ, не смотря на то, что и у насъ высшій классъ общества бояре, боярскіе дѣти и дворяне были по преимуществу конниками, отношенія между двумя этими родами оружія у насъ на Руси были

совсѣмъ инья, чѣмъ на западѣ. Въ то время какъ тамъ пѣхота была презираема и въ бою играла весьма жалкую роль, какъ это мы увидимъ ниже, наша пѣхота и кавалерія идутъ рука объ руку. Пузыревскій въ своей исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка ¹⁾ приводитъ разительный примѣръ взаимной поддержки. „Лѣтописецъ“, пишетъ Пузыревскій, „говоря о походѣ Игоря противъ половцевъ (1185 г.) ²⁾, замѣчаетъ, что во время отступленія рѣшено было всѣмъ коннымъ спѣшиться съ тою цѣлю, чтобы защищать свою пѣхоту, черныхъ людей“. „Игорь и его конные дружинники полагали, что, оставаясь верхомъ, они могли поддаться соблазну бѣгства и такимъ образомъ, спасая себя, оставили бы на произволь судьбы пѣхотинцевъ, за что, отъ Бога будетъ грѣхъ“.

На театрѣ военныхъ дѣйствій кавалерія употреблялась въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для охраненія и развѣдыванія на походѣ и на мѣстѣ. Войска княжескія совершали свои походы подъ прикрытіемъ сторожеваго полка (авангарда), на обязанности котораго лежало обезпеченіе дружинъ отъ нечаяннаго нападенія, развѣдываніе посредствомъ конницы о мѣстности и непріятелѣ, добываніе языка или плѣнныхъ. Для ночлеговъ и отдыховъ войска располагались станомъ или бивакомъ, окружая себя повозками или тыномъ и охранялись стражами, дозорами и прочими предосторожностями, лежавшими на конницѣ. Продовольствіе войска частью возили за собой непосредственно, большею же частью существовали средствами края. Поэтому на конницу возлагались обязанности, 2) производить фуражировки и 3) въ случаѣ надобности разореніе края. Мы уже приводили свидѣтельство Аль-Масуди, какъ при нападеніи русскихъ въ 912—13 году на Табаристанъ для набѣговъ и грабежей распускали всадниковъ. О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ источникахъ не упоминается, такъ какъ не было правильно устроенныхъ коммуникаціонныхъ линій и тыла. Наконецъ 4) Преслѣдованіе. Одержавъ побѣду, говоритъ кн. Голицынъ, побѣдители оставались обыкновенно нѣсколько дней на полѣ сраженія (по выраженію лѣтописца на костяхъ) торжествовать ее, но иногда преслѣдовали непріятеля всѣми силами до послѣдней крайности, причемъ главная роль, разумѣется, принадлежала конницѣ.

¹⁾ Часть I, стр. 68.

²⁾ Воспѣтомъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Глава 13-я.

Монголы. Конница Чингись-хана и Тамерлана. Одежда, вооружение и строй конницы. Свѣденія о монгольскихъ лошадяхъ. Обученіе. Охота. Боевые порядки и тактика. Походныя движенія. Нашествіе Батя. Сраженіе при Вальштадтѣ.

Подобно тому, какъ аравитяне изъ незначительнаго племени сдѣлались обладателями полміра, монголы, имѣя въ началѣ царствованія Чингись-Хана только 13 тысячъ способныхъ носить оружіе, въ теченіе 70 лѣтъ подчинили себѣ Китай, часть Индіи, всю среднюю Азію и почти всю Россію. Такому быстрому возвышенію своего могущества монголы исключительно обязаны генію своего полководца и повелителя Чингись-Хана, а спустя 150 лѣтъ послѣ его смерти генію Тамерлана, при которомъ монгольское военное искусство достигло полнаго своего развитія.

Если исторія представляетъ примѣръ проявленія необыкновенной силы монголо-татаръ и средне-азіятскихъ народовъ Тамерлана, разобщенныхъ на сотни верстъ безкормными и безводными пустынями и имѣвшихъ вообще немногочисленное населеніе, то сила эта естественно являлась вслѣдствіе даннаго кочевническому военнаго устройства и отъ соединенія ихъ въ одинъ народъ. И какъ кочевой народъ страстно любитъ свободу и предпочитаетъ кочевую жизнь осѣдлой, потому что, по понятіямъ его, первая лучше обезпечиваетъ его свободу, то какую силу воли, какія военныя, административныя и политическія способности долженъ былъ имѣть человѣкъ, чтобы подчинить своему владычеству эти народы, кочевавшіе въ степяхъ, занимавшихъ нѣсколько тысячъ верстъ въ длину, чтобы дать имъ устройство, необходимое для образованія многочисленной арміи, и чтобы подчинить ихъ строгой дисциплинѣ ¹⁾. Таковы были полководцы Чингись-Ханъ и Тамерланъ, которые умѣніемъ создавать арміи, управлять войсками, направлять военныя силы на рѣшительныя части театра войны, находчивостью преодолевать встрѣчаемыя препятствія, дальновидностью, исполненіемъ предпріятіями и силою характера могутъ стать на ряду съ геніальнѣйшими военными людьми древнихъ и новыхъ временъ.

Темучинъ, прозванный впоследствии Чингись-Ханомъ, былъ первоначально владѣтелемъ незначительнаго монгольскаго племени, состоявшаго изъ 40 тысячъ семействъ, кочевавшихъ по обѣимъ сторонамъ Хинганскаго хребта и его отроговъ. Но мало по малу, дѣйствуя то политикой, то оружіемъ, пріобрѣтая союзниковъ услугами, вселяя въ воиновъ своихъ неустранимость собственнымъ примѣромъ,

¹⁾ Иванниъ. О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіятскихъ народовъ при Чингись-ханѣ и Тамерланѣ. Стр. 6.

ТАТАРЫ

Исторія конницы М. Маркова.

Источники: Hottenroth, Иваницъ, кн. Голицынъ, Соловьевъ и другіе.

вводя дисциплину строгостью и наблюдениемъ порядка и справедливости, онъ наконецъ образовалъ сильную армію и сдѣлался страшнымъ для своихъ сосѣдей.

Войско Чингисъ—хана состояло исключительно изъ конницы. Потому оно и составляетъ для насъ особенный интересъ.

Всѣ племена, входившія въ составъ монархіи Чингисъ—хана, получали опредѣленное пространство земли, на которомъ онѣ должны были кочевать. Въ каждомъ племени юрты или кибитки были соединены въ десятки, сотни, тысячи и управляемы десятскими, сотскими и тысячниками. Военною службою обязаны были всѣ безъ исключенія. Въ случаѣ набора войскъ, дѣлали нарядъ по одному, по два и т. д. съ десятка, который долженъ былъ снабдить воиновъ назначеннымъ продовольствиемъ и потребностями къ походу.

Войска подраздѣлялись подобнымъ же образомъ, т. е., на десятки; десять десятковъ были подчинены сотнику, имѣвшему, сверхъ того, изъ числа ихъ свой десятокъ; на этомъ же основаніи были и тысячники и десятитысячники, называемые нашими лѣтописцами темниками, а подчиненные имъ отряды—туменами.

Но изъ видовъ политическихъ, главнымъ образомъ, чтобы парализовать силу аристократіи, большіе отряды, тысячные и десятитысячные, составлялись не изъ однородныхъ племенъ, а изъ всей обширной орды.

Всѣ воины у Чингисъ—хана были конные и, въ зависимости отъ состоянія и знатности, имѣли различное вооруженіе. Простые воины составляли отряды легкой конницы, которая употреблялась для сторожевой службы, для начатія сраженія, должна была метаніемъ стрѣлъ въ лошадей и непріятельскихъ всадниковъ разстроивать ихъ и облегчать дѣйствія другимъ отрядамъ, и служила также для преслѣдованія непріятели.

Отборные всадники составляли, какъ говорятъ Иванинъ ¹⁾, кн. Голицынъ ²⁾ и Пузыревскій ³⁾, тяжелую конницу. Но мы позволимъ себѣ вторично назвать ее не тяжелой, а тяжеловооруженною, какъ говорили, описывая кавалерію въ древнія времена. Подъ названіемъ тяжелой конницы мы понимаемъ всадниковъ сидящихъ на тяжелыхъ лошадяхъ, каковы были рыцари, жандармы и кирасиры. Такая конница является впервые въ средніе вѣка въ западной Европѣ отъ употребленія въ дѣло голландскихъ, нормандскихъ, датскихъ и другихъ лошадей, выросшихъ и развившихся на низменной почвѣ. Кавалерія же монголовъ, какъ будетъ сказано ниже, сидѣла на степныхъ, легкихъ лошадяхъ.

Тяжеловооруженная конница служила для нанесенія главнымъ образомъ рѣшительныхъ ударовъ. Оружіе было разнообразно, но какъ легкая, такъ и отбор-

¹⁾ Стр. 29.

²⁾ Стр. 173.

³⁾ Стр. 134.

ная конница имѣли луки и стрѣлы, причѣмъ у тяжеловооруженныхъ луки были значительно больше. Кромѣ стрѣлъ, всадники имѣли пики, а нѣкоторые сѣкиры и палицы. Отборные всадники имѣли сабли широкія и нѣсколько кривыя. Оборонительное оружіе состояло изъ крѣпкой и толстой кожи буйволовъ и другихъ толстокожихъ животныхъ. Тяжеловооруженные всадники имѣли кожаныя каски съ металлическими полосками, а нѣкоторые и желѣзные шлемы.

Одежда воиновъ состояла изъ рубашки выше колѣнъ, широкихъ шароваръ, поверхъ которыхъ надѣвались по большей части сапоги изъ цвѣтной или черной кожи. Сапоги были остроконечные съ загнутыми къ верху носками, безъ каблучковъ и съ мягкими голенищами. Многіе носили длинные халаты, полы которыхъ, садясь верхомъ, заворачивали назадъ. Шапки были разнообразныя. У иныхъ были родъ капора, подбитаго мѣхомъ съ острой или срѣзанной верхушкой; у другихъ папахи и мѣховыя шапки въ видѣ усѣченнаго конуса, иногда эти папахи красили; тяжеловооруженные всадники, какъ замѣчено выше, имѣли каски и шлемы, которые иногда, смотря по сану, украшались малыми султанами. Тамерлана изображаютъ съ султаномъ изъ павлиныхъ перьевъ.

Войска Тамерлана также состояли по преимуществу изъ конницы, которая раздѣлялась на легкую и отборную. Кромѣ того была небольшая часть пѣхоты и особые тѣлохранители Тамерлана въ родѣ гвардіи.

„Тамерланъ требовалъ“, пишетъ Иванинъ, „чтобы во время войны простые конные воины, или легкая конница, имѣли для похода лукъ, колчанъ со стрѣлами, мечъ или палаши, пилу, шило, иглу, веревки, топоръ, 10 наконечниковъ для стрѣлъ, мѣшокъ, турсукъ (кожаный мѣшокъ, употребляемый для возки запасной воды по безводнымъ мѣстамъ и для переправъ) и двѣ лошади; сверхъ того каждые 18 человекъ должны были имѣть кибитку (шатеръ изъ войлока).

Отборные воины или тяжелая (тяжеловооруженная) конница были вооружены шлемами, латами, мечами, лукомъ и стрѣлами; каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть по 2 лошади, и каждые 5 человекъ по одной кибиткѣ (вѣроятно это просторное помѣщеніе было необходимо потому, что оборонительное оружіе занимало много лишняго мѣста и что эти тяжеловооруженные воины должны были имѣть особую прислугу, которая тамъ же должна была помѣщаться). Кромѣ того были особые отряды воиновъ, вооруженныхъ палицами, сѣкирами, саблями, а лошади ихъ были покрыты тигровыми кожами. Эти воины, вѣроятно, составляли тѣлохранителей Тамерлана. Воины должны были носить сабли на лѣвой сторонѣ, а мечи на правой, каждый десятникъ долженъ былъ имѣть свою палатку и 5 лошадей и былъ вооруженъ кольчугой, мечомъ и лукомъ со стрѣлами. Сотники были обязаны имѣть 10 лошадей, свою кибитку, изъ оружія мечъ, лукъ, стрѣлы, палицу, булаву, кольчугу и латы.

Исторія конницы
М. Маркова.

КОННИЦА ТАМЕРЛАНА.
ТЯЖЕЛО ВООРУЖЕННЫЙ ВСАДНИКЪ ОТБОРНОЙ ДРУЖИНЫ.
УЛАНЪ.

Источники: Hottenroth, Ива-
нинъ, кн. Голицынъ и др.

Тысячники должны были имѣть при кибиткѣ навѣсы или зонтики и нѣсколько запаснаго оружія, какъ то: кольчугъ, шлемовъ, лать, пикъ, мечей, колчановъ и стрѣлъ.

Эмиры должны были имѣть уже значительные запасы оружія и, смотря по классу своему или чину, отъ 110 лошадей и болѣе. Главнокомандующій не могъ имѣть менѣе 300 лошадей ¹⁾.

Изъ многихъ сраженій Тамерлана видно, что конница его иногда сражалась въ пѣшемъ строю и потому, говоритъ Иванинъ, по всей вѣроятности, часть ея соотвѣтствовала по назначенію своему нашимъ драгунамъ. Она спѣшивалась въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было вѣрнѣе и сильнѣе стрѣлять изъ лука; но безъ сомнѣнія она дѣйствовала лучше на лошадяхъ, нежели въ пѣшемъ строю, потому что кочевые народы съ малолѣтства свыкаются съ лошадыю.

Кромѣ описанныхъ видовъ конницы въ войскахъ Тамерлана были легкіе всадники, вооруженные пиками съ флюгерами, подъ названіемъ уланъ. „Это войско“, говоритъ Костомаровъ ²⁾, „явилось первоначально въ Азіи, вѣроятно, у татаръ и монголовъ. Такъ, на примѣръ, въ арміи Тамерлана было нѣсколько полковъ конницы, однообразно одѣтой и вооруженной, какъ выше сказано“.

Пѣхота Тамерлана была вооружена мечами, лукомъ и стрѣлами по особому повелѣнію. Въ походѣ противъ Тахтамыша велѣно было имѣть каждому воину по 30-ти стрѣлъ. „Изъ этого“, говоритъ Ивановъ, „видно, что пѣхота была только легкая, но, вѣроятно, въ случаѣ надобности, тяжелая конница, спѣшившись, замѣняла тяжело-вооруженную пѣхоту“.

Въ дальнихъ степныхъ походахъ пѣхота садилась на лошадей, и составлена была по преимуществу изъ горскихъ жителей, привыкшихъ къ горной войнѣ. Воины эти особенно оказывали услуги при овладѣніи ущельями, горными проходами и крѣпостями, расположенными на крутыхъ горахъ.

Подобно тому, какъ было при Чингисъ-ханѣ, и у Тамерлана войска раздѣлялись на десятки, сотни, тысячи, туманы (10000 или 12000), предводимыя десятниками, сотниками, тысячниками и эмирами разныхъ степеней, отъ 1-й до 12-й. Эмиры владѣли разными племенами и были въ зависимости отъ численности войскъ ими выставляемыхъ.

Каждый всадникъ въ кавалеріи и человѣкъ въ пѣхотѣ имѣлъ свое мѣсто въ десяткѣ, каждый десятокъ зналъ свое мѣсто въ сотнѣ, сотня въ тысячѣ и такъ далѣе. „Тамъ, гдѣ арміи состояли изъ сотенъ тысячъ“, говоритъ Иванинъ ³⁾, „гдѣ была строгая дисциплина и организація, необходимо должны были наблюдаться

¹⁾ Иванинъ, стр. 150.

²⁾ Воен. Энцикл. лексиконъ, т. XIII., стр. 202.

³⁾ Стр. 153.

точность, правильность и быстрота въ движеніяхъ, строй болѣе или менѣе однообразный и постоянный, и нѣкотораго рода регулярность“. Шерефеддинъ пишетъ, что у Тамерлана движенія производились съ большою правильностью, что передъ войною его съ Баязетомъ въ войскахъ, приведенныхъ изъ Самарканда, каждый отрядъ имѣлъ одежду особаго цвѣта: у тѣхъ, напримѣръ, которые имѣли знамя краснаго цвѣта, были такого же цвѣта латы, сѣдла, чепраки, колчаны, пояса, копыя, щиты, палицы и проч.; такимъ образомъ были отряды, одѣтые въ платья желтаго цвѣта, бѣлаго и т. д. Притомъ отряды раздѣлялись по оружію, одни были вооружены латами, другіе кольчугами и проч. Вѣроятно, конные отряды отличались тоже по мастямъ лошадей“.

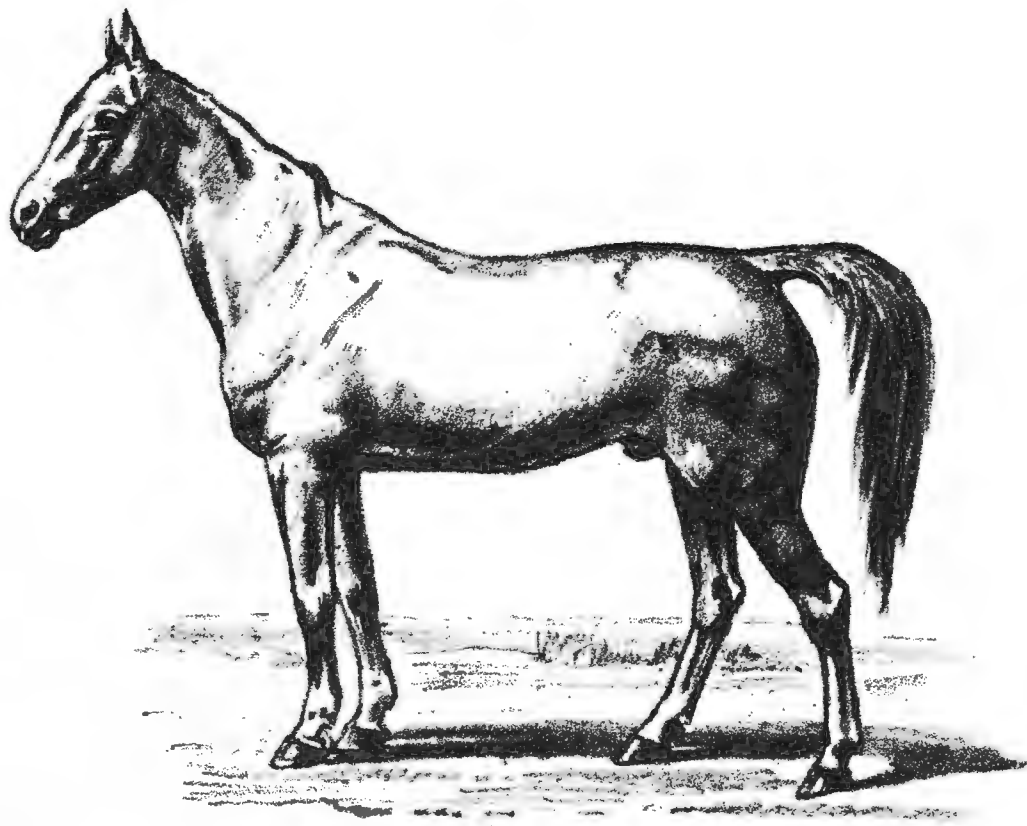
Содержаніе арміи во времена Чингисъ-хана ничего не стоило. Воины не только не получали жалованья, но сами платили подати лошадьми, скотомъ или войлоками и потому жили войною и добычею. При Тамерланѣ же было иначе: „кочевые народы“, пишетъ Иванинъ ¹⁾, „не будучи знакомы съ монетной системой, стоимость вещей обыкновенно выражаютъ цѣною лошади, барана, верблюда и пр. Отъ этого у Тамерлана плата жалованья опредѣлялась цѣною лошади воина. Жалованье отличнаго воина простиралось отъ 2-хъ до 4-хъ цѣнъ его лошади, десятники получали противъ десяти воиновъ, сотники противъ двухъ десятниковъ, тысячники противъ трехъ сотниковъ“. „Жалованье эмировъ простиралось, смотря по ихъ достоинству, отъ 1000 до 10 тысячъ, а наслѣдника Тамерлана—до 12 тысячъ лошадиныхъ цѣнъ, и послѣднему еще давалась область; прочимъ дѣтямъ и внукамъ его содержаніе уменьшалось по степени родства и возраста. Пѣхотные воины, слуги (вѣроятно оруженосцы или адъютанты эмировъ и Тамерлана) и шатерники (юрджи) получали жалованья отъ 100 до 1000 лошадиныхъ цѣнъ.

Большое жалованье пѣхотнымъ воинамъ даетъ поводъ заключать, что служба ихъ была почетнѣе и тягостнѣе конной и что пѣхота должна была составлять отборное, испытанное войско, но по дороговизнѣ содержанія не могла быть многочисленна“.

Средняя Азія есть колыбель лошади. Оттуда, какъ пояснено было въ предыдущей части, лошадь распространилась по всему міру. На сѣверѣ подъ вліяніемъ климатическихъ и мѣстныхъ условій образовалась сѣверная порода лошадей; на югѣ и западѣ отъ средней Азіи образовалась восточная порода. Каждая изъ этихъ породъ подраздѣлилась, какъ объ этомъ также было сказано, на множество племенъ.

Главнѣйшее племя сѣвера есть татарское; сюда принадлежатъ также лошади калмыцкія и киргизскія. Это племя распространено съ незапамятныхъ временъ по всей полосѣ средней Азіи отъ Китая до Урала и далѣе вдоль южной Россіи. Во время переселенія народовъ и, особенно, нашествія народовъ азіатскихъ, какъ

¹⁾ Стр. 152.

К а р а б а г ъ .

**Исторія конницы
М. Маркова.**

Т е к и н е ц ъ .

гунны, мадьяры и монголы, племя это распространилось и въ западной Европѣ и даже занесено было въ Испанію. Лошади этого племени всѣ верхового сорта и отличаются легкостью, необыкновенной выносливостью и способностью проходить сотни верстъ при крайне ограниченномъ кормѣ. Большинство лошадей татарскаго племени имѣютъ горбоносія головы, чѣмъ въ другихъ племенахъ и обнаруживается по преимуществу присутствіе татарской крови.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть кавалеріи Чингисъ-хана и Батю сидѣла на лошадяхъ татарскаго племени, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Чингисъ-ханъ не покорилъ Туркестанъ и всѣ земли, лежація къ югу отъ этой страны. Тогда въ его арміи явились лошади восточной породы, персидскія, туркменскія и даже арабскія.

Исторія говоритъ, что Тамерланъ, покоривъ Китай, Индію, Персію и Турцію, вывелъ отсюду лучшихъ лошадей въ Самаркандъ и сосѣдній съ нимъ родной его городъ Шехризязьбъ.

Народное преданіе, въ свою очередь, приписываетъ великому надиру насажденіе превосходныхъ конскихъ племенъ въ земляхъ лежащихъ между Индіею и отдаленнѣйшими предѣлами Персіи. Жители города Балка родоначальникомъ своихъ лошадей считаютъ Ракма, коня Рустема, персидскаго богатыря.

Въ Туркестанѣ, Хорасанѣ и прочихъ земляхъ между Персіей и Индіей существуетъ нѣсколько видовъ лошадей, изъ которыхъ необходимо отличить лошадей степныхъ и горныхъ отъ лошадей оазисовъ. Главнѣйшія изъ этихъ племенъ суть: текинецъ, туркменъ, карабаиръ, иноходецъ и киргизъ.

Текинецъ степная лошадь, по типу много напоминающая англійскую скаковую, но значительно въ груди уже. Лошади эти высокаго роста, но чрезвычайно легки. Узкость груди вознаграждается большою подругою и постоянною практикою въ перебѣгиваніи громадныхъ степныхъ пространствъ. Текинцы для своихъ набѣговъ нерѣдко проходятъ на коняхъ отъ 600 до 700 верстъ въ недѣлю. Хорошую текинскую лошадь купить почти невозможно. Текинецъ, подобно тому какъ и арабъ, высоко цѣнитъ кровь своего коня, и лошади эти также рѣдки, какъ настоящія арабскія.

Туркменская лошадь, въ особенности встрѣчающаяся у туркменъ—іомудовъ, представляетъ собою также образецъ легкаго боеваго коня; но хорошая туркменская лошадь также встрѣчается рѣдко.

Въ журналѣ Коннозаводства одинъ сѣрый жеребецъ, видѣнный подъ всадникомъ изъ города Балка, описанъ слѣдующимъ образомъ.

„Ростомъ этотъ жеребецъ имѣетъ 3½ вершка, можетъ быть даже болѣе, но показывается меньше потому, что онъ сравнительно длиненъ, хотя длина его нисколько не переходитъ за предѣлы самой строгой пропорціональности скаковой лошади. Спина и задъ чрезвычайно правильнаго очертанія; послѣдній поражаетъ

своею шириной (чего у текинца и туркмена не встрѣчается) и математически прямымъ поставомъ заднихъ ногъ. Высокая холка и большое разстояніе отъ холки по отвѣсу внизъ; широкая грудь (также у текинца и туркмена не бываетъ) и высокія плечи, на которыхъ граціозно поставлена длинная лебединая шея; но и шея и затылокъ только пропорціонально длинны, голова чрезвычайно суха; уши длиннѣе того, что мы привыкли видѣть и концы ихъ рѣзко загнуты въ сходящемся направленіи. Лобъ слегка выпуклый, отличительный признакъ туркмена; тонкія губы, большіе глаза, широкія ноздри—дорисовываютъ эту голову. Мышцы вездѣ прекрасно развиты. Во всей фигурѣ поражаетъ массивность главныхъ частей груди и зада, соединенные съ необыкновенною, можетъ быть, даже утрированной тонкостью остальныхъ формъ головы и ногъ. Последнія въ особенности тонки и сухи, хотя съ достаточно развитыми мышцами, бабки—скаковой лошади. Тонкость шерсти, совершенство ухода, конечно много содѣйствовали полнотѣ общаго эффекта. Въ особенности конь хорошъ на ходу, когда въ немъ вполне обнаруживаются соединенія силы и легкости. Безъ сомнѣнія лошадь эта одинъ изъ лучшихъ образцовъ своей породы, и общій уровень, вѣроятно, стоитъ несравненно ниже“.

Аргамакъ есть переродившаяся туркменская лошадь, и въ Туркестанѣ она слыветъ подъ этимъ именемъ. При всѣхъ наружныхъ признакахъ туркменской лошади, свидѣтельствующихъ несомнѣнную кровность, аргамакъ вслѣдствіе дурного воспитанія и крайней изнѣженности отличается отъ своего родоначальника главнымъ образомъ болѣе высокимъ ростомъ, отъ 5 до 6 вершковъ, и узкостью груди, а потому въ силѣ и выносливости далеко отсталъ отъ туркмена.

Киргизское племя имѣетъ слѣдующія особенности: лошади эти вообще небольшого роста, не болѣе 2 арш. 2 вершк.; голову несутъ обыкновенно высоко; морду имѣютъ округленную, такъ что съ боку она походитъ на верблюжью; шея у нихъ отъ холки поднимается нѣсколько круто и отъ груди идетъ какъ у оленя; грудь не широкая, крупъ скатомъ; ноги ихъ весьма хорошо образованы, мускулисты и крѣпки; копыта тверды и прочны; масти онѣ вообще свѣтлой или пѣгой, съ густою гривой, которая всегда свѣтлѣе масти, также какъ и хвостъ пышный, но не длинный, съ отдѣломъ замѣчательнымъ. Таковы общія черты массы лошадей киргизскихъ. Но между ними въ табунахъ богатыхъ хозяевъ и султановъ есть много лошадей статей превосходныхъ. Здѣсь надобно замѣтить, что киргизы, производя мѣну съ разными народами, какъ-то: хивинцами, туркестанцами и персіянами, всегда стараются добывать отъ нихъ лучшихъ жеребцовъ и преимущественно арабскихъ. За одного арабскаго жеребца богатый киргизъ не пожалѣетъ дать нѣсколько сотенъ овецъ, лошадей, красивѣйшую невольницу, горсти разныхъ цѣнныхъ бездѣлушекъ. Табуны ихъ большею частью раздѣляются такъ, что жеребята пасутся особо, мерена особо, матки также особо; за табунами, состоящими изъ матокъ, табунщики не смотрятъ: ихъ охраняютъ жеребцы; а одинъ арабскій жеребецъ лучше охранить

и уберезетъ табунъ, нежели десять жеребцовъ, какихъ бы то ни было. Крѣпость, легкость, быстрота—вотъ неотъемлемыя качества лошадей киргизъ-кайсацкихъ, онѣ могутъ оставаться нѣсколько сутокъ безъ корма и легко пробѣгаютъ безъ отдыха отъ 70 до 100 верстъ и болѣе. Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что какой то киргизъ Средней Орды, человѣкъ пудовъ 8-ми вѣсомъ, съ нѣсколькими спутниками, имѣвшими каждый по 2 лошади, проѣхалъ въ одни сутки 300 верстъ черезъ горы и по твердому грунту, и что, по окончаніи скачки, лошади обнаруживали боль въ копытахъ, казались, какъ говорится, съ разбитыми ногами, однакоже, послѣ надлежащаго отдыха, получили прежнее здоровье, и сила ихъ возстановилась ¹⁾).

Карабайръ есть произведеніе киргизской лошади и туркмена. Лошади эти получили отъ туркменской большой ростъ; а отъ киргизской относительную ширину. Онѣ вообще сильны, но тяжелѣе туркмена, и годятся какъ подъ верхъ, такъ и въ упряжь.

Прочіе виды лошадей Туркестана и сосѣднихъ странъ, какъ менѣе важныя, оставляемъ въ сторонѣ.

Изъ этого описанія лошадей земель, входившихъ въ составъ монархіи Чингисъ-хана и Тамерлана, можно сдѣлать себѣ представленіе, на какихъ лошадяхъ сидѣла кавалерія этихъ знаменитыхъ монгольскихъ вождей. Разницы большой въ типахъ и достоинствахъ описанныхъ племенъ лошадей, сравнительно съ нынѣ существующими, быть не можетъ; такъ какъ образъ жизни народовъ, упоминаемыхъ странъ измѣнился мало, и кочевники, обладающіе по преимуществу лошадьми и занимающіеся коневодствомъ находятся отъ послѣднихъ въ такой же зависимости для своихъ переѣздовъ, какъ и въ былое время. Въ древней Руси искони вѣковъ знали татарскую, башкирскую, калмыцкую лошадей, туркмена, а аргамаковъ особенно любили наши князья и бояре за ихъ нарядную фигуру ²⁾).

Относительно предварительной подготовки и воспитанія конницы монголовъ, можно сказать слѣдующее: каждый воинъ прежде всего былъ отличный ѣздокъ. Чингисъ-ханъ требовалъ, чтобы монголы прилежно учили сыновей своихъ ѣздить верхомъ, стрѣлять, бороться, дѣйствовать оружіемъ, чтобы они могли основывать надежду на возвышеніе не на родствѣ, а на самихъ себѣ. Малымъ дѣтямъ съ трехлѣтняго возраста давали малые луки и стрѣлы, и, потомъ постепенно увеличивая размѣръ луковъ и стрѣлъ, дѣлали изъ нихъ отличныхъ стрѣлковъ.

Въ дѣлѣ подготовки своей конницы къ военному искусству Чингисъ-ханъ придавалъ особенную важность охотѣ. Тамъ гдѣ водились звѣри, онъ могъ въ мирное время вести войну съ ними, открывать ихъ убѣжища, сгонять въ назначенныя мѣста, отрѣзывать имъ пути къ спасенію, пріобрѣтать навыкъ пользоваться мѣстностью, приучать своихъ воиновъ къ порядку, послушанію, мѣткой стрѣльбѣ, дѣйствію на лошади, а иногда и пѣшкомъ. Вотъ какъ Иванинъ описываетъ охоту Чингисъ-хана: „У него она была родомъ маневровъ и производилась въ началѣ войны; сначала посылались люди для открытія логовищъ звѣрей, потомъ давали

¹⁾ Описаніе Киргизской лошади заимствовано у Мердера, историч. очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства, стр. 90.

²⁾ Башкирская и калмыцкая лошади будутъ описаны въ 3-й части.

знать окрестнымъ племенамъ сдѣлать нарядъ съ десятковъ для стона звѣрей въ назначенное мѣсто, иногда въ дальнемъ разстояніи. Войска раздѣлены были на правое крыло, центръ и лѣвое крыло; ими распорядились ихъ начальники, имѣвшіе при себѣ женъ и наложницъ. Во время движенія начальники доносили хану о количествѣ дичи и о мѣстахъ, куда она загнана, кругъ постепенно уменьшался до окружности въ нѣсколько верстъ; войска до того сгущались, что воины касались другъ друга. Мѣсто, куда стогнали звѣрей, окружалось войлоками, повѣшенными на веревкахъ. Воиновъ, которые пропускали звѣрей, строго наказывали за небрежность. Ханъ первый вѣзжалъ въ кругъ съ своими женами и свитой, и первый убивалъ звѣря. Потомъ удалялся на возвышеніе, находившееся внѣ круга, смотрѣть, какъ послѣ него будутъ охотиться князья, вельможи, военачальники, потомъ младшіе начальники и наконецъ простые воины. Эта забава продолжалась нѣсколько дней; наконецъ, когда въ кругѣ оставалось немного животныхъ, являлись къ хану старики и просили о помилованіи оставшихся животныхъ, чтобы они могли опять размножиться для будущей охоты. Тогда раздѣляли убитыхъ животныхъ. Проведя 8 дней въ удовольствіи, войска возвращались въ свои мѣста. Почти такъ-же во время войны войска Чингисъ-хана охотились и на людей“.

Независимо отъ этого, монгольская конница практиковалась и въ производствѣ ученій для построенія боевыхъ порядковъ и смотровъ. Иванинъ говоритъ, что войска Тамерлана имѣли особыя двѣнадцать правилъ для построенія въ боевой порядокъ, для разрыванія непріятельскихъ линій, для атакъ и отступленія ¹⁾. „По словамъ Тамерлана, завоеваніе государствъ было ничто иное какъ игра въ шахматы, которою онъ занимался днемъ, а ночью обдумывалъ средства управленія. Но шахматы его, за которыми онъ проводилъ цѣлые дни, были имъ самимъ изобрѣтены и ходами шашекъ (частей войскъ) вѣрнѣе изображали эволюціи войскъ; слѣдовательно шахматная игра Тамерлана соотвѣтствовала новѣйшей, такъ называемой, военной игрѣ“ ²⁾.

„Сраженіе начиналось легкими войсками“, пишетъ Иванинъ, „стоявшими на аванпостахъ, метаніемъ стрѣлъ и дротиковъ, потомъ—авангардомъ. Когда нужно было поддержать его, то входилъ въ дѣло авангардъ праваго крыла, потомъ лѣваго; если нужно было еще подкрѣпленіе, то вступали въ бой остальные части обѣихъ крылъ, и въ тоже время увѣдомляли Тамерлана о положеніи дѣлъ. Если и эти усилія были недостаточны, то эмиръ долженъ былъ съ главными силами, то есть, съ резервомъ, броситься на непріятеля самъ съ полною увѣренностью, что девятая атака доставитъ побѣду“. „Надо полагать“, говоритъ Иванинъ, „что этотъ порядокъ подкрѣпленія наблюдался только на ученьяхъ; но въ самыхъ сраженіяхъ зависѣлъ отъ хода боя“.

Развивая такимъ образомъ одиночную удалъ въ отдѣльныхъ всадникахъ, способность къ маневрированію частей войскъ и управленію ими въ отдѣльныхъ начальникахъ, монгольскіе ханы, а особенно Чингисъ-ханъ, высоко цѣнили проявляемыя способности отдѣльными личностями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣзко отдѣлялъ

¹⁾ Стр. 154, выноска.

²⁾ Стр. 156.

личную удаль и храбрость отъ умѣнія управлять людьми. „Я не знаю никого храбрѣ Исатая“, говаривалъ Чингисъ-ханъ, „и никто не имѣеть рѣдкихъ его качествъ; самые трудные переходы не утомляютъ его, онъ не чувствуетъ ни голода, ни жажды, и воображаетъ, что и войны его могутъ перенести тоже, что и онъ, а потому онъ и не можетъ быть главноначальствующимъ“¹⁾).

Чингисъ-ханъ совѣтовалъ своимъ наслѣдникамъ обратить главное вниманіе на оцѣнку людей, выбираемыхъ въ начальники и на разныя должности, и ручался, что имперія его будетъ существовать тысячелѣтія, если потомки его будутъ умѣть выбирать себѣ достойныхъ и способныхъ сотрудниковъ для управленія. Чингисъ-ханъ говорилъ, что онъ давалъ начальствованіе по достоинству каждаго: храбрымъ и умнымъ ввѣрялъ войска, дѣятельнымъ и распорядительнымъ—храненіе обозовъ, неповоротливымъ—смотрѣніе за скотомъ и т. д.

Говоря объ умѣніи Чингисъ-хана выбирать людей и цѣнить личную удаль и достоинства, нельзя умолчать, какъ онъ высоко цѣнили эти качества даже у враговъ своихъ.

Во время войны съ хоразмійскихъ султаномъ Могаметомъ, когда войска послѣдняго были разбиты, и Магометъ, спасшійся на одинъ изъ острововъ Каспійскаго моря, вскорѣ тамъ умеръ, Джелалъ-уддинъ, достойный сынъ его, пробравшійся въ Нишабуръ и оттуда въ Гизну, началъ тамъ набирать войско. Скоро войско его достигло 70000, и онъ нанесъ нѣсколько поражений монгольскимъ войскамъ и совершенно истребилъ у Баміана тридцатитысячный отрядъ Кутуку. Но эта побѣда была гибельна для Джелалъ-уддина. При раздѣлѣ добычи, два изъ его военачальниковъ, Еминъ-меликъ, предводительствовавшій канкалами, и Агракъ-меликъ, начальникъ туркменовъ, поссорились за одного статнаго арабскаго коня. Еминъ, разгоряченный споромъ, ударилъ Аграка плетью по головѣ. Послѣдній, не получивъ удовлетворенія за обиду, съ досады отдѣлился, и войска Джелалъ-уддина уменьшились на половину.

Между тѣмъ Чингисъ-ханъ, осенью 1221 года двинулся противъ Джелалъ-уддина, который, видя, что онъ не въ силахъ сопротивляться многочисленнымъ силамъ Чингисъ-хана, отступилъ къ Гизнѣ, а потомъ къ р. Инду.

Монгольскій ханъ быстро преслѣдовалъ его. Подходя къ Инду, онъ узналъ, что Джелалъ-уддинъ намѣревался переправиться черезъ Индъ, и потому ночью двинулся усиленными переходами и на разсвѣтѣ напалъ на аррьергардъ султана, затѣмъ, пользуясь превосходствомъ силъ, разбилъ оба крыла его. Джелалъ-уддинъ, оставшись въ центрѣ съ небольшимъ числомъ войскъ, отбивался до полудня, стараясь пробиться. Монголы все болѣе и болѣе стѣсняли его, но по приказанію Чингисъ-хана, желавшаго взять Джелалъ-уддина живаго въ плѣнъ, не метали въ него стрѣлъ. Джелалъ-уддинъ, видя наконецъ, что нѣтъ никакого спасенія, перескочилъ на сильную, свѣжую лошадь, и, сдѣлавъ послѣднее, отчаянное нападеніе, заставилъ монголовъ податься назадъ; потомъ вдругъ, повернувъ круто лошадь, поскакалъ къ Инду, сбросилъ латы, кинулся въ рѣку съ берега въ 20 футовъ вышиною и, держа одною рукою щитъ за спиною, другою знамя пустился вплавъ.

¹⁾ Иванинъ, стр. 31.

Чингисъ-ханъ прискакалъ къ берегу, остановилъ воиновъ, хотѣвшихъ броситься въ погоню и, указывая на Джелаль-уд-дина, поставилъ его своимъ сыновьямъ въ образецъ и проговорилъ: „какъ счастливъ тотъ отецъ, который имѣетъ такого сына!“

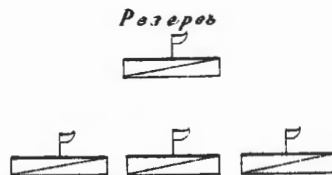
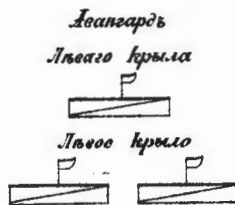
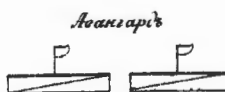
Мы уже имѣли случай сказать, что въ строю всадники соединялись въ десятки, сотни и тысячи. Передъ вступленіемъ въ бой всѣ отряды принимали боевой порядокъ въ нѣсколько линій съ резервомъ. Въ сраженіи съ племенемъ тайджитовъ войска Чингисъ-хана были раздѣлены на 13 отрядовъ; а такъ какъ у него было 13 тысячъ, то изъ этого можно предположить, что войска строились отдѣльными отрядами по тысячамъ. Отряды эти по мѣрѣ надобности постепенно вводились въ дѣло. „Поэтому вѣроятно,“ говоритъ Иванинъ ¹⁾, „Чингисъ-ханомъ былъ введенъ въ этомъ сраженіи тотъ боевой порядокъ, которымъ монголы постоянно одерживали верхъ и который ниже будетъ объясненъ въ описаніи военнаго искусства при Тамерланѣ“.

Мы говорили уже, что Тамерланъ далъ двѣнадцать особыхъ правилъ для веденія войны, для построенія войскъ въ боевой порядокъ, для разрыванія непріятельскихъ линій, для атакъ и отступленій.

Боевой порядокъ Тамерлана состоялъ изъ нѣсколькихъ линій съ резервомъ, причемъ войска распредѣлялись въ 4 главные группы: авангардъ, правое крыло, лѣвое крыло и резервъ, двигавшіеся на извѣстномъ между собою разстояніи. Это былъ нормальный порядокъ, но чѣмъ болѣе было количество войскъ, тѣмъ болѣе было линій. Генералъ Иванинъ приводитъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько отдѣльныхъ чертежей изображающихъ построенія: 1) отряда, состоящаго изъ 12000 конницы; 2) изъ 40000 и 3) арміи, превышающей 40 тысячъ конницы. Заимствуемъ эти порядки цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они изображены г. Иванинымъ.

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ ДЛЯ 12000 КОННИЦЫ

Аванпосты.

¹⁾ D'Ohsson. Заимствовано у Иванина, стр. 74.

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ ДЛЯ 40,000 КОННИЦЫ

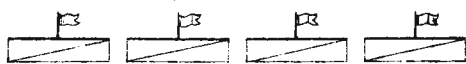
АВАНПОСТЫ

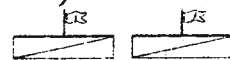
*Авангардъ
Лѣваго крыла 1.ой линіи*

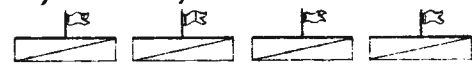
Лѣвое крыло 1.ой линіи

*Авангардъ
Правого крыла 1.ой линіи*

Правое крыло 1.ой линіи

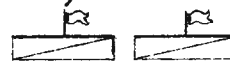
*Авангардъ
Лѣваго крыла 2.ой линіи*

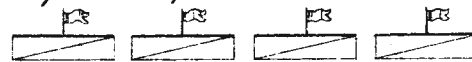
Лѣвое крыло 2.ой линіи

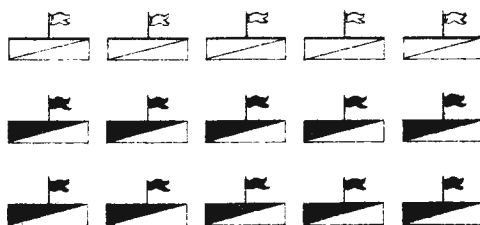
*Авангардъ
Правого крыла 2.ой линіи*

Правое крыло 2.ой линіи

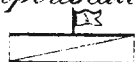

Резервъ.

ПРИМЪЧАНІЕ:

Аванпосты содержались легкой конницею, по преимуществу киргизами или узбеками.

Означаетъ среднюю конницу, соответствовавшую драгунамъ.

Тяжелая вооруженная конница.

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ

АРМІИ, ПРЕВЫШАЮЩЕЙ 40,000 КОННИЦЫ.

Аванпосты лѣваго крыла. Аванпосты праваго крыла.

*Авангардъ
авангарда:*

Большой авангардъ:

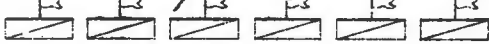

Авангардъ

Лѣваго крыла 1.ой линіи:

Лѣвое крыло 1.ой линіи:

Авангардъ

Праваго крыла 1.ой линіи:

Правое крыло 1.ой линіи:

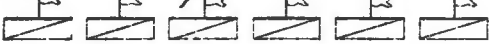

Авангардъ

Лѣваго крыла 2.ой линіи:

Лѣвое крыло 2.ой линіи:

Авангардъ

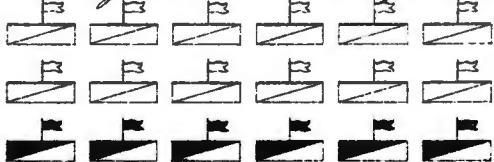
Праваго крыла 2.ой линіи:

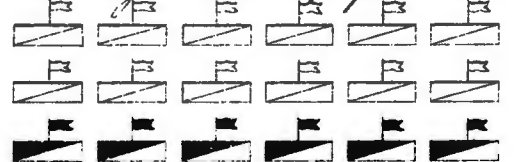
Правое крыло 2.ой линіи:

*Войска прочихъ родственниковъ
и союзниковъ Маиермана:*

*Войска сыновей
и внуковъ Маиермана:*

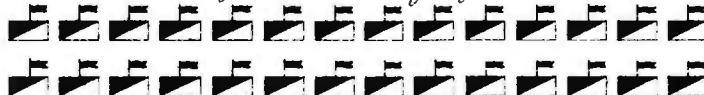

*Резервъ подъ непосредст-
веннымъ начальствомъ Маиермана:*

12 полковъ и при нихъ главное знамя:

28 полковъ заднимъ двумя линіи:

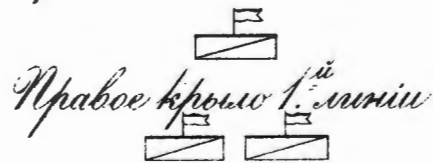
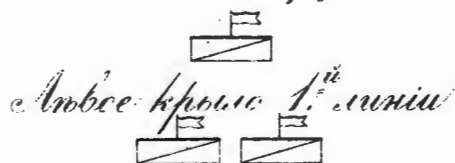
Все вые порядки Шалермани, изображенныя на герте-
 жавъ англійскаго и французскаго переводчиковъ, нѣсколько
 отлагаются и главнымъ образомъ тѣмъ, что вторая линия
 крыльевъ выдвинута внаружу, какъ видно изъ слѣдующихъ
 гертежей. Въ слѣдствіе этого своей порядковъ значительно
 растягивается по фронту, но зато болѣе понятно назна-
 ченіе авангардовъ второй линіи.

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ КОРПУСА ВЪ 40,000 КОННИЦЫ

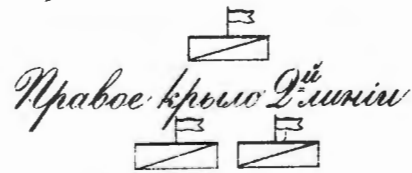
(По гертежамъ англійскаго и французскаго переводчиковъ).

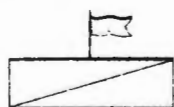
Авангарды лѣваго и праваго крыльевъ 1.^{ей} линіи

Авангарды лѣваго и праваго крыльевъ второй линіи

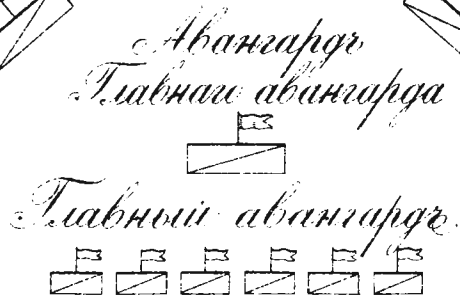

Главныя силы

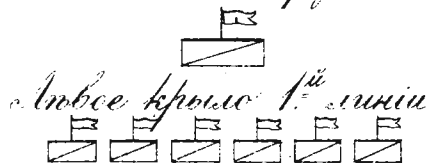

ДЛЯ АРМІИ

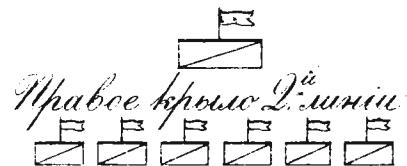
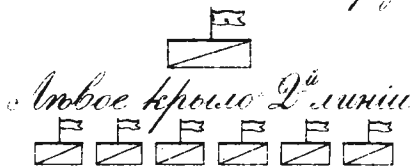
ЛЕГКІЯ ВОЙСКА ДЛЯ НАБЛЮДЕНІЕ ЗА НЕПРІЯТЕЛЕМЪ

Авангарды лѣваго и праваго крыльевъ 1.^ю линіи

Авангарды лѣваго и праваго крыльевъ второй линіи

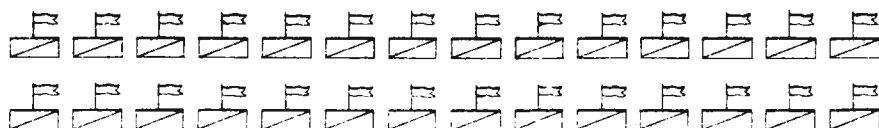
Резервъ лѣваго крыла
редутенниковъ и артиллеріи

Резервъ праваго крыла
Миллермана

Главная сила
подъ начальствомъ Штиермана.

28 Полковъ.

Интервалы и дистанціи между частями нигдѣ не обозначены, но, чтобы дать себѣ сколько нибудь ясное понятіе о размѣрахъ боевыхъ порядковъ монгольскихъ армій, скажемъ, что въ сраженіи на Куликовомъ полѣ, гдѣ съ каждой стороны собралось около 150 тысячъ всадниковъ, боевой порядокъ татаръ по фронту занялъ около 10 верстѣ.

Въ то время, когда почти всѣ народы, не имѣя правильнаго строя, сражались толпою безъ тактическихъ соображеній, увлекались въ бой, слѣдуя стремленію своей храбрости, бросаясь на непріятели безъ порядка, войска Тамерлана имѣли правильный строй и нѣсколько линій, которыя они постепенно вводили въ бой, и, наконецъ, когда послѣдовательными нападеніями непріятель былъ ослабленъ и утомленъ, они вводили въ дѣло сильный и свѣжій резервъ, составленный изъ лучшихъ войскъ, который и могъ всегда рѣшить побѣду. Замѣтимъ еще, что передняя линія, составляя весьма незначительную часть всего отряда, была очень слаба, чтобы выдержать натискъ, что подкрѣпленія у Тамерлана посылались сначала съ обѣихъ крыльевъ изъ середины, потомъ уже съ фланговъ, и только въ самую рѣшительную минуту сраженія двигались резервы; отъ этого сберегались фланги и свѣжія силы, и если непріятель успѣвалъ опрокинуть центръ передней линіи, то легко могъ быть, при малѣйшей пылкости его, поставленъ въ такое-же положеніе, въ какомъ находились римляне въ сраженіи при Каннахъ, когда, опрокинувъ центръ карфагенской линіи, они начали ее слишкомъ стремительно тѣснить и были охвачены съ фланговъ пѣхотой и конницей Аннибала, отчего и потеряли сраженіе столь рѣшительное, что въ немъ погибла почти вся ихъ армія. Что при Каннахъ произошло не случайно, то и при описанномъ боевомъ порядкѣ могло происходить по расчету.

„Этотъ боевой порядокъ“, продолжаетъ Иванинъ, „былъ особенно выгоденъ на равнинахъ Азіи для монгольской и средне-азіятской конницы, которая, въ случаѣ разбитія, могла избѣгать совершеннаго пораженія, привыкши отстрѣливаться въ бѣгствѣ, спасаться разсыпаясь и потомъ соединяться на условленномъ мѣстѣ,— почти всегда употребляла засады, слѣдовательно держала непріятели въ осторожности и препятствовала стремительному и усиленному преслѣдованію, которое одно могло нанести рѣшительное пораженіе“.

Передъ открытіемъ похода для войны съ какою нибудь страной и передъ каждымъ сраженіемъ Чингисъ-ханъ, Тамерланъ, и прочіе ханы производили своимъ войскамъ смотры. Прежде всего дѣлали осмотръ оружія и необходимыхъ въ походѣ вещей. Неисправныхъ наказывали; хорошимъ воинамъ, въ случаѣ недостаточности, давали пособіе.

„Во время осмотра“, пишетъ г. Иванинъ, „татары проѣзжали мимо хана съ развернутыми знаменами по четыре лошади въ рядъ, въ двѣ колонны; впереди каждаго отряда ѣхалъ начальникъ съ своей свитой, каждая волость—можетъ быть

родъ; племя, аймакъ—имѣло знамя особаго цвѣта. Знамя пророка возилось эмирѡмъ; оно сопровождалось зелеными огнями (можетъ быть для показанія мѣста знамени ночью) и было позади прочихъ войскъ.

Относительно подробностей совершенія маршей во время Чингисъ-хана и Тамерлана мы неимѣли надлежащихъ свѣденій, и потому должны остановиться на описаніи походовъ татаръ позднѣйшаго времени.

Въ это время татары, хотя и потеряли воинственность своихъ предковъ, и учрежденія Чингисъ-хана могли быть большею частью забыты, но изъ того, что оставалось еще отъ этихъ учреждений, мы можемъ вывести заключеніе о томъ состояніи этой части военнаго искусства, въ которомъ она находилась и въ эпоху обширныхъ завоеваній монголовъ при Тамерланѣ. „Къ этому можно присовокупить“, говоритъ Иванинъ, „что порядокъ движеній и дѣйствій крымскихъ татаръ при ихъ набѣгахъ такъ принаровлены къ характеру степной мѣстности, къ быту кочеваго народа и къ свойству ихъ войны, что онъ можетъ быть принятъ почти общимъ для всѣхъ кочевыхъ народовъ средней Азіи и, слѣдовательно, безъ большой погрѣшности можно допустить, что онъ же существовалъ и въ войскахъ Чингисъ-хана и Тамерлана, но только въ лучшемъ видѣ и въ бѡльшемъ совершенствѣ, нежели у крымскихъ татаръ.

Походы крымскихъ татаръ Бопланъ ¹⁾ описываетъ слѣдующимъ образомъ. Походы въ значительныхъ силахъ производились зимою, когда рѣки и болота не затрудняли движеній. Дневные переходы въ началѣ похода были, обыкновенно около 25 верстъ; для развѣдыванія о непріятелѣ и добыванія языка высылались впередъ самые расторопные и опытные наѣздники.

Фронтъ татарскаго войска походомъ, занимая отъ 300 до 1000 шаговъ, состоялъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (для набѣговъ каждый воинъ бралъ по двѣ заводныя лошади, которыя велъ самъ и, въ случаѣ надобности, перескакивалъ съ одной на другую). Въ глубину колонна занимала, смотря по числу войскъ, отъ 800 до 1000 коней, растягиваясь на 12, 14 и даже на 40 верстъ. Строй этотъ и множество заводныхъ лошадей неудобны для сраженій, поэтому Бопланъ говоритъ, что татары въ набѣгахъ всегда избѣгали встрѣчи съ равнымъ въ числѣ непріателемъ и сражались только тогда, когда были въ десять разъ сильнѣе. Изъ этого, говоритъ Иванинъ, можно вывести заключеніе, что у первыхъ монгольскихъ завоевателей и у Тамерлана заводныя лошади, съ приближеніемъ къ непріятелю, должны были сдаваться въ обозъ.

По мѣрѣ приближенія къ границѣ, татары перестраивались въ свой обычный боевой порядокъ, состоявшій изъ авангарда, главныхъ силъ, праваго и лѣваго крыльевъ, на которыя вообще отдѣлялось около $\frac{1}{3}$ силъ. Въ это время татары уве-

¹⁾ Заимствовано у Иванина.

личивали переходы, шли день и ночь, останавливаясь по временамъ на полчетверти часа, чтобы облегчить спины лошадей, а для корму давали не болѣе часа ¹⁾. Крылья составлялись изъ пяти и шестисотенныхъ отрядовъ, которые по временамъ отдѣлялись отъ главныхъ силъ въ стороны, верстъ на 50 по селеніямъ, приобрѣтали добычу и присоединялись къ главнымъ силамъ. Для составленія крыльевъ съ цѣлью добычи войска перемѣнялись.

Дѣлая набѣгъ лѣтомъ, татары, не доходя верстъ 100 до границы, чтобы избѣжать встрѣчи съ выставляемыми отъ казаковъ сторожевыми постами, раздѣлялись на отряды въ 1000 коней. Отряды эти шли другъ отъ друга въ разстояніи около 5 верстъ, высылали впередъ наѣздниковъ для развѣдыванія о непріятелѣ и дѣйствовали согласно съ ихъ донесеніями. Для удобнѣйшаго сношенія отрядовъ и ихъ развѣздовъ употребляли разные условные знаки: маяченіе, высѣканіе огня, вертѣли зажженною тряпкою вокругъ и т. п.

Каждый отрядъ изыскивалъ себѣ путь лощинами и скрытными мѣстами, ведущими къ условленному для всѣхъ отрядовъ общему сборному пункту.

Для скрытія слѣдовъ своихъ въ случаѣ преслѣдованія, татары употребляли слѣдующую хитрость: передъ выступленіемъ съ ночлега раздѣлялись на отряды и двигались въ разныя стороны, къ югу, сѣверу, востоку и западу; отойдя вѣсть 5, каждый изъ отрядовъ раздѣлялся еще на три части, которыя также развѣзжались въ разныя стороны, потомъ сворачивали по направленію къ условленному мѣсту сбора; отойдя еще версты съ три, шайки эти дѣлились снова на три части и потомъ уже въ назначенномъ мѣстѣ, верстахъ въ 40-ка или 50-ти отъ ночлега, соединялись въ какой нибудь лощинѣ. Разсыпаніе это дѣлалось на всемъ скаку и производилось въ какіе нибудь 1½ часа (иначе, если казаки подстерегали отрядъ во время этого разсыпанія, то гибель его была почти неизбѣжна). Трава, притоптанная незначительнымъ числомъ лошадей, на другой день поднималась, и такимъ образомъ слѣды татаръ исчезали. При нападеніи непріятеля, если татары были не въ силахъ отразить его, то рассыпались въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку и такъ мѣтко, что попадали въ человѣка въ 60-ти и 100 шагахъ; отскакавъ нѣсколько верстъ, опять соединялись, встрѣчали непріятеля строемъ, стараясь при этомъ выиграть вѣтеръ и стать спиною къ солнцу; а непріятеля поставить, если можно, противъ вѣтра и солнца, потомъ, если новая стычка была неудачна, то опять такимъ же образомъ ускакивали въ разсыпную.

Переправы черезъ рѣки даже большія, какъ Днѣпръ, они совершали вплавъ. Для этого изъ хворосту или камыша устраивали плоты, на которые укладывали сѣдла, одежду и оружіе; а сами нагіе, держась за гриву или хвостъ, переплывали вмѣстѣ съ своими лошадьми.

¹⁾ Иванинъ, стр. 165.

Во время ночлеговъ и дневокъ войска монголовъ располагались лагеремъ, который въ случаѣ опасности укрѣплялся, обносился рвомъ, тыномъ или щитами. Во времена Тамерлана, если онъ самъ командовалъ арміею, для охраненія ея лагернаго или бивачнаго расположенія назначалось 12 тысячъ конницы, которая, раздѣлившись на 4 части по 3000, должна была охранять бивакъ со всѣхъ сторонъ. Конница эта, выдвинувшись отъ стана на 4 версты (полуфарсангу) выставляла передовые посты; а отъ нихъ часовыхъ и содержала постоянные разъѣзды впередъ и вдоль постовъ.

Сраженіе при Вальштадтѣ (Лигницѣ).

Первый разъ монголы появились въ Европѣ въ 1224 году, когда полководцы Чингисъ-хана, Чжебе и Субутай, преслѣдуя харазмійскаго султана Магомета, проникли черезъ кавказскій перешеекъ въ землю половцевъ. Русскіе князья, двинувшіеся навстрѣчу монголамъ, были разбиты при Калкѣ; но монголы повернули въ Крымъ и оттуда ушли обратно въ Азію. Въ 1237 году, когда уже Чингисъ-хана не было, новое нашествіе, съ цѣлью уже завоеванія Европы, было произведено Батыемъ, внукомъ Чингисъ-хана. Прикочевавъ къ верховьямъ Дона въ лѣтнюю пору и откормивъ своихъ коней, съ наступленіемъ зимы татары двинулись къ Рязани, разбили въ двухъ столкновеніяхъ войска рязанскихъ князей и взяли въ декабрѣ Рязань; оттуда двинулись къ Коломнѣ и Москвѣ, взяли первую и разграбили вторую и повернули на Владиміръ, Великій князь Владимірскій, Георгій, сталъ собирать войска на рѣкѣ Сити, близъ перекрестка дорогъ отъ Владиміра черезъ Угличъ и Бѣжецкъ къ Новгороду и Бѣлозерску.

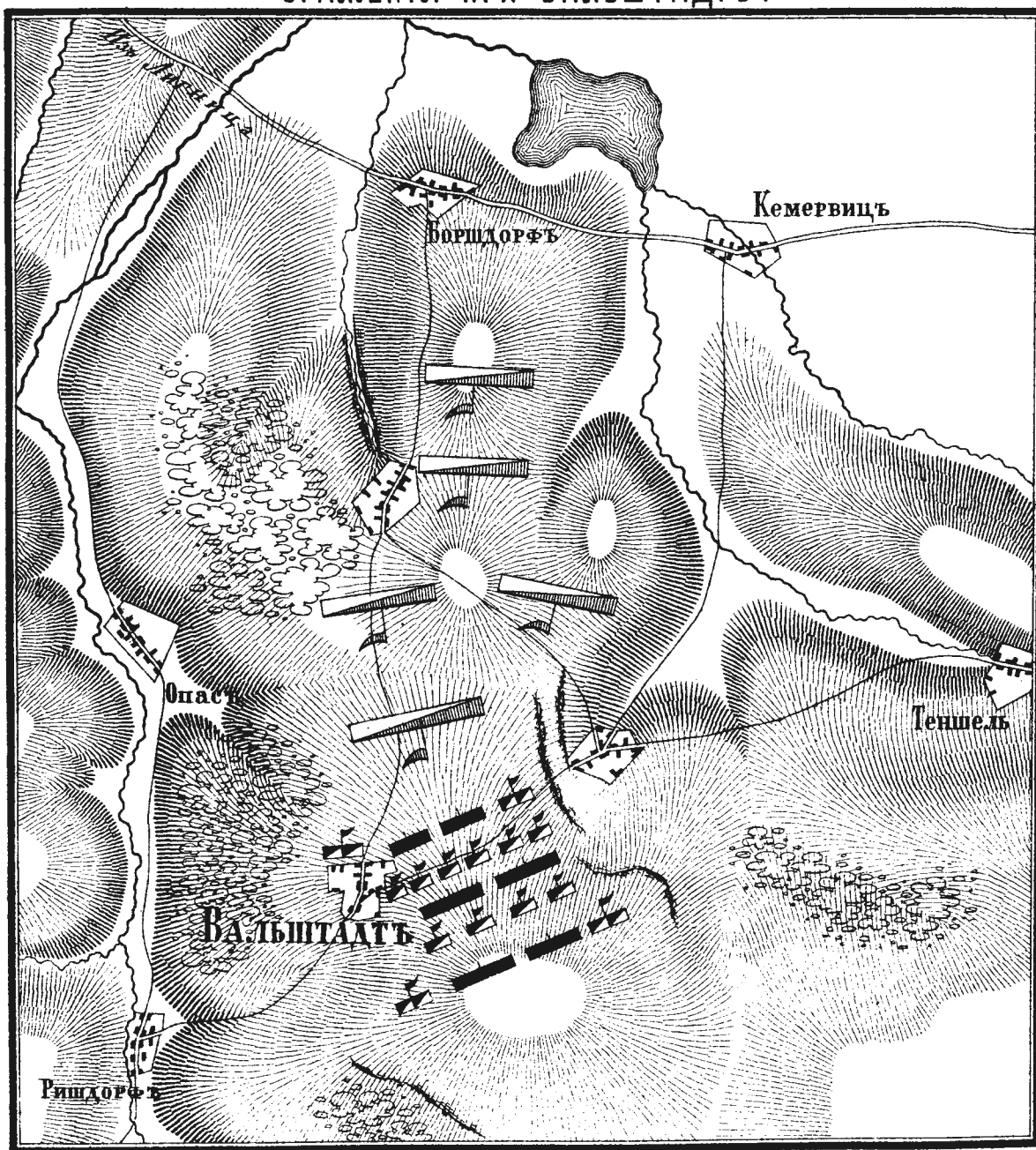
Татары взяли приступомъ Владиміръ и съ необычайною быстротою появились на р. Сити, обошли правый флангъ войска Великаго князя Владимірскаго и почти все его истребили.

Послѣ этого Батый двинулся на Новгородъ, но, вѣроятно, весенняя распутица остановила это движеніе, и татары повернули къ югу, прошли мимо Козельска, котораго взять не могли, и направились къ притокамъ и низовьямъ Дона въ землю половецкую.

Этими походами восточная Русь была покорена. Черезъ два года Батый взялъ Глуховъ, Черниговъ, въ 1240 году Кіевъ и овладѣлъ частью Польши. Въ 1241 году Батый предпринялъ наступленіе далѣе въ западную Европу и раздѣлил свои войска на 4 части: одну изъ нихъ направилъ опять въ Польшу, другую въ Силезію и Моравію, третью, сильнѣйшую, самъ повелъ черезъ Галицію прямо въ Венгрію изъ Трансильваніи.

Первая и вторая части, двинувшіяся первоначально подъ общимъ начальствомъ Петы въ Польшу, у Сандоміра раздѣлились: одна изъ нихъ начала опустошать окрестности Сандоміра, а другая направилась на Ленчицу.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ВАЛЬШТАДТЪ.

Дворянство палатинатовъ сандомірскаго и краковскаго составило армію и напало на монголовъ, опустошившихъ сандомірское воеводство; но 18 марта при Шидловѣ поляки были разбиты; а большая часть жителей разбѣжались въ лѣса, въ карпатскія горы, Венгрію и Германію. Монголы пошли на Краковъ, взяли и выжгли его, направились въ Силезію, переправились черезъ Одеръ частью на судахъ, частью вплавъ, потомъ пошли на Бреславль, взяли и разорили его, кромѣ цитадели. Отсюда пошли на соединеніе съ отрядомъ войскъ, направившимся на Ленчицу. Соединившись вмѣстѣ, оба отряда осадили Лигницъ.

Въ то время, какъ городъ этотъ, защищаемый Анною, супругою ниже-саксонскаго герцога Генриха Благочестиваго, упорно держался, самъ герцогъ старался набирать войско для отраженія страшнаго врага. Но голосъ его, умолявшій о помощи, былъ невнятенъ посреди безначалія и междоусобій, которыя терзали тогда Германію. Генрихъ съ трудомъ могъ собрать тридцатитысячную армію, съ которою двинулся къ Вальштадту. 9-го апрѣля она расположилась пятью линіями между болотистымъ Вейслахскимъ ручьемъ и крутымъ Кризницкимъ оврагомъ. Въ первой линіи стали пѣшія дружины нѣмецкихъ крестоносцевъ и гольдбергскихъ рудокоповъ подъ начальствомъ моравскаго герцога Болеслава; во второй поляки и кракусы подъ начальствомъ князя Сузислава; въ третьей городскія дружины Ратибора и Опшерна подъ командою герцога Мечислава; въ четвертой рыцари Тевтонскаго ордена, предводимые гермейстеромъ Попою-фонъ-Остерномъ; самъ Генрихъ съ силезцами и наемными нѣмецкими ратниками находился въ 5-й линіи.

Едва христіанское войско успѣло выстроиться къ бою; какъ вся равнина, простирающаяся къ Гюннерну и Баршдорфу, покрылась монгольскими полчищами. Они были раздѣлены на 5 корпусовъ: одинъ шелъ въ авангардѣ, два, имѣя между собою значительный интерваллъ, составляли правое и лѣвое крылья обыкновеннаго ихъ боеваго порядка, остальные составляли резервъ.

Болеславъ съ своими крестоносцами первый ударилъ на авангардъ татаръ; но они съ умысломъ начали отступать и, когда Болеславъ съ своею дурно-вооруженною пѣхотою значительно удалился отъ второй линіи, монголы выдѣлили часть отрядовъ, составлявшихъ крылья, и, окруживъ крестоносцевъ со всѣхъ сторонъ, истребили ихъ до послѣдняго человѣка, въ томъ числѣ погибъ и Болеславъ.

Вслѣдъ за этимъ вторая и третья линіи Генриха также двинулись впередъ и возстановили на нѣкоторое время битву. Тогда монголы прибѣгли къ хитрости. Смѣшавшись въ рукопашномъ бою съ противниками, они вдругъ подняли крикъ на польскомъ языкѣ „спасайся! спасайся!“ Обманутые польскіе и ратиборскіе полки обратились въ бѣгство и тѣмъ разстроили четвертую линію и резервъ; а татары, насѣвъ на бѣгущихъ, произвели ужасную рѣзню. Генрихъ, защищавшійся съ величайшимъ мужествомъ, былъ убитъ; гермейстеръ тяжело раненъ; большая часть войска пала на полѣ битвы, а остальные разбѣжались.

Послѣ этого погрома, опустошивъ окрестности Лигница, монголы двинулись въ Моравію. Между тѣмъ Батый, вторгнувшійся съ двухъ сторонъ въ Венгрію, разбилъ нѣсколько разъ венгерскія войска, разрушилъ нѣсколько городовъ и опустошилъ большую часть страны. Вѣроятно такая же участь постигла бы и прочія государства западной Европы, но достигшая вѣсть о кончинѣ монгольскаго хана Октая заставила Батые со всеми полчищами двинуться въ обратный путь и спѣшить на выборы новаго хана.

Дѣлая перечень необыкновенныхъ погромовъ и завоеваній монголовъ уже при преемникахъ Чингисъ-хана, нельзя не замѣтить, что эти успѣхи были плодомъ не одной дикой храбрости и многолюдства. Мы не описывали походовъ и завоеваній самого Чингисъ-хана, такъ какъ его дѣйствія ограничились предѣлами Азіи и велись исключительно съ азіятскими же народами. Походы Батые, завоевавашаго въ нѣсколько лѣтъ обширныя земли отъ Иртыша до Адриатическаго моря и отъ рѣки Камы до Кавказа и Дуная, совершены были противъ народовъ европейскихъ, причеиъ ни русскія княжескія дружины, ни поляки, ни венгерцы, ни рыцари западно-европейскіе не могли противустоять монголамъ. Это указываетъ на превосходство организаціи и устройства войскъ, введенныхъ Чингисъ-ханомъ, обученія ихъ дѣйствовать оружіемъ, производить тактическія движенія, а также на искусныя соображенія, основанныя на вѣрныхъ свѣденіяхъ о странахъ, въ которыя монголы вносили войну. Свѣденія эти собирались черезъ особыхъ чиновниковъ—юрджи, родъ офицеровъ генеральнаго штаба, введенныхъ также самимъ Чингисъ-ханомъ. „По свидѣтельству Плато-Карпини“, пишетъ г. Ивановъ, „монголы предполагали завоевать Европу въ 18 лѣтъ; это показываетъ, что уже заблаговременно были собраны свѣденія о Европѣ и составленъ былъ планъ этого завоеванія“.

Что касается до тактическихъ дѣйствій конницы монголовъ, то какъ видно было изъ описанія сраженія при Лигницѣ конница ихъ имѣла неоспоримое превосходство надъ всеиъ противъ нее выставляемыми войсками въ отношеніи легкости, находчивости и умѣнія владѣть конемъ и оружіемъ. Превосходный боевой порядокъ, представлявшій во все стороны уступную форму показываетъ глубокое пониманіе Чингисъ-Ханомъ свойствъ кавалеріи. Тотъ боевой порядокъ давалъ возможность развивать успѣхъ наступательнаго боя при совершенномъ обезпеченіи себя со всехъ сторонъ; но подобно аравитянамъ и татары въ большинствѣ сраженій первый натискъ дѣлали съ нѣкоторою осторожностью, стараясь вовлечь противника внутрь своего боеваго порядка, чтобы сжать его какъ желѣзнымъ кольцомъ. Этимъ объясняется отчасти то, что въ большинствѣ сраженій непріятельскія арміи нерѣдко были совершенно истребляемы.

Глава 14-я.

Конница османскихъ турокъ. Одежда, вооруженіе и снаряженіе. Замѣчаніе о коневодствѣ. Янычары—пѣхота. Столкновение турокъ съ монголами. Тамерланъ. Ангорская битва.

Послѣ разгрома Чингисъ-ханомъ ховарезмійскаго царства одна орда турокъ—огузовъ, приблизительно въ 50000 человекъ, искала убѣжища въ верхней Арменіи. Во время преслѣдованія предводитель ея Солиманъ утонулъ въ рѣкѣ; а сыновья его стали искать, по турецкому обычаю, возможности служить оружіемъ исламу. Одинъ изъ нихъ, Эртогруль, приобрѣлъ себѣ всемірно-историческое значеніе, какъ основатель османской имперіи. Съ толпою послѣдовавшихъ за нимъ турокъ Эртогруль поддерживалъ сельджукскаго султана Аллаэддина, одного изъ многочисленныхъ мелкихъ турецкихъ князей, постоянно воевавшихъ съ малоазійскими христіанами и между собою. Въ награду за оказанныя услуги онъ получилъ въ ленъ владѣнія въ ангорской области, скоро достигъ независимости, распространилъ свое владѣтельство далѣе на сѣверъ и создалъ страшную по своей дисциплинѣ и фанатизму конницу, увеличенную впоследствии его сыномъ Османомъ и внукомъ Орханомъ.

Передъ греками, незаботившимися объ управленіи Малой Азіей, османы имѣли то преимущество, что ими предводительствовали талантливые и храбрые вожди; а мелкимъ турецкимъ князьямъ, лишеннымъ всякой организаціи, они были страшны своимъ единствомъ. Раздѣленные и враждебные другъ другу, турецкіе князья Малой Азіи походили съ своими войсками на шайки разбойниковъ, османы, напротивъ, приняли мало по малу совершенно такую же организацію, какъ феодальное рыцарство. Султанъ Османъ роздалъ имъ завоеванныя земли почти на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Вильгельмъ Завоеватель раздѣлил Англію между нормандскими рыцарями.

Опустошенія, производимыя другими тюркскими племенами на югѣ Малой Азіи и по западному ея побережью, и нерадѣніе греческихъ императоровъ о защитѣ Виѳиніи, облегчили османамъ завоеванія на сѣверѣ страны. Послѣ изгнанія латинянъ изъ Константинополя и вторичнаго перенесенія туда столицы, города Малой Азіи постепенно переходили въ руки турокъ. Въ то время, какъ другіе турки захватывали берега Эгейскаго моря, опустошали и грабили острова, османы направляли свои походы противъ Виѳиніи и дѣлали высадки на берегахъ Фракіи. Только три виѳинскіе города, Брусса, Никея и Никомедія, защищались болѣе четверти столѣтія, и одна Смирна держалась до времени нашествія Тамерлана. Столица Виѳиніи, укрѣпленная Брусса, сдалась передъ самой смертью Османа (1326 года) и сдѣлалась съ тѣхъ поръ главнымъ городомъ новаго османскаго царства.

Орханъ, пошедшій по стопамъ отца, покорилъ Никою и Никомедию, овладѣлъ всею Виоиніей и Пафлагоніей и наконецъ сталъ твердою ногою въ Европѣ. Его отряды заняли въ 1357 году Херсонесъ Фракійскій и находящееся близъ него побережье на востокъ до Родосто, на западъ вверхъ по Марицѣ до Ипсалы, и на сѣверъ до области Чорли и Гіераболи. Старшій сынъ Орхана, Солиманъ, отправившись въ новопокоренныя страны намѣстникомъ отца, никогда не пріѣзжавшаго въ Европу, избралъ своей столицей Галлиполи, тогда еще одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ распадавшейся византійской имперіи и важнѣйшій торговый рынокъ морскаго побережья. Мурадъ I, наслѣдовавшій Орхану, продолжалъ завоеванія отца, такъ что одинъ только Константинополь оставался въ рукахъ византійскаго императора.

Не только по своему характеру, но и по самой организаціи новая турецкая имперія, какъ и древне-римская была приспособлена къ войнамъ и завоеваніямъ. Ея организація не была ни искусственная, ни насильно навязанная народу, управленіе имперіи не находилось въ рукахъ ученыхъ или людей, воспитанныхъ въ канцеляріяхъ; все напротивъ было національно, основано на воинственныхъ нравахъ, издавна свойственныхъ турецкимъ народомъ. Но эта система держалась исключительно на личности главы народа. Въ XIV столѣтіи въ Европѣ и передней Азіи не было нигдѣ ни постоянного войска, ни правильныхъ финансовыхъ учрежденій, ни единства управленія, и потому турецкая имперія скоро достигла могущества. Она пала также быстро, какъ и возвысилась, когда послѣ ряда энергическихъ правителей, престолъ перешелъ къ неспособнымъ и слабымъ людямъ. Цѣль нашей исторіи не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе финансовыхъ учрежденій, администраціи провинцій, раздѣленія завоеванныхъ странъ и вообще системы управленія турецкой имперіи. Мы остановимся только на организаціи войска, главной причинѣ быстрого расширенія и прочности новаго военнаго государства.

Первымъ войскомъ османовъ были акинджи или бѣгуны, легкая конница, иррегулярная, составленная изъ кочевыхъ азіатскихъ народовъ, подобныхъ курдамъ, бедуинамъ, туркменамъ и проч. Это была совершенно такая же конница, какъ во времена крестовыхъ походовъ. Конница мусульманскихъ владѣтелей, противъ которыхъ приходилось имѣть дѣло рыцарямъ, то есть, состоящая изъ природныхъ кавалеристовъ, сросшихся съ конемъ съ самого малолѣтства, на легкихъ выносливыхъ лошадяхъ восточной породы. Въ высшей степени способные къ развѣдывательной службѣ, неутомимые въ дѣйствіяхъ малой войны и преслѣдованіи, потому и названные бѣгунами, они, подобно конницѣ Саладина, цѣлымъ рядомъ геніальныхъ турецкихъ султановъ, начиная съ Эртогрула, пріучены были къ извѣстной дисциплинѣ и турецкому фанатизму. Но конница эта, какъ и конница Саладина, дѣйствовавшая отрядами и лавами въ подвижномъ строѣ, не могла выдерживать боя съ рыцарями и ихъ твердымъ строемъ. По этой причинѣ султанъ Османъ

Исторія конницы
М. Маркова.

АЗИАТСКАЯ КОННИЦА ТУРОЕЪ.
АКИНДЖИ И КУРДЫ.

Источники: Musée univer-
selle, Hottenroth и др.

создалъ другую регулярную или гвардейскую конницу, подъ именемъ спаговъ. Акинджи служили безъ жалованья въ надеждѣ на добычу и могли жить и кочевать на своихъ земляхъ безъ всякихъ податей и повинностей.

Спаги или сипаги, то есть всадники, составляли отборныя конныя дружины, соответствовавшія гвардейской конницѣ. Ихъ было сформировано при Османѣ шесть отрядовъ или полковъ по 400 всадниковъ въ каждомъ—всего 2400 человекъ. Въ тѣсномъ смыслѣ именемъ спаговъ назывался только первый изъ отрядовъ; въ обширномъ смыслѣ именовались спагами и всѣ шесть отрядовъ; а иногда и конница, выставляемая владѣльцами ленныхъ имѣній при открытіи войны.

Настоящіе спаги имѣли красное знамя (байракъ) и становились въ лагерьъ по правую сторону ставки султана и главнаго знамени пророка (санджакъ-шерифъ), которое охранялось всѣмъ корпусомъ спаговъ. Начальникъ перваго, спагиларъ-агасси, былъ также главнымъ вождемъ остальныхъ пяти отрядовъ. Другой отрядъ, силигдары (оруженосцы) имѣлъ желтое знамя, 3-й полкъ назывался улүфеджи (салдаты); 4-й гуреба ¹⁾ (иностранцы). Начальники спаговъ были субаши или юзбаши (сотники), бинбаша (тысячники) и санджакъ-беи (знаменныя князья). Раздѣленіе на всадниковъ, оруженосцевъ и солдатъ указываетъ на сходство организаціи спаговъ съ организаціей рыцарской конницы. Но правильное раздѣленіе на полки и сотни, и то обстоятельство, что спаги составляли постоянное войско, заставляютъ приравнять ихъ скорѣе къ ордонансовымъ ротамъ, въ которыхъ различные роды конницы дѣйствуютъ отдѣльно. Всѣ они были надѣлены землями и освобождены отъ податей.

Одежда спаговъ сначала была произвольная, большею частью красная или коричневая. Вооруженіе у европейскихъ спаговъ состояло изъ длинныхъ и широкихъ мечей; а у азіатскихъ изъ легкихъ кривыхъ сабель, метательныхъ копій (джиридъ), луковъ и стрѣлъ. Огнестрѣльное оружіе не вводилось долго, въ особенности въ Азіи, въ Европѣ же спаги мало по малу вооружились пистолетами и карабинами.

Азіатскіе спаги отличались передъ европейскими добротою своихъ лошадей и искусствомъ владѣнія оружіемъ, но они далеко уступали имъ въ мужествѣ. Сбруя и сѣдла тѣхъ и другихъ были тѣже самыя, какъ и у всѣхъ турецкихъ и другихъ восточныхъ всадниковъ, т. е., сѣдло высокое, а головной уборъ—строгій мундштукъ. Въ XVI столѣтіи спаги имѣли уже однообразную одежду, которая отъ національной турецкой, впрочемъ, отличалась только громаднхъ размѣровъ султаномъ. Первому отряду присвоенъ былъ красный цвѣтъ, второму желтый, прочимъ зеленый, зеленый съ бѣлымъ, желтый съ краснымъ и бѣлый съ краснымъ.

¹⁾ По нѣкоторымъ источникамъ корпусъ спаговъ раздѣлялся не на 6, а на 4 полка, поэтому нигдѣ не упоминается названія остальныхъ 2-хъ отрядовъ.

Изъ предохранительнаго оружія спаги носили кирасы и желѣзныя каски, которыя иногда обматывали бѣлыми чалмами.

Въ прежнія времена спаги считались на войнѣ весьма опасными противниками, какъ смѣлые и искусные ѣздоки; они одолѣвали всѣ препятствія мѣстности, проходили по горамъ, лѣсамъ и ущельямъ съ одинаковою ловкостью; не страшились разстройства и превосходили далеко конницу европейскихъ армій проворствомъ, искусствомъ владѣть оружіемъ, стремительностью натиска и быстрого перехода изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, изъ притворнаго бѣгства къ нападенію. Въ прошломъ столѣтіи до времени Румянцева Задунайскаго наша и австрійская пѣхота не иначе умѣла защищаться отъ яростныхъ ихъ атакъ, какъ ставя передъ фронтомъ каре подвижныя рогатки; но и тогда случалось нерѣдко, что цѣлые баталіоны и полки въ одно мгновеніе были истребляемы спагами.

Кромѣ описанныхъ спаговъ, существовалъ у турокъ еще родъ рыцарства, т. е., нѣкоторыя лица, получивъ помѣстья или лены (тимары, зіаметы), обязывались, подобно западному рыцарству, по первому призыву султана выставять всадниковъ или самимъ выступать на войну. Конные отряды, выставяемые такими владѣльцами назывались займъ-спагами и тимаръ-спагами, а конныя областныя и пограничныя милиціи носили названія топракули и сераткули.

Наконецъ былъ еще одинъ родъ всадниковъ, называвшихся дели или делисы (отчаянные, смѣльчаки). Они употреблялись въ самыхъ опасныхъ случаяхъ; какъ бы въ примѣръ прочимъ войскамъ. Паши избирали ихъ при открытіи войны изъ собственныхъ слугъ и охотниковъ, особенно изъ босняковъ и албанцевъ. Дели одѣвались, какъ и прочія войска; но отличались высокой цилиндрической шапкой, обтянутой сукномъ или овечьей кожей. Они служили на лошадяхъ, вооружены были пиками, ятаганами и впослѣдствіи пистолетами. Начальникъ ихъ назывался делибашъ. Великіе визири имѣли прежде отъ 100 до 140 и даже до 2000 такихъ всадниковъ тѣлохранителями, которые въ полѣ были верхами; а въ Константинополѣ шли пѣшкомъ передъ великимъ визиремъ и очищали ему дорогу.

Турки, занявъ Малую Азію, съ самыхъ первыхъ поръ овладѣли странною весьма богатою лошадьми. Намъ извѣстно, что еще греки и римляне пріобрѣтали здѣсь лошадей, и каппадокскія лошади даже воспѣвались поэтами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ добавокъ къ этому они привели съ собой массу персидскихъ и туркменскихъ лошадей. Овладѣвъ мало по малу Сиріей, Палестиной, Аравіей, Египтомъ, сосѣдними африканскими странами и Крымомъ, они пріобрѣли лошадей самыхъ разнообразныхъ племенъ. Турки имѣютъ обширныя конскіе заводы, но они не прилагаютъ подобнаго тщанія въ дѣлѣ коневодства, какъ аравитяне. Ихъ лошади, также какъ черкескія, происходятъ отъ смѣси арабскихъ, персидскихъ и татарскихъ. Лучшими считаются тѣ, которыя разводятся въ Каппадокіи и Виѳиніи, подъ названіемъ анатолійскихъ. „Превосходнѣйшее качество ихъ“, говоритъ Рутенбергъ, „заключается въ томъ, что они способны выдержать самую жаркую погоду и самую холодную зиму.“

Исторія конницы М. Мар-
кова.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОННИЦА ТУРОКЪ.
ДЕЛИБАШЪ И СПАГИ.

Источники: Hottenroth и
другіе.

чается въ просторномъ шагу, въ чемъ ни одно племя съ ними не можетъ сравниться. Тонкая шея, длинное, узкое и весьма гибкое тѣло, высокія и узкія копыта составляютъ отличительные признаки турецкихъ лошадей. Но не должно удивляться, если между этимъ племенемъ встрѣчаются лошади, которыя мало похожи на наше описаніе, потому что у турокъ лошади весьма разнообразны. Турки, какъ я уже сказалъ, разводятъ лошадей небрежно, ѣздятъ только на жеребцахъ и назначаютъ ихъ для приплода, когда они уже почти отжили свой вѣкъ; притомъ изнѣживаютъ матокъ, вовсе не употребляя ихъ въ ѣзду; такъ удивительно-ли, что турецкое племя далеко не достигаетъ совершенства арабскихъ лошадей, по совершенной противоположности основныхъ правилъ коннозаводства. „Кромѣ анатолійскихъ, въ турецкой конницѣ масса лошадей сирійскихъ, называемыхъ кадиши, черкесскихъ и мелкихъ татарскихъ. Объ арабскихъ лошадяхъ мы не упоминаемъ, потому что онѣ слишкомъ дороги и для ѣзды доступны только очень богатымъ и высокопоставленнымъ лицамъ.

Османы не были страшны одною многочисленностью и звѣрствомъ, какъ гунны и многіе другіе восточные народы; они не явились подобно морской волнѣ, отливающей также быстро, какъ и приливающей, но, сохранивъ національное вооруженіе и обязательность для всѣхъ военной службы, мало по мало образовали у себя постоянное, получавшее жалованье войско. Отборную часть пѣхоты составляли въ то время въ всей Европѣ швейцарцы; въ турецкихъ же войскахъ она состояла изъ ренегатовъ и, воспитанныхъ специально для служенія могометанскому фанатизму, христіанскихъ дѣтей, которыхъ похищали у родителей, выбирая самыхъ здоровыхъ и сильныхъ. Еще при Орханѣ корпусъ новой пѣхоты, подъ именемъ янычаръ, сдѣлался страшенъ въ Европѣ. Тактическое образованіе, организація и непреодолимый фанатизмъ янычаръ были совершенно неслыханны въ Европѣ; они являлись на полѣ битвы въ рѣшительныя минуты, какъ преторіянцы римскихъ императоровъ и гвардія Наполеона. Въ первыя времена османской имперіи это священное войско султана увеличивалось ежегодно христіанскими дѣтьми или невѣрными, перешедшими въ исламъ; численность его, возрастая съ каждымъ новымъ султаномъ, дошла при Могометѣ II до 12 тысячъ, а при Могометѣ IV до 14 тысячъ. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа янычаръ и съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ и хищныхъ набѣговъ, эта часть войска комплектовалась уже изъ собственной среды, сдѣлавшись, какъ наследственное войско съ огромными преимуществами, особымъ государствомъ въ государствѣ.

Кромѣ этихъ дисциплинированныхъ солдатъ, получавшихъ ежедневно отъ одного до семи аспровъ (турецкій піастръ=120 аспрамъ), смотря по заслугамъ и обстоятельствамъ, у султановъ находились еще войска, служившія ради добычи и сохранившія устройство и вооруженіе тѣхъ странъ и племенъ, къ которымъ они принадлежали. Эти войска приносили пользу тѣмъ, что съ малолѣтства были приучены

къ различнаго рода работамъ; а первые султаны, рождавшіеся полководцами, умѣли употреблять ихъ тамъ, гдѣ они могли приносить дѣйствительную пользу. Между ними особенно замѣчательны сербскія войска, состоявшія изъ рыцарской тяжело-вооруженной храброй конницы. Султанъ Мурадъ I, разбивъ союзныя войска сербовъ, венгерцевъ, болгаръ и другихъ на Коссовомъ полѣ, сдѣлалъ изъ Сербіи ленъ имперіи османовъ съ обязанностью выставлать извѣстное количество войска по первому требованію. Ниже мы увидимъ, что сербская конница, находясь въ составѣ войскъ турецкаго султана Баязета, въ сраженіи при Ангорѣ своею храбростью превзошла всѣ прочія турецкія войска.

О тактическомъ устройствѣ въ первыя времена существованія монархіи османовъ мало извѣстно. Со времени учрежденія конницы спаговъ и янычаръ въ этихъ войскахъ, особенно у первыхъ, было введено правильное раздѣленіе на части; у янычаръ, хотя подраздѣленія также существовали, но тактическая единица была неравномѣрна (отъ 100 до 500 человекъ). Но и при этихъ условіяхъ упомянутыя войска превосходили войска всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ. Прочія же милиціи турокъ были отчасти войска, сходствовавшія съ феодальными, а большею частью иррегулярныя, дѣйствовавшія толпами. Боевой порядокъ обыкновенно у нихъ раздѣлялся на центръ, гдѣ находились отборныя войска, т. е., янычары и спаги, и на два крыла, состоявшія по большей части изъ войскъ вспомогательныхъ союзниковъ и своихъ иррегулярныхъ. Личная храбрость и фанатизмъ войскъ въ большинствѣ случаевъ рѣшали дѣло.

Уступая грекамъ въ числѣ опытныхъ офицеровъ, добротѣ оружія, изобилии запасовъ и силѣ крѣпостей, они со всѣмъ тѣмъ съ самаго начала борьбы имѣли постоянно надъ ними полный успѣхъ. Османъ и Орханъ овладѣли большею частью азіатскихъ владѣній византійскихъ императоровъ, Мурадъ I и Баязетъ овладѣли большею частью Балканскаго полуострова, вмѣстѣ съ Болгаріей и Сербіей, перенесли свою столицу въ Адрианополь и сдѣлались тогда уже грозою Европы. Но въ началѣ XV столѣтія явился врагъ у отоманской имперіи Тамерланъ съ своими туркменскими и монгольскими полчищами, превосходное устройство которыхъ, а главное—геній Тамерлана взяли надъ турками верхъ. Имъ нанесенъ былъ страшный разгромъ, въ которомъ султанъ ихъ Баязетъ былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ.

Но по смерти Тамерлана обширная монархія его распалась; османамъ удалось скоро оправиться, сдѣлать новыя улучшенія своей военной системы, подъ предводительствомъ своихъ талантливыхъ султановъ, овладѣть Константинополемъ, овладѣть всею европейскою Турцією, Анатолією, Сирією, Палестиною, Египтомъ, сосѣдними африканскими странами и 3 столѣтія держать въ страхѣ Европу.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію столкновенія турокъ съ Тамерланомъ подъ предводительствомъ султана Баязета, который еще при жизни отца за свою необыкновенную храбрость прозванъ былъ ильдеримъ (молнія). Онъ былъ главнымъ ви-

новникомъ побѣды на Кассовомъ полѣ и послѣ смерти Мурала I, одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ европейцами, стяжалъ себѣ славу знаменитаго полководца.

Тамерланъ, одинъ изъ величайшихъ предводителей конницы, принадлежалъ къ числу незначительныхъ Джагатайскихъ князей и по матери происходилъ отъ Чингисъ-хана. Начавъ военное поприще, подобно своему геніальному прародителю, съ незначительною дружиною вѣрныхъ сподвижниковъ; онъ успѣлъ мало по малу храбростью, политикой и коварствомъ подчинить себѣ всю среднюю Азію. Восточные берега Каспійскаго моря, Иранъ, Грузія, и все страны отъ Инда до горъ Кавказа, Аравіи и Персидскаго залива, въ продолженіи 13-ти лѣтъ покорились его оружію.

Въ это время Тахтамышъ, ханъ Кипчакской или золотой орды, облагодѣтельствованный Тамерланомъ неожиданно ворвался въ Бухарію и разорилъ Самаркандъ. Тамерланъ два раза изгонялъ его изъ орды и разгромилъ войска его въ кровопролитной битвѣ близъ нынѣшняго Екатеринограда. Преслѣдуя Тахтамыша, Тамерланъ нахлынулъ на Россію; но, овладѣвъ Ельцемъ, повернулъ обратно въ Азію, гдѣ привлекали его Египетъ и Индія, которые онъ имѣлъ въ виду покорить.

Въ 1397 году онъ предпринялъ походъ въ Индію и разгромилъ ее, но возмущеніе христіанъ въ Грузіи и успѣхи оружія Баязета, султана турецкаго, который гордо вызывалъ на бой Тамерлана, заставили послѣдняго поспѣшить на западъ.

Столкновеніе Тамерлана съ Баязетомъ замѣчательно какъ по стратегическимъ соображеніямъ, такъ и по тактическимъ распоряженіямъ Тамерлана въ битвѣ при Ангорѣ, рѣшившей споръ между знаменитѣйшими полководцами того времени и участь Баязета. Тамерланъ, зная силу своего соперника, сталъ дѣятельно приготовляться къ войнѣ. Погромъ Индіи далъ ему несмѣтныя богатства, на которыя онъ могъ содержать 800 тысячъ воиновъ и предъ походомъ на Баязета выдать имъ жалованье за 7 лѣтъ.

Чтобы обезпечить себя съ сѣвера, Тамерланъ первымъ дѣломъ обратился противъ Грузіи и, дѣйствуя своими войсками преимущественно въ пѣшемъ строю, такъ какъ мѣстность этого требовала, совершенно опустошилъ эту страну. Затѣмъ, не объявляя еще войны Баязету, взялъ приступомъ крѣпости Себастъ и Мелатію, лежавшія въ плодотворной мѣстности Малой Азіи, которыя Баязеть считалъ принадлежавшими ему. Крѣпости эти послужили Тамерлану впослѣдствіи основаніемъ дѣйствій для завоеваній Малой Азіи.

Послѣ этого Тамерланъ обратилъ оружіе свое въ Сирію, а съ Баязетомъ велъ переписку.

Султанъ египетскій, владѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ и Сиріей, былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Баязетомъ, посылалъ ему въ случаѣ надобности подкрѣпленія и, будучи довольно силенъ, могъ сдѣлать значительную диверсію въ пользу Баязета. Тамерланъ легко могъ понять, что въ случаѣ неудачи опасно было оставлять на

флангъ своей операціонной линіи такого сильнаго непріятеля, каковъ былъ египетскій султанъ.

Овладевъ Дамаскомъ и обративъ въ бѣгство египетскаго султана, онъ покорилъ Сирію и обратился на Моссуль, а оттуда на Багдадъ, владѣтель котораго, хотя наружно и признавалъ надъ собою власть его, но при успѣхахъ Баязета могъ отложиться. Поэтому Тамерланъ, послѣ двухмѣсячной осады, взялъ городъ, уничтожилъ военные средства его и разорилъ цитадель. Такимъ образомъ, прежде рѣшительной войны съ сильнымъ повелителемъ оттомановъ онъ обезпечилъ себя съ тыла и фланговъ и опять вторгнулся въ Грузію.

Выведенный изъ терпѣнія, Баязетъ хотя и колебался объявленіемъ войны, но, ожидая новыхъ оскорбленій и притязаній, рѣшился поднять войска и выслать отряды къ Алеппо, Эдессѣ и Діарбекиру.

Тамерланъ, узнавъ объ этомъ, перешелъ р. Куру, направился на Авеникъ и Эрзерумъ, взялъ мимоходомъ городъ Тартумъ и крѣпость Кемакъ и раскинулъ свой станъ въ окрестностяхъ Себаста. Здѣсь въ присутствіи турецкихъ пословъ онъ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ. „Во время смотра“, рассказываетъ Иванинъ ¹⁾, „начальники частей войскъ, изъявляя Тамерлану готовность жертвовать для него всею, посвятить труды свои и жизнь на его службу, клялись не оставить ни одного кустарника, ни растенія въ земляхъ его враговъ, разграбить Анатолию и ниспровергнуть до основанія владычество оттомановъ.

Послѣ этихъ привѣтствій, которыя должны были выслушать посланники Баязета, ихъ повели чрезъ многочисленные ряды воиновъ: быстрота движеній войскъ Тамерлана, ихъ стройность и воинственный видъ, ихъ превосходное вооруженіе, дисциплина и слѣпая готовность исполнять малѣйшія приказанія своего вождя должны были подѣйствовать на представителей властителя оттомановъ и заранѣе вселить въ нихъ выгодное мнѣніе о силахъ Тамерлана и недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ. Этотъ смотръ Тамерлана, сдѣланный такъ кетати и послѣ тридцатилѣтнихъ побѣдъ его, доказываетъ умѣніе его пользоваться случаемъ, чтобы дѣйствовать на людей“.

Между тѣмъ передовые разѣзды, посланные къ сторонѣ турокъ, донесли что дороги къ Токату, въ окрестностяхъ котораго показались турецкія войска, узки, идутъ лѣсами и что все переправы черезъ р. Кизиль-Ирмакъ заняты. Тамерланъ, желая выманить Баязета, сильнаго пѣхотою, изъ пересѣченной мѣстности, которую онъ занималъ, немедленно двинулся къ Кесареи, а оттуда форсированныхъ маршемъ къ г. Ангорѣ. Ставъ такимъ образомъ на пути сообщенія Баязета съ Брюссой (столицею турокъ), Тамерланъ началъ опустошать край въ тылу его войскъ и беспокоить непрерывными нападеніями. Когда Тамерланъ обложилъ Ангору и на-

¹⁾ Стр. 222.

чалъ осадныя работы, ему донесли о приближеніи Баязета. Такимъ образомъ ожиданіе Тамерлана сбывалось: Баязеть выходилъ на равнину. Здѣсь, въ случаѣ неудачи, конница монголовъ могла отступить безъ большой потери и, маневрируя, выиграть вновь, если бы понадобилось, свою операціонную линію; въ случаѣ же побѣды, войска непріятели неизбѣжно должны были погибнуть.

Снявъ немедленно осаду и сдѣлавъ небольшой переходъ, Тамерланъ остановился лагеремъ впереди рѣчки Чубукъ-Абады и тотчасъ выслалъ отрядъ для уничтоженія единственнаго фонтана, находившагося въ той сторонѣ, откуда ожидался непріатель, а лагерь свой укрѣпилъ. Недовольствуясь этимъ, Тамерланъ подослалъ лазучиковъ въ станъ Баязета склонить нѣкоторыя азійскіе полки, которые по свѣденіямъ были имъ недовольны, къ переходу на сторону монголовъ.

Таковы были мѣры Тамерлана къ подготовкѣ побѣды надъ Баязетомъ, который, хотя внутренно и не былъ спокоенъ; но, чтобы показать свое презрѣніе къ монгольскому завоевателю, за нѣсколько дней до сраженія устроилъ большую звѣриную охоту, на которой вслѣдствіе зноя и жажды потерялъ до 5000 воиновъ и возбудилъ противъ себя неудовольствіе.

Б и т в а п р и А н г о р ѣ.

Столкновеніе произошло 20 іюня 1402 года на равнинѣ, лежащей къ сѣверовостоку отъ Ангоры у подошвы горы Стеллы, извѣстной уже въ исторіи побѣдою, одержанною при ней Помпеемъ надъ Митридатомъ въ 66 году до Р. Х.

Шерефэддинъ насчитываетъ у Тамерлана въ началѣ войны до 800 тысячъ войскъ. „Но, принявъ во вниманіе потери во время бывшихъ сраженій, осадъ крѣпостей, болѣзней при продолжительныхъ маршахъ въ разныхъ климатахъ, оставленіе гарнизоновъ во взятыхъ крѣпостяхъ, а также отрядовъ для прикрытія и охраненія складовъ запасовъ и взятой добычи, эталовъ по разнымъ направленіямъ, для сообщенія съ Самаркандомъ и разными частями обширныхъ владѣній Тамерлана, и отрядовъ для наблюденія за непріязненными ему племенами,—„надо полагать,“ говоритъ Иванинъ, „что при Ангорѣ у него не могло быть въ строю болѣе 300000 или 250000 войскъ.“

Силы Баязета Тамерланъ принималъ въ 400000 человекъ; но за вычетомъ частей войскъ, необходимыхъ для защиты европейскихъ владѣній и для другихъ надобностей, Иванинъ полагаетъ ихъ подъ Ангарою въ 200000 или 250000. Нѣкоторые у Баязета насчитываютъ только 120000 ¹⁾; но при такомъ неравенствѣ силъ, не смотря на свою пылкость и отвагу, едва-ли бы Баязеть рѣшился вступить въ сраженіе на открытомъ мѣстѣ; а Тамерланъ, при слишкомъ значительномъ

¹⁾ Зеддлеръ, воен. энцикл. лексиконъ, т. I, стр. 106.

перевѣсѣ силъ, не прибѣгалъ бы къ тѣмъ хитростямъ, предосторожностямъ и уси-
ліямъ, какія онъ употребилъ для одержанія побѣды.

Тамерланъ построилъ свои войска въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, при-
чемъ правымъ крыломъ командовалъ старшій сынъ его Миранъ-Шахъ и внукъ
Эбубекръ, лѣвымъ два другіе сына Шарохъ и Халиль; въ центрѣ находился лю-
бимый его внукъ Мирза-Магометъ съ отборнѣйшими дружинами и главнымъ мон-
гольскимъ знаменемъ, защищаемымъ важнѣйшими государственными сановниками
и 2000 латниковъ. Самъ Тамерланъ съ 40 конными полками составлялъ резервъ.

Монгольская армія, по увѣреніямъ современныхъ лѣтописцевъ ¹⁾, отличалась
устройствомъ и красивою наружностью; въ рядахъ ея въ первый разъ видны бы-
ли полки, имѣвшіе одинаковое вооруженіе и одежды.

Въ турецкой арміи азіятскія войска подъ начальствомъ Сулеймана, старшаго
сына Баязета, составляли правый флангъ; сербскія вспомогательныя дружины,
предводимыя храбрымъ княземъ Лазаремъ Вулковичемъ—лѣвое крыло; самъ Бая-
зеть съ корпусомъ янычаръ и другими отборными войсками стоялъ въ центрѣ, за-
нимая высоту; другой сынъ его Султанъ Магометъ командовалъ резервомъ.

Относительно состава войскъ Баязета и Тамерлана Иванинъ говоритъ слѣ-
дующее ²⁾:

„Въ составѣ войскъ обоихъ этихъ полководцевъ видно вліяніе характера
мѣстности, на которой они преимущественно воевали. Турки, сражаясь въ Евро-
пѣ, въ земляхъ, пересѣченныхъ горами, лѣсами, болотами, усѣянныхъ замками и
укрѣпленными городами, преимущественно обратили вниманіе на устройство хо-
рошей пѣхоты. Тамерланъ же, сражаясь на равнинахъ Азіи, образовалъ превос-
ходную конницу.

Въ войнѣ этой мы видимъ два означенныя рода войскъ, подъ начальствомъ
величайшихъ полководцевъ своего вѣка, противопоставленными одинъ другому.
Успѣхъ долженъ былъ рѣшить, какому роду войскъ отдать преимущество, и ка-
жется, надобно согласиться, что въ то время конница, приученная, въ случаѣ на-
добности, сражаться и въ пѣшемъ строѣ, дѣйствуя холоднымъ оружіемъ и стрѣль-
бою, въ отступленіи разсыпаться, отстрѣливаться и потомъ соединяться на услов-
ленномъ мѣстѣ, имѣвшая лошадей, которыя не требовали ежедневной дачи фура-
жа и могли довольствоваться однимъ подножнымъ кормомъ, въ войнахъ азіятскихъ
имѣла рѣшительное преимущество надъ пѣхотой. Но не надо упускать, что и
турки имѣли превосходную конницу.

Хотя слоны, какъ видно, не обнаружили никакого вліянія на ходъ битвы, но
относительно ихъ существуетъ разногласіе. Нѣкоторые писатели ³⁾ говорятъ, что

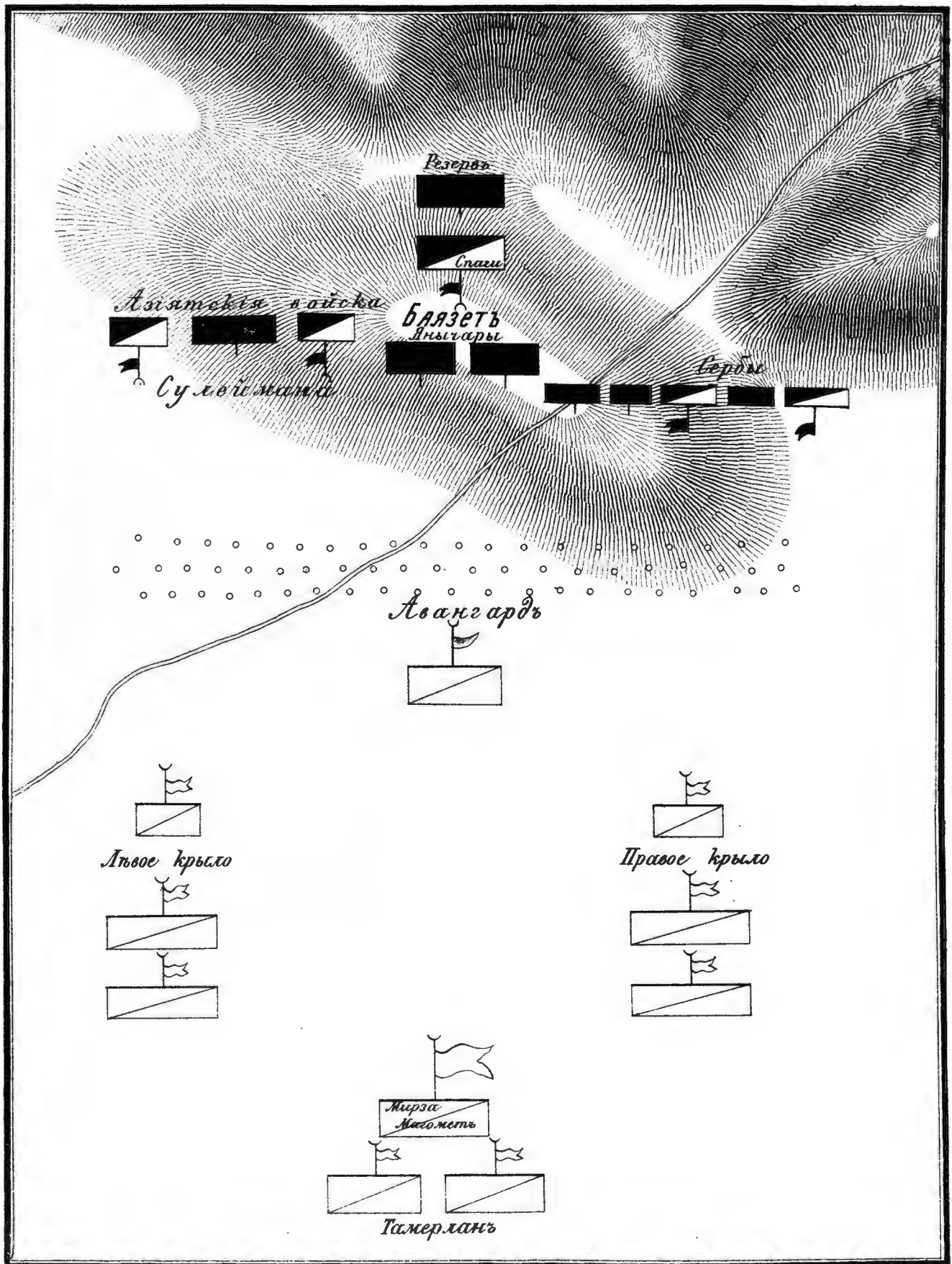
¹⁾ Воен. энциклопедическій лексиконъ т. I, стр. 406.

²⁾ Стр. 223, выноска.

³⁾ Иванинъ, стр. 227.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ АНГОРЪ

слоны въ числѣ 32 были у Тамерлана, который поставилъ ихъ на видъ, чтобы показать непріятелю свои трофеи отъ похода въ Индію и затѣмъ, чтобы пугать турецкихъ воиновъ и лошадей, не привыкшихъ къ этимъ животнымъ. Другіе ¹⁾ утверждаютъ, что слоны были и у Баязета и въ такомъ же числѣ. Шерефэддинъ, описывая ходъ Ангорскаго сраженія, ничего о слонахъ не упоминаетъ.

Въ 6 часовъ утра 20 Іюня звукъ монгольскихъ трубъ и громкіе крики подали знакъ къ битвѣ; имъ отвѣчали со стороны турокъ барабанный бой и восклицанія: Аллахъ!

Бой начался съ того, что Эбубекръ, командовавшій авангардомъ праваго крыла, ударилъ на лѣвое крыло Баязета, но получилъ сильнѣйшій отпоръ отъ сербовъ, которые въ этотъ день сражались съ замѣчательною энергіею и неустрашимостью. Новая атака всего праваго крыла Тамерлана, которое охватило Лазаря Вулковича съ тыла и фланга также не имѣла рѣшительнаго успѣха, и между сербами и конницей Миранъ-Шаха завязалась упорнѣйшая свалка.

Между тѣмъ лѣвое крыло монголовъ встрѣтило меньше сопротивленія. Авангардъ при первомъ натискѣ имѣлъ успѣхъ; а съ прибытіемъ главныхъ силъ крыла нѣсколько азіатскихъ полковъ Баязета, видя въ Тамерлановой арміи своихъ однородцевъ, даже прежнихъ своихъ начальниковъ, и подготовленные лазутчиками, перешли на сторону Тамерлана и вмѣстѣ съ собою увлекли часть другихъ союзниковъ турокъ. Къ довершенію несчастія, Периславъ, начальникъ союзниковъ праваго крыла оставшихся вѣрными Баязету, былъ убитъ. Тогда правое крыло было сбито съ позиціи и стало отступать. Для преслѣдованія его и для захвата плѣнныхъ, Тамерланъ послалъ новыя подкрѣпленія, т. е. вторую линію крыльевъ и вознамѣрился отдѣлить сербовъ отъ Баязета. Для этого онъ выдвинулъ конные полки центра подъ начальствомъ Мирзы-Магомета; но сербы дрались съ такою отвагою, что успѣли пробиться сквозь ряды непріятеля и соединились съ янычарами. По случаю этого Тамерланъ сказалъ ²⁾ „эти оборвыши дерутся какъ львы“, и двинулся самъ съ своимъ резервомъ, чтобы ударить на тѣ войска, которыми начальствовалъ самъ Баязетъ, и не дать туркамъ оправиться. Послѣ ужаснаго кровопролитія, передняя линія турокъ была принуждена къ отступленію по всему фронту; но Баязетъ съ главными силами стоялъ на высотахъ, и къ нему присоединялись части войскъ, обращаемаыя въ бѣгство или спасавшіяся отъ преслѣдованія. Лазарь, а, по словамъ Иванина, Стефанъ, начальникъ сербовъ, пробившись къ Баязету и, видя сраженіе проиграннымъ, совѣтывалъ ему отступить. Но гордый Баязетъ отвергъ этотъ благоразумный совѣтъ и остался неподвижно на занятой янычарами выгодной высотѣ. Тогда Лазарь употребилъ все усилія, чтобы прикрыть

¹⁾ Зедделеръ, Воен. энцикл. лексиконъ, т. I, стр. 406.

²⁾ Заимствовано у Иванина.

отступление войск Сулеймана, котораго великій визирь силою увлекъ съ поля битвы и вмѣстѣ съ другими начальниками отступилъ.

Султанъ Магометъ, у котораго также на обоихъ флангахъ появились монгольскіе полки, бросился съ резервами въ горы. Не смотря на это и на несносный жаръ, жертвою котораго пала большая часть вѣрныхъ янычаръ, Баязетъ продолжалъ упорно защищаться. Тогда Тамерланъ, чтобы довершить побѣду окружилъ Баязета со всѣхъ сторонъ и началъ постепенно истреблять остатки турокъ, которые, изнемогая отъ усталости и жажды, продержались однако до ночи. Когда, можно сказать, осталась только горсть войска, Баязетъ, пользуясь сумерками, рѣшился бѣжать; но лошадь его споткнулась, упала, и онъ съ своею свитою попался въ плѣнъ хану Джагатайской орды и былъ представленъ Тамерлану. „Для преслѣдованія сына Баязета Солимана,“ пишетъ Иванинъ, „Тамерланъ послалъ своего внука мирзу Магомета султана съ 30000 всадниковъ“. Преслѣдованіе было такъ быстро, что до 4000 этихъ всадниковъ на пятая сутки прискакали въ Бруссу велѣдъ за Солиманомъ, который едва успѣлъ сѣсть на корабль и отплыть отъ берега, не успѣвъ ничего захватить съ собою. Всѣ сокровища Баязета и весь его гаремъ достались Тамерлану.“

Относясь критически къ описанному сраженію, нельзя не припомнить тѣхъ мѣръ, которыя были приняты Тамерланомъ къ подготовкѣ успѣха въ свою пользу. Обходное движеніе къ Ангорѣ на сообщенія Баязета отдѣлили послѣдняго отъ его столицы и подкрѣпленій, а опустошеніе края подрывало значеніе султана въ странѣ и уничтожало средства для продовольствованія арміи, что и заставило колебавшагося Баязета рѣшиться на сраженіе. Обложеніе и осада Ангоры заставили Баязета выйти изъ гористой мѣстности на открытую равнину, которая благопріятствовала дѣйствіямъ многочисленной конницы Тамерлана.

Изучивъ характеръ своего противника, зная скупость его и недовольство подчиненныхъ, вождь монголовъ не преминулъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ, чтобы при помощи лазутчиковъ переманить недовольныхъ союзниковъ на свою сторону.

Заставивъ противника построить боевой порядокъ тыломъ къ горамъ, съ путями отступления на флангахъ, онъ поставилъ турокъ въ невозможность, въ случаѣ неудачи, отступить безъ большихъ потерь. Такъ и случилось. Къ Бруссу успѣли бѣжать только остатки праваго крыла съ Сулейманомъ, ушедшимъ съ поля раньше конца сраженія. Прочія войска въ самомъ ограниченномъ числѣ успѣли укрыться въ горы, къ востоку и отчасти къ югу съ третьимъ сыномъ Баязета Исою, который, вѣроятно, пробрался туда черезъ лѣвый флангъ, воспользовавшись первоначальными успѣхами сербовъ. Большая же часть войскъ Баязета и весь корпусъ янычаръ были изрублены на самомъ полѣ сраженія.

Нельзя не замѣтить, что Тамерланъ не упустилъ изъ виду и такой важной вещи, какъ вода. Еще совершая фланговый маршъ отъ Киршегра къ Ангорѣ и узнавъ, что на предполагаемомъ для лагеря мѣстѣ впереди г. Ангоры нѣтъ воды, онъ заблаговременно послалъ часть конницы и пѣшую команду для устройства колодезь ¹⁾. На полѣ же сраженія полки свои поставилъ такъ, что въ тылу боеваго порядка протекалъ ручей, а къ сторонѣ непріятеля послалъ отрядъ, который передъ приближеніемъ Баязета забросалъ единственный фонтанъ ²⁾. Мы видѣли, какъ въ бою турецкія войска изнемогали отъ жажды и жары.

И такъ все, что можно было, Тамерланъ сдѣлалъ для подготовки побѣды, оставалось разумно расходовать и направлять силы для удара, а войскамъ энергично исполнить приказанія своего повелителя. Но войска Тамерлана были закалены и обожали его, а начальники частей въ постоянныхъ войнахъ подъ руководствомъ гениальнѣйшаго изъ полководцевъ своего времени достаточно были напрактикованы. Превосходный боевой порядокъ, принятый монголами, далъ возможность постепенно, по мѣрѣ надобности расходовать силы и приберечь резервы къ самой рѣшительной минутѣ, когда оба крыла Баязета и резервъ были опрокинуты, а центръ приведенъ въ разстройство.

Относительно распоряженій Баязета можно замѣтить, что главные ошибки его были до поля сраженія. Допустивъ обойти и отдѣлить себя отъ Брусы и Ангоры, онъ волею неволею долженъ былъ сдѣлать то, что хотѣлъ противникъ, т. е., рѣшиться на бой и выйти на равнину. Баязетъ былъ настолько гордъ и надмененъ, что пренебрегалъ общимъ неудовольствіемъ войскъ вслѣдствіе скупости его и неуплаты жалованья. „Надменный Баязетъ“, говоритъ Зедделеръ, „чтобы показать свое презрѣніе къ монгольскому завоевателю, занялся почти въ виду его большою звѣриною охотою въ близъ лежащихъ горахъ, въ продолженіе которой онъ лишился до 5000 воиновъ, погибшихъ отъ зноя и жажды“. Такимъ образомъ въ то время, какъ Тамерланъ старался всѣми силами изучить своего противника и привязать къ себѣ подчиненныхъ, Баязетъ пренебрегалъ и тѣмъ и другимъ. Распоряженія его въ бою, кромѣ расположенія тыломъ къ горамъ съ путями отступленія на флангахъ, не могутъ быть оспариваемы. Боевой порядокъ по обычаю того времени состоялъ изъ центра и крыльевъ, но имѣлъ вопреки обычаю еще сильный резервъ. Главная часть пѣхоты заняла удобную позицію на высотѣ, на которой могла отбивать всѣ усилія противника въ теченіе цѣлаго дня. Лѣвый флангъ—сербы дѣлали, по мѣрѣ силъ, свое дѣло; но прочія войска, руководимыя нерасположеніемъ къ султану, не оказали ему надлежащаго содѣйствія.

Сраженіе при Ангорѣ сильно потрясло могущество турокъ. Брусса и вся Ма-

¹⁾ Иванинъ, стр. 225.

²⁾ Иванинъ, стр. 225.

лая Азія были заняты монголами. Но, спустя три года, на пути для новаго нашествія на Китай Тамерланъ скончался, и огромное его царство, сдѣлавшееся поприщемъ раздоровъ и кровопролитныхъ междоусобій, пришло въ совершенное разстройство.

Г л а в а 15-я.

Русская конница въ XIV и XV столѣтіяхъ. Дмитрій Донской. Куликовская битва.

Мудрая политика Московскихъ великихъ князей Іоанна Калиты, Симеона Гордаго и Дмитрія Іоанновича Донскаго послужила къ великому счастью русской земли—соединенію удѣловъ восточной Руси въ одно государство Московское. Въ то же время, какъ вся сѣверовосточная Русь мало по малу начала тяготѣть къ Москвѣ, для югозападныхъ земель нашихъ (Бѣлоруссіи, Черной Руси, Малороссіи) точно такимъ же центромъ явилась Литва съ обрусѣвшимъ домомъ Гедимина, а Червонная или Галицкая Русь соединилась съ Польшею. Начало соединенія удѣловъ было и начало усиленія русской земли, такъ какъ соединенныя силы давали возможность помышлять о борьбѣ съ татарами. Силы тогдашней Руси, какъ въ періодѣ удѣльномъ и въ первое время владычества татаръ, состояли изъ войскъ великокняжескихъ, удѣльныхъ князей и принадлежавшихъ Новгороду и Пскову. Впослѣдствіи удѣльныя, слившись совершенно съ великокняжескими, уничтожаются и, кромѣ того, въ царствованіе Василя Васильевича Темнаго возникаетъ на югѣ Россіи новая сила—казачество.

Лучшею частью войска былъ дворъ великокняжескій: его составляли вообще дворяне, представлявшіе собою высшее военное сословіе, впослѣдствіи обратившееся въ высшее же сословіе народное. Дворяне дѣлились на вышнихъ и низшихъ. Къ числу первыхъ принадлежали бояре; каждый изъ нихъ имѣлъ собственный дворъ. Ниже бояръ стояли собственно дворяне, бывшіе княжескіе отроки, служившіе какъ при дворахъ князей, такъ и въ ихъ городахъ и областяхъ. Еще ниже стояли боярскія дѣти. Все дворянство, т. е. бояре, дворяне и боярскія дѣти составляли многочисленное, землевладѣльческое военное сословіе, главною обязанностью котораго была военная служба въ военное время по требованію и призыву князей. Низшій разрядъ дворовъ составляли слуги военные или дворные люди, которые отличались отъ боярскихъ отроковъ только происхожденіемъ.

Князья удѣльные также имѣли свои дворы; но съ постепеннымъ упадкомъ ихъ власти и дворъ ихъ ограничивался меньшимъ и меньшимъ числомъ лицъ.

По утвержденіи единой державы въ XV вѣкѣ, все дворяне и боярскія дѣти уже подчинились власти великихъ князей Московскихъ, и въ число дворянъ на-

Исторія конницы М. Маркова.

Русская конница XIV по XVII столѣтій.

Источники: Альбомъ Арміи художествъ.

Томъ-Лет. № 11

Библиотека "Руниверс"

чали вступать даже сыновья бывших удельных князей. Боярскія дѣти, являвшіяся по наряду въ города на службу, росписывались городовыми воеводами по десятиямъ (десятней называлось цѣлое съ одного города ополченіе изъ боярскихъ дѣтей подъ начальствомъ дворянъ) и вносились въ десятинные списки. Нѣсколько десятенъ составляли полкъ, и десятини назывались по городамъ, а полки по княжествамъ или областямъ.

Съ XV вѣка боярскія дѣти начали уже по немногу получать участки земли на свое вооруженіе и содержаніе и, будучи свободными, могли носить оружіе и по современнымъ понятіямъ считались благородными, но низшаго противъ дворянъ разряда. Изъ нихъ и особенно изъ дворянъ назначались частные начальники войскъ и разнаго рода военные чиновники.

Каждый городъ имѣлъ также своихъ ратныхъ людей, пасынковъ или отроковъ боярскихъ и гридней или простыхъ мечниковъ.

Народное или земское войско по прежнему собиралось только въ особенно важныхъ случаяхъ. Но былъ особый родъ земскаго ополченія, извѣстнаго подъ названіемъ засѣчной стражи. Его составляли люди, набираемые по одному съ 20 дворовъ, для защиты пограничныхъ засѣкъ ¹⁾.

Наконецъ князья нерѣдко прибѣгали и къ наемнымъ войскамъ литовскимъ, приднѣпровскимъ бродникамъ и даже къ монгольскимъ. Въ правленіе Василя Темнаго первый разъ упоминается имя казаковъ, рязанскихъ или донскихъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ московскимъ ополченіемъ въ сраженіи противъ татарскаго хана Мустафы въ 1444 году. Но многіе полагаютъ, что эти вольныя легкоконныя дружины существовали гораздо ранѣе, подъ именемъ бродниковъ или бровниковъ, подобные бровникамъ литовскимъ и казакамъ Малоросіи и Чехіи. Такъ какъ о дѣйствіяхъ казачества въ описываемый періодъ мы имѣемъ только отрывочныя свѣденія, то здѣсь объ немъ распространяться на будемъ.

„Главнѣйшимъ, многочисленнѣйшимъ и сравнительно лучшимъ родомъ войскъ въ это время была конница, составленная изъ чиновъ и лицъ княжескихъ дворовъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ средства и возможность служить на коняхъ. Не имѣвшіе же ихъ, по недостаточному или бѣдному состоянію служили пѣшими и составляли второстепенный родъ войскъ пѣхоту, которая входила и въ составъ полевыхъ ратей, но преимущественно назначалась для службы городской—охраненія и обороны городовъ, а также полевыхъ военныхъ становъ и укрѣпленій“.

Вся эта конница была легкая, сидѣвшая на легкихъ лошадяхъ преимущественно татарскаго племени (нагайскихъ), а частью на туркменскихъ, приобретаемыхъ въ ордѣ и при помощи начавшагося вновь распространяться русскаго коне-

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить въ слѣдующей части.

водства, о которомъ мы съ большею подробностью постараемся поговорить въ слѣдующемъ періодѣ, такъ какъ начало болѣе и менѣе правильнаго коневодства относятся ко времени окончательнаго сверженія монгольскаго ига, т. е., ко времени Іоанна III. Особенно любили наши богатые бояре и дворяне аргамаковъ за ихъ нарядныя движенія.

Конское снаряженіе и уборы были подобны монгольскимъ. Всѣ ѣздили на уздечкахъ и высокихъ сѣдлахъ, которыя по мѣрѣ достатковъ всадниковъ богато украшались. Лошади большею частью не были кованы.

Вооруженіе конницы было самое разнообразное: каждый вооружался по состоянію и средствамъ, какъ и чѣмъ могъ, знатные и богатые полнѣе и богаче, недостаточные проще и бѣднѣе. При дворахъ княжескихъ вооруженіе хранилось въ особыхъ складахъ и выдавалось передъ походомъ или перевозилось за войсками сухимъ путемъ на конныхъ подводахъ, либо сплавлялось на судахъ по рѣкамъ. По этой причинѣ бывали случаи неожиданныхъ нападений непріятеля на беззащитныя войска, не успѣвшія разобрать или вовремя получить свое оружіе.

Вообще наступательное оружіе состояло изъ копій, луковъ и стрѣлъ, самострѣловъ, мечей, сабель, топоровъ, кіевъ (палицъ) и сулицъ (дротиковъ); были также топоры, бердыши (аллебарды) кистени и кинжалы. Оборонительное оружіе состояло изъ шлемовъ, щитовъ и латъ.

Самый полный видъ оборонительнаго оружія составляла броня или доспѣхъ, къ которому принадлежалъ желѣзный шишакъ съ носомъ (желѣзною полосою сверху внизъ противъ носа и середины лица) и кольчужною сѣткою, опускавшеюся на лицо, шею и плечи, замѣнявшею забрала шлемовъ въ западной Европѣ; — затѣмъ изъ кольчуги въ видѣ рубахи до колѣнъ съ рукавами, опоясанной мечемъ и у знатныхъ и достаточныхъ людей прикрытой на туловищѣ спереди и сзади, на рукахъ и на ногахъ металлическими латами (нагрудниками, наручниками и пр.); и наконецъ изъ круглыхъ щитовъ ¹⁾. Въ XV вѣкѣ, говоритъ князь Голицынъ, въ лѣтописяхъ нерѣдко упоминаются названія: желѣзные или кованые полкъ или рать, что означаетъ, кажется, что оборонительное вооруженіе конницы стало уже гораздо прочнѣе и тяжелѣе, впрочемъ не вообще, а отчасти и преимущественно въ сѣверовосточной Руси, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ.

Мы замѣтили выше, что дворяне и бояре одной области составляли полкъ.

Полки дѣлились въ тактическомъ отношеніи на сотни и десятки, которыми командовали, сотники и десятники. Тысяцкіе были главными послѣ князей воеводами, но послѣ смерти Василія Вельяминова, Дмитрій Донской уже никого на это мѣсто не назначалъ; а взамѣнъ того въ современныхъ лѣтописяхъ иногда упоминаются головы и полковники; въ смыслѣ предводителей областныхъ или город-

¹⁾ Заимствовано у кн. Голицына. Русская воен. исторія, часть I, стр. 135.

скихъ полковъ. Высшими начальниками назначались бояре и князья удѣльные, которыхъ Василій Темный началъ жаловать въ бояре, т. е., въ важнѣйшіе сановники и совѣтники государя.

„Касательно содержанія войскъ“, пишетъ князь Голицынъ ¹⁾, „должно сказать, что ни они, ни начальники ихъ не получали ни жалованья, ни продовольствія, но были обязаны служить на собственномъ иждивеніи. Но въ XV вѣкѣ московскіе великіе князья начали уже иногда раздавать, въ видѣ награды или отличія, участки земель съ условіемъ нести военную службу, что послужило первымъ началомъ позднѣйшей помѣстной службы. Жалованье же получали только иноплеменные наемныя дружины, иногда призываемыя на временную службу и упомянутыя выше.

Въ походахъ не было ни особыхъ складовъ продовольствія и другихъ военныхъ запасовъ, ни ставокъ (кромѣ князей и военачальниковъ), но продовольственные запасы—только, сухари, мясо, рыба и пр. т. п., равно сухой фуражъ для лошадей, перевозились на выючныхъ лошадяхъ, подводахъ и по рѣкамъ на судахъ. Лошадей кормили большею частью подножнымъ кормомъ“.

О военныхъ упражненіяхъ въ русскомъ войскѣ, въ мирное время, прямыхъ указаній въ источникахъ не имѣется. Но, нѣтъ, кажется, говорить кн. Голицынъ, сомнѣнія, что воинственный духъ прежнихъ дружинъ не угасъ и въ княжескихъ дворахъ, и въ многочисленномъ военномъ сословіи дворянъ и боярскихъ дѣтей этого времени, и что лица, принадлежавшія къ нимъ, и въ мирное время не пренебрегали военными упражненіями: наѣздничествомъ на коняхъ съ ручнымъ оружіемъ и стрѣльбою изъ луковъ съ коня и пѣшкомъ. При сборахъ и смотрахъ войскъ передъ походомъ, безъ сомнѣнія, испытывали оружность и конность ихъ; снабжали войска всѣмъ нужнымъ для похода и боя и удостовѣрялись въ готовности и способности ихъ къ этому.

Въ дѣйствіяхъ своихъ въ бою русская конница весьма много переняла отъ татаръ, начиная съ лука и стрѣль, которые имѣлъ каждый всадникъ. Передъ началомъ столкновенія русская конница выносилась отрядами впередъ по указанію князя и, растягивая фронтъ для охвата непріятельскаго, старалась поколебать его массою стрѣль. Если это удавалось, то всадники съ копьями или мечами стремительно бросались въ атаку и опрокидывали противника или вступали въ рукопашный бой. Иногда, если обстоятельства благопріятствовали, конница атаковала противника и безъ подготовки атаки стрѣлами.

Вообще въ тогдашнихъ сраженіяхъ главными и важнѣйшими были дѣйствія конницы—„нападательныя, запальчивыя, стремительныя и сильныя; дѣйствія же пѣхоты—второстепенными, вспомогательными, преимущественно оборонительными за окопами, повозками или мѣстными препятствіями, за которыми пѣхота оборо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 143.

нялась чрезвычайно упорно, въ открытомъ же полѣ, напротивъ, держалась слабо, особливо противъ монгольской конницы. Русская же конница, въ случаѣ неуспѣха перваго нападенія, столь же быстро обращалась назадъ, дабы возобновить потомъ нападеніе, либо предаться бѣгству¹⁾). Очень часто конница, подобно монгольской, прибѣгала къ разнымъ хитростямъ: притворнымъ отступленіямъ и неожиданнымъ переходамъ въ наступленіе или нападеніямъ изъ скрытныхъ засадъ и т. п.

Вліяніе татаръ, кромѣ состава армій, который, сравнительно съ составомъ арміи въ варяжскомъ періодѣ и въ первое время удѣловъ, отличался преобладаніемъ конницы, отразилось и на общепринятой боевой порядоку. Въ подражаніе татарамъ, наши князья начали дѣлить войско на 5 корпусовъ: середину назвали большимъ полкомъ; названія правой и лѣвой руки остались, какъ и прежде было; передовой полкъ названъ сторожевымъ, а запасный засаднымъ.

Во времена Дмитрія Донскаго впервые явились артиллерійскія орудія въ Россіи; но дѣйствія ихъ начали оказывать вліяніе на ходъ битвы не ранѣе Василія Темнаго, и то только при защитѣ городовъ; ручное-же огнестрѣльное оружіе стало входить значительно позже.

Походныя движенія войскъ совершались съ соблюденіемъ надлежащихъ предосторожностей. Впереди другихъ войскъ шель сторожевой полкъ, за нимъ большой полкъ, т. е., главные силы; по сторонамъ или ближайшимъ дорогамъ полки правой и лѣвой руки; наконецъ засадный полкъ. Независимо отъ этого раздѣленія рати, впереди и по сторонамъ ея шли сторожи—легкіе конные отряды, для развѣдыванія путей и непріятелей, добыванія плѣнныхъ, языковъ и т. п.

При встрѣчѣ съ противникомъ войска выстраивали выше приведенный боевой порядокъ, причемъ дворъ великокняжескій составлялъ большой полкъ и, вмѣстѣ съ знаменемъ великокняжескимъ или стягомъ, становился въ центрѣ; полки правой и лѣвой руки составлялись изъ городовыхъ или союзныхъ войскъ, сторожевой большею частью изъ наемныхъ кочевниковъ, а засадный изъ войскъ удѣльныхъ князей. Послѣ объединенія Руси распредѣленіе войскъ дѣлалось по ихъ достоинству, причемъ лучшія и надежныя войска обыкновенно сосредоточивались въ большомъ полку.

По построеніи всей рати въ боевой порядокъ, князь говорилъ рѣчь, ободрялъ войска, подавалъ знакъ къ бою звукомъ трубъ, роговъ, бубновъ и пр., и нерѣдко первый съ своимъ стягомъ и дворомъ бросался въ бой, завязанный сторожевымъ полкомъ. Примѣру князя слѣдовала вся боевая линія, т. е., вмѣстѣ съ большимъ полкомъ и оба крыла, и бой имѣлъ видъ простаго фронтальнаго столкновенія, въ которомъ до вступленія въ дѣло засаднаго полка, рѣшали превосходство числительной и телѣсной силы и личныхъ мужества, храбрости и ловкости владѣнія

¹⁾ Кн. Голлицынъ, стр. 138.

оружіемъ. Засадный полкъ или оставался въ резервѣ, или устраивалъ гдѣ нибудь засаду для нечаяннаго нападенія въ рѣшительную минуту.

Если сраженіе было выиграно, то сторожевой полкъ производилъ преслѣдованіе разбитаго непріятели; главныя силы оставались на костяхъ для погребенія убитыхъ, принесенія благодарственныхъ молитвъ и празднованія побѣды; а иногда слѣдовали для поддержки передоваго полка.

При неудачѣ войска русскія, состоявшія большею частью изъ конницы, такъ же быстро и стремительно обращались назадъ, какъ и передъ боемъ впередъ, не противопоставляя побѣдителю отпора. Пѣхота, не поспѣвая за конницею и хуже ея вооруженная, или защищалась за обозами, или же терпѣла большой уронъ, какъ это было и на западѣ. Большею же частью разбитыя войска спѣшили подъ защиту ближайшаго города.

Куликовская битва 8 сентября 1380 года.

Непріязненныя отношенія между Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ и Мамаемъ начались съ 1374 года, когда послы хана прибыли въ Нижній-Новгородъ и наглыми поступками оскорбили тамошняго князя Дмитрія Константиновича, который позволилъ за это народу ихъ убить. Въ наказаніе за это Мамай въ 1375 и вторично въ 1377 году посылалъ войска свои опустошать нижегородскую область. Царевичъ татарскій Арапша разбилъ московскія войска, посланныя Дмитріемъ на помощь Дмитрію Константиновичу, а другое татарское войско опустошило область рязанскую. Но и русскіе князья не оставались въ долгу: въ 1378 году князь Городецкій разбилъ рать мордовскую сдѣлавшую набѣгъ въ нижегородскую область; а Дмитрій Іоанновичъ, узнавъ, что татары собрали два сильныхъ войска и двинули ихъ на Нижній и на Москву, самъ выступилъ противъ послѣдняго и разгромилъ на берегахъ рѣки Вожи. Это обстоятельство довершило гнѣвъ татарскаго полководца; а вмѣшательство Москвы въ дѣла великаго княжества Литовскаго доставило Мамаю вѣрнаго союзника въ лицѣ Ягайлы.

Узнавъ о громаднхъ приготовленияхъ Мамаю, Дмитрій разослалъ гонцовъ по всѣмъ князьямъ русскимъ, съ просьбою вооружиться на защиту отечества. Немедленно вся Русь, исключая Рязани, князь которой Олегъ принялъ сторону татаръ, забывъ внутренніе свои раздоры, поспѣшила стать подъ знамена великаго князя.

Въ началѣ августа 1380 года Дмитрій выступилъ изъ Москвы въ Коломну. Здѣсь присоединились къ нему съ дружинами полоцкою и брянскою литовскіе князья Андрей и Дмитрій Ольгердовичи. Мамай съ своими полчищами стоялъ уже по ту сторону Дона, дожидаясь Ягайлы. 20 августа Дмитрій двинулся изъ Коломны къ р. Лопаснѣ, близъ которой присоединился къ нему Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ великаго князя, со всѣми остальными войсками. 26 августа

русскіе полки переправились черезъ Оку и вошли въ область рязанскую, а 6 сентября прибыли къ берегамъ Дона.

Посланные въ степь для развѣдки передовые отряды донесли, что Мамай съ огромнымъ войскомъ стоитъ въ разстояніи трехъ дней пути отъ Дона, ожидая присоединенія къ себѣ Ягайла; отъ захваченнаго плѣнника удостовѣрились также, что и Олегъ рязанскій принялъ сторону татаръ. Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ Ольгердовичи и князь Дмитрій Михайловичъ Волынскій Боброкъ, уже прославленный въ военномъ дѣлѣ, совѣтовалъ перейти р. Донъ, чтобы не допустить соединенія Мамаю съ Ягайломъ. Великій князь принялъ этотъ совѣтъ и приказалъ искать для конницы броды и строить мосты, что и было исполнено 6-го и 7-го сентября.

Новыя рекогносцировки дали знать, что Мамай уже близко, и наконецъ показались татарскіе развѣзды, преслѣдовавшіе развѣзды нашего сторожеваго полка.

Мѣстность на которой произошла знаменитая Куликовская битва представляетъ волнистое пространство ограниченное дугою рѣкъ Дона и впадающей въ него Непрядвы. Пространство это пересѣчено четырьмя рѣчками, изъ которыхъ Курца и Смолка текутъ въ Донъ, а прочія двѣ въ Непрядву. Всѣ они текутъ въ оврагахъ, но дѣйствіямъ легкой конницы значительныхъ препятствій не представляютъ. Въ настоящее время мѣстность эта совершенно открыта и представляетъ степь, во времена же знаменитой битвы, какъ полагаетъ кн. Голицынъ, всѣ лощины въ которыхъ текутъ упомянутыя рѣчки вѣроятно были покрыты лѣсными полосами, а сохранившіяся до настоящаго времени незначительныя рощи, такъ называемая зеленая дубровка и роща, въ которой укрытъ былъ засадный полкъ, были значительно больше.

8-го числа на разсвѣтъ, пользуясь густымъ туманомъ, русское войско перешло Донъ и по указанію князя Волынскаго Боброка, которому великій князь поручилъ устроить полки, начало устанавливаться въ боевой порядокъ.

Войско Дмитрія по большей части было конное; въ составъ его вошло до 80 тысячъ всадниковъ, приведенныхъ новгородцами и сыновьями литовскаго князя Ольгерда, и до 70 тысячъ всадниковъ было у самого Дмитрія. Татарское войско все состояло изъ конницы, а объ немъ лѣтописцы говорятъ, что оно было немѣтно; припоминая прежде сказанное, что татары никогда не рѣшались на бой, не имѣя значительнаго перевѣса въ силахъ, придется считать у Мамаю по крайней мѣрѣ столько же силъ сколько было у Дмитрія, т. е., около 150 тысячъ. И такъ, слѣдовательно, на Куликовомъ полѣ съ обѣихъ сторонъ сосредоточилось до 300 тысячъ всадниковъ.

Боевой порядокъ русскихъ войскъ былъ слѣдующій. Лѣтописцы пишутъ, что русская армія состояла изъ сторожеваго полка, большаго полка, полковъ правой и лѣвой руки и резервнаго или засаднаго полка. Извѣстно, что сторожевой полкъ

выдвинуть былъ впередъ, и подъ его прикрытіемъ армія производила переправу. При этомъ полку находились бояринъ Михайль Ивановичъ Акинѳовъ, князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его, князь Иванъ Тарусскій и Андрей Серкизовъ. Извѣстно, что засадный полкъ, составленный изъ войскъ князя Владиміра Андреевича, къ которому въ совѣтчики приданъ былъ опытный Волинскій Боброкъ, укрытъ былъ въ рощѣ за правымъ флангомъ общаго боеваго порядка. Если припомнить къ этому, что русскіе боевой порядокъ и образъ дѣйствія переняли отъ татаръ и что фронтъ арміи растянулся на 10 верстъ то можно представить себѣ первоначальный боевой порядокъ Дмитрія Донскаго подобнымъ Тамерлановскому при Ангорѣ. Доказательствомъ тому, что полки стояли не на одной линіи служить то обстоятельство, что Дмитрій на совѣты не подвергать себя опасности въ передовомъ полку, а стать при большомъ отвѣчалъ: „могу-ли ободрить войско, если самъ стану укрывать лице свое? Словомъ и дѣломъ хочу быть впереди всѣхъ и передъ всѣми главу положить, да и прочіе примутъ дерзновеніе“.

Мы приводили въ главѣ № 12 нормальный боевой порядокъ Тамерлана и оговаривали, что не извѣстно, принадлежалъ ли онъ изобрѣтенію этого полководца или со временъ его сталъ только извѣстенъ. Есть много данныхъ думать, что этотъ порядокъ, можетъ быть не въ столь опредѣленныхъ формахъ, существовалъ у монголовъ и до Тамерлана. На это указываютъ многіе походы Батыя на Русь, на Польшу и Венгрію. По этимъ причинамъ мы полагаемъ что и Мамай построилъ конницу свою въ видѣ четырехугольника, который составляли авангардъ, главные силы, правое крыло и лѣвое.

Мы не станемъ описывать разныхъ мелочей боя, неимѣвшихъ собственно никакого вліянія на исходъ его, какъ напримѣръ поединокъ инока Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ Темиръ-мурзою. Приступимъ прямо къ описанію сраженія, ходъ котораго по обычаю того времени былъ весьма простъ.

Въ шестомъ часу дня, по нынѣшнему въ полдень, боевой порядокъ русской арміи былъ устроенъ, и войска двинулись впередъ. Татары покрывали всю степь на протяженіи десяти верстъ. Дмитрій Іоанновичъ, находясь въ сторожевомъ полку, первый кинулся на враговъ, за нимъ сторожевой полкъ сошелся съ татарами и битва завязалась по всей линіи. Источники весьма поверхностно описываютъ ходъ битвы, упуская совершенно тѣ подробности, которыя были бы интересны для военнаго дѣла. Вотъ какъ его описываетъ князь Голицынъ ¹⁾, заимствуя свое повѣствованіе изъ сочиненія Н. Савельева „Дмитрій Іоанновичъ Донской, первоначальникъ русской славы“.

„Три часа сряду длилась жестокая сѣча на пространствѣ цѣлыхъ 10 верстъ; уже наступилъ 9-й по тогдашнему расчету, 3-й по нынѣшнему часъ дня, но по-

¹⁾ Стр. 139.

бѣда не склонялась еще ни на ту, ни на другую сторону. Однако татары уже начинали брать верхъ значительнымъ превосходствомъ числа своихъ силъ. Нѣкоторые молодые и неопытные русскіе ратники, думая, что уже все погибло, не выдержали и обратили тылъ; и татары, гоня ихъ, успѣли пробиться до самаго великокняжескаго стяга. Но московскіе дворяне, охранявшіе его, напрягли всѣ свои силы, отстояли его и отразили татаръ.

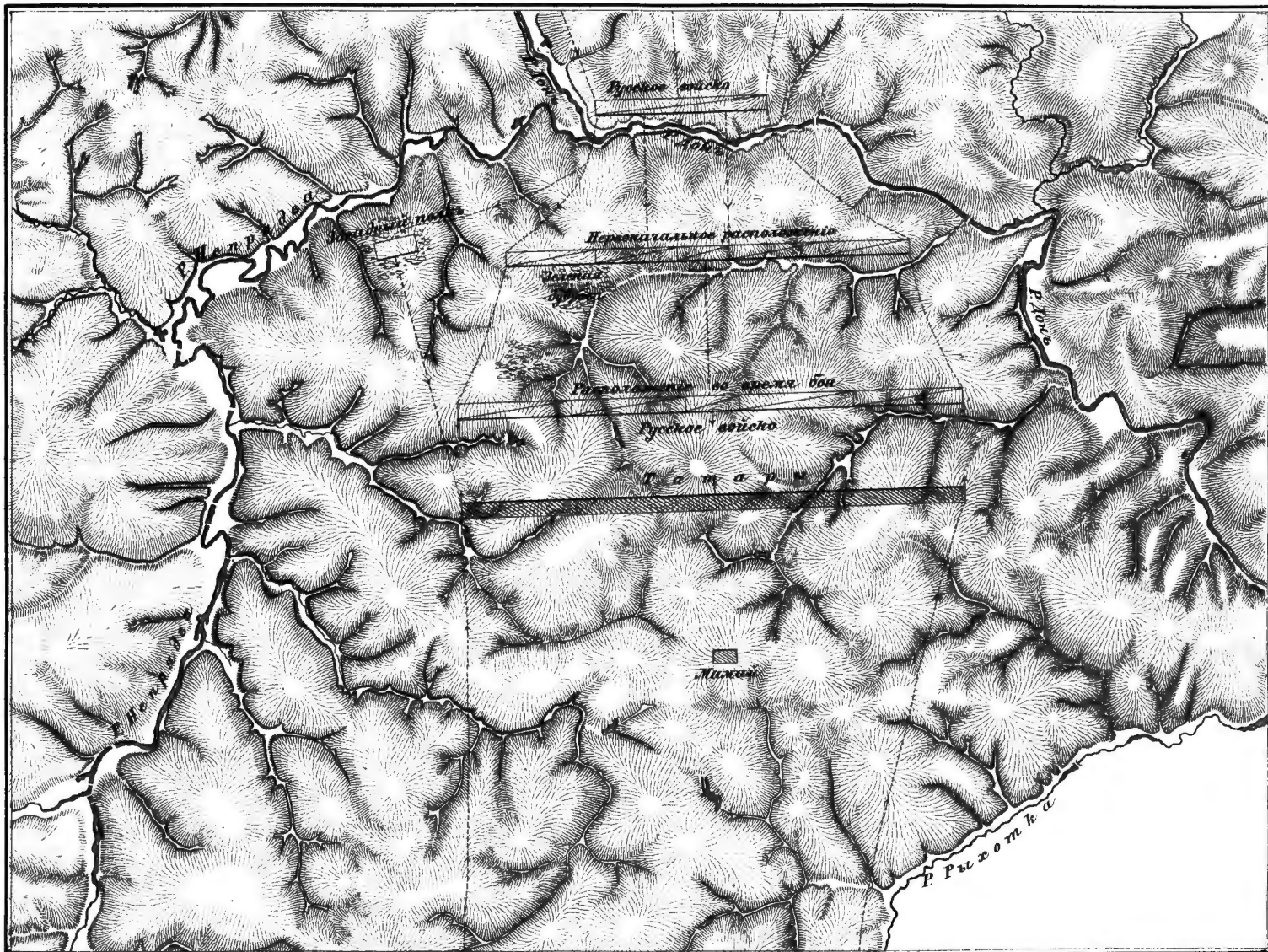
Между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ въ засадѣ горѣлъ нетѣрпѣніемъ вступить въ бой: „къ чему стоимъ здѣсь праздно“, говоритъ онъ Дмитрію Волинскому — „кому помогать будемъ, когда враги истребятъ все наше войско“? Но благоразумный и опытный Волинскій, зорко слѣдившій за ходомъ битвы, сдерживалъ пылакаго Владиміра Андреевича: видя, что вѣтеръ дулъ прямо въ лицо русскому войску, онъ запретилъ засадному полку выступать изъ роши, сказавъ, что „нѣтъ еще на то воли Божіей“. Но вдругъ вѣтеръ переѣнился и подулъ въ лицо татарамъ.... Теперь настало время! Съ Богомъ впередъ!... — громко закричалъ Волинскій, — и какъ молнія ринулся засадный полкъ изъ засады въ рошѣ на татаръ. Стремительный и совершенно неожиданный ударъ этихъ свѣжихъ войскъ на утомленныхъ продолжительнымъ боемъ татаръ навелъ ужасъ и сразу сломилъ ихъ и рѣшилъ побѣду въ пользу русскаго войска. Все татарское полчище обратило тылъ и бѣжало. Мамай въ самомъ началѣ битвы взѣхалъ на высокій холмъ съ значительными своими мурзами и долго оттуда слѣдилъ за битвой, но, увидѣвъ ударъ засаднаго русскаго полка, бѣжалъ первый. Преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками до самой р. Красивой Мечи (праваго притока р. Дона, верстахъ въ 30—40 отъ Куликова поля), татары гибли подъ ихъ ударами и во множествѣ потонули въ этой рѣкѣ. Далѣе преслѣдовать ихъ не позволили наступившая темнота и чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній о ходѣ боя источники намъ не даютъ. Изъ сказаннаго видно, что между русскими и татарами произошло фронтальное столкновение, въ которомъ численное превосходство дало было татарамъ перевѣсъ; но неожиданный ударъ во флангъ засаднаго полка опрокинулъ напиравшихъ на рускую рать татаръ, и обратилъ побѣду въ нашу пользу.

Припоминаая нѣкоторыя обстоятельства изъ описанія, а также обычное у татаръ расходованіе войскъ и резервовъ изъ боеваго порядка, можно однако представить себѣ нѣкоторыя подробности. Изъ источниковъ видно, что, когда сторожевой полкъ русскихъ войскъ двинулся впередъ, то люди увидали множество татарскихъ всадниковъ, которые рыскали по всей степи. Вѣроятно это были наѣзтники, прикрывавшіе весь боевой порядокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и со стороны русскихъ выдвинуты были наѣзтники, которые, сойдясь съ татарами, завязали перестрѣлку изъ луковъ. Татары, какъ извѣстно были большіе искусники въ дѣйствіи изъ этого оружія и лучный бой любили. Передовые полки съ той и другой

ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ И БИТВЫ НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ 8 СЕНТЯБРЯ 1380 ГОДА.

0 1 2 3 4 5 $\frac{1}{120000}$ в верстах.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

стороны, надо полагать, поддержали наѣзтниковъ и отъ стрѣлковаго боя мало по малу перешли къ рукопашному. Сторожевые полки были поддержаны постепенно войсками праваго и лѣваго крыльевъ и наконецъ главными силами или резервами. Когда татары ввели послѣдній резервъ въ дѣло, они приобрѣли численный перевѣсъ въ силахъ и сломили русскихъ. Изъ этого видно, что до сихъ поръ вся суть дѣла заключалась въ расходованіи резервовъ. Русскіе, хотя принуждены къ отступленію, но сохранили резервъ въ засадномъ полку, который и рѣшилъ въ концѣ концовъ дѣло.

Относясь критически къ дѣйствіямъ той и другой стороны, мы должны замѣтить, что сборъ свѣденій о татарахъ начать еще изъ Коломны, откуда посланы были летучіе отряды. Хотя первоначально получаемыя свѣденія отъ нихъ были крайне сбивчивы и неточны, какъ на примѣръ получено было извѣстіе, что Ягаило и Олегъ рязанскій ужъ присоединились къ Мамаю и стоятъ вмѣстѣ въ задонской степи; но потомъ обстоятельства настолько выяснились, что Дмитрій Донской смѣло могъ переправиться черезъ Донъ и, вступивъ въ бой, предупредить присоединеніе Ягаила. Со стороны русскихъ князей высказалось небывалое до тѣхъ поръ единодушіе, выразившееся въ немедленномъ, по полученіи извѣстія о движеніи татаръ на Русь, присоединеніи своихъ дружинъ къ рати московскаго великаго князя. Войска русскія были чрезвычайно одушевлены, что можно было видѣть изъ отвѣта ихъ Дмитрію на сказанныя имъ одобрительныя слова: „мы всѣ готовы положить головы за тебя, за ласковаго государя! Вели писать дѣла на память русскимъ сынамъ. Вели, государь, сотворить церкви по насъ поминовеніе.“ Распоряженіе объ укрытіи въ засадѣ резерва подъ начальствомъ Владиміра Андреевича и Волынскаго указываетъ на то, что Дмитрій сознавалъ важность сохраненія резерва; а удачный выборъ минуту для удара, умѣнье удержать пылкаго Владиміра Андреевича отъ преждевременной атаки указываютъ на большую опытность Волынскаго Боброка въ военномъ дѣлѣ и большой тактъ.

Преслѣдованіе конницею произведено съ должною энергіею на протяженіе 40 верстъ.

Татары также имѣли свѣденія о движеніи русскихъ, ихъ обо всемъ извѣщаль Олегъ рязанскій. Но передъ самымъ боемъ ходъ дѣла показываетъ что татары пренебрегли освѣщеніемъ мѣстности, такъ какъ 150 тысячъ войскъ, Дмитрія Донскаго, пользуясь туманомъ, переправлялись цѣлое утро и не были потревожены. Это можно объяснить или излишнею самонадѣянностью татаръ, которые, привыкнувъ побѣждать русскихъ, были увѣрены въ побѣдѣ; или тѣмъ, что татары умышленно дали переправиться русскимъ, чтобы, разбивъ ихъ, притиснуть къ рѣкѣ и лишить возможности избѣжать истребленія. Вообще до начала сраженія Мамай дѣйствуетъ очень нерѣшительно или, можетъ быть, осмотрительно, въ ожиданіи присоединенія Ягаила и Олега; въ бою же напротивъ татары атакуютъ опрометчиво,

не имѣють свѣденій объ устроенной русскими засадѣ, расходуя до послѣдняго человѣка резервъ, и оказалось некому было отпарировать фланговый ударъ изъ засады дружины Владиміра Андреевича.

Изъ сказаннаго видно, что Мамай далеко не обладалъ талантами Батыя и другихъ татарскихъ полководцевъ, поработившихъ себѣ всю Азію и часть Европы, и, по обычаю древнихъ восточныхъ деспотовъ, замѣтивъ неудачу на лѣвомъ флангѣ своихъ войскъ, самъ первый бѣжалъ съ поля сраженія и, разумѣется, увлекъ за собою своихъ подчиненныхъ.

Въ отношеніи конницы можно сказать, что съ обѣихъ сторонъ характеръ дѣйствій ея чисто азіятскій. Конница обѣихъ сторонъ дѣйствуетъ толпами или въ подвижномъ неустойчивомъ строѣ. Въ арміи Дмитрія Донскаго была литовская конница и конница присланная новгородцами. Имѣя частыя и болѣе близкія сношенія съ западомъ, Литва и Новгородъ дѣлали многія заимствованія, и ихъ войска, главнымъ образомъ конница, были устроены подобно рыцарскимъ, т. е., вѣроятно, конница сидѣла на болѣе массивныхъ лошадяхъ и имѣла болѣе тяжелое вооруженіе. Но о дѣйствіяхъ этой конницы въ отдѣльности нигдѣ не упоминается. Бой завязался, по всей вѣроятности, первоначально стрѣлковый, который мало по малу перешелъ въ рукопашный; дѣйствіе посредствомъ удара или налета можно было замѣтить только со стороны Владиміра Андреевича, о которомъ источники говорятъ, что онъ неожиданно ударилъ на враговъ; кн. Голицынъ пишетъ, что засадный полкъ какъ молнія ринулся на татаръ. „Стремительный и совершенно неожиданный ударъ этихъ свѣжихъ войскъ на утомленныхъ продолжительнымъ боемъ татаръ навелъ на нихъ ужасъ и сразу сломилъ ихъ и рѣшилъ побѣду въ пользу русскаго войска“ ¹⁾).

Пораженіе татаръ и побѣда русскихъ были полныя совершенныя, но искуплены для послѣднихъ дорогою цѣною—огромнымъ урономъ убитыхъ и раненыхъ. Показаніямъ, что на Куликовомъ полѣ съ обѣихъ сторонъ легло отъ 200 до 400 тысячъ трудно вѣрить, но несомнѣнно, что уронъ русскаго войска былъ громадный, побѣда близко граничила съ тяжкимъ пораженіемъ. Не даромъ эта битва въ памяти народной сохранилась подъ названіемъ Мамаева побоища.

„Такова“, пишетъ кн. Голицынъ, „была эта великая Куликовская битва, подобной которой, по словамъ лѣтописцевъ, никогда еще дотолѣ не бывало на Руси. Да и въ западной Европѣ, въ древнія времена и въ среднихъ вѣкахъ, подобныхъ было немного, какъ, напримѣръ, великія битвы: на Католаунскихъ поляхъ, гдѣ былъ разбитъ грозный Аттила, и при Поатъе во Франціи, гдѣ Карлъ Мартель разбилъ мавровъ. Подобно тому, какъ эти двѣ побѣды въ то время спасли западную Европу отъ грозныхъ завоевателей Азіи, такъ и Куликовская побѣда

¹⁾ Стр. 190.

спасла восточную Русь отъ нашествія Мамаю; и хотя она была куплена дорогою цѣною и впоследствии не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали современники, однако несомнѣнно имѣла благотворное вліяніе на послѣдующія судьбы восточной Руси. Она разрушила въ ней мнѣніе о непобѣдимости татаръ, еще сильнѣе возбудила желаніе освобожденія отъ нихъ и возстановленія независимости, и, озаривъ Дмитрія, прозваннаго Донскимъ, достойною славою, необыкновенно возвысила въ понятіяхъ современниковъ родъ Александра Невскаго и Іоанна Калиты на великокняжескомъ престолѣ московскомъ“.

Г л а в а 16-я.

Заключеніе о средневѣковой конницѣ. Рыцари. Восточная конница. Конница славянъ. Замѣчанія о тактикѣ и способахъ боя. Шокъ или ударъ. Употребленіе оружія. Недостатки средневѣковыхъ войскъ. Значеніе начальника. Замѣчаніе о военномъ искусствѣ средневѣковыхъ народовъ сравнительно съ древними.

Средніе вѣка есть время преобладанія конницы надъ всѣми прочими родами оружія. Конница составляетъ въ этомъ періодѣ не только главный, а даже часто единственный родъ оружія, дѣйствующій на поляхъ сраженій. Конница среднихъ вѣковъ рѣзко подраздѣляется на феодальную—рыцарскую и конницу восточныхъ народовъ. Первая представляла собою тяжелую конницу, всадники которой сидѣли на грузныхъ лошадяхъ и сами съ головы до ногъ были закованы въ желѣзо. Такая конница явилась въ мірѣ впервые, въ древнія времена такой не было. Тамъ была конница тяжеловооруженная, но грузныхъ лошадей почти не употребляли. Исключеніе составляли отчасти германскіе и галльскіе племена, которыхъ иногда изображаютъ на грузныхъ лошадяхъ. Въ средніе же вѣка на такихъ лошадяхъ явилась особая мода, и цѣны на нихъ дѣшли до очень большихъ размѣровъ. Обстоятельство это было въ зависимости отъ способовъ боя феодальной конницы. Намъ извѣстно, что развитіе феодальной системы повело къ своеобразной тактикѣ, заключавшейся въ раздробленіи боя на множество поединковъ, въ которыхъ каждый изъ закованныхъ въ желѣзо всадниковъ старался выбить своего противника изъ сѣдла. Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ этому служилъ ударъ лошади. Разумѣется сила и массивность коня играли тутъ большую роль. Отсюда явилось общее стремленіе къ пріобрѣтенію грузныхъ лошадей въ ущербъ ихъ легкости. Во времена крестовыхъ походовъ рыцари начали атаковать противника стѣною, выстраиваясь для этого въ одну шеренгу и имѣя за собою линіи поддержекъ изъ оруженосцевъ и слугъ. Такой атакѣ, совершаемой хотя на

небольшомъ разстояніи, но въ карьеръ, ничто въ то время не могло устоять, ни конница ни пѣхота.

Такимъ образомъ въ средніе вѣка возникъ способъ боя конницы посредствомъ удара лошадей или, такъ называемый, шокъ. Это составляло сильную сторону рыцарской конницы. Но были и слабыя стороны рыцарства, какъ собственно конницы, такъ и какъ главной составной части тогдашнихъ армій. Сюда прежде всего относится неспособность къ дальней развѣдывательной службѣ и продолжительному преслѣдованію, неспособность рыцарскихъ лошадей выносить лишенія продолжительнаго похода, чему особенно служить подтвержденіемъ крестовые походы во время которыхъ, какъ мы имѣли случай приводить, рыцари поминутно оставались безъ лошадей, превращались въ пѣхоту или пересаживались на лошадей восточныхъ, а за неимѣніемъ ихъ иногда и на ословъ. Въ спѣшенномъ строю, къ которому какъ во времена крестовыхъ походовъ, такъ и въ швейцарскихъ войнахъ и во времена столѣтней войны рыцарской конницѣ приходилось прибѣгать, тяжелое вооруженіе сильно затрудняло дѣйствія. Спѣшенные рыцари, особенно во время крестовыхъ походовъ, подъ палящими лучами жаркаго климата, приходили въ такое изнеможеніе, что, благодаря этому, не удавались многіе превосходно задуманныя и успѣшно начатыя предпріятія.

Въ отношеніи употребленія оружія рыцарями въ бою можно замѣтить, что они признавали только холодное, къ метательному оружію не прибѣгали и считали это недостойнымъ рыцарскому званію. Для того же, чтобы имѣть возможность изготвиться къ бою, надѣть свои доспѣхи и сѣсть на боевыхъ коней, выдвигали на встрѣчу противнику легкую конницу, состоящую изъ конныхъ слугъ, имѣвшихъ иногда луки и стрѣлы. Конница эта, состоявшая изъ дурно подготовленныхъ людей, была крайне плоха и рѣдко приносила пользу. Во время крестовыхъ походовъ рыцари иногда, въ особенности при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, стали прибѣгать къ стрѣльбѣ изъ луковъ, но только фламандскіе и частью германскіе рыцари. По окончаніи крестовыхъ походовъ, и вообще въ Европѣ, употребленія рыцарями луковъ и стрѣлъ не замѣчается. Такимъ образомъ выходитъ, что рыцари, какъ видно изъ сказаннаго, да и по самому характеру рыцарства, гнушавшагося всякими военными хитростями, подготовительнымъ боемъ пренебрегали, шли прямо на врага и завязывали бой рукопашный. Невыгоды этого обстоятельства обнаружались во время крестовыхъ походовъ и столѣтней войны, но рыцари сами своему горю помочь не могли. Тяжесть вооруженія положительно не способствовала дѣйствію ихъ луковъ, требующихъ свободы рукъ; а такъ какъ отъ стрѣлъ мусульманъ и англійскихъ стрѣлковъ терпѣли главнымъ образомъ лошади, то рыцари стали и на нихъ надѣвать предохранительное вооруженіе.

Что касается недостатковъ феодальныхъ или рыцарскихъ армій, то существеннѣйшій изъ нихъ заключался въ складѣ феодальнаго общества, которое доставляло

государству войско. Войско это состояло изъ феодальныхъ владѣльцевъ, находившихся въ слабой зависимости отъ правительства, которое, не имѣя достаточно денегъ для уплаты и вознагражденія за службу феодальныхъ владѣльцевъ съ ихъ свитами изъ слугъ, принуждено было удовлетворять разнымъ ихъ домогательствамъ; а феодальные владѣльцы, чувствуя слабость правительства, начали позволять себѣ разныя своеволия и въ концѣ концовъ шли подъ знамена королей не иначе, какъ за извѣстное вознагражденіе, причѣмъ не рѣдко покидали ихъ въ самую критическую минуту.

Вслѣдствіе этого феодальныя арміи отличались своеволіемъ и недостаткомъ дисциплины, а по причинѣ дурнаго состоянія продовольственной части грабежами чужихъ и своихъ.

Для огражденія себя отъ этихъ насилій первоначально городскія общества, а потомъ и правительства начали прибѣгать къ наемнымъ войскамъ; но по причинѣ дурнаго состава ихъ, они доставляли государствамъ весьма много затрудненій, какъ особенно можно было замѣтить во время столѣтней войны. Вслѣдствіе грабежей и неистовствъ, которые они начали себѣ позволять, пользуясь безсиліемъ правительства, послѣднія не знали какъ отъ нихъ отдѣлаться. Въ тоже время и феодальныя войска, т. е., рыцарство, сильно упали въ общественномъ мнѣніи, на что главнымъ образомъ повліяли несчастныя швейцарскія войны, гуситская и столѣтняя. Швейцарскія и гуситскія войны разувѣрили въ непобѣдимости феодальныхъ войскъ, выдвинули пѣхоту изъ жалкаго положенія, въ которомъ она находилась въ теченіе среднихъ вѣковъ, а столѣтняя война убѣдила, что, при существованіи феодальной системы съ ихъ феодальными войсками, правительства не могутъ имѣть надлежащей силы ни внутри государства, ни для какихъ бы то ни было внѣшнихъ предпріятій. Вслѣдствіе этого правительства стали помышлять объ учрежденіи постоянного регулярнаго правительственнаго войска, и, послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ, наконецъ удалось французскому королю Карлу VII образовать ордонансовыя роты. Съ учрежденіемъ правительственныхъ войскъ, всегда готовыхъ двинуться по приказанію правительства, надобность въ феодальныхъ войскахъ миновала. Гордымъ феодальнымъ владѣльцамъ пришлось или вступить въ службу правительству или замкнуться въ своихъ неприступныхъ замкахъ; но и тамъ противиться правительствамъ могли они не долго, пока съ изобрѣтеніемъ пороха получилась возможность разбивать самыя крѣпкія стѣны и неприступныя скалы. Такимъ образомъ феодальная система или, какъ нѣкоторые выражаются, рыцарство пало. Съ послѣднимъ впрочемъ выраженіемъ мы не вполне соглашаемся. Если подъ рыцарствомъ понимать феодализмъ, то это такъ; если же понимать рыцарскую конницу, то это невѣрно, потому что рыцарская конница существовала еще долго послѣ паденія феодальной системы и продолжала давать лучшій контингентъ въ составъ правительственныхъ войскъ. Наконецъ, если подъ

рыцарствомъ понимать высокія идеи, на которыхъ построено было рыцарство, т. е. беспредѣльная отвага и храбрость, всегда неразлучныя съ рыцарствомъ, понятія о рыцарской чести и благородствѣ обращенія, защиты слабыхъ и престарѣлыхъ: то рыцарство не только не пало, а живетъ до сихъ поръ и вѣчно будетъ жить, пока существуютъ благоустроенныя арміи. Разница только въ томъ, что эти идеи, эти качества прежде считались исключительно принадлежностью дворянскаго сословія, въ настоящее же время они должны быть присущи не только благородному кавалеристу, но и пѣхотинцу, всякому честному воину и порядочному человѣку.

Мусульманская конница составляетъ совершенную противоположность рыцарской: чѣмъ сильна рыцарская конница, тѣмъ слаба мусульманская и на оборотъ. Конницы всѣхъ восточныхъ народовъ разныхъ временъ имѣютъ между собою полнѣйшее сходство. Аравитяне, мавры, турки, татары, монголы, гунны, мадьяры, туркмены—всѣ они, въ противоположность рыцарямъ, сидѣли на легкихъ, степныхъ лошадяхъ и, не смотря на то, что многіе изъ нихъ носили предохранительное вооруженіе, составляли вполне легкую конницу, сильную въ дѣлѣ развѣдыванія, неутомимую и способную на своихъ легкихъ коняхъ къ быстрымъ и продолжительнымъ походамъ и преслѣдованію разбитаго противника. Но сами мусульмане, по примѣру древнихъ, раздѣляли свою конницу на легко и тяжеловооруженныхъ всадниковъ, и, въ то, время какъ первые дѣйствовали въ передовыхъ линіяхъ и наѣздникахъ, латники находились большею частью при резервахъ и назначались для боя въ рѣшительную минуту, когда противникъ ужъ разстроены. Слабую сторону этой конницы составляетъ не устойчивость фронта, такъ какъ каждый всадникъ не имѣетъ въ строю опредѣленнаго мѣста.

Не смотря на это однако, мусульманская конница нашла способы не только противустоять, но даже одолѣвать тяжелую европейскую конницу. Не имѣя возможности остановить напоръ громадныхъ рыцарскихъ коней, они обыкновенно передъ атакою ихъ разступались и, пользуясь легкостью своихъ лошадей, насѣдали на фланги и тылъ противника; или, постоянно отступая, завлекали его все далѣе и далѣе, доводили его до изнеможенія, потомъ быстро переходили въ наступленіе и атаковали усталыхъ рыцарей, тяжесть вооруженія которыхъ приводила въ беззащитное положеніе.

Состояніе вообще военнаго искусства на востокѣ было выше европейскаго во многихъ отношеніяхъ, начиная съ того, что военная повинность обязательна была для всѣхъ мусульманъ, каждый человѣкъ былъ воинъ. Поэтому то мусульманскіе народы и могли выставять несмѣтныя арміи для своихъ войнъ съ европейцами.

Подобно тому какъ въ Европѣ, у мусульманъ кавалерія составляла главный и почти единственный родъ оружія, но всегда готовый и способный дѣйствовать въ пѣшемъ строю. Исключеніе составляли турки. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній

съ византіяцами на пересѣченной мѣстности Малой Азіи и особенно на Балканскомъ полуостровѣ, у нихъ явилась необходимость въ пѣхотѣ, которая создана была султаномъ Орханомъ, подъ именемъ Янычаръ, и которая вмѣстѣ съ спагами и составляетъ первое постоянное войско. Образованіе постоянныхъ войскъ въ Турціи опередило въ этомъ отношеніи Европу болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ. Этими обстоятельствами и можно объяснить причины тѣхъ постоянныхъ успѣховъ, которые турки имѣли надъ европейцами и о которыхъ мы поговоримъ главнымъ образомъ въ слѣдующей части.

Татары и монголы во времена Чингисъ-хана и Тамерлана представляютъ подобное же войско, составленное изъ конницы почти исключительно, и способной, въ случаѣ надобности, къ дѣйствию въ пѣшемъ строю. Для этого назначались обыкновенно тяжеловооруженные отборные всадники; но во время войнъ въ Грузіи, какъ уже объ этомъ упоминалось, была небольшая часть пѣхоты набранная изъ горскихъ племенъ и дѣйствовавшая съ замѣчательною ловкостью.

Въ мусульманскихъ арміяхъ несравненно раньше, сравнительно съ европейскими, является правильное понятіе о значеніи резерва, начиная съ аравитянъ и кончая монголами, у которыхъ идея о необходимости резервовъ получаетъ полное примѣненіе и развитіе. Намъ извѣстенъ боевой порядокъ Тамерлана, принаровленный ко всевозможнымъ случайностямъ и который до нѣкоторой степени послужилъ образцомъ современному нормальному боевому порядку для большихъ массъ конницы.

Въ отношеніи употребленія оружія восточные народы также опередили и стояли выше европейцевъ. Аравитянамъ и монголамъ раньше европейцевъ извѣстно было употребленіе греческаго огня. Метательное оружіе луки и стрѣлы были любимѣйшимъ оружіемъ мусульманъ, особенно монголовъ, а въ то время, какъ европейцы шли въ бой обыкновенно почти безъ всякой подготовки, мусульмане старались развить подготовительный бой посредствомъ метательнаго оружія до возможной степени и нерѣдко однѣми стрѣлами рѣшали дѣло.

Такимъ образомъ въ то время, какъ европейцы сражались тонкими линіями рыцарей, фалангами пѣхоты или спѣшенныхъ всадниковъ, построенныхъ въ одну или двѣ боевыя линіи безъ резервовъ, мусульмане всегда дѣйствовали съ резервами, давали полное развитіе подготовительному бою, и тогда только рѣшались на переходъ къ рѣшительной атакѣ, когда противникъ былъ уже разстроены подготовительными дѣйствіями.

Конница славянъ первоначально имѣла азіятскій, мусульманскій характеръ; такъ какъ предки славянъ скионы и сарматы въ способахъ дѣйствій своихъ насколько не отличались отъ турокъ, татаръ и другихъ восточныхъ народовъ; сидѣли на легкихъ, степныхъ коняхъ, вооружены были метательнымъ оружіемъ и холоднымъ, т. е., стрѣлами, копьями и мечами, и обладали всѣми достоинствами и не-

достатками кочевыхъ конныхъ народовъ. По мѣрѣ сношеній съ западною Европою, славяне постепенно перенили обычаи и военную систему отъ германцевъ, и въ X, XI и послѣдующихъ столѣтіяхъ мы находимъ у славянъ войска, устроенныя и дѣйствующія по примѣру феодальныхъ армій. Вездѣ введена тяжелая, по образцу рыцарской, конница съ подраздѣленіями на господъ и слугъ и дѣйствующая какъ рыцарская. Разница только у славянъ заключается въ томъ, что здѣсь первоначально пѣхота не играла такой жалкой роли, какъ на западѣ. Но мало по малу въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Польшѣ, феодальные обычаи были введены во весь объемъ. Даже Венгрія ввела у себя феодальное устройство, и на ряду съ легкою конницею, которую начали давать венграмъ прикочевавшіе половцы, мы находимъ тяжелую рыцарскую конницу, подвизающуюся въ войнахъ съ татарами и турками, какъ объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей части.

У восточныхъ славянъ, т. е., въ Россіи, послѣ перехода къ осѣдлости, конницы было мало. Наши древніе князья нанимали ее у кочевыхъ народовъ, половцевъ и особенно венгровъ. Но въ удѣльный періодъ количество конницы постепенно возрастаетъ, сравнительно съ пѣхотою, и первоначально по своему устройству и вооруженію она имѣетъ сходство съ феодальною конницею, хотя русская конница, сидя на степныхъ лошадяхъ, всегда была легкою. Съ нашествіемъ татаръ весь строй древней Руси пришелъ въ разстройство и уже потомъ, по мѣрѣ ослабленія татарскаго ига, мы встрѣчаемъ значительную разницу между странами, подпавшими игу и болѣе удаленными, на которыхъ татары не могли имѣть значительнаго вліянія. Вся восточная Русь перенила обычаи татарскія: русская армія состоитъ почти исключительно изъ тяжело и легко вооруженной конницы, дѣйствующей по образцу татаръ луками и стрѣлами, копьями и кривыми саблями, и для боя становится въ монгольскій боевой порядокъ съ подраздѣленіями на авангардъ (сторожевой полкъ), правое и лѣвое крыло, главныя силы (большой полкъ) и резервъ (засадный полкъ). Въ Литвѣ же, въ Новгородѣ и Пскопѣ, напротивъ, вслѣдствіе частыхъ и болѣе близкихъ сношеній съ западомъ, военные обычаи имѣютъ много сходства съ западно-европейскими: конница устроена и вооружена по рыцарскому или древнерусскому образцу.

Мы описали устройство, достоинства и недостатки рыцарской, мусульманской и славянской конницъ въ средніе вѣка; но, если ближе присмотрѣться ко всему изложенному во 2-й части нашей исторіи, то можно замѣтить, что въ рукахъ талантливыхъ вождей недостатки той, другой или третьей конницы какъ бы пропадали, а достоинства возвышались по мѣрѣ геніальности личности вождя. Такъ напримѣръ, слѣдуя по порядку изложенія II-го періода мы замѣчаемъ:

Конница византійцевъ, состоявшая изъ гунновъ, массагетовъ и другихъ наемниковъ, о которыхъ со временъ Каталаунской битвы и слышно не было, въ рукахъ Велизарія и Нарзеса снова появляются превосходною конницею и громятъ непобѣ-

димыхъ франковъ. Феодалная конница, которая съ первыхъ столкновений съ маврами и мадырами оказалась несостоятельною, въ рукахъ Карла Мартеля и Генриха Птицелова, особенно послѣ его преобразований, громить мавровъ при Поатье и мадыръ въ двухъ битвахъ подъ Мерзбургомъ и Аугсбургомъ, послѣ которыхъ мадыры не осмѣливаются нападать болѣе на Германію; а побѣдою при Поатье Европа была спасена отъ мусульманскаго ига. Рыцарская конница, при всѣхъ ея громадныхъ недостаткахъ, въ рукахъ Готфрида Бульонскаго, Боэмунда, Фридриха Барбаросса и Ричарда Львиное Сердце громить превосходную мусульманскую конницу и овладѣваетъ цѣлыми странами. Но у мусульманъ является Саладинъ, и снова они берутъ перевѣсъ надъ христіянами, разбиваютъ ихъ арміи, овладѣваютъ Палестиною и изгоняютъ ихъ изъ Азіи. Разумѣется, недостатки войскъ могли быть парализованы искусствомъ вождя только до извѣстной степени, чему очевиднымъ доказательствомъ служатъ блистательные успѣхи Эдуарда I, Эдуарда Чернаго и Генриха V во время Столѣтней войны. Они громятъ французскія арміи, опустошаютъ и хозяйничаютъ въ большей части провинцій Франціи, а удержатъ въ своихъ рукахъ ихъ не могутъ. Причинами этому, какъ извѣстно, были: вѣчно перемѣняющійся составъ феодалныхъ армій, слабость правительства и неурядица государственныхъ финансовъ.

Если сравнить вообще состояніе военнаго искусства въ древнія и среднія времена, то нельзя не замѣтить, что въ древности у образованныхъ народовъ, грековъ, карфагенянъ и римлянъ, оно состояло несравненно выше. Тамъ арміи состояли изъ конницы и пѣхоты, пѣхоты превосходной, которая совокупными усиліями съ конницею могла не только завоевывать непріятельскія страны, но и удерживать ихъ за собою. Въ древнія времена встрѣчаемъ мы превосходно задуманные и исполненные стратегическія предпріятія, съ соблюденіемъ всевозможныхъ соображеній для обезпеченія успѣха, какъ то, выборъ предмета дѣйствій (большею частью непріятельскія арміи), операціонной линіи, устройство основаній дѣйствій. Такъ на примѣръ, Александръ Македонскій, разбивъ Дарія при Граникѣ и Иссъ, не сразу рѣшается двинуться за Даріемъ внутрь Персіи, а овладѣваетъ берегами Средиземнаго моря, устраиваетъ себѣ такимъ образомъ базу, и потомъ уже открываетъ дѣйствія противъ Дарія. Аннибаль для завоеванія Италіи овладѣваетъ прежде Испанією и опираясь на нее проходитъ Галлію, перейдя Альпы овладѣваетъ землями Цизальпинской Галліи или заключаетъ съ галлами союзы и, обезпечивъ такимъ образомъ основаніе дѣйствіи на р. По, устремляется на римскія арміи. Съ перенесеніемъ дѣйствій на югъ Италіи, приведя въ оборонительное состояніе Капую и еще нѣсколько приморскихъ городовъ, онъ дѣлаетъ въ нихъ запасы и здѣсь устраиваетъ свою базу. Тоже самое можно сказать почти о всѣхъ предпріятіяхъ Цезаря. У всѣхъ этихъ полководцевъ древности войска принадлежатъ имъ, имъ повинуются ихъ боготворятъ и въ достиженіи цѣли сво-

ихъ вождей видятъ собственныя цѣли. Оттого въ дѣйствіяхъ ихъ не могло быть разлада, т. е., отсутствія единства.

Въ среднія времена мы почти не встрѣчаемъ искусно соображенныхъ и удачно завершенныхъ военныхъ предпріятій. Средняя исторія полна набѣгами, захватомъ непріятельскихъ территорій съ цѣлью временнаго пользованія главнымъ образомъ для существованія арміи на счетъ страны; большія же завоевательныя предпріятія, не смотря на громадныя усилія, никогда не удавались. Сюда относятся Крестовые походы, Швейцарскія войны, Гусситская и Столѣтняя, кончившіяся положительно ничѣмъ. Крестовые походы велись безъ всякаго предварительнаго плана, безъ соображеній средствъ и возможности такого предпріятія. Массы людей отъ недостатка жизненныхъ средствъ гибли; а нерѣдко случалось, что крестоносцы отвлекались своими цѣлями отъ общей цѣли освобожденія гроба Господня, отъ чего, разумѣется, эта общая цѣль не удавалась. Слѣдовательно, прежде всего не было единства дѣйствій; а, вводя въ завоеванныя страны феодальное устройство, христіане ставили себя въ невозможность ихъ удерживать. Во время швейцарскихъ и гусситскихъ войнъ видно полнѣйшее непониманіе свойствъ страны и средствъ собственныхъ и непріятельскихъ. Войска, составленныя изъ конницы, попадаютъ на мѣстность на которой они дѣйствовать не могутъ и принуждены терпѣть, не имѣя возможности вредить противнику. Къ этому приходится еще прибавить крайнюю неспособность ихъ предводителей. Во время столѣтней войны Эдуардъ I король англійскій, какъ объ этомъ было уже говорено, имѣлъ лучшій составъ войскъ сравнительно съ Франціею, имѣлъ хорошую пѣхоту, тяжелую и легкую конницу; но въ финансовомъ отношеніи былъ въ полной зависимости отъ парламента, а безъ достаточныхъ средствъ онъ не могъ содержать свою армію, особенно рыцарей, которыхъ онъ нанималъ на полномъ своемъ иждивеніи. Оказывалось, что средствъ, которыя, благодаря его славі, давала англійская нація и которыя онъ собиралъ реквизиціями во Франціи, было недостаточно. Но во всякомъ случаѣ предпріятіе Эдуарда I и Генриха V было несравненно лучше обставлено и подготовлено, чѣмъ какое либо другое во все время среднихъ вѣковъ. Вотъ почему и явилась настоятельная необходимость ввести постоянныя правительственныя войска и правильные налоги для содержанія такихъ войскъ. Первымъ подобнымъ войскомъ и были ордонансовыя роты, введенныя во Франціи Карломъ VII, а по примѣру Франціи постепенно и въ другихъ государствахъ Европы.

Исключеніе изъ общаго уровня тогдашняго міра составляютъ монголы и среднеазіятскіе народы временъ Чингисъ-хана и Тамерлана. Эти геніальные полководцы намного опередили современное имъ военное искусство. Въ ихъ предпріятіяхъ видна правильно поставленная цѣль, для достиженія которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ собираются свѣденія о странѣ и средствахъ противника; предъ-

началомъ дѣйствій обезпечивается основаніе дѣйствій и потомъ уже приступается къ рѣшительному наступленію. Все это можно было прослѣдить при описаніи начала борьбы Тамерлана съ Баязетомъ. Тамерланъ прежде всего овладѣваетъ Грузіей для обезпеченія себя съ праваго фланга, потомъ обращается въ Сирію, громитъ ненадежнаго багдадскаго халифа и союзника Баязета, египетскаго султана. Обезпечивъ такимъ образомъ себя съ фланговъ и тыла, Тамерланъ обращается противъ Баязета и въ Ангорской битвѣ уничтожаетъ самонадѣяннаго султана.

Но и въ монгольскихъ ополченіяхъ коренился недостатокъ, исходившій также изъ самаго строя спитой геніемъ Чингисъ-хана и Тамерлана обширной монархіи. Строй этой монархіи какъ и строй Турціи зависѣлъ отъ личности хана или султана. Если во главѣ монархіи стоялъ талантливый и энергичный властитель, какъ Тамерланъ или какъ нѣсколько первыхъ со временъ Орхана турецкихъ султановъ, то государства эти представляли грозную силу. Въ противномъ случаѣ государства эти быстро приходили въ упадокъ. Такимъ образомъ съ порабощеніемъ Россіи, пока во главѣ золотой орды стояли талантливые ханы, татары, пользуясь раздробленіемъ нашего отечества, владѣли имъ; но ханы татарскіе измельчали, повели между собою распри; а русское государство, имѣя болѣе прочныя основы государственнаго строя, начало соединяться подъ властью талантливыхъ преемниковъ Іоанна Калиты и выставило на Куликовскомъ полѣ силу, грозную не только числительностью, но и единствомъ. Преемникамъ первоначальника русской славы ¹⁾ послѣ куликовской побѣды оставалось заботиться только о внутреннемъ сплоченіи государства; вѣра въ непобѣдимость татаръ была поколеблена, а потому справиться съ ними было легче, пока наконецъ Іоаннъ III совсѣмъ не сбросилъ татарскаго ига.

КОНЕЦЪ 2-й части.

¹⁾ Дмитрія Донскаго.

И С Т О Ч Н И К И.

- Зедделеръ.** Исторія военного искусства.
- Брантъ.** Обзоръ военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ.
- Пузыревскій.** Исторія военного искусства въ средніе вѣка.
- Кн. Голицынъ.** Военная исторія въ среднихъ вѣкахъ.
- Его же.** Русская военная исторія. Перепечатка изъ предыдущаго сочиненія всего, что относится до Россіи.
- Зедделеръ.** Военно-энциклопедическій лексиконъ.
- Лееръ.** Военно-энциклопедическій словарь.
- Нолланъ.** Исторія и тактика кавалеріи. Переводъ Коррибутъ-Кубитовича.
- Шлоссеръ.** Всемирная исторія.
- Соловьевъ.** Исторія Россіи.
- Костомаровъ.** Историческія Монографіи.
- Стасюлевичъ.** Исторія среднихъ вѣковъ.
- Иванинъ.** О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ.
- Н. Савельевъ.** Дмитрій Іоанновичъ Донской, первоначальникъ русской славы. 1837.
- Прохоровъ.** Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ.
- Цорнъ.** Ежедневникъ для охотниковъ до лошадей.
- Мердеръ.** Историческій очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства.
- Рутенбергъ.** Руководство къ познанію лошадей.
- Гешвендъ.** Руководство къ познанію лошади и ея выѣздки. Переводъ.
- Denisson.** Geschichte der Kavalerie.
- Мишо.** Исторія крестовыхъ походовъ.
- Michaud.** Histoire des croisades. Иллюстрація Густава Доре.
- Meynert.** Geschichte des Kriegswesens und der Heeverfassungen in Europa.
- Hoyer.** Geschichte der Kriegskunst.
- Suzanne.** Histoire de la cavalerie française.
- Daniel.** Histoire de la milice française et des changements ets. 2 vol. Amsterdam. 1724.
- Daniel.** Abrégé de l'histoire de la milice française. 2 vol. Paris. 1773.
- Froissart.** Chronique de France, d'Angleterre etc. 1366—69. 4 vol.
- Quicherat.** Histoire du costume en France.
- Альбомъ.** Версальская галерея.
- Guisot.** Histoire de France racontée à mes petits enfants.
- Maizeray.** Histoire de France.

Johann Schwerr. Germania. Zwei Jahrtausende deutschen Lebens Kulturgeschichtlich geschildert. Stuttgart.

G. Sporschill. Der Kretzzüge. 1843. Съ иллюстраціями.

Berneck. Welt in Waffen.

Ludwig Weisser. Bilder-Atlas zur Weltgeschichte.

Hottenroth. Trachten Haus-Feld-u. Kriegsgeraetschaften der Voelker alter u. neuer Zeit.

Joh. El. Ridinger. Картины старинныхъ лошадей.

Schickhart und Ebner. Sport. Illustrierte Blaetter fur Reiter und Pferdefreunde.

Kausler. Atlas.

Горшальдъ. Разные рисунки лошадей.

Орасъ Верне. Тоже.

И многіе другіе рисунки и картины.
